

Jean Jaures
HISTOIRE SOCIALISTE DE LA REVOLUTION FRANCAISE
EDITIONS SOCIALES, PARIS 1972

Жан Жорес

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М.: Прогресс. 1983

ТОМ VI РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Перевод с французского под редакцией *А.В.Адо*
Перевод тома VI выполнен *А.О.Зелениной*
Редактор *Н.В.Рудницкая*
Постраничные ссылки и комментарии, а также дополнительные замечания написаны
Альбером Собулем.
Комментарии, помеченные *, принадлежат А.В.Адо

Веб-публикация: [Vive Liberta](#), 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ КОНВЕНТА

Народное образование. Идеи жирондистов

Взгляды Жакоба Дюпона

План Лепелетье де Сен-Фаржо

Идеи относительно собственности

Идеи Армана из департамента Мёз

Социальные идеи Бийо-Варенна

Система Анахарсиса Клоотса

Бабёф

Сильвен Марешаль, Буассель

Анонимная брошюра

Письмо Бабёфа Купе (из департамента Уаза) от 10 сентября 1791 г.

Закон от 18 марта 1793 г. против «аграрного закона»

«Катехизис» Буасселя

Декларация прав, предложенная Робеспьером

Верньо и развитие Республики

Глава II. ПОЛИТИКА ПРИМИРЕНИЯ МОНТАНЬЯРОВ (июнь-июль 1793 г.)

Социальные законы

Раздел общинных земель

Конституция монтаньяров

Позиция Робеспьера

Петиция Жака Ру (25 июня 1793 г.)

Гора против Жака Ру

Робеспьер против Жака Ру

Коммуна против Жака Ру

Эбер против Жака Ру

Политика Робеспьера

Политика Марата

Робеспьер защищает Комитет общественного спасения

Упразднение феодальных отношений

Конец жирондистов

Глава III. НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ДИКТАТУРА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ (лето 1793 г.)

Убийство Марата

Контрреволюция и гражданская война

Восстание в Лионе и Марселе

Праздник Федерации 10 августа 1793 г.

Новый Гражданский кодекс

Всенародное ополчение

Продовольственный кризис

Доливье и «Опыт о первоначальной справедливости»

Закон против скупки

Кризис ассигната

Принудительный прогрессивный заем

Максимум — опора ассигната

Манифестация 4 сентября

События 5 сентября в Национальном Конвенте

Закон от 29 сентября о всеобщем максимуме

Деятельность Комитета общественного спасения

Репрессии

Первые победы

Революционный календарь

Робеспьер и революционная диктатура

Глава IV. БОРЬБА ПРОТИВ ГРУППИРОВОК

Комитет общественного спасения

Конец Жака Ру

Новые социальные тенденции

Фуше в департаменте Ньевр

Дехристианизация

Коммуна и свобода культов

Мнение Робеспьера

Крайние патриоты

Колло д'Эрбуа в Лионе

Робеспьер против экстремизма

Интрига дантонистов

Атака на Комитет общественного спасения (25 сентября 1793 г.)

«Старый кордельер»

Скандал с Индийской компанией

Арест Венсена и Ронсена

Робеспьер против группировок
Сен-Жюст и вантозские декреты
Попытка кордельеров (14—24 вантоза II г.)
Был ли заговор?
Обвинительный доклад Сен-Жюста
Группировка Дантона

Глава V. ДЕЛА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
Национальные имущества
Максимум
Военная промышленность
Революционная мысль. Кондорсе
Американская революция и Французская революция
Демократический идеал Кондорсе

Глава VI. ПАДЕНИЕ РОБЕСПЬЕРА
Политическая проблема
Проекты Сен-Жюста и политика Робеспьера
Кульť Верховного существа
Прериальский закон и Великий террор
События 9 термидора
Как судить о революционерах
Демократия и социализм

Дополнительные замечания

Библиография

Указатель имен (к I-VI томам)

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ			
Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
14	сверху	земельной	земельной
63	сверху	уровня сурово	уровня, сурово
82	снизу	восмью	восемью
130	26—27 сверху	Сан-Клу	Сен-Клу
157	18 сверху	Брегель	Брегель
159	14—15 снизу	вести Францию под поражение и с помощью иностранных шты пьер и относительно того,	вести к капитуляции», — заключал он. Беспокойно Робеспьера и то,
194	13 снизу	Га-Дамур	Ги-Дамур
224	7—8 снизу	к триумвирату к трибунату	к триумвирату, к трибунату
235	18 снизу	предпринималось	предпринималось
267	15 сверху	выдать им	выдавать им
322	8 снизу	платки,	палатки,
332	22 снизу	потянулись, депутации	потянулись депутации
336	15 снизу	иногда	иногда
364	24 сверху	погребов	погребов
386	5 снизу	с федератистами	с федералистами
4:5	7—8 сверху	Латур-Ламонтањ	Латур-Ламонтањ
4:6	3 сверху	аристокритического	аристократического
505	11 сверху	не ожидающий	не ожидавший
	22 снизу	желающие	желающих
511	5 снизу	не все же	но все же

Глава первая

СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ КОНВЕНТА

Политическое падение Жиронды не означало появления новой системы идей. Можно сказать, что политические и социальные идеи Конвента определились в своих основных чертах до 31 мая. Все идеи были изложены, и их общее направление выявилось. Кажется даже, что именно в этот первый период деятельности Конвента его мысль была наиболее богатой. Прежде всего, в эти первые месяцы, несмотря на внезапное обострение борьбы между Жирондой и Горой, ни малейшая тень террора не нависала над умами. Никакое принуждение не стесняло и не подавляло мыслей. Все депутаты прибыли, получив от Франции мандат не только спасти, но и обновить ее, дав ей законы и конституцию. Никто не знал, сколь продолжительной будет легислатура; может быть, великое дело, ради которого все они были посланы, будет завершено в течение нескольких месяцев. Поэтому все они торопились внести в общую сокровищницу мысли свои идеи, свои системы, свои мечты. Они хотели влить в живой революционный дух, который должен был возродить отечество, какую-то часть своих идей, и, несомненно, также, несмотря на бескорыстие этих великих часов, они не были равнодушны к той доле личной славы, которой озарит их великое коллективное творение. И все умы были охвачены своего рода возвышенным и радостным возбуждением, каждый депутат торопился отдать себя всего целиком, отдать отечеству и Революции все силы и способности своего ума. Таким образом, с конца сентября 1792 г. и до конца мая 1793 г. мысль как бы изливалась широким потоком. Идейное богатство Конвента было кипучим и щедрым; более того, оно было единым. Оно еще не было изувечено.

Соперничество партий еще не привело к расколам и непорядочным исключениям, и, уже ненавидя друг друга, люди Жиронды и люди Горы помогали друг другу, высказывая взаимно смелые мысли. Они соперничали в том, кто выдвинет наиболее широкую и наиболее значительную концепцию республиканской и демократической жизни. И противопоставляя идею идею, системе систему, они не притязали на своего рода исключительность и непримиримость: при самом этом противопоставлении каждый более ясно сознавал, что в его собственной мысли было существенным и решающим; но все говорили, что Революция сумеет снять жатву со всего еще не разделенного поля. Даже в трагические дни, возвещавшие и подготавливавшие катастрофу, случались внезапные передышки и, когда обсуждались проекты конституции, Верньо и Дантон высказывали в равной мере возвышенные идеи. Те, кому суждено было пасть под ударами, проявляли своего рода возвышенное кокетство, связывая свои самые благородные мысли с этой Революцией, от которой жестокий гнев народа, казалось, хотел их отстранить. А тем, кто собирался нанести удар, доставляло удовольствие констатировать у себя и у людей, которых они считали своим долгом принести в жертву во имя общественных интересов, некое скорбное совпадение основных мыслей, как бы для того, чтобы узаконить своими страданиями тот удар, который они собирались нанести. Конвент сумеет сам себя истребить, но все же он сохранит то великое первоначальное достоинство, которое создал на первых порах, благодаря богатству своих лучших умов.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. ИДЕИ ЖИРОНДИСТОВ

Лепелетье де Сен-Фаржо начал изложение своего плана национального воспитания со следующих слов¹: «Национальный Конвент должен оставить истории три памятника: Конституцию, Гражданский кодекс законов, национальное воспитание».

И вот с первых же месяцев контуры этих памятников были в основных чертах намечены и отдельные части здания уже возвышались.

В вопросах, касавшихся народного образования и воспитания, все умы вначале, по-видимому, сходились на плане Кондорсе, завещанном Конвенту Учредительным собранием². Он был по меньшей мере тем центральным пунктом, вокруг которого завязалась борьба идей. Его критиковали те, кто находил, что он составлен излишне в духе Энциклопедии, слишком благожелателен к просветительским идеям века. Другие, как янсенист Дюран-Майан³, сочетая своего рода интеллектуальный аскетизм с парадоксами Жан Жака и христианский ригоризм с тем, что называли демократическим пиетизмом*, протестовали во имя

нравственности и равенства против чересчур светской и чересчур честолюбивой системы образования, рискующей подорвать простоту мышления и жизни народа и создать стоящую над народом олигархию надменных и эгоистических ученых.

Питал ли Робеспьер, младший брат Савойского викария**, некоторую склонность к этим доктринам интеллектуального самоотречения и ограничения? Полагал ли он, что в области знаний тоже нехорошо обладать доходом более чем в 3 тыс. ливров и что честное невежество было демократическим дополнением к честной бедности?

Я полагаю, что это было бы значительным искажением его мысли, причем замечу, что, когда он примет и представит Конвенту план Лепелетье⁴, он примет его в целом, т.е. включая как высокую науку, которая является его вершиной, так и почти коммунистическое равенство, служащее его основанием. Жирондистские газеты, как газета Кондорсе, так и газета Бриссо, не упускали случая разоблачать демократическое ханжество этого «поповского духа», вступившего в союз в борьбе против просвещения с янсенистским ханжеством, и искажали факты в этом смысле.

1. О плане национального воспитания Лепелетье де Сен-Фаржо см. ниже, с. 19, прим. 20.
2. О плане Кондорсе см.: Ж. Жорес. Социалистическая история Французской революции, т. II, с. 428.
3. Дюран де Майан не был янсенистом, он был только поборником галликанства. См. главу, которую я посвятил ему в моих «Очерках по религиозной истории Революции» («Contributions à l'histoire religieuse de la Révolution française» Paris, p. 42). [Примечание А. Матье-за.] — Речь идет о главе II «Очерков» (р. 42). Дюран де Майан (1729—1814) — адвокат в парламенте Экса, депутат Генеральных штатов от третьего сословия сеньешальства Арль, депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон. Дюран де Майан выступил в Конвенте по вопросам народного образования 12 декабря 1792 г. («Moniteur», XIV, 735; «Archives parlementaires», LV, 27.) Согласно «Монитёру», «Дюран де Майан произнес речь, имев-

шую своей целью доказать, что этот план ввел бы слишком научную систему воспитания». Речь Дюрана была напечатана. * Пиетизм — течение в лютеранской церкви, возникшее в Германии в XVII в. и имевшее своей целью укрепление авторитета религии. Заняв резко враждебную позицию по отношению к науке и просветительской философии, пиетисты пытались повысить интерес к эмоциональной и этической стороне христианского вероучения. Пиетизм отвергал внешнюю церковную обрядность, призывая к углублению веры, объявляя греховными развлечения. — Прим. ред.

- ** «Исповедание веры савойского викария» — часть произведения Ж. Ж. Руссо (сильное влияние идей которого испытал на себе Робеспьер) «Эмиль, или О воспитании». — Прим. ред.
4. Робеспьер представил план Лепелетье Конвенту 13 июля, 1793 г. («Moniteur» XVII, 134; «Archives parlementaires», LXVIII, 661.)

О заседаниях 14 и 18 декабря 1792 г., на которых Жакоб Дюпон, Дюко, Лекиньо⁵ ответили Дюран-Майану, газета «Патриот франсэ» пишет⁶:

«Жакоб Дюпон смело повел подкоп под господство священников, которое наши анархисты хотят снова укрепить. Дантон говорил об утешении, которого могут лишиться народ, освободив его от поповского гнета. Дюпон заметил, что он не видит для умирающего особого утешения в том, чтобы выслушивать священника, рассказывающего сказки, которым он сам не верит, и противопоставил этой картине Кондорсе, принимающего последний вздох Д'Аламбера.

Любопытное зрелище являли для наблюдателя, с одной стороны, спокойствие оратора-философа и, с другой — судорожные движения, гримасы и вопли *части Горы* и особенно священников и епископов, которые все еще входят, правда в небольшом числе, в состав Конвента. Можно сказать (я заимствую сравнение у этих господ), что Дюпон был заклинателем дьявола среди банд одержимых».

А Кондорсе говорит в «Кроник де Пари»⁷: «Лекиньо и Дюко поддерживали мысль о пользе и необходимости просвещения народа, один — как философ, давно посвятивший себя просвещению сельских жителей и защите их интересов, другой — с той тонкостью ума и вкуса, какую философия и любовь к свободе хотели бы чаще видеть противопоставленной тому варварству стиля и идей, пример и образец которого нам, по-видимому, охотно преподносят».

Полемика и эпиграммы! Жиронда (это не касается Кондорсе), чтобы досадить Робеспьеру, заходила дальше своих собственных воззрений. Она была целиком согласна с Дюко, Лекиньо, с Жакобом Дюпоном, когда речь шла об образовании, свободном от всех религиозных уз, о прославлении философии и науки. Но Жакоб Дюпон шел дальше, он публично провозглашал атеизм, к которому большинство жирондистов питало почти такое же отвращение, как и Робеспьер.

Но выступление Дюран-Майана против просвещения взволновало умы, и ораторы-рационалисты защищали общую мысль Кондорсе с таким антихристианским ожесточением, какого не проявлял сам Кондорсе.

Дюко высказался очень ясно и резко⁸: «Один из ораторов [Дюран-Майан] как будто огорчился тем, что священники исключаются из плана народного образования, предложенного Комитетом. Не стану оскорблять Конвент, оправдывая это отделение преподавания морали, которая одинакова для всех людей, от преподавания религии, которая меняется в зависимости от благочестивых фантазий и воображения. Этот оратор, несомненно, принимал бы в школы, открытые для всех членов общества, только детей, исповедующих католицизм; ибо допустить гуда

священников этой секты — значит исключить из них всех граждан, принадлежащих к другим сектам; это значит дать публичной власти право, узурпированное духовенством, исключительное право руководить совестью, тиранить и эксплуатировать ее...

Первым условием народного образования является преподавание одних только истин; а это — смертный приговор для священников».

Такие речи, во всяком случае по своему тону, выходили за пределы простого нейтралитета школы; это было объявление разумом войны всем суевериям, всем религиям.

ВЗГЛЯДЫ ЖАКОБА ДЮПОНА

Но манифестом смелой философии во всей ее красоте и богатстве явилась, главным образом, речь Жакоба Дюпона⁹ (14 декабря). Это была борьба против всякого порабощения, как против порабощения, навязываемого церковью, так и против порабощения, которое могла бы навязать мнимая эгалитарная демократия, которая ограничила бы полет духа. Это было видение покоренной природы, обновленного мира, великое безграничное пространство, открытое для бесконечного распространения света разума, для безграничного роста общественного счастья.

В ответ на оговорки и мнимые запреты Дюран-Майана, в ответ на возражения финансового характера со стороны Мазюй¹⁰, указывавшего на огромные расходы, Жакоб Дюпон спросил Кон-

5. Лекиньо (1755—1814) — адвокат, депутат Законодательного собрания от департамента Морбиан, затем депутат Конвента. Лекиньо выступил в Конвенте 18 декабря 1792 г. («Archives parlementaires», LV, 137.) Ему пришлось еще выступить по этим вопросам 2 и 30 июля 1793 г. (B. N., 8° Le³⁸ 2546, imp. in-8°, 32 p.; B. N., 8° Le³⁸ 362, imp. in-8°, 8 p.) О Дюко см. далее, прим. 8, о Жакобе Дюпоне — прим. 9.

6. «Le Patriote français», № 1223, 16 décembre 1792.

7. «Chronique de Paris», № 354, 21 décembre 1792.

8. Дюко Жан Франсуа (1765—1793) — депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда, Дюко выступил в Конвенте 18 декабря

1792 г. («Archives parlementaires», LV 139) См. далее, с.35, прим. 36.

9. Дюпон Жакоб (1755—1823) — член конгрегации Христианского вероучения, профессор математики, признавший гражданское устройство духовенства и принесший присягу, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эндр и Луара. О его выступлениях см. «Moniteur», XIV, 743; «Archives parlementaires», LV, 56.

10. Мазюй (1759—1794) — адвокат, судья трибунала дистрикта Луан, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Сона и Луара. Мазюй выступил 12 декабря 1792 г. («Archives parlementaires», LV, 31.)

вент, согласится ли он «вернуться назад на десять веков, чтобы мы вновь стали готами и вандалами». И он показал янсенисту, что просвещение, весьма далекое от того, чтобы быть развращающим, очищает общество:

«Дюран-Майан осмелился повторять, *после 10 августа 1792 г.*, софизмы и парадоксы женеvского философа, сказавшего, что пужда возвышает людей, а науки и искусства их поработили, и при этом добавил, что науки и искусства развращают нравы¹¹; я спрашиваю Дюран-Майана, депутата от департамента Буш-дю-Рон, перед лицом изображений Брута и самого Жан Жакa: что же вооружило храбрых марсельцев против королей и королевской власти? Предрассудки ли и невежество XVI в. или же философия и просвещение конца XVIII в.? Что же это за мнимое развращение нравов, настолько преувеличенное, что, слушая наших аристархов*, можно подумать, что вскоре мы увидим, как честность и добродетель будут изгнаны с земли свободы?

И это в то время, когда весь огромный народ поднялся, чтобы каждый человек в отдельности вновь обрел свое человеческое положение и достоинство; и в такое время нам хотят внушить, что не существует более ни честности, ни добродетели, ни величия души? Напротив, ясно, что нравы этого народа, даже если бы он был самым развращенным из всех народов, должны были бы непременно очиститься в силу самой природы катастрофы, к которой привели успехи просвещения и разума. Всякий народ, погрязший в невежестве, у которого науки, искусства и литература не поощряются, *осужден на рабство, т.е. на господство исключительно развращенных нравов*; такой народ никогда не усвоит священной догмы восстания, сопротивления угнетению, а если бы он и познал эту догму, вы никогда не дождались бы, чтобы он осуществил ее на практике. Но всякий просвещенный народ будет свободен, когда он того пожелает. Более того, просвещение неминуемо приведет к свободе, ибо оно дает возможность познать права каждого, права, которые невежество, в какое вас хотели бы снова ввергнуть, а так же принципы, какие иногда провозглашают с этой трибуны, не дают возможности ни заподозрить, ни обнаружить, ни обрести вновь.

Признаюсь, первые утверждения Дюран-Майана показались мне весьма странными; ведь он хотел заключить в определенные границы человеческий разум, более их не признающий; или, по примеру деспотов, дать мыслям и действиям человека именно это, а не другое направление, тогда как при республиканском строе мысль и действие человека устремляются по всем направлениям и принимают всевозможные формы, расширяя сферу его могущества».

Жакoб Дюпон соединяет, таким образом, свободу и добродетель. Просвещение не только не развращает нравов, но, порождая свободу, порождает и саму добродетель. Разве всякая добродетель

не заключается в человеческом достоинстве и в том понимании, с каким человек к нему относится? Наука, содействующая развитию свободы человека в социальном мире, содействует развитию его могущества в мире природы. Она воплощает в себе власть во всей ее полноте; она — великий освободитель, сбрасывающий все цепи, цепи естественной неизбежности и цепи социальных несправедливостей. Не аристократический идеал пустого любопытства и не аскетический идеал равенства в бедности предлагает людям Революция, а сияющий и великий идеал свободы и радости; независимость человека от человека, возрастающая власть человека над природой и вещами; люди, освобожденные от всякого угнетения со стороны других людей, будут черпать из все более и более обильного источника могущества, богатства и счастья. И какое великолепное примирение философии с действием! Именно события 10 августа оправдывают философов XVIII в.; народное восстание во имя республики и свободы доказывает, что ученые и мыслители трудились не напрасно. Именно Энциклопедия пробила в стенах королевского дворца брешь, через которую прошел народ. Высокая наука, высокая мысль, которые порою третируют как бесплодные, потому что опасаются их революционного воздействия, разительно проявят свое могущество в развитии инстинктов; они проявят его также в развитии технического прогресса.

«Как мелки, как ограничены взгляды Дюран-Майана! Мне показалось, что я вновь слышу человека XIV в., задающего вопрос: следует ли в республике отдавать наукам предпочтение перед механическими ремеслами? Словно Комитет по народному образованию старался установить предпочтение или мог это сделать!

Значит, Дюран-Майан не знает, что в природе все взаимосвязано, что постройка кораблей, если привести лишь один пример, связана со всем тем, что дифференциальная геометрия, механика и гидродинамика содержат наиболее абстрактного и наиболее трудного; и ведь известно, насколько корабли полезны для процветания сельского хозяйства и торговли».

Но если наука до такой степени благодетельна и чиста, то зачем терпеть, чтобы она делила власть над духом человека с силами мрака и угнетения? Она имеет право на все человечество, как и на всю природу. Мрак религий должен рассеяться:

«Если первые утверждения Дюран-Майана весьма странны,

11. Речь идет о произведении Ж. Ж. Руссо «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?» (1750 г.).

* Аристарх (II в. до н.э.) — знаменитый греческий грамматист и критик. Был воспита-

телем детей Птолемея Филоматора. Имя его вошло в поговорку, оно олицетворяет строгого, но справедливого и мудрого критика. В данном контексте — ирония. — *Прим. ред.*

если они в некотором роде позорят и наш век, и нашу Революцию, и эту трибуну, то что мне сказать о религиозных принципах, которые он выдвинул? Дюран-Майан, по-видимому, читал одни только фолианты, которые Камю приносил на трибуну Учредительного собрания, чтобы побудить его выработать гражданское устройство духовенства¹². Ему следовало бы почитать лучше великую книгу природы, открытую для всех глаз; в ней все могут прочесть свою религию, если мы хотим избавить род человеческий от многочисленных предрассудков, накопленных за столько веков.

Как? Троны повержены, скипетры сломаны, короли выпускают последний вздох, а алтари богов еще возвышаются? *(Внезапный ропот нескольких депутатов. Аббат Ишон¹³ требует, чтобы оратора призвали к порядку.)* Оскорбляя нацию, тираны курят там кощунственный ладан. *(Снова ропот; большинство членов Собрания заглушают его аплодисментами.)* Но поверженные троны оставляют алтари беззащитными, без поддержки, шаткими. Одного дуновения просвещенного разума достаточно, чтобы заставить их исчезнуть. И если человечество обязано французской нации главным благодеянием, то можно ли сомневаться в том, что французский суверенный народ окажется достаточно разумным, чтобы ниспровергнуть также алтари и идолов, у подножия которых короли сумели наложить на него цепи?

Итак, не думаете ли вы, граждане-законодатели, основать и укрепить Французскую Республику с помощью каких-то иных алтарей, а не алтарей отечества, с помощью каких-то иных религиозных эмблем и символов, а не символов деревьев свободы? *(В Собрании и на трибунах раздаются бурные аплодисменты; некоторые депутаты сильно взволнованы. Раздаются требования призвать к порядку епископов, прерывающих оратора. «Вы проповедуете гражданскую войну!» — восклицает аббат Одрен¹⁴.)*

Природа и разум — вот боги человека, вот наши боги. **Аббат Одрен:** Это невыносимо. *(Он стремительно выходит из зала. Смех.)*

Восхищайтесь природой, насаждайте разум, и вы, законодатели, если вы хотите, чтобы французский народ был счастлив поторопитесь распространить эти принципы, добиться их преподавания в начальных школах вместо тех фанатичных принципов, какими Дюран-Майан хочет их заменить. И в самом деле, забавно видеть, как ратуют за религию, приспособленную к Конституции, которой больше не существует, как превозносят монархическую религию в Республике, как превозносят религию, которая учит, что лучше повиноваться богу, чем людям; и заметьте, граждане, что служители этой религии, с торжественным прославлением которой перед вами выступил Дюран-Майан, проявляют еще больший деспотизм, чем король. Последний ограничивался тем, что делал людей и народы несчастными в этой жизни, но другие

тираны распространяют свое владычество на иную жизнь, которую представляют как вечные муки, к коим кое-кто из них по своей доброте добавляет немного веры. *(Аплодисменты.)* Время катастрофы наступило. *Одновременно должны рассеяться все предрассудки. Их надо уничтожить, или же они раздавят нас. За время с 10 августа 1792 г. и до 1 января 1793 г. мы должны отважно и смело пройти расстояние в несколько столетий...* Напрасно Дантон несколько дней назад жалостно говорил нам в этой связи, что народ нуждается в священнике, чтобы испустить последний вздох¹⁵. Так вот, чтобы вывести народ из заблуждения, я ему скажу: «Дантон объявляет вам, что он хочет пользоваться привилегией, в которой он отказывает вам; он хочет подчинить вас деспотической воле священника, который не верит ни одному слову из того, что он говорит вам, и который обманывает вас, но не обманывает Дантона». И чтобы доказать народу, что этот священник, вопреки утверждению Дантона, не всегда необходим в последний час, я приведу в пример Кондорсе, закрывшего глаза Д'Аламберу. *(Аплодисменты.)*

Я признаюсь Конвенту — я атеист. *(Внезапный шум, возгласы многих депутатов, неутраченное волнение. «Это для нас неважно! — восклицают многие депутаты. — Вы — порядочный человек».)* Но я ручаюсь, что ни один человек из двадцати пяти миллионов, живущих на территории Франции, не сможет обоснованно меня упрекнуть...»

Каков же был в действительности вывод Жакоба Дюпона? Был ли это узаконенный и обязательный атеизм? Хотел ли он запретить отправление культа и предвосхитить своего рода сдержанный и философский эбертизм¹⁶? Я думаю, что его мысль

12. Камю Арман Гастон (1740—1804) — адвокат французского духовенства в Парижском парламенте; депутат Генеральных штатов от третьего сословия г. Парижа, а затем депутат Конвента от департамента Верхняя Луара.

О гражданском устройстве духовенства см.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. I, кн. 2, с. 124 и сл.

13. Ишон (1757—1837) — настоятель монастыря ора토리анцев Кондона, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жер. Ишон отказался 9 фримера II г. (29 ноября 1793 г.) от священного сана.

14. Одрен (1741—1800) — заведующий учебной частью в коллеже

Людовика Великого, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Морбиан. Конституционный епископ департамента Финистер в 1798 г., в 1800 г. убит бандой шуанов.

15. Намек на выступление Дантона в Конвенте 30 ноября 1792 г. в пользу сохранения выплаты жалованья священникам: «Это варварство, это преступление, оскорбляющее нацию, — желать лишить народ людей, у которых он может найти еще некоторое утешение». («Moniteur», XIV, 620.)

16. Это значит приписывать слишком многое Эберу, который был весьма осмотрителен в этом отношении.

не шла так далеко и что он, несомненно, посчитался бы с предрассудками людей, состарившихся в суеверии. Но он хочет полностью и сразу освободить от них детей и женщин. Он предлагает уже в начальной школе формировать свободный разум; тогда новым поколениям даже не понадобится ниспровергать алтари; им будет достаточно от них отвернуться, чтобы они рухнули. Огромная задача! Но разве революциям не свойственно вершить в несколько дней дела столетий? Разве Революция не освобождена от рабского подчинения времени, как и от других видов рабства? У человечества все протекает так же, как в природе, и условием, необходимым дополнением политической свободы является духовная свобода. Различные свободы укрепляют одна другую подобно тому, как один предрассудок укрепляет другой. Допускать какое-то сосуществование республиканской свободы и религиозного рабства — значит подрывать Республику, подвергать ее риску заразиться тиранией. Захватывает дух при мысли о том, какой могла бы быть республиканская Франция, если бы она действительно сумела в течение нескольких дней стряхнуть с себя вековые предрассудки и привить всем людям если и не идеи официального атеизма, то рациональную и научную концепцию мира и жизни.

Политическая свобода была бы несокрушима, и само экономическое развитие претерпело бы глубокое изменение в духе социальной справедливости и более широкой заботы о благоденствии, о силе и достоинстве пролетариев. Но для огромного и смелого начинания, о котором мечтал Дюпон, которое возмущало Робеспьера¹⁷, и страшило Дантона, необходимо было бы по меньшей мере единение всех революционных сил. Но они уже враждовали между собою. Быть может, спустя столетие или еще позже Республика, глубоко проникшись идеями социализма, сумеет, поднявшись над лживым нейтралитетом, действительно ввести во всех национальных школах любой ступени преподавание, основанное на идеях чистого разума, науки и свободы.

Жакоб Дюпон заканчивает призывом к обновленным производительным силам, возросшим благодаря науке.

«Наконец, система Дюран-Майана, ограничивая сферу обучения весьма узкими границами, лишая бедных образования, не желая, чтобы все его ступени были бесплатными, препятствует способности человеческого рода к совершенствованию, прогрессу разума и распространению и утверждению республиканских принципов, республиканских добродетелей и чувств во всей Европе.

Впрочем, у Парижа есть весьма справедливые основания препятствовать торжеству этой системы, у которой, к несчастью, слишком много сторонников, даже среди видных республиканцев. Париж понес значительные потери. Он лишился торговли предметами роскоши, он лишился искусственного блеска, свя-

занного с королевским двором и привлекавшего иностранцев. Ну что ж! Надо, чтобы науки, литература, искусства, состязаясь с торговлей, возместили ему его потери. С каким удовольствием представляю я себе наших философов, которые оказали столько услуг человечеству, Революции и которые еще столько окажут их Республике, вопреки клевете; с каким удовольствием, повторяю, представляю я себе наших философов, чьи имена известны всей Европе, — Петиона, Сиейеса, Кондорсе и других, окруженных в Пантеоне, подобно греческим философам в Афинах, толпой учеников, собравшихся со всех концов Европы; представляю, как они прогуливаются подобно перипатетикам* и обучают, один — мирозданию, рассказывая о прогрессе всех человеческих знаний, другой — совершенствованию социальной системы, показывая в решении 17 июня 1789 г.¹⁸ зародыш восстания 14 июля, 10 августа и всех других восстаний, которые вскоре произойдут по всей Европе. И тогда молодые иностранцы, возвратившись на родину, смогут распространить там те же знания и совершить, ради счастья человечества, такие же революции. Таково будет дополнение к ответу, который остается дать Дюран-Майану. (*Почти во всем Собрании и на трибунах раздаются многочисленные аплодисменты.*)»

Какая яркая картина Парижского университета, всецело рационалистического, энциклопедического и революционного. В этом столь широком и столь полном манифесте имелся один пробел. Дюпон, который, однако, знает, что все между собой взаимосвязано, по-видимому, забыл о том, что в условиях социального устройства 1793 г. работающие по найму и поденщики вынуждены прилагать огромные усилия, чтобы заработать себе на жизнь, что они привыкли, особенно в деревне, использовать с ранних лет детский труд, чтобы добавить ничтожную плату, получаемую детьми, к скромному заработку семьи, что едва ли можно надеяться на то, что они согласятся на эту несколько обширную систему образования и обучения.

Член Конвента Пти отметил эту трудность в своей содержательной речи, показавшей, что Конвент, углубляя проблему об-

17. Жорес преувеличивает: в этих вопросах Робеспьер придерживался тех же взглядов, что и Дантон. Их отношение к декристианизации осенью 1793 г. было одинаковым.

* Перипатетики (от греческого *peripatetikos* — совершаемый во время прогулки) — последователи философии Аристотеля,

в философской школе которого (Ликие) в Афинах обучение обычно происходило во время прогулок. — *Прим. ред.*

18. Именно по предложению Сиейеса депутаты третьего сословия Генеральных штатов объявили себя 17 июня 1789 г. Национальным собранием.

разования, должен будет затронуть всю социальную проблему в целом. Эти указанные Пти экономические и социальные трудности поразили также и Лепелетье де Сен-Фаржо и нашли отражение в его памятной записке о воспитании так же, как и в речи Пти¹⁹.

«Всякий, — говорит он, — кто может обойтись без труда своего ребенка, чтобы его прокормить, имеет возможность держать его в школе каждый день и по многу часов в день.

Но как быть неимущему классу? Вы предлагаете этому ребенку бедняка образование, но ему прежде всего нужен хлеб. Его трудолюбивый отец лишает себя куса хлеба, чтобы отдать его ребенку, но нужно, чтобы ребенок заработал на другой кусок хлеба. Его время поглощено трудом, так как с трудом связано его существование; после того, как он проведет тяжелый день в поле, вы еще хотите, чтобы он, в виде отдыха, пошел в школу, быть может находящуюся в полчасе ходьбы от его дома. Напрасно будете вы издавать закон, принудительный для его отца; тот не сможет изо дня в день обходиться без труда ребенка, который в свои 8, 9, 10 лет уже что-то зарабатывает. Только несколько часов в неделю может он отдавать учению. Поэтому учреждение таких школ, какие нам предлагают, строго говоря, принесет пользу лишь небольшому числу независимых в своем существовании граждан, не ведающих нужды; они смогут позволить своим детям собирать плоды образования, а на долю бедняка останется только подбирать остатки».

В конце концов, чтобы устранить это социальное зло, достаточно было бы возмещать бедным семьям, которые стали бы посылать своих детей в школу, убытки.

ПЛАН ЛЕПЕЛЕТЬЕ ДЕ СЕН-ФАРЖО

Но у Лепелетье были более широкие взгляды²⁰. Этот человек, бывший одним из крупных сеньоров Франции и все еще бывший одним из крупнейших землевладельцев, давно уже, еще до Революции, понял, что огромное богатство налагает большие обязательства. При старом порядке он был известен уступками, какие делал своим работникам и арендаторам в неурожайные годы. После 4 августа он весьма охотно согласился на отмену феодальных прав.

Но чего стоил отказ от всех сеньориальных привилегий, если привилегия богатства продолжала действовать и оказывать все свое влияние? Чем будет свобода, если она не будет покоиться на широком всеобщем воспитании, и как вообще это широкое всеобщее воспитание возможно при нищете большей части народа? Лепелетье не был ни коммунистом, ни уравниателем. Он, по-видимому, ни минуты не помышлял об изменении формы собственнос-

ти, он также не ставил перед собой задачи добиться одинакового уровня развития умов, низводя тех, кто способен был приобрести высокие познания, до уровня, доступного всем гражданам. Он разделял все высокие идеи проекта Кондорсе.

«Вся система Комитета²¹ покоится на этой системе, на учреждении четырех ступеней образования, а именно: начальных [первичных] школ, вторичных [высших начальных] школ, институтов [средних школ] и лицеев [высших школ]. Что до последних трех, то я нахожу этот план разумным и задуманным с целью сохранения, распространения и усовершенствования человеческих знаний. Эти три последовательные ступени откроют для образования плодотворный и разумно используемый источник, и я вижу в них вполне подходящее средство для развития талан-

19. Пти Мишель Эдм (1739—1795) — хирург, депутат Конвента от департамента Эна. Пти выступил в Конвенте 18 декабря 1793 г. («Archives parlementaires», LV, 133.)

20. Лепелетье де Сен-Фаржо Мишель (1760—1793) — президент Парижского парламента в 1785 г., депутат Генеральных штатов от дворянства Парижа, глава администрации департамента Йонна в 1791—1792 гг., депутат Конвента от этого департамента, убит 20 января 1793 г. королевским телохранителем Пари за то, что голосовал за смертный приговор королю. Лепелетье владел имуществом, приносившим ему 600 тыс. рен-ты.

План национального воспитания Мишеля Лепелетье был представлен в Якобинский клуб его братом Феликсом 19 июля 1793 г. (A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 306.) Его план был зачитан 13 июля 1793 г. в Конвенте Робеспьером от имени Комитета по народному образованию. («Moniteur», XVII, 134; Maximilien Robespierre, Œuvres. T. IX, Discours, 4e partie, p. 621.) 26 июля план был вновь представлен Собранию; Робеспьер потребовал отсрочки; 29 июля он одновременно зачитал план в целом и сопровождавший его проект декрета. (M. Ro-

bespierre. Op. cit. T. X, Discours, 5e partie, p. 11.) 1 августа 1793 г. обсуждался новый проект, но Конвент не принял решения. В конце концов план Мишеля Лепелетье был оставлен. Тем не менее в нивозе II г. многие народные общества потребовали его применения. Обо всем этом см.: Procès-verbaux du Comité d'instruction publique de la Convention nationale, publiés et annotés par M. J. Guillaume, t. II, p. 31, 88 et 553; t. III, p. 223. План национального воспитания был напечатан в: Michel Lepelletier Saint Fargeau. Œuvres... précédées de sa vie par Félix Lepeletier, son frère, suivies de documents historiques relatifs à sa personne, à sa mort et à l'époque Bruxelles, 1826, un vol. in-8°, 503 p. План национального воспитания помещен на с. 259—330 Собрания сочинений Лепелетье; ему предшествуют «предварительные замечания» Феликса Лепелетье. Жорес здесь пользуется этим изданием.

О замечательной личности Мишеля Лепелетье де Сен-Фаржо не существует никакого полного исследования. О некоторых аспектах его плана см.: A. Léon. La Révolution française et l'éducation technique. Paris, 1968.

21. Речь идет о Комитете по народному образованию.

тов граждан, которые посвятят себя литературе, науке и искусству»²².

Итак, что касается высших ступеней образования, то Лепелетье соглашался с Дюпоном, Дюко и Кондорсе и был противником Дюран-Майана: он не хотел под предлогом равенства и демократической суровой простоты снижать уровень развития человеческого разума и сдерживать его взлет. Но он хотел организовать первую ступень обучения так, чтобы все дети, даже самые бедные, получали хорошее начальное образование и чтобы все, богатые и бедные, подготовлялись на общих основаниях, получая общее образование, к новому мировоззрению. И от этого мировоззрения, привитого всем людям с первых навыков, он ожидал медленного и мирного обновления всех социальных установлений, имеющих своей целью равенство. Дело воспитания казалось ему, таким образом, как бы основополагающим делом, которое должно было не только поддерживать новое общество, но и определить его облик и организацию. Он говорил своему брату (см. очень редкое издание трудов Мишеля Лепелетье де Сен-Фаржо, выпущенное Феликсом Лепелетье, Брюссель, 1826 г.)²³:

«Францию надо, так сказать, перестроить, и подняться от прочно заложенных и укрепленных основ к вершине».

Этимн основами были всеобщее воспитание, а также дух коммунизма.

«Такое неравное распределение благ, даваемых начальными школами, — наименьшее из неудобств, поражающих меня в их организации. Я усматриваю гораздо большее неудобство в системе воспитания, которую они представляют»²⁴.

Меня огорчает, что упущена одна из наиболее существенных целей воспитания, а именно совершенствование физического развития. Я знаю, что предлагают кое-какие гимнастические упражнения; это хорошо, но этого недостаточно. Размеренный образ жизни, здоровая и подходящая для детей пища, постепенно усложняемые, умеренные работы, последовательные испытания, непрерывно повторяемые, — вот единственные эффективные средства для того, чтобы достигнуть всестороннего развития тела и всех способностей, какими оно наделено.

Что касается морального духа, то несколько полезных наставлений, кратковременные занятия — таков узкий круг, которым ограничивается предлагаемый план. Это — занятия в течение нескольких кратких часов, а вся остальная часть дня отдана на волю случая, и ребенок, когда время уроков прошло, вскоре вновь попадает в обстановку либо расслабляющей роскоши и гордой суетности, либо грубости и нужды, либо праздности с ее отсутствием дисциплины. Несчастная жертва пороков, заблуждений, невзгод, равнодушия всех, кто его окружает, он будет немногим менее невежественным, чем в прошлом; школ будет несколько больше, учителя будут несколько лучше, чем ныне, но

действительно ли мы воспитаем людей, граждан, республиканцев; одним словом, возродится ли Нация?

Все отрицательные явления, которые я только что описал, неустранимы, если мы не примем важного решения, имеющего целью процветание Республики.

Решимся же издать закон, который устранил все препятствия, сделает легко осуществимыми самые совершенные планы воспитания, укажет и проведет в жизнь все прекрасные установления, закон, который, не пройдет и десяти лет, все равно будет, если мы откажемся от чести быть его авторами; закон всецело на пользу бедняка, так как он передаст на его нужды излишек богатства, что сам богач должен одобрить, если он размышляет, что ему должно быть приятно, если он мягкосердечен. Этот закон имеет своей целью создание системы поистине национального, поистине республиканского воспитания, равного и действительно общего для всех, единственно способного возродить род человеческий, как его физические, так и его духовные способности; одним словом, этот закон — основа для народного образования.

Утвердим его благотворный принцип, но сумеем внести в него изменения, какие нынешнее состояние умов и промышленные интересы Республики могут сделать необходимыми.

Предлагаю вам декретировать, что, начиная с пятилетнего возраста и до двенадцати лет для мальчиков и до одиннадцати лет для девочек, все дети без различия и без исключений будут воспитываться вместе за счет Республики и что все они, в силу священного закона равенства, будут пользоваться одинаковой одеждой, одинаковой пищей, одинаковым обучением, одинаковыми заботами

Я изложу вам в нескольких словах преимущества, детали и средства осуществления плана, который я представляю на ваше рассмотрение.

Все дети будут пользоваться благом общественного воспитания в течение семи лет, с 5 и до 12 лет.

Этот период жизни имеет действительно решающее значение для формирования физических и духовных способностей человека.

Ведь этот период требует ежедневного, ежеминутного наблюдения.

22. Michel Lepelletier. Œuvres, p. 268.

23. См. выше. прим. 20. Лепелетье де Сен-Фаржо Феликс (1767—1834) был адъютантом князя Ламбеск; участвовал в революционном движении, в частности в августе 1793 г. выступал по выборам в Национальный

Конвент] от имени делегатов первичных собраний; участвовал в движении «во имя равенства» Бабефа; во время Реставрации находился в изгнании.

24. M. Lepelletier. Op. cit., p. 271. Жорес цитирует текст полностью, вплоть до с. 277.

До пятилетнего возраста ребенка можно поручить только заботам матери; таков завет, таково веление природы; этот возраст требует слишком многих кропотливых забот и внимания; все это — удел матери.

Однако я думаю, что закон может оказать некоторое влияние и на эти первые минуты существования человека. Но вот какими пределами, по моему мнению, следует ограничить его действие.

Ободрять матерей, помогать им, просвещать их, всерьез заинтересовать их в кормлении детей грудью; доступно разъяснять им вредные последствия ошибок и небрежности и благие результаты забот и внимания; делать для них рождение и сохранение здоровья их детей не тягостным бременем, но, напротив, источником радости и предметом растущих надежд. Вот все, что мы можем сделать полезного для ребенка в первые пять лет его жизни. Такова цель некоторых статей предлагаемого мною закона. Указанные в нем меры весьма просты, но я убежден в том, что их несомненным результатом для Республики будет уменьшение на четверть числа детей, ежегодно погибающих от нищеты, предрасудков и небрежности.

Итак, в пятилетнем возрасте Отечество получит ребенка из рук природы; а в двенадцатилетнем возрасте оно возвратит его обществу.

Это время, по личным мотивам и согласно сложившемуся во Франции общественному мнению, показалось мне наиболее подходящим для завершения общественного воспитания.

В десятилетнем возрасте это было бы чересчур рано; работа проделана еще только вчера.

В двенадцатилетнем возрасте привычки уже привиты, навыки прочно закреплены.

Возвратить десятилетнего ребенка бедным родителям часто означало бы возложить на них еще одно бремя; благодеяние, оказанное нацией, было бы неполным.

В двенадцать лет дети уже могут зарабатывать себе на жизнь, вносить дополнительные средства в свою семью.

Двенадцать лет — возраст, пригодный для обучения разным ремеслам; это — возраст, когда окрепшее тело в состоянии начать приспосабливаться к земледельческим работам. Это также возраст, когда уже сформировавшийся ум может с пользой приступить к изучению литературы, наук и изящных искусств.

В обществе имеются различные поприща. Множество профессий и видов промышленной деятельности ожидает граждан.

Двенадцать лет — как раз время начинать ученичество в любом из них; ранее обучение было бы преждевременным; позднее уже не хватит гибкости, не хватит ловкости — этих счастливых даров детства.

До двенадцати лет общее образование — благо, так как до

этого времени речь идет о подготовке не пахарей, ремесленников и ученых, а людей для всех профессий.

До двенадцати лет общее образование — благо, так как речь идет о том, чтобы развить в детях физические и моральные качества, дать им навыки и познания, общепользные для всех.

Когда наступает время выбора профессии, общее образование должно прекратиться, так как обучение каждой профессии различно; объединить в одной и той же школе обучение всем профессиям невозможно.

Продолжение общественного обучения до конца юношеского возраста — прекрасная мечта; порой мы предавались восхитительным мечтам об этом вместе с Платоном; порой мы с увлечением читали об этом в летописях Лакедемона; порой мы видели глупую карикатуру на это в наших коллежах. Но Платон готовил только философов; Ликург готовил одних солдат; наши преподаватели готовили одних только школяров. Французская Республика, блеск которой зиждется на торговле, промышленности и земледелии, нуждается в подготовке людей всех профессий; поэтому их нечего запираť в школах; их надо размещать по мастерским, на всем протяжении полей; всякая иная идея — химера, которая под видом обманчивого совершенства парализовала бы необходимые рабочие руки, уничтожила бы промышленность, истощила бы общество и вскоре довела бы его до распада».

Но как реализовать этот таким образом ограниченный план? Лепелетье согласен на отсрочку, но выдвигает принцип обязательности:

«Здесь возникает весьма важный вопрос.

Будет ли общественное обучение детей обязательным для их родителей или же родители только будут иметь право воспользоваться этим национальным благом?

Оно должно быть обязательным для всех в принципе.

Оно должно быть обязательным для всех в интересах общества.

Оно должно стать обязательным для всех спустя несколько лет.

Но в настоящий момент вы, быть может, признаете уместным незаметно приучать умы к чистоте принципов нашего нового установления; я предлагаю вам это с сожалением. Предлагаю вашей мудрости изменение, хотя мне лично не хотелось бы, чтобы вы признали его необходимым. Изменение состоит в следующем: вы декретируете, что в течение четырех лет с настоящего момента родители не должны считать общественное образование для своих детей обязательным. Но по истечении этой отсрочки, когда мы приобретем, если можно так выразиться, республиканскую силу и зрелость, я требую, чтобы всякий, кто откажется распространить на своих детей всеобщее воспитание, лишился гражданских прав на все время, в течение которого он будет уклоняться от исполнения этого гражданского долга, и, кроме того, платил

двойной взнос в счет детского налога, о котором я расскажу вам далее.

Вам будет нетрудно разместить эти учреждения в зданиях, принадлежащих нации, — в церковных зданиях, в бывших жилищах эмигрантов и в других общественных помещениях.

И еще я хотел бы, чтобы, в случае отсутствия такой возможности, для этого важного назначения открылись двери старых крепостей феодализма. Со всех сторон люди ропщут и осуждают существование этих замков и башен, этих ненавистных памятников угнетения. Вместо того чтобы их разрушать, используем эти древние громады.

В кантоне, обычно состоящем из восьми приходов, нация сможет выбирать среди нескольких, возместив владельцу понесенный им ущерб; она также обеспечит за небольшую плату обширное помещение; она изымет из рук простых граждан дворцы, оскорбляющие суровый взор равенства; и эта последняя жертва, быть может, вопреки его воле, окажет услугу озорному владельцу, которого ныне, после того как в результате освобождения деревни иссяк источник его богатства, гнетет мысль об огромных размерах его жилища»²⁵.

Общее образование научит детей главным образом физическому труду, цель которого подготовить их ко всем суровым обязанностям общественной жизни; это будет также обучение дисциплине. Какова будет роль религии в этом начальном воспитании, в этом общем образовании? По представлению Лепелетье, за исключением нескольких временных уступок господствующим предрассудкам, эта роль должна быть ничтожной. Нация не только не должна навязывать и преподавать ребенку какую бы то ни было религию, но она не должна даже позволять — пока забота о ребенке лежит на ней, — чтобы последний мог ознакомиться с системами, между которыми его разум еще не в силах сделать выбор.

«Я желал бы, чтобы в течение всего общественного воспитания ребенка знакомили только с принципами всеобщей морали, а не обучали той или иной религии.

Я желал бы, чтобы, только достигнув двенадцати лет, вновь вернувшись в общество, он по зрелому размышлению выбрал для себя культ. Мне представляется, что он должен выбрать его только тогда, когда сможет о нем судить.

Однако, учитывая нынешнее настроение умов, особенно в деревнях, вы, быть может, поостережетесь вызвать неудовольствие и даже возмущение в простых и бесхитростных семьях, если родители увидят, что их дети вплоть до двенадцатилетнего возраста будут освобождены от соблюдения обрядов какого бы то ни было религиозного культа. Я передаю разрешение этого затруднения на ваше мудрое усмотрение, но, во всяком случае, настаиваю на том, чтобы эта часть обучения не входила в курс

национального воспитания, и чтобы ее не доверяли национальным преподавателям, и чтобы только разрешили (если вы сочтете эту уступку необходимой) водить детей в определенные дни и к определенному часу в ближайший храм, чтобы они там узнавали и выполняли религиозные обряды, к каким их приучили в их семьях»²⁶.

Но это общественное воспитание будет иметь своей целью не только формирование сильных и деятельных поколений, объединенных одними и теми же первыми жизненными навыками и одними и теми же преподаваемыми им принципами. Оно будет также содействовать, путем ежегодного широкого обложения имущества, предназначенного для покрытия расходов больших бесплатных интернатов, смягчению неравенства и уменьшению различия в состояниях.

«До сего времени я рассматривал данный вопрос только с точки зрения воспитания; теперь я изложу его вам с другой, весьма важной стороны — с точки зрения политической экономии»²⁷.

Уменьшить нужду неимущих, сократить излишки богатства — вот цель, к которой должны стремиться все наши институты. Но нужно, чтобы наше движение вперед регулировали справедливость и благоразумие. Двигаться вперед можно только шаг за шагом; никакие судорожные движения недопустимы, собственность священна, и ваш первый декрет дал этому праву новую и подлинную гарантию»²⁸.

Самая мягкая действенная мера для сокращения огромного различия между состояниями и исправления странного несоответствия, какое случайное распределение собственности создает между гражданами, состоит в способе распределения государственных налогов. Надо облегчить их бремя для малоимущего, с тем чтобы тяжесть их ложилась главным образом на богатого, — вот и вся теория; и я усматриваю весьма удачное и вполне легкое применение ее в новом законе, который будет введен в результате учреждения общественного обучения.

В двух словах: ребенок бедняка будет воспитываться за счет богача; однако все расходы будут находиться в справедливой пропорции в такой степени, дабы неимущий не испытывал унижения от того, будто он принимает благодеяние.

Простой расчет с очевидностью позволит достигнуть такого результата.

Я предлагаю, чтобы в каждом кантоне расходы дома общест-

25. M. Lepelletier. Op. cit., p. 279—280.

26. Ibid., p. 291.

27. Ibid., p. 294—299.

28. Намек на декрет Конвента от 21 сентября 1792 г., устанавливавший, что «личность и собственность находятся под защитой нации». См. ниже, с. 101, прим. 99

венного воспитания, на питание, одежду и содержание детей несли все граждане кантона пропорционально уплачиваемым каждым из них прямым налогам. Дабы сделать соотношение более наглядным, приведу в пример трех граждан.

Я предполагаю, что один из них обладает возможностями, некогда требовавшимися для того, чтобы быть активным гражданином, т.е. платит налог в размере трехдневного заработка, который я оцениваю в три ливра. Предположим, что доход другого равен тысяче ливров и облагается налогом в 200 ливров. Наконец, третьего я считаю обладателем ренты в 100 тыс., с которых он платит налог в 20 тыс. ливров.

Далее, я оцениваю налог для покрытия расходов на общественное воспитание детей в половину суммы прямого обложения. Какова будет часть, вносимая этими тремя гражданами? Человек, платящий налог в размере трехдневного заработка, внесет в счет детского налога один ливр десять су. Гражданин с доходом в тысячу ливров внесет 100 ливров. Богач, получающий ренту в 100 тыс. ливров, уплатит 10 тыс. ливров. Как видите, общий фонд образуется из суммы многих неравных взносов; бедный вносит очень мало, богатый вносит много; но когда фонд образован, он затем делится поровну между всеми, каждый извлекает из него равную выгоду — воспитание своих детей.

Человек, платящий налог в размере трехдневного заработка, уплатив дополнительный налог в 30 су, будет освобожден от бремени содержания часто многочисленной семьи; все его дети будут воспитываться за счет государства; пожертвовав всего лишь 30 су, он сможет воспитывать до семи детей одновременно за счет Республики.

Я упомянул человека, платящего налог в размере трехдневного заработка, однако этот гражданин принадлежит к классу, в прошлом привилегированному; он обладает *активностью*²⁹; кто из множества людей не захочет воспользоваться благодеянием, предоставляемым этим законом (которое будет для них еще более ощутимо), если весь класс граждан, в прошлом *неактивных*, уплатив налог менее 30 су, сможет обладать таким же преимуществом?

Совершенно очевидно, что все граждане, начиная с класса граждан в прошлом неактивных и кончая собственниками с рентой в тысячу ливров, заинтересованы в этом законе.

Он полезен даже для собственника, обладающего рентой в тысячу ливров; ведь не найдется ни одного гражданина, который, получая такой доход, не согласился бы добровольно платить 100 ливров в год за воспитание всех своих детей. Итак, все бремя дополнительного обложения ляжет только на тех, кто получает больше тысячи ливров ренты. Таким образом, более девятнадцати двадцатых граждан Франции заинтересовано в законе; ибо, не-

сомненно, граждане, чей доход превышает 100 пистолей, не составляют и одной двадцатой.

Среди всей этой многочисленной части нации пострададут одни только холостяки или женатые, но бездетные люди, так как они ничего не выигрывают. Но я сомневаюсь, чтобы вас тронули их жалобы: их бремя меньше, чем у прочих граждан.

Вы видите, что согласно этой системе только обложение богача превышает возможную стоимость воспитания его детей; но даже в увеличении его обложения я вижу двойную выгоду: выгоду от изъятия части излишков богатства и выгоду от использования этого *болезненного избытка* для облегчения положения малоимущих граждан, осмелюсь сказать, к выгоде общества в целом, так как этот избыток дает ему средства для создания института, поистине достойного Республики, и для обеспечения наибольшего благоденствия, величия и духовного возрождения.

Послушайте, с каким воодушевлением и волнением описывает Лепелеттье, гуманные и социальные последствия своей системы.

«Осмелюсь спросить, — восклицает он, — что будет отныне с нуждой? Единственный благотворительный закон заставит ее исчезнуть с лица земли Франции. Взгляните на деревни; обратите ваш взор внутрь хижин! Отправьтесь на городские окраины, где скучено огромное население, люди, едва прикрытые лохмотьями; познакомьтесь поближе с этими приносящими пользу семьями; даже там труд обеспечил бы зажиточность; но их вновь повергает в нужду плодovitость. Отец и мать, оба трудолюбивые, легко заработали бы себе на жизнь; но этот тяжким трудом заработанный хлеб предназначается не для них одних, часть его у них отнимают их многочисленные дети, а само богатство, доставляемое ими государству, обрекает их на все ужасы нищеты.

Так, в результате поистине отвратительной несправедливости нашей социальной экономики, извращаются и подавляются все естественные чувства.

Рождение ребенка — несчастье. К заботам, которыми его окружает мать, примешиваются сожаления и тревога. С трудом удовлетворяются лишь первые потребности этого несчастного создания, так как бедность заставляет быть бережливым. Ребенок дурно питается, за ним плохо ухаживают, с ним дурно обращаются; он часто болеет и поэтому не развивается или же развивается плохо, и из-за отсутствия самого элементарного ухода это молодое растение чахнет.

Порой даже — расскажу и это — я страдал и от более душераздирающего зрелища. Я посещаю удрученную горем семью, вхожу: ребенок только что умер, он еще здесь. В первый момент

29. Вспомним, что *активный* гражданин (по терминологии Спейеса) пользовался политическими пра-

вами, которых был лишен *пассивный* гражданин (Лепелеттье ниже пишет *неактивный*).

природа еще вырвала у этой несчастной четы слезы, но вскоре ужасающая бедность даровала ей утешение, еще более горькое, чем слезы: одной заботой меньше!

Полезные и несчастные граждане, быть может, вскоре эта работа не будет более для вас обузой. Настанет день, когда благодетельная Республика ее облегчит. Быть может, достигнув благосостояния и повинаясь тайным велениям природы, вы сможете без сожаления отдавать детей отечеству. Отечество будет всех их принимать без различия, и, когда вы получите их обратно из его рук вполне сформировавшимися, они возродят в ваших семьях новый источник изобилия, принеся туда силу, здоровье, любовь и привычку к труду».

Какая сила для Республики! Какой урок, уже не пассивный и не на словах, но реальный, практический, живой урок равенства! И какое глубокое проникновение Революции в те несчастные слои населения, которые еще не почувствовали ее благодеяний, ибо сама чрезмерность их нищеты мешала им непосредственно ощутить результаты уничтожения Революцией привилегий! Здесь филантропия Лепелеттье дополняется глубоким историческим и социальным смыслом.

«Таким образом, в возрасте от пяти до двенадцати лет, т.е. в период жизни, столь решающий для физического и духовного формирования человека, его впечатлений и привычек, которые он сохранит навсегда, все то, что должно составить Республику, будет брошено в республиканское горнило³⁰.

Так, при одинаковом обращении, одинаковом питании, одинаковой одежде и одинаковом обучении, равенство станет для юных учеников не благовидной теорией, а неизменно действенной практикой.

Так сформируется обновленное, трудолюбивое, разумное, дисциплинированное поколение, и непроницаемая перегородка отделяет его от нечистого соприкосновения с нашим состарившимся поколением.

Так, когда все они будут объединены, когда все они будут избавлены от бремени нужды и, в результате национальной щедрости, будут получать одинаковое воспитание, одни и те же знания, то и особые обстоятельства — удаленность от дома, бедность родителей — не сделают ни для кого из них иллюзорными благодеяния отечества.

Так бедности помогут, дав ей то, чего она лишена. Так богатство лишится части своих излишков, и таким образом без кризисов и конвульсий эти два недуга политического организма будут незаметно смягчены.

Этого случая оказать помощь многочисленной и важной части общества ожидали уже давно; революция, совершающаяся в течение последних трех лет, сделала все для других классов граждан; но еще не сделано почти ничего для, быть может,

самого нужного класса, для граждан пролетариев, чье единственное достояние — труд.

Феодализм уничтожен, но не для них; ибо они ничем не владеют в освобожденной деревне.

Налоги распределены более справедливо, но, ввиду самой их бедности, обложение их почти не касалось; поэтому и облегчение для них почти не ощутимо.

Гражданское равенство восстановлено, но они лишены образования и воспитания; они несут все бремя звания гражданина; но обладают ли они действительно способностью к выполнению почетных обязанностей, на какие может притязать гражданин?

Отмена габели — единственное благо, какое их действительно коснулось до сего времени, так как барщины уже более не существовало, и в настоящее время они страдали от дороговизны припасов, от падения спроса на труд и от волнений, неотделимых от политических бурь.

Это — революция бедняка... но революция мягкая и мирная, революция, которая совершается, не затрагивая собственности и не попирая справедливости. Усыновите детей нищих граждан, и нищета исчезнет для них. Усыновите их детей, и вы поможете им в наиболее важный период их жизни. Пусть эти молодые деревца будут пересажены в национальный питомник; пусть одна и та же почва дает им питательные соки, пусть их формирует одинаковый внимательный уход; пусть они, теснясь друг подле друга, как бы оживляемые лучами благотельного светила, растут, развиваются, устремляются вперед все вместе или опережая друг друга под надзором и мягким влиянием отечества!»

Вот план, который Лепелеттье де Сен-Фаржо обдумывал и намечал в трагические месяцы — в декабре 1792 г. и в январе 1793 г., и, хотя о его благородном и мощном творении было сообщено Конвенту и стране только 13 июля 1793 г., когда Робеспьер зачитал его с трибуны³¹, оно относится к тому первому, кипучему и богатому новым идеями периоду, который предшествовал 31 мая.

Если бы Лепелеттье не был сражен 20 января кинжалом Пари, то он, вероятно, опубликовал бы свой план еще до конца января. Он занимался им с первых же дней легислатуры, а его брат сообщает нам, что Лепелеттье имел на груди «большую рукопись, сложенную вдвое»³², в тот самый день, когда был убит.

Утверждали, что это утопия. Это упрек противников Лепелеттье по адресу его системы; защищая его, его брат высказывает, быть может, больше горячности, чем ясных доводов.

30. M. Lepelletier. Œuvres, p. 309—311.

31. См. выше, с. 19, прим 20.

32. M. Lepelletier. Op. cit., p. 265.

«Об этом институте, может быть, скажут, что это была мечта, утопия!.. Мечта! Мишель Лепелеттье был убежден в противном. Но если это — мечта для времени, в котором мы живем [эпоха Реставрации], то это была по крайней мере мечта истинного друга свободы, человека, понимавшего, какие основы нужны республикам, чтобы они были устойчивыми. Утопия! Именно таким образом хотели принизить высокие идеи Платона и Томаса Мора: *душа моего усопшего брата, утешься!*»

Не эта трогательная защитительная речь, унижительная для Мишеля Лепелеттье, утешит его божественную душу. Когда его брат сравнивает это сильное и смелое творение, вполне осуществимое на практике, с социальными набросками, которые Платон и Томас Мор предложили воображению или мысли, но не деятельности людей, он совершает, во вред могучему члену Конвента, весьма досадную оплошность.

Лепелеттье не был ни философом, ни автором социальных романов. Человек мысли и человек действия, облеченный мандатом, передававшим в его руки часть суверенитета нации, участник Революции, в корне обновившей общество и, казалось, сделавшей из человечества исходный материал, восприимчивый к совершенно новым формам, он искал ту систему воспитания, которая бы лучше всего подошла этой нации, одновременно и очень древней, и очень молодой, совсем исчерпавшей себя и совсем новой. Он не предлагал свой план как непродуманный набросок, блистательный и пустой. Он был убежден, как, впрочем, отметил и его брат, в том, что этот план осуществим, и старался сделать его именно таким. Он не предлагал Конвенту организацию полного коммунизма и даже не предусматривал такой возможности в отдаленном будущем; он предлагал только коммунизм, ограниченный сферой образования, временный. Он брал детей только на семь лет для обучения в школах первой ступени. У него было столь искреннее желание достигнуть цели, он так старался щадить предрассудки и считаться с привычками, что, несмотря на свое нетерпение, соглашался на четырехлетнюю отсрочку, прежде чем сделать обучение общественным и обязательным; и несмотря на свое желание уберечь детей от преждевременного религиозного уродования, соглашался — дабы облегчить получение согласия сельских жителей — на то, чтобы, наряду с национальным и общим образованием, исключительно национальным и светским, продолжало существовать религиозное обучение. Он успокаивал промышленную буржуазию, стараясь рассеять ее опасения относительно вмешательства государства в дело профессионального обучения и, как довольно естественного его продолжения, вмешательства в само производство.

«По окончании общественного обучения наибольшая часть наших учеников займется земледелием и ремеслами, так как эти два класса составляют почти всю нацию... *Обучение различным*

ремеслам не будет находиться в ведении закона. Наилучший учитель — выгода; наиболее убедительный урок — потребность. Поля и мастерские открыты. Не дело Республики обучать каждого земледельца и каждого ремесленника в отдельности; все, что она может сделать, — это осуществлять общий надзор за совершенствованием земледелия и ремесел и особенно способствовать их прогрессу путем действенных поощрений и законов здоровой экономики»³³.

Таким образом, не будет никакого вмешательства общества в экономическую деятельность. Государство не только не будет удерживать детей крестьян и рабочих после двенадцатилетнего возраста; не только будет заблаговременно передавать всю рабочую силу хозяевам производства, но оно откажется от контроля над профессиями, контроля, осуществлявшегося им над первым периодом воспитания. Выйдя из сферы этого временного коммунизма общественного обучения, дети снова столкнутся с законами неограниченной конкуренции и буржуазного индивидуализма.

Лепелеттье вовсе не по расчету, а потому, что сам не сумел поднять свой коммунизм «от основания к вершине», щадил и примирял все инстинкты борьбы и воинственной независимости промышленной и торговой буржуазии.

Даже в самой области общественного воспитания его притязания скромны. Он предлагает программу обучения, несколько более широкую, чем программа, предложенная комитетом для начальных школ, но все еще весьма умеренную — такую, которая никак не может вырвать детей из народа из их среды, «деклассировать» их, привить им понимание и повелительную потребность в более высоком жизненном поприще.

Наконец, то, как он понимает функционирование этих крупных национальных интернатов, объединяющих от 400 до 500 детей каждый, сводит к минимуму финансовые затруднения, на которые ему могли бы указать оппоненты. Их размещение не потребует больших средств, так как чаще всего для этого будут использованы помещения, уже перешедшие в государственную собственность. Режим, отнюдь не из соображений гнусной экономии, а в результате разумной заботы о здоровье, будет весьма простым и умеренным (быть может, более умеренным, чем это позволяет наш климат).

«Что касается питания, то надо отдать предпочтение пище самой простой и самой обычной, при условии ее обилия. Будет составлен список продуктов, необходимых для здоровья детей, и из определенного рациона всегда будут выбираться продукты, наиболее дешевые в условиях данного климата и данного време-

33. M. Lepelletier. Op. cit., p. 312.

ни года. Вино и мясо, по моему мнению, должны быть из него исключены; потреблять их в детском возрасте нет никакой необходимости; и чтобы дать вам представление о полезной бережливости, возможной в расходах на питание молодых учеников, я приведу вам факт, описанный во всех газетах того времени:

„Глубокой зимой 1788 г. священник церкви св. Маргариты в Париже с огромным успехом применял смесь из различных продуктов; он обеспечивал здоровую пищу огромному числу несчастных, причем стоимость порции взрослого человека не достигала и трех су в день“³⁴.

Далее, в общественных школах продукт труда детей, как он ни мал, тоже будет способствовать уменьшению расходов. Дети, правда, не будут там специализироваться в определенном виде труда; это нарушило бы и исказило цели общественного института, состоящие не в том, чтобы посвятить ребенка той или иной профессии, а в том, чтобы сделать его способным к любой.

И Лепелеттье просит наиболее выдающихся ученых века придумать виды труда, имеющие общевоспитательное значение. Наконец, всякий труд, какой бы общий характер ни носили воспитание и обучение, неизбежно имеет определенную форму; он материализуется в определенные предметы, способные становиться товарами. И Лепелеттье даже предусматривает, что дети иногда, в виде опыта и для приобретения навыков в выполнении определенных заданий, смогут работать на соседней мануфактуре. Отсюда и определенная продукция, которая может уменьшить расходы. Что на это сказать? Что означают эти детали, казалось бы довольно незначительные, если не то, что Лепелеттье старается убедить Конвент в осуществимости его плана на всех отношениях: этот план принимает во внимание как финансовые трудности Революции, так и предрассудки, которые нельзя устранить в один день? Итак, он был убежден — и вера его была велика и благородна, — что он предложил план, который можно немедленно осуществить.

И в конце концов, где здесь утопия? Что химеричного в этой системе? В плане Лепелеттье меня поражает то, что он, наоборот, является идеальным завершением, в направлении которого развивается организация обучения при французской демократии. Республика, конечно, не создала, даже в начальной школе, интерната, общего для всех социальных классов. Даже если отвлечься от весьма спорного вопроса об интернате, французская демократия еще не объединила в едином начальном обучении сыновей буржуа и сыновей пролетариев. Но развитие всей нашей системы движется в сторону общего воспитания. Прежде всего, даже при экстернате дети находятся в школе или в коллеже не несколько часов, как это утверждал Лепелеттье, говоря о проекте Кондорсе, а в течение целого дня и во все дни недели. Воздействие социальной общности на молодые умы таким образом доводится

до максимума. Затем, республиканской партии становится все более ясным, что обучение является, по существу, общественной службой, предназначенной всесторонне подготовить всех людей к условиям жизни современных демократий. Наконец, усилие идентифицировать первый цикл программы коллежей и лицеев, посещаемых буржуазией, с программой начальных школ, посещаемых детьми рабочих, направлены к объединению обучения рабочих и обучения буржуазии на первом его этапе. После установления общности программ, естественно, возникнет общность учреждений и общность дисциплины. Постоянное улучшение режима и гигиенических навыков в начальных школах мало-помалу смягчит сопротивление буржуазии объединению и слиянию в школах обоих классов. Так же как ныне буржуазия вынуждена согласиться для своих сыновей на общую жизнь в казарме, так прогресс в области нравов и законов заставит ее согласиться на общность школьной жизни. Наконец, муниципальные пособия на покупку учебников и школьных принадлежностей, школьные кассы для приобретения ученикам одежды, часто бесплатные школьные столовые — все это направлено на то, чтобы облегчить рабочим семьям содержание детей в период школьного обучения. Пока это еще только тенденции, но они будут развиваться по мере усиления общественного влияния пролетариата и проникновения социалистического духа в коммунальные и государственные учреждения. Эти тенденции соответствуют духу системы Лепелеттье, а она, весьма далекая от того, чтобы быть химерой, все более и более проникает в жизнь, по мере того как сама демократия все более становится реальностью. Этот вид школьного коммунизма проявился уже достаточно сильно, чтобы можно было предвидеть осуществление плана Лепелеттье гораздо раньше, чем будут преобразованы в духе коммунизма все экономические институты.

Итак, этот план вовсе не был утопией даже для того времени, когда он был сформулирован, так как он не предполагал решительного переустройства системы собственности: он с самого начала был приспособлен к непосредственно существовавшим формам революционной демократии. И то, что он осуществляется столь медленно, вовсе не говорит против него, так же как долгая задержка демократии, всеобщего избирательного права и революции не свидетельствует против демократии, всеобщего избирательного права и революции. Основополагающие идеи плана Лепелеттье вновь набирают силу каждый раз, когда оживает дух Революции; и поскольку эта система воспитания настолько солидарна с Революцией, она не может быть утопической в обществе, рожденном Революцией.

34. Ibid., p. 303.

Что верно, так это то, что Лепелетье де Сен-Фаржо связывал с ней больше социальных надежд, чем следовало. Даже полного коммунизма в начальном воспитании было бы недостаточно для слияния классов или хотя бы для ощутимого смягчения противоречий, порождаемых привилегией собственности. В одном и том же доме, при одном и том же порядке, при одной и той же дисциплине сыновья пролетариев и сыновья крупных собственников сохранили бы весьма острое ощущение противоположности интересов, поддерживаемой между ними социальной организацией. Но только те, кто верит в то, что одно общество целиком и сразу заменяется другим, будут склонны пренебрегать результатами первоначального коммунизма, каким бы неполным и поверхностным он ни был. Обязать богачей вносить большую часть средств на это общественное воспитание было великим делом.

Неизбежно возник бы вопрос: почему не продлить за пределами школы, посредством многочисленных учреждений, связанных со страхованием, кооперацией, экономическим сотрудничеством, это фактическое равенство, осуществленное в детстве? Почему не обязать богачей вносить средства на все эти учреждения? Так система воспитания Лепелетье, не ниспровергая непосредственно буржуазного экономического порядка и иерархии собственности, все же создала бы, в условиях господства режима неравенства, прецедент коммунистического равенства, воздействие которого мало-помалу вышло бы далеко за пределы школьного обучения. И в своих размышлениях Лепелетье был отнюдь не одинок. Не один Робеспьер, тогда весьма могущественный, как только этот план стал известен, в июле 1793 г., согласился с ним и стал его поддерживать. Не только Робеспьер с известным восторгом сказал Феликсу Лепелетье: «Это изумительно; это — первое творение, отвечающее величию Республики»³⁵. Не только в какой-то момент, в июле, можно было поверить, что Конвент положит этот план в основу своих трудов, но в ходе самой дискуссии в декабре 1792 г. блестящий жирондистский оратор Дюко, не входя в детали плана, который еще не был известен, подробно изложил аналогичные мысли.

«Я думаю, — сказал он³⁶, — что все дети, родившиеся в Республике, должны быть обязаны в течение определенного времени посещать начальную школу; пока вы посредством общего воспитания не приблизите бедного к богатому, а слабого к сильному, пока вы — если использовать выражение Плутарха — не направите всех сынов отечества по одному пути и не сформируете их по единому образцу добродетели, ваши законы будут тщетно провозглашать священное равенство, а Республика всегда будет разделена на два класса: *граждан* и *господ*»

Пусть же высокую энциклопедическую мысль проекта Кондорсе, с докладом о котором выступил Мари Жозеф Шенье³⁷, дополнят рационалистический пыл Жакоба Дюпона и великий об-

щественный дух Лепелетье! Какое изумительное богатство и широта идей в начинающем свою деятельность Конвенте! Система воспитания, которая видится Конвенту, достигает своей вершины самых высоких областей науки и философии и проникает, первым ее коммунистическим применением, в самую глубину народной и пролетарской жизни. От освобожденного и обновленного разума все члены Конвента, по-видимому, ожидают, даже помимо самых смелых институтов демократии с самого ее появления, освобождения и обновления жизни людей³⁸.

Полный перевод плана организации воспитания и образования, предложенного М. Ле Пелетье и доложенного Конвенту М. Робеспьером, можно прочесть в сборнике

«Педагогические идеи Великой французской революции»

<http://istmat.info/node/28666>

35 М. L e p e l e t i e r. Op. cit., p. 429.

36. Выступление Дюко 18 декабря 1792 г. см. выше, с. 11, прим. 8.

37 Шенье Мари Жозеф (1764—1811) — писатель, депутат Конвента от департамента Сена и Уаза, докладчик Комитета по народному образованию; в частности. 12 декабря 1792 г. он выступил с докладом о создании начальных школ.

38. Конвент принял свой декрет 29 фримера II г. (19 декабря 1793 г.); в конечном счете он не принял ни плана Кондорсе, ни плана Лепелетье, тем не ме-

нее, как и этот последний, Конвент занялся только «начальными школами». Обучение свободно; отец семейства посылает своих детей, по меньшей мере в течение трех лет, в школу по своему выбору Республика оплачивает учителей в соответствии с числом учащихся. Декрет не требует светского характера обучения, но он требует от каждого преподавателя свидетельства о гражданском благонадежности (цивизме). Речь идет о школьной системе, одновременно децентрализованной и контролируемой государством.

ИДЕИ ОТНОСИТЕЛЬНО СОБСТВЕННОСТИ

Но высокие идеи высказывались не только по вопросам воспитания и образования. Доверив комитету заботу о выработке проекта конституции, Конвент не захотел предоставить ему монополию исканий. Он предложил всем своим членам или, вернее, всем гражданам Франции, всем гражданам мира представить свои планы, сообщить свои соображения; а так как организация политической власти при демократии касается всех форм жизни, экономических форм так же, как и политических, так как Декларация прав человека ставит проблему собственности одновременно с проблемой свободы, так как институты, созданные волей людей, неизбежно воздействуют на создание и распределение богатств, то перед Конвентом был поставлен весь социальный вопрос. Проект, который Кондорсе представил в феврале от имени Конституционного комитета¹, хотя и был весьма смелым в политической области, хотя и доводил демократию до ее крайних форм, был, напротив, достаточно благоразумным и осторожным в вопросе о собственности. Но помимо этого центрального, официального проекта, было проявлено много инициатив, высказано много смелых мыслей, и сама концепция собственности, подтверждаемая и оправдываемая всеми, или почти всеми, подвергалась все же глубокой критике; требовали соблюдения определенных условий и ограничений.

Это потрясение основ показалось жирондисту Пеньеру (одному из наиболее ограниченных и наиболее суровых, одному из тех, кто наиболее решительно нападал на Дантона) настолько

страшным, что в своем «Плане и проекте Конституции для Французской Республики», представленном Конвенту 16 апреля, он считал себя обязанным указать на опасность².

«Мнение или, вернее, система, которая ведет к разрушению всякого социального порядка, поскольку он был первопричиной объединения рода человеческого, по-видимому, встречает некоторое одобрение у людей, чьи отцы, мало предприимчивые или расточительные, оставили им в наследство лишь силу их рук. Именно этот несчастный класс, несомненно, стараются ввести в заблуждение; ныне его используют все враги общественного порядка, чтобы замедлить или, лучше сказать, помешать организации Французской Республики. До сего времени никто не считал своим долгом выступить против этой абсурдной системы; рассудительный человек, обладающий некоторыми познаниями или хотя бы некоторыми представлениями о причине объединения людей, об их наклонностях, их натуре и их нуждах, никогда не думал, что в государстве, где индивид не может просуществовать за счет естественных продуктов земли и тем более удовлетворить свои потребности, когда-нибудь можно будет поставить вопрос о нелепом парадоксе — аграрном законе или разделе имущества. И если бы я не услышал даже здесь высказывания сторонников этой абсурдной меры, я не поверил бы, что в конце XVIII в. могут существовать французы, настолько глупые, чтобы предлагать своим согражданам возвратиться в леса, дабы питаться там желудями, или покинуть этот чересчур холодный и чересчур бесплодный пояс, чтобы жить как плодоядные в районе экватора³.

Поскольку собственность была причиной почти всех соглашений между людьми, поскольку она была первопричиной всякого управления и всякого политического института, то я, не уклоняясь от предмета моего рассуждения, могу установить некоторые принципы на этот счет. Собственность, в сущности, не является естественным правом человека, так как человек в естественном состоянии имеет право пользоваться всем, что он может для себя добыть, отнимая либо у животных, либо у себе подобных плоды или добычу, какие он встречает.

В естественном состоянии человек, несомненно, подобен всем другим животным, но, поскольку его инстинкт или разум сделали его венцом природы, он никак не должен быть ниже обезьяны

1. «Moniteur», XV, 456; «Archives parlementaires», LVIII, 583.
2. «Archives parlementaires», LXII, 477. Пеньер (1766—1821) — адвокат, мэр Сен-Жюльен-о-Буа (Коррез), депутат-заместитель от департамента Коррез в

Законодательном собрании, где он не заседал, депутат Конвента. Пенавидевший Гору, Пеньер резко обрушился на Дантона после измены Дюмурие. 3. Пеньер пишет на линии «равноденствия».

и бобра. Итак, у первобытных племен были стада, они вместе ловили рыбу и вместе охотились на животных, мясом которых они питались, а когда им понадобились сети, копья, хижины и сады, у них возникла собственность, и, как только кто-нибудь на нее посягал, законом становилась сила. Благодаря разуму и человечности на смену этому варварскому образу действий пришло соглашение, обеспечившее каждому члену общества пользование тем, что он обнес оградой и обработал или смог законно приобрести. Затем нашлись люди деятельные, трудолюбивые, экономные, умелые и умеренные; своими стараниями и трудами они увеличили доходность своей собственности; другие, ленивые или расточительные, не могли удовлетворить свои потребности урожаем со своих полей; они занимали у первых, а затем, чтобы расплатиться с долгами, были вынуждены уступать заимодавцам часть своего имущества. А так как их потребности потребления не уменьшались с уменьшением дохода от их собственности, то короткого промежутка времени оказалось достаточно, чтобы они лишились всего своего достояния. К этому классу людей надо также отнести людей, обедневших вследствие всяких бедствий, отцов, обремененных многочисленной семьей, и тех, кого законы лишили права наследования; отсюда нищета и богатство; и здесь зародыш всех пороков. Подобно тому как дуб, по воле случая родившийся на сухой и каменистой почве, смог вырасти лишь корявым, так и дуб, выросший на чересчур тучной почве, часто погибает из-за чрезмерного обилия соков. Но как только человек предоставляет в распоряжение общества свои руки, свое мужество и свою жизнь, это общество должно снабжать его и обеспечивать его существование, если действительные причины не позволяют ему самому обеспечивать себя. Ибо там, где общество позволит одному из своих членов погибать в нищете, в то время как среди его членов имеются богатые люди, — там не будет ни человечности, ни морали; и там, где все люди стали бы притязать на одинаковую роль или на одинаковые доходы, пришлось бы в принципе узаконить рабство одной части населения для работы в интересах другой. Это — простые истины, которые надо распространять возможно шире, чтобы вывести из заблуждения народ, который обманывают»⁴.

Какое бесцветное, неумное и скучное рассуждение! Но его интерес в том, что оно показывает, как всеобщее потрясение основ поставило под вопрос саму собственность. И те самые люди, которые защищали ее принцип, соглашались с тем, что она не является естественным правом, что она является социальным фактором и, следовательно, подлежит регламентации и зависит от социальных условий.

ИДЕИ АРМАНА ИЗ ДЕПАРТАМЕНТА МЁЗ

Арман, депутат от департамента Мёз, в своем сочинении «Некоторые мысли об основах нового общественного договора француз» гораздо сильнее подчеркивает в эгалитарном духе этот вид общественной зависимости собственности⁵.

«Не знаю, дано ли Национальному Конвенту Франции раскрыть наконец тайну общественного механизма, тайну, ускользавшую столько веков от всех попыток постичь ее, предпринимавшихся столькими предшествовавшими нам поколениями. Но я знаю, что отныне Права Человека не могут и не должны больше сводиться к тому, чтобы служить бесполезным и высокопарным предисловием к нашей новой Конституции».

Что можно на это сказать? Что, по мнению Армана, Права Человека должны быть определены таким образом, чтобы действительное экономическое положение людей было изменено и улучшено.

«Я также знаю, что слово «Республика» стало для французского народа магическим, которому тем более важно дать определение, что французский народ связывает с этой формой правления свои надежды на счастье; и что если Национальный Конвент не оправдает этих надежд, то он справедливо заслужит презрение и неодобрение народа... Достиг ли этой цели проект Конституции, представленный Национальному Конвенту 15 и 16 февраля сего года? В общем, я полагаю, что в этом проекте больше занимались формой, чем сутью или основами социального порядка.

...Сейчас я скажу так кратко, как смогу, какова, на мой взгляд, должна быть основа всякого правления, чтобы сделать его прочным и устранить, насколько человеческое благоразумие может добиться этого, моральные взрывы, всегда пагубные для поколений. Мое мнение создаст мне много врагов, у меня будет много противников, но совесть моя будет спокойна, и я выполню миссию, возложенную на меня народом. Настало время сказать правду.

4. Эта позиция Пеньера не была в то время исключением; она была составной частью наступления жирондистов на эгалитарные тенденции народного движения. 13 марта 1793 г. Верньо заявил: «Для социального человека равенство — это только равенство в правах». В конце апреля Петион выпустил свое «Письмо к парижанам»: «Вашей собственности угрожает опасность, а вы закрываете глаза на эту

опасность. Разжигают войну между имущими и неимущими, а вы ничего не предпринимаете для ее предотвращения...»

5. Quelques idées sur les premiers éléments du nouveau contrat social des Français... proposées à la séance du 17 avril 1793... (B.N., 8° Le³⁸ 2146, imp. in-8°, 24 p.) Арман из департамента Мёз (1751—1816) — адвокат, мировой судья в Бар-ле-Дюке в 1791 г., депутат Конвента от департамента Мёз.

Люди, которые пожелают быть правдивыми, вместе со мною признают, что после достижения политического равенства в праве самым естественным и сильным желанием было достижение фактического равенства. Скажу больше, скажу, что без желания или надежды на это фактическое равенство в правах было бы лишь жестокой иллюзией, которая вместо обещанных благ принесла бы самой многочисленной и самой полезной части граждан одни только танталовы муки. Прибавлю, что первоначальные социальные институты не могли иметь иной цели, кроме установления фактического равенства между людьми; скажу еще, что в моральном отношении не может быть более нелепого и более опасного противоречия, чем равенство в правах без фактического равенства; ибо если я обладаю правом, то фактическое лишение меня пользования этим правом — несправедливость».

Итак, собирается ли Арман предложить полный экономический переворот, имеющий своей целью осуществление фактического равенства, т.е., если я хорошо его понял, равенства власти, собственности и пользования?

«Я должен здесь сделать важное заявление: я заявляю, что какова бы ни была суровость моих принципов, касающихся равенства, я не претендую ни на обновление социального порядка, ни на насильственное уравнивание собственности. Такой проект или такое начинание не могут быть осуществлены без ужасающих опустошений и катастроф, какие явились бы их следствием, и даже думать об этом невозможно. Но я желаю, чтобы мудрые законы, изданные на основе этих принципов, стали бы благодетельной опорой равенству при его зарождении. Я желаю, чтобы с помощью спасительных и прогрессивных институтов два этих земных божества были незаметно подняты на должную высоту. Более бурные или более продолжительные волнения могли бы оказаться для них только пагубными. Я знаю, что для народа, состарившегося и закисневшего в своих обычаях и развращенного эгоизмом и предрассудками, дело обстоит иначе, чем для девственного народа: для формирования девственного народа не надо ничего разрушать, но, чтобы вернуть развращенному народу лежащее в развалинах истинное устройство, придется прибегнуть к самым мудрым мерам предосторожности, чтобы не увлечь его под эти руины.

Права Человека, вновь сформулированные гражданином Спейесом, принесли ему бессмертие; но Учредительное собрание, ограничив эти права политическим равенством в правах, ничего не сделав, или, так сказать, ничего, чтобы подготовить, насколько это возможно, фактическое равенство, уподобилось судье, который, судя вора, да еще схваченного с поличным, удовлетворялся бы наказанием, установленным законом, не потребовав при этом возвращения украденного. Право владельца было бы подтверждено

наказанием, вынесенным вору, но это право было бы иллюзорным без возвращения украденного, которое одно может дать владельцу возможность пользоваться своим правом».

Образ смелый и на редкость революционный, так как ясно, что Арман имеет в виду не одни только отмененные феодальные права; он думает о всей совокупности злоупотреблений, привилегий, монополий, насилия, которые отдали части граждан почти все земли, почти все богатства; и имущие классы, владеющие награбленным на протяжении веков у слабых, у бедных, у зависимых от них людей, предстали перед философской и отвлеченной Революцией, как перед бездеятельным судьей, который провозгласил бы упразднение их мнимого права, не заставив их возвратить захваченное. Каким бы медленным и каким бы осторожным ни было действие предусмотренных Арманом законов, они направлены на возвращение захваченного. Да, это — важное заявление, которое допускает существование нынешних форм собственности только как печальный пережиток старой несправедливости.

Из этих столь широких предпосылок Арман делает весьма ограниченные выводы⁶:

«Но как могут социальные институты обеспечить человеку фактическое равенство, в котором ему отказала природа, без посягательства на земельную и промышленную собственность? Как достичь этого без аграрного закона и без раздела имущества? Секрет весьма прост: *предупреждать злоупотребления собственностью и промышленностью*, препятствовать землевладельцам вести спекуляцию продуктами первой необходимости для бедняка; все зависит от этого, и чем проще секрет, тем он вернее

Несомненно, надо сохранить уважение к собственности; но самая роковая и жестокая ошибка, в которую впали Учредительное собрание, Законодательное собрание и Национальный Конвент, рабски следуя по стопам прежних законодателей, состоит в том, что они, декретируя уважение к собственности и ее сохранение, не установили пределов этого права и оставили народ во власти алчных спекуляций бесчувственного богача⁷.

6. Обычный ход эгалитарной мысли той эпохи. В мыслях Армана о собственности нет ничего оригинального: они имеют в своей основе общий источник, из которого черпали в большей или меньшей степени все революционеры, в частности монтаньяры и якобинцы. Речь идет о неопределенном руссоизме, даже если Арман не придержива-

ется всех взглядов Руссо на естественное состояние: собственность, источник неравенства, критикуется, но тем не менее утверждается, что «равенство имущества — химера».

7. Избитое утверждение для 1793 г.: право собственности должно быть подчинено праву на существование.

Незачем спрашивать себя, могут ли по закону природы существовать собственники и имеют ли все люди одинаковое право на землю и на то, что она приносит; у нас нет и не может быть сомнений в справедливости этой истины. Но при этом важно знать и точно определить следующее: если в социальном состоянии всеобщая польза допускает существование права собственности, то она должна также ограничивать пользование этим правом и не оставлять это на произвол собственника. *Ибо, если допустить это право, не приняв мер предосторожности, то человек, который из-за своей слабости в естественном состоянии был обречен на угнетение более сильным, лишь сменит свою несчастную долю на такую же в условиях социальных уз. То, что было слабостью в его первом состоянии, стало бедностью во втором; в первом он был жертвой более сильного; во втором — жертвой богача и интригана; а общество, далекое от того, чтобы быть для него благодеянием, лишает его, напротив, его естественных прав, проявляя при этом тем большие несправедливость и варварство, что в естественном состоянии он по меньшей мере мог отнимать пищу у диких животных, теперь же люди, еще более дикие, чем звери, лишили его этой возможности в силу как раз социальных уз, и в такой степени, что неизвестно, что должно нас более изумлять — неразумная ли бесчувственность богача или добродетельное долготерпение бедняка».*

Вот наконец требование угнетенных, обездоленных людей, освобожденное от роковой двусмысленности, которую примешивал к любому социальному протесту парадокс Жан Жака. Когда в своей ненависти к искусственной и несправедливой цивилизации он, казалось, прославлял естественное состояние, он искажал дух и взгляд людей; с неким двусмысленным сожалением он обращал этот взгляд к химерическому прошлому мнимой невинности и ложного равенства. Но не вся мысль Жан Жака была в этом, и не во всем, что им создано, присутствует парадокс. Но его было достаточно, чтобы извратить его мысль, и порой не знаешь, революционна она или ретроградна. Арман свободен от этих расслабляющих и пессимистических мечтаний. Нет, ни в естественном состоянии, ни в социальном, непосредственно сменившем его, нет ничего завидного. Это была абсолютная власть грубой силы⁸, и если социальное состояние дурно, то не потому, что оно отличается от естественного состояния, а, напротив, именно потому, что оно слишком на него похоже, так как оно является лишь его продолжением под покровом новых форм. Да, социальное состояние, при котором богатый, т.е. сильный, угнетает бедного и принуждает его голодать, — это в действительности естественное состояние, но такое состояние, при котором вялая покорность эксплуатируемых пришла на смену былому возмущению.

«Однако именно на этом долготерпении и основан социальный

порядок: именно благодаря этому долготерпению сластолюбивый богач пребывает в покое; именно в результате этого добродетельного и великодушного долготерпения бедняк, с детства гнуший спину на земле, обретает покой, только окончив свои дни, когда, чтобы больше ее не видеть, он счастлив обрести конец своих бед в этом страшном покое. И мы, в награду за такую его добродетель, отдали бы еще его во власть наших варварских институтов и осмелились бы увековечить их гнет и злоупотребления! Нет, граждане; нет, добродетельные обездоленные! Национальный Конвент не покинет вас; то, что он сможет сделать для вас, будет иметь лишь один предел — сохранение социальной организации и вечную справедливость.

В проекте Конституции, представленном Конвенту, и во многих других проектах, появившихся затем, полностью признали право на существование, принадлежащее каждому гражданину, отдающему свой труд обществу. Много говорилось об общественной помощи и об обязанностях общества в этом направлении, но при этом не различали характера и форм этой помощи. А меры, которые сам Национальный Конвент, столь же безрезультатно, сколь и преждевременно, уже принял в этом отношении, показались мне лишь паллиативом, тем более безнравственным и неполитичным, что способ помощи, принятый Конвентом, становясь бременем для государственной казны, не только будет обременять в большей или меньшей степени обездоленного, который таким путем одной рукой будет получать то, что будет отдавать другой, но и приведет к тому, что богач, внося свой налог, покроеет только такие общественные расходы, как содержание вооруженных сил, администрации и т.д., но ничего не сделает для бедняка, чье торжественное провозглашенное равенство прав заставит его только еще острее почувствовать отсутствие фактического равенства. Ибо можно сколько угодно говорить, что бедняк, как и богач, пользуется равными правами перед законом, это лишь политический обман; голодному или нуждающемуся человеку нужно не духовное равенство. Такое равенство у него было в естественном состоянии. Повторяю это, ибо не в этом благо общества, ибо если ограничить этим Права Человека, то для него было бы много лучше остаться в естественном состоянии, разыскивая и добывая себе пищу в лесах или на берегу морей и рек.

После того как способ общественной помощи был одобрен Конвентом, Дантон предложил и провел более действенную меру, которую можно рассматривать как первый шаг к фактическому

8. В естественном состоянии, пишет Арман, «люди вовсе не пользуются фактическим равенством, так как инстинкт и

сила устанавливают между ними очень большое неравенство» (р. 19).

равенству⁹; он провел постановление о том, чтобы излишек в цене оплачивал богатч, но, помимо двойных операций и сложности этой меры, я нахожу здесь весьма значительное неудобство, которое вызвало бы бесконечные протесты из-за неизбежного произвола (какие бы предосторожности не принимали) в распределении излишка в цене, по которой хлеб будет продаваться бедняку.

Эта мера вызовет и другое, столь же значительное затруднение, и операция, можно сказать, станет неосуществимой. Например, по какому признаку человек будет признан бедняком? Как провести разграничение, позволяющее отличить гражданина, который будет иметь право на скидку в цене хлеба, от гражданина, который не должен ею пользоваться? Не послужит ли эта скидка поводом для алчности и искушением надеть личину бедности? Вот, без сомнения, соображения, отнюдь не продиктованные желчью зависти или желчью критики; я считаю их основанными на разуме и знании человеческого сердца.

Но какова была цель Дантона, когда он предлагал этот закон, в равной мере делающий честь его принципам и его сердцу? Цель его была — облегчить существование бедняку соразмерно с его средствами, оградить его от алчности богача, возложив на последнего часть расходов на питание бедняка. Но ведь и без сложных средств и без перестройки, которая потребуется в результате закона, принятого по предложению Дантона, очень легко достичь поставленной им цели, и средства для ее достижения вам были уже давно указаны в многочисленных требованиях департаментов и отдельных граждан. Они состоят в определении права собственности и ограничении пользования им, в приведении в справедливое соответствие цены на продукты первой необходимости со средствами бедняка, в установлении твердых цен на продукты по всей Республике¹⁰.

Может показаться весьма странным, что я нахожу нужным, чтобы Права Человека и Гражданина заключались в таксации продуктов земли, и я ожидал возмущения общественного мнения этим предложением; но, каково бы ни было это удивление, я заявляю, что не вижу иного пути и иного средства достижения свободы и равенства, и настаиваю на том, что существование их немислимо без предполагаемой мною меры.

Я знаю так же хорошо, как всякий другой, установленные различия между равенством прав и фактическим равенством, между равенством политическим и равенством гражданским; я сознаю это различие и знаю, каковы его оттенки. Но я знаю так же хорошо, что если эти различия не игра слов, то они по меньшей мере уловка, тем более удобная, что она льстит нашему воображению; я также знаю, что две вещи, между собою различные, не исключают одна другую по этой причине, и что если какие-либо человеческие институты имеют право на общественную

значимость, то это именно равенство прав и равенство фактическое; единственное различие между ними состоит в том, что равенство прав абсолютно, а равенство фактическое не является и не может быть таковым, *по крайней мере до сих пор*. Я вижу вытекающие из этого две истины или два неизбежных следствия. Первое состоит в том, что, чем труднее достичь фактического равенства, тем больше общество должно к нему стремиться, чтобы обеспечить равенство прав; это — его главная цель. Второе состоит в том, что граждане не могут требовать ничего большего и что поскольку полное уравнивание имущества и богатств столь же невозможно, как уравнивание духовных и умственных способностей отдельных лиц или же разных свойств почвы, то общество сделает в этом отношении все, что оно должно сделать, когда устранит существующее чудовищное неравенство и предупредит его возможное появление. Из тех же соображений и по тем же причинам общество должно было бы давать одинаковое образование всем своим членам. Хотя не все смогут воспользоваться им с одинаковым успехом или с одинаковой выгодой, однако это различие отнюдь не служит основанием для того, чтобы их от него освободить, наоборот, оно делает это образование тем более обязательным.

Эти принципы никогда не были принципами какого-либо правительства; напротив, допускали расовые различия и различия по происхождению, бредовые идеи доходили до различий по крови, и легковверный и обманутый народ верил тому, что эти химерические различия неизбежно приводили к различию в богатстве. Появились священники, с самого своего рождения бывшие рабами, пресмыкавшимися перед тиранами, а затем ставшие их соперниками; именем неба они всегда оспаривали и разделяли власть или право обманывать и притеснять людей, проповедуя им отказ от земных благ, чтобы легче овладеть последними самими, и суля им в утешение блаженство на небесах. Так они говорили, но в действительности они делали это для того, чтобы отвлечь их от размышлений о своем положении и своих правах и сковать их разум, тревожа и муча их воображение неведомо какой выдумкой об аде и рае.

9. 5 апреля 1793 г. Дантон провел декрет, согласно которому всюду, где цена на зерно не находится более в справедливом соотношении с заработной платой рабочих, «государственное казначейство будет предоставлять необходимые средства, взыскиваемые с крупных собственников; с их помощью можно будет оплатить излишек в цене, приведя ее в соответ-

ствие с заработной платой нуждающихся граждан». Декрет оказался неприменимым. [Примечание А. Матьеза.] См.: «Moniteur», XVI, 73; «Archives parlementaires», LXI, 347.

10. Имеется в виду максимум цен на продукты питания, который в конце концов будет декретирован Конвентом 29 сентября 1793 г.

Это, несомненно, было ловкое измышление и удачный отвлекающий прием — думать о небесах, чтобы забыть о земле; но он перестал действовать, и люди, которых слишком долго обманывали, сумеют, я надеюсь, с помощью новых, ими самими выбранных служителей культа, обезопасить себя отныне от этих заблуждений и примирить небо с землей. Эти служители культа объяснят им, что человек, делающий добро на земле, может без страха смотреть на небеса над своей головой.

Как бы то ни было, прежде чем подытожить наши мысли и принципы, я, полагаю, должен предусмотреть и ответить на некоторые возражения, которые будут мне сделаны.

Первое и наиболее опасное, хотя и самое безнравственное, — это ссылка на мнимое право собственности в распространенном смысле этого слова. Право собственности! Но что такое это право собственности? Понимают ли под этим неограниченное право распоряжаться ею по своему усмотрению? Если его понимают так, то я громко заявляю, что это значит признавать закон более сильного, это значит попираť волю сообщества, это значит призывать людей назад к осуществлению естественных прав и провоцировать разложение политической организации. Если, напротив, его понимают не так, то я спрашиваю, каковы же будут мера и пределы этого права? Ибо это необходимо. Вы, несомненно, не ожидаете этого от умеренности собственника. Так вот, граждане, вы найдете их только в прямой и немедленной таксации цен на продукты первой необходимости.

Хотите вы искренне счастья народа? Хотите вы успокоить его? Хотите вы связать его нерасторжимыми узами с успехом Революции и с установлением Республики? Хотите вы положить конец внутренним беспорядкам и волнениям? *Объявите сегодня же, что основой Конституции французов будет ограничение права собственности* и таксация цен на продукты первой необходимости, таких, как хлеб (зерно), мясо и дрова.

Граждане, Революцию надо совершать уже не только в умах, не только в этом надо искать ее успеха. Там она уже давно совершена и завершена. Вам это подтверждает вся Франция. Но нужно наконец, чтобы эта Революция, от которой зависит счастье рода человеческого, дала себя полностью почувствовать в вещах. Ну, какое значение имеет для народа, какое значение имеет для всех людей перемена воззрений, которая принесла бы им лишь духовное счастье? Несомненно, можно восторгаться переменой воззрений, но эти духовные блага ценятся только высокими умами и людьми, пользующимися всеми дарами судьбы. Им легко упиваться свободой и равенством; народ тоже сперва с восхищением и воодушевлением выпил их полную чашу, он тоже был опьянен ими; но бойтесь, как бы это опьянение не прошло, и как бы он, успокоившись и став еще более несчастным, чем прежде, не приписал этого обольщению неких мятежников

и как бы он не пришел к мысли, что был игрушкой страстей или доктрин и честолюбия нескольких человек. Моральное состояние народа — ныне лишь прекрасная мечта, которую надо сделать явью, и вы можете этого достигнуть, только произведя в вещах такую же революцию, какую вы совершили в умах. *Не уподобитесь ли вы тем священникам, о которых я вам говорил? Они сводили все к духовности и сулили народу недостижимое счастье на небесах, дабы завладеть землей, питавшей их бесстыдство и гордость. Потребности нельзя сделать духовными: свобода и равенство являются, без сомнения, двумя главными земными божествами; они — два главных дара природы, но, чтобы пользоваться ими вечно, надо иметь также долю и всех других ее даров.*

Я предвидел или по меньшей мере думаю, что предвидел результаты, какие подобная мера вызовет во всех моральных и физических сторонах жизни и в побочных явлениях. *Я предвидел революцию в торговле, понижение цен на все продукты земли и предметы человеческого мастерства; но, повторяю, нужно, чтобы такая революция совершилась, не то потерпит крах другая.*

Человек состоит из двух довольно различных начал; одного, которое называют духовным, и другого, которое называют материальным, или вполне ощутимым. Для первого революцию совершили; нужно, чтобы ее совершили и для второго. Нет, не нужно нам больше обмана, полойдем честно к факту и к источнику зла. Положим конец тревогам богача и нужде бедняка. Обеспечив собственность одних, мы таким образом обеспечим существование других».

Не правда ли, это напоминает первую формулу сен-симонистской «реабилитации плоти»? По-видимому, налицо довольно странное несоответствие между предпосылками Армана из департамента Мёз и его выводами. Провозгласить, что равенство в правах должно быть дополнено и осуществлено благодаря фактическому равенству, объявить, что общество должно всеми средствами стремиться к осуществлению реального равенства состояний, а затем просто заключить, что нация может и должна ввести таксацию цен на хлеб, мясо и дрова, — это, по-видимому, значит вызывать к великим принципам ради весьма скромных результатов. Но Арман, как и все члены Конвента, находился под влиянием требований страдающего народа, который удручал или беспокоил рост цен на продовольствие, и социальная проблема представляла в его глазах в виде продовольственной проблемы. Огромной иллюзией было полагать, что таксация цен на некоторые продукты первой необходимости ощутимо смягчит социальное неравенство. Таксация, если только не довести ее до такой степени, когда всякая земельная рента будет поглощена и когда имущества, явно непроизводительные или обременительные, будут переданы нации и крестьянам (а Арман решительно отрицает, что он хотя бы на минуту желал бы таких последствий), оставляла

в неприкосновенности все функционирование собственности и позволяла развиваться капиталу во всей его мощи.

Но во взглядах Армана интересно не то, какое применение дает он своим принципам. Это применение полностью подчинено обстоятельствам момента. Важно прежде всего то, что он подумал о внесении в Декларацию прав человека пункта об ограничении права собственности. Важно то, что он сформулировал как право человека ограничение права собственности. Этот принцип, в такой форме записанный в саму конституцию, вышел бы далеко за пределы того непосредственного применения, какое Арман собирался ему придать. Поистине именно этот принцип послужил основой всего законодательства, направленного на защиту труда. Арман чувствовал или считал себя одиноким. И действительно, большинство членов Конвента не решалось придать своей мысли столь ясную и резкую форму. Но многие из них были готовы, в сущности, толковать право собственности в духе Армана¹¹.

Робеспьеру претила мысль оставить праву собственности абсолютный характер, и в этом вопросе, как я докажу ниже, его взгляды совпадают с взглядами Армана. Но он не выражал их с такой резкостью, и что особенно отличает мысль Армана от мысли Робеспьера, так это то, что Арман в своей социальной концепции был значительно меньшим «спиритуалистом». Он значительно сильнее настаивает на тщете чисто духовного удовлетворения и на необходимости материальной и экономической реформы. «Революция в умах» удовлетворяет его значительно меньше, чем Робеспьера; он хочет «революции в вещах», т.е., по сути, революции в социальных отношениях. Но уозсть его выводов выставляет даже его принципы в неблагоприятном свете. При виде столь куцых заключений, которые он из них выводит, можно подумать, что он сам не придавал теоретическим формулировкам, изложенным им вначале, всего их значения¹².

СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ БИЙО-ВАРЕННА

Социальная мысль Бийо-Варенна гораздо шире, гораздо сильнее, гораздо проникательнее. Это не только своего рода случайное возмущение духа, обусловленное временным вздором продовольствия. Бийо-Варенн исследовал глубокие и постоянно кровоточащие раны общества, в котором собственность немногих доводит большинство людей до нищеты и рабства¹³.

Бийо-Варенн излагает свою критику социального порядка в «Основах республиканизма», первая часть которых вышла в свет 15 февраля 1793 г.¹⁴ Прежде всего он с огромной силой протестует против мнимой неизбежности существования бедных людей;

он опровергает софизм, гласящий, что вечная бедность является даже условием активности народа и человеческого труда.

«Поденщика и рабочего, сказал Вольтер, нужно довести до необходимости трудиться; такова человеческая природа; надо, чтобы это огромное множество людей было бедным, но не надо, чтобы оно испытывало крайнюю нищету»¹⁵.

Бедность без нищеты! Несчастные без несчастья! Какая непоследовательность! Какая нелепость!... Как можно утверждать, что искусственно создаваемая нищета присуща природе человека, когда он окружен такими богатствами! И так досаточно зол сопутствует непосредственно его существованию, чтобы некая макиавеллевская политика еще старалась увеличить бремя его невзгод, ободряя его угнетателей! Как? Нужда должна быть уделом большинства! Конечно, легко говорить таким языком, когда сам ты принадлежишь к меньшинству тех, кто купается в изобилии! И требовалось ли самому Вольтеру, этому философу-эпикурейцу, чувствовать временами нужду, чтобы написать девяносто один том своих трудов, ему, обладавшему значительным состоянием и тем не менее бывшему одним из трудолюбивейших

11. Мы еще раз отмечаем здесь, что мысли Армана отнюдь не оригинальны. Идея, что Республика не может существовать без известного социального равенства, была характерна для мысли XVIII в., от Монтескье до Руссо. Точно так же, как и мысль о том, что фактическое равенство требует если не ограничения права собственности, то по меньшей мере регламентации торговли продуктами питания. Даже когда было провозглашено право на существование, право собственности оставалось неприкосновенным. В этом вопросе, конечно с некоторыми оттенками, монтаньяры и якобинцы были единодушны с санкюлотами, как и санкюлоты. Они не смогли освободиться от этого противоречия.

12. Вне всякого сомнения. Но не оказывает ли Жорес чрезмерного доверия Арману? Искренность его теоретических положений сомнительна. Не имеем ли мы здесь дела с сочинением, вызванным обстоятельствами, с риторическими упражнениями? Личность Армана остается все-

ма подозрительной. После 9 термидора он был ярким реакционером, разоблачал сторонников Робеспьера, преследовал народные общества. Одно время, в 1800 г., он был префектом департамента Нижний Рейн; во время Империи служил по собственному желанию в полиции. Как пишет Жорес, Арман не придавал всего их значения теоретическим формулам, которые он выдвигал в принципе.

13. Бийо-Варенн Жан Никола (1756—1819) — светский преподаватель в коллеже в Жюйи, подчиненном конгрегации ораторианцев, затем адвокат, заместитель прокурора Коммун после 10 августа 1792 г., депутат Конвента от Парижа, сослан в 1795 г. Хорошего биографического исследования о Бийо-Варенне нет.

14. Billaud-Varenne. Les éléments du républicanisme... (B.N., 8° Lb⁴¹ 2383, imp.in-8°, 132 p.) Эта брошюра датирована: Париж, 1 г.

15. Ibid., p. 85.

людей века вплоть до преклонного возраста, когда ему было уже за восемьдесят лет!

Без сомнения, человек, доведенный до положения вьючной скотины и принужденный работать без отдыха, будучи при этом уверен в том, что он никогда не получит и малой доли плодов своего труда, быть может, и отказался бы от этого тяжелого труда, если бы его к этому не побуждал голод, подобно тому как удары бича заставляют жертвы алчности испанцев заживо погребать себя в копиях Перу. Но восстановите равновесие, и, как бы ни трудны были задачи общества, всегда найдутся люди доброй воли, готовые их осуществить. Существует ли более изнурительная профессия, притом подвергающая здоровье и жизнь человека стольким опасностям, чем ремесло моряка? Однако, едва матрос ступит на сушу, как он, не думая о том, чтобы воспользоваться выгодами от своих странствий, горит желанием вновь отправиться в плавание. Не надо быть знатоком человеческого сердца, надо уподобить нас животному, тут же засыпающему, как только оно удовлетворило свои потребности первой необходимости, чтобы предположить, что человек, по его примеру, может оказаться движимым такими же желаниями. И кто не знает, что моральные соображения безраздельно властвуют над нами и что даже дикарь поддается их власти, раз он чувствителен к славе и считает самыми прекрасными днями своей жизни те, когда он отличился на войне? Кто не знает, что цивилизованное состояние погружает всех нас, подобно Танталу, в поток ощущений, и в результате наслаждения, даваемые воображением и сердечными переживаниями, неизменно отодвигают на второй план наслаждения чисто животные?

...Страсти, кипящие у нас в душе, подобны постоянному столкновению стихий, которые, стремясь, казалось бы, разрушить Вселенную, напротив, увековечивают ее и служат для оплодотворения всех ее животных начал. Повторю еще раз: только человек, никогда не думавший о губительных последствиях бедности, может позволить себе считать ее необходимой».

Нет, эта злосчастная бедность, эта парализующая бедность, далекая от того, чтобы возбуждать энергию человека, которую она притупляет или убивает, не является необходимостью. Она — препятствие для прогресса и отнюдь не является его условием. И она вовсе не представляет собой неизбежное следствие человеческой природы. Она — следствие порочного социального порядка, сосредоточивающего в руках немногих людей богатства, произведенные великим множеством людей. Она — результат отсутствия силы и обеспеченности, на которое обрекает большинство людей отсутствие собственности.

Нищенство становится следствием накопления богатств, так как их обладателям достаточно пошевелить пальцем чтобы лишить средств к существованию всякого, у кого есть лишь разум и руки.

И конечно, когда нищему говорят: «Иди работать!», а он отвечает: «Дайте мне работу!», то какой это горький упрек для наших социальных институтов! И в какое смущение должен привести этот ответ всякую чувствительную душу! Мирабо, чье лукавое коварство превосходило его выдающиеся способности, Мирабо все-таки ошибся, когда признал, прибегнув к демагогической аксиоме, что надо быть либо собственником, либо наемником, либо вором, так как остается еще четвертый способ существования — питаться подаванием; *это состояние столь близко к положению наемника, что оно чересчур часто становится единственным его уделом. Если рабочий останется без работы, если ремесленник заболеет, если слуга будет уволен, то все эти люди вскоре станут умирать от голода, не найдя себе сразу занятия.* Вот почему, если в деревне нам не бросается в глаза недостаток больниц, то они стали необходимыми в так называемых процветающих городах. Из этой истины следует, что в тех местах, где обитает богатство, ресурсы во сто раз более ограничены, чем там, где живут люди среднего достатка. Ремесленник, изготавливающий предметы роскоши, ограниченный своим искусством, неспособный выполнять никакую иную работу, кроме той, какой он себя посвятил, становится бесполезным для общества и бременем для самого себя с того момента, когда вследствие какого-нибудь личного несчастья или какого-нибудь общественного потрясения он вдруг останется без занятий. И вот мы, к своему стыду, должны сказать: нищенство, которого, по-видимому, не знали древние, у нас превратилось в настоящую профессию, имеющую свой жаргон, свои правила и свои хитрости, в профессию, которую отец французских философов, превосходный наблюдатель, Монтень так хорошо определил, как ремесло *нищенства* (*gueuserie*)»¹⁶.

Бийо-Варенн, несомненно, преувеличивает обеспеченность жизни в эпоху древних цивилизаций и в чисто земледельческие периоды. Тогда существовали почти бесконечные бедды, быть может, более скрытые, но не менее глубокие. Может быть, он предложит нам какую-либо патриархальную утопию? Посоветует ли он нам вернуться к сельской жизни, к скромным привычкам и вкусам? Или он хочет излечить порок бедности своего рода всеобщим отречением? Но Бийо-Варенн прежде всего любит то, что можно назвать великой коллективной роскошью. Если он хранит в памяти суровость Спарты, то перед его глазами стоит также грандиозное видение величественного Рима, столь близкое сердцу людей XVIII в., воспитанных на этом.

Он предлагает как для того, чтобы придать больший блеск современной жизни, так и для того, чтобы занять рабочих, принять обширные и великолепные общественные работы: пусть нация и городские общины строят повсюду амфитеатры и ак-

¹⁶ Ibid., p. 92—94.

ведуки, прокладывают широкие триумфальные пути, поистине достойные народа-короля. Но он не хочет посягать на роскошь частных лиц и препятствовать развитию промышленной и торговой цивилизации. Всякая насильственная реформа, проведенная грубо и наперекор современному движению, только усилила бы нищету, которую она хотела бы устранить.

«Если только мощный взрыв не смешает всего или если речь не пойдет об организации колонии, что, уравнивая все интересы, обеспечивает преобладание интересов общественного блага, реформатору страны остается лишь наметить Конституцию. Он должен составить ее так, чтобы она обеспечила возврат к всеобщему благоденствию, не вызывая, однако, внезапных потрясений, конвульсий, что сделало бы бесполезными его усилия и угрожало бы существованию всего мира, и что, быть может, подвергло бы самого реформатора опасности стать первой жертвой своего же безумия... Например, первой ошибкой было бы прибегнуть к законам против роскоши, чтобы устранить ее опасность. *Ибо такая мера, не направленная против зла в его корне, сводится к временному уничтожению его внешних проявлений.* Все запретительные установления становятся стимулом, соблазном, которые, удваивая ценность запрещенной вещи, увеличивают нарушение... И затем, формальное и внезапное запрещение ремесел, кои не являются чисто механическими, в государстве, где торговля стала необходимой отраслью, вызовет потрясение, которое может все разрушить, парализовав одним ударом все руки, занятые в мастерских, а это довело бы до крайних пределов нищеты и отчаяние, когда, напротив, надо думать об ограничении числа несчастных людей. *Все зависит от политического порядка; и если земледелие — главная основа процветания, то торговля становится первой помощницей земледелия;* это она делает производительными полезные мануфактуры, где обрабатываются шерсть, лен и даже шелк. Именно благодаря ей вывозят за границу всякую земледельческую продукцию. Это она доставляет сырье, которое обрабатывает и благодаря которому растет промышленность. Словом, она, будучи посредницей между нациями, содействует, благодаря огромному обращению звонкой монеты, деловой активности и благоденствию и возмещает многочисленному народу неравенство или недостаток земельной собственности, которой ныне не хватает для того, чтобы каждый обладал надлежащей частью¹⁷.

Было бы, несомненно, лучше, было бы гораздо удобнее, если бы нация могла быть чисто земледельческой. Тогда рост частных имуществ был бы менее легким, и их уровень в большей степени обеспечивал торжество равенства и свободы. Но когда все народы неизмеримо отошли от этого первобытного состояния, когда каждая страна оказывается задетой и стесненной другими торговыми народами преуспевшими в науках, в политике и в ремеслах,

когда внутри государства поднялись города, которые могут существовать только с помощью промышленности, — притязать на введение неопределенной и неосуществимой системы означало бы предлагать полное ниспровержение всего, означало бы желать предания всех городов огню, означало бы, следовательно, требовать невозможного и неминуемо не достичь цели. Трибун Филипп предсказал неминуемое падение Римской империи, объявив народу, что в республике нет и двух тысяч землевладельцев. Но он в то же время лишь ускорял ее крушение, требуя для предупреждения этого несчастья равного распределения земель между гражданами. Аграрный закон, в его истинном значении, мог бы быть принят нацией, которая, погрязнув в нищете, встретила бы с энтузиазмом то, что, казалось, сулило ей лучшую участь. Но в условиях общественного, политического порядка это лишь прекрасная химера, и тот, кто предлагает аграрный закон, не более чем плут, стремящийся снискать благоволение народа, или невежда, никогда не изучавший результатов цивилизации».

Итак, никакой реакционной утопии и никакого дробления земли в законодательном порядке! Но как в наших сложно устроенных обществах, в основном сельскохозяйственных, но в то же время торговых и промышленных, привыкших к утонченной роскоши, к изысканным наслаждениям жизни, как обеспечить в них не невозможное уравнивание, но хотя бы удовлетворительное равенство? Бийо-Варенн предлагает две важные меры: одна более применима к земельной собственности, другая — ко всем видам богатства.

«Для достижения этого результата необходимы различные мероприятия. Первое — объявить, что отныне каждый гражданин может владеть, в определенных Конституцией пределах, лишь установленным количеством арпанов земли¹⁸.

Этот закон не только воспрепятствует накоплению земельного имущества и росту влияния земельных собственников. Он обеспечивает и лучшую обработку земли.

«Всегда можно с первого взгляда отличить поле землепашца от поля, принадлежащего так называемому *буржуа*, хотя его обрабатывают одни и те же руки. На ниве крестьянина земля вспахана глубже¹⁹.

Бийо-Варенном, очевидно, всецело владела идея, что богатства Франции заключены преимущественно в землях. Он, по-видимому, не предвидит олигархического влияния, какое могут приобрести торговые и промышленные капиталисты; ибо почему сле-

17. Ibid., p. 96—100.

18. Ibid., p. 103.

19. Ibid., p. 107.

дует ограничивать земельную собственность и не ограничивать движимую собственность?²⁰ Правда, подъем промышленного производства, который в современном обществе предполагает неограниченный рост капиталов, пострадал бы от такого ограничения значительно больше, чем сельскохозяйственное производство пострадало бы от одобренного законом ограничения размеров находящихся во владении земель.

Бийо-Вареня не хотел устанавливать предел росту всех состояний, раз земледелец, который получил бы прибыль со своего ограниченного владения, мог вкладывать эту прибыль в промышленные предприятия, которые закон, по его системе, не ограничивал. Воспоминания о социальном могуществе и злоупотреблениях землевладельцев при старом порядке, боязнь отдать само существование народа во власть олигархии крупных собственников, несомненно, побудили Бийо-Варенна подчинить земельную собственность особому режиму. Но есть иной путь, посредством которого он если и не подчиняет всю собственность, движимую и недвижимую, действию строгих законов абсолютного равенства, то, по меньшей мере, ограничивает ее благоразумными размерами.

Речь идет о смелой концепции и поистине социалистическом отношении к наследству, посредством которых Бийо-Варенн хочет предупредить чрезмерное неравенство состояний и обеспечить всем гражданам прожиточный минимум и сохранение независимости. По моему мнению, это самая сильная в эгалитарном и социальном отношении мера из всех, какие были предложены (помимо коммунизма).

«Эта реформа, направленная против монополии собственности в плане продажи и приобретения, осталась бы незавершенной, если бы она не была последовательной во всех своих частях»²¹.

Прежде всего надо устранить злоупотребления свободой составления завещаний, позволяющей облагодетельствовать одного из наследников и тем самым сохранить все состояние в одних руках, между тем как веление природы и интересы общества, напротив, требуют его раздела.

«Я часто слышал разговоры о неограниченном во времени наследовании по праву представления как о системе, которая могла бы лучше всего достичь этой цели»²².

Пусть всех прямых наследников, а если они умерли, всех потомков этих наследников, заменяемых по праву первенства, призовут к равному разделу, тогда наследства подвергнутся дроблению. Ну и что же! Таким образом будет достигнуто несколько большее равенство между членами имущих семей. Какая в этом польза для тех, у кого нет собственности? Но Бийо-Варенн (и в этом оригинальность его системы) призывает [вышеупомянутых членов имущих семей] получать лишь часть наследств (которые появляются ежегодно) на основании оригинальной и

хитроумной комбинации. Каково бы ни было число детей, которые должны наследовать, он предполагает число их равным пяти. Если отец оставил только троих детей, то раздел произойдет так, как если бы их было пятеро. Трое детей получают три пятых наследства; а остаток будет считаться принадлежащим двоим детям из бедных семей.

Таким образом, бедные семьи будут получать часть наследства во всех случаях, когда число прямых наследников будет менее пяти. Затем максимальная часть каждого из прямых наследников будет установлена в 20 тыс. франков или в некоторых случаях в 25 тыс. франков, каковы бы ни были размеры состояния отца. А весь остаток будет принадлежать нации, которая создаст из него наследственный фонд для бедных.

«Установление числа наследников для каждой семьи в пять человек имеет, таким образом, отношение только к распределению наследства, и отцы даже не будут знать, кто из посторонних получит некоторую часть оставленного ими наследства. Вот краткое изложение этой операции, которая, имея целью только уменьшение размеров крупных состояний, должна относиться к ним одним. Сначала следует определить максимальную долю детей богача, которая не может быть выше даже при самом значительном наследстве. А так как рост населения должен сопутствовать облегчению положения бедняков, то следует выделить более справедливую долю членам семей, численность которых больше пяти человек. Например, для пяти наследников и меньше доля может равняться 20 тыс. ливров. Но у отца — обладателя состояния в 100 тыс. франков имеется трое детей. Что ж, после его смерти остается 40 тыс. франков, которые надлежит разделить между дегми неимущего класса. Если у него четверо детей, то останется только 20 тыс. франков. Но когда при более значительном состоянии численность наследников превысит установленную законом, то в этом случае максимум составит 25 тыс. ливров, а излишек, остающийся после выделения доли детей, поступит в национальный наследственный фонд. Наконец, в случае если у умершего гражданина не было детей, все его имущество перейдет к наследникам отечества. Таким образом, соревнование и активность не только не будут сковываться, но будут стимулировать. Так незаметно будет достигнут некий уровень равенства».

20. Обычный взгляд в ту эпоху: преимущественное значение в экономике того времени придавалось сельскохозяйственному производству. Уже Моморо в своей «Декларации прав» (сентябрь 1792 г.) различал *территориальную* (земельную) собственность и *промышленную* соб-

ственность, единственную, гарантированную законом и неприкосновенную. (См.: Ж. Жорес. Социалистическая история Французской революции, т. III, с. 170.)

21. Billau d'Aragny. Op. cit., p. 108.

22. Ibid., p. 119.

ва состояний, и духом разумного консерватизма преисполнится сам народ, заинтересованный в сохранении социального порядка, ограждающего его от нищеты, и в росте состояний, часть которых он получит²³.

«Под защитой благотельного и справедливого законодательства несчастный, переставший быть с колыбели жертвой произвольной и оскорбительной диспропорции в распределении богатств, будет призван к участию в разделе имущества, на которые он, в качестве члена общественного коллектива, также имеет неоспоримое право владения. Кроме того, для все большего увеличения неоценимых результатов этого возврата к естественному и гражданскому праву, доля его из национального фонда будет сокращена до суммы, в какой он неукоснительно нуждается, чтобы обрести возможность заниматься полезным трудом. Начинаящему трудиться нет надобности получить сразу значительное состояние, так как в этом случае мы, вместо того чтобы возбудить его усердие, вызовем у него лень, т. е. развратим его. Но нужна определенная ссуда, чтобы начать заниматься какой-нибудь профессией, и тысячи эку хватило бы для выдачи множества ссуд, которые, увеличивая до бесконечности раздел состояний, возвратили бы к труду, к добродетелям, к счастью множество нуждающихся людей, которые изнывают в безделии, погрязают в пороке и лени только потому, что с самого начала не имели возможности проявить свои парализованные способности. Все это выражено в словах одного финансиста: «Трудно заработать не сто тысяч эку и не миллион, а первый раз сто пистолей».

Изложив таким образом свою систему, Бийо-Варенн возмущается теми, кто во имя собственности и своего права воспротивился бы именно ее распространению.

«Как же так! Трудолюбивая часть народа всю жизнь стонет от лишений! Те, кому мы обязаны всеми продуктами земли и промышленности, позволяют вырывать у себя из рук самое необходимое! Раздавались возгласы: «Мир хижинам, война дворцам!»²⁴ Дополним это, признав следующее основное правило: ни одного гражданина, лишенного возможности получить профессию! Ни одного гражданина, не имеющего возможности обеспечить себе какое-нибудь ремесло! И с этого момента всеобщая деятельность избавит человека от всех преследующих его бедствий и возвратит ему главное и истинное его право. зарабатывать хлеб свой в поте лица²⁵.

Вы беспрестанно говорите о праве собственности, так ответьте же мне: существует ли более священная собственность, чем обязательное право на труд? Как же это получается, что тот, кто больше всего трудится, оказывается самым несчастным? Лишить человека всех возможностей чем-нибудь заняться — не значит ли это похитить у него именно эту собственность? Локк сказал: «Труд создает собственность». Эта мысль справедлива лишь в той

мере, в какой сама собственность действительно является плодом труда. Но при наших нравах и при наших несправедливых и противозаконных обычаях нет принципа, более противоречащего действительности, чем этот. Ибо на деле обладателями всех богатств оказываются именно те, кто работает меньше всех.

Если право собственности неприкосновенно, то этот принцип должен применяться к пользе всех людей, составляющих нацию, и желать сохранить массу собственности исключительно в руках меньшинства в ущерб интересам всего сообщества — значит ссылаться на притязания, столь же незаконные, сколь и злостные²⁶.

Итак, Бийо-Варенн формулирует для всех людей право на жизнь, право на труд, право на собственность путем законного участия в «национальном наследстве». Если б не некоторая искусственность, которая всегда присутствует, когда к какому-нибудь периоду духовного и общественного развития применяют термины, появившиеся позднее, то я сказал бы, что система Бийо-Варенна — своего рода индивидуалистический коллективизм. Это коллективизм в том смысле, что нация учреждает большой коллективный фонд, относительно которого все трудящиеся имеют как бы право «завладения» («mainmise»), который является для них постоянным залогом. Или, вернее, труженики, бедняки, те, у кого «нет иной собственности, кроме их ума и рук», обладают постоянной ипотекой в отношении национального достояния. Правда, это только вторичная ипотека, так как дети, естественные наследники собственника, получают сначала часть, определенную законом. Но несомненно, что в очень многих случаях неимущие получают долю в наследствах. Предположение, что у

23. Ibid., p. 122—124.

24. Этот лозунг впервые встретился в газете «Le Cosmopolite», 15 décembre 1791. (см.: «Annales révolutionnaires», 1920, p. 154.)

25. B i l l a u d - V a r e n n e. Op. cit., p. 129—130.

26. Уточним здесь, вслед за Жоресом, мысль Бийо-Варенна. Провозгласив принцип, что собственность есть основа гражданских институтов, он выводит из этого, что «политическая система не только должна обеспечить каждому мирное пользование тем, чем он владеет, но эта система должна быть устроена так, чтобы в пределах, возможного произвести между гражданами перераспределение имущества, если не абсолютно

равное, то, во всяком случае, пропорциональное». Если право собственности неотъемлемо, то «оно должно применяться к пользе всех людей, составляющих нацию»; таким образом, никто в Республике не будет находиться в прямой односторонней зависимости от другого частного лица». Бийо-Варенн прибавляет: «Если накопление больших масс имущества в руках малого числа людей постепенно приводит ко всяческому социальному бедствиям, то зажиточность большинства людей, плод труда и мастерства, а также торговых операций, поднимает нацию на более высокую ступень благополучия и придает ее правлению подлинное величие».

каждого главы семьи может быть пятеро детей, не индивидуализирует коллективного права рабочего класса: не тот или иной определенный ребенок из рабочей семьи обременен особым правом на получение части определенного наследства; бедные семьи все вместе, на основании безличного усыновления обществом, вступают во владение частью наследства; создается «национальное наследство».

Это явно коллективистская концепция. Можно даже сказать, что по системе Бийо-Варенна нация является инкогнито собственницей средств производства, так как этот коллективный фонд национального наследия используется для выдачи беднякам ссуд, необходимых им для обзаведения в сфере сельского хозяйства или промышленности. Но этот коллективизм индивидуалистический, так как способ ведения хозяйства и производства остается индивидуальным, поскольку Бийо-Варенн понимает общество только как совокупность многочисленных небольших хозяйств, многочисленных небольших мастерских. Он допускает существование конкуренции и раздробленного труда. Видимо, у него даже не возникает мысли ни о крупном коммунистическом хозяйстве, ни о крупной общей собственности, которая была бы его основой и его орудием²⁷.

Я скажу о его системе, что она была высшим усилием социализма, прежде чем он преобразовался в коммунизм. Это самый интересный из известных мне синтез эгалитарной и социалистической тенденции и индивидуалистического, раздробленного социального порядка. Впрочем, он подготовляет почти полное поглощение наследуемого имущества в пользу коллектива, и этот взгляд получит дальнейшее развитие во всех действительных социалистических системах, в сен-симонизме, вплоть до марксизма. Без сомнения, этот последний, проникая в самую суть вещей и делая крайние социальные выводы из экономического развития, едва намечавшегося в 1793 г., осуществит главным образом коллективизм производства. Сам по себе вопрос о наследстве представляется ему второстепенным, и он действительно будет таким в тот день, когда все средства производства станут постоянным достоянием, неделимым и неотъемлемым наследием всех производителей.

Но когда марксизм соглашается искать средство для такого перехода и практического применения, когда он спрашивает себя, каким образом капиталистическая собственность будет превращена в общественную, он приходит к предвидению (вместе с Вандервельде и Каутским, например), что будет мудрым возместить ущерб нынешним владельцам и что фонды для этого возмещения даст высокий прогрессивный налог на наследства. Что еще можно требовать от национализированного наследства, или, как говорит Бийо-Варенн, от национального наследства, как не средства предоставить всем труженикам орудия их труда? Един-

ственное различие, и притом более по форме, чем по существу, состоит в том, что Бийо-Варенн передавал эти орудия каждому в отдельности, а эволюционный марксизм Вандервельде и Каутского передает их всем трудящимся в коллективной форме.

Мысли такого человека, как Бийо-Варенн, и крайних революционных демократов, которые не дошли до коммунизма, но прокладывали ему путь, образуют своего рода сокровище, дающее возможность двойственного толкования; из него в равной мере могут черпать и истинные радикалы, и социалисты. Крайний радикализм и социализм могут иногда сближаться благодаря этим историческим и юридическим связям, благодаря этим ходам, связующим узлом которых является Революция.

Было бы слишком смело преувеличивать значение этой полукommунистической традиции. Равным образом было бы настоящим расточительством исторической силы не признавать ее. Заметьте, что мысль Бийо-Варенна значительно опережает революционную мысль 1793 г.

Когда я размышляю о самых смелых мыслях демократии 1793 г., когда я соединяю в своего рода единой картине коммунизм Лепелеттье в области воспитания, коммунизм Армана в области продовольствия и коммунизм Бийо-Варенна в вопросах наследования, то я рискую ввести читателя в заблуждение, если не буду каждый раз напоминать ему, что я объединяю крайние идеи. Но если эти люди и были в некотором роде единичным явлением, если они несколько опередили свое время, они все же не были чужаками-одиночками²⁸.

Лепелеттье, как я уже говорил, почти удалось благодаря Робеспьеру провести свою систему в Конвенте. Идеи Армана воплотились в законодательстве о *максимуме*. А Бийо-Варенн оказал на якобинцев, на Конвент, на Комитет общественного спасения такое глубокое влияние, что его социальные концепции, несомненно, не создали разрыва между ним и Революцией.

Все эти идеи — не затерявшиеся семена, случайно занесенные ветром мимолетной фантазии чрезмерно возбужденной Революции; это — зародыши, которые будут медленно созреть и ра-

27. Социальный идеал Бийо-Варенна соответствует уровню экономического развития его времени: собственность основана на труде, общество образуют независимые мелкие производители, каждый крестьянин владеет своим полем, каждый ремесленник — своей мастерской. Конечно, это — индивидуализм; сказать «коллективизм» было бы преувеличением.

28. Жорес склонен преувеличивать исключительный характер идей, выдвинутых Лепелеттье, Арманом и Бийо-Варенном. Изложение их, несомненно, точно, особенно у Бийо-Варенна. Сами же мысли не представляются особенно оригинальными. См. в этой связи замечания А. Собыля: A. S o b o u l. Les Sans-culottes parisiens en l'an II, p. 469.

зовьются, приняв порой неожиданные формы, в недрах революционной демократии, постепенно проникающейся социалистическими идеями.

СИСТЕМА АНАХАРСИСА КЛООТСА

Более эксцентрической, более чуждой Революции представляется высокая мысль Анахарсиса Клоотса²⁹. 26 апреля, прерываемый ироническим смехом и репликами, он зачитал на заседании Конвента свой знаменитый манифест о едином и неделимом суверенитете рода человеческого, о единой полигической организации всей планеты³⁰. Нельзя сказать, что Конвент отверг его по существу. Он мыслил себе свободные нации лишь как органы одного и того же человечества. Но цели Клоотса, предлагавшего слияние всех народов в одну человеческую республику, в одну нацию где нынешние нации должны были бы стать ее секциями, ее «департаментами», были столь далекими, что казались большинству членов Конвента лишь игрой ума.

Более того, в час, когда революционная Франция столь славно, но с таким трудом боролась почти против всей Европы, боролась против народных предрассудков в такой же мере, как и против ненависти королей, этот вид общечеловеческого национализма мог показаться кое-кому отвлечением или даже существенным ослаблением французского революционного национализма.

Я полагаю, что если осенью 1793 г. Клоотс был председателем Якобинского клуба, то это произошло скорее по причине его антирелигиозных выступлений, принесших ему расположение могущественных тогда эбертистов, чем вследствие его планов объединения человечества³¹. Но и в этом случае я опять-таки вправе думать, что он был бы удален с поста председателя Якобинского клуба, если бы его идеи глубоко оскорбляли Революцию. В сущности, они были лишь крайним выражением теории революционной пропаганды.

Если долгом свободной Франции было бороться за освобождение всех народов, угнетаемых дворянами и королями, то кому не ясно, что все человечество, избавленное таким образом от угнетения благодаря одной силе, Революции, объединилось бы вокруг этой силы как своего жизненного и политического центра и организовало бы единую Федерацию свободных наций?

Можно сказать (как ни мало жирондистского было в Клоотсе)³², что Жиронда, которая на какое-то время загавила мир, разделить свои надежды, увидела в нем одного из своих единомышленников. Рабо-Сент-Этьенн писал³³:

«Во Франции появился один из тех людей, которые умеют устремиться из настоящего в будущее; он возвестил, что придет время, когда все народы сольются в один, когда ненависти между

нациями настанет конец; он предсказал республику людей и единую нацию; он гордо окрестил себя оратором рода человеческого и сказал, что все народы земли — его доверители; он предвидел, что Декларация прав, перенесенная из Америки во Францию, станет в один прекрасный день социальный религией людей и моралью человеческих семейств, тривиально именуемых нациями. Он был пруссаком и дворянином, а стал человеком. Кое-кто говорил ему, что он — фантазер; он отвечал следующими словами писателя-философа: «Можно было бы составить целый том из ложных правил, почитаемых в мире; мир живет на основе небольшого запаса принципов, переступить пределы которых посмели лишь очень немногие люди. Осмелится ли кто-либо взлететь и взглянуть за их пределы, и он тотчас внушает страх; это опасный человек, по меньшей мере — чудак»³⁴.

На чем основывал Клоотс свою надежду на это объединение всех людей, которое он предсказывал в очень близком будущем и которое хотел предусмотреть и наперед организовать в общем плане конституции, применимой ко всем примирившимся между собой народам? На трех главных идеях. Прежде всего, Права Человека, нося универсальный характер, непременно окажут влияние на весь мир и будут применяться во всем мире; более того,

29. Клоотс Анахарсис (Жан Батист) (1755—1794) — сын тайного советника прусского короля, воспитанник коллежа Плесси в Париже, где он обосновался, когда ему было 20 лет. Встретив с восторгом Революцию, он становится космополитом и мечтает о Всемирной республике. Депутат Конвента от департамента Ваза.

30. A. Cloots. Bases constitutionnelles de la République du genre humain (B.N., 8° Lb³⁸ 234, imp. in-8°, 44 p.); «Moniteur», XVI, 251; «Archives parlementaires», LXIII, 389. См. также «Appel au genre humain». (B.N., 8° Lb⁴¹ 946, imp. in-8°, 20 p.)

31. Клоотс был председателем Якобинского клуба с 21 брюмера II г. (11 ноября 1793 г.) до 10 фримера (30 ноября 1793 г.), во время разгара движения дехристианизации (а не эбертизма, как пишет Жорес).

32. С начала деятельности Конвента Клоотс подчеркнуто отмежевывался как от Жиронды,

так и от Горы. См. его брошюру «Ни Ролан, ни Марат» («Ni Roland, ni Marat»). (B.N., 8° Lb⁴¹ 295, imp. in-8°, 16 p.)

33. Рабо де Сент-Этьенн Жан Поль (1743—1793) — пастор в Ниме, депутат Генеральных штатов от третьего сословия сенешальства Ним, затем депутат Конвента от департамента Об. Его суждение о Клоотсе см. в: «Réflexions politiques sur les circonstances présentes pour servir de suite au Précis de l'histoire de la Révolution française». (B.N., 8° Lb³⁹ 5724, imp. in-8°, 40 p.)

34. В своем вступлении к «Bases constitutionnelles de la République du genre humain» Клоотс пишет: «Я воздвигну нетленный памятник, надписи на котором будут иероглифами для варваров. Санкюлоты меня поймут, люди, носящие короткие панталоны, не захотят меня понять... Мое несчастье в том, что я слишком рано для своего века родился, и рядом с нашими мнимыми мудрецами я — безумец»

их применение в какой-либо точке мира не будет полным, если оно не будет распространено на весь мир; ибо предосторожности, какие вынуждена принимать изолированная свобода одного ограниченного отечества против угрожающего и агрессивного рабства других отечеств, отягощают свободу первого. Во-вторых, физическая природа земного шара создает не больше непреодолимых препятствий, чем человеческая природа — неустраняемых различий; физическая природа, подобно духовной природе, обладает характером гомогенности, непрерывности и проницаемости, допускающим постоянный обмен продуктами, подобно непрерывному обмену идеями и подвижному равновесию равных волей. Несходство климатов и производства препятствует экономическому единству человеческого рода не больше, чем его политическому единству.

Наконец, неуклонное отрицание трансцендентного бога и многочисленных и противоречивых форм, в какие этот бог облачается в соответствии с той или иной религией, завершит объединение всех людей, уничтожив враждебные суеверия, возвышающиеся, подобно обгаренным кровью барьерам, между нациями и расами. Религии разделяют. Атеизм, отрицание религий в их основе объединит. Если же люди испытывают потребность согласовать свои различные привязанности и свои разнообразные мысли, слив их в едином акте высокого согласия и поклонения, если им нравится представлять себе все в целом и назвать это богом, то богом, которому они будут поклоняться, станет необъятная природа, утверждающая свою непрерывность бесконечным развитием во времени и пространстве, утверждающая свое единство взаимосвязью и взаимодействием всех своих сил; и в этом единстве природы они будут поклоняться более непосредственному единству, единому человечеству, Народу-Богу.

Сама религия, таким образом преобразованная и отождествленная со своим истинным предметом — с необъятной, вечной и единой Природой, станет силой единства; и единство людей будет покоиться на тройном основании, правовом, экономическом и религиозном: на всеобщности права, на всеобщности обмена, на всеобщности веры; своего рода юридический, моральный и космический пантеизм охватит своим единством различные и свободные сообщества людей.

Вот блистательная тема, которую Клоотс развивал с трибуны Конвента с поразительной силой и широтой мысли, где, казалось, присутствовали Руссо и Адам Смит, Дидро и Гумбольдт, Гельвеций и Спиноза, причем поражало при этом богатство его языка.

«Индивид не сможет быть свободен совсем один; небольшое число индивидов не смогут оставаться свободными долго. Мы не свободны, если чужеземные варвары останавливают нас на расстоянии десяти или двадцати лье от нашего дома, если наша безопасность страдает от вторжений, если наш покой нарушен,

наш доход обременен расходами на военные силы, если наша торговля прервана военными действиями, если наша промышленность ограничена узким пространством той или иной страны. Мы не свободны, если хотя бы одно моральное препятствие останавливает наше физическое продвижение хотя бы в одной точке земного шара. Права Человека распространяются на всю совокупность людей. Корпорация, называющая себя суверенной, наносит тяжкое оскорбление человечеству; она восстает против здравого смысла и счастья; она перерезает каналы всеобщего процветания; ее Конституция, не имеющая прочной основы, будет противоречива, недолговечна и неустойчива. Из этих неоспоримых данных неизбежно вытекает прочный, неделимый суверенитет рода человеческого; ибо мы хотим свободы полной, неприкосновенной, нерушимой; мы не желаем иного повелителя, кроме выражения верховной, абсолютной, общей воли. Итак, если я сталкиваюсь на Земле с частной волей, которая противоречит всеобщему инстинкту, я противлюсь ей; это противодействие есть состояние войны и рабства, с которым человеческий род, высшее существо, рано или поздно покончит³⁵.

Атрибуты фантастического божества фактически принадлежат политическому божеству. Я сказал и я повторяю, что человеческий род — это бог и что аристократы — атеисты. Я имел в виду возрожденный человеческий род, когда говорил о *Народе-Боге*, колыбелью которого, как и центром объединения, является Франция. В сущности, суверенитет пребывает в человеческом роде в целом; суверенитет этот един, неделим, неотъемлем, незыблем, неотчуждаем, вечен, неограничен, абсолютен, беспределен и всемогущ, следовательно, два народа не могут быть суверенными, так как при объединении остается только один неделимый суверен; итак, никакого частичного объединения, ни один индивид не может присвоить себе суверенитет...

Общее правило таково: всюду, где вы найдете законы, нарушающие *Права Человека*, случайные законы, противоречащие вечным законам; всюду, где вы увидите порты и гавани, закрытые для нашей торговли, как и запретные для нас дороги и каналы, боритесь против заблуждения — если это свободная страна, против тирана — если это страна деспотическая, против аристократов — если это страна олигархическая... Часть человеческого рода не может изолироваться, не став мятежной, и привилегия, которой она кичится, есть преступление, оскорбляющее демократию... Часть великой семьи не может завладеть суверенным правом, правом выражать абсолютную, неоспоримую волю. не

35. A. Cloots. Bases constitutionnelles de la République du genre humain, p. 3—4.

изменив формально роду человеческому. Суверенитет Рагузской республики так же смехотворен, как суверенитет короля Людовика Капета... Два человека или два народа, изолированно существующие на Земле, могут считать себя суверенными; но в момент соприкосновения между собой, при первом же сигнале *Прав Человека*, в мире существует лишь единая абсолютная воля... Развенчаем отдельные части общественного целого³⁶.

Мое отвращение к дроблению мира проистекает из проблемы, решение которой принадлежит мне. Я спросил себя, почему итальянцы из Генуи и Венеции вооружались и сражались друг с другом при малейшем споре, в то время как французы из Марселя и Бордо улаживали свои разногласия путем простых переговоров. Не очевидно ли, что незнание всеобщей воли и есть непосредственная причина всех войн? Две семьи, не подчиненные общему закону, непременно вступят в драку из-за границы поля, из-за русла ручья, из-за посадки дерева, из-за сооружения стены. Так как каждая из них и судья и сторона, то им придется биться до последнего, несмотря на самые мирные склонности. Право более сильного, право захвата, враждебные столкновения — вот роковые последствия забвения *Прав Человека*³⁷.

...Во Франции чересчур распространено мнение, что между нами и тиранами следует иметь небольшие республики, чтобы избежать ужасов войны. Это мнение связано со старыми аристократическими идеями о влиянии и покровительстве; т. е. мы позволим этим республикам делать все, что подходит нам; горе им, если их промышленность мешает нашей: мы станем завидовать их торговле, их мануфактурам, их рыбному промыслу.

Мы окружим их своими заставами, контрабанда породит стычки, и по обеим сторонам границы мы будем иметь чиновников, солдат, крепости, лагеря, гарнизоны, эскадры. Но, скажут нам, наши свободные соседи будут питать к нам неизменную любовь: они с выгодой для себя будут развивать свою промышленность, опираясь в деле своей защиты на наше оружие, на наши крепости и на наши богатства. Это значит, что их промышленность задешит нашу, так как рабочие руки не будут дорожить в стране, государственная оборона которой в значительной мере будет ложиться на нас. Следовательно, понадобится прибегнуть к запретительной системе, если только не заставить наших дорогих и любимых соседей платить прямой налог, а народ-данник не свободен. Это, следовательно, доказывает, что эти республики будут менее свободны, чем наши департаменты. И наше материальное благополучие будет тем более страдать от этого, что тираны и аристократы станут вмешиваться в наши ссоры, поддерживая. как и следует ожидать, более слабого против более сильного. *Главная причина раздоров между людьми — торговля, а в республиках она развита больше, чем в королевствах.* Не следует иметь соседей, если мы не хотим иметь врагов. «Враги» и «сосе-

ди» — однозначные понятия в древних языках. Один народ является аристократом по отношению к другому народу: народы неизбежно злы, человеческий род по существу добр, так как его деспотический эгоизм не сталкивается ни с каким чужеземным эгоизмом. У республики человеческого рода никогда не будет ни с кем споров, так как между планетами нет связующего их моста. (Смех).

Дюко. Предлагаю соединить Луну с Землей.

Анахарсис Клоотс. Да, республика человеческого рода никогда не будет ни с кем воевать, так как между Землей и планетами нет никакого связующего моста. (Снова смех.)

Дюко. Призовите этого федералиста к порядку. (Смех.)³⁸

Анахарсис Клоотс. Рим и Альба, Генуя и Пиза, Болонья и Модена, Флоренция и Сиенна, Венеция и Триест, Марсель и Ницца, Мец и Нанси, Амстердам и Антверпен питали друг к другу ненависть, о которой историки и поэты оставили нам печальные свидетельства. В своих дальних путешествиях я заметил, что каждый город дает соседним городам презрительные или насмешливые прозвища. Такое ожесточение можно отметить и в деревне, и если вы видите двух или трех человек, сидящих у дверей своего дома, то можете держать пари, что их беседа не в пользу их соседа. *Хотим ли мы возстановить мир на нашем континенте? Сделаем же для Европы то, что мы сделали для Франции.* Просветим людей, избавим их от их заблуждений, и естественная ненависть между соседями сменится любовью к общему закону, который, будучи всегда беспристрастным, не уступит под напором местных страстей... Спросите аристократов всего мира, спросите пользующихся привилегиями купцов, спросите пиратов и контрабандистов, спросите преступных перебежчиков, спросите честолюбивых хитрецов, желающих расширить свое влияние и играть определенную роль, добившись поста бургомистра, портфеля государственного секретаря, грамот посла, шпаги генерала; спросите людей, не понимающих интересов народа, и они отвлекут вас от мысли о разделении на равные департаменты; они посоветуют вам губительную систему поли-республиканизма. Один департамент не находится в зависимости от другого департамента, но маленькая республика окажется в большей или меньшей степени под покровительством большой республики; вот и зародыш аристократии, развитие которой дорого обойдется и покровителям, и покровительствуемым.

Все уравнивается, все упрощается, все барьеры рушатся, и огромное бремя, стесняющее действия правительства, исчезает вместе с национальными федерациями. Предположим на мгнове-

36. Ibid., p. 7.

37. Ibid., p. 12—15.

38. Ibid., p. 14. Никакого упоминания о репликах Дюко в «Монитер» (XVI, 253).

ние, что Франция — неведомый остров на краю света; ее правление, избавленное от тревог, порождаемых наличием соседей, отличалось бы удивительной простотой. Легислатура стала бы менее громоздкой, и Исполнительный комитет имел бы отдых. Так вот! *Земной шар, на котором мы обитаем, представляет собой небольшой остров, вращающийся вокруг Солнца.* Подумайте заранее о счастье, которым будут наслаждаться граждане, когда алчность торговли и зависть между соседями будут сдерживаться всеобщим законом, когда противное гражданственности честолюбие померкнет перед величием рода человеческого...

Да, граждане, настанет день, когда мир будет так же жаждать единства рода человеческого, как вы теперь жаждете единства Франции.

...Природа даровала одной стране вино, другой — пшеницу; одна страна расположена в верховьях реки, другая — у ее устья. Всему наносится ущерб, когда возводят стену между страной виноградников и страной пшеницы, между горой с источниками и равниной с устьем реки, между давящими для получения растительного масла и молоком коровы. Например, пастбища Голландии, нивы провинции Бос, песчаные берега Бордо и холмы Прованса нельзя изолировать, не причинив им взаимного ущерба; и так как все ручьи, реки и моря естественно сообщаются между собой, то наша задача — умножить эти связи посредством дорог и каналов, а не прерывать их при помощи конституций, границ, крепостей, эскадр. Будем подражать природе, если мы хотим быть ее счастливыми детьми... Мнимые естественные границы, препятствующие этому желанному единству, столь же хрупки, как и искусственные. В давно прошедшие времена ни Альпы, ни Пиренеи, ни Рейн, ни океан не были преградой ни для карфагян, ни для римлян, ни для греков, ни для скифов, ни для кельтов, ни для норманнов; и нам еще станут повторять сентенцию, которую наши владения в обеих Индиях опровергают столь же победоносно, как армии Ганнибала и Цезаря, Карла Великого и Карла V. Мы каждый день получаем на берегах Сены, текущей в умеренном климате, на одинаковом расстоянии от полюса и от экватора, повторяю, мы получаем почту и сообщения из Рима и из Дублина, из Лиссабона и Петербурга, из Бостона и Батавии, и нам еще говорят о естественных границах Франции!

Мы знаем, что в Париже, в Лондоне, в Мадриде, в Амстердаме слушается в суде дело какого-нибудь перса, китайца, индийца, перуанца, турка, кафра, армянина. В Европе обсуждаются интересы жителей противоположных концов света, и после этого еще будут сомневаться, что представительное собрание обоих полушарий может существовать на вечное благо человечества! *Я признаю существование естественной границы только между Землей и небесным сводом*³⁹.

Да, и пусть исчезновение великого суеверия — веры в бога, расколотого на несогласные и враждебные друг другу суеверия, позволит возникнуть единству человеческой природы, единству науки и разума.

«Индийские, китайские, египетские, древнееврейские и христианские реформаторы странным образом заблуждались, проповедуя мнимые *божественные права*. Они говорили, что мы равны перед богом и что всеобщее братство проистекает из небесного братства. Это тяжкое заблуждение породило самый отвратительный священнический и королевский деспотизм. Цепи стали тяжелее в руках множества отцов церкви, которых посвящали в сан, украшали митрами и венцами во имя Вечного творца. Человеческий род лишили суверенитета, чтобы облечь им мнимого суверена на небесах, чьими представителями на Земле были короли, императоры, папы, ламы, бонзы, брамины и множество других церковных и мирских служителей. Одно заблуждение порождает миллионы других заблуждений, в то время как истина порождает единственно истину. Отсюда гармония всемирного национального собрания; отсюда расколы, враждебность, проклятия святых вселенских соборов. Разум, ведущий геометров по одному и тому же пути, несмотря на различие их местожительства, различия во времени, языке и обычаях, будет направлять всех людей к единому центру, когда небесных властей и божьих помазанников лишат национального представительства, когда род человеческий будет восстановлен в своих неотъемлемых правах.

Различные виды аристократии являются эманацией воображаемого божества. В разных сочинениях я доказал, что бога не существует⁴⁰. Люди, допускающие эту химеру, должны столь же тяжело обманываться и во многих других отношениях, а при отсутствии здравого смысла эта болезнь духа ускоряется. Это дает ключ ко всем обманам, какими шарлатаны терзают человечество. Допускающий существование бога рассуждает плохо, и это неумение рассуждать порождает другие неверные суждения. *Не будьте рабами неба, если вы хотите быть свободными на земле.* Республике нужны люди, умеющие здраво рассуждать. *Такой-то человек становится фейяном вследствие того же умственного изъятия, который делает его теистом.* Я ручаюсь, что вы не знаете хорошо природы санкюотства, если допускаете божественную или создающую природу. Всякий, кто имеет слабость верить в бога, не будет обладать проникающей способностью, позволяющей ему познать род человеческий, единственного суверена. Переберите людей

39. Ibid., p. 25—26.

40. См., в частности: A. Cloots. La certitude des preuves du mahométisme, ou Réfutation de l'Examen critique des apologistes de la religion mahométane.

Londres, 1780. Клоотс преподнес эту книгу Конвенту 27 брюмера 11 г. (17 ноября 1793 г.); он в то же время предложил воздвигнуть статую священнику Мелье.

поодиночке, и вы будете сокрушаться по поводу их глупости. Возьмите их в массу, и вы будете восхищены их природным умом. Мы каждый день изумляемся чудесным делам свободного народа; дело в том, что народ, совокупность индивидов знает больше, чем какой-либо индивид в отдельности, и, когда этот народ будет состоять из всего человечества, мы станем свидетелями еще более удивительных чудес. *Слабые умом, которые пожелают иметь бога, найдут его на земле*, не испытывая надобности искать неведомо какого суверена на небесах. Верующие говорят, что мир не сотворил себя сам, и они, разумеется, правы; но и бог тоже не сотворил себя сам, и вы из этого не заключаете, что есть существо, более древнее, чем бог. Развитие этого положения привело бы нас к черепахе индейцев. Вопрос о существовании бога (theos) поставлен неправильно, так как надо предварительно знать, является ли *Вселенная (cosmos)* чьим-то творением. Задайте же предварительный вопрос, и вы перейдете к очередным делам среди молчания своих озадаченных противников.

Сопоставление башенных часов и часовщика, когорым почитатели бога обманывают простодушных людей, — нравственный фокус, оценить когорый по достоинству можно путем размышления. Вот карманные часы, вот дворец, вот обелиск; я не вижу ничего подобного им ни в животном, ни в растительном мире, ни в мире минералов. Я не нахожу здесь законов зарождения или эволюции и, за отсутствием природы, прибегаю к искусству, к способности человеческих рук, чтобы объяснить существование часов, дворца и обелиска. Я знаю, что картина, поэма, трагедия не растут, как шампиньоны; я знаю, что художник и поэт, копирующие природу, действуют не так, как человек, производящий на свет ребенка. Но различие это не заставит меня допустить подобие между архитектором, построившим мой дом, и воображаемым архитектором природы. Избежим порочного круга. У нас мания сравнений; эта мания и породила божественную химеру, словно природу, обильный источник для всякого сравнения, возможно с чем-нибудь сравнить. Но природа слепа; как может она производить на свет ясновидящие существа? Такое возражение отпадает само собою, так как природа не производит ничего; все то, что ее составляет, существует вечно; то, что мы попросу называем «дитя природы», столь же старо, как его мать. *Не будем же объяснять существование несоизмеримой природы существованием другой несоизмеримой природы*. Вы ищете Вечное вне Вселенной, а я нахожу его во Вселенной. Я удовлетворяюсь непостижимым *космосом*, а вы хотите удвоить трудность непостижимым *божеством (theos)*»⁴¹.

И Клоотс в примечании к своей речи повторяет сказанное им о душе в его «Философском завещании»⁴²:

«Наша душа — такая же нелепая химера, как фантом, имеваемый богом... Стебелек травы тесным образом связан с высо-

ко организованным человеком. Похороните меня на зеленой лужайке, чтобы я возродился в растении; это — удивительный метемпсихоз [переселение душ], тайны которого никогда не будут поставлены под сомнение. Но я не буду помнить о своем первом существовании; в самом деле, какое значение имеет это для меня, лишь бы мое существование было приятным. Здесь нет речи о воздаянии или о божественной каре; я спрашиваю природу, а она велит мне презирать теологию. Природа — добрая мать, которой приятно видеть, как рождаются и возрождаются в различных обликах ее дети. Мертвыи сон все же имеет свои достоинства».

В то время как Клоотс развивал всю свою концепцию (атеистическую или пантеистическую), в то время как он выводил человеческое единство из космического единства, Конвент либо изумлялся, либо со смехом протестовал⁴³. То и дело раздавались взрывы смеха и призывы не уклоняться от обсуждаемого вопроса. Чего хочет от нас этот мечтатель, созидающий Всемирную республику, Республику планеты в тот самый час, когда небольшая Французская Республика находится в опасности и рискует погнубнуть среди человеческого хаоса? И эту метафизику солдаты понесут к находящейся под угрозой границе? Люди XVIII в. привыкли к широким горизонтам и благодаря Фонтенелю, Ньютону, Вольтеру, Бюффону и Дидро познакомились с огромной Вселенной. Однако для них было неожиданностью и чуть ли не скандалом, когда Клоотс перед великим собранием, озабоченным тяжкими земными бедами, изложил высокомерную, звездную точку зрения, где различие между народами и расами растворялось в человеческой непрерывности, слегка нюансированной. Высокомерную? Нет, Клоотс рассматривает людей и нации не как любопытный, не как сторонний и далекий наблюдатель; он отдалается и поднимается как раз настолько, чтобы лучше увидеть их единство. Но Конвент не хотел растрчивать свою мысль, свои усилия на широкий космический горизонт. Конвент даже не хотел растрчивать их на всю планету; он охранял поле Франции, ее истерзанные борозды, где зарождались ближайшие надежды, и видел, как на это узкое и священное поле изливал свой красный свет Марс. Но этот великий фантазер Клоотс не был мечтателем. Он видел дальше непосредственной реальности, он видел направление движения человечества. В своем предвосхищении мира, где свободный всеобщий обмен объединит и согласует все интересы, он предвещает широкий оптимизм экономистов. Но у него более реалистический и более всеобъемлющий взгляд, и его мысль менее абстрактна, чем их мысль. Она также полнее и богаче, чем мысль Революции.

41. A. C l o o t s. Bases constitu-
tionnelles, p. 31 — 33.

42. Ibid, p. 35, n. 1.

43 «Речь Клоотса прерывали возгласы и смех». («Archives parlementaires», LXIII, 403, n. 2)

Экономисты полагали, что свободный обмен товарами мало-помалу приведет к согласию между государствами и что политический мир явится результатом экономических связей. Они недостаточно ясно видели, что каждое государство оставалось как бы эгоистической силой, силой отталкивания. Они не предчувствовали, что установленные, замкнутые, антагонистические государства будут использованы экономическими интересами как орудия борьбы и как средства для достижения первенства. Производители и коммерсанты каждой нации весьма охотно вступают в сношения с остальным миром, чтобы завоевать его для сбыта своей продукции, но они также хотят противопоставить свою нацию остальному миру, чтобы она своим политическим превосходством обеспечила им экономическое превосходство.

Клоотс не был обманут этой слепой надеждой. Он понял, что, поскольку будут существовать отдельные политические государства, они станут орудием в руках тех, кто вступит в экономическую борьбу. Этот человек, которого называли утопистом, не поддавался отвлеченному и обманчивому оптимизму экономистов. Более того, когда Революция, казалось, верила, в силу бессмысленной иллюзии, что гармонии политических принципов между народами будет достаточно для установления мира, Клоотс протестует против этого. Он напоминает, что общность свободных институтов не препятствует войне интересов. Когда мир будет состоять из одних только республик, эти республики, побуждаемые к торговле самим духом свободы, будут оспаривать Вселенную друг у друга. Неверно вместе с экономистами утверждать, что свободный обмен товарами устранил национальные антагонизмы. Неверно вместе с революционерами утверждать, что пропаганда свободы приведет к устранению экономических антагонизмов. Здесь налицо два связанных один с другим аспекта, неотделимых от войны. И гармония действительно наступит только тогда, когда свободный обмен товарами и осуществление политической свободы будут иметь место внутри одного, единого государства, охватывая все виды человеческой деятельности. Я осмелюсь сказать, что Клоотс превосходно поставил проблему; я осмелюсь сказать, что история, чья бесконечно сложная работа, по-видимому, так мало соответствует простой схеме Клоотса, развивается именно в этом направлении: путем распространения демократии, благодаря растущей сети международных соглашений и объединяющему действию растущей политической силы, какой является мировой пролетариат, она действительно стремится установить, при всем видимом различии наций и постоянной остроте противоречий, Единое государство, Общечеловеческое государство, выражение единой цивилизации. Но порок системы Клоотса в том, что он ставил проблему гораздо шире, чем разрешал ее. Действительная трудность состояла не в том, чтобы указать идеальную, завершающую цель эволюции человечества,

а в том, чтобы наметить ее ближайшие великие этапы. Он перескочил через целый период, в котором мы всё еще бьемся. Он не предвидел, что человечество подготовит окончательное экономическое и политическое единство сначала в «национальной» форме.

Между монархической и феодальной зависимостью и абсолютной свободой общечеловеческой демократии необходимой переходной формой были национальные демократии, наполовину между собой соперничающие, наполовину братские. Невозможно было перейти сразу от бесконечной феодальной раздробленности к общечеловеческому централизму: нации были и еще являются разнообразными необходимыми очагами, где вырабатывается единство. Когда Клоотс противопоставлял вынужденному согласию Марселя и Бордо, которыми управляли законы одной страны, соперничество и войны между Генуей и Венецией, то он должен был сделать следующее заключение: объединение Италии должно произойти по образцу объединения Франции. Но он перескакивает через этот промежуточный период и мирит Венецию и Геную в лоне общечеловеческого единства. Он организует человечество, прежде чем организовать Италию, и неизвестно, каким образом справится он с огромным рассеянным и разношерстным человеческим материалом. Его пантеизму недостает идеи эволюции: природа не производит, она только раскрывает во временных формах вечные существования. Он не признает и закона исторического развития в мире людей и предполагает возможным сразу осуществить план, над которым должны будут незаметно трудиться немало поколений людей. Таким образом он приходит к осуждению всех переходных типов общественного устройства, соглашений людей, подготовляющих единство, но еще его не осуществляющих. Он презирает форму федерации Соединенных Штатов Америки, правда, во времена Клоотса узы этой федерации действительно были весьма слабыми. Он с полным основанием усматривает все тающиеся в ней антагонизмы и зародыши гражданской войны. Но он при этом недостаточно ясно понимает, что она была низшей и необходимой ступенью, пройдя которую политический и экономический антагонизм разных государств вступал на путь более высокого соединения, более гармоничного единства. И каким неизмеримым шагом вперед было бы установление между различными государствами мира связей, аналогичных этим федеральным узам! Фрагментарный национализм, национальный национализм не расширится сразу до общечеловеческого национализма; он пройдет через формы «интернационализма», и одной из этих форм будет федерация государств.

Клоотс не представляет себе жизнь человечества, организованного в единую нацию, как единообразную жизнь, регулирующую центральной администрацией по всеобщему образцу. Он понимает ее как порядок единого государства, подразделенного не на автономные нации, а на департаменты, где каждый департа-

мент обладал бы широкой инициативой. Но кто не видит, что он опрокидывает порядок исторических рубежей? По его мысли, разнообразие даруется единством человечества; в историческом процессе разнообразие, организуясь, приводит к единству.

Но как мог Клоотс в своем восторженном исступлении рассчитывать на осуществление в ближайшем будущем великого единства человечества? Ныне наиболее склонные к упрощениям социалисты, те, что не признают законов эволюции и, по-видимому, ожидают внезапной и полной реализации интернационализма, как и коммунизма, по крайней мере знают, что они могут рассчитывать на конкретную и действенную силу единства. Они знают, что пролетарии всех стран, объединенные, несмотря на национальные антагонизмы, общностью их основных классовых интересов, содействуют всей своей силой достижению общечеловеческого единства. И если можно сказать, что в этих слишком торопливых надеждах есть доля иллюзии, то в них по крайней мере нет ничего химерического. На какую силу мог рассчитывать Клоотс, чтобы в течение нескольких лет (он даже указывает двухлетний срок) достигнуть единства между людьми? Он верил в гомогенную силу Революции, которая должна была пробудить у всех народов одни и те же интересы и организовать их. В конце концов, его Общечеловеческое государство является только крайним логическим выводом из политики пропаганды. Если Революция может среди тех самых наций, с главами которых она ведет войну, найти друзей, если она может таким образом заставить проявиться под покровом различных национальных форм идентичную революционную сущность, то почему не закрепить эту однородную сущность в единой нации? Почему после заключения мира не организовать обнаружившееся в борьбе революционное единство в политическое единство?

«Но, скажут нам, большая часть человеческого рода еще находится в состоянии отупения. Что будет с нами, если она выскажется в пользу деспотизма и аристократии? Вопрос совершенно праздный, так как у рабов нет собственной воли, а нынешняя война с деспотами и их сателлитами и есть как раз борьба истинного суверена против ложных суверенов. Силу мы отражаем силой, а заблуждения рассеются у наших соседей так же, как они рассеялись у нас. Многие из наших департаментов были поражены гангреной в большей мере, чем Испания и Италия. Свергнем тиранов — и мы вскоре сотрем следы деспотизма и аристократии. Рабы и их хозяева — это стадо, которое не имеет права голоса в обществе свободных людей. Мир будет заключен, если *Права Человека* будут признаны повсюду; ибо всякий, кто признает эти права, встанет на нашу сторону. Древняя пословица гласит: *«Кто на кого похож, тот с тем и схож»*. Так вот, никто не похож на санкюлота Севера больше, чем санкюлот Юга; никто не похож на аристократа Востока больше, чем

аристократ Запада. И ныне вы увидели бы, как все угнетатели сплотились против нас, если бы их чудовищная система не вела к их гибели, так как они разделяют суверенитет между всегда друг другу завидующими и соперничающими государями и сенатами.

Богатство тиранов принадлежит тридцати лицам, а богатство народа принадлежит всем людям, образующим род человеческий. Мнимые суверены, эти слугители лжи, никогда не будут объединены искренне. Вечный суверен, глашатай истины, всегда будет един, неделим, невозмутим. Речь идет уже не о том, чтобы добиться простого признания Французской Республики. *Тираны Европы разожгли войну; первичные собрания Европы провозгласят мир»*⁴⁴.

В наступлении этого вечного и близкого мира Клоотс так уверен, он так убежден в том, что по меньшей мере Европа вскоре образует одно свободное государство, что предлагает революционной Франции, Франции-освободительнице заранее отказать от национальной особенности — наименования «Франция», дабы ее объединение с другими государствами не напоминало аннексии... Не из остатка ли германского патриотизма предлагает он наименование «германец»? Не из желания ли поощрить самолюбие народа, который получит от Франции вполне сделанную Революцию? Или же для Клоотса здесь имел значение мистический смысл слова «германец» (единокровный брат)?

Он отваживается на смелое предложение, истинный смысл которого мы, современные французы, сможем постигнуть только в том случае, если забудем недавние поражения нашей страны и будем помнить только о блеске национальной и революционной славы, который в апреле 1793 г. придавал отказу от победоносного имени нечто благородно братское.

«Принадлежать к Франции — значит принадлежать себе самому... Но чтобы устранить все отговорки и все недоразумения и отнять у тиранов, наших врагов, коварное оружие, я предлагаю упразднить наименование «*француз*», подобно наименованиям «*бургундец*», «*норманец*», «*гасконец*». Все люди пожелают принадлежать к Всемирной республике, но не все народы согласятся быть французами. Предубеждение Англии, Испании, Германии напоминает предубеждение Лангедока, Артуа и Бретани, заменивших свое особое наименование наименованием «*Франция*»; но ни одна из наших провинций не согласилась бы носить наименование соседней провинции. Мы — глашатаи *Прав Человека*; мы решительно отказались от древнего наименования «*Галлия*» ради наименования «*Франция*»; формальный отказ от него покроет нас славой, на столетие приблизив благоденствия Всемирной республики. Было бы весьма разумно и весьма политично принять

44. A. Cloots. Op. cit p. 39—40

наименование, которое примирило бы нас с большой соседней страной, а так как наше сообщество — подлинный братский союз, то наименование «германцы» нам превосходно подошло бы»⁴⁵.

Но что это за социальный порядок, триумф которого Клоотс предвидит для великой человеческой нации? Я уже говорил, что во время брожения после 10 августа Клоотс выступил против «аграрного закона», который он понимал как раздел всей собственности, движимой и недвижимой⁴⁶. Этот сын крупного банкира питал отвращение к такому дроблению не из эгоизма богача, но потому, что ему казалось, что этот доведенный до крайности раздел богатств и земель заставит каждого индивида крепко держаться за его посредственное положение и парализует развитие человеческого мира. Только крупные капиталы благодаря постоянному движению через все границы, благодаря своему хождению между нациями и расами смогли бы соткать экономическую основу будущего человеческого единства.

Но Клоотс ни на мгновение не допускал возможности обобществления капиталов, превращения их не в раздробленное и неподвижное достояние бесчисленных индивидов, разделенных эгоизмом и усыпленных рутинной, но в общее достояние широкого организованного человечества. В той же речи от 26 апреля, в которой Клоотс закладывает конституционные основы человеческого рода, он осуждает коммунизм, который он понимает, правда, только в рудиментарной и инстинктивной форме животного коммунизма или в форме монастырского подчинения.

«Собственность вечна, как общество, и если бы человек работал в силу инстинкта вместо того, чтобы работать из выгоды, то мы бы, подобно животным, обладали общностью имущества. Эта общность никогда не могла быть введена среди нас, так как человек работает думая. Общины, о которых упоминается в истории, жили только трудом рабов или при теократическом или при монастырском порядке. Их существование было жалким и полным случайностей, как и существование всех обществ, отклоняющихся от правил, изложенных в *Правах Человека*»⁴⁷.

Но вопрос состоит именно в том, не побуждает ли людей более высокая ступень мышления к тому, чтобы дать свободной индивидуальной деятельности в качестве опоры общую крупную собственность на средства производства, избавленную наукой от дробления и анархии, избавленную справедливостью от привилегий. Клоотс ограничивается тем, что предусматривает улучшение положения всех людей и смягчение социального неравенства в результате достижения общечеловеческого единства. В едином обществе, окончательно избавленном от возможности войн, от военной касты, от касты духовенства, от режима займов, обогащающего финансистов, от экономической конкуренции между нациями, порождающей бедствия, и от несносного правительственного аппарата, монархического, теократического, дипломатичес-

кого, общественные налоги будут сведены к минимуму, и постоянный регулярный труд, распространенный повсюду равномерными мягкими волнами, мало-помалу поглотит всю нищету.

Больше не будет вопроса о снабжении армий, о плутовстве поставщиков, о бездарности и предательстве генералов, о рассточительстве и о вздорожании продуктов питания. *Больше не будет ни долгов, ни возмещения долгов.* Перебои ввоза и вывоза больше не будут вызывать волнений в городах, парализованных войной и запретительными законами. Внезапный застой в работах никоим образом не отразится на интересах народа при отсутствии интриг и беззаконий со стороны иностранных держав. Торговля одной страны больше не будет приводить к разорению другой страны; торговое равновесие больше не будет соразмеряться с политическим равновесием. Все заставы падут, все местные соперничества пойдут на пользу *всемирного санкюлотства*, на пользу единой и неделимой нации. Ни один человек, ни одна заморская или зарейнская корпорация не смогут опечалить наших ремесленников, наших лучших друзей, наших ближайших родственников, чьи численность, работа и добродетели в равной мере интересуют всю Нацию в целом.

Так как физические страдания больше не будут усугубляться нравственными, то люди будут терпеливо переносить суровость погоды и любые стихийные бедствия. Ни одна муниципальная администрация больше не будет тревожиться о судьбе как трудоспособных, так и немощных рабочих, о поступлении самых легких налогов, о проходе вооруженных сил, вторжении неприятельских войск, о банкротстве торговых предприятий и прекращении всякого снабжения, раз весь мир образовал единую семью, и лишения, связанные с голодом и излишками бездоходного имущества, притоки и отлив населения, то густого, то редкого, никогда не вызовут волнений ни в одном дистрикте или кантоне. *У нас много бедных, потому что у нас много застав и много солдат. Фунт хлеба или мяса, потребленного в военном лагере, предполагает потерю десяти фунтов хлеба или мяса. Постоянный мир сохранит постоянное соответствие между потреблением и потребителем, между работой и рабочими...* Не будет чиновника, занятого менее, чем министр внутренних дел. *Национальные имущества будут проданы, и каждый будет управлять своим соб-*

45. Ibid., p. 29—30 После своей речи Клоотс предложил проект декрета.

Статья 1. Единственным сувереном является человеческий род.

Статья 2. Каждый индивид, каждая коммуна, которые признают этот светозарный и неру-

шимый принцип, будут по праву приняты в нашу братскую ассоциацию, в республику Людей, Германцев, Вселенной.

46. См.: Ж. Жорес. Социалистическая история Французской революции, т. III, с. 180, «Клоотс опровергает Моморо».

47. A. Cloots Op. cit., p. 31.

ственным имуществом. Мы сможем упразднить большинство комитетов и уволить всех министров. *Придет день, когда наша организация, усовершенствованная благодаря всеобщей деятельности, избавит нас от того, что называют правительством.*

Это — целая программа героического периода экономистов: уничтожение таможен и экономической полиции, упрочение мира благодаря гармонии свободного обмена, разоружение, сокращение почти до нуля правительственных и административных расходов. Но Клоотс, сразу переходя к конечной цели эволюции, организует эту экономическую гармонию на основе Всемирного политического государства и намечает результаты единства человечества к выгоде трудящихся, с выражением живой социальной симпатии к *всемирному санкюлотству*. Ну и что же! Уверен ли Клоотс в том, что даже в политически едином государстве, избавленном от армии и долгов, будет экономическое равновесие? Какое огромное целинное поле открывается для деятельности крупных капиталов! И сколько возникает капиталистических земельных монополий! В зависимости от введения в эксплуатацию той или иной части континентов в едином государстве будут происходить огромные перемещения труда и промышленности, и наемные рабочие останутся в состоянии зависимости и необеспеченности. Клоотсу недоступен весь этот ряд вопросов. Неважно! Как бы неудовлетворительна ни была система, которой недостает великой социалистической мысли, она наметила одну из линий, одно из главных направлений, из которых складывается человеческий прогресс. Насколько тщетно надеяться на то, что единство человечества и экономическая гармония смогут завершиться без нарастающего воздействия социалистической идеи и организованного пролетариата, настолько было бы ребячеством думать, что надо ждать полного осуществления социализма и коммунизма, чтобы освободить человечество от бремени войны, от военной касты, от касты духовенства, от той части государственного долга, которую сохраняет и увеличивает состояние вооруженного мира. История смеется над абстракциями и сочетает в едином широком усилии, в удивительном и парадоксальном взаимодействии те силы, которые, согласно односторонней мысли теоретиков, как будто вытекают одна из другой.

Клоотс знал, что его мысли встретят сильное сопротивление и вызовут немало иронии. Это не производило на него никакого впечатления, он рассчитывал на будущее. Во вступлении к печатному изданию своей речи он высказывает уверенность, хотя и с известной горечью и надменностью.

«Я воздвигну, — говорит он своим красивым слогом, впитавшим образы всех наук и всех стран, — я воздвигну нетленный памятник, надписи на котором будут иероглифами для варваров. *Санкюлоты (la sans-culotterie) меня поймут, люди, носящие короткие панталоны (la culotterie), не захотят меня понять.* Хотя

Национальный Конвент не на высоте своей задачи, тем не менее многие из моих коллег принимают мои идеи, и недостает лишь двенадцати апостолов, которые понесли бы их далеко по всему миру; мое несчастье в том, что я слишком рано для своего века родился; и рядом с нашими мнимыми мудрецами я — безумец. Эммануэль Снейес оказался бы со своим «Третьим сословием» на «королевском заседании»* в Версале в столь же глупой роли, как и я со своим *человеческим родом* среди наших *государственных людей*! По крайней мере при версальском дворе не проявляли непоследовательности, не претендовали на то, что исповедуют истину, устанавливают свободу и равенство на основе *Прав Человека*; там признавали только *права французов*. Я же, основывающий свою Конституцию на *Декларации всеобщих прав*, вижу французов прошлых времен, гуннов и готов, *больших детей* в лоне Собрания, взывающего к *Правам Человека*. Конечно, если бы все *французы* находились в Кобленце или в Гвиане, то *смелое санкюлотство* наших 86 или 87 департаментов свергло бы всех тиранов Европы. У тирании нет более надежного помощника, чем ложь, и, если бы не мудрость народа, никто не удовольствовался бы тем, чтобы посмеяться мне в лицо, как Копернику, меня обрекли бы на физические муки, как Галилея и Жан Жака. Я мишу вольностью своих высказываний и смеюсь и над насмешниками. «Система Анахарсиса Клоотса — наилучшая апология Французской революции», — сказал один английский мыслитель, а *неэмигрировавшие* французы бросают в меня камень... Признайте, граждане, против меня выступает много людей — плутов и глупцов, но народ сильнее этих людей. *Народ принимает мою систему, навсегда избавляющую его* от внешних войн и от гражданской войны и даже от местных возмущений. Внутренние потрясения происходят от внешних потрясений. Разве осмелились бы фанатики Вандеи поднять голову, если бы мы не были окружены тиранами, если бы не были стиснуты в наших тягостных и абсурдных границах? Сен-Джеймский кабинет посредством своих интриг и эскадр поощряет мятежников; но, будь Англия свободна, мы, наоборот, увидели бы, как национальная гвардия Лондона и Портсмута переправляется через пролив и появляется из тропиков, чтобы уничтожить врагов всеобщего разума.

Если наши должностные лица, наши *господа*, не понимают этого языка, то широкая публика поймет его прекрасно. Управляемые всегда были большими философами, чем управлявшие ими. При старом порядке *город* стоял больше, чем *двор*; при новом порядке *форум* стоит больше, чем Конвент. Это не должно удивлять наблюдателя, который определяет воздействие частного ин-

* «Королевское заседание» (lit de justice) — заседание Парламента (верховой судебной па-

латы в дореволюционной Франции) в присутствии короля. — Прим. ред.

тереса на большую массу людей и воздействие частного интереса на небольшую массу. Каждое правительство страдает манией считать себя мудрее, чем народ; такая мания — верх глупости; надеюсь, что опыт излечит нас от нее. Народ — молчащий оракул, и истина нисходит не с высоты небес, а с высоты трибуны»⁴⁸.

Я думаю, что Клоотс говорит о трибунах, с которых народ следил за прениями. Однако я не нахожу, что эти трибуны очень поддерживали его, когда Конвент прерывал смехом чтение этих странных, но замечательных страниц. Трибуны, по-видимому, рукоплескали ему только тогда, когда он говорил, что нападать на Париж — значит нападать на Республику, но это выходило за пределы его темы. Был ли Клоотс уверен в том, что националистический инстинкт в народе был не столь глубок, как в Конвенте? Увы. Против «физических» преследований, которые вскоре начнутся, «форум» его отнюдь не защитит. 26 апреля Клоотс своими атеистическими заявлениями жестоко оскорбил Робеспьера, и тот сумеет использовать против «прусского барона» слепой национальный предрассудок.

Однако то, что широкая человеческая мысль Клоотса могла быть высказана перед трибунами, полными народа, который вел войну чуть ли не со всем миром, — великое дело и великая слава для Революции. Несомненно, немало слов «оратора рода человеческого», немало его положений заставили затрепетать самые высокие умы Конвента, подобно тому, как ветер заставляет трепетать верхушки недремлющего леса.

«Я занимаю, — воскликнул он, — трибуну Вселенной»; и еще: «Всемирная республика заменит собой католическую церковь, а Национальное собрание заставит людей забыть о вселенских соборах. Единство государства будет дороже единства церкви. Реальное присутствие представителей не будет догматом веры, подобно святому причастию. Символ членов Конвента будет выражен яснее, чем символ апостолов. Все блага обеспечит политическое единство. Декретации главного города христианства посеяли раздоры; декреты главного города человечества принесут согласие и изобилие. *Мировая теократия преследует разум, мировая монархия преследует свободу, Всемирная республика отдаст должное каждому человеку.* Это должное нетленно, все другое преходяще».

Слияние, единство, широко распространяющиеся вибрации, всеобъемлющая, чистая гармония. «Спаянный колокол всегда звучит глухо; полное слияние всех его частей возвратит ему его звучность и тембр». Таким образом, недостаточно будет спаять рассеянные и враждебные друг другу части человеческого рода. Надо будет сплавить их в великолепное, вибрирующее единое целое, гармония которого заполнит пространство.

Отмечу, что в Декларации прав Учредительного собрания

говорится: «В забвении прав человека — причина общественных бедствий». Декларация прав Конвента вскоре скажет: «причина бедствий мира»⁴⁹; не является ли это отзвуком мысли Клоотса и призывом к человеческому роду?⁵⁰

БАБЁФ⁵¹

Но где же в этом богатом бурлении идей, которым ознаменовались первые месяцы 1793 г., коммунистическая мысль?* Среди многочисленных проектов конституции, представленных в комитет Конвента, я не вижу ни малейшего намека на «Кодекс природы» Морелли⁵², я не вижу ни малейшего следа того, что завтра станет бабувизмом. Что же делает Бабёф и верно ли, как утверждает Бодо, что во Французской революции коммунизм был своего рода чистой случайностью, сектой иностранного происхождения? Или, вернее, Бодо полагает, что коммунистические идеи, тайно распространявшиеся в Париже немецкими иллюминатами еще до Революции, были полностью забыты во времена Конвента и снова ожили только после Конвента. Замечание Бодо любопытно и, несомненно, внушит тем, кто хочет выявить тай-

48. Ibid., вступление цитируется полностью.

49. Преамбула к Конституции 24 июня 1793 г.

50. О Клоотсе см.: G. Avenel. Anacharsis Cloots, l'Orateur du genre humain. Paris, 1865, 2 vol., солидная работа, несмотря на предвзятое мнение и апологетику.

51. В оглавлении своего IV тома Жорес называет этот раздел текста «Осторожность Бабёфа». Мы не думаем, чтобы в данном случае для Бабёфа речь шла об «осторожности», он проявил свое мужество в обстоятельствах, гораздо более трудных. В 1793 г. он преодолевал многочисленные трудности, его мысль созрела.

* О развитии коммунистических идей во время Французской революции и о деятельности Бабёфа см. исследования советских ученых: В. П. Волгин. Очерки истории социалистических идей. М., 1975, с. 213—248; В. П. Вол-

гин. Французский утопический коммунизм. М., Изд. АН СССР, 1960, с. 57—93; А. Р. Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966; В. М. Далин. Грах Бабёф накануне и во время Великой французской революции (1785—1794). М., 1963; Г. С. Курченко. Исследование по истории общественной мысли Франции и Англии. XVI — первая половина XIX в. М., 1981, главы III—IV. — Прим. ред.

52. «Code de la nature ou le véritable esprit des lois de tout temps négligé» (Amsterdam, 1755) в свое время часто приписывали Дидро, но в действительности он принадлежал перу Морелли, автору, личность которого до сих пор еще не установлена. См. издание «Кодекса природы» с предисловием В. П. Волгина (М. — Л., 1947). См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. I, с. 178.

ные пути, по которым вначале распространяются идеи, желание изучить тайную деятельность немецких лож Вейсгаупта и его учеников, их влияние на Францию и связи между немецкими иллюминатами и французскими коммунистами⁵³.

«Я много раз говорил, — писал Бодо⁵⁴, — что Национальный Конвент всегда утверждал принцип уважения к собственности. Все то, что отшло от этой доктрины, возникло после Конвента и вне его. Когда бывший член Конвента Рикор⁵⁵ предстал перед членами группы Бабефа, ему было отказано в приеме, и понадобилось, чтобы Россиньоль и Фион⁵⁶ заявили, что, если не будут принимать известных лиц, любимых народом, они ни за что не смогут отвечать. Тогда пошли на уступки, и Рикор был принят; но было решено, что все члены Конвента, даже участники сообщества, после успеха заговора должны будут подвергнуться высокому суду народа⁵⁷. Эти борцы за всеобщее благо полагали, что Конвент сделал мало. Возникновение этого общества, носившего химерический характер, было связано, по-видимому, с именем нескольких немецких иллюминатов, некоторые из них приобрели приверженцев в Париже еще до Революции⁵⁸.

Впрочем, существование и происхождение общества были неясными вплоть до появления газеты Бабефа».

Бодо действительно забывает два важных обстоятельства: он забывает, что социальная философия XVIII в. предлагала мыслителям накануне 1789 г. либо совершенно законченные системы коммунизма, как «Кодекс природы», либо отдельные коммунистические идеи, рассеянные в сочинениях Руссо, Мабли и многих других⁵⁹. Какова же ни была таинственная роль, скорее предполагаемая, чем изученная, немецкого влияния, коммунистическая идея была в основном порождением французского ума, подвергавшего критике все институты, как собственность, так и другие. Бодо забывает, кроме того, что сама Революция способствовала двояким образом ее возникновению: во-первых, она призвала весь народ подвергать контролю разума все установленные политические и социальные формы и, затем, укрепляла силу и надежду пролетариев, ставя в связи с продовольственным вопросом весь вопрос о собственности. Доливье был выходцем из Центральной Франции, из департамента Пуи-де-Дом⁶⁰. Бабеф познал преступное происхождение собственности и злоупотребления ею, изучая и разбирая феодальные поземельные описи⁶¹. И если Л'Анж, родом из Вестфалии, возможно, и был одним из тех, кто занес во Францию некоторые зачатки германского коммунизма⁶², если и можно предположить, что его немецкое иллюминатство подготовило пути для лионского мистического социализма, то самый тип своего мышления, форму изложения проблем и их решения он заимствовал из кипучей жизни Франции, из революционной действительности. Что действительно верно (за одним важным исключением, о котором я скажу ниже), так

это то, что коммунистическая идея в ее наиболее ясной форме, по-видимому, находила слабое выражение во времена Конвента, т. е. именно в тот час, когда, казалось бы, пролетариат, воодушевленный своей победой 10 августа, завоеванием Коммуны, а также измученный продовольственным и хлебным кризисом, должен был быть наиболее предрасположенным к восприятию смелых идей. Отказались ли в 1793 г. немногие коммунисты от своих надежд и идеала? Буонарроти говорит нам как раз противоположное⁶³.

53. *Иллюминаты* — члены таинного общества, основанного в 1776 г. в Ингольштадте баварцем Вейсгауптом (1748—1830). Оно было организовано по образцу масонства и боролось во имя разума с христианскими догмами и монархическими принципами. См.: R. Le Forestier *Les Illuminés de Bavière et la franc-maçonnerie allemande* Paris, 1915; см статью А. Матъэза (A. Mathiez) в «Annales révolutionnaires», 1916, p. 432.

54. Бодо (М. М. (1763—1837) — медик, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Соны и Луары Baudot. *Notices historiques sur la Convention nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants...* Paris, 1893, p. 197.

55. Рикор (1759—1818) — депутат Конвента от департамента Вар, монганьяр, участвовал в движении «во имя равенства»; был оправдан Верховным судом [во время процесса над бабувистами] в Вандоме.

56. Фион (1757—1832) — чиновник администрации морского ведомства, командир 1-го батальона воюнтеров департамента Финистер в 1791 г., генерал в 1793 г. Россиньоль Жак Ангуан (1759—1802) — подкастеръ ювелира, один из «победителей Бастилии», стрелок национальной гвардии в 1791 г., генерал в 1793 г., был арестован как сообщник Бабефа в 1796 г., оправдан Верховным судом в Вандоме, сослан на Сейшельские острова в 1801 г.

57. См.: Buonarroti. *Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf*. Bruxelles, 1828, 2 vol.; Paris, 1957, 2 vol., collection «Les classiques du peuple», t. I, p. 109. Власть, способная заменить существующую власть. [См.: Ф. Буонарроти. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа. т. 1—2, М. — Л., 1948 — *Прим. ред.*]

58. Совершенно необоснованное утверждение.

59. См.: A. Lichtenberger. *Le Socialisme au XVIIIe siècle. Etudes sur les idées socialistes dans les écrivains français du XVIIIe siècle avant la Révolution* Paris, 1895.

60. О Доливье, кюре из Мошана, см.: Ж. Жорес. *Цит. соч.*, т. II, с. 389, «Пьер Доливье и собственность».

61. «Тайны узурпаций дворянской касты я раскрыл в пыли сеньориальных архивов».

62. О Л'Анже см.: Ж. Жорес. *Цит. соч.*, т. III, с. 396, «Проекты и системы. Лионский социалист Л'Анж». Л'Анж был родом не из Вестфалии, а из Иль-де-Крембса в Бадене.

63. Буонарроти Филиппо Микеле (1761—1837) — родился в Пизе, в 1793 г. получил французское гражданство, комиссар на Корсике, затем в Онелье, на западном побережье Италии, участник движения «во имя равенства» Бабефа, был арестован вместе с ним, осужден Верховным судом в Вандоме на ссылку, с 1815 по 1830 г. находился в изгнании в Бельгии.

«Особенно после 10 августа 1792 г. люди, о которых я только что говорил [друзья свободы и справедливости], возымели самые великие надежды и удвоили усилия, чтобы обеспечить триумф своего высокого дела. К достоинствам концепций Жан Жака они присоединили смелость применения их к обществу, насчитывающему двадцать пять миллионов человек»⁶⁴

Это — в порядке революции; как же тогда объяснить их явную сдержанность в области теории? Почему они, например, не воспользовались обсуждением политических и социальных вопросов, открытым Конвентом с самого начала его заседаний, дабы предложить Франции в громком манифесте проект создания общества, где все богатства, промышленные и земельные, были бы собственностью всех? Что касается Бабёфа, наиболее пылкого и наиболее осведомленного из них, то на это имеются особые причины. В это время он был в крайне затруднительном положении. Он был обвинен (обвинен несправедливо, как докажет Габриель Девиль на основании найденных им неизданных убедительных документов) в подлоге акта о продаже. 7 февраля 1793 г. администрация департамента Сомма утвердила отстранение Бабёфа от должности и передала его дело общественному обвинителю в Мондидье⁶⁵. Тогда Бабёф отправился в Париж для обжалования своего отстранения и остался там. Поступив, по рекомендации Сильвена Марешала⁶⁶, в администрацию по делам продовольствия, он нашел в этой революционной должности не только средства для существования, своего и родных, но и защиту от преследований. Однако можно предположить, что, под давлением всех этих забот и рискуя в любой момент быть арестованным, если он будет привлекать к себе слишком большое внимание общественного мнения, он ограничился, пребывая в этой обширной администрации по делам продовольствия, уточнением и укреплением в тиши своей коммунистической концепции. Но и помимо этих личных причин, в том, что касается Бабёфа, у коммунистов были общие причины быть благоразумными, не выделяться и предпочитать блестящим выступлениям глубоко скрытые и осторожные действия. Революция уже не находилась на той неясной и неопределенной начальной стадии, когда можно было провозглашать любые идеи, не вызывая скандала именно потому, что они казались утопическими. Кого, например, могли испугать восхваления Мабли так называемых первобытной простоты и первобытного коммунизма? В сущности, выразив свою скорбь по поводу пороков, которые строй частной собственности породил среди людей, Мабли признает полную невозможность искоренить эту собственность: «С тех пор как люди познали собственность, совершенно бесполезно пытаться подавить в них желание обогащаться или увеличивать свое состояние; закон должен ограничиться лишь стремлением умерить алчность»⁶⁷.

И все сводилось к проектам закона против роскоши и к плану общего спартанского воспитания. Какое значение имеет даже то, что Морелли воздвигает в середине XVIII в. целое здание коммунизма? Мы тщетно будем искать реальный фундамент, который можно было бы под него подвести, и оно нисколько не угрожает интересам привилегированных и монархии. Парадоксы Руссо бессильны; он сам опровергает их своим пессимизмом; ибо, если он опечален, то именно невозможностью восстановить первобытное равенство. Гельвеций и Гольбах, как показал Плеханов, особенно встают против господства земельной собственности; они приветствуют как огромный прогресс появление промышленности и тем самым высказываются вполне в духе Революции; в своем увлечении они доходят до предвидения судьбы пролетария при этом росте промышленности; они оговаривают для него определенные гарантии. А Гельвеций, например, формулируя необходимость восьмичасового дня, пишет: «Итак, большинство стран населено только неимущими людьми; что сделать, чтобы возратить им счастье? Уменьшить богатство одних, увеличить богатство других; создать для бедного такую степень зажиточности, чтобы он смог, работая семь или восемь часов, с избытком удовлетворять нужды свои и своей семьи». Но эти пожелания, касающиеся отдаленного будущего, не потрясают общественного строя и не тревожат установленных властей. Даже в период, непосредственно предшествовавший Революции, даже когда коммунистические требования обретают характер непосредственной реальности, они как бы теряются среди огромных усилий по преобразованию, направленных на достижение более близких целей.

Более подробно тема раскрыта в работах В.П. Волгина -
 «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке»,
 «Великая французская революция и социализм»
 А.Р. Иоаннисяна - «Мишель Кюбьер в годы революции»,
 «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции»
 С.С. Сафронова - «Социальные воззрения Пьера Доливе»,
 «Социальные воззрения Буасселя»
 см. раздел нашей библиотеки
<http://istmat.info/node/29200>

64. Buonarroti. Conspiration pour l'Égalité. Edition de 1828, t. I, p. 14; édition de 1957, t. I, p. 31.

65. Обо всем этом деле см.: G. Deville. Thermidor et Directoire, 1794—1799. — «Histoire socialiste», t. V, chap. I, «Signification du 9 thermidor an II. Babel», p. 13. О Бабёфе до 9 термидора важнейшим трудом является: В. М. Далин,

Граф Бабёф накануне и во время Великой Французской революции (1785—1794). М., 1963; см. отзыв о нем А. Собоуля в «Revue d'Histoire moderne et contemporaine», 1966, т. 166.

66. О Сильвене Марешале см. ниже, прим. 68.

67. A. Lichtenberger. Op. cit., p. 227.

СИЛЬВЕН МАРЕШАЛЬ, БУАССЕЛЬ

Да, Сильвен Марешаль⁶⁸ мог, не подвергаясь опасности, писать в 1788 г. в своих «Современных притчах, предназначенных для дофина»⁶⁹:

«Хаос, как говорят, предшествовавший сотворению мира, несомненно, ничто в сравнении с хаосом, властвующим на поверхности этого уже сотворенного мира; а ад, которым мне угрожали после моей смерти, не может быть хуже, чем жизнь, какую ведут в обществе, все члены которого свободны и равны и где, однако, три четверти населения — рабы, а остальные — господа»⁷⁰.

И он мог прибавить:

«Наступил день, когда рабочие, доведенные до крайности жестокостью богачей, откажутся им служить, а на их угрозы ответят им: «Нас трое против одного. Мы намерены навсегда восстановить прежнее положение, первоначальное состояние, т. е. самое совершенное и самое законное равенство. Сделаем землю общим достоянием всех ее обитателей. Если окажется, что среди нас есть кто-либо имеющий два рта и четыре руки, то по всей справедливости определим ему двойную долю. Но если все мы созданы по единому образцу, то разделим пирог поровну. Но возьмемся все за дело сами. Пусть все люди, от одного конца Вселенной до другого, протянут друг другу руки, образовав единую цепь из одинаковых звеньев, и воскликнут в один голос: «Да здравствуют свобода и равенство! Да здравствуют мир и простота!»⁷¹.

Сильвен Марешаль даже мог дойти в своей смелости до следующего пророчества: «Все это кажется сказкой в эпоху, когда я рассказываю об этом, но станет историей, говорю вам это истину».

Старый порядок гораздо сильнее тревожили требования контроля со стороны нации, требования налогового равенства, требования широкого представительства третьего сословия, которые начали в ту пору выдвигать. И академические споры, затеянные Бабефом с Дюбуа де Фоссе⁷², по поводу гипотезы, [каково будет положение народа], когда земля... не будет принадлежать никому в отдельности, а всем, когда «все будет общим, вплоть до изделий всех видов промышленности», мало беспокоили королевский двор и не вызывали даже тени заботы у буржуазии, шедшей к власти.

Но с началом Революции коммунизм вступает в сферу действия, в область бурь. Весной 1789 г., в час, когда теплое дуновение грядущей Революции вызвало появление различных проектов, идей, систем, Буассель⁷³ заканчивает свой «Катехизис человеческого рода»⁷⁴, в котором он до основания развенчивает религию, семью и собственность; он не намерен писать утопию;

он убежден в том, что поможет делу близкого всеобщего возрождения.

«Катехизис человеческого рода, который я, под покровительством Природы и ее истинного творца, мне его продиктовавших, представляю взору и покровительству французской нации и просвещенной Европы для важнейшего и необходимого установления... истинного морального порядка и социального воспитания людей в познании, практике, любви и привычке к принципам и средствам сделаться и оставаться счастливыми одним благодаря другим.

Dic mihi, vere Deus, quae sit sapientia regum,

Prava impostorum, non tua jussa, sequi?

Скажи мне, истинный господь, в чем мудрость королей, лицемеров ли обман предпочитает или твои веления?»

Благодушное введение, прикрывавшее самую «возмутительную» книгу. Но в то время, когда она печаталась, прогремела пушка Бастилии; Буассель как бы опережает события и предлагает свой коммунистический проект еще совсем юной свободе:

«Это сочинение было сдано в печать за два месяца до чудесного и навсегда памятного дня взятия Бастилии. Небесные силы, вы, которые только что навсегда освободили французский народ от самого постыдного рабства и от адских преследований со стороны извергов человечества, тиранов, завершите свое дело; да не будет триумф в борьбе за свободу отделен от триумфа истинного просвещения, без которого человек сможет воспользоваться им лишь на свою беду!»

68. Марешаль Сильвен (1750—1803)—помощник библиотекаря в коллеже Мазарини, литератор, участвовал в движении «во имя равенства», но не был привлечен к ответственности на Вандомском процессе. См.: M. Domange t. Sylvain Maréchal, l'Egalitaire, «l'Homme sans dieu», 1750—1803. Vie et œuvre de l'auteur du Manifeste des Egaux. Paris, 1950.

69. Sylvain Maréchal. Apologues modernes à l'usage du Dauphin... Bruxelles, 1788, un vol. in-8°, 118 p.

70. Ibid., Leçon XCI, p. 96, «L'Incrédule converti».

71. Ibid., Leçon XXXI, p. 34, «Prédiction véritable et remarquable».

72. См.: Correspondance de Babeuf avec l'Académie d'Arras (1785—1788), publiée sous la

direction de M. Reinhard. Paris, 1961. [См.: Гракх Бабеф. Сочинения. Т. I, М., 1975, с. 153. — *Ред.*]

73. Буассель Франсуа (1728—1807)—адвокат Парижского парламента, судья гражданского суда департамента Сена, член Якобинского клуба с 1790 г. О Буасселе и его «Катехизисе человеческого рода» см. ниже, с. 107, прим. 1.

74. Le Catéchisme du genre humain, que, sous les auspices de la nature et de son véritable auteur, qui me l'ont dicté, je mets sous les yeux de la protection de la nation française et de l'Europe éclairée, pour l'établissement... du véritable ordre moral et de l'éducation sociale des hommes... (S. l., 1789; B. N., 8° Lb⁹⁹ 8072, imp. in-8°, 132 p.; deuxième édition, 1792.)

Итак, Буассель рассчитывал подвигнуть копье, только что пробившее брешь в стене Бастилии, на ниспровержение всех социальных идолов — религии, семьи, собственности. Но если в вихре событий книга Буасселя и не прошла незамеченной, то она все же не должна была взволновать двор, так как могла послужить отвлекающим средством или пугалом. А буржуазия со своей национальной гвардией, охранительницей собственности, несомненно, не тревожилась по поводу того, что в ее глазах было лишь причудой.

АНОНИМНАЯ БРОШЮРА

Однако это показатель того, что коммунизм хотел выйти из романтической и платонической фазы, чтобы стать реальностью, и участвовать в ее битвах. Социалистическая мысль, таившаяся во многих умах, пробуждается с развитием Революции; и те, кто желает нового распределения богатств, новой формы собственности, пытаются приспособить революционную теорию к своим идеям. Декларации прав человека они дают истолкование, крайне беспокоящее буржуазию. Габриель Девиль обратил мое внимание на книгу, озаглавленную: «О собственности, или Дело бедняка, защищаемое перед трибуналом Разума, Справедливости и Истины»⁷⁵. Эпиграфом к ней дана строфа из Псалтыря: «Non in finem oblivio erit pauperis; patientia pauperum non peribit in aeternum» («Ибо не навсегда забыт будет нищий, и надежда бедных не до конца погибнет») (Псалом, 9, 19.) Книга эта, написанная в конце 1789 г., как указано в примечании, и вышедшая в свет только в 1791 г. («в Париже, улица Жакоб, против улицы Сен-Бенуа, Сен-Жерменское предместье. 29»), использует развитие, которое претерпела в этот промежуток времени Революция, и в обоснование своих требований социального равенства ссылается на Декларацию прав человека. Она провозглашает полное равенство, как следствие развития первых законов о равенстве:

«Пока печаталось это сочинение, Национальное собрание занялось вопросом о собственности богатых. Оно декретировало равенство всех детей при разделе наследства в случае отсутствия завещания. *Это уже шаг вперед, но он может служить лишь первым опытом и подготовкой к осуществлению великой и всемирной справедливости. Теперь остается заняться собственностью бедняков и равенством раздела между всеми гражданами, которые также являются братьями и членами одной и той же семьи и все имеют одинаковые права на общее наследство.* Добиться издания этого декрета и его проведения в жизнь будет не так легко, как первого; но все, что справедливо, доводят до конца, требуют только терпение и мужество. Прежде всего надо тщательно изучить вопрос, ознакомиться со всем тем, что может быть в нем труд-

ного на первый взгляд; удостовериться, *вместе с г-ми Прайсом и Пристли*⁷⁶ и несколькими другими светлыми умами Франции и Англии, в том, что общества людей могут достигнуть степени совершенства, казавшейся нашему воображению немыслимой, что мы, наконец, приближаемся к этой замечательной эпохе, и предоставить остальное времени и общественному мнению. Они вскоре возьмут на себя задачу, одно — продиктовать закон, который надо внести, другое — обеспечить мирное проведение его в жизнь» (См. сочинение Прайса: *Price. «Observations on the importance of the American Revolution and the means of making it a benefit to the world»*. Оно было переведено и прокомментировано г-ном Мирабо, в дополнение к его «Соображениям о порядке Цинцинната»⁷⁷).

В предисловии я читаю:

«Устанавливая для каждого человека неотчуждаемое право собственности, будет нетрудно найти решение этой проблемы, которой еще не занимались достаточно, но от которой, однако, зависит судьба рода человеческого, а именно: найти способ обеспечить обществам и каждому человеку в отдельности меру счастья, к какой восприимчивы и те и другой, таким образом, чтобы общее благоденствие было лишь результатом счастья каждого человека в отдельности.

Каким бы суровым ни показался закон, которого я требую, он основан на естественных и нерушимых правах человека. Он — прямое следствие Декларации, принятой Национальным собранием и утвержденной королем.

Я склонен полагать, что при том положении, какого достигли общества, быть может, было бы более благоразумным, одоблив и утвердив принцип, отсрочить его применение до будущего поколения, *путем [регулирования] наследования*.

А вот смелая критика «права собственности»⁷⁸:

75. «De la propriété ou la cause du pauvre plaidée au tribunal de la Raison, de la Justice et de la Vérité». Paris, 1791 (BN., E* 5133). (См. указанные выше, в прим.*, на с. 79, работы советских ученых). О пробуждении социалистической мысли во время Революции см.: A. L i c h t e n b e r g e r. Le Socialisme et la Révolution française. Étude sur les idées socialistes en France de 1789 à 1796. Paris, 1899. [Автором этой, изданной анонимно брошюры был аббат Курнан; см. об этом: А. Р. И о а н н и с я н. Коммунистические идеи в годы Ве-

ликой французской революции. М., 1966, с. 13—14. — *Ред.*]

76. О Прайсе Ричарде (1723—1791), проповеднике и публицисте, см. Ж. Ж о р е с. Цит. соч., т. IV, с. 325, прим. 50 и с. 349, прим. 36. О Пристли (1733—1804) см.: Ж. Ж о р е с. Цит. соч., т. IV, с. 347, прим. 35 и с. 353, прим. 46.

77. M i r a b e a u. Considérations sur l'ordre de Cincinnatus, ou Imitation d'un pamphlet anglo-américain. Londres, 1784.

78. De la propriété ou la cause du pauvre plaidée au tribunal de la Raison, de la Justice et de la Vérité, p. 1—4.

«Наконец, вопрос о счастье человека, о его достоинстве, о его правах, о его назначении на этой земле, которую он делает плодородной, которую он украшает, где, по велению природы, он должен быть повсюду свободен и чувствовать себя хозяином, но где он повсюду был рабом, ограбленным и униженным. С недавнего времени мысли всех мудрых людей обращены к этим великим вопросам. достойным привлечь внимание всех стран и всех веков. Философия была направлена к своей истинной цели — изучению человека и отношений, связывающих его с ему подобными. Права, не признаваемые или презираемые почти у всех народов, уже были торжественно провозглашены законодателями великой державы. Политика уже заговорила раз языком справедливости и истины. Голос тщеславия и выгоды не смог заглушить голоса природы, и представители нации, которую считали ослабленной роскошью и развращенной деспотизмом, явили всем народам земли пример и урок мужества.

Среди неоспоримых истин, содержащихся в Декларации прав, в этом возрождении достоинства человека, все же есть одна, смысл которой, быть может, недостаточно раскрыт, или же публика, по-видимому, неверно его истолковала. Статья 2 Декларации гласит: «Целью всякого политического союза является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека; права эти суть: свобода, *собственность*, безопасность и сопротивление угнетению».

Если Национальное собрание захотело этой статьей дать понять, что во всяком политическом объединении каждый индивид должен обладать собственностью, гарантированной законом, и что, поскольку все имеют одинаковые права на общую землю, на которой они живут и которая их кормит, то собственность эта должна быть одинакова для каждого из них, — то Собрание достигло единственной цели, какую должен ставить перед собой законодатель: цели сделать всех людей счастливыми; оно достигло высшей цели политики: создало самое совершенное управление во Вселенной.

Если же, наоборот, Собрание намеревалось заявить, что закон берет под свою защиту нынешнего собственника и гарантирует ему пользование имуществом, находящимся в его владении, т. е. что один человек будет и впредь владеть для своего удовольствия и роскоши тем, чего было бы достаточно для пропитания двадцати семейств, и что горстка людей будет обладать огромными излишками, в то время как большинство будет лишено самого необходимого, — то вместо того, чтобы провозгласить права человека, оно лишь прибавило бы новое оскорбление к бесчисленным оскорблениям, повсюду наносимым роду человеческому, оно освятило бы узурпацию и тиранию богатых, оно превратило бы силу в право и отнесло бы к числу законов самую древнюю, но и самую варварскую из несправедливостей. Далекое от того, что-

бы снискать благословения народа, оно заслужило бы лишь его проклятия и мщение; будущие поколения, счастье которых оно было вольно обеспечить и которые оно сознательно обрекло на презрение и нужду, из поколения в поколение поносили бы память о нем и проклинали бы его в веках.

Если же (во что невозможно поверить) это последнее истолкование статьи о праве собственности правильно, если самое жестокое из злоупотреблений, терзающих наши общества, оказалось закрепленным подлинным и торжественно провозглашенным законом, то пусть не говорят, что молчание народа Собрание вправе рассматривать как одобрение его принципов и его декретов. Потомки будут знать, что нашелся достаточно мужественный человек, чтобы восстать против них и протестовать от своего имени и от имени себе подобных против этого попрания священных и неотъемлемых прав природы и справедливости.

Но поскольку мудрость и просвещенность Национального собрания известны на счастливом опыте, поскольку оно всегда проявляло самую трогательную заботу о бедняках и самое святое уважение к человечеству, мы не станем выражать никаких сомнений относительно истинного смысла, какой следует придавать процитированной нами статье о праве собственности, и мы удовольствуемся ее применением, доказывая необходимость раздела земель королевства, показывая, как легко его осуществить, и опровергая основные возражения, которые могли бы против него выдвинуть».

Вот как коммунизм (правда, в рудиментарной форме аграрного раздела) возвышает свой протестующий голос против олигархического истолкования права собственности. Он рвет с буржуазным правом давности; и это не утопия, не романтическая фантазия, легкомысленно противопоставленная реальности; это — прямое и точное требование, это — практическая утилизация в эгалитарном смысле провозглашенных принципов и использование развивающихся событий. Еще один шаг, и «аграрный закон» встанет перед лицом Революции, чтобы потребовать от нее принять решение. Это была большая опасность для Революции, ибо прежде, чем она покончила со своими врагами, сторонниками старого порядка, ей предстояло бы схватиться с людьми, вышедшими из ее лона, со своими взбунтовавшимися сыновьями, которые потребовали бы своего наследства и желали бы придать новую форму едва организованному революционному достоянию. Это была большая опасность для [сторонников] коммунизма и «аграрного закона», рискующих, чересчур рано придя в столкновение с Революцией, быть низведенными на положение секты.

ПИСЬМО БАБЕФА КУПЕ
(ИЗ ДЕПАРТАМЕНТА УАЗА)
ОТ 10 СЕНТЯБРЯ 1791 г

Это хорошо понимает Бабеф, проявляя тот удивительный оппортунизм, который от него впоследствии унаследует бланкизм. Частное письмо, написанное им в конце 1791 г. Купе (из департамента Уаза), недавно избранному в Законодательное собрание, письмо, которое г-н Эспинас, получив его от г-на Шаравэ, опубликовал в своем исследовании о Бабефе, по моему мнению, важнейший документ в истории коммунизма и демократии⁷⁹. Оно раскрывает глубокое понимание Бабефом реальности и условий развития того, что мы называем социализмом. Благодаря ему коммунизм перестает быть книжной доктриной; он входит в жизнь истории и подчиняется ее законам. Благодаря ему коммунизм, еще слишком слабый, чтобы овладеть Революцией, чтобы вызвать буржуазную гроз и пренебречь ею, пытается проникнуть в демократию, находящуюся в развитии. Он останется тайным, но, примкнув к крупным силам, будет участвовать в их движении и в их росте, если не в их блеске. Он будет медленно созревать под покровом буржуазной революции, готовый вспыхнуть, когда придет горячее время. В то же время Бабеф, в силу кажущегося противоречия, по-видимому, рассчитывает на решительные действия нескольких лиц или даже одного человека, если он обладает сильной волей. Пусть, например, Купе (из Уазы) осознает новые судьбы, новые возможности, пусть направит Революцию в сторону фактического равенства; он может стать *«спасителем мира»*. Не представляет ли собой этот мессианизм крайней формы сектантского духа? Но здесь надо быть осторожным: если, по мнению Бабефа, один человек может руководить событиями и силами, то только при условии, если он с ними соединится, исчезнет в них в случае надобности. Прежде всего нужно, чтобы коммунизм, даже замаскированный, поднялся на колесницу Революции; и придет день, когда в опьянении все ускоряющегося бега он возьмет на себя руководство ею. Бабеф старается доказать, что коммунизм, который он тогда называл *аграрным законом*, является одновременно необходимым завершением и необходимым условием революции; что ни один из политических институтов, созданных или желаемых ею, не сможет действовать и давать максимальный результат, если она не стремится к фактическому равенству и не опирается на него.

И почему он говорит об *аграрном законе*? Почему он соглашается на это устаревшее название? Почему он, по-видимому, отстает от идей, которые обсуждал с Дюбуа де Фоссе, когда эти два человека предвидели общее владение не только землей, но и промышленными богатствами?

Потому что, несмотря ни на что, земельная собственность

все еще представляет собой важнейшую форму собственности. Кроме того, потому, что все законодательство Учредительного собрания о феодальных правах, о десятине, о продаже национальных имуществ ставило земельную проблему, а коммунизм, слишком слабый еще, чтобы самому поднимать вопросы, может лишь присоединиться к тем, какие поднимает Революция. Несомненно, еще и потому, что было политично и разумно не задевать одновременно все категории собственников. Бабеф задается целью применить в большом масштабе ко всей Революции метод интерпретации, который он объясняет Купе из Уазы, стараясь привлечь его на свою сторону, чьи едва наметившиеся эгалитарные тенденции он старается сформировать в соответствии с точным образцом социального равенства.

«Факт Вашего избрания, гражданин [письмо датировано 10 сентября 1791 г., Бове], является, с моей точки зрения, немалым событием. Я испытываю неотразимую потребность остановиться на этом факте, чтобы оценить, каковы будут его последствия.

Я раздумываю о том, чего можно ждать от человека, проповедовавшего глухим следующие достопамятные истины (которые, я убежден, он сам прочитал), что *«необходимо проникнуться теми великими принципами, на которых зиждется общество, — первоначальное равенство, общие интересы, общая воля, декретирующая законы, и сумма всех сил, составляющая суверенитет»*.

Брат! Предписание древнего закона — *люби ближнего своего, как самого себя*; прекрасное правило Христово — *делайте другим все то, что вы хотели бы, чтобы они делали вам*; конституция Ликурга, самые прекрасные учреждения Римской республики — я имею в виду *аграрный закон*; *Ваши принципы, только что мною воспроизведенные*; мои принципы, изложенные Вам мною в моем последнем письме⁸⁰, состоящие в обеспечении всем людям,

79. A. Espinas La philosophie sociale du XVIIIe siècle et la Révolution. Paris, 1898, p. 404—410, второе письмо Ф.Н. К. Бабефа, гражданина, к Ж. М. Купе, члену Законодательного собрания, из Бове, от 10 сентября 1791 г. (До того как принять имя «Гракх», Бабеф некоторое время именовался Камиллом.) См. это письмо в: Babef Pages choisies, recueillies, commentées et annotées, avec une Introduction et une Bibliographie critique, par M. Dommanget, Paris, 1935, p. 121—130. [См.: Гракх Ба-

беф. Сочинения, т. 2, М., 1976, с. 274—280. — *Ред.*]

Купе Ж. М. из Уазы (1737—1809) — кюре Сермеза, председатель дистрикта Нойон, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента.

80. Письмо к Купе о новой легислатуре, Руа, 20 августа 1791 г. M. Dommanget. Pages choisies de Babeuf..., p. 103—121. «Кто может держаться за формальное равенство?» — спрашивал Бабеф. [См.: Гракх Бабеф. Сочинения т. 2, с. 262. — *Ред.*]

во-первых, пропитания и. во-вторых, равного образования, — все это отправляется от единой общей точки и направлено опять-таки к единому общему центру.

И этот центр — это все та же единая цель, к которой будут стремиться все конституции мира, по мере того, как они будут совершенствоваться. Тщетно опрокидывать троны королей, учреждать республику, постоянно произносить слово «равенство» — вы всегда будете гнаться за пустым призраком и ничего не добьетесь.

Мой брат, Вам я это говорю в полный голос, но еще не скоро я осмелюсь говорить это шепотом другим людям: аграрный закон, этот закон, которого страшатся и приближение которого чувствуют богатые и о котором совсем не думают многочисленные бедняки, то есть ^{49/50} человеческого рода, который, однако, без этого закона полностью вымрет на протяжении самое большее двух поколений...⁸¹ Этот закон, который, как мы с Вами в этом убедились, был предметом самых горячих желаний Мабли; этот закон, который возникает на горизонте столетий⁸² только при обстоятельствах, подобных тем, в которых мы находимся, то есть когда крайности сходятся, когда земельная собственность, единственное подлинное богатство⁸³, сосредоточена в немногих руках, а всеобщая невозможность утоления страшного голода побуждает большинство людей требовать передачи им великого мирового поместья, где Творец хотел, чтобы каждый обладал необходимой частью для добывания своего пропитания; этот закон, говорю я, есть вывод из всех законов. К нему всегда стремится народ, когда он добился улучшения своей конституции во всех других отношениях...

Вы, конечно, так же, как и я, признаете ту великую истину, что совершенство в законодательстве связано с тем первоначальным равенством, которое Вы так хорошо воспели в Ваших патристических поэмах⁸⁴ и так же, как и я, Вы, конечно, чувствуете, что мы идем большими шагами к этой удивительной революции...

Вы, возможно, предназначены, — а может быть, мы предназначены оба — первым понять и дать вкусить и другим великую тайну, тот самый секрет, который должен разбить оковы человечества. Если это так, то я предвижу, что Вы прославитесь среди законодателей!

Но при всей той силе, которой Вы вооружены, каковы все же, по моему мнению, должны быть те первые шаги, которые следует предпринять, чтобы ускорить столь прекрасную победу. Нужно ли будет возвестить приход Спасителя мира открыто и определенным знаменем? Конечно, нет, и нельзя, я думаю, ожидать хорошего приема, если выступить напрямик с предложениями (такого рода) в нашем несчастном Собрании. Его добродетель окажется вынужденной в борьбе с коррупцией пользоваться оружием, которое обычно применяется последним: политике надле-

жит противопоставить политику. Первые постановления должны быть хорошо замаскированы, и они несколько не должны казаться направленными к заранее намеченной цели⁸⁵.

Но я раздумываю... Я говорю себе: ведь нет почти никого, кто решительно не отвергал бы аграрный закон. Предрассудок в этом отношении еще сильнее, чем в отношении монархии, и тех, кто осмеливался сказать хоть слово по этому великому вопросу, всегда вешали. Можно ли быть уверенным в том, что даже сам Ж. М. Купе согласится со мною в этом вопросе? Не возразит ли и он тоже вместе со всеми, что результатом этого будет отход общества от Революции; что было бы несправедливо лишить имущества всех тех, кто его законно приобрел, что после этого никто больше ничего не будет делать друг для друга, и что даже если предположить такую возможность, то последующие переходы собственности скоро восстановят первоначальный порядок вещей? Захочет ли он удовлетвориться моими ответами: что земля не должна быть отчуждаемой; что каждый человек при своем рождении должен найти ее в достаточном размере, как он находит воздух и воду, а умирая, он должен оставить ее в наследство не своим близким, а всему обществу; что только система отчуждаемости привела к тому, что у одних оказалось все, а другим не осталось ничего; что молчаливые сделки, сократившие оплату наиболее полезных работ до самого низкого уровня, тогда как оплата ненужных или даже вредных для общества работ увеличена во сто крат, дали возможность тем, кто выполняет эти бесполезные работы, экспроприировать полезного и самого трудолюбивого человека; что, если бы в оплате всех видов труда существовало больше единообразия, если бы некоторым из них не была придана произвольная ценность, все рабочие были бы примерно

81. Бабёф писал: «... который, однако, если этого не случится, умрет (человеческий род) полностью самое большее на протяжении двух поколений». Жорес разъясняет этот темный текст.

82. Следует ли здесь говорить о тысячелетии, как предлагают некоторые?

83. Здесь, замечает М. Домманже, усматривают влияние физиократов. Не является ли это попросту отражением экономики эпохи? Перед нами по существу своему деревенская Франция, народ крестьян...

84. «Мы не нашли и следа этих поэм» Купе, отмечает М. Домманже.

85. Постоянная мысль у Бабёфа: не снимать маски преждевременно («Я снова повторяю — об этих намерениях не следовало бы вначале распространяться»). Но, идя промежуточным путем, Бабёф, никогда не упускал из виду «заранее намеченную цель» — выражение, часто появляющееся из-под его пера. «Аграрный закон» есть не «отступление», «отказ», а продвижение к этой цели. См. ниже, прим. 92.

одинаково богатыми⁸⁶; что, стало быть, новый передел лишь поставит вещи обратно на свои места; что если бы земля была объявлена неотчуждаемой, каковая система полностью устраняет опасения возможного восстановления неравенства вследствие переходов права собственности, то после нового передела⁸⁷ каждый человек имел бы свое обеспеченное достояние и мы не испытывали бы этих постоянно терзающих нас тревог о судьбе наших детей: отсюда золотой век и общественное благоденствие вместо разложения общества; отсюда спокойствие насчет будущего, устойчивое благосостояние, защищенное от капризов судьбы, что должно было бы быть предпочтено даже самыми счастливыми людьми мира сего, если бы они хорошо понимали свои собственные интересы; что, наконец, неверно, что неизбежным следствием этого нового порядка было бы исчезновение ремесел, ибо, наоборот, очевидно, что все не могли бы стать землепашцами; что каждый человек не мог бы тогда, как и сегодня, сам добывать для себя все механизмы, которые стали необходимыми; что мы не перестали бы нуждаться в постоянном обмене услугами и что, за исключением того, что каждый человек имел бы свое неотчуждаемое имущество, которое было бы для него во все времена и при всех обстоятельствах неким фундаментом, неприступным ресурсом против нужды, *все связанное с мастерством человека останется в том же состоянии, что и ныне**.

К чему было бы сегодня обсуждать эти еще неопределенные концепции? Под названием *аграрного закона* Бабёф понимает раздел земель, т.е. в некотором смысле то, что представляется резко противоположным коммунизму. Но этот раздел смягчен неотчуждаемостью земли и постоянством ее общественного характера. Итак, это, если можно так выразиться, своего рода парцеллярный коммунизм в применении только к земле. Как примирить режим неотчуждаемости и общности в отношении земли с режимом экономического индивидуализма, анархии и капиталистической конкуренции, который Бабёф находит нужным сохранить для промышленности? В сущности, если на это не обратить большого внимания, то первое требование Бабёфа было бы удовлетворено, если бы в какой-нибудь форме *минимальный капитал* (земельный капитал или движимый) был обеспечен каждому гражданину. Таким образом, *аграрный закон*, если он не расширится и не превратится в коммунизм, если он не придаст коллективного и общественного характера производству, равно как и собственности, представляется только как форма социального обеспечения. Но Бабёф, превращая всю землю, неотчуждаемую, хотя и делимую, в общественный залог этого обеспечения, уже возвещает коммунизм. Интересно отметить гибкость и изобретательность неустанно работающего ума, ума, не застывающего в формулах и беспрестанно ищущего возможно лучшего приспособления своего эгалитарного идеала к постоянно меняющимся социальным и политическим

условиям, в которых он существует. Ни эмпиризма нет в этом уме, неотступно преследуемом абсолютом, ни доктринерства нет в этом уме, открытом для жизни. И он дает изумительную картину того, как из самой эволюции демократии, доведенной до ее логического конца, вытекает социальное равенство. Именно в результате этого слияния с нарождающейся демократией коммунизм выходит из сферы абстракции и утопии и вступает в сферу жизни. По мнению Бабёфа, политическая демократия — это социализм, который, не зная еще самого себя, мало-помалу приходит к самосознанию. В методе интерпретации Бабёфа есть что-то от иронии Сократа. Он станет «акушером» при рождении революционной мысли и приведет Революцию, не сознающую этого, к осуществлению всего того, что заключалось в его идее.

«Я хочу Вам доказать, Вам, дорогой брат, и в то же время самому себе, что Вы идете в Законодательное собрание с намерениями закрепить все это в виде статей конституционного закона. В своем предыдущем письме я Вам сказал, что мои пожелания заключаются в том:

1. Чтобы депутаты любого законодательного собрания признали от имени народа, что термин «Учредительное собрание» — это нелепость; что уполномоченные народом депутаты обязаны всегда делать все, что они признают полезным для счастья народа... Из этого вытекает обязанность и необходимость дать средства существования тому огромному большинству народа, которое, несмотря на всю свою добрую волю трудиться, уже не имеет их: *аграрный закон, подлинное равенство*».

«Учредительное собрание — это нелепость»: это действительно гениальные революционные слова. Зачем устанавливать глубокие различия между полномочиями, полученными одним собранием, и полномочиями, полученными следующим собранием? В них всегда выражена одна и та же воля народа, одна и та же сила народа. Зачем отныне признавать фундаментальный характер за определенными законами, за определенными учреждениями,

86. «Plus d'uniformité dans les prix de tous les travaux». Эта формула Бабёфа, по мнению М. Домманже, выражает, по-видимому, его стремление к единой заработной плате, к одинаковому для всех вознаграждению. Эта мысль была уже намечена в переписке с Дюбуа де Фоссе и развита дальше в «Постоянном кадастре» («Cadastre perpétuel»).

87. В это время Бабёф думал, как и в «Постоянном кадастре», неотчуждаемостью наделов испра-

вить противные равенству следствия «аграрного закона». Позднее в «Манифесте плебеев» («Manifeste des plébéienes») он должен был признать «неопровержимый аргумент» противников «аграрного закона»: «Что аграрный закон продержится лишь один день, что уже на следующий день после его установления неравенство возобродится».

* Г. Б а б ё ф. Сочинения. Т. 2, М., 1976, с. 274 и сл. — *Ред.*

которые, несомненно, являются лишь преходящим выражением социального движения, продолжающего развиваться и вышедшего за их пределы? Притязать на окончательное *устройство* общества — значит притязать на то, чтобы остановить его на первой ступени организации, через которую не позволили немедленно переступить лень ума или тяжесть обстоятельств. Нет, эволюция продолжается, и будущее остается открытым. Но если в каждый период, в каждую минуту народный суверенитет всегда так активен, если он в любой час имеет право и средства преобразовать конституцию и законы, то как ему не воспользоваться этой силой, всегда живой, всегда могущественной, всегда действенной, чтобы не улучшить положение самого народа? Итак, демократия, если она не застыла, подобно глыбе льда, если она остается гибкой и подвижной, не может не привести в конечном счете к фактическому равенству.

«2. Чтобы право вето, подлинный атрибут суверенитета⁸⁸, принадлежало народу — и я с довольно очевидным успехом (поскольку мы видели с тех пор — в небольшом сочинении, озаглавленном «О ратификации законов», я вам о нем уже писал⁸⁹, — что мои аргументы схожи с теми, которые использует автор) доказал возможность его осуществления вопреки всему, что могло быть сказано против этого... Не следует ли ждать от этого народного *вето*, что страждущая и постоянно до того подверженная жестокому чувству голода сторона выдвинет требование гарантированного достоинства: *аграрный закон*».

Чтобы народ имел право *вето* в отношении законов: он будет отводить все законы до тех пор, пока существование всех граждан не будет обеспечено законом.

«3. Чтобы не было больше разделения граждан на несколько классов⁹⁰; чтобы все были допущены ко всем должностям; чтобы всем были предоставлены права голосовать, высказывать свое мнение на всех собраниях; чтобы серьезно наблюдали за собраниями законодателей; чтобы соблюдалась свобода собраний в общественных местах; чтобы не было более закона о военном положении⁹¹; чтобы был уничтожен корпоративный дух в национальной гвардии путем приема туда всех граждан без исключения и чтобы она не имела *другого назначения, кроме борьбы с внешними врагами Франции*... Из всего этого неизбежно воспоследует активное соревнование, усиление духа свободы, равенства, гражданской энергии, большие средства выражения общественного мнения и, следовательно, выражения общезначимой воли, которая в принципе есть закон; требование первейших прав человека, следовательно, честно обеспеченного хлеба для всех: *аграрный закон*».

Бабеф, имея в виду свой эгалитарный идеал, интересуется даже самим механизмом обсуждения в Собраниях: поучительный урок для доктринеров теоретического социализма, подчеркивающих свое безразличие и пренебрежение к парламентской игре.

«4. Чтобы все государственные дела рассматривались на пленарных заседаниях и чтобы не было больше комитетов... Таким образом, исчезнут эта небрежность, эта апатия, эта беспечность, эта склонность полностью полагаться на мнимое благоразумие горстки людей, которые ведут за собой целое собрание и около которых гораздо легче быть соблазненным коррупцией. Отсюда вытекает, что все сенаторы обязаны серьезно заниматься поставленным на обсуждение вопросом и определить свое отношение к нему со знанием дела. Отсюда вытекают также предостережение всем защитникам народа и необходимость отстаивать его самые заветные права и, следовательно, наблюдать за тем, чтобы именно все могли жить: *аграрный закон*».

5. Чтобы при обсуждении всех вопросов предоставлялось достаточно времени для обдумывания. В результате не только импровизаторы, ветреные люди, говоруны, люди, привыкшие говорить раньше, чем подумать, будут в состоянии влиять на принятие решений, но и люди, любящие обдумать план речи, прежде чем высказаться, также будут иметь влияние на решения. Следствием этого будет то, что какой-нибудь фразер, заинтересованный в борьбе со всем, что справедливо, не сможет больше легко отвести разумное предложение с помощью легковесной и вводящей в заблуждение придирки, а честный человек, выступая в защиту того, чьи нужды не терпят никакого отлагательства, сможет хорошо все обдумать, обосновать свое предложение и добиться победы разума. *Большой шаг в направлении аграрного закона*».

Итак, если демократические учреждения в целом представляют собой путь к аграрному закону, то что должны делать друзья аграрного закона? Содействовать развитию демократии с тем ~~целью~~ ^{целью}, какой вызывает в них одобрение его крайних последствий, но не пугать еще слепой народ преждевременным публичным объявлением цели, к которой они стремятся и куда их тихо влечет сила обстоятельств.

«Брат патриот, итак, если принципы, которые я сформулировал выше, всегда были и Вашими принципами, то сегодня надо от них отречься, если Вы не хотите аграрного закона, так как либо я очень грубо ошибаюсь, либо последним выводом из

⁸⁸. В своем первом письме к Купе от 20 августа 1791 г. Бабеф уже писал: «Народное *вето* необходимо. Без этого *вето* собрание народных представителей может только принимать декреты, противные воле и интересам народа».

⁸⁹. Мы не смогли идентифицировать это сочинение.

⁹⁰. Намек на цензовую организацию нации (активные граждане, пассивные граждане, избиратели и имеющие право быть избранными) согласно Конституции 1791 г.

⁹¹. Декрет против сборищ, или Закон о военном положении от 21 октября 1789 г.

этих принципов является аграрный закон. Следовательно, если Вы останетесь верны этим принципам, Вы будете эффективно трудиться в его пользу. С принципами никаких сделок быть не может, и если в глубине души Вы имеете в виду в Вашей работе законодателя нечто меньшее, то, повторяю, *Свобода, Равенство, Права Человека* останутся цветистыми словами, лишёнными смысла.

Я повторяю еще раз, не надо сразу же открывать наши намерения⁹². Но человек доброй воли мог бы значительно продвинуть дело вперед, если он приложит усилия к тому, чтобы были изданы законы, содержащие сформулированные выше основные положения, построенные на принципе всей полноты прав человека на свободу, каковой принцип можно всегда напоминать и проповедовать, не подвергаясь опасности. Те, кого называют аристократами, более сообразительны, чем мы: они прекрасно предвидят такую развязку. Их резкое сопротивление в вопросе о шампарах объясняется их страхом перед тем, что если хоть раз кощунственная рука коснется того, что они называют *священным правом собственности*, то неуважение к нему станет безграничным⁹³. Их опасения явно вызываются тем, что составляет предмет надежд защитников людей, страдающих от голода, т. е. опять-таки возможностью появления аграрного закона в ближайшее время.

Я охотно распространяюсь на эту великую тему перед душой, столь чувствительной, как Ваша. Ибо именно о бедняке до сих пор еще не подумали. Я говорю, что именно о бедняке должна прежде всего идти речь при обновлении законов какого-либо государства. Поддержат его, его дело — вот что важнее всего. В чем заключается цель общества? Не в том ли, чтобы обеспечить каждому своему члену наибольшее благосостояние? И чему служат все ваши законы, если в конечном счете они не помогают избавиться от глубочайшей нужды это огромное множество бедняков, составляющих подавляющее большинство общества? Что представляет собой Комитет по нищенству⁹⁴, который продолжает унижать людей разговорами о милостынях и о законах, карающих за нищенство и направленных к тому, чтобы вынудить это множество несчастных похоронить себя в хижинах и умирать в них от истощения, дабы грустное зрелище их страданий не вызвало требований осуществления первейших прав всех людей, которых природа создала для того, чтобы они жили, а не для того, чтобы лишь некоторые из них присвоили себе средства к существованию, принадлежащие всем?

Часто приходилось слышать предложения давать солдатам австрийского или других деспотов, которые откажутся подвергать свою жизнь опасности ради тирана и перрйдут на нашу сторону, землю из отобранных у духовенства владений... Как можно было думать о столь великодушном отношении к людям.

которых лишь временный интерес побудил не делать нам более зла, и забыть об огромном множестве наших сограждан, изнемогающих от отсутствия всех ресурсов, необходимых для поддержания их существования?»⁹⁵

Таким образом, Бабеф интерпретирует по-своему законы, все социальные мероприятия, намеченные Революцией. Но если друзья аграрного закона и не признаются в своей конечной цели, если они довольствуются тем, что не называя ее, идут к ней всеми демократическими путями, то их видимая программа совпадает с программой крайней демократии, которую Робеспьер начиная с 1791 г. противопоставлял полуолигархической демократии новой Конституции. Бабеф также был в это время ярким робеспьеристом, и, по его мнению, между демократией и «аграрным законом» существовали такая связь, такое взаимопроникновение, что он доходит до предположения, будто Робеспьер, являясь крайним демократом, был *сторонником аграрного закона* («agrarrien»).

«Проанализируйте Робеспьера, вы обнаружите, что и он в конечном счете тоже *сторонник аграрного закона*. И эти знаменитые люди вынуждены лавировать, потому что они понимают, что время еще не пришло»⁹⁶.

Но, что это значит? И кто не видит, что в первый период деятельности Конвента наметилась скрытая и глубокая тактика коммунистов? Если в 1791 г. было и опасно и бесполезно афишировать аграрный закон и коммунизм, — опасно потому, что эгоизм имущих классов и слепота народа заставили

92. См. выше, прим. 85.

93. Вопрос о шампарах: намек на декреты Учредительного собрания от 5—11 августа 1789 г. об отмене феодализма («мнимая отмена», по выражению самого Бабефа) и о выкупе вещных прав, в том числе и шампара. В этом же смысле и не без некоторого преувеличения Сильвеп Марешаль писал в мае 1791 г.: «Французская революция есть подлинный аграрный закон, осуществляемый народом. Народ вступил в свои права. Еще один шаг, и он вступит во владение своим имуществом». («Révolutions de Paris», № 96.)

94. Намек на Комитет по нищенству Учредительного собрания

95. В письме к графу Лорате (от 25 мая 1790 г.) Бабеф писал: «У меня на кончике пера совер-

шенно готовый план, как распорядиться церковными имуществами, который мог бы облагодить многих. Он, пожалуй, задержал бы осуществление проекта распродажи и оказался бы гораздо более выгодным как для государства, так и для отдельных лиц». [Примечание М. Домманже.]

96. Явное преувеличение. К этому времени Робеспьер был, по существу, защитником политической демократии и выступал против ценовой системы, введенной Конституцией 1791 г. Только с осени 1792 г. он начал становиться сторонником социальной демократии, никогда, однако, не делаясь «agrarrien»: для Робеспьера, как и для Ж. Ж. Руссо, имущественное равенство всегда было «химерой».

бы храбреца дорого заплатить за их преждевременное утверждение; бесполезно потому, что одного только развития демократии, если она сильна и логична, достаточно для достижения идеала социального равенства, — то после 10 августа это стало еще опаснее, так как тревога буржуазии возросла, и еще более бесполезно, так как демократия стала сильнее

Эта тревога за собственность, возникшая после 10 августа и усиливавшаяся по мере того, как влияние Парижской коммуны, казалось, расширялось⁹⁷, нашла отражение в многочисленных речах. Именно это беспокойство, по мнению Рабо-Сент-Этьенна, сильно сказалось на выборах в Конвент и господствовало на его первых заседаниях

В своих заметках, которые Рабо-Сент-Этьенн делал о первых заседаниях Конвента (быть может, имея в виду написать историю Конвента, от чего он вскоре отказался) и которые Зиви переписал и снабдил комментариями⁹⁸, он говорит

«Издается декрет.. по предложению Дантона, что неприкосновенность личности и собственности находится под охраной нации⁹⁹. Это последнее предложение было сделано с целью рассеять возможные опасения, что Национальный Конвент может одобрить доктрину, с недавних пор проповедуемую в Париже. о разделе земель и имуществ, об ограблении богатых и объявлении им войны беднякам. Марат — главный проповедник этой доктрины под девизом: «...чтобы фортуна вновь обратилась к несчастным, от гордых же прочь удалась»*. Конвент в ужасе отверг эту доктрину. Надолго ли? Большинство департаментов намеренно послало в качестве депутатов землевладельцев, именно вследствие ужаса, внушаемого им доктриной об ограблении собственников. Но депутаты не ведают ни силы влияния народа Парижа, ни ловкости тех, кто его ведет»¹⁰⁰

Достаточно ознакомиться с этим, с самого начала сеявшим тревогу, предвзятым мнением Жиронды, чтобы представить, какое решение она приняла бы после опубликования такого письма, как письмо к Купе (из Уазы). Пусть Бабеф поостережется!

ЗАКОН ОТ 18 МАРТА 1793 г. ПРОТИВ «АГРАРНОГО ЗАКОНА»

Я уже отмечал, как высказывался Пеньер о посягательстве на право собственности и как он при этом ужасался¹⁰¹. Банкаль, излагая мотивировку своего проекта конституции, говорит, что после 10 августа 1792 г. социальные взвы, по-видимому, разорвались¹⁰². Да, да! Пусть коммунисты не отказываются в 1793 г. от тактики осторожности, которую Бабеф избрал для себя в сентябре 1791 г. По предложению Камбона и чтобы успокоить внешних и будущих покупателей национальных имуществ, Кон-

вент, после речи Барера, принимает 18 марта 1793 г. страшный закон против всякого, кто будет подстрекать к посягательству на собственность¹⁰³

«Другой причиной беспокойства и тревоги в департаментах являются разглагольствования против собственности, которые допускаются. Департаментам надо сказать, что вы не потерпите ни малейшего посягательства на собственность, как земельную, так и промышленную (*Бурные аплодисменты.*) Священники, которые ценят лишь блага мира сего, вещая нам о мире ином, которые в ярости от того, что их лишили скандально огромных богатств, которыми они пользовались, хотели бы ныне лишить имущества богатых собственников. Революция, говоря о ней, совершена только для них, и таким образом они проповедают ниспровержение всех видов собственности. Родственники эмигрантов в свою очередь говорят: «Наши семьи ограблены, надо ограбить других». Ибо именно в анархии эти родственники могут обрести мщение, о котором они мечтают, или деспотизм, который возвратит им имущества, о которых они сожалеют, и погромашки, которые они оплакивают. Поэтому по вопросу о собственности вам надлежит сделать откровенное и торжественное заявление, которое бы расстроило происки и тех, и других и развеяло все тревоги..

Если бы я не считал безумными людей, которые, не создавая, что они говорят, толкуют об аграрном законе, я предложил бы одну меру, которую вы часто применяли в подобных случаях. Я имею в виду смертную казнь для людей, проповедующих неосуществимый закон, закон, ниспровергающий весь социальный порядок, закон, который, уничтожив все промышленные ресурсы, обернулся бы гибелью даже для тех, кто верит, что сможет благодаря ему разбогатеть. Предлагаю казнь..

97 См Ж Жорес Цит соч, т III, гл IV, с 169, «Социальное брожение и планы аграрного закона»

98 О Рабо де Сент Этьенне см выше, с. 61, прим 33

99 Декрет Конвента от 21 сентября 1792 г См выше, с 25, прим 28

* Гораций Наука Поэзии, 200—201 Перевод М Дмитриева — Прим перев

100 О борьбе Марата летом 1792 г и о реакции Жиронды см Ж Жорес Цит соч т III, гл IV, с 173, «Марат и пролетарии», с 178, «Карра отвергает «аграрный закон», с 185, «Керальо против сторонников раздела».

101. См выше, с 37, прим. 2

102 Банкаль Дезиссар — нотариус, хранитель бумаг в Шатле, депутат Конвента от департамента Пуи-де-Дом. «Du nouvel ordre social imprime par ordre du Comité de constitution de la Convention nationale» (B N 8° Le³⁸ 82, imp in 8°, 52 p) «В 1789 г народ только наполеону разбил свои цепи В 1792 г он их разорвал полностью В эту страшную эпоху, когда социальные узы были разорваны» (с 7) О Банкале см Ж Жорес Цит соч, т III, с 448, прим 14

103 «Moniteur», XV, 740, «Archives parlementaires», LX, 292

Многие члены Горы и вслед за ними все Собрание. Смертная казнь!

Марат. Не принимайте декрета сгоряча!

Барер. Разумеется, если есть предложение, которое не может быть слишком поспешным, чтобы прославить Конвент, чтобы спасти отечество, то это именно только что внесенное предложение. Если вы путем единогласного громкого одобрения декретировали смертную казнь для всякого, кто посмел бы предложить восстановление королевской власти, то сила чувства вполне смогла бы вызвать такой же энтузиазм, когда речь идет о том, чтобы предупредить ниспровержение общества. Да, я верю, что вы нашли могущественное средство для охраны общественного спокойствия, средство, которое сразу положит конец всем тревогам граждан, увеличит национальное богатство и удвоит ваши возможности в борьбе с врагами; ибо основой существования вашего и Республики будут только национальные имущества. Но как будете вы их продавать, если не успокоите собственников? Как же вы заинтересуете богатых в судьбе вашей Республики, если вы не убедите их вкладывать свои капиталы в эту национальную землю? *Поэтому я предлагаю смертную казнь для всякого, кто предложит аграрный закон.*

Левассёр дополняет и модернизирует формулу. «Аграрный закон, — говорит он, — означал у римлян раздел завоеванных земель; здесь речь идет не об этом, а о разделе имущества».

И вот Конвент постановляет:

«Национальный Конвент декретировал смертную казнь для всякого, кто предложит аграрный закон или любой другой закон, ниспровергающий собственность земельную, коммерческую и промышленную».

Это было направлено прямо против Бабёфа, против всей его системы и даже против выражений, какими он пользовался, чтобы ее охарактеризовать. Нет, ни для него, ни для тех, кто, подобно ему, были, по выражению Буонарроти, друзьями равенства и справедливости, еще не наступил час открыто выступить со своими идеями. Закон Конвента страшен вдвойне: во-первых, потому, что он карает смертью, и, во-вторых, потому, что после выступления Барера аграрный закон представляется контрреволюционной мерой. Это была довольно искусная тактика, отвечавшая отчасти истинному положению вещей.

Да, священники и эмигранты пытались поднять крестьян и арендаторов против новых владельцев земель, отнятых у церкви или у вероломного дворянства. Да, они надеялись таким образом посеять беспокойство, замедлить или даже приостановить продажу национальных имуществ и имуществ эмигрантов и оставить незанятыми владения, куда они в один прекрасный день возвратятся. Барер причислял к участникам контрреволюционного маневра тех, кто, кем бы он ни был, подрывал устои собственности.

Пусть коммунисты, подобные Бабёфу, поостерегутся и замолчат, если они не хотят стать жертвой самой зловещей обоюдоострой меры, как контрреволюционеры!

Гора первая воскликнула — смерть! Та Гора, где заседает Робеспьер, та Гора, от которой Бабёф ожидает, в результате осуществления демократии, наступления социального равенства¹⁰⁴. Зачем создавать между ней и ним прискорбное недоразумение?

Итак, был ли закон от 18 марта законом социальной реакции? Он имел бы такой характер только в том случае, если бы в это время действительно существовала партия, способная сделать выводы в коммунистическом духе из Революции, управлять революционной Францией и спасти ее, основываясь на этой высшей идее. Бабёф хорошо знал, что такая партия еще только намечалась, вернее даже, она существовала еще только как потенциальная возможность развития демократии и Революции. Впрочем, Барер и Конвент в тот же день поспешили смягчить впечатление от страшного декрета объявлением о проведении социальных мероприятий в пользу бедняков.

«Но, граждане, — тотчас же прибавляет Барер, — в то самое время, когда вы пресекаете клевету, успокаивая граждан насчет собственности всех видов, было бы хорошо сказать, что в самое ближайшее время вы с живым участием займетесь организацией общественной помощи, ибо это — общественный долг! Что бы это было, если бы собственники, окруженные людьми, которых старый порядок навсегда обрек на нищету, заставили их уважать собственность, отказав им в помощи, которую всякий человек, обладающий избытком, должен оказывать умирающему от голода? Доклад об организации общественной помощи готов. Предлагаю включить его завтра в повестку дня. *(Бурные аплодисменты.)*»

О, Бабёф! Никакого коммунизма! Но пусть нищенствующие бедняки получают кусок хлеба от нации. Вот каково равновесие, по Бареру. И он продолжает, сам выдвигая доводы против собственности, которую он защищает под страхом смертной казни:

«Следует принять еще две другие меры. Заметьте, что я здесь стараюсь лишь сплотить Национальный Конвент и укрепить доверие нации к нему, ибо все наши усилия должны быть направлены на объединение всех сил против наших врагов. *Прогрессивный налог*, который я полагаю весьма справедливым институтом, хотя некоторые лица сочли его невозможным, был разработан в комитете; им занимались многие мудрые люди. Предлагаю

104. К этому времени ни Барер, ни Камбон не принадлежали к Горе, и знаменательно, что Марат протестовал против всякого декрета, принятого сгоряча. [Примечание А. Матьеа.]

гаю, чтобы о нем было доложено в течение трех дней. (*Гром аплодисментов.*)

Многие члены Конвента. На голосование самый принцип!

И Конвент тут же постановляет:

«Для достижения более точного соотношения при распределении налогов, какие каждый гражданин должен вносить в меру своих возможностей, будет установлен пропорциональный, прогрессивный налог на роскошь и на богатства, как земельные, так и движимые»¹⁰⁵.

А далее — против скупщиков национальных имуществ, против замков дворян! Барер действительно продолжает:

«Декрет гласит, что имущества эмигрантов должны продаваться небольшими участками, но это не соблюдается. Сельские граждане ропщут. Мне известно, что скупщики из Бордо приехали в наши департаменты, чтобы скупить целиком все имущества эмигрантов, и притом по ценам значительно ниже их действительной стоимости. Дробление этих имуществ необходимо даже для устойчивости нового порядка вещей. Крупный землевладелец не станет рисковать, защищая недавно приобретенную собственность от эмигранта, который попытался бы вернуть ее себе. Он убежит в другое поместье. Но земледелец, бедный человек, приехавший из города возделывать небольшой участок, приобретение которого вы ему облегчили, будет защищать свою собственность, как свою жизнь, и Революция, в упрочении которой будет заинтересовано множество мелких собственников, будет непоколебима... Есть множество замков эмигрантов, старых твердынь феодализма, которые неминуемо останутся непроданными и не послужат ни для размещения учреждений народного образования, ни для устройства первичных собраний. Разрушение этих обветшалых строений, все еще оскверняющих землю свободы, может пойти на пользу бедным и трудолюбивым земледельцам и помочь при постройке деревень, тем самым вы будете способствовать плодородию наших деревень...»¹⁰⁶

«Аграрный закон» не был совершенно бесполезен. Конвент мог с ним бороться, только проводя социальные мероприятия в пользу народа. Речь Барера достаточно хорошо выражает центральную линию, среднюю мнений и доктрин Конвента: сохранить частную собственность во всех ее формах (за исключением феодальной), но содействовать увеличению числа мелких владений и потребовать от крупных собственников жертв, необходимых для ограждения народа от нужды. Но в сущности, в этот момент все заявления Барера и Конвента, каков бы ни был их смысл, являются в гораздо большей мере политическим ходом, чем выражением социальной доктрины. Если сторонникам аграрного закона грозят смертной казнью, то потому, что надо расстроить сеющую тревогу пропаганду контрреволюции и успокоить покупателей национальных имуществ, без которых революционная

Франция погибла бы из-за финансового дефицита и всяческих бед. Наоборот, если объявляют о введении прогрессивного налога, об организации общественной помощи, о льготах мелким покупателям, о распределении материалов из феодальных поместий между бедными земледельцами, то это делается для того, чтобы привязать возможно большее число заинтересованных людей к Революции, которой угрожают грозные коалиции.

Декрет против всякого, кто предложил бы аграрный закон, был более грозен на словах, чем на деле, ибо как при помощи уголовного закона поразить идею, которая могла проникать под самыми разнообразными формами и при помощи самых тонких средств? Весьма любопытно отметить, что Барер в своих мемуарах отзывается с самой сердечной и самой высокой похвалой о коммунисте Буонаротти, о его уме, высоких моральных качествах, широте мысли, его преданности «всеобщему благу»¹⁰⁷. Итак, это был в гораздо большей мере закон, порожденный обстоятельствами, чем проявление непримиримого буржуазного эгоизма. И к скольким способам маскировки мог прибегнуть аграрный закон! Уже через несколько дней после своего грозного постановления Конвент принимает депутацию секций, которая, требуя таксации цен на продукты, заявляет ему: «Блага земли принадлежат всем, как воздух и свет». И никто не осмелился вспомнить об этом грозном декрете от 18 марта, чтобы разгромить это предложение. Однако не было ли оно, если его понимать буквально, ниспровержением собственности? Но Революция не могла вступать в борьбу с народом: точнее, она не могла вступать в борьбу с пролетариями. А пролетарии, не имевшие собственности и заинтересованные по меньшей мере в ограничении прав собственности, беспрестанно вступали на путь, прямой или окольный, который вел к аграрному закону. Нарастающая революционная сила народа и пролетариата делала мертвой, или почти мертвой, буквой декреты, угрожавшие устремлениям народа. Кроме того, был ли Конвент в состоянии запретить, уничтожить все сочинения, появившиеся до него, где уже вырисовывались аграрный закон и коммунистические идеи? Легко ли ему было задуть огромное брожение идей, вызванное уже полвека назад огнем философии, да и самой Революции?

105. «Moniteur», XV, 741.

106. Ibid.

107. Barère. Mémoires..., pub-

liées par MM. Hip. Carnot et David (d'Angers). Paris, 1842—1844, 4 vol., t. IV, p. 91.

„КАТЕХИЗИС“ БУАССЕЛЯ

Успех сочинения Буасселя «Катехизис человеческого рода» все возрастал¹. Изданное, как я уже говорил, в 1789 г., переизданное без изменений в том же году, оно появилось в новом, «просмотренном, исправленном и расширенном» издании в 1792 г.² «Катехизис человеческого рода, осужденный бывшим епископом Клермонским на заседании Национального собрания 5 ноября 1789 г. и т. д.»³. Возрастающий успех именно этого издания, известного как второе, отметил в 1793 г. Ланжюинэ. Я хорошо знаю, что в иступленной диатрибе, написанной Ланжюинэ, ук-рывшимся от преследований на чердаке своего дома в Ренне, в диатрибе, тупого неистовства которой не извиняет даже проскрипция, говорится⁴:

«Известно, что заправила Якобинского клуба изгнали из него, одного за другим, самых чистых и самых просвещенных республиканцев, а пустоту заполнили множеством проповедников убийства и анархии, никому не ведомых или знаменитых сентябристов [участников сентябрьских избиений], немцами, англичанами, итальянцами, гладиаторами, большими доками в политике, ежедневно или еженедельно получающими жалование за блатание, за внесение анархии, за маратизацию, за вздорные речи, за декламацию, за аплодисменты, за шиканье, оскорбления и угрозы, за пение, крики, бурные выступления в клубах, в группах, в секциях, на трибунах и на прилегающих к Конвенту улицах. На трибунах великого клуба присутствуют — к тому же довольно регулярно — две или три тысячи любопытных, иллюминатов, всегда пьянеющих от ярости при виде шабаша и от исполнения в нем своих небольших ролей. Среди мужчин вы обна-

ружите так называемых защитников республики и, если говорить прямо, сентябрьских убийц, телохранителей Робеспьера, всегда готовых на убийства и насилия, лишь бы только хорошо заплатили. Среди женщин можно обнаружить поклонниц Робеспьера и Марата — подонки, — наконец, стадо оплачиваемых мегер, революционных амазонок, которые, как мы видели, вооружались кипжалами, саблями, пистолетами, составляли полки, заполняли улицы, восставали против народных избранников и на свой манер несли полицейскую службу вокруг Конвента, т. е. задевали и оскорбляли граждан и сам Конвент.

Таков в течение последнего года парижский Якобинский клуб или нынешний Якобинский клуб. После героев Горы среди самых заметных там — Дефьё⁵, известный банкрот, в прошлом апостол королевской власти, получавший жалование из сумм гражданского листа, затем проповедовавший у якобинцев демагогические кровавые дела, наконец, посылавший курьеров на Юг, чтобы добиться внесения превосходного проекта в целях уничтожения депутатов Жиронды; затем некий Гассенфрац⁶, бывший на побегушках у Паша, один из главных действующих лиц заговора 31 мая; затем это Террасон и Русийон⁷, достойные члены Революционного трибунала, так как в клубах они говорят только о том, как бы пустить в ход свою гильотину; наконец, это ревностный брат Буассель, великий автор «Катехизиса человеческого рода», большого тома в восьмую долю листа, уже вышедшего

1. О Буасселе и его «Катехизисе человеческого рода» см. выше, с. 85, прим. 73. См.: A. Lichtenberger. Le Socialisme au XVIIIe siècle, p. 446—450. [См.: А. Р. Иоаннисян. Цит. соч., гл. IV; В. П. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1958, с. 390 и сл. — *Ред.*]
2. Boissel. Le Catéchisme du genre humain (B.N., 8° Lb³⁹ 8072 A, imp. in-8°, 241 p.).
3. «Moniteur», II, 134; Buchez et Roux, III, 283; «Archives parlementaires», IX, 674. В действительности речь идет о заседании 4 ноября 1789 г. Епископ Клермонский — г-н де Бонналь; он «разоблачает сочинение под названием «Катехизис человеческого рода», обращенное ко всем депутатам, как содержащее хулу на религию». Буассель ответил своим «Adresse de l'auteur du Caté-

- chisme du genre humain aux utiles et vrais représentants de la nation française». (B.N., 8° Lb³⁹ 2245, imp. in-8°, 8 p.)
4. Dernier crime de Lanjuinais... (B.N., 8° Lb⁴¹ 723, imp. in-8°, 17 p.)
5. Дефье Франсуа (1755—1794) — виноторговец из Бордо, активный деятель Якобинского клуба; гильотинирован вместе с «эбертистами».
6. Гассенфрац Жан Анри (1755—1827) — член Коммуны 10 августа, начальник материальной части в военном ведомстве в 1792 г., профессор Горной школы в 1795 г. и Политехнической школы в 1797 г.
7. Русийон (1752—?) — врач и натуралист, председатель секции Марселя в 1792 г., судья Революционного трибунала в 1793 г. Террасон — активный деятель Якобинского клуба, автор «Катехизиса гражданина».

вторым изданием, где путем вопросов и ответов доказывается всем братьям и сестрам по якобинству, что бог, собственность и брак — три бича, которые все добрые граждане должны стремиться уничтожить, чтобы быть действительно свободными и счастливыми».

Допустим, что Ланжюинэ, который дает столь грубую карикатуру на якобинцев и который, как мы видели, извращал взгляды Гассенфранца на собственность, поддался, говоря о Буасселе, своей привычке раздувать тревогу; допустим, что он преувеличил влияние Буасселя в Якобинском клубе, чтобы изобразить его атеистическую, коммунистическую книгу как *Евангелие якобинизма*. Это возможно. Но верно, что его книга не была своего рода грехом революционной молодости. Он не изъяснял ее из обращения, не отказался от нее. Напротив, он продолжал ее распространять. Следовательно, его книга не странный парадокс, не какая-то философская шутка на манер некоторых диалогов Дидро; она — составная часть революционной мысли. И если через несколько месяцев Буассель был исключен из Якобинского клуба под влиянием Робеспьера⁸, то, несомненно, потому, что Робеспьер хотел разорвать тяготившую его солидарность. Буассель развивает своего рода коммунизм, осуществляемый постепенно сообразно с возможностями, преисполненный пантеистического мистицизма. Он представляется мне прямым предком Сен-Симона и Анфантена⁹, как Л'Анж был предшественником Фурье.

«— Какое существует для меня средство быть счастливым и мудрым?

— Научиться с ранних лет правильно ценить владения, благи и удовольствия, даваемые этой быстротекущей жизнью, ничего не значащие в безграничности времени и пространства; желать их и пользоваться ими только для счастья себе подобных... Это значит посвятить себя с величайшим усердием и из любви к себе подобным всем видам занятий, обязанностей и труда, которые будут мне поручены теми из подобных мне, кто будет принадлежать к классу, более высокому, чем мой.

— Должны ли воспитание, занятия, труд и обязанности быть одинаковыми для всех классов?

— Воспитание должно быть одинаковым в отношении теории и принципов; но ввиду того, что налицо будут различные потребности и разные цели, занятия, обязанности и труд надо будет распределять и разделять в зависимости от силы, ума, характера, вкуса, образования и склонностей, которые разовьются и проявятся в каждом человеке, причем ни один вид труда, занятий и обязанностей ни в коем случае не может быть причиной унижения или основанием для тщеславия, так как все должно зависеть от природы и от ее неизъяснимого творца, указавшего людям их назначение, а вовсе не от химеры и обмана, как было до сего времени»¹⁰.

Но это разумное и гармоничное распределение человеческих сил, эта социальная организация, где обязанности каждого будут определяться его способностями и вкусами, а не привилегией или богатством и происхождением, будут возможны только тогда, когда человек сумеет разрушить нынешний порядок, «*порядок продажный, человекоубийственный и антисоциальный*, царивший во Франции вплоть до нынешнего времени и губивший людей»¹¹. Этот продажный, человекоубийственный и антисоциальный строй (Буассель беспрестанно повторяет эти три слова) возник как следствие эгоизма, вначале жестокого и животного, а затем утонченного и коварного. Сильные угнетают слабых, а их в свою очередь, угнетают хитрецы и плуты, «пользуясь своим престижем, притворством и плутнями в равной мере жестокого и слепого эгоизма более ловких и более хитрых людей».

Человеческие общества — это «львиные» общества, где в конечном счете становятся господами лисы. А в чем выражается торжество эгоизма?

«— Каковы главные институты продажного, человекоубийственного и антисоциального порядка?

— Чтобы узаконить свои узурпации, насилия и обман, люди придумали и закрепили собственность, брак и религию».

Мнимое право собственности утверждает грабеж и хитрость. Брак утверждает владычество мужчины над женщиной, взаимный обман мужчины и женщины и путем наследования увековечивает узурпацию, известную под названием собственности. Религия ставит воображаемые небесные силы на службу земным силам, которые послужили для них образцом.

«— Что вы понимаете под правом собственности?»¹²

— В соответствии с понятиями гражданских законов, это возможность располагать тем, что вам принадлежит, как нам заглагорассудится.

8. Буассель был исключен из Якобинского клуба 6 фримера II г. (26 ноября 1793 г.), но, по-видимому, это было сделано не под влиянием Робеспьера. (A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 533.)

9. Анфантен Бартеlemi Проспер (1796—1864) — один из последователей Сен-Симона, а затем глава сен-симонистской школы.

10. Часть I, «Введение в общественную школу», глава 1, «О счастье социального человека и о средствах его достижения». Жюрес использует здесь издание 1789 г.

11. Глава IV. «Я называю его про-

дажным, так как он призывает делать добро только в надежде на вознаграждение и избегать зла только из страха наказания... Я называю его человекоубийственным, так как он восстанавливает сына против отца, брата против брата, семьи против семей, народы против народов... Я называю его антисоциальным, так как он порождает губительный интерес присваивать то, что должно присваиваться обществом в целом...»

12. Глава V, «О праве собственности».

— На какие вещи люди распространяют свое право собственности?

— На все, завладеть которыми они смогли или внушили, что они ими завладели; это — земля, женщины, даже мужчины, море, реки, даже боги, которыми они торговали и торгуют, с тех пор как изготовили золотые и серебряные монеты, которым они приписали такую ценность, что на них можно купить все вышеперечисленное мною.

— Откуда у людей права, в силу которых они завладели и присвоили себе все вещи?

— От их природной алчности, от злоупотребления силой, от гордости, от их ненасытных желаний, насилия, плутней, обмана, одним словом, от всех пороков их натуры, от которых их должно было бы оградить их воспитание.

— Но это не права; скорее даже наоборот.

— Это верно; но поскольку природа и ее творец, по-видимому, не дали таких прав людям, совершенно нагими явившимся на землю, то понадобилось, чтобы их слепой и лишенный опыта эгоизм побудил их изобрести эти права, узаконить узурпацию земной власти наиболее сильными и небесной власти наиболее ловкими и хитрыми и таким образом подчинить своему властолюбию наиболее слабых и наиболее доверчивых, а также понадобилось изобрести золото и серебро, чтобы торговать владениями и земными и небесными благами, как они и сделали.

— Хорошо ли стало людям после установления такого порядка?

— Наоборот, они сильно от него пострадали, так как неизбежным следствием такого порядка явилось то, что с тех пор среди них не прекращались раздоры, они не переставали друг с другом спорить, друг друга унижать, обкрадывать, обманывать, отравлять и губить.

— Каковы неудобства собственности на землю?

— Раздел земель породил исключительное право пользования землей, и, следовательно, право согнать с земного шара будущие поколения людей, морить голодом, жаждой и холодом тех, у кого нет земельной собственности, если они не предпочтут стать рабами землевладельцев, а эти последние не примут их в таком качестве; иначе они будут повешены как воры, или же посажены на кол, или заживо разорваны как убийцы, что практикуется и ныне».

И хитрость тех, кто завладел небесной властью, закрепила привилегию силы, используя все выгоды от этого.

«— Какие неудобства могли вызвать действия, с помощью которых самые ловкие и самые хитрые люди завладели небесной властью?

— Они уничтожили всякую возможность возврата части людей к природе и ее творцу — единственно способным их просве-

тить и повести к истинному счастью, — освещая своим престижем, своей ложью и своим колдовством все действия, посредством которых самые сильные и самые жестокие люди захватили земли, женщин и мужчин, чтобы увековечить деградацию, несчастья и разложения народов и разделить между собой добычу, что практикуется еще и ныне».

Вот социальная функция религии.

Религии представляют собой «средства и установления, первоначально созданные у разных народов самыми ловкими и самыми хитрыми людьми, чтобы властвовать над жестокостью наиболее сильных и глупостью наиболее слабых, и все это во имя божества, которое они сотворили сами и заставили говорить, как они того хотели»¹³.

— Каковы эти средства?

— Те же, какие люди, которых мы еще называем магами, колдунами, припадочными, шарлатанами, мошенниками, применяли и применяют еще и поныне, чтобы придать себе больше веса и воздействовать на легковверные от природы массы, в прошлом более грубые, чем в настоящее время, когда науки и искусства обогатили нас большим опытом и знаниями.

— Какими могут быть их установления?

— Во-первых, чтобы завладеть умом и сердцем крупных собственников с помощью всех средств, способных максимально польстить их гордости и эгоизму, они превратили их в божества¹⁴.

Во-вторых, они сотворили богов войны и возвели в высшие добродетели все действия, какими народы друг друга истребляли; при этом сами они всегда скрывались за завесой, в тени своих алтарей, под защитой богов, владея, ввиду отсутствия цветущей молодежи и своего короля, всеми девушками, всеми женщинами и всеми дарами земли и деля между собой добычу победителей, а также побежденных, которых они заставляли поклоняться своим богам.

В-третьих, чтобы сдерживать жестокость собственников и молодых людей из низшего сословия, они придумали бога преисподней, с вечным воздаянием для добрых и вечными муками для злых. Что касается небес, которые они отвели под обитель богов, то они там оставили место для лиц, бережь которых и привлечь на свою сторону они были крайне заинтересованы, поскольку это были те, кто завладел земной властью и в чью пользу они сами именем богов установили право, чтобы сохранить их пагубные институты.

13. Глава VII, «О религиях».

14. В издании 1792 г. добавлено: «и возвели в высшие добродетели все акты, которыми они по-

работали, принижали, подавляли, истребляли самых трудолюбивых и самых мирных».

В-четвертых, они ввели обязанность поклоняться одним богам...

В-пятых, они установили праздники...

Таковы главные установления древних и современных религий, объявивших священными право собственности, брак и религии. Так что ни мыслью, ни словом, ни действием, ни упущением никогда не дозволялось посягать на продажный, человекоубийственный и антисоциальный порядок, во все времена вводивший в заблуждение даже самые просвещенные народы, ни роптать на законы, установленные для его сохранения, под страхом быть обвиненным в оскорблении земного и божественного величества и обречь себя вечно гореть в геенне огненной потустороннего мира, после того как тебя сожгут, повесят, разорвут, посадят на кол, высекут, заклеят и осудят на галеры дьяволы в аду этого мира, который мог быть порождением только этого чудовищного порядка».

Напрасно будут говорить, что с чудовищными институтами религии сочетаются нравственные идеи, здравые и мудрые советы для руководства душой. Религии не создали этих нравственных идей; наоборот, они похитили их у совести рода человеческого и злоупотребили ими, чтобы придать видимость добра своему пагубному делу. Люди поверили, что они творят добро, ненавидя и истребляя друг друга, и религии воспользовались «моралью, чтобы позолотить кинжал, который они вложили в наши руки». Их собственная деятельность состояла лишь в том, чтобы извращать понятия о справедливом и несправедливом, подгоняя их под свой антисоциальный и антигуманный принцип. «Фанатизм всех времен давал понятия бога и справедливости, только соответствовавшие продажному, человекоубийственному и антисоциальному порядку, который его служители объявили священным. Поэтому идеи бога и его правосудия, как и идея человеческого правосудия, во всех своих частностях были сообразны с этим чудовищным и пагубным порядком, который, так же как он желает, чтобы человеческое правосудие обладало правом распоряжаться жизнью и смертью людей в этом мире, хочет, чтобы божественное правосудие карало людей и обрекало их вечно гореть в огне в ином мире, чтобы воздать им за преступления и чудовищные поступки, которые мог породить только этот порядок».

Следовательно, нет ни одного смягчающего обстоятельства, на которое можно было бы сослаться в оправдание религий, и страшный результат всех несправедливых институтов, дополняющих и поддерживающих друг друга, состоит в создании «двух классов людей: класса унижающих, грабящих, вымогающих и подавляющих и класса униженных, ограбленных, изнемогающих от поборов и задавленных».

Является ли это антисоциальное состояние результатом па-

дения? Скатился ли человек из состояния первоначальной невинности и счастья к эгоизму, коррупции и бедствиям? Будь это так, несомненно, надо было бы отказаться от всякой надежды когда-нибудь достичь счастья и справедливости; ибо как можно надеяться на то, что люди возвратятся к первоначальному состоянию, от которого они столь удалились и в котором не смогли утвердиться?

Концепция Буасселя совсем иная. В противоположность Руссо, его концепция эволюции человечества оптимистична¹⁵. По его мнению, человек, несомненно, должен сообразовываться с природой; но под «природой» он отнюдь не понимает первоначальную, более грубую и более простую форму существования людей. В некотором смысле первобытная дикость полностью противоречит природе, так как слепой и животный эгоизм человека в рудиментарных обществах совершенно затемняет для него самый очевидный смысл природы и ее законов.

«Так первоначально грубый и дикий человек, повинаясь *только естественному пороку своей натуры*, который состоит в слепом и диком эгоизме, основал продажный, человекоубийственный и антисоциальный строй, который такой же дикий и слепой эгоизм самых ловких и самых хитрых людей сделал священным, завадез небесной властью так же, как они завладели и владеют и ныне нами в момент нашего рождения, нашего вступления в брак и нашей смерти, чтобы лучше подчинить нас своему игу и превратить его для нас в святой и священный долг»¹⁶.

Как объяснить такое явное противоречие, как может Буассель говорить то о «благодетельной природе», то о «естественном пороке натуры» человека? Это происходит потому, что природа, по его мнению, здорова и добра только тогда, когда ее постигает разум¹⁷.

Грубый эгоизм, конечно, элемент природы, но он извращает ее, ограничивая ее. Для того чтобы природа предстала перед человеком в истинном свете, нужно, чтобы он избавился от этого эгоизма, который ее ограничивает и искажает; нужно также, чтобы он перестал населять природу призраками, рождаемыми его воображением. Природа, светлая и обширная, не знает ни рая, ни ада. Все эти химеры рассеиваются по мере того, как лучше познается естественный мир, по мере того, как он все больше становится для нас «природой».

¹⁵ Руссо «видел только происхождение зла, не задаваясь целью найти средство исцеления; ибо его общественный договор представляет только полумеру против коренного порока человеческих обществ» См. ниже, прим. 19.

¹⁶ Часть II, «О человеке вообще»,

глава III, «О человеке в зрелом возрасте, сообразно с его физическим состоянием», прим. 1.

¹⁷ Часть III, «О божестве», глава II, «О природе и важнейшей взаимосвязи человека и вторичных причин, воздействующих на его просвещение и поведение».

Равным образом, если бы человек смог увидеть природу во всей ее протяженности, он бы понял, что счастье одного человека зависит от счастья других; он заметил бы, что сумма потребностей каждого ограничена, что невозможно наслаждаться не безгранично, и что поэтому противоестественно наделять человека средствами потребления, превышающими его естественные возможности пользования благами.

Итак, человек, чтобы быть счастливым и справедливым, должен не возвращаться к природе, а возвыситься над природой, которая представляет собой в целом лишь обширную взаимосвязь вещей, проявляющуюся в разуме и определенную наукой. Именно идя вперед, к будущему, и воспитывая человека, его приведут в согласие с природой и сделают способным быть счастливым. Буассель как бы развязал узел, которым Руссо связал историю человечества. Руссо ошибался, полагая, что к природе надо вернуться; нет, ее надо обрести. Он также ошибался, полагая, что собственность — характерная черта, которая отличает «гражданское общество» от природного состояния. Будь это так, можно было бы упразднить гражданское общество, не впадая снова в первобытную дикость¹⁸.

Наоборот, коммунизм явится новым прогрессом гражданского общества или, вернее, его завершением и оправданием.

«Один довольно известный писатель однажды заявил, что того, кто первый сказал: *«Это — мое»*, — следует рассматривать как истинного основателя гражданского общества... Жан Жак Руссо рассуждал исходя из факта первоначального основания гражданского общества, пагубные особенности которого заставили его предпочесть дикую жизнь. Но он не рассуждал исходя из права и принципов, которые должны были бы существовать и которые должны ныне служить основой и устоями цивилизации, так как он не знал их; следовательно, он не почувствовал ценных преимуществ, которые заставили бы его предпочесть гражданскую жизнь дикой. Он видел только происхождение зла, не задаваясь целью найти средство исцеления и не выясняя происхождения добра»¹⁹.

Итак, коммунизм может быть осуществлен, но не путем движения назад, а путем движения вперед. Он не будет разрушением гражданского общества; он будет его расцветом. Он будет правдой природы, впервые избавившейся от мрака, насилий и заблуждений.

Этот коммунизм Буасселя, если он «естественный» в указанном мною смысле, не является атеистическим. Воспитание людей, несомненно, не должно быть ни спиритуалистическим, ни деистским. Оно должно быть свободным от всякого определенного понятия души и бога. Дав физиологическое описание смерти человека и отметив распад организма, Буассель задает вопрос²⁰:

«— А что будет с его душой?

— Этот вопрос не относится к делу, так как в данном случае речь идет только об установлении строя и о воспитании, обеспечивающих человеку счастье в этой жизни, *даже если он принадлежит к народу атеистов и материалистов, если предположить, что таковой существует»*²¹.

Тут Буассель, по-видимому, решительно расходится с Робеспьером, рассматривавшим веру в бога и в бессмертие души как абсолютное условие морального воспитания и социального порядка. В социальном плане Буассель кажется атеистом, поскольку для организации общества он не использует с самого начала идеи бога.

Но это лишь преходящий атеизм, так как Буассель тут же прибавляет:

«— Необходима ли идея первопричины или бога для установления морального порядка и общественного воспитания?

— *Она должна быть их базой и непоколебимым основанием»*²².

Что он хочет сказать? Он хочет сказать, что если, строго говоря, социальный порядок можно организовать внешне без идеи бога, то только благодаря этой идее он обретает солидную надежность.

Но эти различия должны были беспокоить Робеспьера. Буассель — пантеист, пантеист наподобие Спинозы; он подчеркивает несколько больше, чем тот, бессмертие каждого человека и понимает бога как первопричину в такой же мере, как и субстанцию:

«Все сущее может быть только постоянным воспроизведением по воле необходимой первопричины, единой и всемогущей, которая есть бог... Все может быть только видоизменением субстанции бога... По моему представлению, пространство — это место, которое все существующее в природе занимает в необъятности бога, а под временем я понимаю выражение продолжительности существования всех существ в его вечности».

Так мир в одном смысле сливается с богом: природа есть проявление бога; она — все то, что представляет собой форму или категорию бога. Не окажется ли, таким образом, человек в рабстве

18. Часть II, «О человеке вообще», глава V, «Истины или принципы естественной морали, требующие только изучения и совершенствования посредством общественного воспитания, чтобы навсегда обеспечить всеобщий мир и счастье».
19. Часть I, глава IV, «О собственности».
20. Часть II, глава IV, «О старости человека и о его конце». «Что

происходит с человеком после его смерти? — Его тело разлагается, портится...»

21. Буассель разбирает вопрос «О будущей судьбе человека» (глава III части III «Катехизиса»).
22. Часть III, глава I, «Об отношении человека, как и всех человеческих обществ, к богу, являющемуся первопричиной и концом всего сущего».

у бога? Нет, ибо не существует общей меры для бесконечной и вечной субстанции и частных и недолговечных форм, в каких она проявляется. Сама необъятность бога, несоизмеримого с нами, предохраняет нас от божественного деспотизма. Всякая тирания мелка.

«Договора между богом и людьми не существует, безмерное неравенство положения делает такой договор невозможным; поэтому обязательной религии не существует»²³.

Мне все-таки кажется, что в этом образе понимания бога есть остатки трансцендентной догмы и оттенок униженности. Мудрость для человека состоит в том, чтобы «пользоваться природными добродетелями только для того, чтобы делать счастливыми себе подобных, не похваляясь этим, но ставя все это в заслугу творцу Вселенной; ничто не может сравниться с внутренним удовлетворением, когда склоняешься пред убеждением, что все принадлежит ему...». Своеобразное слияние пантеистического духа с христианским! Этот столь непримиримый враг всех религий предается поклонению богу. И он приобщает к этому акту поклонения бесчисленные неведомые существа:

«— Является ли человек единственным существом в природе, способным наслаждаться таким созерцанием?

— Это маловероятно; земной шар не один; солнце освещает семь других; неподвижные звезды, которые тоже — солнца, могут освещать бесконечное множество других небесных тел; кто может установить пределы бесконечному могуществу бога? Человек не может быть тем из всех существ, которое больше других наслаждалось бы этим созерцанием»²⁴.

Свести все сущее к одному из видов божественной субстанции — значит отрезать пути атеизму.

«— Благоприятствует ли атеизму мнение, что всё божественного происхождения?

— Напротив; но ему весьма благоприятствует мнение, допускающее иную субстанцию, помимо божественной»²⁵.

И ничто не препятствует бессмертию человеческих душ, хотя они не частные субстанции, а божественные. Духовные формы бога могут быть вечными, как и материальные формы; материя не гибнет, она претерпевает превращения; так же и дух. Он превращается и возрождается, подобно материальным формам, с которыми он связан; и бесконечный прогресс человеческих существований в формах, которые нам еще не ведомы, но которым не противоречит неистощимая природа, дополняет и продлевает социальный прогресс человечества в земных формах. Женщина — своего рода посредница между земной жизнью и жизнью неведомой. В настоящей жизни она — великая сила прогресса и идеала; в то же время благодаря пробуждаемой ею бесконечной надежде на счастье она родоначальница более широких миров.

«Очевидно, что верховный владыка Вселенной наделил женщину способностью составлять счастье нашей настоящей судьбы, как предназначение и предвестник, ввиду ее непродолжительности, нашей последующей, бесконечно более счастливой и более длительной судьбы, возможности которой зависят только от всемогущества и осуществляются только благодаря бесконечной милости Вечного друга... Именно женщину природа и ее творец сделали венцом человеческого рода»²⁶.

Воспитать женщин таким образом, чтобы они смогли выполнить целиком свое естественное и божественное назначение, превозносить их и распространить таким путем на все общество это сильное и святое влияние, которое, придя на смену низким побуждениям, жажде наживы, ярости тщеславия, позволит при коммунистическом строе согласовать все усилия, — вот первый и важнейший долг общества.

«— Где будут воспитываться матери и дочери?

— В великолепных храмах.

— Почему в храмах?

— Чтобы исправить вред, который до сего времени приносили им мужчины, чтобы заставить уважать все права, какими природа и ее творец наделили женщину ради счастья человеческого рода.

— Пока будут построены эти храмы, где будете вы заниматься новым социальным воспитанием женщин?

— В церквях, в женских монастырях, к которым будут относиться как к обителям монахов и других священнослужителей, [т. е., по проекту Буасселя, они будут освобождены от обета и им будет разрешено сохранить, чтобы жить, часть владений, принадлежавших им ранее]. Кроме того, в каком бы доме или месте ни находилась мать со своей дочерью, этот дом или место будут храмом для новых учеников»²⁷.

При этом благородном порядке человеческий труд налаживался бы без дальнейшего вмешательства грубого господства собственности.

«При храмах и при всех мастерских будут устроены склады и оранжереи для разных видов продуктов земли, ремесел и про-

23. Часть III, глава I. Текст 1792 г более пространен: «Договор, на основании которого можно было бы взять обязательства перед богом и обязать бога по отношению к себе, приобрести заслуги перед богом или провиниться перед ним, содержит противоречия и не может быть заключен между небытием, подобным нам, и бесконечностью, подобной

ему. Безмерное неравенство...

24. Часть III, глава II.

25. Там же.

26. Часть II, глава VI, «О глупой и роковой власти привычки, единственном препятствии, которое надо преодолеть, чтобы установить моральный порядок и ввести общественное воспитание».

27. Часть II, глава VI.

мышленности, чтобы удовлетворять все самые разнообразные потребности человека, обеспечивать его удобства, безопасность и удовольствия. Для каждой группы граждан и каждого рода деятельности была бы предусмотрена форменная одежда; устраивались бы праздники и игры, посвященные владыке Вселенной...

Доброта и милость женщин, которые были бы нашими судьями, как мы — их хранителями, являлись бы первопричиной и целью — после бога — наших действий, что установило бы более благородную и более могущественную власть над душами, чем власть золотых и серебряных монет, которые их унизили и развратили».

Но для того, чтобы эта благородная и свободная деятельность женщины стала возможной, женщины не должны быть связаны браком с эгоистичными и грубыми мужчинами. Брак — это только тирания, лицемерие и распутство. Дар души и тела, определяемый не низкой и прихотливой чувственностью, а благородной любовью, должен всегда оставаться свободным; вот почему Буассель упраздняет брак, как он упраздняет религию и собственность; социальная функция женщины возможна только при условии свободы.

«— Но что произойдет с отцовством и материнством?

— Они станут лишь правом руководить всеми детьми и воспитывать их ради их счастья, так же как детство станет лишь правом любить и уважать всех отцов и всех матерей и дорожить ими... О, мой отец! О, моя мать! О, мой брат! О, моя сестра! О, мой сын! О, моя дочь! О, мои друзья! Эти слова будут выражать все степени родства»²⁸.

Я уже говорил, что Буассель был предком, предшественником сен-симонизма. Этот натуралистический пантеизм, эта вера в прогресс, этот бесконечный оптимизм, этот постепенно осуществляемый коммунизм, эта идеальная дисциплина и эта социальная функция женщины, эта вера в множество миров и существований — все это главные черты сен-симонистской мысли. Сколь велико было брожение мысли в эти первые годы Революции! И сколь пустыми кажутся угрозы декрета от 18 марта 1793 г., когда подумаешь, что книга Буасселя с каждым днем получала все большее распространение и что в это же время роль Буасселя в Якобинском клубе все возрастала! Он беспрепятственно выступал там с резкими речами и вызвал ропот в тот день, когда, говоря о сентябрьских избиениях, сказал, что «пожалеть следует лишь об одном — что они не носили более широкого характера»²⁹.

Буассель представил в Якобинском клубе проект Декларации прав, явно вдохновленный его доктриной и определенно напоминавший ее. Олар не прав, когда в своих заметках о заседании

Якобинского клуба 22 апреля полностью опускает речь Буасселя³⁰. Она представляет большой исторический интерес и могла бы быть озаглавлена: «Сен-симонизм перед лицом Якобинского клуба и Революции». Буассель был встречен веселыми насмешками (достаточно остроумными и вольными), когда он упомянул о «праве воспроизводить себя». Якобинцы не понимали, что Буассель хотел перенести Декларацию прав из сферы идеологии и абстракции в физиологическую и натуралистическую сферу. Он осуждал социальное устройство, обрекающее миллионы существ на безбрачие, на бесплодие, и хотел распространить права на самые основы жизни.

«Робеспьер зачитал вам вчера Декларацию прав человека, а я сейчас оглашу Декларацию прав санкюлотов. Санкюлоты Французской Республики признают, что все их права проистекают из природы и что все законы, противоречащие ей, вовсе не являются обязательными; естественные права санкюлотов заключаются в праве воспроизводить себя...» (*Шум, взрывы смеха.*) Оратор продолжает: «...одеваться и питаться. 1. *Их естественные права состоят в пользовании благами земли, нашей общей матери.* 2. В сопротивлении угнетению. 3. В неизменной решимости признавать зависимость только от природы и Верховного существа.

Санкюлоты признают, что общество создано лишь для обеспечения безопасности более слабого от более сильного.

Санкюлоты признают, что наилучшее правительство то, которое наиболее успешно борется против врагов Республики, а также то, что правительство, которое надлежит установить, может быть лишь временно революционным правительством»³¹.

Бабёф, не прикрывавшийся философскими и пантеистическими формулами, быть может, не остался бы столь же безнаказанным, как Буассель. Во всяком случае, Бабёф находил более политичным молчать, не противопоставлять «Права санкюлотов» «Правам человека», уверенный в том, что Права человека непременно

28. Там же. «— Чем станут браки? — Для союза мужчины и женщины можно установить только такие правила, какие были бы направлены на выполнение предначначений природы и ее творца».

29. Заседание в Якобинском клубе 25 февраля 1793 г. (A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 42.)

30. A. Aulard. Op. cit., p. 150, заседание 22 апреля 1793 г. Никакого упоминания о выступлении Буасселя.

31. Buchez et Roux, t. XXVI, p. 107; A. Lichtenberg. Le Socialisme et la Révolution française. Etude sur les idées socialistes en France de 1789 à 1796. Paris, 1899, p. 116. См. произведение Буасселя, датированное 6 апреля 1793 г.: «Les entretiens du Père Gérard sur la Constitution politique et le Gouvernement révolutionnaire du peuple français» (B.N., 8° Lb⁴¹ 2882, imp. in-8°, 190 p.)

станут Правами санкюлотов³² Итак, в этот период, да будет мне позволено так выразиться, имеются резервы скрытого социализма Было бы ребячеством характеризовать социальную мысль Революции и Конвента коммунистическими идеями Буасселя или даже крайними эгалитаристскими тенденциями Бийо-Варена Но было бы также серьезным промахом пренебречь первыми социалистическими проявлениями демократии, и особенно тайным и глубоким стремлением к равенству какое революционное движение рождает в потрясенных умах

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ, ПРЕДЛОЖЕННАЯ РОБЕСПЬЕРОМ

Робеспьер был «сторонником аграрного закона» (*agraricien*) в значительно меньшей степени, чем это предполагал Бабеф, но он стремился внести в Декларацию прав такое определение собственности, которое дало бы страдающему народу некоторые гарантии и сделало бы возможное социальное развитие в духе равенства Мишле, который часто делает из совпадений дат блистательные выводы, порой также фантастические и парадоксальные, отмечает, что Робеспьер сформулировал свои конституционные принципы 24 апреля, в тот самый день, когда оправданный Марат с триумфом возвратился в Конвент Робеспьер, «желтея от зависти» к растущей популярности Марата, попытался якобы бороться с ним посредством почти социалистического определения собственности³³ Мишле забывает, что Робеспьер уже в течение нескольких недель был членом комиссии которой якобинцы поручили изучить проект конституции, какой Гора могла бы противопоставить проекту Жирондистского комитета Конвента. Он забывает, что Робеспьер, хотя он и выступил только 24 апреля, попросил слова 22-го³⁴ — до того, как оправдание Марата вызвало 24 апреля бурные народные демонстрации, и Робеспьер попросил слова отнюдь не без повода, как утверждает Мишле, но потому, что в понедельник 22 апреля в Конвенте шли прения по нескольким важнейшим статьям Декларации прав Так произвольно и совершенно искусственно сопоставлять даты, чтобы приписать этому великому человеку мелкие побуждения, — значит безрассудно его принижать Это значит также рисковать исказить историю

В тот час, когда встала продовольственная проблема и когда Жиронда, казалось, взывала к интересам буржуазии против революционного движения, у Робеспьера были веские причины искать такое определение собственности, которое оставляло бы некоторые возможности для действий и надежд народа

«Я попросил слова на последнем заседании [на предпоследнем], чтобы предложить несколько важных дополнительных статей, относящихся к Декларации прав человека и гражданина³⁵ Я вам предложу сначала несколько статей, необходимых для по-

полнения вашей теории собственности Пусть это никого не пугает Пусть грязные души, уважающие только золото, знают, что я отнюдь не хочу касаться их сокровищ, каким бы нечистым ни был их источник Знайте, что тот аграрный закон, о котором вы столько твердили, лишь призрак, созданный плутами для утрашения дураков

Конечно, не нужно было Революции, чтобы мир узнал, что крайнее неравенство имуществ есть источник многих бед и многих преступлений. И тем не менее мы убеждены в том, что имущественное равенство — химера Что до меня, я считаю, что оно еще менее необходимо для личного счастья, чем для общественного благоденствия Гораздо важнее сделать бедность почетной, чем осудить богатство Хищине Фабриция нет оснований в чем бы то ни было завидовать дворцу Красса³⁶ Лично я предпочел бы быть одним из сыновей Аристиды, воспитанным в Пританее на средства Республики³⁷, чем наследником Ксеркса, рожденным в грязи царских дворов для того, чтобы сесть на трон, блеск которого создан унижением народов и общественной нищетой (*Агродисменты*)

Поэтому давайте честно установим принципы права собственности Это тем более необходимо, что нет ни одного права, которое было бы окружено столь густым туманом, созданным пред-
рассудками и пороками людей.

32. В Институте марксизма ленинизма в Москве среди бумаг Бабефа хранится написанный его рукой черновик, по видимому, от мая 1793 г., озаглавленный «*Le gislation des sans culottes ou la parfaite egalite*» (См. V Deline, A. Saitta, A. Soboul Inventaire des manuscrits et imprimés de Babeuf Paris, 1966, p. 30, № 217)

33. J. Michelet Histoire de la Revolution française Edition G. Walter, t. II, p. 476 «С утра все предвидели, знали о триумфе Вожаки Горы ждали толпу и Марата, исполненные печали и отвращения Робеспьер от этого полетел С утра, сразу после начала заседания Конвента и без всякого повода он поспешно изложил теорию собственности, поднявшую его популярность по меньшей мере до популярности Марата» Предвзятое мнение Мишле о Робеспьере здесь очевидно

34. «Archives parlementaires», LXIII,

116, M. Robespierre Oeuvres, t. IX, Discours, 4^e partie, p. 458

35. Ibid, p. 459 [См. М. Робеспьер Избранные произведения, т. II, М., 1965 с. 320 — *Ред.*] «Moniteur», XVI, 213, «Archives parlementaires», LXIII, 197

36. Фабриций Кай Люций — римский консул в 282 г. до н.э., прославился своим бескорыстием и скромностью Он отверг попытку эпирского царя Пирра подкупить его Красс Марк Лициний (115—53 гг. до н.э.) обогатился за счет имущества лиц, попадавших в проскрипционные списки при Сулле

37. Аристид, по прозвищу Справедливый (ок. 540—467 гг. до н.э.) — афинский государственный деятель, изгнанный своим соперником Фемистоклом, умер в бедности в 468 г. до н.э. Ксеркс — древнеперсидский царь в 486—465 гг., был разбит греками при Саламине

Спросите у работоторговца, что такое собственность. Он ответит вам, показав на длинный гроб, называемый им кораблем, который он набил закованными в цепи людьми, сохранившими лишь бледное сходство с живыми: «Вот моя собственность, я ее приобрел по цене столько-то за голову». Спросите дворянина, владеющего землями и вассалами или считающего, что весь мир поставлен вверх дном с тер пор, как он их лишился, и он вам изложит более или менее сходные взгляды на собственность.

Спросите августейших членов династии Капетов. Они вам скажут, что самое священное из всех прав собственности — это, бесспорно, то наследственное право, которым они пользовались испокон веков, право угнетать, унижать и изнурять налогами по закону и по монаршему произволу двадцать пять миллионов человек, населяющих территорию Франции.

По мнению всех этих людей, собственность не относится ни к какому принципу морали. Она исключает всякие понятия о справедливом и несправедливом. Почему же ваш проект Декларации прав содержит, по-видимому, такую же ошибку? Давая определение свободы, важнейшего из благ человека, самого священного из прав, полученных им от природы, вы правильно сказали, что она имеет границы права других. Почему же вы не применили этого принципа к собственности, которая является социальным институтом? Разве вечные законы природы менее неприкосновенны, чем установления людей? Вы ввели много статей с целью обеспечить самую большую свободу осуществления права собственности, но вы не сказали ни единого слова, чтобы определить ее законный характер; так что ваша Декларация³⁸ как бы составлена не для бедных людей, а для богатей, для скупщиков продуктов, для организаторов ажиотажа и для тиранов. Я предлагаю вам устранить эти пороки путем утверждения следующих истин:

Ст. 1. *Собственность есть право каждого гражданина пользоваться и распоряжаться той долей имущества, которая ему гарантирована законом.*

Ст. 2. *Право собственности, как и все другие права, ограничено обязанностью уважать права других.*

Ст. 3. *Оно не должно наносить ущерба безопасности, свободе, существованию и собственности нам подобных.*

Ст. 4. *Всякое владение и всякая торговля, нарушающие этот принцип, являются незаконными и безнравственными»³⁹.*

Робеспьер, вне всякого сомнения, проявляет исключительную осторожность; заметьте, что все формы собственности, которые он разоблачает как противозаконные, по существу были дореволюционными и противоречили Революции. Это собственность рабовладельческая, собственность феодальная, собственность монархическая. И чтобы упразднить эти формы собствен-

ности, вовсе не требуется давать ограничительное определение собственности; достаточно утвердить Революцию. Провозглашение личной свободы разбивает цепи рабства, уничтожает право рабовладельческой собственности. Революционное право, отменяющее вечные обязательства одного человека в отношении другого человека, тем самым уничтожает феодальное право. Принцип народного суверенитета разрушает собственность, на которую притязает монархия в отношении самого народа.

Проблема становится щекотливой, или, вернее, она встает, когда речь заходит о современной личной собственности, той, какую Революция подтвердила, освободив ее от всяких феодальных поборов, от всех цеховых пут, от всякого монархического посягательства. Следовало наметить границы этой новой собственности, этого нового права, и здесь Робеспьер крайне осторожен. Только в конце своих замечаний, которые он, несомненно, намеренно сократил, произносит он слова «скупщик» и «организатор ажиотажа» и воздерживается от каких бы то ни было примеров. В действительности вопрос стоял таким образом: «Должны ли будут наемные работники по-прежнему бесконечно платить земельную ренту землевладельцам? Должны ли будут промышленные рабочие по-прежнему бесконечно работать под властью и к выгоде хозяев-промышленников?» Здесь можно было сослаться на определенные примеры.

Возьмем каменноугольные копи; до 1791 г. собственность на них принадлежала владельцам земли, ее поверхности. О, как капиталисты, в то время стесненные в развитии своих предприятий этим земельным правом, восставали против этой привилегии, против злоупотребления собственностью! Как приятно видеть (приведем лишь одно имя), как шевалье де Солаж, владелец копей в Кармо, изобличал в мемуаре, адресованном Учредительному собранию, наглые притязания землевладельцев и препятствия к промышленному прогрессу, возникающие в связи с «правом собственности»! Как он, стремясь добиться предоставления концессии крупным капиталистическим компаниям, на-

³⁸. Намек на проект Кондорсе.

³⁹. Эти статьи подверглись резкой критике в жирондистских газетах. См.: «Le Patriote français» (№ 1354, р. 471): «Робеспьер представил дополнительные статьи к Декларации прав. Четыре из них касаются пределов права собственности... Следует заметить, что они основаны на неверном предположении, что владельцы земли позволяют умирать с голоду людям, не

имеющим земли, ради удовольствия злоупотреблять своей собственностью или же не использовать ее, как будто выгода владельца не служит наиболее верной гарантией использования им своей собственности. Эта выгода заключается в собственности, как и в обращении зерна: препятствовать этому — значит разорять как землевладельцев, так и не имеющих земли.

стаивает на национальном характере собственности на недра!⁴⁰

«Если бы принципы владения собственностью были так строги, как утверждает господин Тюрго, то он не смог бы проложить в Лимузене прекрасные дороги, какие он провел; никакая прокладка каналов для внутренней торговли, никакие общественные работы не были бы возможны. Нелепый парадокс, возникающий всякий раз, когда того требует общественная польза». И еще: «Думается, что все особые системы, по-видимому благоприятствующие землевладельцам, должны склониться перед этими принципами и что вполне здраво, разумно и справедливо объявить недра частью национальной собственности. Их надо рассматривать как национальные склады, которые важно для общества оберегать»⁴¹.

Под влиянием Мирабо Учредительное собрание совершило переворот в правах собственности на недра⁴². Оно отняло у землевладельцев земные недра и передало их нации, которая уступала их обществу капиталистов. Да, но по мере того, как Революция развивалась, по мере того, как горнорабочие, ободряемые революционным движением, стали требовать повышения заработной платы (например, в районах Эно и Артуа — с 0,95 франка до 1,55 франка в день), по мере того, как пролетарии становились более уверенными и более смелыми, хозяева копеей все более склонялись на сторону фейянов.

Подобно тому, как многие покупатели национальных имуществ после их приобретения заражались модерантизмом, концессионеры недр, вначале столь революционно настроенные против земельной собственности, становились умеренными. И вот, напуганные событиями 10 августа и 2 сентября, а также проектами аграрного закона, которые, ставя по-новому вопрос о земле, вполне могли бы поставить по-новому и вопрос о недрах, они начинают оказывать сопротивление и даже готовы эмигрировать. И завтра они эмигрируют.

Задавал ли Робеспьер себе вопрос о необходимости организации национальной разработки этих земных недр? Он, по-видимому, даже не ставил перед собой этого вопроса. И его оговорки против собственности все носят ретроспективный и чуть ли не архаический характер. Они угрожают старому миру, который Революция уничтожила. И все-таки, каковы бы ни были принятые им меры предосторожности, чтобы не испугать, чтобы не возбудить паники ни среди хозяев промышленности, ни среди земельных собственников, хотя он избегает путем сколько-нибудь настойчивых нападков на скупщиков, солидаризироваться с политикой бешеных, выдвигая им формула права собственности давала возможность весьма смелого ее истолкования. В то время как Революция сначала провозгласила право собственности и лишь затем допустила социальные ограничения, какими это право должно было быть оговорено, Робеспьер, вместе с Мирабо, не

довольствуется напоминанием, что собственность — это социальный институт. Словно он ставит социальное право выше личного права. В его изложении собственность — только то, что остается от собственности, когда общество осуществило свое первоначальное и высшее право, когда оно изъяло все, что ему необходимо для обеспечения жизни всех людей, когда оно лишило собственность всех острых углов, которыми она могла бы ранить других. Говорить, что собственность — это право свободно распоряжаться «той долей имущества, которая гарантирована законом», — значит делать из права собственности право вторичное и производное, вступающее в действие только после того, как утверждено осуществление другого права. Прибавлять, что это право собственности не может наносить ущерб «безопасности, свободе, существованию и собственности» других людей, — это теоретически означает делать из права собственности нечто подозрительное, что сразу же вызывает всякого рода страшные гипотезы и предположения; это, кроме того, означает возводить в право крупные экспроприации, которые изменения в экономической жизни могут сделать в дальнейшем необходимыми⁴³.

Я хорошо понимаю, что Робеспьер не видел и даже не заглядывал так далеко. Но он знал, что в политическом плане ему нужны были пролетарии, чтобы устранить Жиронду, чье предательское бездействие губило Революцию. Он видел, что слева от него образуются деятельные и суровые партии, требующие для народа не только политических прав, но и уверенности в жизни, и он пытался своим толкованием понятия собственности решительно воплотить в революционном праве эту народную и пролетарскую силу, чье будущее развитие он не мог ни рассчитать, ни даже предчувствовать, но желал, чтобы, во всяком случае, ее будущая неясная судьба имела в Революции свое юридическое выражение.

40. Закон от 12 июля 1791 г. предоставил «копи и рудники в распоряжение нации»; «они могут разрабатываться только с ее согласия и под ее наблюдением» (статья 1). Закон устанавливал режим концессии.

41. Mémoire sur les mines en général et particulièrement sur celles de houille ou charbon de terre, présenté à l'Assemblée nationale par le concessionnaire des mines de charbon de terre de Carmaux, près d'Albi (à Albi, de l'imprimerie d'A.-P. Baurens, imprimeur du roi, 1790). Этой брошю-

ры нет в Национальной библиотеке.

42. Mirabeau. Discours ... sur la législation des mines, prononcé le 21 mars 1791...; «Moniteur», VII, 682; «Archives parlementaires», XXIV, 247. См. выше, прим. 40.

43. О социальной мысли Робеспьера см. две речи, произнесенные Ж. Лефевром 15 октября 1933 г. по случаю установления бюста Робеспьера в ратуше Араса; они были опубликованы в: «Annales historiques de la Révolution française», 1933, p. 484, 492.

В этом смысле его определение собственности было своего рода революционным авансом, уплаченным пролетариату в счет его революционной заработной платы, открытием кредита на будущее в обмен на его немедленные усилия.

Уже теперь он включал в предложенную им Декларацию прав кое-какие конкретные способы осуществления его социального определения собственности. Он хочет, чтобы Конвент включил в социальную хартию право всех людей на жизнь, на труд, на образование, а также предусмотрел прогрессивный налог при полном освобождении от него лиц, получающих минимальный доход, необходимый для жизни. Все первые статьи его проекта свидетельствуют, так сказать, о прекрасном человеческом устремлении, и я их здесь приведу в их последовательности⁴⁴.

«Статья первая. Целью всякого политического объединения является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека и развитие всех его способностей.

Статья 2. Главными правами человека являются право обеспечить сохранение своего существования и свобода.

Статья 3. Эти права в равной мере принадлежат всем людям, каково бы ни было различие их физических и моральных сил.

Равенство прав установлено природой. Общество, отнюдь не нарушая его, лишь защищает его от злоупотребления силой, которое делает это равенство обманчивым.

Статья 4. Свобода есть возможность, которой обладает каждый человек, осуществлять по своему усмотрению все свои способности. Ее правило — справедливость, ее границы — права других, ее принцип — природа, ее гарантия — закон.

Статья 5. Право мирно собираться и право выражения своих мнений, посредством печати или любым другим способом, суть столь необходимые следствия принципа свободы человека, что необходимость их провозглашения предполагает наличие деспотизма или свежей памяти о нем.

Статья 6. Собственность есть право каждого гражданина пользоваться и распоряжаться той долей имущества, которая гарантирована ему законом.

Статья 7. Право собственности, как и другие права, ограничено обязанностью уважать права других.

Статья 8. Оно не может наносить ущерба безопасности, свободе, существованию и собственности других людей.

Статья 9. Всякая торговля, нарушающая этот принцип, в высшей степени незаконна и безнравственна.

Статья 10. Общество обязано обеспечить всех своих членов средствами к существованию, либо предоставляя им работу, либо снабжая средствами к существованию тех, кто не в состоянии работать.

Статья 11. Помощь тому, кто нуждается в самом необходимом, является долгом того, кто обладает излишками; закон определит, каким образом этот долг должен быть оплачен.

Статья 12. Граждане, доходы которых не превышают того, что необходимо для их существования, освобождаются от участия в покрытии государственных расходов. Другие граждане должны нести бремя этих расходов прогрессивно, в зависимости от размеров своего имущества.

Статья 13. Общество должно способствовать всеми своими силами развитию общественного разума и сделать образование доступным для всех граждан⁴⁵.

Эта Декларация прав, первые статьи которой я привел, была единодушно одобрена на заседании Якобинского клуба 21 апреля⁴⁶. Это — крайнее официальное выражение социальной мысли Конвента. Ни один депутат не пошел дальше этого.

В проекте, составленном шелкоторговцем Кюссе, депутатом от департамента Рона и Луара, я обнаружил повторение мысли Робеспьера в весьма ослабленном виде⁴⁷:

«Основные права суть ... право собственности, которое не должно наносить... ущерба..

Право собственности состоит в том, что каждый человек может распоряжаться тем, что ему принадлежит, лишь бы это никоим образом не вредило всему обществу и его отдельным членам».

Это — почти чепуха! Во всяком случае, выражено гораздо менее четко, гораздо менее сильно, чем у Робеспьера. В другой статье Кюссе доходит до того, что лишает права голоса граждан, «которые находятся на положении прислуги». У этого Кюссе определенно больше неистовства, чем демократической твердости. Правда, что касается средств к существованию, то он предлага-

44. Déclaration des droits de l'homme et du citoyen... (B.N., 8° Lb⁴¹ 751, imp. in-8°, 12 p.); «Lettres à ses commettants», Deuxième série, № 10 (édition G. Laurent, Gap, 1961, p. 360); «Moniteur», XVI, 228; M. R o b e s p i e r r e. Œuvres, t. IX, Discours, 5e partie, p. 455. Этот проект Декларации был представлен Якобинскому клубу 21 апреля 1793 г. См. ниже, прим. 46. [См. М. Р о б е с п е р. Цит. соч., т. II. М., 1965, с. 323 и сл. — Ред.]

45. Декларация, принятая Конвен-

том 24 июня 1793 г., должна была признать право на общественную помощь и право на образование, сформулированные здесь Робеспьером.

46. A. A u l a r d. La Société des Jacobins, t. V, p. 150. (простое упоминание). См. выше, прим. 44.

47. Кюссе (1759—1796). C u s s e t. Projet relatif aux droits de l'homme... (B.N., 8° Le³⁸ 1946, imp. in-8°, 4 p.); «Archives parlementaires», LXII, 338, 17 avril 1793.

ет энергичные меры, которые желал бы видеть «внесенными» в Конституцию⁴⁸.

«Никто не может сомневаться в том, что в Республике богатых меньше, чем бедных; если у этих последних нет возможности, работая, обеспечивать себе средства к существованию, то их совершенно невозможно заставить уважать собственность».

И он предлагает, чтобы в каждой коммуне в национальных складах сосредоточивали продукты, вносимые в счет налогов, уплачиваемых натурой.

«Продукты, собранные от этих налоговых поступлений, будут предпочтительно продаваться бедным гражданам, а именно: пшеница из расчета 6 ливров 10 су за 60 фунтов, рожь — из расчета 4 ливра 10 су; остаток будет использоваться национальными булочными, созданными с этой целью, чтобы предупредить недостаток хлеба».

Во всех городах с населением более 10 тыс. человек будут созданы народные трибуналы, которым будут подсудны преступления в оскорблении нации, спекуляция, мошенничество, монополии и злоупотребления, касающиеся продуктов первой необходимости и скупки других товаров».

Все это — меры, вызванные обстоятельствами; они интересны, так как содержат некоторые черты национального и муниципального социализма; но общие формулы Робеспьера гораздо богаче по своему содержанию.

Сен-Жюст озабочен не столько определением права собственности, сколько распределением политической власти. В своем изложении мотивов он ограничивается несколькими положениями⁴⁹:

«Нравственный принцип состоит в том, что все люди должны трудиться на благо Отечества и никто не должен быть ни поражен, ни оставаться праздным».

Если вы хотите знать, сколько времени просуществует ваша Республика, подсчитайте сумму труда, которую вы можете в нее вложить».

И он дает крайне наивную формулу экономических отношений в одной из статей раздела своего проекта, касающегося «положения граждан».

«Закон не признает господина между гражданами; он не признает состояния домашней прислуги. Закон признает равное и священное обязательство служить между человеком, который работает, и человеком, который ему платит».

Но разве была применима эта Декларация к уже весьма сложным отношениям, созданным развивающейся системой мануфактур? Мысль Робеспьера, внешне более абстрактная, гораздо более способна приспособляться к меняющемуся экономическому и социальному положению.

Я представляю себе, что Робеспьер, видевший после 10 августа, какой огромный толчок дала эгалитарному движению победоносная революционная Коммуна, принял меры предосторожности в предвидении того дня, когда падение Жиронды, предопределенное новой революцией, придаст народу новый порыв. Он подготовил и как бы заранее определил необходимую и возможную уступку; он выработал теоретические положения и практическую программу, позволявшие ему заранее упрочить собственность и удовлетворить народ.

Робеспьер, очевидно, также следует политической мысли, когда включает в свою Декларацию статьи, касающиеся всемирной революционной пропаганды.

Как человек, выступавший против жирондистской политики провокации, мог теперь так вызывающе держать себя по отношению ко всему миру? Робеспьер предлагает свой план как раз в апреле, под впечатлением измены Дюмуре, в тот час, когда Революции, падения которой вступившие в заговор державы, по-видимому, ожидали, было важно противопоставить деспотам, воодушевленным изменой Дюмуре, гордое самообладание. Быть может также, Робеспьер втайне думал, что если Дантон скомпрометировал себя своими связями с Дюмуре, если он чересчур долго его поддерживал, то потому, что ожидал от Дюмуре быстрых успехов, которые позволили бы начать переговоры о мире. Желать немедленного мира, разве не значит это отдать Революцию на милость генералов, державших в своих руках судьбу завтрашнего дня?⁵⁰ Наконец, Робеспьер хорошо понимал, что война, открывая широкое поле деятельности для энергичных людей благодаря множеству должностей и мест, какие она предоставляла смелым людям, втайне была желанной для многих революционных группировок, особенно для этих отважных людей, беспокойных и дерзких, а также ненасытных, для этих кордельеров,

48. Projet de décret... à classer dans la nouvelle constitution et à décréter provisoirement, vu l'urgence du cas. Du 1er avril 1793. (B.N., 8° Le^{ss} 2423, imp. in-8°, 16 p.); См. также: Projet de décret... sur les subsistances... (B.N., 8° Le^{ss} 2424, imp. in-8°, 7 p.); «Archives parlementaires», LXII, 339, 17 avril 1793.

49. Saint-Just. Discours... sur la constitution de la France, prononcé en guise de préambule... en présentant son «Essai de constitution»... 24 avril 1793 (B.N., 8° Le^{ss} 232, imp. in-8°, 18 p.); Essai de constitution... lu à la Convention nationale, le 24 avril

1793 (B.N., 8° Le^{ss} 233, imp. in-8°, 40 p.); «Moniteur», XVI, 214; «Archives parlementaires», LXIII, 200.

50. Робеспьер, несомненно, осуждал тайные переговоры с неприятелем, начатые Дантоном на другой день после измены Дюмуре; чтобы остановить их, он хотел провести 13 апреля декрет о смертной казни для тех, кто предложил бы вести переговоры с врагом в ущерб интересам бельгийцев, жителей Прирейнской области, Савойи и др., поверивших обещаниям Франции о защите. [Примечание А. Матьева.]

которых Дантон во время кризиса 1792 г. ввел в военное министерство, которые в нем укрепились при Бушоте и Паше и начали бросать на мир алчные взгляды прозелитов. Именно с ними, прикрывавшимися теорией всемирной свободы, сформулированной Анахарсисом Клоотсом, Робеспьер хочет сохранить связь; в своем проекте он, насколько может, склоняется влево в вопросе о вооруженной пропаганде, как и в вопросе о собственности. И он, который вскоре выступит против Анахарсиса Клоотса, обвинив его в стремлении развязать «мировой пожар», в апреле 1793 г. заимствует даже сами выражения оратора человеческого рода.

«Конституционный комитет также совсем забыл напомнить об обязанностях братства, объединяющих всех людей и все нации, и об их правах на взаимную помощь. Он как будто не знает об основах вечного союза народов против тиранов. Можно подумать, что ваш проект Декларации предназначен для некоего людского стада, загнанного в какой-то отдаленный угол земли, а не для огромной семьи человечества, которой природа дала всю землю во владение и для проживания. Я вам предлагаю восполнить этот пробел при помощи следующих статей. Они могут только восстановить уважение к вам народов. Правда, у них, пожалуй, то неудобство, что они могут вас бесповоротно поссорить с королями. Признаюсь, это неудобство меня не пугает. Оно не испугает тех, кто не хочет помириться с королями»⁵¹.

Содержится ли здесь какой-то намек на Дантона, который, в Комитете общественного спасения, старался расколоть европейскую коалицию и который, желая вести переговоры, мог их вести только с правительствами, т.е. с королями? Но как эти любезные фразы о «народе» далеки от суровой реалистической красоты речей Робеспьера 1792 г., когда он мужественно заявлял, что большинство народов, еще плохо подготовленных, было бы сообщниками своих тиранов!

Войдя в правительство, Робеспьер пресечет, даже ножом гильотины, все эти неосторожные высказывания в пользу неограниченной пропаганды. Но в апреле 1793 г. он предлагает:

«Люди всех стран — братья, и разные народы должны взаимно помогать друг другу по мере своих сил, подобно гражданам одного и того же государства.

Тот, кто угнетает какую-либо одну нацию, этим самым объявляет себя врагом всех наций.

Те, кто ведет войну против какого-либо народа с целью остановить прогресс свободы и уничтожить права человека, должны быть преследуемы всеми не как обычные враги, а как убийцы и мятежные разбойники.

Короли, аристократы и тираны, кто бы они ни были, суть рабы, взбунтовавшиеся против суверена земли, каковым является род

человеческий, и против всемирного законодателя, каковым является природа»⁵².

Он даже не доходит до своего теизма, который не смягчает здесь ученой двусмысленностью. В своей преамбуле он привел в свидетели бога: «Национальный Конвент провозглашает перед лицом всего мира и на глазах бессмертного законодателя следующую Декларацию прав человека и гражданина». Но вот уже в самом изложении проекта этот «бессмертный законодатель» превратился во «всемирного законодателя, каковым является природа». Бог? Природа? Непонятно. Робеспьер в этот момент либо устраняет, либо смягчает все то, что могло бы породить недоразумение между ним и наиболее пылкими революционерами из Коммуны и секций. Яркий свет космополитизма санкюлотов и социализма открывает перед ним перспективы неизвестного широкого будущего. Но вскоре, вследствие роковых событий внешней войны, эти перспективы, застилаемые также дымом гражданской войны, сузятся и омрачатся.

То, что уже теперь придает изложению социальной мысли Робеспьера унылый характер, сообщая ей своеобразную сухость, — это добродетельное предвзятое отношение к богатству. Да, богатству свойственны свои пороки, но ведь и бедности свойственны свои, даже когда она не превращается в нищету. Она часто скудоумна, рутинна и ограничена. Противопоставлять лачугу Фабриция дворцу Красса — ребячество. Что бы ни случилось, мир соблазняет блеск дворцов; их надо расширять, чтобы ими гордилось все человечество. Робеспьер, конечно, не хочет запретить богатство; но он им пренебрегает и чуть ли не презирует его, словно оно не было формой, сначала неизбежно олигархической, а позднее социальной, народной и всеобщей, власти человека над вещами, признаком его господства над миром. Великим и прекрасным делом было бы призвать на помощь Революции все силы производства, все силы искусства, богатства и сказать: «Меры, какие мы примем, чтобы все граждане получили часть этого растущего благосостояния, этого растущего человеческого богатства, будут дополнительно способствовать росту богатства и вовсе не будут ему противодействовать».

51. «Moniteur», XVI, 214, заседание 24 апреля 1793 г. [См.: М. Робеспьер. Цит. соч., с. 322. — *Ред.*]

52. Эти положения образуют статьи XXXV—XXXVIII Декларации

прав, предложенной Робеспьером в Якобинском клубе 21 апреля 1793 г. и в Конвенте — 24 апреля. См. выше, прим. 44. [См.: М. Робеспьер. Цит. соч., с. 328—329. — *Ред.*]

ВЕРНЬО И РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ

8 мая, в тот самый день, когда Конвент занял для своих заседаний приспособленный для него дворец Тюильри, Верньо нарисовал великолепную картину современных демократий, разнообразных и сложных, вынужденных сообща обороняться против вооруженных тираний, еще существующих в мире, и развивать во все возрастающем объеме мирную деятельность: демократий, озабоченных желанием предотвратить крайнее неравенство состояний, но открывающих для отдельных людей и для общества в целом перспективы достижения богатства и блеска. Да, великолепная картина блестящей, еще буржуазной демократии, служащая необходимой поправкой к сухому идеалу Робеспьера; программа изумительная, если бы только Верньо предчувствовал, что благодаря двойному развитию демократии и богатства настанет день, когда весь рабочий народ примет участие в великом гармоническом празднике жизни, что настанет день, когда и нации, примиренные свободой и правом, смогут сложить оружие!

«Руссо, Монтескьё и все те, кто писал о правительствах, нам говорят, что равенство демократии исчезает там, где появляется роскошь, что республики могут поддерживаться только добродетелью и что добродетель приходит в упадок из-за богатства⁵³.

Думаете ли вы, что эти положения, примененные их авторами только к малым государствам, таким, как республики Древней Греции, в узких границах, должны строго и без изменений подходить и к Французской Республике? Хотите вы создать в ней суровое, бедное и воинственное правление, подобное правлению Спарты?

В таком случае будьте последовательны, подобно Ликургу; подобно ему, разделите земли между всеми гражданами; запретите навсегда металлы, которые человеческая алчность извлекает из недр земли; сожгите даже ассигнаты, которые роскошь тоже использует; и пусть борьба будет единственным трудом всех французов; задушите их промышленность, дайте им в руки только пилу и топор; заклеймите бесчестием занятие всеми полезными ремеслами; лишите почета ремесла, а особенно земледелие; пусть люди, которым вы даруете звание граждан, более не платят налогов; пусть другие люди, которым вы в этом звании откажете, облагаются податями и оплачивают ваши расходы; пусть иностранцы занимаются у вас торговлей, илоты — обработкой ваших земель; и поставьте ваше существование в зависимость от ваших рабов...

Правда, новые законы, устанавливающие равенство между гражданами, утверждают неравенство между людьми... Правда, установления Ликурга, свидетельствующие о его гении, так как

он решил их осуществить на очень малой территории и для столь малого числа граждан, что самая тщательная перепись дала цифру не выше 10 тыс., свидетельствовали бы о безумии законодателя, который захотел бы применить их к 24 млн. человек; правда, раздел земель и уравнивание состояний во Франции столь же невозможны, как уничтожение ремесел и промышленности, культура которых и занятие которыми зависят от деятельного ума, коим наделила ее обитателей природа; правда, одна лишь попытка подобного переворота вызвала бы всеобщее восстание, и гражданская война охватила бы все части Республики; все наши средства обороны против наглых чужеземцев вскоре были бы исчерпаны, и самая страшная из уравнилениц — смерть уже витала бы над городами и деревнями. Я понимаю, что лига тиранов может нам предложить, — во всяком случае, косвенно, через своих платных агентов, — систему, результатом которой явилось бы для всех французов только равенство отчаяния и могил и полное уничтожение Республики.

Французская Республика не может быть уравниленицей и спартанской в такой же мере, как она не может быть захватнической. Она не может быть и исключительно сельскохозяйственной и торговой, ибо «как смог бы существовать такой народ в окружении наций, почти всегда находящихся в состоянии войны и управляемых тиранами, не знающими иного права, кроме силы?»

Нет, организация Французской Республики должна отвечать разнообразным потребностям и особенностям национального духа: она должна быть сложной, гибкой и живой, как современная жизнь Франции.

«Безрассуден был бы законодатель, который сказал бы французам: „У вас плодородные равнины — не сейте хлеба; у вас прекрасные виноградники — не делайте вина. Ваша земля благодаря обилию своих продуктов и разнообразию своих плодов может удовлетворять и потребности и радости жизни — воздержитесь обрабатывать ее. У вас есть реки, по которым ваши департаменты могут перевозить различные свои продукты и благодаря успешному обмену устанавливать по всей Республике равновесие пользования благами, — воздержитесь от плавания на судах. Вы родились предприимчивыми — воздержитесь от создания мануфактур. Океан и Средиземное море предоставляют вам свои

53. «Moniteur», XVI, 345; «Archives parlementaires», LXIV, 330. «Я не собираюсь представлять проект Конституции, но хочу со-

общить несколько мыслей и внести предложение по поводу Конституции».

волны, чтобы вы могли установить братские связи со всеми народами мира, — воздержитесь от кораблестроения».

Недоставало бы только прибавить к этим словам: в вашем умеренном климате солнце изливает мягкий и благотворительный свет — откажитесь от него и, подобно несчастным лапландцам, похороните себя в течение шести месяцев в году в подземелье. У вас есть способности — постарайтесь не использовать их; принизьте творение природы, отрекитесь от своего звания человека и ради достижения идеального совершенства и химерической добродетели уподобитесь животным.

Если Конституция должна сохранить социальный организм со всеми преимуществами, дарованными ему природой, то она, чтобы быть прочной, должна также разумными установлениями предупреждать коррупцию, которая неизбежно возникла бы из-за чересчур большого неравенства состояний; но в то же время, из опасений распада социального организма, Конституция должна обеспечить собственности самую полную защиту. Именно для того, чтобы сохранить поле, которое он возделывал, человек с самого начала объединился с другими людьми, которым он в свою очередь обещал всяческую помощь в деле защиты их поля. Защита собственности — первая задача социального объединения; если собственность не уважают, то исчезает сама свобода; вы ставите предприимчивость в зависимость от глупости, активность — от лени, экономию — от расточительности; над трудолюбивым, смелым и экономным человеком вы устанавливаете тройную тиранию невежества, безделья и разврата.

Из этих простых слов я заключаю, что вы не хотите сделать из французов ни народ-завоеватель; ни народ, который было бы возможно поработить; ни народ чисто земледельческий или торговый; ни народ чисто военный, с преторианской гвардией, располагающей всей полнотой власти; ни народ, до такой степени любящий войну, что он внушает ужас другим нациям; ни народ столь изнеженный, предающийся наслаждениям мирного времени, что он, подобно афинянам, больше страшится царей, которые угрожали бы его удовольствиям, чем царей — врагов его свободы; ни народ, развращаемый роскошью, который вы напояли бы допьяна на лукулловых пиррах; ни народ, униженный нищетой, теряющий в своей спесивой лени блестящие качества своего ума, народ, который вы, при всей щедрости природы, кормите лакедемонской похлебкой.

Я полагаю, что вы хотите воспользоваться его чувствительностью, чтобы возвысить его до добродетелей, составляющих силу республик; его трудолюбивой деятельностью — чтобы умножить источники его благоденствия; его географическим положением — чтобы расширить его торговлю; его любовью к равенству — чтобы сделать его другом всех народов; его силой и мужеством — чтобы создать ему положение, какое сдерживало бы всех тиранов;

его энергичным характером, закаленным в бурях Революции, — чтобы побуждать его к героическим деяниям; наконец, его гением — чтобы заставить его создавать замечательные произведения искусства, делать великие открытия, осуществлять замечательные замыслы, составляющие счастье и приносящие славу человеческому роду»⁵⁴.

Так, накануне падения Жиронды, Конвент являл взорам удивительное богатство идей и систем.

54. После этой речи Верньо поставил перед Конвентом ряд вопросов («Série de questions sur la Con-

stitution...») (B.N., 8° Le 38 2226, imp. in-8°, 4 p.); «Moniteur», XVI, 347.

Глава вторая

РАЗДЕЛ ОБЩИННЫХ ЗЕМЕЛЬ

ПОЛИТИКА ПРИМИРЕНИЯ МОНТАНЬЯРОВ
ИЮНЬ — ИЮЛЬ 1793 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ

Конвент наметил главные направления также и в области практических действий. Декретом от 24 апреля он принял меры предосторожности против злоупотреблений и мошенничества, совершавшихся при продаже национальных имуществ; против бесконтрольной и негласной продажи движимого имущества; против насилий и оскорблений, нарушавших порядок при аукционах и отдававших их на произвол наглых покупателей; против махинаций с целью устранить конкурентов путем либо угроз, либо подкупа; против попустительства и алчности местных должностных лиц, злоупотреблявших своей властью, чтобы завладеть за бесценок домами, мебелью, землями; против коммун, которые без непременного разрешения Конвента открыты или под подставным именем покупали имущества эмигрантов, на которые должностные лица затем накладывали руку на чересчур благоприятных для них условиях и вне всякой конкуренции; против «ассоциаций всех или значительной части жителей коммуны с целью покупки имуществ, назначенных к продаже, с тем чтобы затем распределить или разделить их между указанными жителями»¹.

Теперь, после того как Конвент избавится от борьбы группировок, которая его парализует, снова можно будет возобновить, при новых гарантиях, продажу национальных имуществ, в частности усилить продажу имуществ эмигрантов. Несмотря на противодействие жирондистов и побуждаемый необходимостью, Конвент одобрил также таксацию цен на зерно и тем самым начал применять максимум². Кроме того, наперекор Жиронде и в силу необходимости Конвент вотировал 20 мая принудительный заем у богатых в размере одного миллиарда³.

Наконец, в апреле Конвент сформулировал и начал обсуждать трудный проект о разделе общинных земель, который откладывался с 10 августа. Это был очень важный вопрос.

В докладе Фабра из Эро (8 апреля 1793 г.)⁴ площадь всех общинных земель определяется в 8 млн. арпанов общей стоимостью в 600 млн. Какому порядку пользования подчинить их? Те из социалистов, которые полагают, что реабилитация старого порядка — лучшее средство для критики буржуазного общества, порой утверждали, что путем раздела общинных земель, путем дробления этого общего достояния и превращения его в индивидуальную собственность, Революция ограбила бедняков. На деле порядок пользования общинными землями был совершенно олигархическим: каждый из жителей общины пользовался ими пропорционально размерам своего частного владения и численности своего стада. Таким образом, одни богатые, или почти одни они, пользовались ими. Были даже коммуны, где нотабли, «буржуа» притязали на то, что они одни имеют право пользоваться общинными землями; и эта буржуазная аристократия хотела лишить этого права пользования тех, кого она, подражая сеньориальной аристократии, называла «мужланами»⁵.

Бедняки, пролетарии почти повсюду вполне определенно высказались за раздел. Марат опубликовал в своей газете немало писем, авторы которых требовали от имени бедняков раздела, писем, где они резко разоблачали эгоизм богатых собственников, противившихся разделу. Тогда никто не предлагал действительного коммунистического пользования общинными землями.

Следовало бы лишить жителей права, которым они пользовались в качестве местных жителей, и передать эксплуатацию общинных земель неимущим при условии, что они превратят в активное ленивое и рутинное землепользование, обрекавшее тысячи арпанов земли на низкие урожаи. Но, повторяю, ни у одного революционера даже не возникло этой идеи, и я только могу напомнить, что в конце 1791 г.⁶ коммунист Бабеф представлял себе коммунизм в виде равного раздела, гарантирующего неотъемле-

1. «Moniteur», XVI, 241.

2. Речь идет о максимуме на зерно и муку, который был декретирован 4 мая 1793 г., но фактически очень плохо применялся.

3. «Moniteur», XVI, 431; «Archives parlementaires», LXV, 119.

4. Фабр из Эро (1762—1793) — адвокат в Монпелье, депутат Конвента от департамента Эро; убит в Пиренеях 20 декабря 1793 г.

«Moniteur», XVI, 92; «Archives parlementaires», LXI, 424.

5. См. важные рассуждения Жореса, посвященные проблеме общинных земель, в: Ж. Жорес. Социалистическая история Французской революции, т. I, кн. 1, с. 267.

6. См. выше (с. 90) письмо Бабефа к Куле из Уазы от 10 сентября 1791 г.

мое право всех граждан. Это позволяет понять, сколь сильным было движение в пользу раздела и сколь искусственной была последующая критика (с точки зрения коммунистов), какой подверглись революционные буржуа.

Суэ, единственный из членов Конвента, возражавший против плана окончательного раздела, предложенного Комитетом земледелия, не требовал коммунистического землеустройства, более интенсивной и усовершенствованной эксплуатации сообща. Он потребовал, чтобы разделы были временными. И весьма далекий от того, чтобы усматривать в этом возобновляемом разделе средство освобождения для всех граждан, видел в нем лишь ловкую подмену милостыни и консервативную уловку. Он предвидел вечную бедность и вечную неизбежность иметь разбросанные на всей территории Франции владения, где из поколения в поколение можно было бы собирать неимущих людей, скапливающихся в городах к великой угрозе порядку и собственности. Трудовые колонии с целью предотвратить нищенство и обеспечить безопасность имущим — вот, в сущности, система Суэ⁷.

«Речь идет в настоящее время о том, чтобы упорядочить раздел общинных земель. Надо выяснить, должен ли он быть окончательным, т.е. должен ли каждый распоряжаться как своей полной собственностью той долей, какая ему достанется. Таково мнение Комитета земледелия. Надо показать, что оно во всех отношениях противоречит общим и частным интересам; надо доказать, что временный раздел, возобновляемый через определенные сроки, проводимый в соответствии с более справедливым и более точным распределением, — единственный, какой следует одобрить. В этом важном вопросе надо указать, к какой цели мы стремимся, и смело сказать, что если мы можем вмешиваться в распоряжение достоянием бедняков, то только для того, чтобы упорядочить его использование, а не для его отчуждения и уничтожения.

Заметим прежде всего, что договор, заключенный нашими отцами, есть дар в пользу их бедных потомков. И с каких пор мы вправе распоряжаться имуществами, принадлежащими будущим поколениям? С каких пор мы вправе лишать их имущества, которых мы — только хранители. *Исчезнет ли когда-либо бедность?* Прекратится ли существование общин? С каких пор мы вправе объявлять себя наследниками еще не существующих поколений?

...Первая обязанность честных правительств — стараться облегчить нищету народа, заменить унижающий человека источник существования в виде нищенства трудом и любовью к труду. А какое возможно более могущественное средство достигнуть этой цели, как не оставить навсегда в распоряжении общества огромную земельную площадь, подлежащую возделыванию, которая

постоянно требует рук бедняка, *позволяет рассеять бедняков и предлагает им во всех концах Республики щедрый источник для удовлетворения их потребностей; которая незаметно отнимает у развращающих ремесел, обслуживающих роскошь, рабочие руки, в коих постоянно нуждается земледелие, руки людей, скопление которых в городах, где царят коррупция и роскошь, может в любой миг нарушить общественное спокойствие и способствовать замыслам честолюбия или тирании?*

...Разве не слышите вы уже коварного голоса честолюбцев и тиранов, беспрестанно заискивающих перед народными массами, беспрестанно расточающих им низкую лесть, *беспрестанно возбуждающих их против мирного класса граждан, обязанного своим состоянием только своей предприимчивости и труду, состоянием, которое одно составляет богатство государства и источник существования для бедняка; беспрестанно изображающих его бедняку как его подлинное достояние, чтобы внушить ему кощунственное желание забрать его силой?..* Воспрепятствуйте их успехам, ограничив их средства к обогащению, освободив от них бедняка, *путем расселения бедняков по всей Республике».*

Итак, при помощи своего рода спасительной уловки и с целью отвести, разделить течения нищеты и мятежа Суэ намерен сохранить общинную собственность. В его глазах, она вовсе не связана с планом полного освобождения людей; наоборот, она связана с несомненным и неизбежным вечным существованием нищеты: «Обратим наши взоры не только на окружающую нас бедность, на бедность в 1793 г., но и на бедность, существовавшую во все века; сохраним же за нею священное достояние, которое ей завещали наши предки».

И если Суэ предлагает, чтобы бедняки имели только право пользования общинными землями, то не для того, чтобы заменить для всех граждан индивидуальную привилегированную собственность на землю правами пользования (узуфруктом), оберегающими социальное право всех людей; нет, он это делает потому, что бедняки могут удовлетвориться правами пользования и не притязать на полное владение собственностью, остающееся, впрочем, идеалом граждан: общинные имущества не представляются ему первой ступенью к более высокому и более широкому коммунизму; они являются сокращением размеров собственности, но таким сокращением, которое предохраняет бедняков от полной нищеты, от отчаяния и духа мятежа.

«Заметьте, что они не требуют от вас большего. *Когда бедняк требует хлеба и работы, он не требует собственности или иму-*

7. Суэ (Souhait) (1759—1842) — адвокат, мэр Сэн-Дье в 1790 г., депутат Конвента от департамента

Вогезы. Никакого упоминания в «Монитёре». «Archives parlementaires», LXIII, 63, заседание 23 апреля 1793 г.

щества, производящего этот хлеб, или сырья, которое ему необходимо, чтобы пустить его в дело. Дайте ему права пользования, дайте ему возможность обрабатывать участок земли, который сможет его прокормить; он будет доволен; вот все, чего он требует от вас; вот все, ожидать чего он от вас вправе». —

План Комитета земледелия, который созвучен Революции, явно не стремится скрыть под видом коммунизма своего рода благотворительное учреждение, неизменное в веках, и хочет путем окончательного раздела общинных земель увеличить численность индивидуальных собственников; таким образом, он обладает преимуществами *даже в глазах социалистов*. Ибо аграрный коммунизм явится результатом либо слияния индивидуальной крестьянской собственности, добровольно объединяющейся в крупные кооперативные хозяйства; либо замены крупной земельной собственности пролетарскими земельными синдикатами; либо создания коммунального владения для его интенсивной эксплуатации на научной основе. Он не будет расширением владения с неясными границами, оспариваемого рутинным эгоизмом индивидуальных собственников, или участка, уступленного пожизненно в виде милостыни беднякам, не обладающим полным правом собственности. И было бы лучше, даже для будущего великого коммунизма, еще более усилить непосредственную силу, независимость и революционный порыв деревенской демократии и сельскохозяйственного пролетариата, чем сохранять, как бесплодную пародию или смехотворное начинание, ослабленный, пришедший в ветхость, низший коммунизм. Проект Комитета земледелия предлагал раздел общинных земель на основе очень ясной демократической идеи. Он не делал такой раздел обязательным; он предоставлял каждой коммуне возможность самой решать этот вопрос; однако так как комитет отдавал предпочтение разделу, то достаточно было, чтобы его потребовала третья часть местных жителей.

Комитет с негодованием отверг внесенное богатыми предложение произвести раздел в соответствии с величиной уплачиваемого каждым поземельного налога, т.е. пропорционально стоимости земельной собственности каждого жителя.

«Мы далеки от мысли посягать на священное право собственности, право, которое должен был гарантировать социальному человеку общественный договор; мы уважаем это право, но мы никогда не сделаем его предложением для несправедливости! Значит ли это, спрашиваю я, уважать собственность, если мы отнимем у бедняка его собственность, чтобы передать ее богатому? Значит ли это уважать собственность, если мы превратим ее из имущества всех в исключительную собственность немногих?

Все жители общины имеют равное право на общинные земли,

все должны обладать равными правами при их разделе. А если собственники заявят, в обоснование своих притязаний, что ныне они одни обладают правами пользования ими? Но тогда злоупотребление обрело бы силу закона! И именно потому, что бедняк был до сего времени угнетен, он должен был бы и впредь оставаться угнетенным!»

Кроме того, не вполне справедливо проводить раздел поровну между хозяйствами, так как у бедняка больше детей, живущих вместе с ним.

«На первый взгляд этот способ казался сопряженным с меньшими неудобствами и отвечавшим принципам справедливости; он даже был основан на местных обычаях многих общин Республики; но ваш комитет признал его обременительным для бедняка и несправедливым по своим последствиям; как правило, богатый и его дети ведут раздельное хозяйство; бедняк — только одно; одна и та же комната служит жильем и ему, и его семье, и он не знает злополучного умения жить в тесноте в огромном дворце».

О, добродетельная красота жизни в омерзительной скученности и тесноте!

Но можно ли ударяться в противоположную крайность и делить общинные земли, как это было предложено, «обратно пропорционально размерам собственности»? Но трудность состояла в том, чтобы точно установить степень богатства каждого гражданина.

«Так, в одной местности богатым считается тот, кто имеет 30 арпанов земли, а в другой местности он считался бы бедным. В одной и той же общине владелец 5 арпанов хорошей земли иногда богаче владельца 20 арпанов плохой земли. Наконец, можно быть очень богатым и не быть собственником земли. Арендатор часто бывает богаче владельца земли, которую он обрабатывает. Коммерсант, капиталист и даже ремесленник обладают порой состоянием, не имея земельной собственности. В областях мелкого хозяйства почти все деревенские поденщики — собственники, и тем не менее они порой живут в нужде...»

Поэтому комитет остановился на подушном разделе, исключив из него тех, кто, владея в общине имуществом, не является ее жителем. Все жители общины, каков бы ни был их пол и возраст, будут иметь право на надел. Наделы будут пронумерованы и распределены по жребью.

Я не вхожу в агрономический спор, возникший между Комитетом земледелия и Суэ. Я только отмечаю в возражениях Суэ единственный сильный с социальной точки зрения довод. Он отмечает определенную ненадежность, которая имеется в этой операции, и указывает, что очень часто бедняки будут вынуждены сбывать за бесценок свои наделы, к тому же маленькие и не пригодные к использованию.

«В областях, где пастбища составляют богатство жителей и дают им средства к существованию, какую пользу извлек бы каждый из них из нескольких туазов собственной земли? Это не облегчило бы их нищеты, не удовлетворило бы их потребностей. Это, очевидно, усугубило бы их; это означало бы предложить им опасную приманку, чтобы столкнуть их в пропасть; это означало бы побудить их продать свои жалкие участки ввиду невозможности лучше их использовать, заставить их передать все свое достояние в руки крупных собственников и таким образом в некотором роде отказаться от свободы, утратив средства к существованию. В этом ли мнимое благо, которое вы хотите им принести?»

Комитет дает на это возражение двоякий ответ: во-первых, общины будут вольны принять или отвергнуть раздел; во-вторых, комитет сам гарантировал законом неотчуждаемость наделов в течение десяти лет.

«Общинные земли, — говорится в докладе Фабра, — это огромное достояние, возвращаемое законным наследникам после ожесточенных споров и долгого угнетения более слабого более сильным. Закон возвращает им их узурпированные земли, но не должен ограничивать этим свою отеческую бдительность; нельзя, чтобы закон предлагал им это благо лишь как временное; он должен также предохранить их от опасных искушений, порождаемых нуждой и праздностью. Бедняк горячо привязан к своей собственности, но не придает значения земле, которую он еще не возделывал. Находясь во власти бесконечной нужды, он вскоре может поддаться искушению продать свой надел какому-нибудь богатому землевладельцу, который на него позарится, и то, что должно было во все времена составлять достояние бедных, за ничтожное вознаграждение прибавится к достоянию людей богатых; и вместо раздела владений мы их сконцентрируем.

...Нам, быть может, возразят, что мы, препятствуя отчуждению, породим своего рода субституцию (заместительство). Мы ответим, что, упраздняя право заместительства, законодатель хотел пресечь накопление богатства в одних руках и что для достижения той же цели здесь следует пойти противоположным путем.

Нам также заметят, что мы устанавливаем несправедливые ограничения для права индивидуальной собственности на общинные земли; ибо то, что принадлежит всем, не принадлежит никому в частности. Итак, жители теперь получают эту собственность на основании закона; и, стало быть, закон может поставить им условия, каких требуют их собственные интересы».

Но это ограничение права собственности будет действительно лишь в течение десяти лет и тотчас же прекращается, если владелец покидает общину. Суэ настаивает, констатируя, впрочем, как сильно среди бедняков стремление к разделу общинных земель. Под их влиянием и из-за их непредусмотрительности об-

щины будут всегда высказываться за раздел; и когда впоследствии, к концу десятилетнего срока или даже раньше (в силу их отъезда из коммуны), бедняки продадут свои наделы, лишившись подспорья, которым служили для них общинные земли, то что с ними будет? И как при столь затруднительном финансовом положении Революции можно надеяться, что она найдет 200 млн. в год, которые потребуются, чтобы поддержать в нужде миллионы бедняков?

В действительности Суэ повторяет против раздела общинных земель некоторые возражения, выдвинутые аббатом Морп против отчуждения церковных имуществ, «достояния бедняка»⁸. Верно лишь то, что в промежуточный период между рудиментарным и благотворительным коммунизмом средних веков и научным и справедливым коммунизмом, благодаря которому утвердился человечество завтрашнего дня, умножение числа индивидуальной земельной собственности, выделенной из национальных или общинных имуществ, является благом лишь в том случае, если оно дополнено мощной организацией общественной помощи. Революция знала это, она провозглашала это, и ей нельзя ставить в вину беды, явившиеся следствием ее частичного поражения, следствием длительного ослабления демократии и свободы⁹.

Итак, как в области практических действий, так и в области мысли все великие идеи были сформулированы, все великие прецеденты были созданы еще до падения Жиронды; и победившей Горе не нужно делать ни политических, ни социальных открытий. Ей не требуется придумывать, создавать ряд совсем новых концепций и институтов. Ее великий долг, ее историческая и поистине «священная» миссия (священная Гора) — действовать, спасти Революцию энергичной концентрацией национальных сил. Ее ясная задача — создать правительство, способное к решительным и быстрым действиям против контрреволюцион-

8. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. I, кн. 2, с. 42, «Демагогия аббата Морп».

9. Закон о разделе общинных земель был наконец принят 10 июня 1793 г. Он разрешил их факультативный раздел поровну между всеми жителями коммуны, проживающими в ней, причем надел каждого определялся по жребью. Раздел способствовал увеличению мелкой собственности в коммунах, принявших его. Но большинство коммун отказалось от него, то ли

потому, что площадь общинных земель оказалась недостаточной, то ли потому, что крестьяне предпочли сохранить их как пастбища. Об этой важной проблеме см.: G. Bourgin. Le Partage des communaux. Documents sur la préparation de la loi du 10 juin 1793. Paris, 1908; idem. Les communaux et la Révolution française. — «Nouvelle revue historique de droit français et étranger» (tirage à part, s. d.). См. ниже, с. 201, прим. 2.

ных группировок внутри страны, против внешнего врага, осаждающего ее границы и нарушающего их целостность.

Конвент, долгое время парализованный дразгами и притязаниями жирондистов, вскоре станет собранием революционной национальной обороны. У него уже родилось немало идей, и его чело посетило немало прекрасных мечтаний, зажегших его взоры огнем. Он теперь нуждается не в смелости мысли, а в организации, в разумной отваге, в планомерных и сильных действиях. Если бы было только провозглашение идей, то могло бы показаться, что приход Горы не столько прогресс, сколько отступление.

Кондорсе еще не нанесен удар, но он чувствует, что к нему относятся с подозрением, и проявленное с первых же дней невнимание Конвента к проекту конституции, в который Кондорсе вложил всю силу и весь блеск своего ума, его обескураживает и отталкивает. Он больше уже не пользуется никаким влиянием в Комитете по народному образованию, там господствуют отныне Сиейес и Дону, бывшие священники или ораторианцы. И, как показал это г-н Гийоме в своей ценнейшей публикации протоколов Комитета по народному образованию¹⁰, они урезают великолепную программу воспитания, составленную философом Энциклопедии. Они хотят, чтобы государство занималось только начальным образованием, и предоставляют все высшее и среднее образование на милость свободной конкуренции (старых, занимавшихся преподавательской деятельностью конгрегаций, продолжавших существовать, несмотря на мнимое упразднение). Это значит принижать революционный идеал. Но такое принижение только временное, и XVIII век снова поднимется на свою высоту, которую на некоторое время принизили пошлость и притворство церковников. В эти первые дни мысль победившей, но находившейся под угрозой Горы была направлена на другое, и Сиейес мог вести свои принижающие темные интриги.

КОНСТИТУЦИЯ МОНТАНЬЯРОВ

Может также показаться, что в преамбуле конституции, которую Гора принимает в несколько дней и которую она собирается представить народу после 24 июня, сказывается ослабление революционной мысли¹¹. Проект Кондорсе, верный духу энциклопедистов в том, что было в нем самого свободного и самого ясного, взывал только к разуму человека и не предусматривал других гарантий¹².

Гора провозглашает Права Человека «в присутствии Верховного существа». Хотела ли она укрепить деизм большинства своих членов? Хотела ли она главным образом успокоить народы, все еще находящиеся во власти христианской традиции, и, не склоняясь перед суеверием духовенства, привлечь бога на сторону Революции? Она хотела ограничить движение в Вандее, предупредить пагубное распространение религиозного фанатизма. Но особенно она торопилась предложить Франции конституцию. Верующие, по-видимому, требовали ответа, будет ли имя бога, упоминавшееся в Конституции 1791 г., вычеркнуто из Конституции 1793 г.; атеистов не очень смущало упоминание «Вер-

10. Procès-verbaux du Comité d'instruction publique de la Convention, publiés et annotés par J. Guillaume. Paris, 1890—1907, 6 vol., t. I: 15 octobre 1792 — 2 juillet 1793.

11. Проект конституции был представлен Эро де Сешелем. О Конституции 1793 г. см.: A. Aulard. Histoire politique de la

Révolution française. Paris, 1901. IIe partie, chap. IV; A. Mathiez. La Constitution de 1793. — «Annales historiques de la Révolution française», 1928, p. 498.

12. Plan de constitution présenté... les 15 et 16 février 1793... (B.N., 8° Le³⁸ 1766, imp. in-8°, 48 p.)

ховного существа»; следовательно, самое простое было вписать в конституцию этот неопределенный псевдоним бога.

Кроме того, Гора пересматривает жирондистский проект конституции с целью упростить и облегчить его, сделать более быстрым и более действенным механизм выборов и законодательства, рискуя при этом ограничить внешне широкую систему политической демократии, предложенную Жирондой.

Кондорсе неизменно указывал на непосредственное осуществление суверенитета нации. Все выборы должны были происходить путем всеобщего прямого голосования; больше не должно было быть ни двухстепенных выборов, ни собраний выборщиков. Первичные собрания должны непосредственно избирать всех тех, кто призван либо представлять суверена, либо управлять от его имени. Они должны выбирать муниципальные власти, администраторов департаментов, депутатов; первичные собрания должны также назначать судей. Более того, они должны назначать министров, Исполнительный совет, впрочем, при помощи довольно сложного механизма. В каждом департаменте первичные собрания должны составлять списки, содержащие тринадцать имен кандидатов. Законодательная власть должна собрать эти списки и, после подсчета голосов, составить единый список кандидатов, на основании которого первичные собрания сделали бы затем окончательный выбор.

Итак, муниципалитеты назначались первичными собраниями каждой коммуны; администраторы департамента — первичными собраниями каждого департамента, а министры — первичными собраниями всей Франции, причем в этом случае департамент был лишь избирательной секцией. Депутаты избирались по кантонам от 50 тыс. жителей, так что единственной основой представительства была численность населения. Депутаты составляли лишь одну палату; их избирали всего на один год, и все решения законодательной власти подлежали постоянному прямому контролю нации. Решения первичных собраний двух департаментов было достаточно для того, чтобы обязать законодательную власть передать на народный референдум тот или иной закон, тот или иной декрет.

Это «народная цензура над действиями национального представительства», и теоретически это кажется неограниченной демократией. Против такой системы монтаньяры выдвинули три существенных возражения. Прежде всего, учреждая большие коммуны, в которых было бы слито и поглощено много мелких коммун (должны были исчезнуть 14 тыс. коммун), она разрушала ту революционную муниципальную жизнь, которая самой своей раздробленностью поощряла стихийную инициативу отдельных лиц и предотвращала умеренную и федералистскую деятельность промежуточной администрации дистрикта или департамента. Во-вторых, она ослабляла волю народа, предполагая прибегать к ней в исключительных случаях. Уставший народ вскоре отвер-

нулся бы от своего собственного права и предоставил бы действительное осуществление своего суверенитета нескольким интриганам, если бы он должен был проводить свою жизнь в первичных собраниях. И какой закон смог бы достичь цели, преодолев все эти осложнения? Это означало установить вето национального суверенитета над самим собой. Наконец — и Сен-Жюст до 31 мая¹³ сформулировал это возражение с особой силой, — назначать министров всей нацией, когда каждый депутат будет избираться только округом, насчитывающим 50 тыс. человек, означало предоставить исполнительной власти подавляющую силу. Это означало создать для суверенного народа «не храм, а могилу». Это означало отдать нацию в руки патрициата из известных людей, которые одни смогли бы успешно выступать на выборах, имеющих столь широкий характер. Это означало создать вскоре олигархию правителей в качестве истолкователя воли нации.

По этим трем пунктам Конвент полностью изменяет проект жирондистов. Он оставляет в неприкосновенности кипучую революционную жизнь небольших коммун. Для избрания представителей он сохраняет всеобщее прямое голосование и доверяет избирательным собраниям [собраниям выборщиков], выбранным первичными собраниями, заботу о назначении администраторов, общественных арбитров, судей по уголовным и кассационным делам. Таким образом, для чиновников Революции выборы будут двухстепенными; для министров — трехстепенными. Их будут назначать уже не первичные собрания; более того, избирательные собрания тоже не смогут их назначать; но каждое избирательное собрание департамента предложит кандидата, а законодательный корпус выберет из этого списка 24 члена, которые и составят Исполнительный совет.

Тем самым Конвент предупреждал опасное соперничество между исполнительной и законодательной властями. Впрочем, я полагаю, что этот способ назначения представлялся Горе гораздо менее благоприятным, чем другой способ, для жирондистов и их друзей. Жиронда отличалась большим блеском. Это о ней Сен-Жюст вскоре скажет: «Революция создала патрициат из известных людей».

Национальные выборы, быть может, облекли бы властью известных ораторов, ученых, литераторов. Напротив, Конвент, производя окончательный выбор на основании довольно длинного списка, исключит имена людей, которые могли бы своей гордостью, престижем и славой извратить волю нации. И Конвент произведет эти выборы не под воздействием насилия, а под воздействием общественного мнения Парижа. Именно в центре, в столице,

13. Discours... sur la constitution de la France... 24 avril 1793 (B.N., 8° Le^{3e} 232, imp. in-8°, 18 p.)

по новому проекту, и должен был совершаться выбор министров. По плану же Кондорсе, исполнительная власть была по своему происхождению и сущности департаментской.

Наконец, если в одной статье и провозглашается, что «первичные собрания обсуждают законы», то это обсуждение лишено какой бы то ни было санкции: процедура и организация *референдума* нигде не предусмотрена¹⁴. Но в сущности, нет ли здесь, при столь коротких сроках деятельности собраний, избираемых на один год, постоянного *референдума*? Итак, Гора придает деятельности демократии больше силы, больше энергии. Она избавляет ее от напыщенности, утяжелявшей и губившей проект жирондистов. И она ограждает народ от образования министерской олигархии, правительственной касты, которая, хотя ее и избирают, все же подавляет свободу. Но намерен ли Конвент, едва избавившийся от Жироны, включить в Декларацию прав определение собственности и социальные формулы, которые Робеспьер и якобинцы предложили несколькими неделями ранее? Нет, Гора не хочет ни поднимать споры, которые остановили бы ее продвижение, ни возбуждать тревоги, которые, быть может, пошли бы на пользу контрреволюции.

Противовес возможным злоупотреблениям собственностью — не в словах и не в формулах; он — в самой силе народа, неукоснительно осуществляющего свое право. Так, Конституция 1793 г. подчеркивает (этим полностью пренебрег проект жирондистов), что политические усилия людей имеют социальную цель. С первой же статьи Декларации прав человека она провозглашает в формуле, которая, несомненно, порадовала Бабёфа, что «целью общества является всеобщее счастье». В статье шестой она заимствует определение свободы, недавно предложенное Робеспьером:

«Свобода есть принадлежащая человеку возможность делать все, что не вредит правам других; ее исходным принципом является природа, ее правилом — справедливость, ее защитой — закон; ее моральные границы выражены следующим правилом: „не делай другому того, чего не хочешь, чтобы он сделал тебе“».

Она воспроизводит статью, предложенную Сен-Жюстом, об отношениях между наемными рабочими и хозяевами:

«Каждый человек может отдавать внаймы свои услуги, свое время, но не может продать себя или быть проданным. Его личность не является отчуждаемой собственностью. Закон не признает положения прислуги; может существовать только обязательство о предоставлении услуг и признательности между человеком, который работает, и человеком, который его нанимает»¹⁵.

Декларация устанавливает право на жизнь и право на труд в формулировках, подсказанных Робеспьером:

«Общественная помощь есть священный долг. Общество обязано обеспечить всех своих членов средствами к существованию, либо предоставив им работу, либо снабдив средствами к сущест-

вованию тех, кто не в состоянии работать»¹⁶. Но знаменитая формула о «доле имущества, которая гарантирована законом», не была включена, и Декларация прав от 24 июня воспроизводит относительно собственности успокоительную формулу жирондистской Декларации (статья 16):

«Право собственности — это принадлежащее каждому гражданину право пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своего промысла» (капитал, рента, прибыль)¹⁷.

Более того, Декларация, вместо того чтобы освободить, как это делал проект Робеспьера, необходимый прожиточный минимум от всякого обложения, недвусмысленно устанавливает обязанность всех граждан, даже беднейших, участвовать в уплате общественных налогов.

«Никто из граждан, — говорится в статье 101¹⁸, — не освобождается от почтенной обязанности участвовать в уплате общественных налогов».

Робеспьер не только не добивался принятия своих формулировок; не только не приложил никаких усилий, чтобы навязать свое определение собственности, но по поводу налогообложения он не без благородства заявил, что, поразмыслив, изменил свои взгляды; что освободить гражданина от всякого налога — значит сделать из него своего рода пассивного гражданина и что нравственное достоинство и политическое значение народа требуют, чтобы даже бедные несли часть бремени¹⁹. В области между-

14. В действительности организация референдума (хотя это слово и не было произнесено) была предусмотрена статьями LIX и LX конституции: «Если в течение 40 дней после отсылки предлагаемого закона в половине департаментов плюс одна десятая часть первичных собраний каждого из них, созданных надлежащим образом, не отклонит его, то проект считается принятым и становится законом. Если он будет отклонен, то Законодательный корпус созывает первичные собрания» Прибавим, что конституция должна быть ратифицирована народом. См.: M. F r i d e f f. Les Origines du référendum dans la Constitution de 1793, Paris, 1931.

15. Статья 18 Декларации.

16. Статья 21. В действительности эта статья провозглашает не «право на жизнь и право на

труд», но право на помощь. «Либо предоставив им работу» — практически имелись в виду мастерские, называвшиеся при старом порядке «благотворительными».

17. Напомним, что право собственности не было определено в Декларации прав 1789 г. Декларация прав III г. повторила определение Декларации прав 1793 г. в своей 5-й статье. Примечательная преемственность!

18. Здесь речь идет о Конституционном акте, а не о Декларации прав.

19. «Moniteur», XVI, 678, заседание от 17 июня 1793 г., второе выступление (об обязанности участвовать в уплате общественных налогов); «Archives parlementaires», LXVI, 602; M. R o b e s p i e r r e, Œuvres, t. IX, Discours, 4^e partie p. 575.

народных отношений на смену широковещательным декларациям о деятельном всемирном братстве, которые могли наложить на Францию обязательства и исчерпать силы Революции в бесконечных и вечных войнах, появляются осторожные и гордые статьи, конституционно обеспечивающие территориальную и политическую целостность революционной Франции, но делающие возможными мирные переговоры.

«Французский народ — друг и естественный союзник свободных народов.

Он не вмешивается в управление другими нациями; он не терпит вмешательства других наций в его управление.

Он предоставляет убежище иностранцам, изгнанным из своего отечества за участие в борьбе за свободу; он отказывает в нем тиранам.

Он никогда не заключит мира с врагом, занимающим его территорию»²⁰.

«— Так вы, значит, заключили договор с победой? — спросил кто-то.

— Нет, — воскликнул Базир, — но мы заключили договор со смертью!»²¹ Этими героическими словами удалось достойно прикрыть отказ от дерзкой политики всемирной вооруженной пропаганды.

Конституция 1793 г., более осторожная, чем проект Робеспьера, в вопросах собственности, налогообложения и внешних отношений, все же была великолепным образцом демократии. Это был поистине суверенитет народа, сильная организация народной власти и народного контроля. Никогда еще мир не видел осуществления демократии, которая полностью отвечала бы этой величественной формуле 1793 г.

Пусть социалисты не упрекают Робеспьера за то, что он не настоял на принятии своего проекта: в руках народа, в руках пролетариев Конституция 1793 г. стала бы эффективным орудием постепенного социального освобождения. Революционеры-коммунисты судят о ней именно так, ибо восстановление Конституции 1793 г. вскоре станет одним из существенных требований бабувистской программы. И в подтверждение этой великолепной организации демократии я хочу повторить благородные слова монтаньяра Левассёра из Сарты, сославшегося на свидетельство коммунистов:

«К Конституции 1793 г., — воскликнул он, — зывали Бабаф и Дарте; Конституция 1793 г. заставляет еще биться под хладом старости сердце стойка Буонарроти; и если после этих людей, прославившихся своими благородными страданиями, я могу назвать и себя, то моя долгая верность тому, что я счел благом, утешает меня в моем изгнании, среди бесконечных горестей»²².

Действительно, в своей книге «Заговор во имя равенства» Буонарроти с энтузиазмом говорит о Робеспьере и даже, с некоторыми оговорками, о Конституции 1793 г.²³:

«До падения жирондистской группировки Робеспьер полагал, что Конвент, где она господствовала, не был способен дать хорошие законы; кроме того, он думал, что при тогдашних критических обстоятельствах первой заботой народных уполномоченных должно быть уничтожение многочисленных внутренних и внешних врагов, угрожавших существованию Республики; но, видя, что жирондисты торопятся законодательным путем утвердить свои аристократические принципы, он противопоставил их проектам свою Декларацию прав, в которой явно выражены его народные устремления...

Однако Конституция 1793 г., составленная после восстания 31 мая частью Конвента, которую тогда называли *Горой*, не отвечала полностью чаяниям друзей человечества. К сожалению, в ней можно найти старые, приводящие в отчаяние идеи о праве собственности. Впрочем, в ней со всей ясностью провозглашены и прочно обеспечены политические права граждан, образование для всех отнесено к обязанностям общества; она легко допускает изменения, благоприятные для народа, и осуществление им своего суверенитета обеспечено, как никогда. Было ли это разумной осмотрительностью, продиктованной враждебной позицией богатых, возбужденных жирондистами? Следует ли приписать влиянию эгоистов во время прений в Национальном Конвенте те предосторожности, к которым он прибегает, как и необходимость для депутатов, друзей равенства, скрывать свои крайние взгляды?

Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что право обсуждать законы, предоставленное народу, подчинение народных уполномоченных его приказаниям и почти единогласное одобрение Конституции 1793 г. — все это заставило смотреть на нее как на *палладию* французской свободы».

20. Речь идет о статьях 118 — 121 Конституционного акта, раздел «Отношения Французской Республики с иностранными нациями».

21. «Moniteur», XVI, 689, заседание 18 июня 1793 г. Базир Клод (1761 — 1794) — служащий архива провинциальных штатов Бургундии, член директории Дижонского дистрикта в 1790 г., депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Котд'Ор.

22. Levasseur Mémoires. . Paris, 1829 — 1831, 4 vol., t. I, p. 295.

23. Buonarroti. Conspiration pour l'Égalité, dite de Babeuf. Bruxelles, 1828; édition de 1957, t. I, p. 39, «Déclaration des droits par Robespierre»; p. 40, «Constitution de 1793». (См.: Ф. Буонарроти. Заговор во имя равенства, или так называемый заговор Бабефа. М., 1948. — *Ред.*)

При огромном упадке великих политических институтов Революции самые благородные и самые просвещенные из членов Конвента (из числа тех, кого не поглотила сама Революция) сохранили неукротимую надежду на победу демократии, символом которой оставалась для них Конституция 1793 г.

«Да, — говорил Левассёр в последние дни Реставрации²⁴, когда суверенитет народа был лишь потускневшей мечтой, — настанет время, когда демократия будет единственно возможным образом правления; тогда французы сумеют оценить труды этого Конвента, который, быть может, был не прав, опередив свой век и сделав добро слишком рано, но который по крайней мере имел мужество не отступить перед проведением в жизнь того, что считал истиной.

Да, настанет день, когда равенство признают основой общественного договора. когда каждый человек, какое бы низкое положение он ни занимал, будет иметь те же права и принимать такое же участие в общественных делах, что и человек, занимающий самое высокое положение в социальной иерархии. Тогда признают, что титулы — ничто, так как они созданы человеком, а не природой; что богатство не может быть основой прав, так как само богатство — только условное право. Тогда поймут, что каждый житель страны, не обесчестивший себя каким-либо позорным поступком, заинтересован в общем благе и должен участвовать как в выгодах, так и в обязанностях, налагаемых обществом. Конституцию, опиравшуюся на эти священные основы, больше не будут считать безумной утопией.

Да, настанет день — я на это надеюсь и в этом уверен, — настанет день, когда способность человеческого рода к совершенствованию сделает применимыми все главные истины, которые современные публицисты считают пустой утопией. *Последовательная отмена рабства, феодалного порядка и зависимости — для меня надежная гарантия того, что наши внуки увидят падение дворянства и наследственных Прав*, этих двух величайших язв современной цивилизации. Они увидят их исчезновение, которое совершится без потрясений, без сопротивления; ибо человек уже начинает достигать совершеннолетия, и его руководители уже вынуждены уступать, когда общественность возвышает свой голос; тогда Конвент будет благословлять за то, что он осмелился без опоры, без поддержки сделать первый шаг по этому благородному пути справедливости и свободы.

А пока пусть люди недалекие, политики на час смеются над нашими трудами. Пусть они говорят, что мы преувеличили свои возможности, желая, подобно природе, поставить всех людей в один ряд. Их ребяческие сарказмы нас не заденут. *Еще пятьдесят, может быть, сто лет* они будут относиться к нам с пренебрежением... человеческий род тем не менее будет и далее осуществлять свое высокое предназначение».

Будущее доказало правоту Левассёра и замечательного оптимизма Революции. Через сто лет после Революции, пройдя сквозь многочисленные бури и несмотря на массу ограничений и комбинаций, которых члены Конвента не предвидели и не желали, несмотря на частичные монархические и олигархические пережитки, утопия в целом стала фактом. Всеобщее избирательное право стало реальностью: демократия обрела во Франции свою нормальную политическую форму в виде Республики и медленно, но с уверенностью в необходимости свершений развивается в направлении социального равенства, которое упразднит привилегии и *наследственную власть* как в экономической, так и в политической областях. В основе веры Левассёра лежит не только пламенное стремление к политической свободе, но и социальный опыт человечества, мало-помалу освобождающегося от всех форм рабства и наконец достигшего «совершеннолетия».

Но была ли эта Конституция 1793 г. возможна лишь в отдаленном будущем? Нельзя ли было применить ее сразу? Она была полностью применима, и мы напрасно станем искать того, что в ее принципах или в ее механизме могло помешать ее проведению в жизнь. Она больше организовывала, чем создавала, и Левассёр не прав, говоря, что у Конвента не было ни опоры, ни поддержки. Поддержкой служила вся революционная жизнь, вся жизнь нации в течение тех четырех лет, которые завершили дело веков. Национальный суверенитет уже стал принципом и фактом. Всеобщее избирательное право осуществлялось уже при выборах в Конвент; правда, оно было двухстепенным, но разве избирать депутатов прямым голосованием труднее, чем избирать собрания выборщиков? Ведь и при избрании мэров, прокуроров-синдиков дело решалось прямым голосованием в первичных собраниях. Выборы судей, священников стали привычкой нации.

Не было ни одной группировки, которая, как бы умеренна она ни была, осмелилась бы предложить для организации законодательной и исполнительной власти разделение законодательной власти между двумя палатами и сосредоточение исполнительной власти в руках одного человека, президента или штатгальтера. Способ, одобренный Конституцией 1793 г., сочетал для исполнительной власти принцип избрания народом, необходимость контроля за законодательной деятельностью и потребность в сильной и деятельной власти.

Конституция 1793 г. вполне отвечала жизненным потребностям Революции, политической и социальной действительности новой Франции. Все то, в чем более современные конституции от

24. Levasseur. Op. cit., t. I, p. 287.

нее отхотят, — это либо уступка духу консервативного недоверия и привилегий, либо остатки монархических привычек. Конституция 1793 г — это образец французской демократии; присоединяясь к ней, Робеспьер гарантировал будущее, все возможности социального развития. И он спасал настоящее

ПОЗИЦИЯ РОБЕСПЬЕРА

Если Робеспьер не настаивал, если он не добивался внесения в конституцию более смелых положений (по крайней мере внешне), предложенных им в апреле, то не потому, что он отказался от своих взглядов. И не потому, что он, приблизившись к власти благодаря падению Жиронды, стремился, движимый честолюбием, привлечь на свою сторону имущие классы и олигархию богатства. После 31 мая, как и до этого, он хорошо понимал, что народ в лице ремесленников, наемных работников остается в водовороте событий самым надежным орудием, необходимой защитой Революции, которой угрожают извне и изнутри.

Следует прочесть написанные рукой Робеспьера заметки, найденные в его бумагах, они, очевидно, относятся ко времени после 31 мая — 2 июня¹. Дюбан смотрит на них упрощенно, только как на какой-то набросок речи, заметки риторика, одержимого тщеславным стремлением произносить речи². Напротив, это — ясное, глубокое и откровенное изложение мысли; это — тоска ума, вопрошающего себя и вопрошающего бездну; это также (после горьких размышлений) практическое и верное заключение государственного деятеля:

1 Papiers inedités trouvés chez Robespierre, Saint-Juste, Payan Paris, 1828, 3 vol., t II, p 15
2 C. Duhan. Paris en 1794 et en 1795 Histoire de la rue, du club, de la famine, composée d'après des documents inedités Pa-

ris, 1869, p 456 «Вся жизнь, вся деятельность, вся сила Робеспьера — в слове Ненависть этого адвоката порождена не столько политической оппозицией, сколько профессиональной завистью».

«Нужна единая воля.

Нужно, чтобы она была республиканской или роялистской. Для того чтобы она была республиканской, нужны республиканские министры, республиканские газеты, республиканские депутаты, республиканское правительство.

Внешняя война — болезнь смертельная, когда политический организм болен Революцией и разделением воли.

Внутренние опасности проистекают от буржуазии; чтобы победить буржуазию, надо сплотить народ. Все было подготовлено для того, чтобы подчинить народ игу буржуазии и погубить защитников Республики на эшафоте. Буржуа восторжествовали в Марселе, в Бордо, в Лионе³; они восторжествовали бы и в Париже, если бы не произошло нынешнего восстания. Надо, чтобы нынешнее восстание продолжалось, пока не будут приняты меры, необходимые для спасения Республики. Надо, чтобы народ объединился с Конвентом, а Конвент объединился с народом. Надо, чтобы восстание постепенно распространялось по одному и тому же плану; чтобы санкюлоты получали плату и оставались в городах. Надо снабдить их оружием, разжигать их гнев, просвещать их. Надо возбуждать республиканский энтузиазм всеми возможными средствами».

Человек, написавший эти слова для себя и наметивший такой план действий, не расчетливый честолюбец, который, разбив соперников, стремится сохранить за собой их социальную клиентелу, прибавив к своим шансам на будущее и на величие влияние буржуазного класса. Нет, если Робеспьер без споров, без придиорок принял Конституцию от 24 июня, то прежде всего потому, что она сама по себе, несмотря на свои пробелы и свою робость, является превосходным, наиболее человечным, наиболее свободным, наиболее обеспечивающим равенство планом политического и социального управления, какой только знали люди. И затем, и главным образом потому, что надо было безотлагательно добиться единства мысли и действия в Национальном Конвенте и тем самым обеспечить власть Конвента над разъединенной, пребывающей в растерянности страной.

События 31 мая оставили рану в сердце Конвента. Даже монтаньяры были смущены актом насилия, искалечившим Собрание. А люди Равнины неопределенно подумывали о реванше над Коммуной, поступившей с ними деспотически.

Семьдесят три депутата, друзья Жиронды, тайно подписали протест против событий 2 июня, и, хотя он еще не был известен, он смугно оказывал давление на Собрание⁴.

Что произошло бы, если бы Конвент, едва оправившись от грубой акции и от прямого давления со стороны восставших, повел бы себя вызывающе с революционным народом Парижа и

наполовину отрекся от совершенного 31 мая и 2 июня? Несомненно, это не было бы внезапным реваншем побежденной Жиронды; это не было бы возобновлением конфликта между жирондистами и монтаньярами, парализовавшего Революцию; но это было бы еще одним противопоставлением сил, недоверием между Конвентом и Парижем, т.е. между внушающей беспокойство инертностью и глубокой анархией. Уже в докладе, представленном Барером 6 июня от имени Комитета общественного спасения, чувствовались колебания, полуотказ от прежних заявлений, неопределенные предложения репрессий⁵. Он говорил о грязной тине, которую несет поток Революции; он чуть ли не объявлял войну Революционному комитету; он передавал одному только Конвенту право мобилизации, вызова вооруженной силы; он предлагал, чтобы депутаты служили заложниками для департаментов, представленных арестованными депутатами; он придавал зловеющий оттенок намерениям Парижа; во всяком случае, он предвидел, даже на следующий день после разгрома Жиронды, эру переговоров, может быть, примирения; он смягчал контрреволюционный смысл движений в Марселе и Лионе и, казалось, сохранял надежду на то, что разумные слова, примирительные и братские меры удержат эти два города на революционном пути. Не означало ли это возлагать вину за раздиравшие их беспорядки на насилие со стороны анархистов, которые могли испугать честных республиканцев? Таким образом, вся польза от событий 31 мая могла быть сведена на нет; и Революция могла вновь оказаться — даже после проделанной над ней болезненной операции — в столь же неопределенном положении, столь же раздельной внутренне, как во времена, когда жирондистская группировка давала волю своим притязаниям в Собрании.

Опасность была велика, и Робеспьер тотчас же ответил Бареру. Нет, не следовало создавать впечатление, что события 31 мая дезавуируются, даже наполовину⁶. Это было необходимое восстание, и притом без кровопролития; пусть Революция, которая не смогла избежать этого сграшного испытания, по крайней мере сохранит его благие результаты. Таков и смысл процитированных мною замечаний Робеспьера. Бессильному оптимизму Барера он противопоставил

3. Намек на федералистское восстание.

4. Протест от 6 июня 1793 г., подписанный 73 депутатами, которые в связи с этим были арестованы. См. текст этого протеста в «Moniteur» (XXII, 385) от 12 брюмера III г. (2 ноября 1794 г.).

5. «Moniteur», XVI, 583; «Archives parlementaires», LXVI, 109. Барер предложил, в частности,

упразднить революционные комитеты, за исключением учрежденных для наблюдения за иностранцами. Конвент постановил напечатать доклад и отложил его обсуждение на другой день.

6. «Moniteur», XVI, 592; «Archives parlementaires», LXVI, 173; M. Robespierre. Œuvres, t. IX, Discours, 4^e partie, p. 544.

ставляет ясную контрреволюционную характеристику буржуазных секций Лиона, Марселя и Бордо. Также и в Париже движение буржуазных секций привело бы к деспотизму олигархии, если бы не поднялся народ. Восстание было необходимо. Надо, чтобы оно продолжалось. Когда Робеспьер пишет, что восстание следует создать вокруг Конвента постоянную угрозу и вечное состояние тревоги. Он хочет сказать, что 31 мая должно быть продолжено в смысле своего общего духа и своих усилий. Группировку жирондистов следует удерживать в состоянии бессилия, на какое ее обрекли события 31 мая и 2 июня; и по всей Франции должно развивать боевые усилия, которые поразили Жиронду в Париже. Именно к такой политике умеренные и сильные слова Робеспьера склонили Конвент. Но существовала серьезная опасность, что Конвент мог заколебаться, мог, пойдя по пути уверток, вернуться к поре истощающих споров и губительных противоречий. Было лишь одно средство предотвратить ее: восстановить своими действиями моральное единство самого Конвента и моральное единство Конвента с народом. Решительным средством для этого было безотлагательное одобрение конституции.

В этом голосовании могли и должны были участвовать все члены Конвента, так как все они обещали дать Франции конституцию. Тем самым Конвент не допускал сомнений и расслабляющих советов. Он отменял пагубные уловки тех, кто говорил, что, будучи в неполном составе, Конвент уже не может обсуждать дела. Этим шагающим актом Конвент подтверждал свой революционный суверенитет. Он давал нации то, чего нация ждала. — окончательную организацию свободы, и, используя свою власть сообразно с несомненной волей всех, он вновь обретал, несмотря на свой неполный состав, всю полноту своей силы и своего права. Несомненно, не было возможности применить конституцию тотчас же; не было возможности в разгар бури приступить к обновлению всех властей. Но, во всяком случае, народ знал, каковы будут его законы, когда стихнет гроза войны внешней и войны гражданской. Тем самым нация была избавлена от кошмара неопределенности.

Революция уже более не казалась смутным волнением, безысходным, если и не бесцельным. Виден был ее конец. Усилия всех были бы направлены на то, чтобы сделать возможным применение конституции. Судьба свободы и отечества не была бы навеки отдана на милость безумной пляски волн; берег был уже виден. Но как сделать принятие конституции быстрым и единодушным, что одно могло сделать ее эффективной для умов, если каждый стремился бы добиться преобладания своих собственных формулировок? Вот почему Робеспьер присоединился к концепциям и определениям, находившим одобрение у большинства. Главное было укрепить принципы демократии и спасти Революцию.

С этого времени политика Робеспьера вполне ясна. Он знает, что кризис страшен. Чужеземцы, несмотря на их медленное продвижение и слабость натиска, насаждают на наши границы. Валансьенн занят, Майнц осажден. Англичане снаряжают корабли, чтобы уничтожить нашу торговлю и перебросить на наши берега силы коалиции, которые ждут контрреволюционеры и изменники. Рана Вандеи разрастается и источает яд. И если бежавшие жирондисты в какой-то момент поднимут восстание в части страны, если Бюзо и Барбару в Кане⁷, если Саль в Нанси⁸ призовут к гражданской войне, то как спасется Революция, если не с помощью самых концентрированных, самых быстрых, самых сильных действий? Группировки внутри страны не разоружатся, тираны не примут наших условий мира, проникнутых отвагой и гордостью — которые одни только и подобают свободному народу, — если все революционные силы не будут едины. Да, надо создать «национальную волю»; вернее, надо придать возможную большую силу всем властям, ее выражающим. Защищать Конституцию 1793 г. от всякой критики и всяких нападков, дать уверенность в завтрашнем дне, защищать и объединить Конвент, защищать и укрепить Комитет общественного спасения, боевой орган действия, наращивать революционную силу так, чтобы она смогла раздавить мятежников и утешить заговорщиков, воздерживаться от чрезмерных насилий и считаться со слабостями и предрассудками народных масс — вот план Робеспьера на другой день после 2 июня, вот его политическая программа.

В этот период его позиция восхищает своей мудростью и твердостью. Он сознавал свою ответственность и знал, сколь опасна была его задача. Он никогда не был демагогом. В интересах Революции он умел оказать сопротивление увлечениям толпы, в частности весной 1792 г., когда он почти один боролся против политики войны. Но тогда он был слишком далек от власти, чтобы его ответственность была для него бременем. Теперь его влияние становилось решающим. И в первую очередь он должен был им воспользоваться для того, чтобы сдержать и упорядочить движение. Он хорошо понимал нетерпение и честолюбивые устремления Парижской коммуны, он предчувствовал жадные притязания эбертистов. Как сдержать и укротить дезорганизаторов, тех, кто

7. См.: Charles Barbaroux de Marseille... aux citoyens de Marseille (B. N., Fol. Lb⁴¹ 4749, imp. in-folio plano), daté de Caen, 18 juin 1793.

8. В действительности Саль последовал за другими жирондистами, сначала в Эврë, затем в Кан. См.: Déclaration de Salle du 3 juin 1793... (B. N., 8° Lb⁴¹ 1361) :

«Декрет, направленный против меня, притеснительный и недействителен. Я вправе не подчиняться ему». См. также: Observations sur le Rapport des trente-deux pros-crits par une Société de Girondins (B. N., 8° Lb⁴¹ 744, imp. in-8°, 31 p.), daté de Caen, 13 juillet 1793.

своими постоянными подозрениями и анархией губили находящуюся под угрозой Революцию, и при этом не подорвать революционный пыл, не ослабить энергию и порыв народа? Ужасная проблема, которую он охватит единым взглядом и которая на мгновение заставит его поbledнеть. Я не думаю, чтобы речь, произнесенная им 12 июня в Якобинском клубе, была ловким приемом революционного кокетства⁹.

«...Что же касается меня, то я признаю свою неспособность, у меня нет необходимых сил для борьбы с интриганами аристократии. Истощенный четырьмя годами мучительного и бесплодного труда, я чувствую, что мои физические и моральные способности не находятся на уровне великой Революции, и я заявляю, что подам в отставку. (Многие голого: «Нет! Нет!»)»

Он действительно задавал себе этот вопрос и спрашивал себя, в состоянии ли он справиться с тяжелейшим кризисом, сможет ли он найти центр боя, точку равновесия, откуда он мог бы сдерживать врагов Революции и предотвращать неразумные поступки ее друзей.

Защита Конституции 1793 г. от нападков «бешеных» не была самым трудным делом. 10 июня, когда Робеспьер в Якобинском клубе восхвалял конституцию: «Мы можем представить миру конституционный кодекс, бесконечно более высокий, чем все прежние моральные и политические институты»¹⁰, Шабо, бывший официальным посредником между якобинцами и бешеными, подверг проект критике¹¹: «Он, без сомнения, заслуживает самых больших похвал, так как превосходит все то, что нам предлагалось до сего дня; но следует ли из этого, что монтаньяры должны с энтузиазмом проповедовать его, не исследовав, обеспечивает ли этот проект счастье народа? [Его авторы] недостаточно утруждают себя заботой о судьбе народа, именно это отсутствует в представленном Конституционном акте. В нем отсутствует забота об обеспечении хлебом тех, кто его не имеет; в нем отсутствуют меры по борьбе с нищенством в Республике. Учредительное собрание приняло соответствующий декрет, и, однако, я с болью вижу, как аристократия обливает грязью бедность». Шабо также отметил, что проект не предусматривал прогрессивного налогообложения. Правда, его крилика относилась не к окончательному тексту, принятому Конвентом, который выскажется более определенно относительно обязательства предоставить каждому работу или хлеб, а к первоначальному проекту, который был представлен Эро де Сешелем. В сущности, были ли у Шабо ясные концепции, которые он мог предложить? Достаточно прочитать его план конституции и организации финансов¹². Он ограничивается требованием налога на общую сумму сделок и уплаты части долга сертификатами, которые будут приниматься в уплату

за национальные имущества и позволят изъять ассигнаты из обращения.

Но каким образом эти частичные и весьма спорные требования могли бы позволить тупоумному капуцину подорвать революционное воздействие единодушия, которое должна была вызвать конституция? Шабо стремился выдвинуться.

9. A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 251; M. Robespierre Œuvres, t. IX, Discours, 4e partie, p. 553. [См., М. Робеспьер. Избранные произведения. М., 1965, т. III, с. 12. — Ред.]
10. A. Aulard. Op. cit., p. 246; M. Robespierre Op. cit., p. 549. [См.: М. Робеспьер.

- Цит. соч., с. 9 — 10. — Ред.]
11. A. Aulard. Op. cit., p. 247.
12. См.: A. Mathiez. La vie chère et le mouvement social sous la Terreur Paris, 1927, p. 211. [См.: А. Маттьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху Террора. М.—Л., 1928, с. 161. — Ред.]

Более подробно:

Захер Я.М. Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.

Захер Я.М. Движение «бешеных»

Захер Я.М. Последний период деятельности Жака Ру

Марков В. Рукопись Жака Ру

«Речь о причинах несчастий французской республики»

<http://istmat.info/node/31148>

ПЕТИЦИЯ ЖАКА РУ (25 ИЮНЯ 1793 г.)

Жак Ру был более откровенен, и его атака была более ожесточенной.

Вокруг него группировались его верные друзья по секции. Он отправлялся в свой квартал Гравилье, бывал в Клубе кордельеров и всюду разоблачал новую конституцию как эгоистическую и антинародную. Где в конституции статьи, направленные против спекуляции и скупщиков? Он добился того, что секция и клуб подали в Конвент петицию. 23 июня он натолкнулся на сопротивление Робеспьера, который потребовал отложить обсуждение петиции¹³. «Сегодня, — сказал Робеспьер, — день согласия и праздника, когда все честные граждане приходят поздравить нас с тем, что мы дали народу свободную Конституцию; выгоним же тех, кто хочет расколоть патриотов». Это — показатель силы движения, представляемого Жаком Ру. Разве Робеспьер стал бы принимать все эти меры предосторожности против малозначащего выступления?

25 июня Жак Ру может высказаться, и его речь — настоящий манифест, в котором он оспаривает, излагает, аргументирует; отчет, помещенный в «Монитор», может дать о ней лишь слабое представление¹⁴:

«Уполномоченные французского народа! В этом священном месте сто раз звучали слова о преступлениях эгоистов и мошенников. Вы неоднократно обещали нам нанести удар по пиявкам, сосущим кровь народа. Конституционный акт вскоре будет представлен на утверждение суверена. Осудили ли вы в нем спекуляцию? Нет! Определили ли вы, в чем состоит свобода торговли? Нет! Запретили ли вы продажу звонкой монеты? Нет! Ну что ж,

мы заявляем вам, что вы не сделали всего для счастья народа.

Свобода — лишь пустой призрак, когда один класс людей может безнаказанно заставлять голодать другой. Равенство — лишь пустой призрак, когда богатый посредством своей монополии пользуется правом распоряжаться жизнью и смертью себе подобных. Республика — лишь пустой призрак, когда контрреволюция действует изо дня в день, повышая цены на продукты в такой степени, что они становятся недоступными для трех четвертей граждан, проливающих слезы.

Однако, чтобы прочно привязать санкюлотов к Революции, к Конституции, надо пресечь разбой оптовиков (который надо строго отличать от торговли) и сделать продовольствие доступным для них.

То, что государственные люди навязали нам внешнюю войну, не может служить оправданием тому, чтобы богачи развязали еще более страшную войну внутри страны. Потому, что 300 тыс. французов, предательски принесенные в жертву, погибли от смертоносного оружия рабов королей, нужно ли, чтобы тех, кто остался у своих домашних очагов, довели до того, чтобы они пожарили булжники? Нужно ли, чтобы вдовы тех, кто погиб за дело свободы, платили за все на вес золота, вплоть до платков, необходимых им, чтобы вытирать слезы? Нужно ли, чтобы им приходилось покупать на вес золота молоко и мед для своих детей?

Народные уполномоченные! Когда среди вас находились сообщники Дюмуре, представители Вандеи, роялисты, хотевшие спасти тирана, то секция Гравилье отложила свое решение; она поняла, что не во власти Горы творить добро, которое она хранила в сердце, и она поднялась.

Но сегодня Конвент вновь обрел свое достоинство. И во имя

13. «Moniteur», XVI, 730 ; «Archives parlementaires», LXVII, 110.

14. Рукописный текст этой петиции находится в досье дела Жака Ру в Национальном архиве (A.N., W 20, d. 1073). Он был напечатан под заглавием: «Adresse présentée à la Convention nationale, au nom de la section des Graviillers, de Bonne-Nouvelle, des Cordeliers, par J. Roux, officier municipal de Paris, électeur du département et membre du club des Cordeliers, rédacteur de l'adresse et orateur de la députation. 23—27 juin 1793» (A.N., W 20, d. 1073, impr. in-8°, 12 p.). Петиция Жака Ру была опубликована А. Матьезом (См.: А. Mathiez. Le

Manifeste des Enragés. — «Annales révolutionnaires», 1914, p. 547), М. Домманже (M. Dommanget. Jacques Roux, le curé rouge. Les Enragés contre la vie chère sous la Révolution. Paris, s. d. [1948]), В. Марковым (W. Markov. Jacques Roux. Scripta et Acta. Berlin, 1969, S. 140). См. отчет заседания Конвента 25 июня 1793 г. в: «Moniteur», XVI, 747 ; Buchez et Roux, XXVIII, 216; «Archives parlementaires», LXVII, 457. См. также: А. Матьез. La vie chère..., p. 200. [См.: А. Матьез. Борьба с дороговизной..., с. 154 и сл. — *Ред.*]

спасения Республики мы заклинаем вас предать в Конституции анафеме спекуляцию и скупку.

Богатые одни только вот уже на протяжении четырех лет извлекают выгоды из Революции; торговая аристократия, более ужасная, чем аристократия дворянская, угнетает нас, и мы не видим предела ее лихоимству, так как цены на товары повышаются чудовищным образом. Пора положить конец борьбе не на жизнь, а на смерть, которую эгоизм ведет против самого трудолюбивого класса. Выскажитесь против спекулянтов и скупщиков, выскажитесь — и санкюлоты со своими пиками добьются исполнения ваших декретов.

Неужели собственность мошенников более священна, чем жизнь человека? Продовольствие должно подлежать реквизиции. Административная власть должна реквизировать продовольствие так же, как она распоряжается вооруженной силой. Законодатель вправе объявлять войну, т.е. заставлять убивать людей. Как же может он не иметь права воспрепятствовать тому, чтобы притесняли и морили голодом тех, кто остался у своих очагов?»¹⁵

Здесь Жак Ру ставит Конвенту в вину, что он не взял заложниками жен и детей эмигрантов, что он не конфисковал в пользу волонтеров и вдов сокровищ, приобретенных банкирами и скупщиками в ходе Революции: «Не бойтесь сделать народ чересчур счастливым. Он доказал вам, особенно 31 мая и 2 июня, что он хочет полной свободы. Дайте ему взамен хлеба и декрет; не допускайте, чтобы добрый народ подвергали повседневной чудовищной попытке чрезмерно высоких цен на продовольствие».

Торговцы злоупотребили свободой торговли, чтобы угнетать народ; они ложно истолковали Декларацию прав человека, гласящую, что разрешается делать все, что не воспрещено законом. «Декретируйте как одно из положений Конституции, что спекуляция, продажа звонкой монеты и скупка наносят вред обществу.

Если народ увидит, что в Конституционный акт включен ясный и точный закон против спекуляции и скупки, то он убедится, что вы действительно хотите излечить его недуги и что среди вас не заседают ни банкиры, ни судовладельцы, ни монополисты.

Вы приняли декрет о принудительном миллиардном займе у богатых, но если вы не вырвете с корнем дерева спекуляции, не наложите национальной узды на алчность скупщиков, то капиталисты и купцы завтра же переложат эту сумму на санкюлотов посредством монополии и путем подкупа. Таким образом, вы поразите не эгоизм, а санкюлотов. До вашего декрета бакалейщик и банкир не переставали обирать граждан: какой только мести не придумают они теперь, когда вы облагаете их налогом, какой только дани не соберут они с крови и слез несчастных!

Напрасно будут возражать, что рабочий получает заработную плату в соответствии с ростом цен на съестные продукты; на

самом деле труд лишь немногих оплачивается дороже, но зато есть многие, труд которых оплачивается дешевле со времени Революции. К тому же не все ведь граждане — рабочие и не все рабочие работают; а среди тех, которые работают, есть такие, у которых по восемь—десять детей, не способных зарабатывать себе на жизнь, а женщины вообще не зарабатывают больше 20 су в день. Депутаты Горы! Почему не поднимались вы на третий—девятый этаж домов этого революционного города? Вы были бы тронуты слезами и стонами многочисленного народа, не имеющего ни хлеба, ни одежды, доведенного спекуляцией и скупкой до крайней степени нищеты и несчастья, потому что законы были жестоки к бедняку, потому что они были составлены только богатыми и для богатых.

О безумие! О позор XVIII века! Кто поверит, что представители французского народа, объявившие войну иностранным тиранам, оказались настолько трусливы, чтоб не раздавить тиранов внутри страны? В правление Сartiнов и Флесселей¹⁶ правительство не потерпело бы, чтобы люди платили за продукты первой необходимости втридорога. Да что я говорю! Они устанавливали цену на оружие и мясо для солдат. А Национальный Конвент, облеченный силой 25 млн. человек, будет терпеть, чтобы купец и богатый эгоист наносили им смертельный удар, произвольно устанавливая цены на самые необходимые для жизни предметы! Чтобы совершить контрреволюцию, Людовику Капету незачем было призывать иностранные державы; врагам отечества незачем было предавать огню, пожару западные департаменты: достаточно спекуляции и скупки, чтобы разрушить здание республиканских законов.

Говорят: «Причиной тому война»; но и при Людовике XIV велась война, а спекуляции не было. Дозволено ли торговцу, под предлогом войны, продавать свечи, мыло и растительное масло по 6 франков за фунт, и должен ли санкюлот [по этой причине] платить за пару башмаков (как и за рубашку и шляпу) 50 ливров?

Говорят, что причиной этой дороговизны являются бумажные

15. Здесь Жак Ру продолжает: «Свобода торговли есть право пользоваться предметами и давать пользоваться другим, а не право тиранствовать и препятствовать пользованию. Необходимые всем продукты питания должны продаваться по доступной для всех цене; выскажитесь же еще раз... Санкюлоты со своими пиками заставят выполнить ваши декреты».

16. Сартин Габриель де (1729 — 1801) — генерал-лейтенант полиции с 1759 по 1774 г., морской министр в 1774 г., в 1790 г. эмигрировал. Флессель Жак де (1730—1789) — интендант в Мулене, затем в Бретани, наконец, в Лионе, в 1789 г. был назначен купеческим старшиной Парижа, убит 14 июля.

деньги. — Санкюлоты совсем не замечают, чтобы их было много в обращении.

Но ассигнаты сильно обесцениваются в торговле. — Почему же банкиры набивают ими свои сундуки? Почему они столь жестоки, что уменьшают заработную плату одним рабочим и не предоставляют достаточного возмещения другим?

Но за границей принимают в уплату одну только звонкую монету. — Это неправда, так как они принимают бумажные деньги. Если бы их не принимали, то звонкой монеты, находящейся в обращении, было бы недостаточно для коммерческих операций. Значит, банкиры и спекулянты подрывают доверие к ассигнатам, чтобы подороже продать свою звонкую монету и создать монополию.

Но ведь неизвестно, какой оборот примут дела. — Мы вскоре дадим это понять скупщикам. Народ хочет свободы и равенства, Республики или смерти!

Спекулянты завладевают мануфактурами, морскими гаванями, всеми отраслями торговли, всеми продуктами земли, чтобы морить голодом и жаждой, оставлять нагими друзей справедливости и заставить их броситься в объятия деспотизма.

Ру заканчивает гневным требованием к Конвенту, обращаясь к Горе с призывом немного пошевелиться на своей вечной скале. Как долго еще будут эгоисты пить из золотых кубков кровь и слезы народа? «Как смогут существовать мелкие рантье, получающие 200, 300, 400, 600 ливров ренты, да еще плохо выплачиваемой, или получающие пожизненную пенсию из государственных касс, если не будет пресечена спекуляция, и притом конституционным постановлением, не подлежащим изменению при смене легислатур?

Не хотите ли вы оставить нам в наследие наготу, голод и отчаяние? *Неужели надо еще, чтобы роялисты и умеренные, под предлогом свободы торговли, поглотили также мануфактуры и поместья, чтобы они захватили хлеб на полях, леса и виноградники и даже шкуры животных?*¹⁷ *Уполномоченные народа, не завершайте своей деятельности недостойным образом!*

Что касается нас, то мы клянемся защищать свободу и равенство, единство и неделимость Республики, а также притесняемых в департаментах санкюлотов.

Пусть они быстрее приезжают в Париж скрепить узы братства. Мы тогда покажем им бессмертные пики, повергшие в прах Бастилию, пики, которые заставили пасть разложившуюся Комиссию двенадцати и клику государственных людей, пики, которые покарают интриганов и изменников, какой бы маской они ни прикрывались и где бы они ни жили!¹⁸

Да здравствует истина! Да здравствует Национальный Конвент! Да здравствует Французская Республика!»

Я привожу здесь печатный текст, который Жак Ру опубликов-

вал несколько дней спустя и который Бернар Лазар¹⁹ передал мне вместе с другими интересными заметками о священнике-революционере. Жак Ру, возможно, несколько расширил и усилил свою речь для печати²⁰. Возможно, он восстановил некоторые места, которые опустил или сократил из-за ярой враждебности возмущенного Конвента. Но при сравнении этого текста с отчетом, помещенным в «Монитёр», видно, что и тут, и там одни мысли, тот же акцент и часто одни и те же выражения.

ГОРА ПРОТИВ ЖАКА РУ

Конвент прерывал речь Жака Ру яростными возгласами и заглушал ее своим ропотом. Тюрио с высоты трибуны изобличил и заклеймил его²¹: «Вы только что слышали, как у этого барьера провозглашались чудовищные принципы анархии. Этот человек хладнокровно подобрал все беды, упоминаемые в этой петиции; он рассчитал, до какой ступени можно довести преступление; я заявляю — Кобург не говорил бы другим языком... *Как, нас хотят убедить в том, что все безнадежно?* И оратор, представитель анархии, хочет доказать народу, что надо, чтобы сын зарезал отца, а мать вонзила кинжал в грудь дочери. Граждане! Он восстал против дворянской и торговой аристократии, но ничего не сказал нам о касте духовенства. Вы не без удивления узнаете, что этот человек — священник, достойный сподвижник фанатиков Вандеи. Но тираны вновь обманутся в своих надеждах: мы спасем Париж, который он хотел погубить...

Я предлагаю, чтобы председатель приказал этому человеку удалиться и чтобы Законодательному комитету было поручено

17. «Депутаты Горы, нет, нет, вы не оставите вашего дела незавершенным, вы заложите основы общественного благоденствия; вы освятите общие репрессивные принципы против спекуляции и скупки; вы не дадите вашим наследникам ужасного примера варварства, проявляемого сильными людьми по отношению к слабым, богатыми по отношению к бедным; наконец, вы не завершите своей деятельности недостойным образом».

18. «Тогда мы приведем их к молодому дубу, перед которым марсельцы и санкюлоты из департаментов отреклись от своих заблуждений и поклялись низвергнуть трон. Тогда мы проводим

их в святилище законов, где мы республиканской рукой покажем им сторону, которая хотела спасти тирана, и Гору, которая высказалась за его казнь».

19. Бернар Лазар (1865—1903) — критик и публицист; он сыграл важную роль в кампании, которая привела к пересмотру дела Дрейфуса.

20. За исключением исправлений в деталях, напечатанный текст совпадает с рукописным текстом, который, несомненно, соответствовал произнесенной речи. См. выше, прим. 14.

21. «Moniteur», XVI, 747; *Bu-ché et Roux*, XXVIII, 216; «Archives parlementaires», LXVII, 459.

подготовить доклад о средствах постепенного снижения цен на продовольствие»²².

Устрашенные этим взрывом, делегаты, сопровождавшие Жака Ру, проявили слабость: один из них дезавуировал его, сказав, что это не та речь, которая была одобрена секцией Гравилье. Робеспьер ухватился за эти слова²³, и, в то время как петиционеры были удостоены чести присутствовать на заседании, Жака Ру выгнали из Конвента, и он вышел под враждебные выкрики.

Выгнали! Но оратор, который его заклеил, поспешил потребовать издания закона о снижении цен на продовольствие. Ошибка Жака Ру заключалась не в самом требовании законодательных мер для преодоления экономического кризиса. Он был прав, напоминая Горе, что недостаточно провозгласить политическую свободу, что надо еще обеспечить людям средства к существованию. И большинство его предложений вовсе не были утопическими. Через несколько месяцев они будут приняты, войдут в силу: против спекулянтов и скупщиков будет действовать страшный закон²⁴; торговля звонкой монетой будет запрещена; по всей Республике будут установлены твердые цены на все виды продовольствия²⁵. Но в его речи было много ошибок, много опасных тенденций, коварная и желчная подоплека, которые контрреволюция легко могла использовать. Прежде всего, он, кричавший: «Да здравствует истина!» — не сказал народу правды. Неверно, что повышение цен на продовольствие и недоверие к ассигнату были только или даже главным образом следствием маневров спекулянтов и скупщиков. Война против Европы, огромные закупки для содержания многочисленных армий и снабжения крепостей на всех границах, недоверие иностранцев к ассигнату, чрезмерное количество выпущенных бумажных денег, чересчур медленное поступление годовых взносов от покупателей национальных имуществ — все это способствовало экономическому кризису. Биржевые спекулянты и торговцы могли его усилить или использовать, но не создавали его. Было бы гораздо больше правды, гораздо больше благородства, а также подлинно революционного духа, если бы он сказал народу:

«Да, дороговизна съестных припасов, да, нынешние беды являются отчасти следствием Революции и борьбы, которую надо вести за нее. Но именно ценой этих преходящих страданий, именно ценой этих жертв, которые становятся героическими, если на них идут с радостью, и приобретается свобода, и завоевывается будущее!..»

Сосредоточивая таким образом на операциях торговцев все внимание народа и возлагая на них всю ответственность, Жак Ру увлекал санкюлотов на кровавый и безысходный путь. Ибо даже при самых суровых законах против скупки и спекуляции тем не менее всегда можно было бы изобличить ту или иную торговую сдел-

ку; это превращалось в охоту на торговцев, в угрозу и убийства, ставшие основой национальной экономики.

И к чему требовать, чтобы предписания против скупки и законы о съестных припасах были внесены в конституцию? Конституция обеспечивает постоянное функционирование общества: она не заботится о временных нуждах; это — дело законов. Кризис цен не был вечен. Жак Ру требовал слишком многого или слишком малого. Надо было либо согласиться на то, чтобы продовольственный вопрос был разрешен изданием особого закона, вне конституции, либо требовать новой организации промышленности на постоянных основах. Он этого не сделал. Когда он сетует на то, что роялистам и умеренным позволяют поглощать мануфактуры, то какое средство предлагает он? Требуется ли он, чтобы они стали национальной собственностью? Если их должны были бы затем вновь продать, подобно имуществам церкви или имуществам эмигрантов, то кому не ясно, что так называемые революционные капиталисты, которые купили бы их, не замедлили бы в свою очередь сделаться монополистами? В таком случае было возможно лишь одно решение: организовать национальное управление этими национализированными мануфактурами, превратить крупное мануфактурное производство в общественную службу. Но этого ли хочет Жак Ру? Он никогда не говорил этого, никогда не думал об этом, и из самой речи и из отрывков, которые я привел, видно, что он был выразителем не столько чаяний рабочих, сколько злобы, зависти, страданий и опасений мелкой буржуазии, ремесленников и рантье, испытывавших отвращение ко всему тому, что мы ныне называем коллективизмом²⁶.

Стоило ли в таком случае — ради концепций, столь узких, столь мелочных, к тому же столь трудных для сколько-нибудь точного их изложения, — подрывать доверие к конституции, бывшей центром необходимого объединения сил Революции? Стоило ли подрывать доверие к Конвенту и к самой Революции?

22. Можно заметить, что Тюрио, всесторонне разоблачая Жака Ру, тем не менее признает обоснованность его петиции, так как он потребовал доклада «о средствах постепенного снижения цен на продовольствие».

23. «Moniteur», XVI, 748; *Buchez et Roux*, XXVIII, 219; «Archives parlementaires», LVII, 459.

24. Закон от 26 июля 1793 г. о смертной казни за спекуляцию.

25. Закон от 29 сентября 1793 г. о введении всеобщего максимума

на продукты первой необходимости и сырье.

26. «Бешеные», так же как и санкюлоты или якобинцы, не выработали последовательной социальной программы. Сторонники контролируемой и управляемой экономики (в действительности главным образом торговля продуктами первой необходимости), они тем не менее оставались связанными с мелкой собственностью, основанной на труде.

Ведь Конвент уже принял законы против торговли деньгами и против тех, кто обменивал ассигнаты с убытком для их стоимости. Он принял закон о первом *максимуме* (на зерно)²⁷; и под давлением событий он решится пойти дальше.

Зачем внушать, что Конвент ничего не сделал для народа, что он подпал под влияние судовладельцев, монополистов и биржевых спекулянтов, заседающих среди депутатов? Было ли по плечу возбужденным ремесленникам из секции Гравилье в тот день, когда они доведут Конвент до морального и политического разложения, взять в свои руки судьбы Революции, находящейся под угрозой? А Конвент революционных мелких буржуа, завистливый и инквизиторски настроенный, который они бы образовали, был ли он в силах заменить собой прежний Конвент? Да, контр-революционеры могли радоваться, когда Жак Ру изобличал перед народом Революцию как великое банкротство и великое надувательство, оказавшееся выгодным только богачам. Пусть он приводит в движение, возбуждает Конвент, но не клеветает на него! Пусть он придает Революции смелости и расширяет ее; пусть он, в духе великого Бабёфа, в духе его письма к Купе²⁸, доказывает, что Революция может утвердиться и спастись только путем широких социальных и экономических реформ, но пусть он не прививает пролетариям этого отвращения, этого смешанного с ненавистью недоверия, которые подавили бы всякую активность и всякую борьбу!

Изгнанный из Конвента, Жак Ру попытался взять реванш. 27 июня он выступил в Клубе кордельеров²⁹.

«Поверите ли вы этому? Представители заставили меня испить чашу горечи до дна. Сам Леонар Бурдон упрекнул меня в том, что я — продажный священник, который льстит народу, обманывая его³⁰. Лежандр сказал, что меня следует выгнать, Колло д'Эрбуа извел меня своими оскорбительными ответами; все было в заговоре против меня, вернее, против свободы. Те, кто сопровождал меня к барьеру Конвента, оставили меня в одиночестве и отреклись от адреса. Когда я сказал, что выражаю волю Общества кордельеров, Лежандр от вашего имени опроверг меня. «Я знаю, — сказал он, — принципы этого общества; оратор обманывает вас; он выклянчил согласие нескольких секций, которые он ввел в заблуждение». Вот каково было поведение Лежандра. Газеты слишком много писали об этом адресе, чтобы он не заслужил вовсе внимания общества; я тем более убежден, что говорил подлинным языком народа, что с трибун Конвента раздавался гром аплодисментов, между тем как Гора ворчала и ревела».

Был момент, когда под влиянием Жака Ру и Леклерка³¹ кордельеры, вскипев, готовы были на крайние решения; они

хотели исключить из общества Лежандра, не выслушав его, что означало объявить о своем разрыве с Горой и якобинцами. Моморо, понимавший значение революционного единства, предупредил их об опасности. «Друзья мои, — сказал другой член клуба, — раскройте же глаза; у нас нет иного центра объединения, кроме Горы, и нас раздавят, если мы его лишимся».

Кордельеры решили выслушать Лежандра, прежде чем покарать его. Но они официально полностью одобрили петицию, оглашенную Жаком Ру в Конvente; они постановили напечатать ее, расклеить в виде афиши и распространить ее вместе с постановлением об ее одобрении кордельерами³². Это была борьба нескольких парижских секций против Конвента. Это был конфликт между якобинцами и кордельерами, между бешеными и Горой. Это была дезорганизация революционных сил именно в то время, когда они более всего нуждались в единстве.

РОБЕСПЬЕР ПРОТИВ ЖАКА РУ

Робеспьер сделал огромное усилие, чтобы предупредить такой раскол и одолеть Жака Ру. Тот не нападал на него лично. Он говорил только о Лежандре и Леонаре Бурдоне. Леклерк обвинил одного только Дантона³³. Бешенные не решались задевать незапятнанную силу Робеспьера, но тот без оглядки бросился в бой. В сущности, хотя никто и не называл его имени, метили именно в Робеспьера, так как именно он посоветовал в июне якобинцам и народу принять конституцию, где не было экономических и

27. Закон от 4 мая 1793 г. о *максимуме* на зерно и муку.

28. Речь идет о письме Бабёфа к Купе из Уазы от 10 сентября 1791 г. См. выше, с. 90.

29. См. выдержку из протокола заседания Клуба кордельеров 27 июня 1793 г. в Национальном архиве (A. N., W 20, d. 1073); эта выдержка была напечатана как оправдательный документ после петиции Жака Ру (см. выше, прим. 14). См. отчеты об этом заседании в: «Correspondance politique», 30 juin 1793; «Courrier français», 1er juillet 1793; Buchez et Roux, XXVIII, 219. См.: A. Mathiez. Op. cit., p. 232 [См.: А. Матъез. Цит. соч., с. 177. — Ред.]; W. Markov. Op. cit., p. 497.

30. Бурдон Леонар (1754—1807) —

депутат от департамента Луаре, принадлежал к секции Гравилье. Отсюда негодование Жака Ру. 31. Речь идет о Теофиле Леклерке из Оза, «бешеном». «А я, — сказал Леклерк, — требую, чтобы Лежандр был вычеркнут из списков кордельеров без всякого подробного расследования».

32. Жак Ру был встречен в Клубе кордельеров возгласами: «Да здравствует Жак Ру! Да здравствует санкюлот!»

33. «Именно он [Лежандр] вместе с Дантоном своим преступным сопротивлением довел нас до модерантизма 31 мая. Именно Лежандр и Дантон воспротивились тем революционным средствам, какие мы употребили бы во время этих великих событий, чтобы раздавить всех аристократов Парижа».

социальных гарантий, которые он хотел включить в нее в апреле. Но главное — что стало бы с революционной Францией, если бы бежавшие жирондисты, а также те, кто на западе, на востоке и на севере пытались разжечь гражданскую войну, смогли сказать департаментам:

«Вы хорошо видите, что Конституция, которую вам объявляют, чтобы привлечь вас на свою сторону, — лишь обман, так как даже Париж ее не принимает. И как были мы правы, изобличая парижскую анархию, если даже изгнавшая нас Гора не находит у народа одобрения проекту Конституции, за который она проголосовала!»

Именно женщины, прачки, словно дав мыслям Жака Ру грубое истолкование, подняли 26 июня «мыльный бунт»³⁴. Они спустились на пристань в Гренуйере и разделили между собой груз нескольких лодок. И, делая вид, что они смешивают идеи Жака Ру, которые должны были быть санкционированы законами, с призывами к грабежу, якобинцы говорили: «Жак Ру играет на руку Ролану; он хочет оправдать клеветнические циркуляры бывшего министра».

Робеспьер выдвинул обвинение перед якобинцами, подобно тому как Жак Ру выдвинул его перед кордельерами. Он был беспощаден и резок³⁵:

«Против свободы плетутся новые заговоры. Якобинцы, монтаньяры, члены Клуба кордельеров — эти старые борцы Революции — оклеветаны. Человек, укрывшийся плащом патриотизма, намерения которого по крайней мере подозрительны, оскорбляет его величество Национальный Конвент. Под предлогом того, что Конституция будто бы не содержит законов против скупщиков, он заставляет делать вывод, что Конституция не подходит тому народу, для которого она создана.

Люди, без слов любящие народ, те, кто без отдыха работает для его блага, не кичась этим, никогда не станут говорить таким языком. Они понимают, сколько сделали для народа те, кто участвовал в великом деле создания Конституции.

Не было бы больше речи об этом интригане, если бы он удовольствовался выраженным ему презрением и замолчал от стыда, но уверяют, что этот человек на следующий же день явился в Клуб кордельеров, в это священное место, на которое молодые патриоты смотрят с почтением, смешанным со страхом. И этот человек осмелился повторить лжепатриотические оскорбления, которые он изрыгал раньше против Конституции.

Из тех, кто заседает в этом Собрании, не было ни одного, кто не был бы объявлен врагом народа, яростно стремящимся его погубить.

Наконец, он заставил принять решение, чтобы этот адрес был представлен народу; более того, чтобы он был повторен в Епископстве — в другом месте, известном своими великими прин-

ципами, которые там проповедовались и поддерживались. (Голо-са: «Он был оттуда изгнан».)

Если верно, что ему воздали по заслугам, то мои надежды исполнились; добавлю лишь одно: те, кто готов дать ход этому чудовищному творению, могут быть лишь скрытыми врагами, людьми, предельно заинтересованными в распространении волнений, беспорядков и бедствий. Я призываю к величайшей осматрительности. Меры, которые надо принять для спасения народа, не всегда одни и те же. Так же как на войне, когда мы иногда с мечом в руке бросаемся на неприятеля, иногда ограничиваемся тем, что изматываем его силы, заставляя его совершать бесконечные утомительные марши и контрмарши, все время избегая боя, — точно так же мы должны употребить все хитрости и лукавство против врага, который в свою очередь успешно использовал против нас аналогичные средства. Если бы мы не пренебрегали хитростью и лукавством, мы бы уже в течение четырех лет одерживали победы».

Что сказать на это? Не вступает ли тут Робеспьер на путь той же тактики осторожности, что и Бабёф? Не советует ли он тут санкюлотам не особенно выявлять свою конечную цель — достижение социального равенства, к которой они стремятся и которой добьются тем легче, чем меньше будут ее обнаруживать?

Но пессимизму Жака Ру он противопоставляет свой замечательный оптимизм; он, так часто произносивший мрачные речи, понимает, что теперь надо прояснить, очистить горизонт. Кто мог бы поверить, что этот Конвент, в котором только несколькими днями ранее господствовала преступная группировка, так быстро превратится в Собрание, самое народное на земле? Те, кто теперь нападают на него, враги нации. Теперь не составит труда привлечь кордельеров на свою сторону.

Колло д'Эрбуа высказывается в том же смысле, что и Робеспьер: «Да, мы задушим вампиров-спекулянтов, но при помощи

34. О беспорядках из-за мыла 26—28 июня 1793 г. см.: A. Mathiez. Op. cit., chap. VI, p. 224 [См.: А. Матъез. Цит. соч., с. 172. — Ред.]; H. Calvet. Un Instrument de la Terreur à Paris: Le Comité de salut public et de surveillance du département de Paris. 8 juin 1793 — 21 messidor an II. Paris, 1941, p. 194; A. Soboul. Les Sans-culottes parisiens en l'an II..., p. 59. [См.: А. Собоуль. Па-

рижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966, с. 56. — Ред.] 35. Buchez et Roux, XXVIII, 228, заседание Якобинского клуба 28 июня 1793 г.; A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 277; M. Robespierre. Œuvres, t. IX, Discours, 4e partie, p. 600; A. Mathiez. Op. cit., p. 236. [См.: А. Матъез. Цит. соч., с. 181. — Ред.]

законов, а не станем искать их в трюмах судов, груженных мылом»³⁶.

Якобинцы поносят Жака Ру; тех из своих членов, которые входят в Клуб кордельеров, они призывают разъяснить кордельерам истину, братски предупредить их. Они обязывают Руссийона, председательствовавшего на заседании кордельеров, где выступил Ру, и обменявшегося с ним братским поцелуем, принести извинения: «Никогда еще поцелуй не казался мне более горьким»³⁷.

И якобинцы официально поручают Колло д'Эрбуа выступить от их имени с речью в Клубе кордельеров³⁸. У кордельеров не было политической последовательности, прочной организации, методического мышления, присущих якобинцам. На первых порах их направлял Дантон. Но с того времени, как Дантон стал отступать, они начали колебаться между противоположными направлениями: то они поддавались напору бешеных, то отступали после какой-нибудь неосторожности. Колло д'Эрбуа и Эбер без большого труда убедили их, и они дезавуировали петицию Жака Ру как «внушенную фанатизмом и дурными побуждениями»³⁹.

«Смотрите, — сказал им Колло д'Эрбуа, — контрреволюционные последствия политики Жака Ру уже чувствуются: вчера, из страха перед анархией, Париж отдал много голосов за назначение командующим национальной гвардией Раффэ, а не Анрио. Действительно, Раффэ получил 4956 голосов против 4575 голосов, поданных за Анрио, который прошел только во втором туре голосования»⁴⁰.

Жак Ру, изгнанный из Клуба кордельеров, после того как его изгнали из Конвента, выступил с горьким и высокомерным протестом⁴¹:

«Не всегда упраздняли королевскую власть, отправив короля на эшафот. Не всегда уничтожали тиранию, уничтожив контрреволюционную группировку. История учит нас, что римляне, избавившись от ига монархии, немедленно стали изнывать под игом Сената. Наиболее грубый деспотизм — деспотизм, возникающий при правлении нескольких человек, и, как бы предан ни был я Революции, при самом варварском правлении не приходится испытывать столько преследований одновременно».

После того как я проявил — осмелюсь это сказать — столько твердости, враги отечества изливают на меня свое бешенство и ярость; они использовали меня, чтобы пресветить общественное мнение, а сегодня они отрекаются от меня. Национальный Конвент предаст меня анафеме за адрес, который должен был принести его автору гражданский венок. Интриганы воспользовались как предлогом посрамлением, какому меня предали, чтобы изгнать меня из Клуба кордельеров, тысячу раз рукоплескавшего мне при изложении моих принципов».

И, продолжая ссылаться на Марата, столь к нему сурового, он прибавляет:

«Что ж, разве Марат не подвергался преследованиям в течение трех легислатур; можно нанести удар и мне; можно нанести удар человеку, который говорит жестокие истины, никогда не поступает своими принципами и чтит одну только истину...

Я буду преследовать врагов народа с таким же мужеством, как Марат, хотя я далеко не обладаю познаниями этого великого человека».

И каждый раз, по склонности ли своего ума или исполненного ненависти вероломства, он сбивается на прославление старого порядка, противопоставляемого им Революции. Это не префекты полиции, это не купеческие старшины старого порядка, это не Сартини и Флессели не удосужились установить твердые цены на продукты; под властью короля Жак Ру не подвергался бы таким мучениям, как при Республике! Странная и опасная мания была у этого священника. И вот он временно обречен на бессилие. Он составляет речь, озаглавленную «Причины несчастий Французской Республики», и объявляет о ее опубликовании в конце брошюры, содержавшей его адрес Конвенту⁴². Рукопись ее со-

36. A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 279, заседание 28 июня 1793 г. Колло д'Эрбуа резко обвинил Жака Ру в стремлении «вызвать беспорядки и довести до анархии».

37. «Journal de la Montagne», 1er juillet 1793; A. Aulard. Op. cit., p. 280: «Я был вынужден поцеловать Жака Ру, но никогда еще поцелуй не казался мне столь горьким».

38. В действительности якобинцы направили депутацию в Клуб кордельеров 30-го, а не 28 июня 1793 г., как указывает Жорес; она включала двенадцать комиссаров, среди которых были Робеспьер и Колло д'Эрбуа. Это говорит о значении, какое якобинцы придавали этому делу. (A. Aulard. Op. cit., p. 281.)

39. «Journal de la Montagne», 1er juillet 1793; A. Aulard. Op. cit., p. 281. По словам Колло д'Эрбуа, 1 июля в Якобинском клубе Эбер «осветил факелом истины лицо священника-лицемера, и маска спала с него». См. ниже, с. 181, прим. 55.

40. Об этом важном деле см.: A. Soboul. Les Sans-culottes parisiens..., p. 47. [См.: A. Soboul. Цит. соч., с. 49 — *Ред.*] Анрио в конце концов был избран 9087 голосами против 6095 голосов, отданных за Раффэ, кандидата умеренных.

41. Здесь речь идет, несомненно, о черновике его защитительной речи, который сохранился в Национальном архиве. (A. N., W 20, d. 1073). Этот текст был воспроизведен в начале «Publiciste de la République française par l'ombre de Marat, l'Ami du peuple», 28 août 1793. См.: W. Markov. Jacques Roux. Scripta et acta, p. 165, p. 253.

42. Речь идет о проекте речи, рукопись которой сохранилась в Национальном архиве (A. N., W 20, d. 1073). См.: W. Markov. Op. cit., p. 102. Этот проект речи предшествовал петиции от 25 июня 1793 г. Речь идет здесь об одном из неизданных текстов, сообщенных Жоресу Б. Лазаром; см. выше, с. 167, прим. 19.

хранилась. Ру снова настаивает в ней на преступлениях революционной буржуазии.

«Враг внешний и внутренний, ажиотаж, скупка, недоверие к бумажным деньгам; судейские, военные и буржуа скупили имущества духовенства и национальные владения; они захватили торговлю, и по их милости Революция не дала беднякам и рабочим того, что они были вправе от нее ожидать.

Покарайте смертью скупщиков; законы недостаточно суровы. Пруссаки, стоящие у наших ворот, менее опасны, чем те, кто своими монополиями, своей скупкой и спекуляцией не позволяет рабочему и ремесленнику прокормиться. Биржевые спекулянты! До взятия Бастилии на вас были одни лохмотья, а сегодня вы оскорбляете своей роскошью всеобщую нищету; у вас едва ли было жилище, а теперь вы живете во дворцах; у вас едва ли был один участок, а теперь вы — владельцы обширных земель; вы занимались лишь мелкой торговлей вразнос, а теперь у вас огромные склады; вы были лишь наемными служащими в канцеляриях, а теперь вы снаряжаете военные корабли. Неудивительно, что так много людей делают вид, будто они горячо преданы Революции; она дала им ценную возможность за короткое время под видом патриотизма накопить сокровища и прикрыть свои хищения непроницаемой завесой.

*При старом порядке люди краснели бы, совершая подобные дела*⁴³.

Объясните, почему, несмотря на богатые урожаи, отмену ввозных пошлин и уменьшение числа потребителей, объясните, почему цены на продукты, даже дурного качества, возросли вдвое и даже втрое. Вы говорите: виной тому война, виной тому ассигнаты! Нет, виной тому ваша алчность.

Но берегитесь, биржевые спекулянты, скупщики, разбогатевшие на слезах несчастных, беззащитные злодеи, вы умрете смертью изменников».

Но каким секретом владел Жак Ру и какой системой, чтобы воспрепятствовать революционному возвышению «новых слоев» буржуазии? Помешать этому огромному перемещению собственности и уничтожить результаты гигантской экспроприации духовенства и дворянства было невозможно, и это было бы контрреволюционным актом. Главное заключалось в том, чтобы использовать это огромное движение, чтобы организовать и навсегда утвердить демократию, которая бы затем позволила прийти к власти более низким слоям, народным силам, еще погруженным в пучину невежества и нищеты. Именно ради такой организации демократии и трудилась Гора; и Жак Ру ее компрометировал, с маниакальным упорством противопоставляя невинность старого порядка злокозненности и эгоизму новых времен⁴⁴.

«Я изобличаю, — прибавил он, — тех лицемеров, которым уравнивание общества кажется химерой⁴⁵, вероломных уполно-

моченных, министров, доверивших преступным людям спасение государства, гражданских и военных чиновников, пренебрегших применением законов, шарлатанов-ультрамонтанов, *кровожадных атеистов*, эгоистов, банкротов, скупщиков, тех, у кого Революция в голове, а контрреволюция в сердце⁴⁶.

Пусть вас воодушевит душа Брута, спасите Капитолий».

Так неистовствовал Ру. Но эта часть его речи не гоявилась в печати. С усилением бури Ру, несомненно, считал благоразумным спустить паруса, во всяком случае, на несколько дней⁴⁷.

Странная и загадочная личность! Марат, конечно, оклеветал его, сказав, что он присвоил себе имя Жака Ру, что его звали Реноди и что он назвал себя Жаком Ру только после смерти священника в Исси, которому оно принадлежало⁴⁸. В книгах приходской церкви в Сен-Сибар-де-Прансак, Ангулемской епархии, упоминается о крещении 23 августа 1752 г. Жака Ру, законного сына Грасьена Ру и Маргерит Монсалар⁴⁹. Затем Жак Ру доказал Марату, что он под именем Жака Ру преподавал в ангулемской семинарии. По-видимому, несправедливость его учителей, отказывавшихся признать заслуги и рвение плебея, и обратила Жака Ру к революционным мыслям и побудила его начать войну против церковной организации. Это столь странное презрительное отношение Марата, рассказывающего, что Жак Ру совершил подлог, чтобы присвоить имя убитого священника,

43. Жак Ру написал: «При правлении Ришелье, Сартинов и Неронов, когда упадок нравов был наибольшим, люди краснели бы, совершая подобное казнокрадство». Жорес упрощает.

44. «Невинность старого порядка». Жорес, по-видимому, разделявший предвзятое мнение Робеспьера, искажает здесь текст Жака Ру.

45. Жак Ру написал «un abime» («пропасть»).

46. Жорес здесь резюмирует текст Жака Ру, значительно более пространственный и выразительный. См.: W. Markov. Op. cit., p. 124.

47. В действительности этот проект речи был составлен до петиции от 25 июня. Жак Ру, вероятно, использовал его фрагменты в «Le Publiciste de la République française par l'ombre de

Marat...», 28 juillet 1793 («Пруссаки, стоящие у наших ворот... До взятия Бастилии на вас были одни лохмотья...»). См.: W. Markov. Op. cit., p. 198.

48. «Le Publiciste de la République française», № 233, 4 juillet 1793. Содержание: «Лжепатриоты более опасны, чем аристократы и монархисты. — Портрет Жака Ру, поджигателя секции Гравилье и Общества кордельеров, изгнанного из этих народных обществ, и его собратьев Варле и Леклерка, его сообщников». [См.: Ж. П. Марат. Избранные произведения, т. III. М., 1956, с. 332. — *Ред.*] См. ниже, с. 193, прим. 71.

49. Акт крещения Жака Ру был опубликован А. Матьезом в «Annales révolutionnaires» (1916, p. 530) и Марковым (W. Markov. Op. cit., p. 319).

заставляет нас отнестись с осторожностью к словам, которые Марат приписывает Жаку Ру. Марат не лгал, но в его памяти, обремененной множеством разоблачений, ослабленной болезнью, были странные провалы. Быть может также, он плохо понял сказанное ему священником, у которого он скрывался в один из трудных периодов своей бурной жизни.

«На третий день моего пребывания в его комнате я увидел его в одежде священника; не знаю, устыдился ли он передо мной, что, несомненно, напрасно, так как мое правило — никогда не смущать слабые души, но он сказал мне: „Не воображайте, что я верю в религию; я знаю, что она — сплошной обман; но она дает мне заработок, и никто лучше меня не умеет играть святую комедию“».

Малоправдоподобные слова. Ру, по-видимому, никогда не отказывался от своей роли священника: он продолжал служить мессу. Но он был рьяным антиклерикалом. В секции Гравилье он поддерживал все предложения, требовавшие закрыть «лавочки священников». Он писал, что, пока народ не будет просвещенным, религия будет опираться на рабство, а рабство — на религию. Но я представляю себе, по тому, как он говорит о *кровожадных атеистах*, что он верил в бога, исповедуя почти христианскую веру савойского викария, и, продолжая совершать богослужения, не пользуясь никакими церковными доходами, без всякого вознаграждения, он приобщался к смирению сердца невежественного и угнетенного народа. Быть может, в глазах этого народа, который вскоре станет на одном и том же алтаре поклоняться «сердцу Марата и сердцу Иисуса», священнический сан, от которого Жак Ру не согласился отказаться, увеличивал воздействие его революционной пропаганды. Он был беден, жил почти исключительно на свои 200 ливров ренты, деля свой досуг между арфой, игра на которой порой успокаивала его после бурных собраний, и собакой, подаренной ему одной доброй гражданкой из секции Гравилье; он поднимался на девятые этажи мрачных домов и создал себе в сердце ремесленного Парижа небольшое царство, которое, казалось, не могло поколебать никакое насилие⁵⁰.

Но что мог он теперь сделать, когда против него были не только Робеспьер, Марат, кордельеры, якобинцы, но вся Коммуна?

КОММУНА ПРОТИВ ЖАКА РУ

Шометт и Эбер, особенно Эбер, бывший крайне суровым к Жаку Ру уже в марте 1793 г., неумолимы. Ру, как мы помним, заставил Коммуну признать себя благодаря революционным событиям 31 мая и 2 июня и той роли, какую при этом сыграла его верная секция Гравилье.

Еще совсем недавно, 12 июня, ему вместе с Гюйо, Бленом и Пари было поручено редактировать «Бюллетэн де ла Коммюне»; они давали выдержки из интересных писем и протоколов заседаний Совета⁵¹.

Но с какой поспешностью руководители Коммуны пытаются использовать против Жака Ру его ложный шаг в Конвенте!

На другой же день, 26 июня, Совет Коммуны, узнав о мысленном бунте в Гренуйере, принимает постановление, клеймящее всякий призыв к грабежу и осуждающее, как сообщников Ванден, всех тех, кто угрожает собственности. И Шометт, желая, очевидно, связать Жака Ру с этими беспорядками, «читает вслух вечернюю газету, в которой говорится, что Жак Ру явился в Конвент, чтобы критиковать новую Конституцию и обвинить законодателей в том, что в этой Конституции они потворствуют скупщикам. Многие члены [Коммуны] осудили принципы аббата Жака Ру»⁵². Но Совет не решился вступить в жестокую борьбу с человеком, имевшим оплот в самом центре Парижа, и с системой, которую приветствовал народ. Наоборот, лучше было не связывать имя Жака Ру с имевшими место грабежами и осудить их, не упоминая о нем. Совет Коммуны, отказавшись последовать за Шометтом и пойти по указанному им пути, переходит к очередным делам, не рассматривая вопроса о Жаке Ру, но, по требованию прокурора, решает назначить комиссаров, чтобы потропить Комитет земледелия Конвента с докладом о средствах снижения цен на съестные припасы. В сущности, это был успех, или частичный успех, для Жака Ру. Но по мере распространения грабежей 27 и 28 июня Совет, обеспокоенный необходимостью подавить народное движение, охватывает гнев против того, кто его оправдывал, если не вызвал. И когда вечером 28 июня Жак Ру — которого еще не поразила молния, какую Робеспьер в тот же вечер собирался метнуть в него в Якобинском клубе, — явился в Совет Коммуны, чтобы заставить его одобрить петицию, уже принятую кордельерами, то Совет пришел в негодование при мысли о страшной ответственности, какую Ру хотел на него возложить. «Ваша петиция, — воскликнул Шометт, — это набат, призывающий к грабежу и к покушению на собственность».

Гюйо прибавляет: «Ру внес в свою петицию самые опасные и самые антигражданские вещи».

Другие члены смотрят на Ру «как на виновника всех беспорядков, заставивших граждан опасаться за свою собственность, и требуют его исключения из Совета». Было ли это законно?

50. О кампании Марата против Жака Ру см. ниже, с. 192, «Политика Марата».

51. «Moniteur», XVI, 630. Этот дис-

ток в конце концов получил название «Affiches de la Commune». См. ниже, прим. 54.

52. «Moniteur», XVI, 754.

Во всяком случае, это было серьезным делом, и обсуждение было отложено на следующий день⁵³.

29 июня «один из членов Генерального совета Коммуны заметил, что, несмотря на приглашение, гражданин аббат Жак Ру не явился, чтобы ответить на выдвинутые против него обвинения». Ру, несомненно, был обескуражен вчерашним, ужасным для него заседанием Якобинского клуба.

«Член Коммуны потребовал, чтобы временно и в ожидании объяснений Ру он был отстранен от обязанностей редактора «Аффши де ла Коммюн»⁵⁴.

Предложение было принято. Но как на другой день в Клубе кордельеров Эбер обрушивается на Ру, как он старается казаться воплощением морального благородства, как он превозносит дух жертвенности! Колло д'Эбуа был этим потрясен: «Я всегда буду помнить эту отповедь Эбера: „Вы жалуетесь, парижане, вы оплакиваете свое положение, вы ропщете против своих представителей. Подумайте о своих братьях в департаментах, которых изо дня в день будит грохот пушек, которых изо дня в день поражают ядра и которые не имеют и двух унций хлеба в день“»⁵⁵.

Да, это было прекрасное зрелище, и Колло д'Эбуа, чтобы рассказать о нем, вспоминает о своем былом ремесле актера, о временах, когда грим таял от пламени свечей: «Посмотрели бы вы, как Эбер осветил факелом истины лицо священника-лицемера, и маска спала с него, растаяла, подобно грязи, покрывавшей его голову».

И Колло д'Эбуа и Эбер носят не только Жака Ру, но и Леклерка, страшные угрозы которого придали лионцам смелости вооружиться и поднять контрреволюционное восстание: «Леклерк сказал лионцам, что их скоро гильотинируют, что их тела вскоре бросят в реку; тогда эти люди, от природы трусливые, осмелели, и притом на беду для патриотов».

Навсегда ли был уничтожен Жак Ру? Первого июля «Генеральный совет Коммуны, обсудив поведение аббата Жака Ру, одного из его членов, и принимая во внимание, что этот гражданин оскорбил Конвент в коварном адресе, который он представил туда на днях, принимая, кроме того, во внимание, что за свои антигражданские взгляды Жак Ру был изгнан из народных обществ и из числа выборщиков, единогласно постановил осудить его поведение»⁵⁶.

ЭБЕР ПРОТИВ ЖАКА РУ

Эбер может радоваться! Он может на какое-то мгновение поверить (но хорошо ли он знает упорство этого священника?), что наконец избавился от ненавистного соперника. Эбер нахо-

дил, что Жак Ру страшно его стесняет. Прежде всего, это его ограниченная узким кругом, но прочная популярность, постоянно обновляемая, подобно никогда не иссякающей колодезной воде, беспокоила Эбера с его поверхностной и шумной популярностью. Кроме того, Жак Ру, давая предлог для волнений и грабежей, был крайне неудобен для муниципалитета. Он мог неожиданно серьезно скомпрометировать муниципалитет, допускал ли их последний или же подавлял. Наконец, у руководителей Коммуны были обширные честолюбивые замыслы.

В июне Дютар писал Гара, что Шометт надеется основать большую партию, которая объединит якобинцев и кордельеров⁵⁷.

Эбер, опираясь на свою газету, тоже мечтает о широкой популярности и большой власти. Но неистовые доктрины Жака Ру, если они и могут увлечь часть рабочих и ремесленников, тревожат всю мелкую торговую буржуазию. Как бы он ни отделял «крупную торговлю» от «мелкой торговли», розничные торговцы, мелкие лавочники боятся стать объектом ненависти, какую народ питает к скупщикам. Париж — город мелкой торговли. Как можно стать хозяином Парижа и тем самым всей Франции, внушая страх мелким торговцам? Пробудившееся честолюбие обостряет у Эбера понимание экономики. Послушайте его, когда он опровергает или думает, что опровергает, взгляды Жака Ру. Как резко обрушивается он в июне и июле на тех, кто изобличает скупщиков перед народом (№ 252)⁵⁸:

«Но где они, эти скупщики? В Париже? Нет, черт возьми, они в больших торговых городах. Именно там, черт побери, и

53. «Moniteur», XVIII, 2. Некоторые умеренные секции протестовали против грабежей и выступали в защиту собственности. См.: A. Soboul. Op. cit., p. 62, n. 198. [См.: А. Собоуль. Цит. соч., с. 58. — *Ред.*]

54. «Moniteur», XVII, 10.

55. Речь идет о заседании Клуба кордельеров 30 июня 1793 г. См. выше, с. 175, прим. 39. Отчет о нем был представлен на другой день, 1 июля, Колло д'Эбуа в Якобинском клубе. См.: A. Aulard. Op. cit., p. 281.

56. «Moniteur», XVII, 27.

57. A. Schmidt. Tableaux de la Révolution française. 1867—1870, 3 vol., t. II, p. 25. 12 июня 1793 г. наблюдатель Дютар писал министру внутренних дел Гара: «Шоме (*sic!*) братается с

обеими группировками, высокой и низкой, якобинской и кордельерской, и серьезно старается объединить их обе в одну, чтобы создать крупную партию». Это значило слишком много приписывать Шометту.

58. «La grande colère du père Duchesne». («Великий гнев папаша Дюшена против злодеев, подкупленных Англией, чтобы вызывать грабежи в Париже и разжигать гражданскую войну, дабы помешать введению Конституции. Его добрые советы честным санкюлотам, чтобы они соблюдали данную ими клятву уважать личность и собственность и не занимались пустяками, воюя с торговцами сахаром, вместо того, чтобы, закусив удила, всем скопом двинуться против разбойников Вандеи.»)

надо искать их, а не в Париже, где пребывают только розничные торговцы. Миллионерам Бордо и Марселя наплевать на то, что на Сене разграбят одно из судов, когда их склады и корабли ломятся от товаров.

О, черт побери, если бы Конвент всегда действовал так, как теперь, если бы он не терпел у себя так долго горстку жуликов, которые ставили ему палки в колеса, он издал бы очень хорошие законы для защиты слабого от сильного, бедного от богатого, и мы бы уже собирали плоды Революции... Не время теперь, когда клеветают на патриотов, когда против них хотят двинуть батальоны из департаментов Кальвадос, Финистер и Жиронда, не время, чтобы они допустили малейшие эксцессы. Они знают, что их спасение и спасение Республики зависят от их поведения, и не станут вредить своему делу».

Итак, пусть Жак Ру, Леклерк, Варле и вся назойливая шайка бешеных убираются куда-нибудь подальше; пусть они очистят Париж, где им нечего челать, и пусть отправятся работать, соответственно своей профессии, в крупные порты: пусть, если им угодно, грабят корабли, приписанные к порту Марсель, к порту Бордо или к порту Нант, или же, если им так нравятся операции с сахаром, пусть спустятся до Гавра. Как несносны эти люди, все еще побуждающие к мятежу и мечтающие о перевороте, когда Эберу так легко благодаря грубому и широкому воздействию своей газеты, благодаря своему глубокому влиянию в военном министерстве мало-помалу расширить свою власть и действия народа! Так Эбер, выступая заодно с Робеспьером и против бешеных, становился сторонником порядка, Конвента и конституции. Так коалиция якобинцев, кордельеров, Горы и Коммуны создает против социального движения и опасной агитации бешеных грозное препятствие. Штурм конституции, предпринятый в данном случае, был отражен, Робеспьер мог сказать Франции, измученной интригами жирондистов и страстно ожидавшей света объединения: «Вот Конституционный акт; его приветствует весь Париж: пусть его приветствует и примиренная Франция!»

Революция только что преодолела целый ряд опасностей. И что же? Действительно ли предотвращена опасность и не поддается ли более тонким, более скрытым, более опасным влиянием необходимый авторитет Конвента, объединяющего революционную Францию, и авторитет Комитета общественного спасения, объединяющего Конвент?

В июне и июле Робеспьер с беспокойством следит за развитием еще едва высказанных мыслей Эбера и его проектов. О, тот весьма осторожен и весьма благоразумен. Осторожность, единство: кто мог бы ему не доверять? Он еще совсем недавно защищал честных парижских торговцев против выступлений и

проповедей одержимых. Чего, в сущности, требует он даже от «монополистов», с которыми он не может не разговаривать в угрожающем тоне? Быть рассудительными, не противодействовать усилиям санкюлотов⁵⁹:

«Монополисты Парижа! Вы можете принять лишь одно решение — не рассуждая предаться санкюлотам; с ними вам нечего будет бояться, и ваши имущества будут сохранены. Патриоты требуют от вас только старания не вредить им. Но горе вам, черт возьми, если вы и далее будете злоумышлять против Республики, прятать съестные припасы и способствовать грабежам!»

И вот доброго Иисуса, этого мягкого Иисуса, этого санкюлота-Иисуса Эбер вербует в Революционную армию, которой предстоит сражаться с фанатизмом вандейцев! Гражданка, чьи слова 6 июня слышал осведомитель Перьер, сказала: «Говорят о боге, но это бог из аристократов»⁶⁰. Этим она, несомненно, хотела сказать, что бога прославляли аристократы, чтобы держать народ в глупом почтении, и потому он сам принял их привычки. Эбер, наоборот, думает, что не составит труда привлечь Иисуса на свою сторону, на сторону Революции как помощника и сподвижника папаши Дюшена.

Прочтите то, что можно было бы назвать «посланием к вандейцам»:

«О, если бы честный санкюлот Иисус возвратился на землю, он был бы разгневан по меньшей мере так же, как и папаша Дюшен, при виде того, как подобные негодяи пользуются его именем, чтобы совершать величайшие злодеяния. „Прочитайте мое Евангелие, — сказал бы он им, — лживые и кровавые священники, и вы увидите в нем, что я всегда проповедовал свободу и равенство, что я неустанно защищал бедных от богатых. Я был в свое время самым бешеным якобинцем Иудеи! Поэтому попы, судьи, финансисты, дворяне и Капет моего века, именовавшийся Иродом, всегда смотрели на меня косо. На протяжении всей моей жизни, посвященной добродетели и благотворительности, ко мне всегда относились как к поджигателю, бунтарю и дезорганизатору. Наконец, проклятый трибунал Понтия Пилата, тогдашний трибунал двенадцати, придрался ко мне и обвинил меня в заговоре; свидетели, нарочно прибывшие из Нормандии, чтобы дать показания против меня, и щедро оплаченные

59. «La grande colère du père Duchesne» (№253). («Великий гнев папаши Дюшена против негодяев финансистов, стяжателей, монополистов, спекулянтов, обожествляющих свой денежный ящик и возбуждающих беспорядки и грабежи, чтобы устроить контрреволюцию. Его добрый совет всем

тем, у кого есть чем рисковать, действовать заодно с санкюлотами, оберегающими их собственность...»)

60. A. Schmidt. Tableaux de la Révolution, t. II, p. 7, донесение осведомителя Перьера от 6 июня 1792 г.

фарисеями и откупщиками, бриссотинцами моей страны, возвели на меня столько ложных обвинений, что я был распят на кресте и казнен как преступник.

Бедные санкюлоты, честные сельские жители, не позволяйте своим священникам обманывать вас; повторяю вам, возьмите мое Евангелие, и вы увидите, что ваши священники хотят лишь получить вашу собственность; они за деньги продают вам рай, который возможно заслужить только добрыми делами»⁶¹.

Что это, Иисус, ставший Эбером? Или это Эбер, ставший Иисусом? Заметим, что «санкюлот-Иисус» не лишен слабостей: он не бранится, не говорит: «Почитайте, *черт возьми*, мое Евангелие». Он, несомненно, прибережет это для своей следующей проповеди. Она будет составлена. Ну как не быть гражданской войне потопленной в этих пошлостях? Главное — пусть никто не боится! Те, кто верит, что часть народа Парижа перебила заключенных в сентябрьские дни, — полные невежды в истории: «Нам тычут в нос избиения 2 и 3 сентября, хотя *избиения эти — дело рук иностранцев*».

Предпочитаю Марата, когда он берет на себя ответственность за них.

Особенно важно, чтобы революционеры не ссорились между собой, не разделялись. Опасность велика, и ее возможно одолеть только единством.

В № 245 своей газеты, вскоре после 31 мая, Эбер пишет⁶¹:

«Мы никогда, *черт возьми*, не были так близки к контрреволюции... Говорю это и буду без конца повторять: если мы не поймем друг друга, если все мы не будем едины, как братья, то нам крышка. Не только, как сказал пророк Иснар, на берегах Сены будут искать место, где когда-то был Париж, но и берега Гаронны будут так же пустынно. В то время как мы, *черт возьми*, будем друг другу выцарапывать глаза, северные медведи и испанские тигры под предводительством священников ринутся на наши департаменты... Разве вы не помните, что Англия во все времена была врагом Франции?.. Эти любители пива не прощают нам того, что у нас есть департаменты, где делают вино».

Дым от трубки папаша Дюшена — одновременно братский и воинственный: для патриотов — это дым гостеприимного крова, который приютит их всех; для врагов — это пушечный дым мщения, который истребит их всех.

Однако у Эбера возник широкий честолюбивый план, связанный с честолюбивыми устремлениями великой Коммуны. Эбер устал слушать о «триумvirате» Марата, Робеспьера и Дантона. Неужели он был лишь шутом на побегушках, грубыми шутками забавлявшим жителей предместий? Он покажет всем, как высоко может взлететь со своими проклятиями, он докажет всем, что, подобно Дантону, Робеспьеру и Марату, обладает всеми данными вождя партии. Ведь, в конце концов, именно он больше всех

возбудил ярость бриссотинцев и жирондистов. Ведь «гнусный вертеп Двенадцати» арестовал не Дантона, не Робеспьера, не даже Марата. Он наложил руку на Эбера; и именно этот акт насилия в отношении лучшего защитника санкюлотов, в отношении того, кто стал в печати «бичом» аристократии, и вызвал закончившееся победой восстание 31 мая — 2 июня.

Как усилить, и притом быстро, свое влияние? Как сделать так, чтобы его более блистательные соперники, те, кто господствует в Конвенте, или в Комитете общественного спасения, или в Якобинском клубе, оказались в немилости? Вначале он намеревался обострить в страдающем народе жажду мести. Жизнь становилась трудной. Правда, не было ни голода, ни крайней нужды, но запасы продовольствия были ограничены, распределение — трудным и медленным: женщины и даже мужчины простаивали целыми часами в очередях перед булочными и мясными лавками; повышение заработной платы не всегда точно соответствовало повышению цен на продукты. Откуда это зло, откуда эта тревога? От подлых аристократов, сговорившихся с иностранцами, от подлых жирондистов, сговорившихся теперь с аристократами. И среди различных групп населения загорался гнев. Это уже был не благородный взрыв 1790 г., не величественный гнев 1792 г.; порой это была великая, ожесточенная ярость, порой даже низкая, животная потребность облегчить свои собственные страдания, заставляя страдать других. Оскорблять, убивать, присовокупить к казни издевательства, до последнего вздоха, до последнего взгляда измываться над изменниками, ожидающими гильотины, чтобы дать им почувствовать оскорбление, чтобы заранее представить им жестами и словами в карикатурном виде их казнь, гротескную картину мрачного эшафота; такое искушение — увы! — испытывала в трудные часы большая часть толпы. Убивать — это ничто; надо унижать, надо клеймить; чем блистательнее они были, тем больше следует унижить их, даже в их страданиях; их агонию надо превращать в унижение и фарс; не давать им, среди взрывов жестокого веселья, встретить смерть с достоинством; в душе побежденных надо гасить гордость, помогающую им принять смерть.

И вот Эбер становится виртуозом этих мрачных и тревожных часов; он готов потворствовать жажде крови в уязвленных сердцах, превращать всю жизнь людей, ожидающих палача, в жалкую тряпку, которой народ потрясает из окошка вместе со своими нищенскими лохмотьями. Мария Антуанетта находится в Тампле, охрана ее с каждым днем становится все более строгой,

61. «La grande colère du père Duchesne». («Великий гнев папаша Дюшена при виде Республики

накануне гибели в результате всех происков Англии и бриссотинцев».)

и те, кто ее сторожит, вынуждены приносить извинения Совету Коммуны, если они говорили с ней, сняв шляпу. Послушайте, что пишет «Пер Дюшен»⁶²: «Во всех дворах на австрийскую тигрицу смотрят как на самую жалкую проститутку Франции. Ее открыто обвиняли в том, что она развратничает со слугами, и трудно сказать, кто же был тот удалец, который сделал ей хромых, горбатых и пораженных гангреной ублюдков, вышедших из ее трехэтажной утробы».

Г-жа Ролан находится в Аббатстве. она переживает трагедию, разрываясь между желанием жить и страхом, если она останется в живых, уступить любви, которую она носит в сердце. «Пер Дюшен» потешает народ забавным вымыслом⁶³. Он уверяет, что навестил «мадам Коко» в Аббатстве и видел «ее наштукатуренное лицо». Он нарядился главарем вандейцев; о, как она была добра к нему!

«Да, я назвал себя генералом христианской армии, или, как говорят в Париже, главарем разбойников; при этих словах гражданка Коко испустила глубокий вздох и бросила на меня нежный взгляд, взгляд кошки, влюбленной в старого кота, пришедшего поучаживать за ней».

Она признается ему, что ее друзья и она сама рассчитывают только на Вандею и на Англию. Тогда папаша Дюшен, внезапно сорвав с себя маску, орет оскорбления во всю глотку:

«Да, черт побери, ты высказалась, старый мешок, набитый контрреволюцией. Узнай папашу Дюшена; я позволил тебе все выложить, чтобы поглядеть, какова ты. Тайна раскрыта, все проекты провалились. Нет, французы не станут сражаться за плешивого, вроде твоего старого роконосца, и за беззубую шлюху, вроде тебя. Все департаменты будут разбриссотированы и разроландованы. Составление Конституции завершается, и все честные граждане вскоре соберутся в Париже, чтобы поклясться ее защищать. Оплакивай свои преступления, старая обезьяна. пока не искупишь их на эшафоте, черт возьми!»

Разносчики газеты сновали под окнами Аббатства, выкрикивая название листка и, в меру собственного остроумия, кое-что прибавляя к веселым речам своего хозяина. Г-жа Ролан слышала это из своей камеры и упомянула об этом в своих мемуарах⁶⁴. Сила Эбера была в том, что он мог писать такие вещи. Этот белокурый молодой человек с голубыми глазами, с бесцветным, бездушным лицом мог пойти далеко.

Его тактика будет проста: он постарается дискредитировать Дантона, популярность которого пострадала из-за его связей с Дюмурье и его колебаний. Он постарается обойти Робеспьера. Все, что утратят в своем авторитете вожди Революции, Конвент и Комитет общественного спасения, выиграет Коммуна: она уже сильна благодаря своему влиянию в военном министерстве. В этом министерстве с его шестьюстами служащими в красных кол-

паках, преданными крайней группировке кордельеров, Коммуна имеет как бы крепость⁶⁵. Офицеры-дворяне с каждым днем вызывают к себе все большее недоверие; всех их надо заменить. Именно военное министерство, где главенствует Коммуна, т. е. сама Коммуна, и будет назначать на все должности в армии и будет иметь в своих руках армию Революции. Комитет общественного спасения, где сегодня главенствуют Дантон и Барер, где вскоре будет главенствовать Робеспьер, не должен пытаться заменить своим руководством и контролем контроль и руководство министерств, которых проверяет и которым дает указания Коммуна.

Коммуна попытается захватить министерства, как она захватила военное министерство. В случае надобности эбертисты и бешеные, постепенно примирившиеся, противопоставят Комитету общественного спасения конституцию, предусматривающую только назначение министров, и таким образом попытаются захватить всю власть⁶⁶. Да, но не значит ли это отдать Революцию и армию в руки одной узкой парижской группировки? Не значит ли это вновь расколоть, но в другом направлении, Париж и Францию? Не значит ли это в особенности подготовить между Конвентом и Комитетом общественного спасения, с одной стороны, и Коммуной и военным министерством — с другой, парализующий конфликт, столь же пагубный, как и тот, которому положили конец события 31 мая — 2 июня?

62. Номер 253. См. выше, прим. 59.

63. «La grande visite du père Duchesne à la citoyenne Roland dans la prison de l'Abbaye». («Торжественное посещение папашей Дюшеном гражданки Ролан в тюрьме Аббатства, чтобы выведать у нее правду и узнать все замыслы ее старого роконосца против Республики. Его беседа с этой беззубой старухой, разоткровенничавшейся перед ним и раскрывшей ему тайны контрреволюции, которую замышляют бриссотинцы, жирондисты, бюзотинцы, петионисты в согласии с разбойниками Вандеи и с помощью денег из Англии».) (№ 248.)

64. Mme Roland. Mémoires. Edi-

tion critique par Cl. Perroud. Paris, 1905, 2 vol., p. 282: «Разносчики... сопровождали сообщение о «Торжественном посещении папашей Дюшеном...» самыми кровавыми предположениями». См. выше, прим. 63.

65. Венсан, активный кордельер и генеральный секретарь военного министерства, занялся чисткой его канцелярий и набором в них честных патриотов.

66. Жорес явно преувеличивает, изображая личные честолюбивые устремления Эбера как широкий политический план. В августе Эбер домогался своего избрания Конвентом министром внутренних дел; но 20 августа 1793 г. был избран Паре.

ПОЛИТИКА РОБЕСПЬЕРА

Робеспьер, постоянно бывающий в Якобинском клубе, бдительный и смелый, упорно старается расстроить интриги, предупредить поспешные меры, которые, под предлогом революционизирования армии, выдали бы ее, дезорганизованную и лишенную руководителей, врагу. Он старается поддержать авторитет Конвента и Комитета общественного спасения, объединить все силы Революции, создать против внутренней и внешней опасности диктатуру революционной Франции, опирающуюся на Париж, и устранить узкую диктатуру Парижа, которая вскоре была бы сброшена в пропасть. Заодно ли мы с ним в его борьбе против всех, недавно против Жака Ру, а теперь против Эбера?

Если говорить правду, то мы не обязаны принимать столь определенное решение. История — это странная схватка, где люди, сражающиеся друг с другом, часто служат одному и тому же делу. Политическое и социальное движение складывается из всех сил. Все классы, все тенденции, все интересы, все идеи, вся коллективная или личная энергия стараются пробиться, проявить себя и подчинить себе историю.

И в этих всеобщих действиях и противодействиях нет возможности определить личные усилия каждого участника. Победитель был бы иным, если бы против него не сражались, и в действиях победителя всегда есть что-то от побежденного. Всякая победа есть частичная уступка. Без Жака Ру, без Эбера политическая и социальная линия Революции была бы иной. Она должна была считаться с проблемами, которые они ставили, с силами, которые они породили, с вожделениями, которые они развязали. Сводить усилия 26 млн. людей к политике и комбинациям одного человека было бы ребячеством.

Живые, сражающиеся люди не могут подняться над самими собой; они не могут заранее осуществить синтез своей собственной силы и противоположных сил. Но смерть лишает действия каждого человека их узкоиндивидуальной формы, и история проливает свет на неосознанное и скрытое сотрудничество тех, кто были врагами или соперниками. Долг истории — понять все идеи, в какой-то мере сочувствовать всем силам, распознать все зачатки, разгадать скрытую согласованность при кажущейся противоположности. Ее долг — дать всем партиям, всем личностям заслуженную ими, справедливую оценку.

Разве я оказал Жаку Ру плохую услугу? Я уделил ему много места и осветил его деятельность. И я, без сомнения, вовсе не принизил Эбера при рассмотрении его системы. Я поставил ее выше брани папаша Дюшена. Но как ни стараться рассматривать события с точки зрения истории, невозможно описывать эту великую драму, не вмешиваясь в нее. Пробуждают мертвых, и они, едва пробудившись, навязывают вам закон жизни, узкий закон выбора, предпочтения, борьбы, предвзятого мнения, жестокого и неизбежного устранения. С кем ты? На чьей стороне сражаешься и против кого?

Мишле дал уклончивый ответ: «Я занял бы место между Камбоном и Карно; я был бы не якобинцем, а монтаньяром».

Это увертка... Камбон и Карно: один был организатором финансов, другой — организатором войны. Они не несут никакой прямой ответственности за страшные решения, и занять место между ними удобно. Но как мог бы Камбон управлять финансами, как мог бы Карно ускорить события и дисциплинировать порыв армии, если бы политические деятели не обеспечили ценной мучительных усилий и страшной ответственности мощи и единства революционных действий?⁶⁷

Какими бы великими людьми они ни были, Камбон и Карно были администраторами, а не правителями. Они были следствием; Робеспьер был причиной. Я не хочу давать всем этим, вопрошающим меня участникам борьбы уклончивый, лицемерный и малодушный ответ. Я им говорю: «Здесь, под солнцем июня 1793 г., которое освещает вашу жестокую битву, я — с Робеспьером, и рядом с ним я и сяду в Якобинском клубе»⁶⁸.

Да, я — вместе с ним, потому что в этот момент он выражает интересы всей Революции в целом. Я — вместе с ним, потому

67. Карно, «организатор победы», — это термидорианская легенда. Жорес справедливо подчеркивает солидарность всех членов Революционного правительства: так как Комитет общественного спасения располагал силой

принуждения, террором, то он смог навязать нации огромные военные усилия, которые и привели к победе. Самая высокая похвала Робеспьеру, высказанная Жоресом.

что если он борется против тех, кто хочет низвести Париж до клики, то он сохранил революционное понимание значения Парижа. Он помешает эбертизму овладеть народной силой, но не порывает с этой силой; он защищает министра Бушота, защищает генерала Россиньоля, защищает офицеров, вышедших из народа⁶⁹, но хочет, чтобы их судила и надзидала за ними сверху Французская революция, а не парижское восстание. Он не боится Парижа, и доказательством тому служит то, что он советует парижским санкюлотам не отправляться всем поголовно к границам, а оставаться вооруженными в сердце Парижа, чтобы предохранить столицу от любой контрреволюционной неожиданности.

Если бы у него были дурные замыслы в отношении Коммуны, он создал бы вокруг нее пустоту; он отправил бы пылких патриотов в Вандею, или во Фландрию, или в Руссильон, или на берега Рейна. Напротив, он старается их удержать и упрасивает Коммуну использовать эту народную силу не для того, чтобы угрожать Конвенту и подчинить его силой, но, наоборот, для того, чтобы защитить его, чтобы придать ему непобедимую уверенность, которую он сообщит Франции и армиям.

Итак, он приверженец в такой же мере Конвента, как и Коммуны; сторонник Комитета общественного спасения в такой же мере, как и канцелярий военного министерства. Конвент — вот законный национальный центр революционной силы и мысли. Тот, кто теперь попытался бы угрожать ему, ослабить или дискредитировать его, тот — враг народа и повторяет преступление Жиронды.

В лице Конвента, честно объединившегося с Коммуной, пламенной, но уважающей закон, вся Франция руководит, управляет, сражается. Париж — самый обширный, самый горячий и самый близкий очаг, огонь которого разжигает Революцию, но она не только в нем одном. Таким образом, демократия для Робеспьера была одновременно целью и средством: целью, потому что он стремится сделать возможным применение конституции, которая является выражением демократии; средством, потому что он хочет ударить по врагу всей революционной силой нации. сконцентрированной, но не изуродованной. Все, что вне этой силы, — секта О социалисты, мои товарищи, не возмущайтесь. Если бы социализм был сектой, если бы победа должна была быть победой секты, он должен был бы вынести истории приговор секты, он должен был бы отдать свои симпатии мелким группировкам, чьи лозунги, казалось, лучше всего выражают его собственные, или тем пылким группировкам, которые, доводя страсти народа почти до безумия, казалось, делают невыносимым порядок, который мы хотим упразднить. Но социализм явится результатом не сектантского ожесточения, а мощной и широкой эволюции демократии, и вот почему в любой из моментов Французской ре

волюции я спрашиваю себя: какая политика лучше всего служит всей Революции, всей демократии?

Итак, в настоящий момент — это политика Робеспьера.

Бабёф, коммунист Бабёф, ваш и мой учитель. тот, кто во Франции положил начало не только социалистическому учению, но и главным образом социалистической политике, ясно предвидел это в своем письме к Куне из Уазы; и когда, через пятнадцать месяцев после смерти Робеспьера, Бабёф старается подкрепить свое социалистическое начинание, то именно политика Робеспьера представляется ему единственной точкой опоры.

Бодсону, этому пламенному кордельеру, принимавшему участие в заседаниях клуба в трагическую неделю марта 1794 г., когда эбертисты готовили свое восстание против Конвента, Бодсону, оставшемуся верным памяти Эбера, Бабёф не боится написать 29 февраля 1796 г., что Эбер не сыграл важной роли, что он сумел поднять лишь несколько парижских кварталов, что оружием всеобщего счастья должна быть вся общность и что Робеспьер один, находясь вне группировок, сект, искусственных и узких объединений, был представителем демократии во всей ее широте⁷⁰.

«Вместе с тобой и подобно тебе я нисколько не считаю неполитичным и излишним взывать к памяти и принципам Робеспьера и Сен-Жюста, чтобы подкрепить наше учение. Прежде всего, мы только отдадим дань великой истине, не признав которой мы бы поступились должной скромностью. Эта истина состоит в том, что мы — только вторые Гракхи Французской революции. Разве не полезно показать, что мы не вносим ничего нового, что мы только идем по стопам первых благородных защитников народа, до нас уже наметивших себе ту же цель — справедливости и счастья, — к которой должен стремиться народ? Кроме того, разбудить Робеспьера — это значит разбудить всех деятельных пат-

69. Робеспьер протестовал против неоправданного ареста Россиньоля — в Якобинском клубе 9 июля 1793 г., против смещения генерала Лавалетта — в Конвенте 24 июля и снова в Якобинском клубе, в тот же день вечером; против смещения Бушота — в Конвенте 26 июля. См.: M. Robespierre. Œuvres..., t. IX, Discours, 4^e partie, p. 615, 627, 630, 633.

70. B a b e u f. Pages choisies..., par M. Dommanget, p. 284, письмо

гражданину Бодсону от 9 вантоза IV г. (28 февраля 1796 г.). «Я не вхожу в рассмотрение вопроса о невиновности Эбера и Шометта. Если бы даже это было так, я все же оправдываю Робеспьера... Вздорные люди, люди со способностями ниже среднего, по его мнению, и быть может, действительно такие. Подобные люди, повторяю, жадные до славы и полные самозабвения, такие, как Шометт...»

риотов Республики, а с ними и народ, который в былые времена слушал только их и следовал только за ними. Воздадим его памяти заслуженную дань; все его ученики обнаруживают себя и вскоре восторжествуют. Робеспьеризм вновь поразит все группировки. *Робеспьеризм не похож ни на одну из них; он не является искусственным и ограниченным. Робеспьеризм существует во всей Республике, во всем здравомыслящем и прозорливом классе и, естественно, в народе. Причина этого проста: робеспьеризм — это демократия, и эти два слова совершенно однозначны. Поэтому, превознося робеспьеризм, вы можете быть уверены, что превозносите демократию».*

ПОЛИТИКА МАРАТА

Кто, как не Робеспьер, мог вести борьбу за демократию и против групповщины, насаждаемой эбертизмом и Коммуной?

Отнюдь не Марат; у него уже не было сил, и его острый взор не мог более охватить весь горизонт. В борьбе против Жака Ру и бешеных он помогал Робеспьеру; я уже упоминал о его страшной статье от 4 июля (клеветнической статье)⁷¹. Он разоблачает в ней «лжепатриотов, более опасных, чем аристократы и монархисты». Он дает в ней портрет Жака Ру, «поджигателя секции Гравилье и Общества кордельеров, изгнанного из этих народных обществ, и его собратьев Варле и Леклерка, его сообщников». Да, «самый страшный бич, с которым мы должны бороться для торжества свободы, — не аристократы, не монархисты и контрреволюционеры, а неистовые лжепатриоты, пользующиеся своей патриотической маской для того, чтобы ввести в заблуждение честных граждан и толкнуть их на насильственные, опрометчивые, рискованные, пагубные действия! Эти интриганы не довольствуются тем, что они стали заправками в своих секциях; с утра до вечера они пытаются втереться во все народные общества, приобрести в них влияние и стать наконец большими людьми. Таковы три неугомонных человека, завладевшие секцией Гравилье, Братским обществом и Обществом кордельеров; я говорю о маленьком Леклерке, Варле и аббате Реноди, так называемом Жаке Ру»⁷².

Но это лишь выпад. У Марата не было широты взглядов, и он уже был не способен на постоянные упорные действия, как Робеспьер. К тому же он был настолько поглощен необходимой чисткой военных штабов, вел столь ожесточенную борьбу⁷³ против Бирона, главнокомандующего армиями в Вандее, против Кюстина, переведенного из Рейнской армии в Северную, что был весьма близок по своему умонастроению к канцеляриям военного министерства, где господствовало влияние Эбера и Коммуны⁷⁴. Он изобличал не измену, а слабость, «недостаток прозорливости

и энергии» у представителей и Комитета общественного спасения⁷⁵. Он сетует на безразличие Горы⁷⁶.

«Письмо, посланное мной 4 июля Конвенту, где я требовал назначения денежной награды за голову мятежников Капетов и советовал немедленно отстранить Бирона и Кюстина⁷⁷, готовящихся выступить в роли Дюмуре, было зачитано только 5-го⁷⁸. Конвент выслушал только то, что относилось к Капетам, по поводу остального он просто перешел к очередным делам. Меня это не удивляет: несомненно, мое письмо было накануне сообщено усыпителям из Комитета общественного спасения (или, как говорят, общественной гибели), поручившим умеренным в Конвенте потребовать перехода к очередным делам. Всем известно, что Барер, Дельма, Матьё, Рамель-Ногаре и др.⁷⁹ покровительствуют Кюстину, Бирону, Вестерману. Мену и другим злодеям из бывших дворян, которые, к несчастью, все еще стоят во главе наших армий»⁸⁰.

А что же патриоты Горы? Патриоты Горы с большим трудом замечают предательство, они иногда даже выжидают, чтобы оно совершилось, и лишь тогда занимаются им. Так получилось у них с Дюмуре; хотя я бил в набат в течение шести месяцев, они заметили измену только тогда, когда он стал угрожать походом на Париж. Так получилось у них с кликой государственных

71. См. выше, с. 177, прим. 48.

72. Варле, «безмозглый интриган»; маленький Леклерк, «очень ловкий плут»; и тот и другой — патриоты в силу обстоятельств.

73. «Le Publiciste de la République française», № 225, 24 juin 1793; № 230, 1er juillet 1793; № 232, 3 juillet 1793, № 235, 6 juillet 1793. [См.: Ж. - П. Марат. Избранные произведения, т. III. М., 1956, с. 335 и сл. — *Ред.*]

74. Влияние Эбера и Коммуны в канцеляриях военного министерства. Будет точнее сказать, влияние Венсана и кордельеров.

75. «Le Publiciste de la République française», № 237, 8 juillet 1793.

76. «Le Publiciste de la République française», № 236, 7 juillet 1793 [См.: Ж. - П. Марат, Цит. соч., с. 339. — *Ред.*]; № 240, 12 juillet 1793.

77. «Le Publiciste de la République française», № 235, 6 juillet 1793.

78. «Le Publiciste de la République française», № 236, 7 juillet 1793.

79. Дельма Жан Франсуа (1751—

1798) — депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Верхняя Гаронна, член Комитета общественного спасения с 5 апреля по 10 июля 1793 г. Матьё Жан Батист Шарль (1763—1833) — депутат от департамента Уаза, член Комитета общественного спасения с 30 мая по 10 июля. Рамель-Ногаре Доминик Венсан (1760—1829) — депутат Генеральных штатов от третьего сословия сеньешальства Каркассонн, затем депутат Конвента от департамента Од, член Комитета общественного спасения с 30 мая до 10 июля 1793 г. О Барере см. ниже, прим. 82.

80. Мену Жак Франсуа — один из «рыцарей кинжала 16 августа», разоблаченный газетой «Публисист» (№ 220 от 18 июня 1793 г.). Вестерман — его «верный раб», разоблаченный газетой «Публисист» (№ 220 от 18 июня 1793 г.; № 240 от 12 июля 1793 г.; № 241 от 13 июля 1793 г.).

людей; хотя я ежедневно разоблачал ее в течение четырех месяцев, они обзывали меня фантазером... Как бы то ни было, я очень люблю своих дорогих братьев, но гораздо больше я люблю отечество, и, как бы я ни опасался вызвать недовольство, это никогда не остановит моего пера.

Но если Бирон и Кюстин изменят отечеству (чего я опасуюсь с полным основанием), то я хочу констатировать сегодня, какие тщетные усилия предпринимал, чтобы предотвратить это несчастье, уговаривая отрешить наконец этих двух придворных от командования нашими армиями».

Марат обвинял Комитет общественного спасения в том, что он «своим оцепенением» парализует действия Бушота⁸¹.

«Если бы Комитет общественного спасения не тормозил действия военного министра, то я резко выступил бы против него по этому поводу, но я знаю, что министр не властен сделать все необходимое, чтобы привести машину в движение».

Эти слова были вполне в духе системы Эбера. Но какой вывод делал Марат, хорошо понимавший, что будет трудно сразу заменить опытными патриотами всех подозреваемых начальников? Он приходил к заключению, что придется еще довольно долго вести малую оборонительную войну. Тем самым он давал ясно понять, что если он и готов выступать вместе с Эбером, Венсаном и Бушотом за чистку командования, то он весьма далек от того, чтобы поддаться эбертистскому опьянению. Верно и то, что тем самым он отказывался от той тактики наступления крупными массами, которая одна могла спасти Революцию и действительно ее спасла.

Последний номер газеты Марата, от 13 июля, был новым выступлением против Кюстина и Комитета общественного спасения⁸².

«Итак, Кюстин занимает место гнусного Дюмурье, пагубные действия которого он вскоре возобновит, и, может быть, еще более плачевным образом. Что же думать о Комитете общественного спасения или, вернее, о его руководителях, если большинство его членов столь беспечны, что уделяют заседаниям Комитета всего два часа из двадцати четырех и почти ничего не знают из того, что там происходит! Они, несомненно, очень виновны, взявшись за работу, которую у них нет желания выполнять, руководители совершают великое преступление, столь недостойно относясь к своим обязанностям.

Среди них есть один, которого Гора недавно весьма недобродушно назначила вновь и которого я считаю самым опасным врагом отечества; это — Барер... что касается меня, то я убежден, что он лавирует, выжидая, за какой партией останется победа. Это он парализовал все решительные меры, и он связывает нам, таким образом, руки, чтобы дать возможность покончить с нами. Я предлагаю ему опровергнуть меня и высказаться

наконец так, чтобы он не походил более на скрытого монархиста».

О, несомненно, Марат, при его замечательном бескорыстии, при отвращении к интриге, выступил бы против Эбера и его друзей в тот день, когда ему показалось бы, что они хотят господствовать в Конвенте. Даже нападая на Комитет общественного спасения, он предусмотрительно предупреждает, делая оговорку, что речь идет только о том Комитете, чьи полномочия истекли 10 июля. И выступая против Барера, который был переизбран, он выражает надежду, что тот, наконец, усвоит ясный образ действий. Но в эти трудные времена Марат, как мы видим, не был помощником Робеспьера в его стремлении внушить революционной стране ту терпеливую мудрость, то впечатление безопасности и единства, которые были действительно необходимы для общественного спасения.

Дантон, который сам оказался скомпрометированным, Дантон, которому не раз приходилось отбивать в Якобинском клубе направленные против него нападки, который, как член Комитета общественного спасения⁸³, нес всю ответственность за неизбежные ошибки последнего, за измены, предупредить которые он не смог, и за неудачи, которым он не смог помешать, также не мог дать авторитетного совета соблюдать сдержанность, умеренность и осмотрительность. Создалось бы впечатление, что он защищает самого себя. К тому же у него не было того постоянства усилий, той настойчивости, которые являются в бурные времена условием эффективных действий. Иногда он метал громы и молнии. 13 июня, при известии о неудаче в Вандее, он с высоты трибуны Конвента предал анафеме бежавших жирондистов, разжигавших в стране гражданскую войну⁸⁴, а на другой день явился в Якобинский клуб сообщить о потрясении, вызванном его речью, и сразу увидел, что его популярность вдруг необычайно возросла⁸⁵. Он не был терпеливым повседневным тружеником.

81. «Le Publiciste de la République française», № 237, 8 juillet 1793. [См.: Ж. - П. Марат. Цит. соч., т. III, с. 340. — *Ред.*] Защита Бушота в № 238 этой газеты от 9 июля 1793 г.

82. «Le Publiciste de la République française», № 241 («Observations de l'Ami du peuple sur l'ancien Comité de salut public et sur la réélection de Barère, l'ennemi le plus dangereux de la patrie») [См.: Ж. - П. Марат. Цит. соч., с. 342—343. — *Ред.*]

Состав Комитета общественного спасения был обновлен 10 июля 1793 г.

83. При обновлении состава Комитета общественного спасения 10 июля 1793 г. Дантон был из него удален.

84. «Moniteur», XVI, 639; Danton. Discours. Edition critique par A. Fribourg Paris, 1910, p. 479

85. A. Aulard Op. cit., t. V, p. 253; Danton. Op. cit., p. 486.

РОБЕСПЬЕР ЗАЩИЩАЕТ КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

Напротив, Робеспьер, который, не входя в состав первого Комитета общественного спасения, не нес никакой ответственности за ошибки и несчастья прошлого, использовал весь свой безупречный авторитет для защиты Конвента, Комитета общественного спасения и даже Барера, подвергнувшегося резким нападкам Марата, а также для защиты конституции, подвергшейся нападкам Шабо и Жака Ру. 14 июня он заявил в Якобинском клубе (в тот самый день, когда замена Бушота в военном министерстве генералом Богарне вызвала сильнейшую бурю против Конвента и Комитета общественного спасения)⁸⁶:

«В целом народ прекрасен, отдельные же люди слабы; между тем во время политической грозы, во время революционной бури необходимо объединиться. Народ в массе не может сам управлять страной. Местом объединения должен быть Париж; сюда и надо привести контрреволюционеров, чтобы уничтожить их мечом закона. Тут должен быть центр Революции; все, что народ мог требовать, — это чтобы Конвент действовал в духе Революции; он так и поступает теперь...

Я первый проявил недоверие в отношении знати. Могу заверить, что являюсь одним из самых недоверчивых и меланхолически настроенных патриотов, появившихся после Революции. И что же! Заявляю вам, что я с большой печалью смотрю на то, что Бушот не является больше военным министром. Я никогда не разговаривал с Бушотом, я никогда не видел его, и все же заявляю, что считаю его человеком в высшей степени талантливым и большим патриотом⁸⁷...

Что касается Богарне, то я ничего не скажу о его нравственных качествах. Я согласен даже, что в Учредительном собрании он не играл роли контрреволюционера, но он дворянин, он происходит из семьи, которая занимала видное место при дворе, и этого достаточно, чтобы помешать мне оказать ему полное доверие. Но я знаю, что Комитет общественного спасения предложил его кандидатуру с полным доверием⁸⁸.

Были моменты, когда я очень сурово судил этот Комитет; но, рассмотрев серьезно его деятельность, я пришел к убеждению, что он искренне желал спасения Республики, и невозможно, чтобы люди, занятые выполнением срочных и в то же время многочисленных задач, не подвергались бы неожиданностям. Их надо судить по их трудам в целом, а не за отдельные их действия. Не подумайте, что я проповедую модерантизм, наоборот, я проповедую строжайшую бдительность.

Бушот возвратился в министерство. Но как Робеспьер смягчал удары! Как он старался рассеивать недоверие! Комитет общественного спасения будет вскоре обновлен; его состав станет

более однородным и потому более энергичным. Но это обновление явится как бы успехом Революции; благодаря Робеспьеру оно не будет казаться кризисом, нарушением революционной преемственности⁸⁹.

16 июня, когда Террасон, выступив с предложением, выражавшим недоверие и облеченным в форму мнимой демократии, потребовал, чтобы заседания Комитета общественного спасения не были больше секретными, Робеспьер высказался против его предложения и добился его отклонения⁹⁰. 8 июля он опять с большой настойчивостью защищал Комитет общественного спасения от резких выпадов Шабо⁹¹. Он сожалел о попытках вызвать недоверие народа к людям, на которых возложена огромная задача и которые, если не говорить о неизбежных ошибках, выполняют свой долг. 10 июля он выступает в защиту морского министра Дальбарда и в защиту Дантона⁹²:

«Я обратил внимание на то, что, помимо обвинения министра, обвинению подвергся и Дантон. Хотят и его сделать подозрительным. Значит, верно то, что клевета не перестает преследовать должностное лицо за то только, что оно должностное, и напрасно вы жертвуете всю свою жизнь свободе, если любой недоброжелатель может в какие-нибудь четверть часа разрушить доверие, по праву заслуженное вами, и отнять у вас плоды ваших трудов... Известен ли тот, кто достоин заменить Дальбарда?

86. A. Aulard. Op. cit., p. 254; M. Robespierre. Œuvres, t. IX, Discours, 4e partie, p. 558. [См.: М. Робеспьер. Цит. соч., т. III, с. 14—15. — *Ред.*] О замене Бушота генералом Богарне см.: «Moniteur», XVI, 643.

87. Бушот Жан Батист Ноэль (1754 — 1840) — полковник, военный министр — санюлот. См.: Général Herlaut. Le colonel Bouchotte, ministre de la Guerre en l'an II. Paris, 1946, 2 vol.

88. Богарне Александр виконт де (1760 — 1794) — депутат Генеральных штатов от дворянства бальяжа Блуа, сидел на скамьях левой. Дивизионный генерал в марте 1793 г., временный главнокомандующий Рейнской армии с 23 мая. Конвент избрал его военным министром 13 июня 1793 г. Богарне отказался от назначения письмом, датированным 16 июня. («Moniteur», XVI, 698.)

89. Комитет общественного спасения, обновленный 10 июля 1793 г., имел монтаньярское ядро: Кутон, Сен-Жюст, Жан Бон Сент-Андре и Приер из Марны; Барер и Ленде, пришедшие из Болота, присоединились к ним. Что касается Гаспарена, до конца бывшего сторонником генерала Кюстина, Эро де Сешеля, любовника бывшей аристократки, вскоре заподозренного, Тюрпо, друга Дантона, то они скоро были удалены из Комитета.

90. A. Aulard. Op. cit., p. 264; M. Robespierre. Œuvres, t. IX, Discours, 4^e partie, p. 572.

91. A. Aulard. Op. cit., p. 295; M. Robespierre. Op. cit., p. 512.

92. A. Aulard. Op. cit., p. 297; M. Robespierre. Op. cit., p. 617. Дальбард Жан (1743—1819) — контр-адмирал, с 3 апреля 1793 г. морской министр, сменивший на этом посту Монжа.

Пусть назовут мне того человека, которого хотят поставить на его место, и пусть в то же время скажут мне: он будет свободен от ошибок, недосыгаем для заблуждений, ему удастся избежать всех ловушек, у него будут только блестящие идеи, удачные планы, успех которых уже обеспечен».

Но дух соглашения и уступок, благодаря которому Робеспьер на другой день после 2 июня уберег Революцию от новых раздоров, которые оказались бы смертельными, лучше всего проявился в докладе, сделанном Конвенту 8 июля Сен-Жюстом от имени Комитета общественного спасения⁹³.

Речь шла о судьбе жирондистов, как арестованных, так и бежавших. Сен-Жюст, ученик, друг, поклонник Робеспьера, представлявший его в Комитете общественного спасения, несомненно, советовался с ним.

И вот, когда читаешь этот доклад, то поистине кажется, что он исходит не от Сен-Жюста, а от Барера. В нем заметно явное старание сплотить людей Болота, польстить им, успокоить их; словно они — самый центр Революции, ее опорная точка и точка равновесия.

«Большинство Национального Конвента, благоразумное и умеренное, беспрестанно колебалось между двумя меньшинствами: одним, со всем пылом сражающимся за Республику и за вашу славу, порой не считающимся с правительством ради защиты прав народа; и другим, скрытным и хитрым, как будто добивающимся свободы и порядка в маловажных случаях, весьма ловко противопоставляющим свободу свободе, искусно овладевающим пылом прений, смешивающим инертность с порядком и миром, республиканский дух с анархией, с успехом придающим уродливый вид всему, что мешает его намерениям, выступающим с народом и со свободой, чтобы использовать их в своих целях, настраивающим людей в пользу монархии, внушая им отвращение к нынешним временам и ужас перед ними».

Великодушное определение политики жирондистов. Но какое искусство, особенно в признании возможности крайностей также и с другой стороны! И с какой ловкостью он дает предчувствовать, что теперь, когда правам народа больше ничто не угрожает, не будет больше дозволено «не считаться с правительством»! Сен-Жюст упрекает Жиронду не в том, что она объявила об анархии и боролась с ней, а в том, что она боролась с ней порочными средствами, которые ее только усиливали.

«Только мудрость и терпение могут создать Республику, и ее вовсе не хотели те среди нас, кто мнил успокоить анархию любым иным способом, кроме справедливости и мягкости правления».

Наконец, есть некоторая ловкость обвинения и некоторое искусство полемики в том, чтобы возложить главным образом на жирондистов ответственность за сентябрьские события. Но не означало ли это взять на себя перед Францией и перед всем миром обязательство, что эти преступления больше не повторятся?

«Ни одного из тех, кто сражался 10 августа 1792 г., не пощадили, Революцию заклеили в лице ее защитников, и из всех утешительных картин, какие нам являли эти замечательные дни, злонамеренность напоминала французскому народу только о картинах сентябрьских избиений; картины, несомненно, прискорбные, но ведь никто не оплакивал крови, пролитой двором! И вы, вы также были беспощадны к убийцам 2 сентября! И кто же имел большее право выступать в роли непреклонных обвинителей — те, кто стоял в то время у власти и всецело отвечал за общественный порядок и жизнь граждан, или все мы, незаинтересованно явившиеся из своего уединения? Петион и Манюэль были тогда должностными лицами Парижа. Человеку, посоветовавшему им отправиться в тюрьмы, они ответили, что они отнюдь не собираются рисковать своей популярностью. Тот, кто без жалости смотрит на резню, более жесток, чем тот, кто убивает».

Ответ славный, но также славное обещание, неразрывно связывавшее гуманность с Горой.

Так Конвент и Комитет общественного спасения сохраняли в глазах охваченной возбуждением страны свой авторитет и обретали благородный облик. Что произошло бы, если бы на другой же день после того, как Конвент проголосовал 2 июня за необходимое, но прискорбное исключение жирондистов, он и созданный им Комитет рухнули бы под бременем недоверия и обвинения? Возник бы непоправимый контрреволюционный кризис. Напротив, сугубо правительственный ум, какой Робеспьер придает победоносной Горе, сообщает Конвенту величайшую моральную силу.

93. См.: Buchez et Roux, XXVIII, 241.

Составление плана, перечисление и раздел названных земель были осуществлены гражданином Жаком Дюфуром, землемером в Пон-де-Во, избранным для этой цели, и при помощи граждан Лу и Феррана, проживающих в Роменэ.

Розыгрыш наделов, числом 495, равным числу жителей общины, был проведен с помощью гражданина Дюфура, в алфавитном порядке имен жителей, на четвертый день санкюлотид II г. Республики»⁴.

Наконец 17 июля Конвент завершает уничтожение феодальных отношений⁵. Он упраздняет, и притом без возмещения, все то, что революционный декрет от 25 августа 1792 г. сохранил в силе⁶. Всюду, где он замечает малейший след феодального права, даже когда основу договора составляют чисто земельные ренты, но они сопровождаются, из тщеславия или по привычке, оговорками феодального характера, он рубит сплеча. Тем хуже для тщеславных буржуа, желающих приукрасить свои договоры о земельной ренте малой толикой феодализма!

Для того чтобы земельные ренты сохранялись, они должны быть чисто земельными, как по форме, так и по существу, без всякой примеси феодального элемента, каким бы слабым, каким бы второстепенным, каким бы иллюзорным он ни был.

«Все прежние сеньориальные обязательства, феодальные права, цензуальные, постоянные и случайные, даже права, оставленные в силе декретом от 25 августа, *отменяются без возмещения*. Из положений, предусмотренных предыдущей статьей, исключают-

УПРАЗДНЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Конвент может работать; он составляет конституцию и обнародует, кроме того, между 3 июня и 17 июля три великих закона, предназначенных объединить сельское население вокруг Конвента и Горы.

3 июня был издан закон, устанавливавший порядок продажи имуществ эмигрантов¹. Прежде всего, это был призыв к сельской демократии: вот виноградники, луга, поля — бери их; ты можешь уплатить за них в течение десяти лет. Это было также великодушным проявлением веры в будущее.

10 июня Конвент обнародовал эгалитарный закон о разделе общинных земель²; он признавал за общинами право собственности, которое сеньоры оспаривали у них до сего времени у многих местностях; и, избавив таким образом общинные земли от притязаний сеньоров, он говорит гражданам общин: вот 8 млн. арпанов, берите их, возделывайте их. И этот призыв был услышан. Я приведу в качестве примера то, что Гийемо говорит о разделе земли в районе Луана³:

«Немало решений содержится в общинных реестрах. В частности, такие примеры дают нам реестры Бриенна. Общее собрание общины потребовало, во исполнение закона, раздела общинных земель.

1. «Archives parlementaires», LXVI, 10. Земли эмигрантов были разделены на мелкие наделы, которые могли приобретать бедные крестьяне, с десятилетней рассрочкой платежей.
2. «Archives parlementaires», LXVI, 224. О разделе общинных земель см. выше, с. 137 и с. 143, прим. 9.
3. L. Guillemaut. Histoire de la Révolution dans le Louhannais. Paris, 1899—1903, 2 vol., t. II, p. 492. О применении закона от 10 июня 1793 г. существует мало исследований. См. также: M. Lacoste. Le Partage des communaux sur le territoire de la Meurthe avant la loi du 10 juin 1793. Nancy, 1954.
4. Четвертая санкюлотида II г. — 20 сентября 1794 г.
5. «Archives parlementaires», LXIX, 98. Об этой важной проб-

ле окончательного упразднения феодализма нет новейших исследований. См.: Ph. Sagnac. La Législation civile de la Révolution française. Paris, 1898; A. Aulard. La Révolution française et le régime féodal. Paris, 1919; M. Garaud. La Révolution et la propriété foncière. Paris, 1959. Региональные монографии о применении антифеодального законодательства редки. См.: J. Millot. L'Abolition des droits seigneuriaux dans le département du Doubs et la région comtoise. Besançon, 1941. [См.: А.В. Адо. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII в. М., 1971, гл. VII. — *Ред.*]

6. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. III, с. 604, «Упразднение феодальных рент без возмещения».

ся ренты или платежи, связанные с *чисто земельными*, а не с феодальными отношениями. Уже возбужденные гражданские или уголовные процессы, касающиеся земель или недоимок по повинностям, отмененным статьей первой, прекращаются без взыскания расходов со сторон.

И чтобы сделать очевидным это беспримерное уничтожение феодальных отношений, Конвент постановляет сжечь все феодальные грамоты. Они будут сожжены 10 августа, в день празднества, когда народ будет прославлять новую конституцию.

«Бывшие сеньоры. феудисты, кадастровые комиссары, нотариусы и прочие хранители грамот, устанавливающих или подтверждающих права, отмененные настоящим декретом, будут обязаны в течение трех месяцев со дня опубликования настоящего декрета передать их в канцелярию суда местного муниципалитета; те документы, которые будут переданы до 10 августа, будут сожжены в указанный день в присутствии генерального совета коммуны и граждан. Остальные будут сожжены по истечении срока. Те, кто будет изобличены в утаивании, в изъятии или в сокрытии черновики или копии актов, подлежащих сожжению в сроки, указанные в предыдущей статье, будут приговариваться к пяти годам тюрьмы».

В силу замечательной связи, спасшей Революцию, каждое значительное выступление народа Парижа имело своим следствием более решительное освобождение крестьянина. После 14 июля — ночь 4 августа; после 10 августа — декреты от 25 августа; после 31 мая — декреты от 3 и 10 июня и от 17 июля. Каждое революционное потрясение в Париже приводило к дальнейшему упразднению рабства крестьян. Но жирондизм и федерализм были уничтожены одним ударом.

КОНЕЦ ЖИРОНДИСТОВ

Что могли сделать бежавшие жирондисты, пытавшиеся в июне и июле вызвать в Эвре и Кане гражданскую войну и побудить департаменты выступить против Парижа? Они не могли, не опозорив и не погубив себя, обратиться к силам роялистов. С другой стороны, они могли бы выдать себя за подлинных представителей Революции только в том случае, если бы Революция в Париже разложилась, погрязнув в раздорах, бессилии, в нелепой и дикой анархии.

Но никогда еще Революция в Париже не излучала столько силы, единства, блеска и ясной надежды, как после устранения Жиронды. Поэтому земля Франции и ускользает из-под ног беглецов; и эти гордецы, столь часто взывавшие в борьбе против Парижа к мудрости и силе департаментов, уже могут завербовать

в Эр, в Кальвадосе и даже в тех районах, где, по их мнению, у них было больше всего друзей, лишь несколько тысяч авантюристов⁷. И эти несколько тысяч *карабо*⁸, едва выступив под командованием Вимпфена в направлении Парижа, останавливаются и разбегаются при первой же встрече с вооруженными отрядами Революции⁹. Но вот высшая кара для безумцев, вообразивших, что можно до бесконечности выступать против всех актов Революции, не предавая самой Революции. Обращаясь к ним, Вимпфен говорит: «Что вы можете одни? Ничего. Для вас возможно лишь одно спасение — объединиться с восставшими Вандеи и с Англей».

О, они все возмущались! Но эта страшная молния не осветила им всей глубины их ошибки. Они должны были бы обратиться к Парижу, обратиться к Революции и воскликнуть: «Мы заблуждались. Мы думали, что можно очистить поток, не преграждая его. Мы видим теперь, что в сражении надо принимать от Революции все, даже ее ошибки, даже ее кратковременные крайности. Оскорбительное предложение, сделанное нам контрреволюцией, доказывает нам, что она обманулась в нас. Но мы отчасти повинны в этой ошибке. О, революционеры Парижа, делайте с нами все, что хотите; но мы здесь, мы хотим, чтобы Революция нас покарала, но признала и простила нас».

7. Единственное исследование общего характера о «федералистском восстании», вызванном в департаментах бежавшими жирондистами, — это работа Валлона (H. Wallon. La Révolution du 31 mai et le fédéralisme en 1793. Paris, 1886, 2 vol.); локальные исследования имеют большую ценность; для запада Франции, упомянутого здесь Жоресом, это P. Nicolle. Le mouvement fédéraliste dans l'Orne en 1793. — «Annales historiques de la Révolution française», 1936, p. 481; 1937, p. 215; 1938, p. 12. 289, 385; H. Goodwin. The federalist movement in Caen during the French Revolution. — «Bulletin of the John Rylands Library», 1960.

8. О слове «карабо» («carabot») см. примечания А. Матьеза в «Annales révolutionnaires», 1913, p. 106 и 260. Речь идет о санкюлотах, организованных в народные об-

щества во многих городах Нормандии, в Кане, Руане... «Рекрутировавшееся вначале из народа, среди трудового люда, занятого на речных работах в Кане, Общество каробо приняло это наименование, несколько уничижительное, из чувства, аналогичного тому, которое побудило в Париже принять прозвище «санкюлот».

9. 13 июля 1793 г. под Паси-сюр-Эр при виде нескольких тысяч человек, поспешно набранных в парижских секциях, жирондистские колонны разбежались. Вимпфен Луи Феликс (1744—1814) — генерал-майор в 1788 г., депутат Генеральных штатов от дворянства баляжа Кан, командующий армии Кот-де-Шербур, он перешел на сторону жирондистов, бежавших в Кан, и организовал федералистскую армию, которая разбежалась под Паси-сюр-Эр.

Нет, они не сказали этого, их непримиримая гордость обрекла их на бесконечные заблуждения. И все они, изнуренные, отчаявшиеся, с сердцем, раздираемым всеми муками болезненного тщеславия и бессильными мечтами о мщении, устремились в Бретань; они отправились в Финистер, в крайнюю точку французской земли, где их ожидал Кервелеган¹⁰. Они шли задыхаясь, с израненными ногами, избегая городов, избегая жизни, сами отлучив себя от Революции¹¹.

Глава третья

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ДИКТАТУРА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ (ЛЕТО 1793 г.)

УБИЙСТВО МАРАТА

Пока жирондистская партия в Нормандии колебалась и распадалась, молодая девушка из Кана, Шарлотта Корде, отправилась в Париж, чтобы либо спасти тех, кого она считала мучениками за дело Республики, либо отомстить за них. Она была восторженной поклонницей героини Корнелия¹.

Считая Марата воплощением деспотизма, анархии и убийства, она решила убить его. В воскресенье вечером, 13 июля, по ее настоянию он принял ее. Он сидел в ванне, где находился почти постоянно с тех пор, как его начало мучить воспалительное заболевание. Поперек ванны была положена доска, на ней стояла чернильница и лежали листы бумаги, на которых он записывал волновавшие его мысли. Она сказала несколько слов и вонзила нож ему в сердце. Он вскрикнул, позвал свою подругу Симону Эввар и умер.

Шарлотта Корде, жертвуя своей жизнью, чтобы убить того, кого она считала злодеем, и не думала о бегстве. Перед Революционным трибуналом² она объяснила свой поступок в нескольких ясных словах, с героической и зловещей простотой, свидетельствовавших о том, к каким жалким размерам она свела проблему Революции. Красивая, молодая, скромная и гордая, обла-

¹⁰ Кервелеган Огюст Бернар Франсуа (1748—1825) — депутат Генеральных штатов от третьего сословия сенешальства Кемлер, затем депутат Конвента от департамента Финистер.

¹¹ О конце жирондистов см. Cl. Pégoud, *La proscription des Girondins*, Paris, 1917.

¹ О Шарлотте Корде (1768—1793) существует огромная литература,

являющаяся скорее агнографией или «матой историй», чем настоящей историей.

² См. Buchez et Roux, XXVIII, 301, Mortimer Ternaux, *Histoire de la Terreur*, t. VIII, p. 147, H. Wallon, *Histoire du Tribunal révolutionnaire de Paris*, p. 187. Шарлотта Корде была гильотинирована 17 июля 1793 г.

ченная при переезде к эшафоту в красную рубашку отцеубийцы, она осталась в глазах народа странным видением, сотканным из пурпура, героизма и крови, вызвав во многих сердцах неведомое волнение. Она убила Марата, но прежде всего она убила Жиронду. Кто станет теперь принимать всерьез разглагольствования жирондистов против маратистов и убийц? После убийства Лепелеттье убийство Марата. Удар в сердце нанесен тем, кого изболтывают как убийц. Так, даже в душе людей, предубежденных против Марата, чувства гнева и ненависти сменились удивлением и своего рода жалостью. Одна из пружин жирондистской пропаганды была сломана³.

Конвент и народ устроили Марату торжественные похороны⁴: горе бедняков и рабочих было неописуемым. Они потеряли друга, советчика, который им не льстил, который в случае надобности умел их предостеречь и мог быть суровым с ними. Смерть Марата была огромным несчастьем для Революции. Быть может, проживи он еще год, он бы воспрепятствовал роковым раздорам. Его сестра говорила: «Если бы мой брат был жив, Дантон не умер бы». Что это значит? Это, несомненно, означает, что он помешал бы ожесточенной кампании эбертистов против Дантона и примирил бы Дантона и Робеспьера. Но зачем приписывать ему такое огромное влияние и такой, почти божественный престиж, которые ему придала одна только смерть? События, несомненно, захлестнули бы его. В эти июньские и июльские дни он кажется близким Эберу и его друзьям; он, вероятно, не пошел бы за ними до конца. И, сделавшись помехой их нетерпеливому честолюбию, он также стал бы мишенью для клеветы, и его бы, вероятно, обошли. Или же, желая остаться в авангарде движения, ожесточенный восстанием в Лионе, изменой в Тулоне, он был бы охвачен убийственной яростью и до конца связал бы себя с политикой эбертистов. Нельзя с уверенностью сказать, гильотинировал ли бы он эбертистов или же был бы гильотинирован вместе с ними.

Сразу после смерти Марата эбертисты и бешеные начали оспаривать друг у друга его популярность и его имя. Жак Ру хотел продолжать издание его газеты. Он стал выпускать «Ами дю Пепля, пар л'омбр де Мара» («Друг народа, издаваемый тенью Марата») ⁵. У него, несомненно, не было недостатка в смелости. После страшной статьи от 4 июля ⁶ Жак Ру отправился к Марату на дом, о чем мы узнаем из полицейского донесения Грева Комитету общественной безопасности: «Когда граждане Кронье, Аллен и Грев из секции Марселя находились у гражданина Марата во вторник утром, 9 числа этого месяца, к нему явился Жак Ру, чтобы потребовать взять обратно то, что он [Марат] написал о нем в своей газете; Ру сказал, что он оставил дома свое свидетельство о крещении, доказывавшее, что его не зовут Реноди,

как это утверждал Марат. Марат ответил ему с характерной для него твердостью... Ру отвечал ему самым вкрадчивым тоном и самым лживым языком, в такой степени, что должен был предстать в наших глазах столь же подлым, сколь и опасным.

Как только Марат выпроводил его, Ру, прежде чем спуститься по лестнице, остановился на мгновение в конце длинной площадки и бросил на Марата долгий взгляд, дышавший мстостью, который невозможно описать, словом, взгляд, который произвел на всех нас глубочайшее впечатление. И вот, как только мы узнали о зловещей смерти Марата, наши подозрения, особенно подозрения Грева, тотчас же пали на этого мстительного священника⁷.

И именно в тот момент, когда его подозревали в соучастии в преступлении Шарлотты Корде, Ру завладевает именем Марата. Он пытается снова утвердиться в Коммуне. 19 июля он дает в ней объяснения по поводу знаменитого адреса и говорит, что некоторые выражения, вызвавшие неудовольствие, были плодом его «разыгравшегося воображения» ⁸. Таким образом он старается добиться одобрения своего дерзкого шага, с помощью которого он захватил политическое и народное наследие Марата.

Но в этот же час (21 июля) Эбер восклицает в Якобинском клубе⁹: «Если нужен наследник Марата, если нужна еще одна жертва, она вполне готова — это я! Только бы я унес в могилу уверенность в том, что я спас отечество, я был бы беспрельдно счастлив! Но долой, долой дворян! Дворяне убивают нас!»

3. О последствиях убийства Марата для революционного движения и для возникновения народного культа Друга народа см.: A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II, p. 92. [См.: A. Соболь. Парижские санкюлоты во время Якобинской диктатуры, с. 75. — *Ред.*]

4. О поиребальных почестях, оказанных Марату, см.: в частности A. Tueteu, IX, № 244; M. Tournoux, № 367; См.: Vachez et Roux, XXVIII, 395.

5. 16 июля под № 243, т. е. продолжая нумерацию газеты Марата, появился «Le Publiciste de la République française par l'Ombre de Marat, l'Ami du peuple» (B.N., Lc² 227 Réserve). «Французские республиканцы. — писал Жак Ру, — не покидайте священную Гору, этот оплот свободы. Марат не

умер. он поддержит вас против жаб Болота».

6. Жак Ру ответил Марату брошюрой: Jacques Roux à Marat (B.N., 8° Ln²⁷ 18057, imp. in-8°, 16 p.). См.: «Annales révolutionnaires», 1916, p. 530.

7. Этот документ сохранился в Национальном архиве (A.N., F⁷ 43851, d. 4) См.: C. - A. Dauban. La Démagogie en 1793 à Paris. p. 279; A. Soboul. Op. cit., p. 96, n. 20. [См.: A. Соболь. Цит. соч., с. 75 и сл. — *Ред.*]

8. «Moniteur», XVII, 182. Генеральный совет Коммуны перешел к очередным делам. «Аббат Ру кричит о несправедливости и заявляет, что он выпустит газету, в которой докажет свою невиновность».

9. «Journal de la Montagne», 23 juillet 1793; A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V. p. 309.

Набальзамированное сердце Марата было подвешено, как реликвия, под сводом Клуба кордельеров¹⁰: вот святыня Революции! Робеспьер, раздраженный этим ловким маневром, возражает против чрезмерных погребальных почестей. «Ревность!» — кричит ему Бантаболь¹¹; но Робеспьер хорошо знал, что эбертизм собирался заставить канонизированное сердце Марата заговорить по-своему, и хотел разрушить колдовство.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Жиронда была уничтожена одним ударом; даже Бордо, после нескольких слабых попыток, прекращает всякие действия и выжидает¹². Тарном — где возникло федералистское движение и который направил двух представителей промышленной буржуазии Кастра — Мазона и Жореса, — чтобы они заявили Конвенту протест, — в течение нескольких дней вновь овладела активная пропаганда монтаньяров¹³. Конституция дала колебавшимся, тем, кто не хотел выбирать между Жирондой и Горой, предлог выждать, отложить свое решение. Но эти отсрочки оказались роковыми для дела жирондистов. «Примем Конституцию», — говорили эти нерешительные люди. Она позволит нам сразу избавиться от двух группировок, истребляющих друг друга, и послать в новое Собрание «новых тружеников». Но принять конституцию означало признать изуродованный Конвент в качестве верховной власти. Это означало утвердить изгнание Жиронды. Итак, все работало против Жиронды, и жирондистская буржуазия, оказавшаяся зажатой между народными элементами и контрреволюцией, была бессильна.

Значит ли это, что всякая опасность гражданской войны была устранена? Нет, Вандея с каждым днем становилась все более грозной: католические и королевские войска, завладев 9 июня Сомюром, внезапно изменили свою тактику. Это уже не были разрозненные нападения из-за плетней и в поселках. Восставшие стягивают свои силы под командованием Кателино, *Алжуйского святого*, и решают осадить Нант¹⁴. Они предъявляют этому большому революционному городу устрашающее требование: «Либо вы капитулируете, либо к городу Нанту, когда он окажется в нашей власти, будут применены меры военного времени, и его гарнизон будет истреблен».

Тысячи мужчин и женщин, подобно стаям волков и волчиц, спешили к городу ради грабежа и поживы. «Вперед, вперед, в лавки ювелиров!» И их глаза светились металлическим блеском. Город был наполовину захвачен, но в приступе отчаяния, сделав героические усилия, он отбросил осаждавших. Увы! Сколько неистовых страстей загорается в этих городах, ощутивших почти

у самого сердца острие ножа! Какая ненависть вспыхнет завтра! Сколько репрессий и против врага, и против тех, кого заподозрят в том, что они были его сообщниками, помогавшими ему активными действиями или своей инертностью!

Кателино, смертельно раненный, вскоре умер. Но вандейцы, вернувшись в Бокаж, взяли во главе с Лескюром и Ларошжаклем грозный реванш: 11 июля они осаждают в Шатильоне республиканскую армию и истребляют распростертых на земле пленных солдат¹⁵. Жестокая война!

ВОССТАНИЕ В ЛИОНЕ И МАРСЕЛЕ

Продолжается не только восстание в Вандее; против Конвента открыто поднялись Лион и Марсель¹⁶. Собрание выборщиков Марселя заявляет, что оно не признает больше узурпированного и поработанного Собрания и избирает двух депутатов, Ванса и Жилли, в Конвент в Бурже, который должен заменить собой Конвент в Париже. 17 июля секционеры Лиона бросают вызов Революции, казнив Шалье. После Марата — Шалье!¹⁷ Но в Париже удар нанесла женщина. В Лионе это были граждане города, охваченные безумием модерантизма и контрреволюции. Меж тем как развивалась гражданская война, пруссаки и австрийцы продвигались вперед. 10 июля пал Конде, 23 июля — Майнц, после почти четырехмесячной осады и героического сопротивления. 28 июля пал Валансьенн. Неужели революционная

10. A. Aulard. Op. cit., p. 305, заседание 15 июля 1793 г.

11. A. Aulard. Op. cit., p. 303, заседание 14 июля 1793 г. Бантаболь Пьер Луи (1756—1798) — депутат Конвента от департамента Нижний Рейн.

12. Жорес преуменьшает здесь сопротивление Бордо: город был взят только 18 сентября 1793 г.

13. E. - A. Rossignol. Histoire de l'arrondissement de Gauliac... pendant la Révolution... Toulouse, 1890, p. 94.

14. О Вандее и ее главарях см.: Ж. Жорес. Социалистическая история Французской революции, т. V, гл. III.

Об осаде Нанта см.: Ch. - L. Chassin. Centenaire national du 29 juin 1793. Récit

authentique de la défense de Nantes. Nantes, 1893.

15. 18 июля 1793 г. вандейцы одержали победу под Вье (департамент Мен и Луара); 27 июля они захватили Пон-де-Се, угрожая Анжеру.

16. О Лионе см.: C. Riffaterre. Le Mouvement antijacobin et antiparisien à Lyon et dans le Rhône-et-Loire en 1793 (29 mai — 15 août). Lyon—Paris, 1912 et 1928, 2 vol.; E. d. Herriot. Lyon n'est plus. Paris, 1937—1940, 4 vol. О Марселе см.: G. Guibal. Le Fédéralisme en Provence en 1793. Paris, 1908; P. - A. Robert. Le Tribunal populaire de Marseille. Paris, 1913.

17. Шалье был третьим «мучеником за дело свободы», после Лепелетье и Марата.

Франция будет поставлена в безвыходное положение? Нет, она вся поднялась, исполненная мужества и уверенности в себе. Обуявший ее чудовищный кошмар — жирондистский кошмар — рассеялся. Марсель и Лион восстают, но подстрекаемые и руководимые роялистами. В Нормандии сбрасывает с себя маску роялистский генерал Вимпфен; в Лионе командование операциями берет на себя роялистский генерал Преси¹⁸; он и будет руководить сопротивлением осажденного города. Итак, Революции не приходится сражаться против себя самой. Если бы Жиронда, бежав, унесла с собой частицу революционного сознания, то смятение было бы велико. Но за раздробленным и в течение нескольких дней рассеянным жирондизмом вырисовывается роялизм и контрреволюция.

Революция, счастливая тем, что она вновь обрела целостность своего духа и своего права, бросается в борьбу с необычайным пылом. И это не толкование и не предположение.

«Нет, граждане, — пишет «Журналь де ла Монтань» 29 августа¹⁹, — нет, у нас нет гражданской войны; война, которую мы вынуждены вести, не гражданская война; это война внешняя; гражданская война может быть только тогда, когда в Республике существуют две партии и когда обе они претендуют на власть и верховное руководство. Теперь мы имеем дело лишь с врагом одного рода, будь то на границах, в Вандее, в Лионе или в Марселе: ведется война республиканцев против тех, кто хочет королевской власти. Поэтому не будем так пугаться всех последствий, обычно сопутствующих волнениям, возникающим между сыновьями одного отечества. ...Мятежники отождествляются с врагами государства. Название здесь не имеет значения, будь то пруссаки, лионцы, австрийцы, марсельцы. Значит, люди странным образом ошибались, когда говорили и писали, что среди нас существуют партии. Мы все поголовно сражаемся под знаменами отечества. Есть лишь один лагерь, лишь один лозунг — свобода, Республика, единая и неделимая. Все те, кто обнажает против нас шпагу, — подлинные роялисты. ...У свободных французов не может быть внутренних раздоров. Отныне все мы составляем одну семью».

Таким образом, ужас гражданской войны мерк в глазах революционных бойцов. Они сражались против контрреволюции, какова бы ни была ее форма, а контрреволюционер — это значит чужеземец.

ПРАЗДНИК ФЕДЕРАЦИИ 10 АВГУСТА 1793 г.

10 августа праздником Федерации революционная Франция с великим благородством ответила на угрозы всего мира. Это было празднество «Единения, Единства и Неделимости Франции». На него прибыли делегаты со всех концов Франции, выражая одобрение конституции первичными собраниями. И в то время,

как во всех первичных собраниях в один и тот же час один и тот же праздник Единства и Неделимости радовал сердца, в Париже великий главный праздник вбирал в себя все лучи и излучал их на весь мир. План великолепной церемонии был составлен гениальным Давидом, и рассказ о ней только восстанавливает перед нашим взором программу, составленную мастером²⁰. Какая красота была в том, чтобы показать в таком упорядоченном виде могущество народа! Горизонт, ограниченный войной, наполнялся спокойным величием Революции. В тот самый час, когда люди и народы терзают друг друга, революционная Франция, в высоком предвидении своей победы, раскрывает перед ними, каким будет мир, пределы которого расширятся благодаря свободе.

«Французы, собравшиеся на празднество Единства и Неделимости, встали еще до зари; волнуемая картина их сбора озарена первыми лучами солнца: это благодетельное светило, лучи которого изливаются на всю вселенную, было для них символом правды, которой они адресовали свои хвалы и свои гимны.

Первая остановка

Сбор был на площади, где раньше высилась Бастилия; среди развалин Бастилии возвышался «Источник Возрождения» в виде статуи Природы. Из сосков ее груди, которые она сжимала руками, в изобилии лилась чистая и целительная вода, которую поочередно пили 86 комиссаров от делегаций первичных собраний, т. е. по одному комиссару от департамента; предпочтение было оказано самому старшему по возрасту; все они пили из одной чаши.

Председатель Национального Конвента, совершив своего рода жертвенное возлияние и окропив землю свободы, выпил первым; затем он передавал чашу по очереди комиссарам первичных собраний; их вызывали в алфавитном порядке под барабанный бой и звуки трубы; каждый раз, когда комиссар отпивал из чаши, пушечный выстрел возвещал о совершении этого акта братства.

Потом на любимый всеми мотив «Марсельезы» присутствовавшие спели строфы, подходящие для церемонии; место церемонии

18. Преси (1742—1820) — подполковник лионского гарнизона в 1789 г., подполковник конституционной гвардии короля в 1791 г., командующий мятежными войсками Лиона в 1793 г., эмигрировал, возвратился во Францию в 1812 г.

19. «Le Journal de la Montagne», редактировавшаяся Лаво и Руссо, была официальным органом

якобинцев. Она выходила с 1 июня 1793 г. до 28 брюмера III г.

20. Давид Жак Луи (1748—1825) первым получил в 1774 г. Римскую премию, депутат Конвента от Парижа. «Moniteur», XVII, 119; Buchez et Roux, XXVIII, 436; «Archives parlementaires», LXXIV, 47.

было обидным; его украшением была одна природа; с некоторыми промежутками на камнях были сделаны надписи, напоминавшие о падении памятника нашего прежнего рабства; комиссары, выпив воды, обменялись братским поцелуем.

Процессия направилась по бульварам. Шествие открыли народные общества, двигавшиеся единой группой; они несли знамя с изображением всевидящего ока, взор которого пронизывает густое облако.

Вторую группу образовывали члены Национального Конвента в полном составе. Каждый из них нес в руке как единственный отличительный знак букет из пшеничных колосьев и фруктов. Восемь членов Конвента несли носилки с открытым ковчегом, в нем были дощечки, на которых были начертаны Декларация прав человека и Конституционный акт.

Комиссары посланцев первичных собраний 86 департаментов образовали цепь вокруг Национального Конвента, соединенные друг с другом трехцветной лентой, которая должна была олицетворять легкую, но неразрывную связь [Единства и неделимости]. Каждый из них нес в виде знака отличия пику, пучок прутьев, доверенный ему его департаментом, и оливковую ветвь, символизирующую мир. Посланцы первичных собраний тоже несли в руке оливковую ветвь.

Третью группу составлял высокочтимый суверенный народ в своей массе.

Здесь, в присутствии членов первичных собраний, все различия исчезают, все перемешивается; здесь больше нет корпораций, все члены общества слились в одну семью, хотя они и имеют свои знаки различия: так, председателя Временного Исполнительного совета видели рядом с кузнецом; мэра, с его шарфом, — рядом с дровосеком и каменщиком; судью в его одеянии и в шляпе с пером — рядом с ткачом или сапожником; черный африканец, отличающийся только цветом кожи, шел рядом с белым европейцем; привлекавшие внимание воспитанники Приюта слепых, ехавшие на платформе, являли собой трогательную картину внушающего почтение несчастья. Вы тоже были там, хрупкие питомцы Дома подкидышей, которых несли в белых колыбельках; вы начали пользоваться своими справедливо обретенными гражданскими правами; а вы, почтенные ремесленники, вы торжественно несли полезные и почитаемые орудия своего труда. И в этой многочисленной и трудолюбивой семье выделялась действительно триумфальная колесница — простая повозка, на которой сидели старик со своей старухой женой и которую влекли их дети — трогательный пример сыновней любви и почитания старости. Среди атрибутов всех этих ремесел можно было прочесть следующие слова, написанные крупными буквами: «Вот услуги, какие неутомимый народ оказывает человеческому обществу».

За этой группой следовали военные; они торжественно везли на колеснице, запряженной восемью белыми лошадьми, урну с прахом героев, со славой отдавших жизнь за отечество. Колесницу эту, украшенную гирляндами и гражданскими венками, окружали родственники тех, чьи доблесть и мужество прославлялись; граждане всех возрастов, обою пола держали в руках венки из цветов; вокруг колесницы в курильницах сжигались благовония и раздавались воинственные звуки военной музыки. Шествие замыкал отряд пехоты и кавалерии, в центре которого везли тачки, покрытые коврами, усыпанными лилиями, и нагруженные остатками гнусных атрибутов королевской власти и всеми надменно выставлявшимися напоказ погремушками угнетавшего нас дворянства; среди этих тачек на знаменах можно было прочитать: «Народ! Вот то, что всегда было несчастьем человеческого общества».

Вторая остановка

По прибытии в таком порядке на бульвар Пуассоньер процессия останавливается у триумфальной арки, под которой на лафетах пушек сидели героини 5—6 октября 1789 г., как они сидели в те дни; одни из них держали в руках ветки деревьев, другие — трофеи, красноречивые свидетельства блистательной победы, которую эти храбрые гражданки одержали над рабскими королевскими телохранителями. Здесь они получили из рук председателя Национального Конвента лавровую ветвь; затем, повернув свои пушки, они просоединились к шествию; сохраняя гордый вид, они объединились с сувереном.

На монументе были начертаны надписи, напоминавшие о событиях этих двух замечательных дней; радостные речи, артиллерийские залпы повторялись у всех городских ворот.

Третья остановка

На хорошо различных останках тирании была воздвигнута статуя Свободы, которую торжественно открыли; густые дубы образовали вокруг нее тенистый зеленый свод. Их ветки были увешаны дарами от всех свободных французов. Трехцветные ленты, колпаки свободы, гимны, надписи, рисунки были приношениями в дар богине; у ее подножия был сложен огромный костер; к нему со всех сторон вели ступени. Здесь, среди глубокого молчания, были сложены в виде искупительной жертвы живые атрибуты королевской власти; и здесь перед лицом любимой французами богини 86 комиссаров, каждый с факелом в руке, с ревностным старанием поджигают костер. Память о тиране была предана публичному проклятию; и тотчас после этого тысячи выпущенных на свободу птиц, с ленточками на шее, взвились в воздух, неся небесам весть о возвращении свободы на землю.

Четвертая остановка

Четвертая остановка была сделана на площади Инвалидов: посреди площади на вершине горы возвышается колоссальная статуя, изображающая *Французский народ*, сжимающий в своих мощных руках связку прутьев, символизирующую департаменты. Честолюбивый федерализм, выйдя из своего грязного болота, одной рукой раздвигает тростник, а другой пытается отделить несколько прутьев; французский народ, заметив это, хватает свою палицу, наносит ему удар и заставляет его вернуться в стоячее болото, чтобы никогда уже оттуда не выбраться.

Пятая остановка

Наконец, пятая и последняя остановка на Марсовом поле. Прежде чем вступить на него, были возданы почести равенству особым, подобающим Республике, образом: прошли под портиком, казалось созданным стараниями одной только природы; две фигуры, символизирующие Равенство и Свободу, осененные густой листвой и стоявшие на определенном расстоянии друг против друга, держали натянутую трехцветную гирлянду, к которой был подвешен огромный ватерпас, национальный ватерпас; он парил над всеми без исключения головами — гордецы, вы склонили голову!

По прибытии на Марсово поле председатель Национального Конвента, члены Национального Конвента, 86 комиссаров от посланцев первичных собраний, посланцы первичных собраний поднимаются на ступени алтаря Отечества. В это время каждый должен был прикрепить вокруг алтаря свое приношение — плоды своего труда, орудия своего ремесла или своего искусства. Таким образом, алтарь был убран более великолепно, чем если бы его украсили изысканные эмблемы пустой и ничтожной живописи; огромный трудолюбивый народ почтил Отечество орудиями своего труда, с помощью которых он кормит жену и детей.

По окончании этой церемонии народ расположился вокруг алтаря; председатель Национального Конвента возложил на алтарь Отечества все акты подсчета голосов в первичных собраниях; воля французов, одобивших Конституцию, была провозглашена в присутствии всех посланцев суверенного народа под сводом небес.

Народ поклялся защищать Конституцию ценой жизни; общий артиллерийский залп возвестил об этой возвышенной присяге; после этого 86 комиссаров первичных собраний приблизились к председателю Конвента; каждый из них вручил ему ту часть пучка прутьев, которую он нес в руке во время всего шествия; председатель соединил их вместе и перевязал трехцветной лен-

той; затем он передал народу плотно связанный пучок прутьев и сказал, что народ будет непобедим, если его ничто не разделит; председатель передал также народу ковчег с текстом Конституции и громко произнес: «Народ, я передаю сохранение Конституции под защиту всех добродетелей». Народ почтительно взял ковчег и торжественно понес его, и эту небывалую и трогательную сцену закончили тысячекратные поцелуи.

Граждане, не забудем славных услуг, оказанных отечеству нашими отцами, павшими при защите свободы. После того как мы слили наши братские чувства в широких объятиях, нам остается выполнить священный долг — гимнами и песнопениями прославить гибель наших отцов. Председатель Национального Конвента передал народу урну с прахом, предварительно увенчав ее лаврами на алтаре Отечества. Все эти церемонии завершились великолепной трапезой. Народ, сидя на траве под тентами, разбитыми для этой цели по всему Марсову полю, по-братски разделил пищу, принесенную с собой. Наконец были сооружены обширные театральные подмостки, где в форме пантомимы были представлены главные события нашей Революции²¹.

При ярком свете мрачные надписи в камерах Бастилии рассказывали о былом рабстве: «Старик омочил этот камень своими слезами»; «В эту темницу меня бросила продажность моей жены»; «Меня здесь погребли мои алчные дети»; «Этот камень никогда не освещался»; «Сюда приводит добродетель»; «Я никогда не знал утешения»; «К этому камню я прикован в течение сорока лет»; «Они покрыли мое лицо железной маской»; «Оставь надежду всяк сюда входящий»²²; «Я был забыт»; «На моих глазах раздавили моего верного паука»; «Я больше не сплю»; «Я умираю уже в течение сорока четырех лет».

Это было зрелище, небывалое в истории. Тех, кто по этому поводу говорит о воскрешении античных римских празднеств, вводит в заблуждение декор. В Древнем Риме, несомненно, бывали празднества, где преобладало гражданское начало. И через века христианства, когда толпы людей приводились в движение только в силу религиозной дисциплины и в церковной обстановке, свободное революционное человечество, казалось, воссоединялось со свободным античным человечеством. Но какой поистине новый дух! Прежде всего, даже во время своих великолепных гражданских церемоний Древний Рим оставлял место богам: великий император поднимался на Капитолий принести

21. Об этом празднестве 10 августа 1793 г. см.: M. O z o u f. Les Cortèges et la ville. Les itinéraires parisiens des fêtes révolutionnaires.

— «Annales E.S.C.», 1971, № 5, p. 889.

22. Надпись на вратах ада. (Данте. Ад, III, 9.)

благодарность высшим силам, даровавшим победу государству. А главное, то, что прославлял Древний Рим, — это было торжество силы, гордость завоевания, подавление слабых и подчинение народов; длинная вереница пленников и рабов свидетельствовала о славе римских армий и о превосходстве римских богов. И сверкающая колесница триумфаторов утверждала рабство людей. Здесь же при блеске революционного дня исчезают все тени религиозного и социального порабощения. Люди не призывают ни богов, ни бога. В этом празднестве 10 августа не проявляются ни грубые выпады эбертизма против христианства и культа, ни деистское ханжество Робеспьера. Религию не отрицают резко и не протаскивают ее исподтишка. Религию просто игнорируют, и свободный человеческий разум, свободная человеческая радость, казалось, развиваются вне ее. Все люди могут понимать природу по-своему: они могут видеть в ней неизмеримую силу, которая проявляется, или выражение разумного порядка, который движется к некоей цели; они могут приветствовать ее как вечную силу или как вечное божество; но во имя величественного единения праздника они помнят лишь об упорядоченной и живой беспредельности природы, благодаря которой она может потрясать и освобождать все умы. Революционеры хорошо знали, что в этот день обновились и они сами.

С гимном всего обновленного человечества председатель Конвента обращается к вечной Природе²³:

«О Природа, повелительница диких и просвещенных народов! Наш огромный народ, с первыми лучами солнца собравшийся перед твоим изображением, достоин тебя и свободен. В твоём лоне, в твоих священных источниках обрел он свои права и возродился. После стольких веков заблуждений и рабства ему надо было вернуться к простоте твоих путей, чтобы вновь обрести свободу и равенство. О Природа! Прими выражение вечной преданности французов твоим законам, и пусть эта живительная вода, брызжащая из твоих сосков, пусть эта чистая влага, напоившая первых французов, освятит в этой чаше братства и равенства клятву, которую Франция дает тебе в этот день, *самый прекрасный, какой озаряло солнце с тех пор, как оно сияет в безбрежном пространстве*».

После этого своеобразного гимна, этой «единственной с первых веков существования рода человеческого молитвы, обращенной к Природе представителями нации и ее законодателями», посланцы департаментов произнесли взволнованные и пророческие слова. «Они подходили к священной чаше свободы и равенства. Получив ее из рук председателя (который затем по-братски целовал каждого из них), один из них сказал:

«Я стою на краю могилы; но, прикасаясь губами к этой чаше, я верю, что возрождаюсь вместе с возрождающимся человеческим родом».

Другой, чьи седые волосы развеивал ветер, воскликнул: «Сколько дней я уже прожил! О Природа, благодарю тебя за то, что ты не прервала моей жизни до этого дня!»

Третий, *словно он присутствовал на пиришестве наций* и пил за освобождение рода человеческого, сказал, держа чашу в руке:

«Люди, все вы — братья! Народы мира, завидуйте нашему счастью, и пусть оно послужит для вас примером!»

«Пусть эта чистая вода, которую я сейчас выпью, — воскликнул четвертый, — станет для меня смертельным ядом, если весь остаток своей жизни я не посвящу истреблению врагов Равенства, Природы и Республики!»

Другой, исполненный пророческого духа, приблизившись к статуе, воскликнул: «О Франция, свобода бессмертна! Законы Республики, как и законы Природы, никогда не погибнут!»

То, к чему они зывают, вовсе не та искаженная Природа, которая видится слабому и мутному взгляду невежды и раба; это та Природа, которая раскрывается твердому взгляду, который знает и смеет. Она не скрывает в своих тайниках никакой власти мрака и ужаса, и можно искать в ее глубинах и высотах и не найти в ней верховного тирана, который оправдывает преступления тиранов. Никакие тайники мира не скрывают ничего, что давало бы одним людям право господствовать над другими людьми; наоборот, всеобщее и равное желание счастья всех человеческих существ есть великий призыв Природы к равенству. Итак, это уже не проявление римского духа аристократии, содержавшейся рабами; это — гордость всего свободного народа; это гордость освобожденного труда, знающего, что без него общество погибло бы. Рабочий народ, с орудиями своего труда в руках, преисполнен великих надежд, и широко открывшийся горизонт пробуждает мечты пролетариев. Вчера и они были подобны этому камню из казематов Бастилии: «Этот камень никогда не освещался».

Теперь труд — одновременно и краеугольный и замковый камень. И твердый гранит, так долго сокрытый во мраке, сверкает, как мрамор на солнце.

Но распространится ли эта вновь обретенная человеком свобода на все живые существа? Я представляю себе, что это мечтательное и пылкое поколение, вскормленное на идеях Руссо, думало о роде из «Новой Элоизы», когда выпущенные на свободу птицы «несли небесам весть о свободе на земле».

23. «Moniteur», XVII, 367. Речь, произнесенная Эро де Сешелем у Источника Возрождения. См.: P. Trahard. La Sensibi-

lité révolutionnaire. 1789—1794. Paris, 1936, chap. VI. «Le culte sensible de la nature», p. 150.

НОВЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС

Конвент доказал всему миру свою силу, свое революционное влияние и свою веру в будущее не только этим величественным празднеством. В эти необычайные дни Революция укрепила себя благодаря новому проекту Гражданского кодекса и всенародному ополчению. Кодекс не устанавливал социального равенства между семьями, но готовил внутри каждой семьи почти полное равенство. Все законы Конвента имеют целью уничтожить неравенство при разделе имущества между детьми, обеспечить всем одинаковую часть родительского наследства. Вначале эти законы Конвенту диктовал своего рода инстинкт революционного самосохранения. Когда в ноябре 1792 г. Конвент отметил право субституции, он уничтожил одну из феодальных форм гражданского права²⁴. Но надо было пойти дальше. Поскольку богатство весьма часто предрасполагает к модерантизму, поскольку буржуазия, получив от Революции выгоды, казалось, была склонна ее прекратить, то многие отцы семейств, умеренные, феиные или тайные аристократы, могли заставить своих сыновей, примкнувших к движению, дорого заплатить за свое революционное увлечение. Они могли полностью или частично лишить их наследства в пользу более благоразумных наследников. Таким образом сохраненное за отцом право свободы завещательных распоряжений было своего рода платой духу модерантизма и контрреволюции. Вот почему 7 марта 1793 г. по предложению Майля и Жансонне Конвент издал декрет о том, что «право распоряжаться своим имуществом на случай смерти, либо в виде сделки между живыми, либо в форме дарений по договору по прямой линии, отменяется и, следовательно, все потомки по нисходящей линии будут иметь равную долю в имуществе родственников по восходящей линии»²⁵.

Жансонне — это Жиронда. В этом вопросе Конвент был единодушен; с этим согласился даже Бюзо, который хотел, чтобы Собрание пошло дальше и чтобы право завещания было отменено по боковой линии так же, как и по прямой²⁶. Наследство делилось бы между непрямыми наследниками согласно твердо установленным правилам, которые не оставляли бы места для личной воли и произвола завещателя.

Проект Гражданского кодекса, зачитанный Камбасересом с трибуны Конвента 9 августа²⁷, накануне большого праздника Федерации, в час, когда все представители первичных собраний Франции съехались в Париж, уточняет применение этих принципов. Имущество отца не является в действительности его собственностью; это собственность его семьи, это собственность будущих поколений, за которые вступает общество. Глава семьи не будет полностью лишен права завещания. Но он сможет распо-

рядиться только частью своего имущества; и эта доля, этот резерв, будет очень мала. Глава семьи сможет распорядиться только одной десятой частью своего имущества, если у него есть дети, и одной шестой частью, если у него есть только родственники по боковой линии. Все его дети, законные и внебрачные, будут иметь равные права при разделе имущества²⁸.

«Мы полностью уравнием, — сказал Камбасерес, — всех детей, признанных их отцами; положение внебрачных детей связано с религиозными заблуждениями и феодальными пережитками; поэтому его надо устранить из законодательства, согласующегося с природой».

Отец может распоряжаться лишь одной десятой частью своего имущества, но он не может воспользоваться этим резервом, чтобы нарушить равенство между своими детьми. Он не может отдать эту десятую часть одному из них. Если он не распределит всего своего имущества между своими детьми, то он вправе будет распорядиться этой десятой частью, оставленной ему законом лишь для завещания какому-либо постороннему лицу или дальнему родственнику. Так яд неравенства не проникнет внутрь семьи и состояния будут делиться на возможно более мелкие доли. Более того, доля (десятая или шестая часть), которой он вправе распорядиться, может оказаться значительной. Если завещатель целиком отдаст ее одному наследнику, который может получить и от другого завещателя значительный дар, то может произойти такое накопление состояния, какого закон стремится не допустить. Поэтому Конвент устанавливает *максимум* для дарений. Никто не вправе передать другому имущество, годовой доход которого превышает 1000 квинталов пшеницы. Декрет от 17 ноября II г. определит лимит в 10 тыс. ливров серебром (см. Саньяка²⁹). Таким образом, никто не мог передать в дар капитал, пре-

24. Субституция, распоряжение, на основе которого подназначают последовательно одного или нескольких наследников, с тем чтобы наследник, назначенный первым, не смог произвести отчуждения имущества. Субституции были запрещены декретом от 14 ноября 1792 г. («Moniteur», XIV, 480).

25. «Moniteur», XV, 644, 659; «Archives parlementaires», LIX, 680, 682.

26. «Moniteur», XV, 659; «Archives parlementaires», LIX, 682.

27. Камбасерес Жан Жак (1753—1824) — советник Счетной палаты Монпелье, председатель уголовного трибунала департамента

Эро, депутат Конвента. «Archives parlementaires», LXX, 551.

28. Rapport et projet du décret sur les enfants naturels, présentés... le 4 juin 1793... (B.N., 8° Le⁸⁸ 272, imp. in-8°, 15 p.); Nouveau rapport sur les articles... concernant les enfants nés hors mariage (B.N., 8° Le⁸⁸ 538, imp. in-8°, 10 p.), заседание 9 брюмера II г. (30 октября 1793 г.).

29. P. h. S a g n a c. La Législation civile de la Révolution française. La propriété et la famille 1789—1804. Paris, 1898, p. 229. [См.: Ф. Саньяк Гражданское законодательство Французской революции М., 1928. — *Ред.*]

выпавший 200 тыс. ливров (если капитализовать из расчета 5%). И если получающий дар уже обладает равным состоянием, то он ничего не может получить. Революционный закон стремится воспрепятствовать слиянию состояний. Наконец, вследствие системы представления до бесконечности дробление наследства оказывается очень значительным. Ну и что же? Разве можно позволить, чтобы все несправедливости, допущенные с 1789 г., часто в ущерб сыновьям, наиболее преданным Революции, были подтверждены? Нет, нет, *«аристократию надо преследовать даже в могиле и признать недействительными все завещания, составленные из ненависти к Революции»*.

Одной из самых смелых мер, какие были приняты в революционное время, был декрет Конвента о том, что его законы о наследовании будут иметь обратную силу вплоть до 14 июля 1789 г.³⁰ Эта дата — день победы Революции. Итак, победа Революции заключала в себе равный раздел наследства между детьми: если у законодателя, поглощенного борьбой с интригами и заговорами аристократии, не было времени издать этот закон о равенстве, все завещания, составленные после этой даты, в которых равный раздел не был строго соблюден, все завещания, в которых дар превысил узаконенную долю (одну шестую или одну десятую состояния), были объявлены недействительными. Несправедливо облагодетельствованные наследники или лица, получившие дар, должны были возвратить в наследственную массу полученные ими излишки, чтобы ограбленные наследники или дети вступили во владение ими. Какая неожиданная удача для младших сыновей — революционеров! Конвент сохраняет в силе только дарственные в пользу бедных, «малоимущих слуг», лиц, чье состояние не превышает 10 тыс. франков. Это поистине революционное равенство в наследственном гражданском праве. И все находящиеся в Париже делегаты сообщат своим первичным собраниям о сильном впечатлении, произведенном этим великим актом. Вскоре, в декабре, проект станет законом и вызовет у значительной части буржуазии необычайный энтузиазм и энергию. Революция действительно не забывает своих приверженцев.

ВСЕНАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

Но надо защищать, надо спасти эту великую и благодетельную Революцию. А так как в заговоре против нее мир, надо, чтобы она сама стала миром, мобилизовав все свои силы³¹. 12 августа делегаты первичных собраний предложили на рассмотрение Конвента идею всенародного ополчения, но она была неясно выражена и облечена в странную форму — военной реквизиции подозрительных лиц³².

«Мы предлагаем, чтобы все подозрительные лица были арестованы; чтобы они были отправлены к границам в сопровождении устрашающей массы санкюлотов; там они будут в первых рядах сражаться за свободу, которую они оскорбляют вот уже в течение четырех лет, или же они будут уничтожены пушками тиранов».

В эти дни, в годовщину событий 10 августа 1792 г., Дантон вновь обретает свою замечательную революционную тактику — воодушевлять всех и облагораживать энергию нации. Он берет из предложения делегатов то, что в нем есть священного и великого. Да, пусть арестуют подозрительных, но при условии, что будут арестованы вожаки, подлинные виновники, и что подозрение и гнев не распространят на введенных в заблуждение бедняков. Но особенно важно, чтобы поднялась вся нация. И пусть делегатам первичных собраний будет поручено в своих кантонах и коммунах вдохновлять граждан на бой, проповедовать и организовывать всенародное ополчение³³.

23 августа Барер предложил от имени Комитета общественного спасения знаменитый декрет, который провозгласил новую военную тактику Революции — наступление крупными массами, — и упорядочил путем последовательных реквизиций осуществление всенародного ополчения³⁴. Да, Франция, таким образом призванная, таким образом организованная Революцией, когда использовались все ее силы, все богатства ее патриотизма, ее мощи, мужества и гения, стоила всего мира. Она стоила больше, чем мир коали-

30. Обратное действие вплоть до 14 июля 1789 г. в конце концов было установлено законами о наследовании от 5 и 12 брюмера II г. (25 октября и 2 ноября 1793 г.) и от 17 нивоза II г. (6 января 1794 г.).

31. О происхождении и народном понимании всенародного ополчения см.: A. Soboul. Op. cit., p. 109. [См.: А. С о б о у л ь. Цит. соч., с. 84 и сл., в частности петицию секции Единства от 28 июля 1793 г. — *Ред.*]

32. «Moniteur», XVII, 387; «Archives parlementaires», LXXII, 101.

33. Ibid.; Danton. Discours, p. 528. Робеспьер 14 августа 1793 г. в Якобинском клубе был сдержан: «Нам не хватает не людей, это нашим генералам не хватает патриотических добро-

детелей». («Journal de la Montagne», 16 août 1793.)

34. Rapport et décret du 23 août l'an II ... sur la réquisition civique des jeunes citoyens pour la défense de la patrie... (B.N., 8° Le³⁸ 427, imp. in-8°, 20 p.). Этот знаменитый текст хорошо известен: «С этой минуты и вплоть до изгнания неприятеля за пределы Республики все французы находятся в состоянии постоянной мобилизации для службы в армии. Молодые люди будут сражаться; женатые будут ковать оружие и доставлять продовольствие; женщины будут готовить палатки и работать в лазаретах; дети будут чинить старое белье на коршню; старики будут выносить на площади, чтобы они подогревали мужество бойцов и проповедовали ненависть к королям и единство Республики».

ции Другие правительства и другие народы только частично участвовали в страшной игре. Англия берегла свои силы для торговли и ожидала поражения Франции в результате ее разложения, порожденного анархией. Пруссия и Австрия устремили свои взоры на Польшу. Во всех действиях коалиции были какая-то рассеянность, медлительность и неуверенность. Франция же отдавала себя всю целиком; она отдавала войне за свободу все свое достоинство, всю свою душу. Она заслуживала победы в интересах всего человечества.

От генералов потребовали понять нужды нового времени. Всякое поражение будет рассматриваться как предательство, так как всякое поражение обнаружит своего рода несоответствие между духом военачальника и духом Революции. А Кюстин³⁵, недавно вызванный в Париж для объяснений, изменник ли он в строгом смысле этого слова? Нет, он не намеревался выдать свои армии врагу, он не плел интриг, как Дюмурье. Он желает победить, но воображает, что оказывает Революции большую честь, командуя ее армиями. У него нет ни огня, ни силы, ни отваги, столь необходимых. Всюду, где он командовал, враг захватывал крепости, занимаемые французами. В Германии — поражение под Франкфуртом, капитуляция Майнца. На севере Франции — падение Конде, Валансьенна. Всюду нерешительность, беспомощность.

Пусть падет его голова, дабы кровавый урок заставил генералов идти в ногу с Революцией. Робеспьер торопит с судом над Кюстином³⁶. 27 августа его осуждают на смерть; подавленный приговором, едва для него понятным, он ищет сил умереть не в гордости революционера, а в молитвах прошлого; он становится на колени на первых ступенях эшафота, по которым вскоре множество людей, преисполненных духа Революции, нанесшей им удар, поднимутся чуть ли не с вызовом. Вот голова Кюстина. О генералы, остерегитесь! Вас избавит от гильотины только победа! Франция, подставив себя под меч, подставила вас под нож.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС

Так в эти августовские дни нарастает революционная сила, и чего мог бояться этот океан, всколыхнувшийся до самых глубин? Но в первые же дни сентября 1793 г. два важных и грозных события доведут до неистовства чувства гнева и надежды, владевшие возбужденным и страдающим народом. Прежде всего, высшей точки достигает продовольственный кризис. Он усиливался в течение ряда месяцев. По мере того как множились атаки и ширившаяся война требовала все более длинных обозов с продовольствием и все более затрудняла для Франции снабжение из-за рубежа, цены на самые необходимые продукты все возрастали. Как устранить эту дороговизну? Теоретики, авторы разных систем предлагали свои теории и системы. Они хотят изменить весь режим земельной собственности.

Доливые и Л'Анж полностью развили свои идеи, которые они вначале таили про себя или выражали робко.

ДОЛИВЬЕ И «ОПЫТ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ»

Доливые решаются опубликовать свой «Опыт о первоначальной

5. Кюстин Адам Филипп (1742—1793) — главнокомандующий Северной армии, смещенный 22 июля 1793 г., обвинительный декрет против него был принят 25 июля. Революционный трибунал начал рассматривать его дело 15 августа, он был приговорен к смерти 27 го и казнен 28 августа 1793 г. См General Herlault. Les negociations de Custine avec l'ennemi — «An-

nales historiques de la Revolution française», 1932, p 517

36. Робеспьер выступал против Кюстина в Конвенте 27 июля 1793 г., в Якобинском клубе — 5 и 11 августа, в Конвенте — 12 10, в Якобинском клубе — 14, 21 и 25 августа (M. Robespierre, Œuvres, t X, Discours, 5^e partie, p 10, 52, 60, 66, 71, 75, 79.)

справедливости, как исходном принципе единственно возможного социального порядка, могущего обеспечить человеку все его права и все средства для достижения счастья». Он, без сомнения, выпустил свой «Опыт» в конце июля 1793 г.¹

«Я написал это небольшое сочинение более полугода назад. С тех пор я старался предложить его вниманию нескольких секций Парижа и нескольких народных обществ. Но помимо того, что оно вызвало угрозы встревоженной *земельной аристократии*, роковые события, происшедшие в то время и создавшие для Республики прямую опасность, привлекли все внимание к совсем другим вопросам. Прежде чем думать о форме здания, надо было обеспечить прочный фундамент, на котором оно должно было быть возведено.

Ныне настало время опубликовать это сочинение, или же такое время не настанет никогда. Наша Революция вступила в период, позволяющий предвидеть наступление царства справедливости; я излагаю его основы. Горе народу, если он упустит столь прекрасный случай их заложить!»

Выдержка из протокола «многочисленного собрания граждан коммуны Овер, дистрикта Этамп, состоявшегося 21 июля II г. Республики»², позволяет нам судить о произведенном им действии на граждан деревень.

«Ныне, 21 июля II г. Республики, мы, граждане коммуны Овер, дистрикта Этамп, свободно собрались как сельское общество, чтобы обсудить представленное нам сочинение под названием «*Опыт о первоначальной справедливости*» Пьера Доливье, кюре из Мошана, гражданина, которому мы не раз свидетельствовали свое уважение; избрав председателем гражданина Жоржа Венара, а секретарем Луи де Грана, мы все единодушно, с тем большим энтузиазмом приветствовали сочинение кюре из Мошана, что оно, как нам кажется, ставит перед нами истинную цель и предлагает единственные основы, на каких может быть создана Республика, способная обеспечить каждому все его права и все средства для достижения счастья.

Мы, разумеется, не льстим себя надеждой, что хорошо разобрались во всех рассуждениях автора. Мы признаем, что они частично выше нашего понимания. Но если эти принципы и требуют больших знаний, чем наши, то нам все же достаточно простого здравого смысла, чтобы живо почувствовать некоторые истины, вытекающие из этого труда и оставившие в нашей душе впечатление, гораздо более глубокое, чем все то, что говорит только уму. Такова вечная истина, которая гласит: *в высшей степени несправедливо, что наши человеческие законы навсегда распорядились земными просторами; что согласно этим законам одни бесплатно обладают огромными правами, а другие вовсе не имеют никаких; что один рождается богатым, а другой — бедным*. Словно каждый не должен заслужить это сам, либо своим талан-

тами, либо своим трудом, своим мастерством, одним словом, хорошим или дурным применением своих способностей! Ведь одна только эта истина, если ее хорошо прочувствуют, могла бы вывести нас из полного противоречий состояния, в котором мы пребываем, и избавить нас от всякой пагубной политической ошибки!

Что касается временного средства, предлагаемого автором, то мы не колеблясь заявляем, что оно должно быть принято при любом положении вещей. И право, если большинство должно по-прежнему быть лишено своего вещного права на землю на основе раздела, то оно по меньшей мере должно обладать правом обрабатывать ее в качестве арендаторов.

Мы также отметили в этом «Опыте» уверенность, с какой автор предлагает способ создать общие значительные средства» обеспечивающие полностью все, даже истинно национальное воспитание, т. е. воспитание молодых (élève) граждан³, что существенно отличается от проектов народного образования; и это без какого бы то ни было налога! Можно представить себе, как средство это упростило бы политическую машину и облегчило бы все ее действия! Мы признаемся, что сначала это показалось нам слишком чудесным, чтобы мы осмелились поверить этому; но некоторые объяснения, данные кюре из Мошана, заставили нас не только понять возможность, но и почувствовать всю верность того, что неизбежно вытекает из порядка вещей, какой он устанавливает на основе своего принципа справедливости.

Наконец, автор предлагает развить свой план и представить всю свою систему, если общественное мнение не противопоставит ей непреодолимых препятствий. Желая поддержать его всеми силами, мы голосуем за напечатание этого «Опыта» и хотим, чтобы экземпляры его по возможности были направлены Национальному Конвенту, секциям и народным обществам...»⁴

Доливье, сперва напуганный гневом *земельной аристократии*, все-таки решается сформулировать ту теорию собственности, которую он изложил в довольно загадочных выражениях в своей заметке в защиту восставших жителей Этампа⁵.

Только под защитой, под покровительством честных земле-

1. P. Dolivier. Essai sur la justice primitive. (B.N., 8° Lb⁴¹ 3190, imp. in-8°, 40 p.) О Доливье Пьере (1746—1830), кюре из Мошана, преподавателе и литераторе при Директории и Консульстве, см.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. II, с. 389, «Пьер Доливье и собственность»; «Опыту» предшествует Обращение к французскому народу.
2. P. Dolivier. Op. cit., p. 40.

3. «Élève — слово, употребляемое в деревнях для выращиваемого молодняка стада». [Примечание Доливье, с. 42.]
4. Доливье направил свой «Опыт» Конвенту в знак уважения 16 октября 1793 г. («Archives parlementaires», LXXVI, 608.)
5. Навек на убийство Симонно, мэра Этампа, и петицию сорока граждан коммуны Мошана. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. II, с. 390.

дельцев Доливье осмеливается выступить со своей книгой; п. критикуя право земельной собственности, он всячески старается не произвести впечатление, будто предлагает аграрный закон, запрещенный страшным декретом Конвента⁶:

«Возвести настоящее здание общественного счастья возможно только на почве незыблемой справедливости. Мы тщетно будем искать эту справедливость в том мире морали, в котором мы живем; в нем ее не найти. У нас есть только ее призрак, принимающий любые формы, какие пожелают; каждый из нас придает ему тот вид, какой он хочет, а затем старается выдать его нам за подлинную справедливость. Если послушать различные партии, присваивающие справедливость исключительно себе, то каждая уверена в том, что она на ее стороне. Мне кажется, что я вижу людей, торгующих целебными средствами, каждый из которых кричит: «Подходите, это я нашел единственное средство от всех болезней!» Каждый класс граждан смотрит только сквозь призму своих частных интересов и утверждает, что видимое им и есть подлинная справедливость. Богатые владельцы видят ее в том, что они называют своей собственностью; бедняки — в разделе земли, которого они жаждут; и те, и другие не правы; справедливость — это нечто совсем другое⁷.

Существует два рода собственности⁸: собственность естественная и собственность гражданская. Естественная собственность не выходит за пределы личности каждого индивида; это его право распоряжаться собой и своими способностями. Гражданская собственность — это собственность, которая возникает из общего и неограниченного права, ставшего частным и исключительным правом. Так как право этой гражданской собственности не было ограничено справедливыми пределами, она стала неиссякаемым источником развращения и несчастий для народов.

В самом деле, способ, каким она оказалась установленной, может лишь увековечить законный разбой, сосредоточить источники в руках немногих привилегированных в ущерб большинству и вызвать его вполне оправданный ропот и его возмездия. Отсюда эти разногласия, эти столкновения различных интересов среди граждан; отсюда все эти неистовые страсти, которые их столь сильно волнуют и жестоко мучат; именно этой последней собственности я и коснусь в настоящий момент, как собственности, висящей на волоске, с самыми большими и важными последствиями...

Землю, взятую в целом, следует рассматривать как великое общее достояние, дарованное природой; все живые существа изначально обладают неограниченным правом на ее плоды⁹. Каждый вид животных обладает инстинктом, руководящим им. Человек, кроме того, обладает разумом, с помощью которого он создает для себя новый порядок вещей — социальный порядок; при этом социальном порядке неограниченному праву не должно быть места, в противном случае общество не могло бы существо-

вать, но взамен каждый индивид должен получить в нем свое право на долю общего достояния, на которое у него имеются такие же притязания, какие были у всех тех, кто ему предшествовал, или существуют у всех тех, кто идет рядом с ним по жизни. Ни один закон, ни один ранее заключенный договор не могли лишить его этого права. Это его необходимая обязательная доля, которой он один вправе располагать. Использовать это право иначе по отношению к нему — значит отменить для него непрерывность раздела; это значит вернуть ему во всей его широте неограниченное право на общее достояние. Пусть задумаются о последствиях этого последнего вывода; они не терпят никаких ограничений.

Эта истина настолько неоспорима, что она недавно во всеуслышание была признана и подтверждена в декларации народного суверенитета. Одно поколение, как было сказано, не вправе издавать законы для следующего поколения и распоряжаться его суверенитетом. *С гораздо большим основанием, следовательно, имеет оно право распоряжаться своим достоянием!*

Из этих принципов, против которых я не предвижу возражений, с очевидностью вытекает, что истинными собственниками земли являются только нации и их подразделения — коммуны, так как они имеют право участвовавших в разделе, а поколения только обладают правом пользования, или, иначе говоря, владеют собственностью лишь пожизненно. Поэтому люди вполне могли упорядочить между собой это право пользования и издать законы о разделе, которые обеспечили бы каждому из них ту часть, которая ему должна принадлежать, но они должны были на этом остановиться. Они никогда не имели права посягать на землю, присваивать ее себе и передавать владение ею на таких же основаниях, на каких они могут распоряжаться своим правом пользо-

6. Община прихожан Машана насчитывала от 135 до 140 жителей (34 двора): мелкие крестьяне — вилоградари и поденщики, зависевшие от двух «пахарей», «деревенских петухов», владевших крупными хозяйствами. Эти двое платили в последние годы старого порядка 800 ливров талы [прямого налога], в то время как 18 поденщиков платили только 600 ливров. Аграрная проблема всегда проявляется на основании податных списков: в то время как жители владели самым большим 86 арпанами, арендаторы цельных ферм возделывали 192 арпана. Концентрация земель в руках арендаторов-капиталистов

проливает свет на главное требование мелких крестьян — раздел крупных ферм, что Доливье и описал в своем «Опыте». Располагая приходом, дававшим ему 850 ливров годового дохода, что едва избавляло его от нужды, живя в деревенской общине с явными антагонизмами, как мог Доливье не стать выразителем настроений и чаяний крестьян?

7. P. Dollivier. Essai..., p. 7.

8. Ibid., p. 10, «О собственности. Второй вопрос. Сколько существует родов собственности?»

9. Ibid., p. 11—16, «О собственности. Третий вопрос. Кто может предоставить право собственности?»

вания. Это значит выходить за пределы своего права и вступать в сделки относительно того, что тебе не принадлежит; это значит присваивать себе власть, юрисдикцию, которые ни на чем не основаны; следовательно, это значит совершать недействительный акт; разве только утверждать, что когда-то одно поколение могло бы выступить в роли абсолютного властителя всех народов, которые его сменят, и объединить в себе одном весь их суверенитет. О, как могли бы люди приобрести подобную власть над всем тем, что им угодно называть *своей земельной собственностью*, если они не обладают ею над своей безусловной собственностью, над своей личностью?

Разумеется, ничто не принадлежит людям больше, чем их собственное существование; ничем они не владеют в большей мере, чем тем, что составляет их существо. Однако, когда они умирают, все это они возвращают природе; распавшиеся члены их тела возвращаются в общую массу и послужат для образования других существ, у которых с ними не будет ничего общего. С помощью какой тайной силы и магического искусства придали они нерушимый характер тому, чем владели только внешне?

Как получается, что, в то время как сами они остаются общим достоянием, их имущество всегда оказывается отделенным от него? Суть в том, что это право является явным попранием всех прав, актом вероломства по отношению к законному господству природы, с целью добиться господства богатства: роковое божество, которое люди себе создали в нарушение самого содержания общественного договора и которое стало пагубной причиной всех социальных бед.

Действительно, люди объединились в общество только для того, чтобы оказывать друг другу взаимную помощь и взаимно умножать свои средства для достижения счастья. Это первое положение избавляло их от всего случайного и предполагало явное или молчаливое соглашение о том, что каждый член общества, исходя из своих естественных прав, из которых он извлекал выгоду сообразно своим способностям, обязывался вносить в общие средства свой полезный вклад, если он хотел извлечь из них выгоду, соответствующую доходу. Но как только появилось право земельной собственности, в том виде, как оно существует у нас, соглашение было фактически аннулировано, естественные права исчезли, чтобы уступить место правам богатства, общий источник стал источником разбоя, оспариваемым друг у друга не теми, кто постоянно вносит в него наибольший вклад (они чересчур удалены от него), а теми, кого судьба поставила вблизи этого источника грабежа или кто умеет проложить себе путь к нему любыми средствами.

Поэтому, вследствие такого искажения первоначальных намерений общественного договора, и происходит, что тот, кто

вносит в общий фонд только вес своей личности или, что еще хуже, только ложный вклад, только вредный взнос, извлекает из него много, тогда как другой, посвящающий ему всю свою нелегкую трудовую жизнь, не получает от него ничего, разве что дополнительное бремя страданий.

И вот, в то время как богатая праздность, интрига, притворство, наглость пожирают все выгоды общества, раздирая его, трудолюбивая честность, осужденная на незаслуженную бедность, именно для того, чтобы возместить нанесенный ими ущерб и кормить их, изнуряет себя. Я хорошо знаю, что это зло — всеобщее и что цивилизованный человеческий род, разделенный на части, которыми руководят по-разному, почти повсеместно являет одну и ту же позорную картину, когда одни люди — жертвы других людей. Какой из этого вывод? Что это — неизбежное бедствие общества? Нет, это его преступление, и причина его коренится в нашем противозаконном праве земельной собственности...

Социальная справедливость основывается на двух нерушимых принципах: первый гласит, *что земля принадлежит всем в целом и никому в частности*; второй — *что каждый имеет исключительное право на продукт своего труда*¹⁰...

Из первого следует, что если земля принадлежит всем в целом и никому в частности, то никто не должен владеть ею как собственностью или же что все должны получать одинаковую выгоду; из второго — что если каждый имеет исключительное право на продукт своего труда, то он должен свободно располагать им по своему усмотрению, во всяком случае, при условии, что от этого не пострадают общественные интересы¹¹.

Из этого также следует, что участок земли, предоставленный каждому и изъятый из общего владения, должен быть возвращен после смерти этого человека и что, напротив, каждый, имея право полностью распоряжаться продуктом своего труда, может его передать по своему желанию или в порядке наследования, установленном законом. *Следовательно, в конечном итоге на землю можно иметь лишь право пожизненного владения; следовательно, только один вид собственности может передаваться по наследству — движимая собственность...*

Как мы видим, Доливе остановился на той же ступени, на какой находился Бабёф, когда он писал Купе из Уазы. Неогчуждаемое право каждого человека, появляющегося на свет, каса-

10. Ibid., p. 18. «Итак, чтобы возвратиться к истинному социальному смыслу и чтобы охватить весь его строй, всю гармонию, которая превратила бы его в сплошное благодеяние, мы должны отказаться от всего нашего политического сооружения и воз-

вратиться к первоначальной справедливости, которую мы должны заимствовать из естественного состояния и развить ее, чтобы заменить ею право силы, которое должно быть изгнано навсегда».

11. Ibid., p. 19.

ется только земли. И когда общество обеспечило каждому человеку, предоставив ему в пожизненное владение участок земли, минимум средств для существования, оно больше уже не должно ему ничего; оно позволяет ему на этой узкой, но нерушимой, неотчуждаемой основе создавать себе большее или меньшее состояние¹².

По Доливье, одержимый мыслью о главенстве земельного богатства, воображает, что различие между размерами движимых имуществ будет очень незначительным, если земельная собственность будет поровну разделена между всеми и если она никогда не сможет, по прихоти одного поколения, сосредоточиваться в руках небольшого числа людей.

Он, очевидно, имеет в виду еще раздробленное промышленное производство, общество скромных ремесленников, которых предохраняет от превращения в пролетариев владение небольшим земельным капиталом:

«Как нам не негодовать, не возмущаться при виде того, что политическая судьба человека зависит от случайности его происхождения или от каких-то особых обстоятельств, при виде того, что счастье и несчастье являются уделом существ, ничего не сделавших, чтобы один заслужил больше, чем другой?»¹³ Как? Из двух детей, рождающихся на свет, один — сын богатого землевладельца, а другой — сын несчастного поденщика, у которого есть только руки, чтобы поддержать свое существование; первый рождается с огромными правами, второй лишен даже права обеспечить себе жалкое существование! Один оказывается вознесенным на вершину благоденствия, почестей, удовольствия; другой, обреченный на горестную нужду, осужден на всяческие лишения, страдания и тяготы! Разве они оба не в равной мере дети природы и общества? Что же сделал им второй, чтобы оказаться в такой жестокой немилосердии и быть совершенно обездоленным? И что сделал для них первый, чтобы получить столь великие милости, чтобы его столь щедро одарили?

Может ли быть, чтобы это вопиющее попрание первых, самых реальных прав человека еще никого не поразило? И мы еще смеем говорить о свободе, о равенстве! Какого же смысла придаем мы этим словам? *О какой свободе может идти речь, когда нужда, вызываемая всеобщей бедностью, делает человека зависимым от всего?* И о каком равенстве может идти речь, когда для одних оказывается сделанным все, а другие должны делать все, или — выражаясь яснее — когда для одних все, а для других ничего?»

Но вот замечательная по своей силе обвинительная речь против лицемерия идеального юридического равенства, разоблачаемого фактическим неравенством.

«Они могут приобретать, скажут нам, для них все открыто¹⁴. Новый закон устранил всякое предпочтение тем или дру-

гим лицам и открыл для всех без различия возможности продвижения. Так вот что подразумевают под словом *равенство*! Сколько нужно иметь иллюзий, какую власть над нами даем мы словам! Те, у кого ничего нет, могут приобретать; но, *прежде всего, почему у них ничего нет?* Почему только ценой приобретения могут они чего-то достигнуть, в то время как другие получают бесплатно в руки все, что позаботилось предоставить им богатство? И затем, — это великая истина, высказанная Ж. Ж. Руссо, — заработать первый пистоль гораздо труднее, чем второй миллион. И правда, все приносит выгоду тому, кто многое может; но все становится трудностью, препятствием для того, кто не может удовлетворить свои потребности. Если после удовлетворения потребностей одного дня ему кое-что и остается, то это поглощается потребностями завтрашнего дня, а часто даже сверх того.

Беспреданно оказываясь во власти обстоятельств, он вынужден подчиняться любым из них, никогда не имея сил предупредить хотя бы одно из них; *и в то время, как он позволяет извлекать из себя выгоду, он не находит никого, чтобы извлечь выгоду из него. Сеет он, а пожинают плоды богачи; те, кто его нанимает, получают доход от его труда.*

Итак, он всегда работает для обогащения других, а не для своего собственного. Но эти богачи считают, что они весьма необходимы несчастным людям; и, когда они дают работу на своих землях или в своих мастерских значительному числу людей, они говорят со своего рода бахвальством, что дают жить многим людям; они должны были бы сказать, что требуется много людей, чтобы дать им жить в богатстве и бездельи.

Иногда говорят о колесе фортуны; но кто не знает, что оно вертится только для людей состоятельных и интриганов? Это почти чудо, чтобы честному человеку, у которого ничего нет, удалось обеспечить свое существование; для этого нужно редкое стечение обстоятельств; подобные примеры лишь исключение из общего правила; *обездоленная масса народа по-прежнему осуждена владеть нищенским существованием.* Продавали и еще продают каждый день много национальных имуществ. Кто этим воспользовался и продолжает пользоваться? Разве не одни богачи или те, кто имеет возможность ими стать?

Бедняки, люди чуждые и далекие от интриг, видят, как все

12 Это различие между регламентированной земельной собственностью и свободной движимой собственностью обычно для той эпохи. Жорес упоминает Бабефа и его письмо к Куне из Уазы, смотри также Моморо и его «Декларацию прав». Земельное богатство все еще утверждало свое

неоспоримое и бесспорное главенство Доливье, как и большинство социальных теоретиков той эпохи, не имел понятия об общем развитии экономики.

13. P. Dolivier. Op cit, p. 20—21.

14. Ibid., p. 22, примечание.

проходит мимо них, как их лишают возможности чего-нибудь достичь. О, каким образом могли бы они внести необходимые авансы, они, которые с трудом могут обеспечить себе жалкое ложе, чтобы дать отдохнуть своим измученным членам? Правда, им говорят в утешение, что они имеют право на все, что закон никого не лишает возможностей преуспевания, предоставляемых им. Да, закон никого не лишает формально и в правовом отношении этих возможностей; но фактически большинство неизбежно оказывается лишенным их. Что бы случилось, если бы я использовал новую возможность протестовать и если бы я доказал, что большинство этих возможностей преуспевания, будто бы доступных каждому, тем не менее является посягательством на реальные права именно этого большинства и только умножает средства для его угнетения? Но я не могу сразу высказать все»

Какую же систему предлагает Доливые? Он хочет уничтожить крупные фермы, разделить землю на столько мелких хозяйств, сколько окажется семейств¹⁵. Я представляю себе (ведь его «Опыт» — только набросок в весьма общих чертах, где детали сплошь да рядом отсутствуют), что земельные наделы были бы предоставлены только главам семейств, которые пожелали бы их получить и обязались бы их обрабатывать; ибо тех, кто поселился в городах и стал ремесленником, достигшим некоторой зажиточности, и не согласился бы оставить свое ремесло, не стали бы принуждать возвратиться на землю. Они только знали бы, что в случае нужды или если их постигнет какое-нибудь несчастье они смогут потребовать свою часть «общего достояния». Это служило бы для них обеспечением; таким образом, земельная собственность — это своего рода общий фонд социального страхования от нищеты и превратностей жизни. Мысль Доливые была бы ныне осуществлена в более современной форме, если бы фонд социального страхования, равный стоимости земель Франции (т. е. огромной стоимости), был предназначен для страхования всех граждан от всех превратностей жизни, от увечья и безработицы, а также для обеспечения каждого из них небольшим капиталом на обустройство, либо для занятий независимым ремеслом, либо для участия в непрерывном увеличении богатств путем приобретения акций крупных промышленных предприятий.

Доливые вполне отдает себе отчет в том, что это уничтожение крупных ферм было бы революцией не только социальной, но и агрономической, и заявляет, что система мелких хозяйств не будет уступать системе крупных¹⁶. Но как передать земельную собственность из рук ее нынешних владельцев совокупности всех граждан? Как совершить эту общую экспроприацию земельных владений? Этого Доливые не говорит, а в этом, несомненно, незавершенный аспект его системы. Он указывает на это, но определенно не настаивает. Чтобы полностью раскрыть свой замысел, он хотел увидеть, какое впечатление произведут его наброски, и,

несомненно, собирався вскоре довести свою мысль до конца, если его не остановит внезапно какая-нибудь неожиданность¹⁷.

Мыслящие люди не забывали о декрете от 18 марта¹⁸. Доливые, впрочем, предупредил, что он намерен действовать осторожно и постепенно, щадить обычаи и традиции.

«Я должен, думаю, мне, успокоить нынешних владельцев, предупредить их, что я далек от мысли предложить осуществление во всей строгости моих принципов по отношению к ним¹⁹. Мера эта была бы не только чересчур сурова, она была бы еще и несправедлива во многих отношениях и только привела бы к наказанию людей за нарушение закона. Это люди больные, характер которых испорчен дурным порядком, и с ними следует обращаться бережно. Уничтожим причину порока, но сохраним тех, кто им поражен; оставим им средства жить по их разумению, так как злополучное их существование сделало это для них потребностью. Удовлетворимся тем, что ограничим некоторым образом зло их кругом, дабы оно окончилось вместе с ними. Мы сами тоже нуждаемся в том, чтобы постепенно приспособиться к тому состоянию справедливости, какое я имею в виду. Все, что мы можем сделать, — это установить принцип, время же должно безболезненно привести к его полному развитию».

Доливые, по-видимому, думает передать нации право земельной собственности по мере вымирания ее нынешних владельцев. В результате уничтожения права наследования земельной собственности возникнет общее достояние, предназначенное для безвозмездного распределения между гражданами. Переходные и временные меры, по его мысли, заключаются в разделе ферм и в сдаче их в аренду небольшими участками на условиях, установленных для нынешних крупных фермеров.

15. Итак, раздел хозяйств, а не раздел собственности. Деревенские санкюлоты и не требовали другого. Это подтверждается их многочисленными петициями, поданными во II г. См.: G. Lefebvre. Questions agraires au temps de la Terreur. 2e édition, 1954, р. 58, «Крупные фермы и условия их аренды». Также и здесь можно только подчеркнуть расхождение между социальной критикой, теоретическими утверждениями и предлагаемыми средствами исцеления. Общий идеологический уровень довел даже над наиболее смелыми. Аббат Доливые в конечном счете оставался пленником социальных

условий Мохана и области Бос. 16. «Социальная революция» — это сильно сказано, как и «экономическая революция». «Этот раздел ферм только открывал новые источники изобилия», — писал Доливые. В действительности он отдавал предпочтение независимому мелкому производству. Но означало ли парцелярное хозяйство «экономическую революцию»?

17. «Но я не могу сразу высказать все». (P. Dolivier. Op.cit., р. 23, примечание.)

18. См. ниже, как Доливые подчеркивает различие между своим «Опытом» и «аграрным законом».

19. P. Dolivier. Op. cit., р. 29.

По мере расширения национального владения это держание земли на условиях аренды, по-видимому, превратится в право пользования без уплаты процентов. Цель этого — не увеличивать числа ферм, а увеличить число небольших пожизненных владений, с тем чтобы обеспечить участком каждую семью.

«Много говорилось о разделе ферм, т. е. о недопущении того, чтобы один владелец занимал несколько ферм²⁰; настаивали даже на ограничении размеров фермы (не выше определенного числа арпанов); но все это способствует только увеличению численности фермеров, но не оказывает помощи множеству людей, не дает им средств самим обеспечить свои потребности. Необходимо полное уничтожение ферм как таковых; необходим, как я только что сказал, полный раздел земли между всеми гражданами, у которых ее нет совсем или нет в достаточной мере. Вот единственная *подходящая* мера, которая возродила бы наши деревни и принесла бы достаток всем семьям, стонущим от нищеты и не имеющим возможности приложить свое умение. Благодаря этому земля возделывалась бы лучше, умножались бы домашние ресурсы; *рынки, следовательно, снабжались бы более обильно*, и мы оказались бы избавленными от самой ненавистной аристократии — от аристократии фермеров».

Доливье хорошо понимает, что его проект должен отличаться от того, что называют *аграрным законом*, и прилагает к тому усилия. Кто мог бы осудить его за это? У него были серьезные основания для осторожной политики, но он, в сущности, предлагал аграрный закон; более того, это единственный законченный и связный план аграрного закона, предложенный во времена Революции. Чтобы снять со своей идеи клеймо этого нежелательного наименования, Доливье вынужден утверждать, что аграрный закон непременно влечет за собой некий грубый и зверский захват, беспощадный, без мер предосторожности, без переходного периода. Но такое утверждение полностью произвольно.

«Быть может, следует опасаться, что первый набросок этого опыта породит мысль об аграрном законе, который, по-видимому, хотели сделать средством возбуждения волнений, но достаточно сравнить их между собой и по их последствиям, чтобы убедиться, как они не схожи²¹. Все мое рассуждение основано на неизменном принципе справедливости, постепенно обеспечивающем каждому его естественные (измененные) права, которые я называю *его обязательным законным наследием*, и гарантирующем каждому неограниченное пользование его имуществом, плодами его труда и промысла²²; словом, я возвращаюсь к самому существу права собственности, ставшего вследствие неправильного применения робковой причиной огромных злоупотреблений, безграничных несчастий, которых мы оказываемся то виновниками, то жертвами, и я восстанавливаю это право таким, каким оно дол-

жно быть, чтобы сделаться плодотворным источником всех благ.

Напротив, аграрный закон, далекий от установления какого-либо принципа, стремится лишь все их ниспровергнуть, уничтожить. Это — просто раздел земель, неважно, каким образом, внезапно вызванный вождями тех, у кого ничего нет, и он не устраняет того порока, который к нему привел...

В моей системе никто не может быть ущемлен, так как ни у кого, при его появлении на свет, нет больших прав, чем у другого; следовательно, никто не может жаловаться на то, что он получает только свою справедливую долю общего права, при том условии, что он может извлекать из нее большую или меньшую пользу. Но аграрный закон ради установления кажущегося равенства, которое к тому же было бы лишь кратковременным²³, наносит раны без разбора, не обращая внимания даже на различия, какие должно делать между правами собственности разных людей. Так человек, чье имущество является плодом его таланта, его заслуг, его усердных трудов в молодости, вдруг оказался бы лишенным всего и уравненным с человеком, ничего не заслужившим и даже растратившим все... Я предоставляю другим судить об огромном различии между одним и другим».

Бабёф, у которого была брошюра Доливье (я уже говорил, что ее изъяли у него вместе с его бумагами в день ареста²⁴), должно быть, улыбался, читая об этих хитроумных различиях; ибо то, что Бабёф в своем письме к Купе называл аграрным законом, и есть в точности система Доливье: неотчуждаемость земли, право пользования землей, обеспеченное всем людям, свобода промысла. Доливье старается опровергнуть и возражения, которые могла вызвать отмена наследования земельных владений.

«Но отцовство?²⁵ ...Если отцовство — приятная обязанность для тех, кто богат, ибо они передают большое наследство своим детям, то как должно отцовство усугублять нищету и обездоленность тех, кто беден, как мучительно должно быть для них сознание, что они смогут передать своим детям только тяготы и нищету! В конце концов, что предполагает отцовское чувство? Разве не желание счастья детей? Но существует ли большее счастье, чем жить под покровительством истинного отечества, действительно достойного этого имени?..

20. Ibid., p. 30.

21. Ibid., p. 35.

22. Идея о том, что труд является основой собственности, была широко распространена среди народных масс и радикальных мыслителей конца XVIII в.

23. «Аграрный закон продержится лишь один день... уже на следующий день после его установления неравенство возродит-

ся». (B a b e u f. Manifeste des plébiéens. — «Le Tribun du peuple», № 35, 9 frimaire an V.) [См.: Г. Б а б ё ф. Сочинения, т. 2. М., 1976. — *Ред.*]

24. Бабёф упоминает имя Доливье как будущего члена Национального собрания, которое должно собраться после захвата власти.

25. P. D o l i v i e r. Op. cit., p. 38.

Сограждане, я поднял знамя справедливости. Пусть те, кого она интересует, сплотятся вокруг него, и все вместе мы образуем внушительную силу, которая поможет справедливости торжествовать над ее врагами. Оставаясь изолированными и разобщенными, мы становимся жертвами мятежников и добычей честолюбцев, развращенных людей, забавляющихся нашими несчастьями и изо дня в день старающихся создать для нас новые беды. Пусть партия справедливости, которая должна быть партией большинства, проявит себя наконец; пусть она сплотится под этим знаменем с ясным призывом; и она вскоре расстроит все заговоры вероломства и все ухищрения низкой выгоды...

Если я ошибаюсь, то меня толкает на это любовь к человечеству, искреннее желание нашего всеобщего счастья, и этим мое заблуждение мне дорого. Хотя и побежденный, я тем не менее буду удовлетворен своим выступлением и с горечью и болью скажу себе: *«Увы! Не для того Франция в течение пяти лет делает неслыханные усилия и столько людей благородно жертвуют своей жизнью, чтобы прийти к счастливому царству справедливости! Сердца воспаляются вовсе не ее священным огнем, ибо холодными остаются сердца тех, кого справедливость должна была бы особенно волновать!»*

Доливье был убежден в том, что его система разрешала, вернее, устраняла продовольственную проблему. Разве возможна будет скупка, после того как будет сломлена аристократия фермером? И когда бесчисленные мелкие собственники, получая со своей лучше обработанной земли большой урожай, будут выбрасывать на рынок свои излишки, то кто станет говорить о голоде и о ценах, обрекающих на голод? Впрочем, Доливье не был сторонником таксации цен на продукты питания.

«Пусть представят себе теперь, — заявляет он, говоря о своей системе²⁶, т.е. о разделе ферм, подготовляющем раздел земельных владений, — пусть представят себе, каким могучим средством явится эта мера для пробуждения в народе горячей любви к Республике и стремления ее защищать! Тогда народ почувствовал бы всю ее ценность и на деле отождествил бы себя с нею. Но какую любовь может он к ней питать, пока занимаются только судьбой имущих и совсем не интересуются судьбой тех, у кого ничего нет, и как может народ испытывать горячие чувства к Республике, где его окружают одни несчастья, где у него нет перспектив, которые бы его ободрили. Правда, своими жалобами и ропотом он наконец добился установления твердых цен на продовольствие²⁷; но эта мера, продиктованная обстоятельствами, сама есть зло и влечет за собой множество неудобств. Нужно добиться такого средства, чтобы никогда не приходилось обращаться к ней»²⁸.

Относится ли эта фраза к декрету Конвента, принятому в мае 1793 г.? Нет, тогда была установлена твердая цена только

на зерно; если эта фраза относится к более широким мерам, принятым в сентябре, то она была прибавлена впоследствии, хотя Доливье и заявляет, что он оставил рукопись в таком же виде, в каком она была шесть месяцев назад; в таком случае рукопись могла быть напечатана только в сентябре.

Ну и что же? Хотя Доливье и озабочен сохранением демократии совсем мелких фермеров, а вскоре и совсем мелких пользователей, которых он хочет создать и которые будут видеть в таксации цен на продукты стеснительную меру, хотя он и видит в ней только эмпирическое средство, довольно несправедливое и нежелательное, его система не преградит течения, увлекающего народ к таксации. Ибо, если бы даже народ согласился с концепцией Доливье на будущее, он требует немедленного облегчения, т.е. немедленного снижения стоимости жизни. А этого Доливье, со своей системой, рассчитанной на долгий срок, с ее длительными переходными периодами, ему не дает.

Л'Анж, со своей широкой и прекрасной картиной фурьеристской благотворной ассоциации, тоже не отвечает настоятельным требованиям встревоженных и возбужденных масс²⁹.

Как жаль, что г-ну Шарлети не удалось обнаружить сочинения, опубликованного Л'Анжем в 1793 г., где он систематизировал свою мысль и излагал свой организационный план как решение всех стоящих перед Францией проблем, как лекарство от всех зол, которые обострились! ³⁰ В смутные и печальные дни, предшествовавшие контрреволюционному взрыву в Лионе, великий миролюбивый мечтатель придал своей мысли весь ее размах. Мне с трудом удалось собрать о ней лишь какие-то крохи, благодаря библиографическому анализу в несколько строк ³¹.

26 Ibid., p. 34.

27. Явный намек, но не на закон от 4 мая 1793 г., вводивший максимум на зерно и муку, а на закон от 29 сентября установивший максимум на продукты первой необходимости.

28. Положение уже изменилось. Само Революционное правительство оставалось глухо к требованиям сельских санкюлотов; оно воздерживалось от посягательств на крупных фермеров в областях крупного земледельческого хозяйства. Сен-Жюст, который тоже был хорошо знаком с этими проблемами, отметил в записной книжке: «Не допускать раздела собственности, но допускать раздела ферм». В то время как об-

щее экономическое развитие вело к концентрации, можно ли было повернуть время вспять?

29. См.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. III, с. 396, «Проекты и системы: лионский социалист Л'Анж».

30. Эта брошюра теперь разыскана. См.: L' A n g e. Remède à tout, ou Constitution invulnérable de la félicité publique. Lyon, 1793, imp. in-8°, 38 p., édition Edhis, 1970.

31. P. M. G o n o n. Bibliographie historique de la ville de Lyon pendant la Révolution française... Lyon, 1844, № 1098, «Remède à tout...». Гонон дает анализ брошюры, которому Жорес здесь следует. Шарлети тщетно искал эту брошюру в частных библиотеках.

Л'Анж был озабочен повышением плодородия земли и облегчением труда путем упорядочения причудливого раздробления земельной собственности³². Он не экспроприировал ни нынешних владельцев, ни их наследников. Но он вырывал живые изгороди, разделявшие владения и пожиравшие часть веществ, заложенных в почве, и, главное, мешавшие свободной и быстрой обработке земли. Он возвращал каждому собственности, равноценную той, какой тот уже владел, но заменял нынешние грубые ограды геодезической системой: границы каждого владения должны были определяться пересечением широт и долгот³³. Он заменял научным и упорядоченным кадастром причудливый и непоследовательный кадастр земельных хозяйств и позволял таким образом сплотить и согласовать усилия. Отныне обширное центральное здание, совместно принадлежащее нескольким соседним владениям, должно было стать общим складом, общим амбаром, центром хозяйственной деятельности и жизни. Рядом с большими сельскохозяйственными складами находились бы больницы и школы, и при избытке обновленной земли, при обильных урожаях сельскохозяйственной продукции, избавленной от иссушающего партикуляризма, продовольственный вопрос перестал бы существовать³⁴. После того как были бы накормлены и умиротворены граждане революционной Франции, оставалось бы только победить внешнего врага. И здесь, как бы предвещая появление системы Фурье не только своим гениальным видением, но и фантастическим вымыслом и своеобразием выражений, Л'Анж предлагает построить военные воздушные шары, которые будут названы «*Долами*» и, управляемые «*пиронавтами*», будут наблюдать за передвижением войск и расстраивать все их планы³⁵. Я сказал «фантастическим». Но не является ли это также гениальным предвидением практики современных армий? Но ни «фурьеристские» комбинации Л'Анжа, ни аграрный закон Доливье, от самого названия которого опtimателю откровенно отказывался, не разрешали проблем жизни и расцв-шей дороговизны так, чтобы избавить народ от повседневных невыносимых страданий.

ЗАКОН ПРОТИВ СКУПКИ

Закон от 26 июля 1793 г. против скупки, казалось, затрагивал этот вопрос вплотную. Народ считал, что многие владельцы продовольствия придерживали его в целях спекуляции, чтобы выждать и добиться самых высоких цен на свой товар, а тем самым и наибольшего обесценения ассигната. Обязать всех граждан представить декларации об имеющихся у них в наличии товарах и съестных припасах и обязать их продавать их немедленно и без проволочек, по мере поступления спроса со стороны розничных торговцев — вот что казалось подходящим средством. Это и стало целью закона³⁶.

«Национальный Конвент, принимая во внимание все зло, причиняемое скупщиками обществу губительной спекуляцией на самых настоятельных жизненных потребностях и на общественном бедствии, декретирует:

Скупка есть преступление, караемое смертной казнью.

Виновными в скупке объявляются те, кто изымает из обращения товары или продукты первой необходимости, которые они портят, прячут в каком-либо месте, не пуская их ежедневно,

32. Брошюра «*Remède à tout...*» открывается Декларацией прав человека и его обязанностей. Причем первые ограничиваются вторыми. Статья I: «Делай то, что хочешь, и не делай того, чего не хочешь делать. Пусть никто не принуждает тебя и не мешает тебе. *Вот твоя свобода!* Но остерегись коим-нибудь оскорбить, ибо, если ты скомпрометируешь свободу, ты погубишь ее».

33. Жорес использует здесь комментарии Гюнона. Фактически речь идет здесь о главе VI. «Суверенитет, осуществляемый на практике наилучшим из возможных способов». Статья II: «Следует совершенно отвлечься от протязности и границ их владения. Демаркационные линии будут невидимы на земле; они будут такими же, как линии, обозначающие градусы широты и долготы на географических картах». При внимательном чтении этой главы под названием «Суверенитет, осуществляемый на практике...» создается впечатление, что речь идет не об укрупнении, как предполагает Жорес, но просто об установлении новых административных границ.

34. В своем «*Remède à tout...*» Л'Анж повторяет план, уже намеченный им в 1789 г. в «*Notions problématiques sur les États généraux*», а в 1791 г. — в брошюре «*Du citoyen, du monarque et du titre II de la Constitution*»: разделение суверенного народа на группы по сто семейств в каждой, или «*центирии*»; это низовая группа всей его полити-

ческой системы, которая, что бы об этом ни говорил Гюнон, не имеет ничего общего с фаланстером Фурье. Идеи Л'Анжа скорее вписываются в рамки XVIII в.: он, в частности, предлагает общую систему таксации. В этом смысле его план был связан с народным мировоззрением того времени и был весьма далек от того, чтобы являться предвосхищением «социетарного» и кооперативного социализма, каким его представлял себе Жорес. Если рассматривать брошюру «*Remède à tout...*» в целом, то политические соображения значительно преобладали в ней над экономическими и социальными соображениями. Деление на центурии имеет, по существу, политическую цель: обеспечить подлинное осуществление прямой демократии, а не лучшее распределение продуктов питания, как это предполагает Жорес, даже если центурия, сосредоточенная вокруг амбара изобилия, играет социальную и экономическую роль.

35. Идея, заимствованная из брошюры Л'Анжа 1785 г. «*Précis des moyens de se diriger dans la haute navigation par le moyen des ballons ou montgolfières*» (Lyon, 1785, imp. in-8°, 8 p.).

36. См. главным образом: Н. С а l v e t. L'Accaparement à Paris sous la Terreur. Essai sur l'application de la loi du 26 juillet 1793. Paris. 1933; А. S o b o u l. Op. cit., p. 121. [См.: А. С о б о у л ь. Цит. соч., с. 91. — *Ред.*] Закон был принят по докладу Колло д'Эрбуа («*Archives parlementaires*», LXIX, 551, 594).

открыто в продажу. Равным образом объявляются скупщиками те, кто уничтожает или нарочно допускает уничтожение продуктов и товаров первой необходимости.

Товары первой необходимости — это хлеб, мясо, вино, зерно, мука, овощи, фрукты, масло, уксус, сидр, водка, уголь, сало, дрова, растительное масло, сода, мыло, соль, сушеные, копченые, соленые или маринованные мясо и рыба, мед, сахар, бумага, конопля, шерсть обработанная и необработанная, кожа, железо и сталь, медь, сукно, полотно и вообще все ткани, как и сырье, служащее для их изготовления, за исключением шелка»³⁷.

Таким образом, почти все продукты земли и промышленности, почти все продовольствие, сырье и товары подпадают под действие закона: амбары, погреба, склады, кладовые, мастерские — все должно быть открыто для учета и контроля Революции. И эта система принудительной продажи мобилизует все запасы и предоставит их в распоряжение розничного покупателя. Как будет работать этот механизм? Вначале владельцы, вполне естественно, должны будут заявить обо всем, что у них хранится.

«В течение недели со дня обнародования настоящего закона лица, хранящие на складах где бы то ни было в Республике какие-либо товары или продовольствие, упомянутые в предыдущей статье, обязаны заявить о них муниципалитету или секции, на территории которой находится склад названных продуктов или товаров; муниципалитет или секция проверят как наличие, так и ассортимент и количество предметов, которые там окажутся, через посредство комиссара, назначенного для этой цели»³⁸.

Как же теперь обеспечить, чтобы товары, о наличии которых заявлено таким образом, постоянно находились в продаже?

«После проверки владелец продуктов или товаров не позже чем через три дня объявит комиссару на запрос, который будет ему сделан и подтвержден письменно, согласен ли он продавать указанные продукты или товары *мелкими партиями и каждому желающему*; если он согласен, то продажа будет производиться таким образом, непрерывно и безотлагательно, под наблюдением комиссара, назначенного муниципалитетом или секцией»³⁹.

Пока еще затруднений нет. Торговец, или фермер, или фабрикант, согласившиеся продавать в розницу, мелкими партиями и каждому желающему, находятся под надзором комиссара, который удостоверяется в том, что торговля действительно происходит публично и постоянно. Заметьте, что комиссар не вмешивается в установление цен. Для торговцев в розницу, чтобы соблюдать требования закона, достаточно вывесить у входа объявление с указанием качества и количества товаров и всегда держать эти товары к услугам публики. Но все ли владельцы согласятся продавать на таких условиях? Согласятся ли оптовые купцы, торгующие вином и растительным маслом, быть к услугам публики и продавать продукты и товары небольшими количествами каждому

желающему? Захотят ли, смогут ли оптовые торговцы и владельцы превратиться в торговцев в розницу? Революция разрешает эту проблему, подменяя их:

«Если владелец [продуктов или товаров] не хочет или не может производить упомянутую продажу, он будет обязан передать муниципалитету или секции копии счетов или договоров, касающиеся товаров, наличие которых на складе будет проверено; муниципалитет или секция даст ему расписку в этом и немедленно поручит комиссару производить продажу по вышеуказанному способу, устанавливая такие цены, чтобы владелец по возможности получил коммерческую прибыль в соответствии с представленными счетами; однако, если высокая цена, указанная в счетах, сделала бы такую прибыль невозможной, продажа все равно должна происходить непрерывно *по рыночной цене* упомянутых товаров; она будет происходить таким же образом, если владелец не сможет представить никаких счетов. Суммы, вырученные от такой продажи, будут ему вручены, как только она закончится, причем из них будут предварительно удержаны вызванные ею расходы»⁴⁰.

Итак, Революция становится за каждый прилавок, чтобы предоставить всем желающим и по рыночной цене накопленные товары. Это — революционная регламентация продажи, доведенная почти до национализации торговли. Здесь действительно палицо не только навязываемый ею способ продажи. Она определяет и цену и прибыль.

Что касается фабрикантов, то для того, чтобы они не могли накапливать продукты или товары с целью спекуляции, но под предлогом того, будто они запасаются сырьем, необходимым для их производства, им будет вменено в обязанность сообщать об этих сырьевых материалах и «отчитываться в их использовании».

Именно в связи с этим законом Делонэ из Анжера указывает, что фабриканты и компании капиталистов могут накапливать запасы материалов, будто бы необходимых для их предприятия; он изобличает Индийскую компанию, набившую свои склады в Лорпане товарами больше чем на 16 млн. Конвент постановляет опечатать склады и произвести проверку. О ирония! Ведь обличитель Делонэ был сам жалким биржевым спекулянтом, который добивался падения курса акций компании, чтобы одним ударом создать себе состояние⁴¹.

37. Статьи 1 — 4 закона от 26 июля 1793 г.

38. Статья 5.

39. Статья 6.

40. Статья 7.

41. «Archives parlementaires», LXIX, 551. Делонэ из Анжера (1752—

1794) — депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Мен и Луара. О деле Индийской компании см.: A. Mathiez. Un procès de corruption sous la Terreur. L'affaire de la Compagnie des Indes. Paris, 1920.

Закон против скупки был грозен: любой нарушитель этого закона рисковал конфискацией имущества и жизнью, а доносчик получал одну треть конфискованных товаров. Достаточно почтять бюллетень Революционного трибунала, чтобы убедиться в том, что закон применялся. Он, несомненно, был полезен. В эти трагические дни, когда Франция была словно в осаде, когда нескольким наглым спекулянтам достаточно было попытаться создать недостаток товаров, чтобы нехватка их превратилась в бедствие и привела к голоду, эта широкая гласность торговли и это принудительное обращение товаров, быть может, предупредили огромные несчастья⁴².

Но закон не помог устранить кризиса цен.

КРИЗИС АССИГНАТА

Дороговизна продуктов питания, быть может, лишь отчасти объяснялась их нехваткой, но главной ее причиной было огромное падение курса ассигната, все возраставшее недоверие к нему. 3 августа в докладе о спекуляции и курсе обмена, замечательном своей ясностью, находчивостью и изяществом, Фабр д'Эглантин приводит несколько примеров этого резкого падения курса ассигната⁴³.

«Я даю определение обменному курсу: *это разница, которая существует под влиянием общественного мнения между ливром ассигнатами и ливром металлическим, иными словами, ливром звонкой монетой.*

Чем больше спекулянты-барышники понижают курс, тем больше нужно ливров ассигнатами взамен ливра звонкой монетой. Например, в дни 31 мая — 2 июня взамен 20 металлических су нашей монетой требовалось отдать 50 су ассигнатами и, следовательно, 60 ливров ассигнатами за один золотой *луидор*; сегодня, уже почти месяц, *требуется 6 франков ассигнатами взамен 20 су звонкой монетой и почти 144 ливра ассигнатами взамен одного золотого луидора.* Вы легко поймете, граждане, что эта разница в денежном курсе есть истинная причина сильного вздорожания продовольствия; ибо производитель, а затем и торговцы, никогда не желающие терять и, наоборот, желающие получить прибыль, используя обменный курс, всегда рассчитывают псходя из стоимости ливра звонкой монетой; и, чтобы получить 20 металлических су за какой-нибудь предмет, они продавали его за 50 су 2 июня и продают сегодня за 6 франков ассигнатами».

В начале августа стоимость ассигната в шесть раз ниже стоимости звонкой монеты; и, хотя диспропорция между стоимостью ассигната и стоимостью предметов питания не была столь же высока, все же последние должны страшно повыситься в цене. Каковы причины такого падения стоимости ассигната? Есть две

важнейшие причины: избыток ассигнатов, выпущенных в чрезмерном количестве⁴⁴, и неверие части французов и почти всего мира в победу Революции.

Спекулянты-барышники используют эти причины падения курса и усугубляют их своими операциями, но, по мнению Фабра д'Эглантина, не операциями с товарами. Было время, когда богатые, получив в связи с ликвидацией [купленных ими] должностей или возмещением долга большое количество ассигнатов и не питая большого доверия к ассигнату, покупали огромные количества товаров. Таким образом они вызывали недостаток товаров, изъятых с рынка, и, наоборот, выбрасывали на рынок чрезмерное количество ассигнатов. Отсюда и повышение цен на товары и падение стоимости ассигната. Тогда падение курса ассигната определялось спекуляцией товарами и ассигнатами. Именно в этот период спекуляции на ассигнатах и товарах закон против скупки и мог оказать наибольшее действие. Ибо, обязывая владельцев товаров опорожнять свои склады и снова принимать в уплату за товары ассигнаты, этот закон мог бы восстановить равновесие в пользу ассигната. Но ажиотаж развивался дальше.

«Обладатели ассигнатов, боясь, что их собственность испарится, оставаясь у них на руках, стараются обменять их на действительные ценности. Сперва они начали скупать товары; но помимо того, что они опасались народного гнева, они поняли, что, не имея возможности вывозить эти товары, будут вынуждены продавать их, получая взамен одни ассигнаты; тогда они прекратили эту скупку и предоставили заниматься ею тем, кто относился к ассигнату с доверием, но спекулировал на общественном бедствии.

42. H. Calvet. L'Accaparement à Paris, p. 34—36. Кальве приводит в своей работе итог применения закона: «Можно только удивляться числу оправданий: тридцать из сорока трех рассмотренных дел. Пять случаев осуждения на разные сроки тюремного заключения (от двух до двенадцати лет). Восемь смертных приговоров, из которых один весьма сомнительный, а другой не был приведен в исполнение. Среди шести других имеются два, где в числе мотивов обвинения наряду со спекуляцией фигурирует гражданская неблагонадежность (incivisme)... Закон от 26 июля 1793 г., быть может, и сеял страх, но не уменьшил числа спекулянтов».

43. «Archives parlementaires», LXX, 189. Фабр д'Эглантин Филипп Франсуа (1750—1794) — актер и драматург, секретарь министерства юстиции после 10 августа 1792 г., депутат Конвента от Парижа.

44. 1 февраля 1793 г. Конвент декретировал эмиссию ассигнатов на 800 млн.; 7 мая — на 1200 млн.; докладчики тогда оценивали стоимость национальных имуществ в 7700 млн.... В конце сентября 1792 г. сумма ассигнатов, находившихся в обращении, достигала 1972 млн., к 1 февраля 1793 г. — 2737 млн., к 15 августа — 3217 млн. См.: J. Morin - Comby. Les Assignats. Révolution et inflation. Paris, 1925.

Обладатели ассигнатов (которых в этой связи мы будем называть капиталистами), отказавшись от ценностей в виде товаров, хранение которых стало чересчур опасным, а владение — чересчур заметным и обременительным, не стали вкладывать свои деньги и в недвижимость; во-первых, потому, что они верят в национальные имущества не больше, чем в ассигнат, который их предоставляет; во-вторых, потому, что они не нашли бы для покупки достаточного количества национальных имуществ; наконец, в-третьих, потому, что, с одной стороны, их страшил высокий налог, а с другой стороны, почти все они, во всяком случае, большая часть, хотели иметь действительные ценности, которые легко спрятать, легко скрыть от налога и легко вывезти из Франции, а главное — из Республики.

Тогда предметом вожделений капиталистов стали луйдоры и экю. Но их опередили скряги и спекулянты: золотая и серебряная монета исчезла; эти луйдоры и экю пришлось у них покупать, и *капиталисты-трусы* могли их приобретать только ценой больших жертв. И вот золотые луйдоры, стоимость которых после массовой эмиграции дворян повысилась только до 40—50 ливров ассигнатами, а после 10 августа снова упала до 30 ливров, теперь поднялась до 130—140 ливров ассигнатами.

Но так как золото и серебро вследствие этого страха с каждым днем становились все дороже и встречались все реже, так как они имеют значительный объем и вес и их опасно перевозить и хлопотно хранить, то опасения капиталистов из-за этого удвоились, и эти страх и тревога и послужили причиной самых ужасных их операций и нашего разорения».

И действительно, какое помещение для своих средств могли найти капиталисты, желающие избавиться от ассигнатов, к которым у них не было доверия? Поскольку они отказались от товаров, от недвижимости, от золотых луйдоров и экю, им остается только покупка тратт на иностранные банки, переводных векселей на Лондон, Гамбург и Амстердам. Это — третья форма, третий период денежной спекуляции, самый страшный для революционного ассигната. Ибо эти тратты на иностранные банки становятся редкостью, так как почти всеобщая война и морская блокада прервали международный обмен. Отныне все крупные владельцы ассигнатов накладываются на эти тратты и переводные векселя на иностранные банки, и они вскоре приобретут, по отношению к ассигнату, огромную стоимость. И если во Франции обмен ассигната на золото губителен для ассигната, то обмен ассигната на заграничные ценные бумаги еще губительнее. На иностранных рынках недоверие к ассигнату велико, что влияет на доверие к нему внутри страны. Отсюда и происшедшее в течение двух месяцев страшное падение курса ассигната как на всех рынках Франции, так и на мировом рынке. Да, но так как переводные векселя на иностранные банки вскоре оказываются исчерпанными, то эта

причина падения стоимости быстро должна была перестать действовать. Возможность соразмерять стоимость ассигната со стоимостью векселей на заграничные банки исчезает, и отныне, поскольку только колебания общественного мнения способствуют падению курса, общественное мнение, не сталкиваясь ежедневно с резким контрастом между стоимостью ассигната и стоимостью переводных векселей на иностранные банки, быть может, и возвратит ассигнату свое доверие. Но именно здесь в диалектические построения Фабра д'Эглантина вторгается адский замысел Питта.

Питт решил поддерживать спекуляцию на понижение курса ассигната с помощью переводных векселей на Лондон. В Париже у него есть агенты, маклеры — евреи и космополиты, банкиры и их доверенные лица; все они были уполномочены переводить векселя на лондонские банки.

Лондонские банкиры, участвуя в игре Питта, платят; и когда парижские банкиры, тоже участвуя в этой игре, должны через три месяца уплатить лондонским банкирам, то, если они несут убыток ввиду падения за это время стоимости ассигната, разницу возмещает Питт. Таким образом, английское казначейство оплачивает расходы, связанные с систематической и постоянной игрой на понижение стоимости французского ассигната. Это — новый способ ведения войны. Мне кажется, что Фабр д'Эглантин поддался искушению построить хитроумную систему. Быть может, он чересчур упростил развитие ажиотажа: мне представляется вероятным, что периоды, которые он произвольно отделяет один от другого, надвигались и накладывались друг на друга. Я хочу сказать, что крупные держатели ассигнатов не вдруг отказались покупать товары, чтобы покупать одно только золото, и отказались покупать золото, чтобы приобретать переводные векселя на Лондон или на Гамбург. Вполне вероятно, что они частично продолжали свои прежние операции, но в сокращенных масштабах, и в таком сокращенном масштабе сочетали их с новыми комбинациями. Но в целом ход событий, вероятно, обрисован Фабром д'Эглантином правильно. Вполне естественно, что спекулянты деньгами постепенно отказались от явных и обширных операций, которые привлекли бы к себе внимание и вызвали бы народный гнев, чтобы заняться более тонкими комбинациями. Самые обвинения, выдвигавшиеся против скупщиков, способствовали тому, что те переносили свои операции в заграничные банки, тонкие комбинации которых ускользали от взоров народа. И вполне естественно, что теперь, стремясь обесценить французский ассигнат и погубить Революцию морально и в финансовом отношении, Питт решил использовать эти банковские операции, которыми он мог руководить через посредство Лондонского банка. Однако и здесь Фабр д'Эглантин, возможно, преувеличивает, когда он приписывает или делает вид, что приписывает, непосредственным дейст-

виям Питта наиболее ощутимые результаты в деле обесценения ассигната.

Но во всяком случае, неотложность, жизненная необходимость найти средство исцеления была налицо. Какое? Первое и, очевидно, наиболее решительное — это обеспечить с помощью гигантских усилий и концентрации всех сил и энергии победу Революции. Победа Революции — вот от чего зависело доверие к ассигнату во Франции и во всем мире. Совет, Комитет общественного спасения, Робеспьер и весь народ отдавали этому делу всю душу. Затем, поскольку одной из самых непосредственных причин падения стоимости ассигнатов был их чрезмерный избыток, надо было по возможности сократить их эмиссию и возвратить в казначейство часть выпущенных бумажных денег. С этой целью Камбон разработал и провел через Конвент три основных мероприятия.

В первую очередь он постарался ускорить уплату сумм, причитающихся государству с лиц, купивших национальные имущества, и объединить в одну, немедленно подлежащую уплате сумму годовые взносы, предусмотренные законом. С этой целью он предлагал премию в полпроцента за год досрочной уплаты тем, кто выплатил бы все до октября⁴⁵. Кроме того, он отдавал в продажу право государства на эти годовые взносы. Так как покупатели национальных имуществ, будучи должниками государства, платили ему 5% с суммы долга, то гражданин, заменявший государство, помещал свои деньги из расчета 5% годовых, что было весьма выгодным, так как помещение денег было абсолютно надежным. Таким образом должен был произойти (во всяком случае, Кабон надеялся на это) значительный возврат ассигнатов в казначейство.

Во-вторых, поскольку контрреволюционеры явно предпочитали ассигнаты, выпущенные при Людовике XVI, с изображением короля, словно они полагали, что восстановленная монархия будет признавать только такие ассигнаты, то Конвент упразднил ассигнаты с изображением короля⁴⁶. Таким образом был изъят из обращения капитал в 558 млн. ассигнатами. Сказать правду, они не были уничтожены, и стоимость их для их обладателей не была аннулирована. Но эти ассигнаты перестали быть деньгами; их принимали только в уплату недоимок по налогам, в счет платежей за национальные имущества и при покупке у государства причитающихся ему годовых взносов за национальные имущества. Таким образом, у них был достаточный сбыт, так как недоимки по налогам составляли от 600 до 700 млн., а недоплаченная сумма за национальные имущества — около 1500 млн. Но они не дублировали использования всей массы ассигнатов, и единственное предназначение, оставшееся за ними, было по существу революционным.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ПРОГРЕССИВНЫЙ ЗАЕМ

И наконец, начал проводиться в жизнь принудительный заем в один миллиард, в принципе декретированный в мае, но еще не применявшийся⁴⁷. Платежи по займу принимали ассигнатами по нарицательной стоимости, и облагаемые торопились внести в казначейство миллиард ассигнатами. В том и состояла основная цель этого огромного займа, в сущности бывшего налогом, подлежащим возврату.

Он имел отношение и к займу и к налогу. Это был налог, так как он был принудительным и не приносил процентов. Это был заем, так как наложенная таким образом сумма должна была быть возвращена, но возвращена в виде национальных имуществ. Это было еще одно средство связать судьбу миллионов граждан с успехом Революции, так как обеспечение займа исчезло бы вместе с самой Революцией.

В действительности заем в один миллиард заменял собой обычные налоги: поземельный налог, налог с движимости, торговно-промышленный налог, податные списки для которых составлялись так медленно. Миллиардный заем превосходил общую сумму недоимок по налогам почти на 300 млн.

Конвент воспользовался этим случаем, чтобы упорядочить — косвенным образом и с помощью этого займа-налога — фискальную систему Революции: он вводит в нее декларацию и прогрессию. На основе дохода, указанного в декларации каждым налогоплательщиком, и будут определены, по закону прогрессии, размеры взноса каждого по займу. «Граждане, на которых распространяется принудительный заем, представляют в канцелярию муниципалитета, по месту своего жительства, и в Париже — в гражданский комитет своей секции точную декларацию о своих доходах в течение 1793 г. и о налогах, которые их уменьшают». «Декларация о доходах от пожизненных рент, получаемых от государства или от частных лиц, о капиталах, помещенных под проценты или вложенных в торговлю; декларация о доходах от торговли, банковских операций, куртажа, комиссионных, от

45. Декрет от 5 июня 1793 г. Запоздалая попытка справиться с дурными последствиями длительной рассрочки платежей.

46. Декрет от 31 июля 1793 г. («Moniteur», XVII, 280; «Archives parlementaires», LXX, 56.) Эти ассигнаты с изображением короля, реже подделывавшиеся и лучше принимаемые, при обмене оценивались на 5—10% выше остальных.

47. Декрет о принудительном займе в один миллиард был принят 20 мая 1793 г. по докладу Барпера. («Archives parlementaires», LXV, 129.) Способ реализации займа был уточнен декретами от 22 июня и 3 сентября 1793 г. («Moniteur», XVII, 810.) 7 сентября 1793 г. Конвент принял Инструкцию о проведении принудительного займа. («Moniteur», XVII, 812.)

предприятий и поставок за 1793 г.; декларация о неиспользованных суммах, хранящихся в кассе, в портфеле или у депозиторов, должна быть полной, без вычета налога с движимого имущества; будет считаться, что неиспользованные фонды приносят 5% дохода; неиспользованными фондами будут считаться суммы, превышающие половинный доход одного года».

Итак, это была ясная декларация, одновременно подробная и исчерпывающая. Что касается доходов с земель, то владельцам разрешалось заявлять о них на основании поземельных податных списков, которые щадили их интересы; при этом надо было вычесть одну пятую от основной суммы этого налога. В самом деле, Комитет финансов Конвента полагал, что, облагая земли значительно выше, чем другие ценности (согласно системе физиократов), Революция допустила ошибку, которую следует исправить. В докладе за 1793 г. об этом говорится совершенно ясно:

«Если спросить честных фабрикантов, негодянтов, коммерсантов, рантье и всех тех, кто размышлял о природе налога, о сравнительной стоимости земельных и движимых богатств, то они скажут вам, что богатства движимые и промышленные по меньшей мере равны, если не превосходят богатства земельные; однако их обложение составляет только 60 млн., в то время как обложение земель — 240 млн., как если б доход от движимых богатств составлял лишь четвертую часть поземельного дохода».

Верно, что неуплата налога очень часто смягчала это неравенство. Но с установлением принудительного займа все доходы любого происхождения соединялись в суммарный доход налогоплательщика; таким образом диспропорция в обложении земледелия и промышленности стиралась. После того как доход каждого, указанный в декларации, был проверен, применялся резко прогрессивный тариф обложения.

«Часть дохода, подлежащая принудительному займу, будет облагаться налогом следующим образом ⁴⁸:

Часть дохода (в франках)	Взимаемая часть
1 — 1000 —	1 десятая
1001 — 2000	2 десятых
2001 — 3000	3 —"
3001 — 4000	4 —"
4001 — 5000	5 —"
5001 — 6000	6 —"
6001 — 7000	7 —"
7001 — 8000	8 —"
8001 — 9000	9 —"

Следовательно, налог на 1000 франков, подлежащих обложению займом, составит 100 франков,

для 1500 франков	200 франков
для 2000 —"	300 —"
для 3000 —"	600 —"
для 4000 —"	1000 —"
для 5000 —"	1500 —"
для 6000 —"	2100 —"
для 7000 —"	2800 —"
для 8000 —"	3600 —"
для 9000 —"	4500 —"

При доходе свыше 9 тыс. франков, какой бы суммы он ни достиг, налог, помимо 4500 ливров, причитающихся с 9 тыс. франков, составит всю сумму излишка, так что с дохода в 10 тыс. франков будет взиматься 5500 франков, с дохода в 11 тыс. франков — 6500 франков и т.д.»

Сколь бы велика ни была прогрессия, примечательно, что она никогда не требует от гражданина уплаты суммы, превосходящей или даже равной его годовому доходу. Лица, получающие доход больше 9 тыс. франков, будут обязаны вносить всю сумму своего годового дохода за вычетом 4500 франков. Следовательно, строго говоря, французы не были вынуждены трогать свой капитал; им было достаточно сильно ограничить свои расходы в этот год. Но многие, несомненно, брали деньги для уплаты по принудительному займу из своего капитала, а именно из своего запаса ассигнатов. Выступая с докладом Финансовой комиссии, Рамель⁴⁹, желая сделать это тяжелое обложение более приемлемым для богатых, убеждает их в том, что возврат в казначейство миллиарда ассигнатов приведет к снижению цен на продукты питания и что граждане, следовательно, вернут себе то, что они одолжили ранее.

«Я, кажется, слышу, как состоятельные люди возражают против этого утверждения, заявляя, что оно могло бы быть правильным, если бы все без различия граждане предоставили половину сумм, которыми они располагают. Мы позволили бы вам воспользоваться этим возражением, если бы вы, вплоть до нынешнего дня, разделяли со своими братьями все тяготы, все трудности Революции. Если бы вы первыми явились, чтобы опровергнуть трон и отбросить сателлитов деспотов, вы могли бы взывать к этому строгому равенству, о котором вы вспоминаете только

48. Статья XIV закона от 3 сентября 1793 г. («Moniteur», XVII, 811.) Заем распространялся на граждан с доходом выше 1500 франков (выше тысячи франков для холостых).

данне 19 августа 1793 г. Рамель-Ногаре Домпник Бенсан (1760—1829) — адвокат при президентном суде Каркассонна, депутат Генеральных штатов от третьего сословия сенешальства Каркассонн, депутат Конвента от департамента Од.

49. «Moniteur», XVII, 808, засе-

тогда, когда хотите, чтобы вас пощадили. Заплатили ли вы, подобно бедняку, потом и кровью свой долг отечеству?»

Итак, все бремя займа должно было лечь только на богатей. Действительно, Рамель сообщает нам (и это — весьма интересные сведения о распределении богатств в 1793 г.), что, на основании анализа податных списков, «половина всех богатств принадлежит гражданам, получающим менее одной тысячи франков ренты; ибо в налоговом деле именно малые суммы образуют большие. Следовательно, этим людям принадлежит половина 3 млрд. — суммы, в которую оценивается общественный доход, т.е. они получают доход в 1500 млн.; из остающихся 1500 млн. франков богатым с рентой более 6 тыс. франков не принадлежит и третья часть». Правда, у тех, кто получает более 4500 франков ренты, по принудительному займу забирали весь доход, превышающий эту сумму.

МАКСИМУМ — ОПОРА АССИГНАТА

Но упразднения ассигнатов с изображением короля, продажи права на получение годовых взносов, принудительного займа в один миллиард было недостаточно для восстановления доверия к ассигнату. Было возможно лишь одно несомненное решение проблемы: установить с помощью введения *максимума* твердые цены на все товары. Отныне не только не могло быть дискредитации ассигната, но эта дискредитация не имела уже более никакого смысла; ибо с того момента, как ассигнаты обязаны были всегда принимать в уплату, причем соотношение между ассигнатом и ценами на все товары было определено законом, какое значение могли иметь колебания курса ассигната на иностранных рынках? Какое значение могло иметь то, что ассигнат стоимостью в 100 ливров стоит в Лондоне только 30 ливров в гинеях, если во Франции на этот ассигнат можно купить любые товары, стоимость которых установлена в 100 ливров? Таким образом, *в той мере, в какой действовал бы максимум*, вопрос об ассигнате был бы не только разрешен, но вообще снят. Это замечательно отметил (правда, задним числом) Малле дю Пан в своих заметках, которые он адресовал иностранным державам, чтобы предостеречь их от легкомысленного оптимизма.

Его заметки⁵⁰ относятся к 1 февраля 1794 г.: «Общее количество бумажных денег, находящихся в обращении, уменьшилось с тех пор, как королевские ассигнаты были лишены права хождения... С мая и до октября ассигнаты упали на 60—75%; теперь они снова повысились — на 30—35% в Париже и на 48—50% в странах, еще поддерживающих торговые отношения с Францией; в некоторых департаментах они потеряли только 25—30%, а в Париже они ценились бы еще ниже, если бы не частая покупка

звонкой монеты национальным казначейством в декабре и в начале января.

К тому же после издания закона о *максимуме*⁵¹, который, распространяясь на большинство предметов питания и товаров, охватывает в основном все потребление, обеспечение ассигнатов более не обременительно для правительства. Закон о *максимуме* осуществляется со всей строгостью; больше никто не решается сетовать на него; он избавил Республику от всех расходов, эквивалентных разнице в цене, какую она ранее платила за потребление; это огромная экономия. Конвент не мог предписать обществу принимать ассигнаты по номинальной цене, но он достиг той же цели, установив неизменный тариф цен на продукты питания и товары. Когда удалось заставить граждан не только продавать, но еще и продавать по цене, не зависящей от стоимости, какую бумажные деньги могут иметь на местном рынке и какую сама природа бумажных денег всегда должна оставлять более низкой, чем стоимость звонкой монеты, то совершенно безразлично, пользуются ли ассигнаты большим или меньшим доверием. Итак, Конвент провел весьма экономичную и притом весьма популярную операцию; поскольку санкюлоты потребляют, но ничем не владеют, им очень приятно покупать эти бумажные деньги по цене, которая наносит ущерб исключительно тому, кто их продает.

К тому же продающий терпит ущерб только в том случае, если хочет купить на иностранном рынке, вне сферы действия закона о *максимуме*. Но предвидели ли члены Конвента со всей ясностью, и притом заранее, это благоприятное воздействие закона о *максимуме*? Они долго колебались. Только под угрозой секций они проголосовали в мае за таксацию цен на зерно, и майский закон применялся лишь весьма мягко⁵². Многие члены Конвента боялись нарушить закон конкуренции, который один мог привести в равновесие цены и ценности. Или же они возражали, что, если таксация будет касаться только некоторых товаров, она разорит ту категорию граждан, которые будут продавать по твердым ценам, а покупать по свободным рыночным ценам;

50. Его «Краткий обзор политического, военного и финансового положения Франции на 1 февраля 1794 г.» см. в: Mallet du Pan. Mémoires et correspondance. Recueillis et mis en ordre par A. Sayous. Paris, 1851. 2 vol., t. II, p. 13. Речь идет о докладе Малле дю Пана лорду Эддину. Малле дю Пан Жак (1749—1800) — швейцарский публицист, поселившийся в Париже в 1784 г., возвратился в

Швейцарию в 1792 г., в Англии — с 1798 г.

51. Речь идет о законе об общем *максимуме* от 29 сентября 1793 г.

52. Речь идет о законе от 4 мая 1793 г. о *максимуме* на зерно и муку. О применении этого первого *максимума* см.: A. Mathiez. La Vie chère et le mouvement social sous la Terreur, p. 188. [См.: А. Матьез. Цит. соч., с. 145. — *Ред.*]

если же, напротив, она будет применяться ко всем гражданам, то она обогатит капиталиста, праздного собственника, тех, кто, имея ассигнаты в большом количестве и получая ассигнатами свою ренту, квартирную плату, арендную плату, будет извлекать сплошную выгоду от повышения стоимости ассигната и понижения стоимости товара. Даже после принятия закона о максимуме Сен-Жюст будет упорно повторять, что таксация стала необходимой «в силу обстоятельств», но что она «удвоила доход богача».

Так как рабочие торопили Конвент установить твердые цены на предметы питания, чтобы восстановить равновесие между ценами на товары и заработной платой, то Конвент думал одно время, по совету самого Кондорсе, о котором я упоминал, подойти к вопросу с другого конца, т.е. установить законом не *максимум* на продукты питания, а *минимум* заработной платы

Чрезвычайно интересно отметить, что Комитет земледелия и Комитет финансов на совместном заседании подготовили в апреле 1793 г. подобный законопроект. Я не нашел его; было бы весьма любопытно познакомиться с протоколами заседаний этих двух комитетов того времени. Бефруа утверждает весьма категорически в своем докладе от 25 апреля⁵³: «Комитеты земледелия и финансов на своем объединенном заседании уже одобрили законопроект, который должен не цену на хлеб подгонять под соответствующие ставки заработной платы, что подрывает всякий принцип, но *заработную плату — под цены продуктов питания*, что совершенно справедливо; этот закон заставит землевладельца и земледельца в их собственных интересах не повышать чрезмерно цен на продовольствие».

Таким образом, два комитета Конвента предпочитали скорее установить законом подвижную шкалу заработной платы, чем согласиться на таксацию продуктов питания. Но как точно согласовать заработную плату с беспрестанными колебаниями цен на продукты питания? Как заставить фабриканта, чья продукция, быть может, не повысится в цене, платить своим рабочим заработную плату в соответствии с теми ценами, какие придадут продуктам питания махинации скупщиков и спекулянтов? Более того, как защитить интересы простых граждан, не получающих заработной платы, скромных ремесленников, которых может обречь на голод внезапное непомерное повышение цен на предметы первой необходимости? Так закрывался выход, которым пытался воспользоваться Конвент.

Некоторые, как Дюбуа-Крансе, предлагали создать по всей Франции склады, где бы хлеб продавался по цене 2 су⁵⁴: расклады, связанные с разницей в цене, несла бы нация. Это означало бы распространить на всю страну режим субсидий, практикуемых в Париже. Ну что же! Нация, чтобы покрыть эти огромные рас-

ходы, была бы вынуждена выпустить еще больше ассигнатов, т.е. еще более повысить цены на продукты питания, за исключением хлеба. И достаточно ли дать народу дешевый хлеб, если за все остальное — за мясо, одежду, за сырье для промышленности — ему придется платить страшно высокие цены? И Конвент колебался, нерешительный и бессильный. Камбон, который, несомненно, тайно желал введения *максимума* и предвидел его положительное воздействие на доверие к ассигнату, не осмеливался заявить, что его экономическая и финансовая политика была, в сущности, политикой Жака Ру.

Все колебания и сопротивления были преодолены народным движением⁵⁵.

53. «Archives parlementaires», LXIII, 332. Бефруа (1755—1820) — офицер королевских гренадеров Шаппани, член директории департамента Эна, депутат Конвента. Бефруа занимал место на скамьях Болота; он входил в состав Комитета земледелия и Комитета финансов.

54. Дюбуа-Крансе предполагал «снабжать склады за счет ежегодных поступлений от выплаты земельного налога натурой».

55. Жорес обходит молчанием продовольственные народные волнения, продолжавшиеся в течение всего августа. Требования секций, поддержанные народной прессой (газетами Эбера, Жака Ру, Леклерка), заставили Конвент принять закон против скупщиков (26 июля 1793 г.), затем

закон о «складах изобилия» (государственных зернохранилищах) (9 августа 1793 г.). Волнения не прекращались; их использовали умеренные, обвинив во всем Продовольственную администрацию Парижской коммуны. Народное движение за применение репрессии против скупщиков и за таксацию продовольствия до конца августа. Ухудшение продовольственного положения в последние дни августа и в начале сентября вызвало в конце концов крупные манифестации 4 и 5 сентября 1793 г. Обо всем этом см.: A. Soboul. Les Sans-culottes parisiens en l'an II, p. 117 [См. А. Собоуль, Парижские санкюлоты, с. 88.—Ред.]

Более подробно:

Тонкова-Яковкина Р.М. Движение народных масс Парижа 4–5 сентября 1793 г. ("Плебейский натиск")

подборка документов "Террор в порядок дня!"

<http://istmat.info/node/31148>

МАНИФЕСТАЦИЯ 4 СЕНТЯБРЯ

4 сентября вечером помещение Коммуны заполнила большая толпа¹. Это были бедняки, ремесленники, пролетарии, явившиеся с криками, что хватит с них «голодных цен», всевозрастающей нехватки продовольствия и дороговизны, растущей с каждым днем. Они заполнили большой зал, затопили площадь Ратуши².

«Какой скверный хлеб с примесью ячменя мы едим! Что делают наши администраторы? Почему Гарен отказывается открыть народу склады, чтобы он мог контролировать их работу?»³ Не крадет ли также и он? Он направил закупать зерно для булочных известных во всей округе мельников: мельника Лорфевра из Понтуаза, булочника Гарро из Версаля, булочника Лапарейе. Фермеры знают их, и, когда они приезжают для закупки, они говорят: «А, это люди Гарена, значит, Париж нуждается в хлебе». И они повышают цены. Каковы спекулянты! И все эти маклеры еще получают 20 су комиссионных с мешка. И за все это платим мы. Ведь если для видимости не повышают цен на хлеб, то понижают его качество. Когда будет покончено с этим надувательством?»⁴

И эти разгневанные люди задавали четкие вопросы; эти раздраженные люди не давали Пашу возможности уклониться от прямого ответа. Есть у вас мука или нет? Сколько ее в наличии? На какое время ее хватит? Гарантируете ли вы нам, что недостатка в хлебе не будет? Когда наши жены будут избавлены от необходимости часами простаивать в очередях у булочных? У них дома дети. А аристократы, смешавшись с толпой, разжигали ее гнев коварными речами: «Труссы, глупцы! Хотят Республики и не имеют хлеба!»

Шометт вовсе не хотел позволить событиям захлестнуть себя или, быть может, заразился стремлением к насилию. Он произнес речь, и никогда еще он не говорил столь пылко и столь резко⁵:

«Я и сам был беден, следовательно, знаю, каково приходится беднякам. Идет открытая война богатых против бедных; они хотят раздавить нас; ну что ж, надо опередить их и раздавить их самим; сила в наших руках! Негодяи! Они пожрали плоды наших трудов, содрали с нас последнюю рубашку. они пили *наш пот*... А теперь еще хотят напиться нашей крови... Пусть немедленно создадут Революционную армию, которая отправится по деревням, пусть каждый отряд этой армии захватит с собой роковое орудие народной мести, и пусть все скупщики, все богатые фермеры, которые откажутся снабжать нас продовольствием, падут под нашими ударами...»

Но вот выступает Эбер, берущий на себя роль руководителя восстания:

«Пусть народ завтра же отправится всей массой к Конвенту, пусть окружит его, как он это сделал 10 августа, 2 сентября и 31 мая, и пусть не покидает этого поста до тех пор, пока народные

1. О событиях 4 и 5 сентября 1793 г. см.: A. Soboul. Op. cit., p. 151. [См.: А. С о б о у л ь. Цит. соч., с. 103. — Ред.] Кризис первых дней сентября имеет разные аспекты: политические (интриги умеренных, проблема организации исполнительной власти, пропаганда террора), национальные (неудачи, атмосфера предательства), экономические и социальные (обесценение ассигната, дороговизна, недостаток продовольствия). Народные манифестации 4 и 5 сентября заставили правительство выйти из состояния бездействия.

2. О событиях 4 сентября 1793 г. см.: A. Mathiez. La vie chère., p. 322 [см.: А. М а т ь е з. Цит. соч., с. 245. — Ред.]; A. Soboul. Op. cit., p. 165. [См.: А. С о б о у л ь. Цит. соч., с. 112. — Ред.] Народное движение заставило якобинцев принять решение. 28 августа 1793 г. Общество постановило отправиться всей массой в Конвент, чтобы потребовать чистки военных штабов, удаления дворян со всех должностей и принятия мер

общественного спасения. Секции и народные общества были приглашены присоединиться к манифестации. В конце концов манифестация была отложена. Но народный гнев, долгое время сдерживаемый уклончивой позицией правительства, прорвался 4 сентября.

3. Гарен был администратором по продовольственной части города Парижа. Требования открыть склады зерна и муки и поставить под контроль Продовольственную администрацию начали выдвигать в августе; они были использованы умеренными секциями как оружие в их борьбе против Парижской коммуны; Паш разоблачил это 21 августа 1793 г.

4. Наиболее точный рассказ о событиях 4 сентября в парижской ратуше см.: «Journal de la Montagne» и «Le Républicain français», 6 septembre 1793. См. также: «Journal de Paris», 6 septembre 1793; B u c h e z et R o u x, XXIX, 26.

5. «Le Républicain français» и «Journal de la Montagne» дают идентичное изложение этой речи.

представители не примут мер, предложенных для нашего спасения...»

Не грядет ли новая революция, революция продовольственная?

«Пусть Революционная армия отправится без промедления, сразу же как только будет принят декрет, но, главное, пусть за каждым отрядом, за каждой колонной этой армии следует гильотина»⁶.

Следует? Нет, пусть она будет впереди! Вот чего вскоре потребует Шометт: пусть гильотина будет во главе колонны, и пусть ее силуэт вырисовывается на обширном плоском горизонте провинции Бос; пусть зловещая гостья постучится вечером в дверь богатого фермера; пусть ее тень ляжет на обширные поля, окрашенные в пурпур осенним закатом. Зерно, спрятанное спекулянт-фермером, брызнет из земли подобно неистощимому источнику

В Якобинском клубе, куда из ратуши доходили слухи, было большое волнение⁷. Был ли это удар бешеных по Коммуне? Или выступление Коммуны против Конвента?

Робеспьер, осужденный отныне совершать чудеса эквилибристики, разразился грозной речью против скупщиков, чтобы иметь право изобличить то, что, по его мнению, было подозрительного во внезапном вторжении в ратушу⁸:

«Если богатые фермеры хотят быть пиявками народа, мы их выдадим самому народу. Если мы встретим слишком много препятствий для того, чтобы расправиться с изменниками, скупщиками, заговорщиками, мы скажем народу, чтобы он сам расправился с ними».

Ужасные слова, но Робеспьер прибавляет:

«Объединимся же и образуем грозный кулак, о который до сих пор разбивались все усилия врагов общественного блага. Не надо упускать из виду, что они ничего другого не хотят, как вызвать среди нас подозрение у одних против других и, в частности, заставить нас ненавидеть и не признавать установленные власти. Недоброжелатели, подлецы присоединяются к группам, стоящим у дверей булочных, и возбуждают их вероломными разговорами. Они вызывают тревогу у народа, убеждая его, что продовольствия не будет хватать. Они хотели вооружить народ против него самого, послать его в тюрьмы, чтоб он там устроил резню заключенных, уверенные в том, что найдут средство освободить злодеев, заключенных в тюрьме, и дать погибнуть невинному, патриоту, который по ошибке туда попал.

Эти злодеи хотели погубить Национальный Конвент, якобинцев, патриотов. Они старались отвратить от них народ, приписывая им все несчастья, жертвой которых они сами сделали его.

Уверяют, что Паш в данный момент окружен не народом, а несколькими интриганами, которые поносят его, оскорбляют, угрожают ему...»

Итак, Робеспьер вновь объявил войну бешеным⁹. Но правительственные революционные силы не могут справиться с движением. Протестуя против террора, они сами говорят языком террора, и завтра сам Робеспьер будет руководить, как председатель Конвента¹⁰, официальным открытием кровавой эры. Сами якобинцы, распаленные странными словами Руайе, решают присоединиться к Коммуне и к народу, чтобы отправиться завтра в Конвент и потребовать от него действий¹¹.

И вот в момент, когда продовольственный кризис достиг высшей точки и когда народ, не изголодавшийся, но доведенный до отчаяния трудностями жизни, собирался потребовать от Революции, чтобы она обеспечила ему безопасность и изобилие, распространилась страшная весть: Тулон сдался англичанам¹².

Робеспьер на том же заседании в Якобинском клубе (4 сентября) начал подготавливать умы к этому страшному удару: «Воз-

6. Аналогичное содержание приведено в «Le Républicain français» и в «Journal de la Montagne». Подчеркнем, что Эберу и Шометту удалось повернуть манифестацию на иной путь: продовольственный вопрос отошел на второй план перед требованиями политических репрессий.

7. «Journal de la Montagne», 6 septembre 1793; A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 387 (краткое изложение этого важного заседания).

8. M. Robespierre. Œuvres, t. X, Discours, 5e partie, p. 93. [См.: М. Робеспьер. Избранные произведения. М., 1965, т. III, с. 47. — Ред.].

9. Робеспьера не послушали; он не признавал подлинно народного характера движения; «бешеные» в нем не играли видной роли. Якобинцы послали депутацию в Коммуну; она присоединилась к требованиям, выдвинутым народом в согласии с его должностными лицами.

10. Робеспьер был избран председателем Конвента 22 августа 1793 г.

11. Руайе, оратор делегации пер-

вичных собраний, заявил: «Довольно заседаний, надо выйти на улицу и призвать народ последовать за нами, чтобы заставить Конвент принять революционные меры». Невзирая на усилия Робеспьера, народ и якобинцы пришли к молчаливому согласию — отправиться на следующий день в Конвент.

12. 2 сентября 1793 г. стало известно о сдаче Тулона англичанам. Хотя Комитет общественного спасения сообщил о несчастье только 4 сентября («Moniteur», XVII, 572), однако весть об этом распространилась уже 2 сентября благодаря Сулесе, комиссару исполнительной власти в департаментах Юга, доставившему сообщение Комитету общественного спасения. Барер поставил ему в вину его болтливость. («Moniteur», XVII, 577.) К волнениям народных масс из-за нехватки продовольствия прибавились патриотическая тревога и неотвязная мысль о заговоре аристократов; ничто не способно было в большей мере развязать движение в пользу террора.

можно, что Тулон взят. Мы победим и без Тулона, мы победим без эскадры».

Но известие подтверждается, и это ужасно. Тулон не был взят, Тулон не уступил насилию. Тулон предался врагу. Тулон изменил Франции и Революции в целом. Роялистские секции одержали верх, и адмирал Худ¹³ был встречен в этом великом порту от имени Людовика XVII. И изменили не одни только аристократы; командиры эскадры почти все были за англичан; большинство матросов, с адмиралом Сен-Жюльеном¹⁴ во главе, остались верны Республике. Но рабочие Арсенала, которым надоело получать заработную плату ассигнатами, сдались ради оплаты в золоте. Так враг сначала доводил людей до нищеты, а затем на эту нищету прививал измену. Этот страшный яд в наших жилах; каким магическим заклинанием ярости, каким кровопусканием изгнать нам его?

Фабр д'Эглантин заявил, что иностранцы, обосновавшись в самом сердце Банка, организовали контрреволюцию, подрывая доверие к ассигнату. Барер зачитал в Конвенте письма и счета, изъятые Комитетом общественного спасения; они показывают, что у англичан имеются тайные агенты всюду¹⁵. Они сидят в наших крепостях, чтобы поджигать арсеналы и пороховые погреба. Они сидят в наших клубах, чтобы доводить страдающий народ до безумия. Этими английскими гинейми подкупают рабочих наших портов, после того как ими финансировали фанатиков Ванден.

Кто знает, нет ли руки иностранцев даже в проявлении нашего гнева, который они разжигают своими речами, чтобы довести его до безумия? Надо защищаться, надо отомстить, надо внушить страх контрреволюции и всему миру.

Наступает *День гнева*, когда умрет всякая жалость.

СОБЫТИЯ 5 СЕНТЯБРЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ КОНВЕНТЕ

Тысячи граждан во главе с Пашем и Шометтом явились в Конвент¹⁶. Шометт повторяет свою вчерашнюю речь, произнесенную в Коммуне. Но после того, как преступление Тулона стало известно, он изобличает заговор иностранцев против свободы Франции с гораздо большим авторитетом!

«Враг хочет морить народ голодом, чтобы он променял свой суверенитет на кусок хлеба.

(«Нет, нет! Народ останется свободным!» — Это крики депутатов Горы и народа, находящегося на трибунах.)

Ты, Гора, стяжавшая вечную славу на страницах истории, будь Синаем французов, издай среди блеска молний вечные декреты, диктуемые справедливостью и народной волей! Огонь любви к общественному благу уже давно бушует, сдавленный у вас в груди; пусть он со всей силой вырвется наружу!

Никакой пощады, никакого сострадания к изменникам! («Нет, нет!» — в один голос кричат члены Конвента и народ.) Если мы не опередим их, то они опередят нас. Воздвигнем же между ними и нами преграду вечности!»

О Шометт! Образ не совсем верен. Он был бы верен, если бы они навеки остались мертвы и если бы вы навеки остались живы. Вы намереваетесь воздвигнуть между ними и вами не преграду вечности, а преграду смерти, а эту преграду легко преодолеть. О Шометт! Взгляни на председательствующего, чье сосредоточенное и озабоченное лицо скрывает какую-то глубокую тайну. Настанет день, когда он поможет вам перейти смертную черту. Шометт заканчивает призывом безотлагательно создать Революционную армию, которая, двинув повсюду свои колонны, понесет смерть или отчаяние скупщикам и заговорщикам.

Якобинская делегация требует немедленного суда и быстрого осуждения арестованных жирондистов.

«В общественных местах республиканцы с негодованием говорят о преступлениях Бриссо и произносят его имя только с отвращением. Припоминают, что в 1789 г. Англия извергла это чудовище, чтобы внести замешательство в нашу Революцию и задержать ее ход. Мы требуем суда над ним, как и над его сообщниками.

Народ возмущен привилегиями, еще сохранившимися в Республике. Как? Все эти Верньо, Жансонне и другие злоумышленники, запятнавшие своей изменой достоинство народных представителей, заключены во дворце, в то время как бедные санкюлоты стонут в узилищах и им угрожают кинжалы федералистов...

Настало время, чтобы равенство прошлось своей косой по всем головам. Настало время устрашить всех заговорщиков. За дело, законодатели, **поставьте террор в порядок дня**»¹⁷.

Формула была найдена. Ее встретили одобрительными возгласами. Будьте уверены, гражданин делегат: вы получите голову Бриссо, голову Верньо и еще много других голов. В кор-

13. Худ (1724—1816) — английский адмирал, отличился во время войны в Америке, нанес поражение французскому адмиралу де Грассу.

14. Сен-Жюльен де Шабон (1752—1799); ему удалось выйти из Тулона.

15. Rapport fait ... le 1er août 1793. Texte et nouvelle traduction des lettres et notes anglaises trouvées dans un portefeuille anglais déposé au Comité de salut public. (B.N., 8° Le³⁸ 370, imp. in-8°, 55 p.)

16. «Journal de la Montagne», 6 et 7 septembre 1793; «Moniteur», XVII, 580; Buchez et Roux, XXIX, 34; «Archives parlementaires», LXXII, 409. О событиях 5 сентября см.: А. Матхиз. *Op. cit.*, p. 331 [См.: А. Матхиз. *Цит. соч.*, с. 251. — *Ред.*]; А. Соболь. *Op. cit.*, p. 170. [См.: А. Соболь. *Цит. соч.*, с. 115. — *Ред.*]

17. Buchez et Roux, XXIX, 41.

зине гильотины, каждый день наполняемой и опорожняемой, найдется место для многих голов, а при случае и для вашей. Все эти люди, которые — увы! — еще несколько дней назад, во время священного праздника Федерации, взывали к благодетельной природе и пили чистую воду из чаши святого братства, вскоре будут пить человеческую кровь из чаши ужаса и смерти. И они остались теми же, и среди жестокого смертоубийственного дела, к которому их побуждает или им навязывает безумие событий, они сохраняют свою великую мечту о братском умиротворении.

Сколь жестока была судьба, заставившая вас узнать горький вкус крови, вас, стремившихся к справедливости и любивших человечество! История сделала вас жрецами, совершающими жертвоприношение, и обрекла на казнь вас самих. Революции — варварская форма прогресса. Какой бы благородной, плодотворной, необходимой ни была революция, она всегда относится к более низкой и наполовину звериной эпохе человечества. Будет ли нам дано увидеть день, когда форма человеческого прогресса действительно будет человеческой?

Друз неприятно поразил Конвент грубым выражением: «Будем разбойниками ради блага народа».

Тюрио ответил ему:

«Франция не жаждет крови; она жаждет только справедливости»¹⁸.

Да, но когда наступит этот час, когда жажду справедливости не будут более утолять кровью?

Дантон, подобный литейщику, разогревающему металл, чтобы сделать его ковким, горячил умы, чтобы сделать их восприимчивыми к его тактике благоразумия. Воспламенив их революционной речью, он обращает их бурный гнев главным образом против внешнего врага. Пусть министрам дадут 100 млн. и пусть повсюду изготавливают пики. И вдруг, словно он хотел нанести удар по контрреволюционерам и умеренным, которых в секциях было множество, он предложил меру, имевшую двойную цель¹⁹.

Рабочие, вынужденные работать ради хлеба насущного, не могли посещать собрания секций. Напротив, мюскаден^{*}, сыновья буржуа приходили на них толпами. Что же предлагает Дантон? Чтобы в секциях устраивалось только два собрания в неделю и чтобы посещающие их рабочие получали по 2 ливра за каждое заседание. Да, тогда народ будет господствовать в секциях. Но этот же удар поражал и бешеных, которых сама их экзальтация побуждала ходить на собрания секций, где они иногда навязывали свои решения. Эти пылкие небольшие меньшинства вскоре потонут в широком потоке. Бешеные это хорошо поняли, и через несколько дней Варле явился от их имени протестовать против меры, унижающей, по его словам, народ, умаляющей его достоинство и столь же пагубной для свободы²⁰.

Но Робеспьер резко выступил против Варле²¹. предложенную меру оставили в силе. Под прикрытием предложений народа Дантон отменил непрерывность заседаний секций²², избавил исполнительную власть и Конвент от чуть ли не ежедневного вмешательства секций и придал действиям народа более широкую и более уравновешенную основу. Таким образом, даже под бурным натиском народа Конвент сохранял свое руководство.

5 сентября считается официальным началом политики террора, ознаменовавшимся созданием Революционной армии, новым усилением Революционного трибунала, разделенного на четыре секции, чтобы он мог лучше справляться со своей расширившейся задачей²³. Отмечу, что ни делегаты якобинцев, ни делегаты Коммуны не говорили о *максимуме*²⁴. Они рассчитывали разрешить продовольственный вопрос главным образом путем террора, направленного против фермеров, торговцев и скупщиков.

ЗАКОН ОТ 29 СЕНТЯБРЯ О ВСЕОБЩЕМ МАКСИМУМЕ

Но Конвент понял, что только таксация цен на продовольствие в законодательном порядке может обеспечить народ питанием, не отдавая Францию на произвол дикого деспотизма, и 29 сентября

18. «Moniteur», XVII, 558; «Archives parlementaires», LXXIII, p. 423 et 424.

19. «Moniteur», XVII, 583; «Archives parlementaires», LXXIII, 415. Отмена непрерывности заседаний секций и возмещение в 40 су были окончательно вотированы 9 сентября 1793 г. («Moniteur» XVII, 625; «Archives parlementaires», LXXIII, 601.)

* Мюскаден — распространенное в годы Революции презрительное прозвище щеголей, знатных и богатых людей. — *Прим. ред.*

20. 13 сентября 1793 г. секция Прав человека под влиянием Варле заявила о своем отказе от возмещения в 40 су. 17 сентября Варле от имени нескольких секций представил Конвенту петицию: «Могли ли вы, не посягая на права суверена, ограничить число собраний народа и предписать их продолжительность? ...В свободном государстве народ не может сам платить себе жалованье за осуществле-

ние своих прав». («Journal de la Montagne», 18 septembre 1793; «Moniteur», XVII, 682; «Archives parlementaires», LXXIV, 311.)

21. M. Robespierre. Œuvres, t. X, Discours, 5^e partie, p. 109.

22. О непрерывности заседаний секций см.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. V, Дополнительные замечания.

23. В начале заседания 5 сентября 1793 г., до прибытия манифестантов, Конвент постановил разделить Революционный трибунал на четыре секции, заседающие одновременно. Создание Революционной армии было вотировано после того, как Шометт вручил петицию манифестантов. Затем было принято в принципе решение об аресте подозрительных.

24. Принцип всеобщего максимума был одобрен Конвентом 4 сентября 1793 г. («Moniteur», XVII 574; «Archives parlementaires», LXXIII, 395.) 5 сентября вопрос о максимуме не ставился.

издал обширный декрет, тарифицировавший всю экономическую жизнь Франции, товары и заработную плату²⁵.

«Предметы, которые Национальный Конвент признал предметами первой необходимости и на которые он счел себя необходимым установить максимум, или предельную цену, следующие: мясо свежее, мясо соленое и сало, масло сливочное, масло растительное, скот, соленая рыба, вино, водка, уксус, сидр, пиво, дрова, древесный уголь, каменный уголь, свечи, масло для освещения, соль, сода, мыло, поташ, сахар, мед, белая бумага, кожи, железо, литье, свинец, сталь, медь, конопля, лен, шерсть, ткани, полотно, сырье для фабрик, деревянные башмаки, обувь, рапс и сурепица, табак»²⁶.

Как мы видим, зерно не включено в этот перечень, так как зерно и мука были предметом особого закона о максимуме от 4 мая 1793 г.²⁷ На основании чего Конвент будет определять максимальную цену на все товары? Он отказался в этом случае от того способа, который был применен для зерна. Относительно зерна Конвент решил, что средняя цена за время с 1 января по 1 мая 1793 г., установленная в каждом департаменте на основании таблиц цен различных рынков ее дистриктов, и будет *максимальной* ценой. Эта максимальная цена должна быть снижена 1 июня на одну десятую, затем 1 июля на одну двадцатую оставшейся цены, к 1 августа на одну тридцатую и к 1 сентября на одну сороковую²⁸. Для определения максимума на все товары Конвент признал более разумным взять за основу цены 1790 г.

К тому времени экономические потрясения, связанные с выпуском ассигнатов, с войной, с бедствиями в колониях, с революционными волнениями, еще не имели места; с тех пор произошло не только общее вздорожание товаров, но и частично сильное повышение цен на некоторые из них. Поэтому взять за основу последующие [после 1790 г.] таблицы цен было бы равносильно риску подтвердить и закрепить искусственное и случайное соотношение между ценами на разные категории продуктов.

Напротив, 1790 г. служил нормальным мерилom, и соотношение цен тогда определялись издержками производства и средней прибылью. Но так как с того времени произошло общее повышение цен и так как нельзя было надеяться, что ассигнат сразу доведут до номинальной стоимости, то Конвент декретировал, что максимум должен был быть установлен на основе цены 1790 г. *с прибавлением одной трети этой цены*²⁹.

Сказать правду, Конвент, по-видимому, мог бы и не считаться с этим обесценением ассигната и попросту придерживаться цен 1790 г. И действительно, какое значение имеет для торговца шерстью продавать свой товар на 50% дороже, чем в 1790 г., если он в то же время вынужден платить на 50% больше за все покупаемые им товары? С момента, как между всеми ценами 1790 г.,

одинаково возросшими на 50%, установилось то же соотношение, которое было между ними в 1790 г., почему было не выразить это соотношение цен в той же форме, какую оно имело в 1790 г., и не придерживаться попросту цен того времени? Да, но прежде всего не все продукты и товары входили в новую таблицу максимума, какой бы детальной она ни была. Например, цена на зерно, максимум на которое был установлен на основании рыночных цен первых четырех месяцев 1793 г., была значительно выше, чем в 1790 г. С того времени покупательная способность ассигната в отношении зерна стала меньшей, чем в отношении других товаров или продуктов питания. Более того, поскольку ассигнат терял в цене по отношению к золоту и иностранным ценным бумагам, то было трудно возратить ему полную стоимость в отношении всего остального, не вызывая внушающего беспокойства нарушения равновесия. Итак, если на ассигнаты можно было приобретать все товары по ценам 1790 г., т.е. по ценам, предшествовавшим тем, какие вызвало падение стоимости ассигната, то ассигнат как бы сохранял свою полную стоимость по отношению ко всем товарам, имея пониженную стоимость только по отношению к золоту и иностранным ценным бумагам. Наконец, если бы цены на все предметы были доведены до цен 1790 г., то стоимость находящихся в обращении ассигнатов возросла бы весьма значительно. Держатели ассигнатов смогли бы на то же количество ассигнатов и при той же их номинальной стоимости покупать гораздо больше товаров, чем это было возможно до издания закона о максимуме. И установление цен на товары на уровне 1790 г. имело бы своим следствием прежде всего непомер-

25. И на этот раз Жорес обходит молчанием давление народа, не ослабевавшее с 5 по 29 сентября, на сдержанно настроенный Конвент и на колебавшееся правительство. 11 сентября 1793 г., на основании одобренного в принципе декрета от 4 сентября, Конвент ввел национальный максимум цен на зерно и муку. Затруднения со снабжением вызвали недовольство в народе. 22 сентября 1793 г. парижские секции подали в Конвент петицию. 23 сентября Конвент заслушал доклад Купе из Уазы о всеобщем максимуме («Moniteur», XVII, 732.) См.: A. Soboul. Op. cit., p. 217. [См.: A. С о б о у л ь. Цит. соч., с. 139. — *Ред.*] О законе от 29 сентября см.: A. Mathiez. Op. cit.,

p. 370. [См.: А. М а т ь е з. Цит. соч., с. 279. — *Ред.*]

26. «Moniteur», XVIII, 5; «Archives parlementaires», LXXIII, 321.

27. Жорес умалчивает о декрете от 11 сентября 1793 г. См. выше, прим. 25. В действительности, как отметил Жорес, декрет от 4 мая в зависимости от района применялся слабо или совсем не применялся.

28. Эти сложные предписания исчезли из декрета от 11 сентября 1793 г., установившего цены на зерно и на муку независимо от прежних цен: цена quintала пшеницы высшего качества «не могла превышать 14 ливров»...

29. Парижские секции требовали, чтобы максимальными считались цены 1790 г., без надбавки.

ное обогащение держателей ассигнатов, а затем еще большую диспропорцию между стоимостью товаров и чрезмерным количеством ассигнатов.

Вот почему (за исключением цен на уголь и дрова, которые повысили по отношению к ценам 1790 г. только на одну двадцатую)³⁰ Конвент постановил, что «максимальной ценой на все продукты питания и товары, перечисленные в статье 1, будет по всей Республике до сентября месяца следующего года та цена, какую каждый из них имел в 1790 г., согласно таблицам рыночных цен каждого департамента, с прибавлением одной трети, за вычетом фискальных и других налогов, которые на них тогда распространялись, какое бы наименование они ни носили»³¹.

Как видно, Конвент в тот момент издает закон только на год. Он вводит максимум не как окончательный порядок, а только как средство устранения преходящих и чрезвычайных трудностей. Основа, взятая Конвентом для установления цен, чересчур общая и неясная. Какова в самом деле цена товара? Цена ли это, равная стоимости изготовления товара в мастерской производителя? Или же это его цена в оптовом складе? Или в розничной торговле?

При проведении закона в жизнь возникнут бесчисленные затруднения, которые не помешают, однако, первому, несколько грубому и произвольному его применению, но вскоре заставят Революцию предпринять более глубокий анализ экономического развития. Но, устанавливая цены на товары или продукты питания, нельзя было не установить также цены на труд; ибо если общая цена продукта не может превышать определенный уровень, то как возможно, чтобы один из составных элементов этой цены — заработная плата могла повышаться бесконечно?

Но Конвент стремится закрепить в интересах рабочих хотя бы часть завоеваний, каких они добились в области заработной платы. Он декретирует, что «максимум, или соответствующие самые высокие ставки заработной платы, жалованья, цены на рабочие руки и рабочего дня, будет устанавливаться в каждой местности. начиная со дня опубликования настоящего закона и до сентября следующего года, генеральными советами коммун на основании ставок 1790 г., увеличенных *наполовину*»³².

Таким образом, для максимума на большинство продуктов и товаров цены 1790 г. были увеличены *на одну треть*, а для максимума заработной платы — *наполовину*. И если мы захотим выразить в цифрах, в свете этой двоякой основы, реальное улучшение положения людей наемного труда, реальное увеличение их покупательной способности, то можно будет сказать, что благополучие рабочих возросло соответственно разности между половиной и третьей, т.е. на одну шестую. Повышение заработной платы наемных рабочих на одну шестую сравнительно с зара-

ботной платой 1790 г. — вот в некотором роде арифметическое выражение и официальный баланс Революции³³.

Итак, в сентябре Революция, угрожаемая и разгневанная, но уверенная в себе и сильная, проявляет великую организационную мощь, силу террора и боеспособность.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

Комитет общественного спасения все более и более становится побуждающей и регулирующей силой. После 10 июля 1793 г. он был обновлен³⁴. Дантон вышел из его состава. Дантон заранее объявил о своем нежелании быть переизбранным, и Конвент не назвал его имени.

5 сентября, после революционной и дальновидной речи, которую я только что прокомментировал, один из членов Конвента воскликнул: «У Дантона ум революционера; он должен войти в Комитет общественного спасения!»³⁵

Единодушными восклицаниями Конвент одобрил его назначение, но он заупрямился в своем отказе. Было ли это началом усталости? Поддался ли он вялости, которая его часто томила и позволяла ему проявлять энергию только приступами, внезапными всплесками? Находил ли он работу в Комитете слишком непрерывной, слишком поглощающей все силы и кропотливой?

Недавно вступив во второй брак, может быть, он хотел иметь больше досуга для этой новой любви, которой он отдавался со всем пылом своего темперамента? Его решение, несомненно, также было признаком тайного недовольства и политического расчета. В трудные времена он очень часто брал на себя ответственность и нес ее бремя. Ему часто приходилось оправдываться в Якобинском клубе; его гордость, менее стойкая и глубокая, чем у Робеспьера, но неистовая и пылкая, страдала от этого. По горькому опыту своих отношений с Дюмуре он знал, насколько легко скомпрометировать себя государственному деятелю, как только он начнет действовать, как только у него появятся определенные функции и какая-то власть. Ему, несомненно, было

30. Статья 2.

31. Статья 3.

32. Статья 8.

33. Наблюдатель Руссвиль отмечает в эти дни: «Весь народ санкюлотов очень доволен тем, что спекуляции и алчности положены пределы, и благословляет Конвент и Революцию». Он подчеркивает, наоборот, недовольство

во «всех оптовых торговцев». («Paris pendant la Terreur», t. I, p. 234.)

34. Actes du Comité de Salut public, V, 227.

35. «Moniteur», XVI, 596. Это предложение было сделано Гастоном (1757—1836), депутатом Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Арьеж.

неприятно и то, что его так часто защищал и оберегал Робеспьер, который сам был осторожен и не столько направлял события, сколько за ними следил и теперь мог воспользоваться своим незапятнанным авторитетом для руководства Революцией, освободившейся от парализующей жирондистской агитации, так и от монархической опеки. И Дантон пришел к выводу, что для него настал час проявить сдержанность, отойти несколько в сторону и таким образом добиться восстановления своей революционной репутации, в то время как другие, соприкоснувшись с властью, неизбежно станут более осмотрительными. Внешне он поддерживал бы и ободрял их; он не стал бы устраивать им ловушки, ослаблять их постоянной оппозицией или чернить их исподтишка. Но он не станет брать на себя серьезные обязательства, и они будут вынуждены нести ответственность в первую очередь. Они наконец выйдут из святилища. И вот тогда, когда придет час, когда все поймут, что Революция должна сама упорядочить себя и сдерживаться, он вмешается снова, он снова возьмет на себя дипломатические переговоры, которые начал, будучи членом первого Комитета общественного спасения, и которые, быть может, были преждевременными. Он принесет мир революционной Франции, а вместе с миром и более устойчивый, более свободный и более человеческий порядок. В этом плане, внешне довольно разумном и осмотрительном, было два недостатка. Прежде всего, Дантон забывал, что сила, подобная его силе, не может быть вне власти и вне ответственности. Вне Комитета общественного спасения, как и внутри Комитета, он оставался частью власти, частью Революции, и он будет нести ответственность за свое самоустранение, за свой кажущийся каприз, за возможное использование их интриганами в гораздо большей мере, чем за свое прямое участие в правительстве. Наконец, кто знает, дала ли Революция ему время развить свои комбинации? Рассчитывать на время в период столь напряженной жизни, когда минуты стоили веков, когда события сжигали и могли в один день уничтожить самые прочные репутации, — какое это было заблуждение³⁶!

Робеспьер не вошел в состав Комитета общественного спасения в первый день. Быть может, он не хотел, вступив в него в тот самый день, когда Дантон из него вышел, способствовать расчету, какой он угадывал в политике Дантона, и возложить на себя, вследствие этого резкого контраста, всю тяжесть ответственности. Но Робеспьер вскоре понял, что отныне его место в Комитете, в правительстве. Он понял, что, оставаясь вне Комитета, он брал на себя неблагоприятную роль — быть в Якобинском клубе официальным защитником, добровольным адвокатом Комитета, всегда подвергающегося нападкам, — и что для него было опасно не руководить изнутри правительством, с которым он казался солидарным.

27 июля он вошел, вместо заболевшего Гаспарена, в состав Комитета общественного спасения³⁷. Карно вошел в него 14 августа³⁸; Бийо-Варенн был включен в него в сентябре³⁹. Таким образом, Комитет имел следующий состав: Жан Бон Сент-Андре, Барер, Робеспьер, Кутон, Эро де Сешель, Тюрио, Приер из Марны, Сен-Жюст, Робер Ленде, Бийо-Варенн, Колло д'Эрбуа⁴⁰.

РЕПРЕССИИ

Под влиянием Комитета внутри страны усиливается революционный террор, а на рубежах — революционная сила. На основании закона от 17 сентября составляются списки подозрительных⁴¹, по всей Франции наблюдательные комитеты получили таким образом власть над всеми, кто пытался ослабить Революцию.

Двадцать три жирондиста, Мария Антуанетта, г-жа Ролан и Байи должны были предстать перед Революционным трибуналом, т.е. взойти на эшафот. Зачем же настаивать на их защите? Жирондисты довольно долго отвергали обвинения; но революционное судилище было лишь полем битвы; они были побеждены, значит, осуждены. Впрочем, всем им были предъявлены страшные обвинения: в измене — королеве, в разжигании гражданской войны — жирондистам. Осужденная 16 октября, Мария Антуанетта написала Мадам Елизавете, сестре Людовика XVI, трогательное и гордое письмо: «Пишу вам, сестра моя, в последний раз. Меня только что осудили не на позорную смерть (она существует только для преступников), но на встречу с вашим братом...» Она отвергла утешения и причастие, предложенные ей присягнувшими священниками. Стоя на тележке, которая везла

36. См. то, что пишет Ж. Лефевр об отказе Дантона вступить во второй Комитет общественного спасения. «Вопрос был в том... не сыграет ли Дантон на руку экстремистам, поддерживавшим от вступления в Комитет. Ответ не вызывал сомнений. По меньшей мере он совершил грубую ошибку» (G. Lefebvre. *Etudes sur la Révolution française*. Paris 2e édition, 1963, p. 98, «Sur Danton».)

37. «Moniteur», XVII, 254.

38. «Moniteur», XVII, 396.

39. «Moniteur», XVII, 595. Колло д'Эрбуа был избран в Комитет общественного спасения в тот

же день, что и Бийо-Варенн, — 5 сентября 1793 г.

40. Эро де Сешель был быстро выведен из Комитета за свои подозрительные связи. Тюрио, друг Дантона, перестал в нем работать. Жорес не упоминает о Приере из Кот-д'Ор, вошедшем в Комитет в то же время, что и Карно. — 14 августа 1793 г.

41. «Moniteur», XVII, 680; «Archives parlementaires», LXXV, 304. Также и здесь Жорес обходит молчанием действия народных масс и их требования ввести террор, которые заставили Конвент в конце концов издать закон о подозрительных. [См. А. Соболев. Цит. соч., с. 135. — *Ред.*]

ее к месту казни. со связанными за спиной руками, она, казалось, обшаривала взглядом дома, мимо которых ее везли. Что она искала? В толпе думали, что ее забавляло колыхание трехцветных флагов, своего рода ребячество, какое иногда вселяет приближение смерти, отдающее ум, освобожденный от привычного порядка вещей, во власть случайных впечатлений. Мария Антуанетта искала неprisягнувшего священника, от которого она могла бы получить единственное благословение, имевшее для нее значение. Она увидела его в одном из окон и слегка наклонила голову. Этот легкий знак вырывал между толпой и нею пропасть, более глубокую, чем смерть⁴².

Барнава привезли на казнь 28 октября⁴³. Он пытался сказать народу несколько слов. Зачем? С тех дней, когда его речи находили отклик, прошли века, и толпа, к которой он, как ему казалось, обращался, была бесконечно далека от него. 31 октября к подножию эшафота привезли двадцать одного жирондиста, среди них Бриссо, Жансонне, Карра, Верньо, Клода Фоше, Буайе-Фонфреда, Ласурса⁴⁴. Какой груз славы и разочарования, интриги и гения! Революция целыми тележками свозила к палачу людей, которые ей принадлежали, ей служили и не думали, что отреклись от нее. Прежде чем умереть, они, несомненно, поняли, что и без них Революция сумеет сражаться, организовать и победить, и это было самым страшным наказанием их тщеславному легкомыслию. Все эти головы с побледневшими лицами упали в одну и ту же корзину.

Через несколько дней, 8 ноября, умерла г-жа Ролан, спокойно, стойчески, но все еще обвиняя: «О свобода, сколько преступлений совершается твоим именем!»⁴⁵ Печальное эхо вечных разоблачений, которыми целый год были одержимы Роланы.

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

В то время как Революция наносила страшный удар и соединяла Жиронду и королевскую власть в хаосе смерти, она успешно обуздывала гражданскую войну и теснила наглых иностранцев. Карно дал армии все — и организацию, и порыв⁴⁶. Он осуществил амальгаму, которая была еще только намечена или робко применялась. Огненные волонтеры и солдаты линейных войск были объединены. И наступательный порыв увлекает повсюду солдат Революции, атакующих растерявшегося врага.

Генерал Карто, совершив быстрый переход, опрокидывает отряды, которые марсельская контрреволюция разместила в долине Роны. В конце августа он вступает в Марсель⁴⁷. Лион осажден. Из Сент-Этьенна, из Сен-Шамона, из Клермона прибывают тысячи волонтеров, вливающих в осаждающую армию. Кутон, подъявшись на кафедру Клермонского собора, призывает к свя-

щенному крестовому походу во имя свободы и закона против мятежного города, против города богачей, монахов и королей⁴⁸. Раскаленные пушечные ядра дождем сыплются на мрачный большой город; город охвачен пожаром, и горизонт издали кажется озаренным северным сиянием. 9 октября Лион взят штурмом, и генералу Преси удалось спасти лишь несколько поредевших батальонов. Конвент своим грозным декретом лишает побежденный город даже его названия; он будет впредь не Лионом, а Освобожденной Коммуной, причем дома богачей, роскошные жилища эгоистов фабрикантов, призывавших королевскую власть, падут под ударами молота⁴⁹.

Тулон был отобран у англичан 19 декабря⁵⁰. В Вандее — борьба более широкая и более ожесточенная. Начиная с июня движение систематизировалось. Главари вандейцев решили сконцентрировать свои силы и штурмовать города. Они захватили Сомюр и осадили Нант⁵¹. Они воображали, что легко овладеют городом. Толпы грабителей, мужчин и женщин, крестьян, алчных и жестоких, как волки, ждали на всех дорогах своего часа, чтобы убивать и грабить. Помолвленные назначали друг другу свидания у ювелиров, чтобы изъять у них обручальные кольца. Нантские революционеры героически сопротивлялись. Был момент, когда

42. О процессе Марии Антуанетты см.: «Moniteur», XVIII, 16—27 octobre 1793. Мария Антуанетта была осуждена и казнена 16 октября 1793 г. См. «Большая радость папаша Дюшена по случаю укорачивания австрийской волчицы». («Le Pere Duchesne», № 298.)

43. «Moniteur», XVIII, 544, 549.

44. О процессе жирондистов см.: Buchez et Roux, XXIX, 410—478; XXX, 1—123.

45. «Moniteur», XVIII, 374; Buchez et Roux, XXX, 93.

46. «Организатором» победы является весь Комитет общественного спасения в целом, а не один только Карно, как то утверждает термидорианская легенда. Планы кампании и назначения генералов обсуждались Комитетом в целом; это показывают, в частности, заметки в записной книжке Робеспьера.

47. Войска Конвента вступили в Марсель 25 августа 1793 г. Конвент постановил, что генерал Карто (1751—1813) оказал важные услуги отечеству.

48. Кутон был послан с миссией в Альпийскую армию, осаждавшую Лион, 21 августа 1793 г. («Moniteur», XVII, 451). Он руководил мобилизацией в департаменте Пуи-де-Дом, представителем которого он был.

49. Декрет от 12 октября 1793 г. («Moniteur», XVIII, 104.) Статья 3: «Город Лион будет разрушен; все здания, где жили богачи, будут снесены; останутся только дома бедняков, жилища убитых или изгнанных патриотов...» Статья 4: «Имя Лиона будет вычеркнуто из списка городов Республики. Группа сохранившихся домов огненные будет именоваться Освобожденным городом».

50. Тулон стал именоваться Пор-ла-Монтань. («Moniteur», XIX, 38, декрет от 4 нивоза II г. — 24 декабря 1793 г.)

51. Вандейцы захватили Сомюр 9 июня 1793 г. Под Нантом же 29 июня 1793 г. они потерпели поражение.

думали, что город взят. Неимоверным усилием они отбили его. Вандейцы отступили; возвратившись в Бокаж, как дикий вепрь в свое логово, они восстановили свои силы.

В течение этого времени действия революционеров были не решительными. Руководство войной оспаривали друг у друга соперничавшие группировки — эбертистские вожаки⁵², назначенные военным министерством, и кое-кто из представителей Конвента. На одной стороне были Ронсен и Россиньоль, их поддерживал Шудье. На другой стороне был Тэнк, его поддерживали Гуший и Бурдон из Уазы. Ссоры, взаимные доносы, анархия и бессилие. 1 октября Барер от имени Комитета общественного спасения забил тревогу⁵³: «Вандею надо уничтожить!»

Комитет восстановил единство операций, сконцентрировал армию и ответственность; он облек своим доверием молодых от важных и искусных офицеров Клебера и Марсо⁵⁴. Две сильные колонны войск движутся друг другу навстречу, пересекают и прочесывают Вандею. Вандейцы, чтобы избежать этого охвата, хотят расширить театр военных действий и распространить их на север от Луары. Они ее переходят после кровопролитного сражения под Ансени, где был убит Боншан. Но эти люди, оказавшись к северу от Луары оторванными от своих полей, были как бы пораженные тоской по родине. Они утратили связь с землей предков, постоянно питавшей их узкий фанатизм. Они на какое-то время присоединяются к бандам шуанов Нижнего Мена, но вскоре поворачивают назад и, ослабшие и деморализованные, возвращаются через Луару⁵⁵.

В день, когда они перешли Луару, чтобы направиться на Север, Барер радостно пророчески воскликнул: «Вандеи больше не существует!» С ноября, если она и была еще страшной помехой, она перестала быть опасной.

И вот, в то время как Конвент, опираясь на Комитет общественного спасения, подавлял роялизм, федерализм и измену в Марселе, Лионе, Тулоне и Вандее, Северная армия наносила коалиции поражение за поражением. 6 сентября армия Ушара отбрасывает английские и австрийские войска, готовившиеся занять Дюнкерк. Это была битва под Ондском. Но какое значение имеет спасение Дюнкерка! Комитет общественного спасения приказал Ушару идти дальше, теснить неприятеля и, разбив решительное наступление, окружить его. Ушар мешкал, довольствуясь полупобедой. Да постигнет его кара! Его отзывают, предадут суду Революционного трибунала по обвинению в неповиновении, казнят⁵⁶. Ушар после Кюстина — страшный урок! Победа или смерть! Слабость, нерешительность караются как измена.

Но если герцог Йоркский, командовавший в районе Дюнкерка армией, состоявшей из англичан, австрийцев и ганноверцев, и потерпел поражение, то на другом участке границы опасность

была еще велика. Австрийский генерал Клерфэ осаждал Мобеж и готовился возобновить наступление с армией в 120 тыс. человек, закрепившейся на участке между Моном и морем. Карно поспешил к армии; ею командовал Журдан, отличившийся под Ондском⁵⁷. 16 октября под Ваттиньи молодые солдаты Республики опрокинули многочисленную австрийскую армию. Кобург и Клерфэ были побеждены, подобно герцогу Йоркскому.

Возвратились дни Вальми и Жемаппа, но очищенные от всего сомнительного, исполненные большей революционной чистоты и отваги. Кто, в сущности, победил под Вальми и Жемаппом? Патристический и революционный порыв солдат? Или блестящий и двусмысленный гений авантюриста старого порядка, перешедшего на службу Революции? Здесь же победил гений Революции, сверхающий и торжествующий. Карно, Журдан, Клебер, Марсо,

52 Более справедливо было бы сказать «народные вожаки» а не эбертистские вожаки

53 «Moniteur», XVIII, 21, 50

54 Клебер Жан Батист (1753—1800) — архитектор, заместитель командира 4-го батальона волонтеров Верхнего Рейна в январе 1792 г. Один из защитников Маница в 1793 г. Бригадный генерал в армии Побережья Ла-Рошели с 17 августа 1793 г. Марсо Франсуа (1769—1796) — солдат Ангюлемского полка в 1785 г., капитан национальной гвардии Шартра в 1789 г., капитан 1-го батальона волонтеров департамента Эр и Луар в ноябре 1791 г. в Вандее — подполковник, командир батальона с июня 1793 г., бригадный генерал с октября.

55 Ларошжаклен и Стофле перешли Луару с отрядом в 20 или 30 тыс. человек. Они двинулись к Гран-виллю, чтобы захватить порт и связаться с англичанами. Они потерпели поражение под Гран-вилем 13—14 ноября 1793 г., отступили к югу, 3—4 декабря снова потерпели неудачу под Анжером и наконец направились к Ману, где генералы Клебер и Марсо разбили их 13—14 декабря в ходе страшных уличных боев. Остатки армии вандейцев были рассеяны или уничтожены.

под Савеном в устье Луары, 23 декабря. Это было концом Вандейской войны. Ларошжаклен и Стофле снова переправились через Луару. Шаретт продолжал удерживать Маре. Однако Вандея уже не представляла непосредственной опасности.

56 Ушар Жан Никола (1738—1793) — волонтер в 1755 г., лейтенант в 1776 г., капитан в 1779 г., полковник в 1792 г., генерал в 1793 г., главнокомандующий Северной армии с 1 августа, одержал победу под Ондском (6—8 сентября), 13 сентября был разбит под Мененом, смещен и арестован (20 сентября), предан суду Революционного трибунала, осужден на смерть и повешен (15 ноября 1793 г.).

57 Журдан Жан Батист (1762—1833) — солдат в 1778 г., галантерейщик в Лиможе в 1788 г., капитан национальной гвардии в 1789 г., подполковник, командир 2-го батальона волонтеров департамента Верхняя Вьенна, бригадный генерал в 1793 г., командовал центром при сражении под Ондском, с 11 сентября главнокомандующий Арденнской армии, одержал победу под Ваттиньи (15—16 октября 1793 г.).

Гош⁵⁸ — все эти люди стали чем-то только благодаря Революции и сражаются только за нее. У них нет ни задней мысли, ни тайного намерения, ни внушающей опасения недоговоренности. Их мысль ясна, вся пронизана ярким светом Революции, и именно ее гений приводят они в действие, ее неизмеримый и безличный гений, порыв, силу приведенных в движение масс, всю демократию, наделенную электрической силой, сокрушающей врага. Несомненно, имели значение организация, замысел, метод, дисциплина. Личные знания, личный героизм тех, кто управляет, кто командует, тоже необходимый элемент победы. Но все их искусство и вся их слава — служить Революции сообразно с ее собственным гением.

О, борьба, конечно, еще не закончена: силы коалиции еще недостаточно подорваны, и если кампания 1793 г. заканчивается для нее [Революции] непредвиденными неудачами, то она вознаградит себя за них, начав новую кампанию весной. Революция осуждена на бесконечные усилия. Но отныне она показала миру, что ее первые победы 1792 г. не были ни мимолетной улыбкой очарованной на миг фортуны, ни счастливой неожиданностью.

Нет, несмотря на измену Дюмуре, несмотря на тщеславную агитацию жирондистов, несмотря на кризис в правительстве, приведший к гражданской войне, революционная Франция пробудила неисчислимые деятельные силы и восстановила то единство воли и действия, которое способно определить судьбу и организовать победу.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

В первые дни октября 1793 г. Конвент принял новый календарь⁵⁹. Он решил, что годы жизни Франции впредь должны считаться не с возникновения христианства, а с возникновения Республики. Новая эра начинается 22 сентября 1792 г. Это — первый год Республики, первый год существования свободного человечества. Революционеры, заменяя христианскую эру революционной, свидетельствуют, что, по их мысли, Революция — исторический факт, по меньшей мере, столь же великий, каким было христианство, и притом исторический факт всемирного значения.

Они действительно надеются, что все люди и все народы, составлявшие христианское человечество, отныне будут датировать свою обновленную жизнь от великой революционной даты. И как раз 22 сентября, в день провозглашения Республики, словно рок событий пожелал связать новый человеческий порядок с распорядком природы: солнце вступает в осеннее равноденствие, т.е. то положение, из которого оно равномерно освещает оба полюса Земли. Докладчик Ромм отметил это символическое

совпадение⁶⁰: новое право тоже будет освещать оба полюса, озарять своим светом все народы и все расы. Но революционный порядок совпадает с распорядком природы не только в своей отправной точке. Эта согласованность должна проявляться в эволюции каждого года и в ходе дней. Поэтому в революционном календаре названия месяцев будут отражать меняющийся цвет времен года и с помощью слов и образов приводить жителя современных городов в тесное соприкосновение с движущими силами мира.

Фабр д'Эглантин охарактеризовал этот высокий символизм в замечательном, красочном докладе, полном очарования (быть может, за исключением нескольких довольно грубых политических выпадов). Он хочет, чтобы на службу истине были поставлены способы, посредством которых церковь держала в плену воображение человека⁶¹.

«Если священники, чья всемирная и окончательная цель есть и всегда будет — подчинять человеческий род и держать его в оковах под своей властью, если священники установили день поминования усопших, то они сделали это для того, чтобы внушить нам отвращение к земным и мирским богатствам, дабы самим наслаждаться ими с избытком; они сделали это для того, чтобы поставить нас в зависимость от них посредством небылиц о чистилище. Но посмотрите, с какой ловкостью овладевают они воображением людей и управляют им по своему желанию! Они разыгрывают этот фарс вовсе не на радостном фоне свежести и веселья, который заставил бы нас дорожить жизнью и ее наслаждениями; они приводят нас к колыбели наших предков именно 2 ноября, когда кончаются ясные дни и печальное, серое небо, блеклые краски земли и опавшие листья наполняют нашу душу

58. Гош Лазар Луи (1768—1797) — помощник конюха на королевских конюшнях в 1782 г., стрелок французской гвардии в 1784 г., капитан в 1789 г., уволен вместе с полком 31 августа 1789 г., с 1 сентября сержант парижской национальной гвардии, адъютант 104-го пехотного полка в январе 1792 г., лейтенант в мае, капитан в сентябре, командир батальона в мае 1793 г., бригадный генерал в сентябре, главнокомандующий Мозельской армии с 23 октября 1793 г.

59. «Moniteur», XVIII, 55; «Archives parlementaires», LXXXVI, 120. Республиканский календарь был окончательно принят

4 фримера II г. (24 ноября 1793 г.). См.: Instruction sur l'ère de la République et sur la division de l'année. («Moniteur», XVIII, 673.)

60. Этот доклад был представлен Конвенту 20 сентября 1793 г. («Archives parlementaires», XXIV, 553.) Ромм Шарль Жильбер (1750—1795) — преподаватель математики, наставник молодого графа Строганова, сначала в России, затем в Париже, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Пуи-де-Дом, один из «мучеников прерияля».

61. «Moniteur», XVIII, 683; Buchez et Roux, XXXI, 415.

меланхолией и печалью; именно в это время они, используя прощение с природой, завладевают нами. чтобы заставить нас соблюдать рождественский пост и множество своих мнимых праздников⁶²...

Руководствуясь также хитроумными и глубокими соображениями, церковь приурочила торжественные публичные церемонии, например праздник «тела господня», к самым прекрасным самым длинным и ясным дням года.

Наконец, священники, опять-таки для упрочения своего господства, хотели полностью подчинить себе массы земледельцев, т.е. почти весь народ; в этом случае они играли на страсти к наживе, поражая воображение легковверных людей величественными картинами. Не в палящий и нестерпимый зной собирали они жителей деревень; жатва к тому времени уже была кончена и надежды пахаря оправдались; обольщение было бы неполным. Именно в прекрасные майские дни, когда взошедшее солнце еще не осушило росы и не убило свежесть зари, водили священники легковверные толпы народа среди полей, используя их суеверия. Там под названием «крестных ходов» они навязывали свое посредничество между небом и нами; там, явив нашим взорам природу в апогее ее красоты, явив нам землю во всем ее великолепии, они, казалось, говорили нам (и они нам действительно говорили): «Это мы, священники, заставили поля снова зазеленеть; это мы делаем их плодородными, вознося молитвы; это благодаря нам наполняются ваши амбары».

вф то

Итак, если церковь связала свое иллюзорное и лживое учение с жизнью природы, то как может Революция, возвращающая людей к природе и истине, не связать себя с великопешим разнообразием окружающего? Поэтому Комитет предложил называть месяцы соответственно проявлениям самих времен года.

«Мы даже старались использовать подражательную гармонию языка в составе и звучании этих слов, в механизме их окончаний; таким образом, чтобы названия осенних месяцев имели низкий звук и средний размер слогов; зимних — глухой звук и долгий размер слогов; весенних — веселый звук и краткий размер слогов; летних — высокий звук и широкий размер слогов.

Так, первые три месяца года, составляющие осень, имеют следующую этимологию: первый месяц — это время сбора винограда, который происходит в сентябре и октябре; этот месяц назван *вандемьером*; второй — это время низких туманов, когда, если можно так выразиться, ноябрь просачивается в октябрьскую природу; он назван *брюмером*; третий месяц — это время холода, го сухой, то влажной погоды, что наблюдается в ноябре — декабре; он назван *фримером*.

Три зимних месяца имеют следующую этимологию: первый месяц — это время снега, устилающего землю белым покровом в декабре — январе; этот месяц назван *нивозом*; второй — это вре-

мя дождей, обильных в январе и феврале; он назван *плювиозом*; третий месяц — это время коротких весенних дождей и ветра, высушивающего землю, что имеет место в феврале и марте; он назван *вантозом*.

Этимология трех весенних месяцев такова: первый месяц — это время брожения и тока растительных соков в марте и апреле; этот месяц назван *жерминалем*; второй — это время, когда распускаются цветы — в апреле и мае; он назван *флореалем*; третий месяц — это время радостного плодородия и косовицы на лугах — в мае и июне; он назван *прериалем*.

Этимология трех летних месяцев связана: для первого — с картиной волнующихся нив и золотистых хлебов на полях в июне и июле; этот месяц назван *мессидором*; для второго — с теплом, которое излучает и солнце и земля в июле и августе; этот месяц назван *термидором* (одно время его думали назвать *фериидором*); для третьего — с плодами, поспевающими и золотящимися на солнце в августе и сентябре; этот месяц назван *фруктидором*.

Итак, названия месяцев следующие:

Осень: *вандемьер, брюмер, фример*.

Зима: *нивоз, плювиоз, вантоз*.

Весна: *жерминаль, флореаль, прериаль*.

Лето: *мессидор, термидор, фруктидор*.

Революция будет вечно молода, как и природа; человечество, освобожденное от суеверий и рабства, снова окунется в источник жизни, и, по выражению Ромма, «время раскроет перед историей новую книгу». Конвент, повествуя на первых страницах этой книги о грозных и славных победах свободы, казалось, навсегда предостерегал королей не рвать этой книги, а священников — не чернить ее.

РОБЕСПЬЕР И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДИКТАТУРА

Но чему было обязано это пробуждение нации? Энергичной и целенаправленной деятельности революционной власти. Каким образом могла бы победа завершиться полным освобождением? Путем единения и активных действий революционных сил, организованных в правительство.

62. По мнению А. Олара, принятие Республиканского календаря было из всех мер Революции, направленных против христианства, самой значительной. Счет дней по декадам лишил воскресенье его значения, то же можно сказать о значении декадных

праздников для религиозных церемоний. Эта попытка декристианизации повседневной жизни была дополнена декретом от 15 брюмера II г. (5 ноября 1793 г.), установившим совокупность гражданских празднеств.

Это понял Робеспьер, эту мысль он выразил в заметках, которые, войдя в Комитет общественного спасения, набросал для себя, намечая план своих действий. Они были найдены в его бумагах и относятся, несомненно, к сентябрю 1793 г.⁶³

«Какова цель? Осуществление Конституции в интересах народа.

Кто будет нашими врагами? Порочные люди и богачи.

К каким средствам они прибегнут? К клевете и лицемерию.

Какие причины могут благоприятствовать использованию этих средств? Невежество санкюлотов.

Следовательно, надо просвещать народ. Но каковы препятствия для просвещения народа? Наемные писак, которые из дня в день вводят его в заблуждение бесстыдной ложью.

Какой из этого вывод?

1. Надо изгнать этих писак как самых опасных врагов отечества.

2. Надо в изобилии распространять добросовестные сочинения.

Каковы препятствия к установлению свободы? Война внешняя и война гражданская.

Каковы средства закончить внешнюю войну?

Поставить генералов-республиканцев во главе наших армий и покарать тех, кто нам изменил.

Каковы средства закончить гражданскую войну?

Карать изменников и заговорщиков, особенно виновных депутатов и администраторов; послать патриотически настроенные войска под началом командиров-патриотов, чтобы обуздать аристократов Лиона, Марселя, Тулона, Вандеи, Юры и всех прочих районов, где было поднято знамя мятежа и роялизма, и дать страшный урок всем преступникам, оскорбившим свободу и пролившим кровь патриотов.

1. Подвергнуть проскрипции вероломных и контрреволюционных писателей; распространять добросовестные сочинения. 2. Карать изменников и заговорщиков, особенно виновных депутатов и администраторов. 3. Назначить генералов-патриотов, сместить и наказать других. 4. Продовольствие и народные законы».

Вот программа для правительства, намеченная Робеспьером, частичное осуществление которой мы видели. Это ни в какой мере не программа постоянной диктатуры. Он ставит своей целью применение Конституции, т. е. возврат к нормальному порядку, когда будет управлять вся демократия и власть не будет сосредоточена в руках одного только Комитета. Но для того, чтобы Конституция применялась в соответствии с ее духом, т. е. «в интересах народа», необходимо, чтобы сам народ этот, избавленный от войны внешней и от войны гражданской, был в состоянии добиться того, чтобы Конституция действовала.

Способна ли спастись нация, оставленная во власти столкновений партий и классов? Нет, так как богатый класс слишком эгоистичен, а бедный класс, класс санкюлотов, еще слишком невежествен. Что это означает? То, что во время кризиса нужно, чтобы сильное правительство, несущее в себе всю энергию, всю мощь Революции, возвысилось над обоими классами, обуздывая эгоизм одного, просвещая другой и таким образом подготавливая торжество законной демократии. Робеспьер выразил эту мысль в более резкой форме, которая, несомненно, испугала его самого, так как он вычеркнул в своей рукописи несколько поразительных слов: «Народ...»

Какое существует другое препятствие к просвещению народа? Нищета.

Когда же народ будет просвещенным?

Когда у него будет хлеб и когда богачи и правительство перестанут подкупать лицемерные перья и языки для того, чтобы его обманывать. Когда их интересы совпадут с интересами народа.

Когда же их интересы совпадут с интересами народа?

Никогда».

Это неумолимое и пессимистичное «никогда», казалось, навечно заключало Революцию в порочный круг, и логическим выводом была бы своего рода вечная диктатура, применяющая насилие в интересах народа, учитывая его неизлечимое невежество. В действительности Робеспьер думал, что Революцию может спасти только сила Революционного правительства, опирающегося на Конвент, но объединяющего все борющиеся силы. Распустить или ослабить Конвент, распустить или ослабить Комитет общественного спасения — непростительное преступление против Революции; это значило бы выдать ее на милость анархии, т. е. врага⁶⁴.

63. Papiers inédits trouvés chez Robespierre, Saint-Just, Payan, etc., supprimés ou omis par Courtois... (Paris, 1828, 3 vol., t. II, p. 13—15) Мы полагаем, что эти записи относятся к июлю 1793 г., а не к сентябрю, как пишет Жорес.

64. Укрепление положения правительства, и особенно Комитета общественного спасения, было санкционировано декретом от 10 октября 1793 г., объявившим правительство Франции революционным вплоть до заключения мира «Законы революционные, — объявил Сен-Жюст, — но те, кто их исполняет, не революционеры... Республика будет создана только тогда, когда воля

суверена подавит монархическое меньшинство и будет господствовать над последним по праву завоевания... Революционные законы не могут осуществляться, если само правительство не организовано революционно». В соответствии с этим министры, генералы, установленные власти были поставлены под контроль Комитета общественного спасения, который непосредственно сносился с дистриктами, главной пружиной новой организации. Декрет от 10 октября 1793 г. явился важным этапом в организации Революционного правительства и якобинской диктатуры общественного спасения.

Глава четвертая

БОРЬБА ПРОТИВ ГРУППИРОВОК

КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

В то время как Комитет общественного спасения организуется, работает, борется, подавляет федерализм и роялизм, отбрасывает силы коалиции, его все время подстерегает интрига, ему угрожают группировки. И порой у него возникает вопрос, не погибнет ли Революция от анархии демагогов, после того как она избежала анархии жирондистов.

Такова мучительная драма, волновавшая с сентября 1793 г. и до мая 1794 г. революционное сознание и терзавшая Робеспьера, доводя его до болезни, до истощения.

Группа «эбертистов»¹ сначала пытается исподтишка дискредитировать, а затем насильственно свергнуть Комитет общественного спасения. Главой этой группы людей, казалось, был Эбер², но большинство ее активистов были революционными агентами военного министерства. Канцелярии военного министерства, большинство членов Клуба кордельеров, часть членов Коммуны — все силы, какими мог располагать Эбер, чтобы атаковать и погубить Комитет общественного спасения³.

В чем же упрекали его эти люди? Какое обвинение Эбер, Ронсен и Венсан⁴ могли предъявить Комитету общественного спасения? И какой план национальных и революционных действий могли они предложить взамен его плана?

Могли ли они обвинить его в небрежности, в лени или трусости при управлении Францией, которой угрожала опасность⁵ Комитет общественного спасения благодаря своей энергии справлялся со своей тяжелейшей задачей. В течение целого дня каждый из членов Комитета работал в своей канцелярии, а вечером они собирались в небольшом зале, обсуждали общий ход прави-

тельстванных дел, иногда до двух часов утра. Среди них установилось своего рода распределение обязанностей.

Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон были тем, что народ называл «людьми твердой руки», т. е. теми, кто следил за общей политикой Революции. Бареру, Бийо-Варенну и Колло д'Эрбуа была поручена главным образом переписка с представителями в миссии, с установленными революционными властями и связь с Национальным Конвентом. Наконец, была группа «людей-исследователей»; это были специалисты, Карно и Приёр, занимавшиеся армией и военной администрацией; Жан Бон Сент-Андре ведал морским флотом; Робер Ленде, человек огромной работоспособности, ведал продовольственным снабжением Франции, Парижа и армий⁵. Из дня в день бесконечное множество мелочей, из дня в день тяжелейшая ответственность, которую несли в целом все члены Комитета, так как меры, принятые каждым из членов, скрепляли своими подписями все остальные.

Ошибочно думать, что Робеспьер был своего рода ритором, увлеченным общими идеями и способным только на фразы и теории. Этому недоразумению способствовала форма его речей, в которых он часто прибегает к намекам и намеренно облекает в общие формулы вполне конкретное содержание и весьма точные указания или обвинения. На самом деле он был в курсе всех деталей революционной деятельности по всей стране и в армиях

1. Слово «эбертисты» мы заключили в кавычки. Более подошло бы слово «кордельеры».

2. Эбер мог олицетворять группу кордельеров как редактор «Пер Дюшен». Он никоим образом не был главой. Он был хорошим журналистом, но слабым политиком и не обладал сильным характером.

3. Канцелярии военного министерства были заполнены решительными патриотами, подобранными генеральным секретарем Венсаном. О канцеляриях военного министерства см.: Général Herlaut. Le Colonel Bouchotte, ministre de la Guerre en l'an II. T. I, «Le ministre», Paris, 1946, Chap. II, «Les commis de la Guerre». Клуб кордельеров был главной политической силой этой группы. Что касается Коммуны, то он не оказывал на нее никакого влияния: ни мэр Паш, ни генеральный прокурор-синдик, а затем национальный агент Шометт не принадлежали к кордельерам.

4. Ронсен Шарль Филипп (1751—1794) — литератор, главный комиссар в Бельгийской армии после 10 августа 1792 г., помощник военного министра в 1793 г., командующий Революционной армии со 2 октября 1793 г.

Венсан Франсуа Никола (1767—1794) — клерк прокурора накануне Революции, начальник канцелярии военного министерства в 1792 г., генеральный секретарь этого министерства в 1793 г.

5. Ленде возглавлял Продовольственную комиссию, Приёр из Кот-д'Ор — Комиссию вооружений и пороха, Карно — Топографическое бюро (военные операции). Если некоторые члены Комитета таким образом специализировались, то все они были вполне согласны друг с другом в вопросах общей политики (включая репрессии и террор) и ведения войны, как об этом свидетельствуют подписи под постановлениями Комитета.

и с невероятным напряжением ума, тщательно заботясь о верной оценке реального положения вещей, пытался представить себе истинную ценность людей, служивших Революции.

Постоянно присутствуя на заседаниях в Якобинском клубе, он готов исправлять, посредством точнейших сведений, туманные намеки и обвинения со стороны какого-нибудь сварливого демагога. Члены Комитета общественного спасения не ограничивались руководством из своих канцелярий; они находились в постоянном соприкосновении с событиями, со всей их силой и страстями⁶.

Жан Бон Сент-Андре объезжал порты, успокаивал волнения среди матросов, отстранял контрреволюционные штабы, вызывая энтузиазм экипажей силой справедливости, явной заботой о всеобщем благе и о величии свободного отечества⁷.

Карно ездил на поля сражений, наблюдая за тем, как осуществлялись его планы, и являя пример наступательного натиска и отваги штурма⁸.

Сен-Жюст, преодолевая свое нервное переутомление, в первых рядах встречал опасности войны⁹.

А Робеспьер? Каким полем сражения был для него Якобинский клуб! Какая суровая и нелегкая жизнь — чуть ли не каждый вечер посещать это народное собрание, часо бурное и недоверчивое, давать отчет о сделанном за истекший день, рассеивать предубеждения, вселять в людей мужество, успокаивать нетерпеливых, опровергать клевету! Быть администратором и оратором, главенствовать на форуме, приобщать народ к искусству управления — какая великая задача! Но именно благодаря этому своеобразная диктатура Комитета общественного спасения не приобрела узости групповщины; именно благодаря этому она была тесно связана с революционной жизнью.

Могли ли эбертисты упрекать Комитет общественного спасения в дурном выборе генералов, в чрезмерной снисходительности к офицерам старого порядка? Припевом Эбера в июне, июле и августе было: «Изгоним всех дворян из армий!» Таким образом он заменял удобной непримиримостью общей формулы трудную работу по очищению и обновлению, требовавшую умения разбираться в людях. Он, казалось, забывал, что недостаточно изгнать дворян, что надо время, дабы испытать новых людей, которыми можно было бы их заменить.

Комитет общественного спасения проявляет величайшую бдительность. Первые же слова Робеспьера в его июньских замечаниях требуют пристального наблюдения за Кюстином¹⁰. И на эшафот поднимается не только Кюстин, но и победитель Ушар

Едва ли можно возложить на Комитет общественного спасения ответственность за августовские и сентябрьские военные

поражения в Вандее. Они, несомненно, в такой же мере объяснялись общей анархией, с которой Комитет общественного спасения не смог сразу справиться на Западе, как и неспособностью или пороками людей. И я не могу согласиться с резкими обвинениями, какие Филиппо выдвинул против Россиньоля и даже против Ронсена; предвзятое отношение Филиппо как раз и возмутило Робеспьера¹¹. Но если взять факты и результаты, то ни Ронсен, ни Россиньоль, ни Лешель не проявили выдающихся военных дарований. Россиньоль, лучший из них, наиболее честный, наиболее искренний, наиболее порядочный, скромно признавался в своей несостоятельности¹². Военное счастье улыбнулось Революции только после того, как Комитет общественного спасения решительно вмешался в октябре и положил конец беспорядку, который не смогли предотвратить или пресечь ни военное министерство, где господствовало эбертистское влияние, ни вожак эбертистов, посланные на места.

Если Комитет общественного спасения и совершил ошибку, назначив в октябре неспособного Лешеля¹³ командующим одной из больших армий на Западе, то он сделал это по рекомендации эбертистов, чтобы не порывать с ними, чтобы доказать им, что отнюдь не из партийных соображений и соображений ревнивой

6. Опубликование записной книжки Робеспьера служит поразительным подтверждением суждения Жореса. См. эти записки в моей книге «Робеспьер террорист». [Примечание А. Матъеза.] См.: A. Mathiez. Robespierre terroriste. Paris, 1921, p. 56. «Le carnet de Robespierre».

7. Жан Бон Сент-Андре Андре (1749—1813) вошел в Комитет общественного спасения 12 июня 1793 г., и, в частности, занимался делами флота. См.: L. Lévy-Schneidder. Le conventionnel Jean Bon Saint-André... Paris, 1901, 2 vol.

8. Карно участвовал в сражении при Ватиньи (16 октября 1793 г.). См.: M. Reinhard. Le grand Carnot. Paris, 1950 et 1952, 2 vol.

9. Намек на славную миссию Сен-Жюста в Эльзас в брюмере II г.

10. «Наблюдать за Кюстином» (Papiers inédits trouvés chez Robespierre, Saint-Juste, Payan..., t. II, p. 16).

11. Филиппо Пьер Никола (1754—1794) — адвокат президиального суда в Ле-Мане, судья трибунала

этого дистрикта в 1790 г., депутат Конвента от департамента Сарта, был командирован 24 июня 1793 г. в западные департаменты. После своего отозвания опубликовал несколько брошюр, где сваливал на других ответственность за положение в Вандее; 18 нивоза II г. (6 января 1794 г.) обрушился в Конвенте на Ронсена и Россиньоля, в защиту которых тепло выступил Шудё, который назвал Филиппо сумасшедшим или обманщиком.

12. См.: Rossignol... aux républicains français. (B.N., 4° Lb¹ 2085, imp. in-8°, 12 p.) Ответ на направленные против него обвинения.

13. Лешель (1760—1793) — солдат в 1778—1788 гг., волонтер 1-го батальона Шаранты в 1791 г., в октябре избран подполковником, бригадный генерал с 17 августа 1793 г., главнокомандующий армии на Западе с 1 октября 1793 г.

исключительности, а в интересах Революции Комитет реорганизовывал армии на Западе и обновлял их командование. Впрочем, Лешель был очень скоро отстранен и уступил место Клеберу. Именно в этот период Комитет общественного спасения отличает, ободряет, возвышает до самых высоких постов молодых одаренных и отважных начальников — таких, как Марсо, Клебер, Журдан, Гош, которые заставят отступить европейскую контрреволюцию¹⁴. А Эбер, который обвинял почти наобум, который был уличен — в отношении представителя Дюкенуа, посланного к армиям, и его брата, генерала Дюкенуа¹⁵ — в легкомысленной клевете, сумел ли бы он распознать в новом поколении революционеров бойцов самого твердого духа и самого благородного сердца? Напротив, он задушил бы все зародыши героизма, выдвигая против всех офицеров одни и те же подозрения, одни и те же обвинения, вплоть до того дня, когда он смог бы раздать каким-нибудь неспособным людям из канцелярий военного министерства и секций все золото галунов и все высокомерие плюмажей. Разве это кто-либо из вожаков эбертистов, Венсан или Ронсен или даже министр Бушот, подал великую тактическую идею наступления крупными массами, спасшую Революцию? Нет, это была мысль Гоша и Карно, и я уже отмечал, что Марат, выражавший в июне и июле в военных вопросах мнение военного министерства, приходил к мысли о необходимости рассредоточенной оборонительной войны, что, несомненно, привело бы к поражению и быстрой деморализации армий революционной Франции.

Роялист Малле дю Пан, наблюдатель осторожный и ненавидящий демократию, Конвент и Комитет общественного спасения, хорошо понимал решающую, огромную деятельность этого последнего, его изумительное воздействие на армии. Он констатирует «это искусство наэлектризовывать умы и сердца, которое использует Конвент», и прибавляет¹⁶:

«Усилению патриотического психоза способствует мнение, широко распространенное в армии и общее для всех партий, мнение, согласно которому у держав нет иной цели, как разорить Францию, расчленив ее, разграбить ее города и деревни; согласно которому их участие в несчастьях королевской семьи — одно только лицемерие, и ведут они войну с самой Францией — безразлично, монархической или республиканской, — а не с анархической Францией. Наконец, вялость их операций, отсутствие единства линии, их вечная оборонительная тактика, особое умение, которое приобрели их генералы, вечно позволяя плодам победы ускользнуть от них без всякой пользы, последовательные поражения всех их армий, две проигранные кампании привели французов в состояние крайнего опьянения. Известие о взятии Тулона возбудило безумный восторг в армиях; за ним последовали празднества с гимнами и оргиями¹⁷; нынешнее возбуждение совершенно невероятно».

«Вы также легко поймете [памятная записка, адресованная Малле дю Паном лорду Элджину от 1 февраля 1794 г.], какую энергию сообщает этому воинственному фанатизму тот род войны, который применяют. Тактика Комитета не сложна: атаковать все снова и снова большими массами — вот ее суть, и мы уже видели, насколько она успешна; таким образом, солдаты, всегда готовые действовать, всегда воодушевленные надеждой обратить в бегство более осмотрительного противника, солдаты, которым этот порыв не позволяет ни увидеть, ни оценить опасность, приобретают привычку к отваге и непреодолимое стремление идти в бой. Быстрота и натиск — для них два элемента войны, вполне соответствующие их характеру и революционной войне. Как могут они бояться неприятеля, неизменно уступающего им, неизменно опрокидываемого их численностью, неизменно замыкающегося на оборонительных операциях, неприятеля, ни разу не пожелавшего взять на себя труд доказать им, что он грозен? Когда мы видим, как австрийский генерал, укрывшийся за редут, на протяжении пяти недель позволяет тридцать пять раз атаковать себя, ни разу не выступив против неприятеля, позволяет громить себя по частям, а затем вынужден обратиться в бегство, которое можно сравнить с бегством под Росбахом¹⁸, и в течение пяти дней теряет лучшие силы прекрасной армии; когда, с другой стороны, мы видим, как сержант артиллерии [Пишегрю]¹⁹, ставший главнокомандующим, в течение месяца каждый день атакует со своими солдатами австрий-

14. См. предыдущую главу, с. 271, прим. 54 и 57 и с. 273, прим. 58.

15. 18 брюмера II г. (8 ноября 1793 г.) в Якобинском клубе Эбер подверг резкой критике назначения в генеральные штабы армии, намекая на представителя Дюкенуа и его брата, генерала Северной армии. Это означало обвинить сам Комитет общественного спасения. Дело было столь важным, что на следующий день вмешался Робеспьер, который не только выступил в защиту Дюкенуа и политики Комитета, но и резко обрушился на Эбера. «Я хотел бы видеть этих людей, клеветующих на нас и выдающих себя за больших патриотов, чем мы. Они хотят занять наши места...» («Journal de la Montagne», 20 et 21 brumaire an II; «Moniteur», XVIII, 382, 390.) [См.: М. Робес-

пьер Цит. соч., т. III, с. 54. *Ред.*]

16. См. краткое изложение политического, финансового и военного положения Франции на 1 февраля 1794 г. в: Mallet du Pan. Mémoires et correspondance..., p. 26.

17. О взятии Тулона см. выше, с. 269, прим. 50. По этому случаю Конвент назначил национальные празднества.

18. 5 ноября 1757 г. прусский король Фридрих II одержал под Росбахом победу над французской и австрийской армиями под командованием Субиза.

19. Пишегрю Шарль (1761—1804) — в 1780 г. вступил волонтером в артиллерийский полк Меца, в 1785 г. сержант, в июне 1792 г. — первый помощник заместителя командира батальона; в октябре избран подполковником

цев и заканчивает блистательной победой, — то можно ожидать взрыва энтузиазма в его войсках и весьма преувеличенного мнения об их несокрушимой отваге²⁰.

Итак, вам теперь предстоит бороться против того, избежать чего зависело лишь от генералов и кабинетов коалиции; вам теперь предстоит бороться против того, чего не существовало в первую кампанию и что наблюдалось в слабой степени в начале второй кампании: против армий, жаждущих схватиться с армиями государей; против фанатически настроенного народа-солдата, которому противостоят солдаты-профессионалы, равнодушные к цели войны, дисциплинированность которых не спасла их от поражений».

Но как армии могли бы обрести эту уверенность и этот великолепный порыв, если бы Комитет общественного спасения не был прозорлив, если бы он вместо того, чтобы отдавать должное заслугам и достоинствам, все принес в жертву узкой парижской группировке, стремящейся захватить все должности, если бы он не сумел благодаря мощному единению правительства и властей пресечь распри и раздоры, которые могли бы парализовать порыв солдат?

Сила армий заключалась в великом революционном единении, которое создавал и олицетворял Комитет общественного спасения.

Достаточно ли решительно расправлялся он с внутренними врагами Революции? Не слишком ли скупо проливал он кровь роялистов и жирондистов? Эбер и его сторонники беспрестанно обвиняли в этом Комитет²¹. Они беспрестанно старались прибавить работы гильотине. И право, как мало сносится голов! Пусть увеличат корзины! Да, но в этой страшной игре даже их легко было бы переполнить. Единственная форма террора, приемлемая для политического деятеля, если он не охвачен кровью, — это форма, данная Робеспьером: «показать страшные *примеры*». Примеры, но не казни. Чтобы показать народам и королям, что даже жалость не ослабляет Революции перед лицом королевского преступления, достаточно было покарать Марию Антуанетту после Людовика, бывшую королеву после бывшего короля. Но изodia в день требовать головы Мадам Елизаветы²², сестры Людовика XVI, как это делал Эбер, было только жестокой тактикой, чтобы поставить правительство в затруднительное положение, чтобы поссорить его с человечеством, если бы оно уступило. и с неистовыми, если бы оно воспротивилось. Для примера достаточно было гильотинировать Марию Антуанетту; и было бессмысленно, несомненно, низко ее оскорблять и клеветать на нее, предоставляя ей тем самым своего рода реванш своей историей.

Шометт и Эбер были весьма недалекими революционерами, когда они — один перед Советом Коммуны, другой перед самим трибуналом, судившим Марию Антуанетту, — обвиняли последнюю в том, что она развивала в своем сыне порочные наклонности, чтобы притупить его умственные способности и легче управлять им в случае регентства. Эбер оказал Революции плохую услугу, когда прибавил, что Мария Антуанетта и Елизавета, мать и тетка, преждевременно пробуждали в подростке половые инстинкты, чтобы впоследствии, когда он станет королем, подчинить его всем своим прихотям. Мария Антуанетта испустила при этом крик благородного возмущения: «Я взываю ко всем матерям!»²³, и этот призыв, который гнусный «папаша Дюшен» заставил вырваться из измученного сердца, более столетия привлекал людей на сторону реакции. Быть может, также и Шометт поступил неумно, когда он сетовал в Совете Коммуны на то, что осужденным позволили, прежде чем они покинут тюрьму и отправятся на эшафот, выпить по глотку водки: это будто бы придало им храбрости и помогло бросить своим поведением вызов Революции. О, разве Революция, чтобы быть сильной, нуждается в малодушии своих врагов? И через несколько месяцев у нас будет сильное искушение сказать: «Пусть же, коль это нужно, Эберу дадут целую флягу водки, чтобы он умер не таким трусом!» Но нет, вокруг его тележки будет достаточно злобных насмешников, чтобы мы позволили себе громко выразить свое презрение. Для примера достаточно было также снести голову двадцати одному жирондисту, которых удалось схватить; глядите: вот в корзине

3-го батальона департамента Гар при переходе к Безансону, в марте 1793 г. — капитан артиллерии, в августе — бригадный генерал, в октябре — главнокомандующий Рейнской армии.

20. См. циркуляр Комитета общественного спасения от 14 плювиоза II г. (2 февраля 1794 г.): «Общие правила — всегда действовать крупными массами и наступать; поддерживать в армиях суровую, но не мелочную дисциплину; не давать войскам передышки, не изнуряя их, однако; оставлять в крепостях только то, что абсолютно необходимо для их защиты... при малейшем удобном случае атаковать в штыки и неизменно преследовать врага вплоть до его полного уничтожения».

21. О кампании Эбера в пользу тер-

рора осенью 1793 г. см. в частности: A. Soboul. Op. cit., p. 255. [См.: А. Собоуль. Цит. соч., с. 163. — *Ред.*]

22. Мадам Елизавета (1764—1794) — сестра Людовика XVI, заключенная в Тампль вместе с братом, в конце концов предстала перед Революционным трибуналом, была осуждена на смерть и казнена 10 мая 1794 г.

23. Мария Антуанетта: «Если я не ответила [на обвинения Эбера], то потому, что природа отказывается отвечать на подобное обвинение, обращенное к матери. [Говоря это, обвиняемая кажется сильно взволнованной]. Я взываю ко всем матерям, которые могут находиться здесь». (Bichez et Roux, XXIX, 358.)

изобретательная голова Бриссо, вот вдохновенная голова Верньо. Урок, я полагаю, блистательный, как были блистательны и умы этих людей. Зачем нужно теперь, как этого требует Эбер, оправить на эшафот 73 жирондистов, подписавших в июне протест против того, что произошло 31 мая? В докладе Амара от 3 октября 1793 г.²⁴ против них было выдвинуто обвинение, и их бы направили в Революционный трибунал и на казнь, если бы не вмешался Робеспьер²⁵. Он потребовал отложить обсуждение вопроса до получения доклада Комитета общественной безопасности. арестованные были интернированы, но не были обезглавлены. Какое это вызвало раздражение эбертистов против Робеспьера! Но почему Эберу останавливаться на этом? Их ведь всего 73 человека. А надо бы покарать всех подписавших обращения. И 20 тыс. граждан вне Конвента, подписавших петиции против событий 20 июня, против создания лагеря под Парижем. Путь к гильотине пройдет огромная толпа, и значение казни как примера будет утрачено в опьянении резни.

Но, лишенные революционной прозорливости в использовании смерти, лишенные высших принципов военной тактики и администрации, имели ли по крайней мере эбертисты какой-нибудь план в социальной области, который они могли бы противопоставить внутренней политике Комитета общественного спасения. Имели ли они какую-либо концепцию и формулу, которые могли бы облегчить беды народа, просветить пролетариев, избавить их от олигархического ига собственности? Я их ищу, но нахожу только непоследовательность и пустоту*.

КОНЕЦ ЖАКА РУ

У Жака Ру были зачатки системы. Но Эбер, неумолимо и до конца, продолжает против него борьбу, начатую им в феврале и марте и возобновленную в июне. После тяжелого удара, нанесенного Жаку Ру в конце июня и в начале июля, он, изгнанный из Конвента, изгнанный из Клуба кордельеров, заклеянный якобинцами, был бы, несомненно, окончательно повержен, если бы его не поддерживало неизменное сочувствие бедноты его квартала Гравилье. Когда этого странного священника спросили в Клубе кордельеров о его занятиях, он ответил «Исповедник немощных». И действительно, призываемый отчаянием и горестным благочестием бедных женщин, он нес от смертного ложа к смертному ложу утешение и экзальтацию, слова христианского смирения, смешанные со словами народного возмущения. Этот человек внушал умирающим веру в неведомый мир и вызывал у них страшные проклятия сущему миру, где торжествовала несправедливость богатства. Этот неумный священник, спускавшийся с мансард бледный от жалости и гнева и разжигавший на улицах и

лавках возмущение у сидевших без хлеба больных и изнуренных рабочих, лишенных тепла из-за дороговизны угля и коченевших от холода еще до смерти; этот яростный мистик, безбожно восставший против церкви; анархист и христианин, восставший против буржуа; революционер, всегда готовый поносить Революцию, если она не оправдывала себя в своем движении вперед, — этот поразительный человек растрогал немало сердец. Укрывшись в тиши, он приходил в себя после страшных ударов, которые его едва не погубили, когда его недруги, несомненно в угоду Конвенту, выдвинули против него новое, позорящее его обвинение. Он осмелился присвоить имя Марата, на которое притязал Эбер. С Жаком Ру надо покончить. На него натравливают «вдову Марата», ту, что была спутницей его жизни, Симону Эвар, она жалуется на то, что Жак Ру заставляет говорить «тень Марата»; а ведь семья Марата — эбертисты^{26—27}.

- 24 «Moniteur», XVIII, 32, 37, «Archives parlementaires», LXXV, 522 «Те из лиц, подписавших протесты 6 и 19 июня 1793 г., которые не были привлечены к суду Революционного трибунала, будут арестованы». Амар Андре (1755—1816) — адвокат Гренобльского парламента, депутат Конвента от департамента Изер, член Комитета общественной безопасности.
25. M Robespierre Œuvres, t. X, Discours, 5^e partie, p. 133, заседание Конвента 3 октября 1793 г. второе выступление, против судебного преследования депутатов, протестовавших против событий 2 июня. Здесь и ниже Жорес дает одностороннюю, пристрастную оценку взглядов и роли «эбертистов», имея в виду Эбера, Шометта и некоторых других левых деятелей периода якобинской диктатуры. См. работы советских ученых Я. М. Захер К вопросу о значении взглядов Анаксагора Шометта для предистории социалистических идей — «Французский Ежегодник 1961», М., 1962, В. Г. Ревуненков О социальной сущности движения эбертистов — «Новая и новейшая история», 1974, №4 — Прич. ред.
- 26—27 С 16 июля 1793 г. Жак Ру начал выпускать газету «Le Publiciste de la République française,

par l'Ombre de Marat, l'Ami du peuple» 8 августа Симона Эвар, «вдова Марата», выступила у барьера Конвента с обвинением против «гнусных писак», которые присвоили себе имя Друга народа и извращают его принципы и проповедают сумасбродные идеи «Особенно я предостерегаю вас от двух человек — Жака Ру и некоего Леклерка, претендующих на то, что они являются продолжателями издания его патриотических листков и говорят, как тень Марата, и все это для того, чтобы оскорблять его память и обманывать народ». Это не было уловкой эбертистов, как дает понять Жорес, вдохновителем выступления Симоны Эвар и, несомненно, редактором ее петиции был Робеспьер. Он тотчас же потребовал, чтобы Комитет общественной безопасности рассмотрел поведение обоих изобличенных таким образом «продажных писак». См. A Soboul Op. cit., p. 141 [См. А. Соболь. Цит. соч., с. 96 — Ред.] О позиции Робеспьера см. W Markov Jacques Roux Scripta et acta, S. 532, 536 (выступление Робеспьера в Якобинском клубе 5 и 7 августа), S. 538 (петиция Симоны Эвар Конвенту от 8 августа 1793 г.)

Но особенно его пытаются обесчестить обвинением в воровстве. Обвиненный в своей секции в том, что он, как председатель Клуба кордельеров, растратил денежные средства, и в частности не внес в кассу ассигнат достоинством в 200 ливров, полученный им для клуба, он неистово защищался. Он утверждал (и это вполне вероятно), что многие из сумм, записанных в реестре клуба, в действительности не были уплачены и что ему, когда он оставлял пост председателя, пришлось покрыть недостачу из собственных средств. Он призвал как свидетельниц его благотворительности, его заботы о бедняках нескольких женщин, которые были ему обязаны, для которых он устраивал сборы; они отзывались о нем с величайшей благодарностью. Но эта попытка его уничтожить возмутила его; и однажды вечером на собрании секции он попытался взять реванш. Он выдвинул тяжкое обвинение против одного из своих главных противников, Шемена, и вернул себе весь свой авторитет в секции; он добился роспуска бюро, состоявшего из его врагов. Сам он был избран председателем²⁸. Наступило оживление деятельности Жака Ру в секции Гравилье. Его окружали его друзья, столяр Натэ и другие, изливавшие в речах свой гнев против тех, кто старался опозорить Жака Ру. Допустят ли Эбер и Коммуна, чтобы вновь укрепилась партия секции Гравилье, партия Ру?

18 августа Ру нанес свой решительный удар²⁹. 21 августа Эбер уже обвиняет его в Якобинском клубе: «Этот гнусный поп, пользующийся большим влиянием в секции Гравилье, навязал этой секции решение обратиться в Конвент с адресом, чтобы добиться отмены полномочий установленных властей и обвинения самого мэра в скупке».

«К счастью, — прибавляет Эбер, — эта секция признала свою ошибку, отменила свое решение и, несомненно, первая изобличит злодея, который сознательно ввел ее в заблуждение»³⁰.

Этот призыв был услышан, и гражданский и наблюдательный комитеты секции Гравилье, пытавшиеся оспаривать влияние Жака Ру в этой секции, 22 августа обратились в Коммуну³¹. Трюшон сказал от их имени: «Граждане магистраты, вы, должно быть, знаете, что в последнее воскресенье, около полуночи, Жак Ру явился на собрание секции Гравилье; он заставил сместить председателя и секретаря; он также добился отрешения в пользу созданной им партии гражданского и наблюдательного комитетов и полицейского комиссара и заставил арестовать многих лиц. Секция полностью дезорганизована; мы просим Совет назначить комиссаров, которые бы пришли на наше собрание и реабилитировали перед ним тех членов секции, общественных должностных лиц, которые были незаконно отстранены».

Шометт, по-видимому не особенно удивленный этим выступлением, тотчас же встал, чтобы заявить: «Я усматриваю здесь два совершенно явных преступления, одно тяжелее другого. Пре-

ступление, совершенное Жаком Ру, когда он самовластно сместил общественных должностных лиц и грозил арестом многим гражданам, бесспорно, очень тяжкое; но совершенное им другое преступление, когда он распустил собрание суверенного народа, когда он внес в него дух раздоров и раскола, заслуживает гораздо более сурового осуждения. Жак Ру посягнул на суверенитет народа, а всякий, виновный в этом преступлении, — контрреволюционер, и всякого контрреволюционера следует карать смертью».

Поэтому Шометт предлагает Совету постановить, «чтобы все разоблачения, обвинения и сведения, касавшиеся Жака Ру, были переданы администрации полиции, но чтобы Совет тем не менее назначил шестерых комиссаров, дабы они немедленно приступили к реорганизации секции Гравилье и восстановили в ней порядок»³².

О, сколько раз подобного рода революции совершались в секциях в те времена, когда Коммуна оспаривала влияние в них у умеренных и буржуа! Но со стороны Жака Ру преступлением было все. Эбер вновь ополчился против него, обвинив его в том, что он, подстрекая людей к грабежу, к восстанию, выдавал себя за бедняка, изо дня в день раздавая в секциях значительные суммы денег, наконец, в том, что он был лицемером.

«Этот человек сказал однажды в собрании выборщиков, что он смеется над религией, а на следующий день он служил мессу и имеет обыкновение служить ее каждый день».

Наконец администратор полиции Фруадюр известил, «что против Жака Ру и нескольких членов его партии издан приказ об аресте и что он должен как можно скорее допросить его»³³.

Этот вывод следовало предвидеть. Как мог Жак Ру бороться, имея против себя Робеспьера и Эбера? Оба называли его «гнусным попом».

28. См. протокол общего собрания секции Гравилье от 18 августа 1793 г. (См.: A. Soboul. Op. cit., p. 145; W. Markov. Op. cit., S. 543.)

29. На следующий день, 19 августа 1793 г., общее собрание секции Гравилье утвердило Жака Ру в качестве председателя.

30. «Journal de la Montagne», 24 août 1793; A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 367.

31. 21 августа 1793 г. гражданский и революционные комитеты секции Гравилье на своем объединенном заседании выдвинули обвинение против Жака Ру. (W. Markov. Op. cit., S. 546.)

Обвинение было передано 22 августа Генеральному совету Коммуны. (Ibid., p. 555.) Трюшон — адвокат, член Коммуны 10 августа от секции Гравилье — был противником Жака Ру: «Трюшон. длинная борода, заправила секции Гравилье, защитник интриганов и плутов».

32. «Journal de la Montagne», 24 août 1793; «Moniteur», XVII, 462.

33. В конце заседания Генерального совета 22 августа 1793 г. поступило сообщение о том, что Жак Ру доставлен в тюрьму Консьержери.

Однако друзья Жака Ру не покидают его; секция Гравилье избирает делегацию (сведения, сообщенные мне Бернаром Лазаром на основании протоколов секции), чтобы выяснить причины ареста Ру. И 27 августа он отпущен на поруки³⁴. Но расследование продолжается. К следственному материалу снова прибавляют обвинение в краже. Ру обвиняют в том, что он удержал в свою пользу часть сумм, собранных им для бедных. Но все свидетельские показания говорят, наоборот, о его бескорыстии и великодушии. Но его надо уничтожить любыми средствами.

23 нивоза II г. (12 января 1794 г.) его обвинителей вызывают в суд исправительной полиции, чтобы они дали показания против Ру по поводу произведенного им переворота в секции Гравилье. 25 нивоза этот суд на основании заключения национального агента гражданина Жакле объявляет себя некомпетентным в связи с тяжестью действий, инкриминированных Ру; он передает дело в Революционный трибунал и постановляет снова заключить Ру в тюрьму Бисетр в ожидании суда над ним³⁵.

Услышав это решение, Ру нанес себе три ножевых раны. Его мужеству пришел конец; окровавленного, его перенесли в соседнюю комнату. Судьи прерывают заседание и спрашивают его, как дошел он до поступка, «осуждаемого всеми законами». Он ответил, что его довели до этого жестокие оскорбления и обвинения его преследователей. Он говорит, что «презирает настоящую жизнь, а в другой жизни друзей свободы ожидает счастливый удел».

Все это от начала и до конца — смешение вольной христианской экзальтации и революционного пыла.

Он препоручает суду и своим согражданам сироту, которого он приютил. Он просит, чтобы на него, прежде чем он закончит свой земной путь, надели красный колпак, и желает получить от председателя суда поцелуй мира и братства; председатель тотчас же исполняет эту просьбу³⁶.

Это поистине конец благородной и непостижимо смятенной души³⁷. Он скончался не сразу; его перевели в больницу тюрьмы Бисетр. Но Фукье-Тенвиль получил сведения о том, что он пытался «истощить свои силы» и уморить себя, чтобы избежать суда. Ру снова нанес себе ножевые раны и на этот раз, задев легкое, наконец скончался. Протокол вскрытия от 1 вантоза установил наличие глубоких ранений³⁸. Так Робеспьер и Эбер восторжествовали над Жаком Ру. Но преследование со стороны Коммуны было более прямым.

Какой бы узкой ни была социальная доктрина Жака Ру, это была попытка систематизировать народные жалобы и требования. И она не прошла бесследно для экономической и финансовой политики Революции. Весьма далекие от того, чтобы присоединиться к тому, что было в ней искреннего и смелого, эбертисты ду-

мали только о том, как бы сокрушить человека, который ее представлял с необычайным упорством и силой надежды, которую он унес с собой даже в могилу. Эбер и Коммуна были неумолимы.

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Но вот в мысли Шометта как будто обнаруживаются социалистические тенденции. В дни великой революционной горячки осени 1793 г., в сентябре и октябре, когда Революция делала огромные усилия, чтобы вырвать Францию из лап измены и гражданской войны, а народ — избавить от бедствий и голода, когда надо было опереться на пролетариев, чтобы сдержать повсюду буржуазию жирондистского толка и заставить крупных торговцев соблюдать максимум, в эти дни Шометт почувствовал, что социализация промышленности, замена эгоистических и контрреволюционных фабрикантов нацией могла бы быть крайним решением или, во всяком случае, вынужденным средством спасения. Для истории в высшей степени интересно констатировать эти коллективистские тенденции революционной мысли и действия. Именно по поводу сопротивления максимуму, применение которого муниципалитет Парижа организовал с подлинным старанием, негодует Шометт на заседании Коммуны 14 октября 1793 г.³⁹

34. Полицейские власти вынуждены были констатировать необходимость возведенных на Жака Ру обвинений. 27 августа 1793 г. он предстал перед судом исправительной полиции и тотчас же был освобожден под поручительство «двух известных граждан с постоянным местом жительства», сапожника и токаря по дереву, — неопровержимое свидетельство того, как были привязаны к Жаку Ру простые люди его секции.

35. Жорес умалчивает о вторичном аресте Жака Ру. Освобожденный, он продолжал писать в своей газете, но снова был обвинен в Якобинском клубе, сначала 31 августа 1793 г., а затем 5 сентября, в тот же день он был арестован революционным комитетом секции Гравилье, переведен 6 сентября в тюрьму Сент-Пелажи, затем в тюрьму Бисетр. (См.: W. Markov. Op. cit., S. 587, 591, 594, 605.) См. решение суда исправительной полиции от 23 нивоза II г. (Ibid., S. 637.)

36. О попытке Жака Ру покончить с собой см. протокол, хранящийся в Национальном архиве, которого Жорес здесь придерживается. (A. N., W 20, d. 1073; W. Markov. Op. cit., S. 642.)

37. См. суждение А. Матьеза: «Этот конец Жака Ру напоминает античные смерти, о которых нам повествует Тацит. Конец этот искупает некоторые темные страницы его прошлого. Этот честолюбивый священник, несомненно, обладал искренней душой и твердым характером». (См.: A. Mathiez. Op. cit., p. 364.) [См.: А. М а т ь е з. Цит. соч., с. 275. — *Ред.*]

38. См. протокол от 1 вантоза II г. (февраль 1794 г.) в: W. Markov. Op. cit., S. 648.

39. «Moniteur», XVIII, 121. О требованиях народа, касающихся применения закона о максимуме и подавления скупки, а также о деятельности Коммуны в этой области см.: A. Soboul. Op. cit., p. 261. [См.: А. С о б о у л ь. Цит. соч., с. 165 и сл. — *Ред.*]

«Применение закона, устанавливающего твердые цены на продукты питания и товары первой необходимости, встречает затруднения. Алчность некоторых торговцев, криводушие спекулянтов еще находят последователей. Среди парижских торговцев одни хотели уклониться от исполнения закона, так как он будто бы не касался их; другие ссылались на упущения и ошибки, вкравшиеся в тариф, составленный муниципалитетом во исполнение закона. Время, затраченное на его составление, было слишком кратким, чтобы тариф был совершенным. Наконец, другие торговцы роздали товар своим родственникам и друзьям, и, когда к ним являлись, они говорят, что у них ничего нет.

Не буду говорить о розничных торговцах; я выступаю только против оптовых торговцев, банкиров и вкладчиков капитала — этих кровопийц, всегда строивших свое счастье на горе народа. Вспомним, что в 1789 г. и в последующие годы все эти люди вели очень обширную торговлю, но с кем? С заграницей. Известно, что именно они привели к падению курса ассигната [Шометт здесь довольно неумело повторяет положение Фабра д'Эглантина] и что они обогатились благодаря ажиотажу на бумажных деньгах.

Что сделали они, разбогатев? Они прекратили торговлю; они грозили народу недостатком товаров; но если у них золото и ассигнаты, то у Республики есть нечто более ценное; у нее есть рабочие руки; и именно руки, а не золото, нужны, чтобы заставить работать фабрики и мануфактуры. Так вот, если эти люди покинут фабрики, то Республика заберет их себе и реквизирует сырье. Пусть они знают, что от Республики зависит превратить, когда она этого захочет, в грязь и пепел золото и ассигнаты, находящиеся в их руках. Пусть гигант народ раздавит торговашескую спекуляцию!»

Здесь это, правда, только угроза и своего рода крайнее средство. Шометт, видимо, не понимает, что использование нацией и республикой производительных сил, даже при нормальном положении, было бы высшей формой по сравнению с частной эксплуатацией. Только за неимением частной эксплуатации промышленности он предусматривает организацию ее в качестве общественной службы.

Но идеи не теряют своей ценности, если они порождены скорее силой обстоятельств, чем теоретическим мышлением. В первом случае они обладают более прямым революционным содержанием. Впрочем, это не было сказано под влиянием минуты. Шометт облеч свою мысль в точную форму. Он потребовал учреждения комиссии для выполнения различных задач, но особенно для «составления петиции к Национальному Конвенту с целью привлечь его внимание к сырьевым запасам и фабрикам и просить Конвент реквизировать их и установить наказание для тех владельцев или фабрикантов, которые оставили бы свои фабрики

ки в бездействии, или даже просить Конвент передать их в распоряжение Республики, у которой достанет рабочих рук, чтобы пустить их в ход»⁴⁰.

Это, несомненно, первое официальное предложение национализации промышленности, которое было сделано. Однако эта идея зародилась не только в Париже. Всюду, где рабочим-санкюлотам приходилось страдать от модерантизма или от феде- рализма хозяев, им, по-видимому, приходила мысль, что нация вполне могла бы стать крупным промышленником, крупным фабрикантом, чьи интересы и мысли были бы тождественны интересам и мыслям самих санкюлотов. Так, на то же заседание Совета Коммуны «является депутация членов директории департамента Ньевр; оратор исчерпывающе изложил в деталях политическое положение в этом департаменте, нарисовал картину состояния этого района. ценного своей продукцией, своими шахтами и огромными лесами, которые могли бы быть весьма полезны Республике, если бы она стала эксплуатировать их сама»⁴¹.

ФУШЕ В ДЕПАРТАМЕНТЕ НЬЕВР

Металлургическая промышленность Центра Франции тоже требует национализации. Но не эбертизм ли или по меньшей мере Парижская коммуна, через Шометта, подали эту мысль в департаменте Ньевр? Как раз во второй половине сентября Шометт выезжал в Ньевр, чтобы навестить свою больную старуху мать, и принес туда дух великой Коммуны⁴². В лице Фуше он нашел человека, вполне подготовленного к такому образу мыслей. Фуше был послан с миссией в департаменты Алье и Ньевр с поручением наблюдать за происходящим в Центре⁴³. Он должен был направить возможно больше сил против Лиона; во всяком случае, он должен был выявлять и подавлять любую попытку федералистов, любое выражение сочувствия к лионской контрреволюции. А что такое Лион? Город священников и крупных торговцев и фабрикантов. Воодушевить людей против Лиона, не воз-

40. «Moniteur», XVIII, 121. Эта петиция, по-видимому, не была представлена в Конвент.

41. «Moniteur», XVIII, 121. Заседание Генерального совета Коммуны от 14 октября 1793 г.

42. 13 сентября 1793 г. Шометт получил от Генерального совета Коммуны недельный отпуск. 26 сентября, уже по возвращении, он представил Генеральному совету отчет о своей поездке. Он сообщил подробности о настрое-

ниях в департаменте Ньевр, возрожденном патриотами, отмечал успехи металлургических заводов, настаивал на принятии мер в пользу бедных и престарелых. («Moniteur», XVII, 654, 761.)

43. Фуше был командирован в департаменты Центра декретом Конвента от 24 июня 1793 г. Лучшим исследованием деятельности Фуше в департаменте Ньевр остается работа: L. M a d e l i n. Fouché, 1759—1820. Paris, 1900.

будив их против фанатизма священников и эгоизма крупных фабрикантов, невозможно.

Фуше находит энергичную помощь и опору не среди промышленной и капиталистической буржуазии Центра, не среди лесовладельцев и предпринимателей, эксплуатирующих обширные леса, снабжающие топливом заводы, и не среди владельцев и предпринимателей, эксплуатирующих шахты и металлургические заводы. Ему нужны рабочие, ему нужны пролетарии, ему нужны бедные дровосеки и рабочие железоделательных заводов, шахтеры, добывающие руду, литейщики и молотобойцы, которые ее обрабатывают. И чтобы привлечь их на свою сторону, т. е. на сторону Революции, чтобы они, по примеру стольких лионских рабочих, не оказались под политическим господством своих хозяев, от которых они зависят экономически, надо, чтобы он, комиссар Конвента, представитель Революции, дал всем почувствовать, что истинный хозяин, истинный патрон — это революционное правительство. Надо, чтобы оно придало беднякам и пролетариям то, чего им недостает, — большую уверенность в себе. Вот почему в сентябре, когда Лион был весь в огне контрреволюции, Фуше говорил свысока с богачами Центра, вот почему он возвещал и обещал беднякам «полную революцию». Он призывал буржуазию умножить необходимые жертвы, если она не хочет погибнуть сама. Во всяком случае, он намечает проект обширных социальных мероприятий защиты слабых и солидарности. Возможно, что в этот момент, со свойственной ему беспредельной тактической гибкостью и честностью, он хотел угодить Парижской коммуне, которая издали казалась более сильной, чем была в действительности; вполне вероятно, что он хотел приобрести полезное для него расположение Шометта; но вся социальная политика Фуше в те дни является также выражением революционной необходимости. Именно с этой мыслью обращается он в конце августа к богачам с решительным манифестом⁴⁴.

«В руках у богачей есть могущественное средство заставить любить режим свободы: это их излишки. Если в обстоятельствах, когда граждане изнывают от всех бедствий нужды, эти излишки не будут употреблены на то, чтобы облегчить ее, то Республика вправе завладеть ими с этой целью... Богатые эгоисты, если вы глухи к призывам человечности, если вы бесчувственны к страданиям бедняков, то по крайней мере внемлите советам вашей же выгоды и подумайте: что стало после Революции со всеми теми, кого, как и вас, томило одно только ненасытное и мерзкое желание власти и обогащения?»

Кто полагает, что будущий герцог Отрантский, мультимиллионер, начальник полиции и тайный повелитель, располагавший многими видами власти, не был искренним, когда писал эти строки, тот ничего не понимает в истории. Он всецело от-

давался движению огромных сил и, несомненно, находил совершенно бесполезным с ними спорить.

С 19 сентября и по 15 октября он издает в Неве и в Мулене ряд постановлений, на основании которых учреждаются «благотворительные комитеты», уполномоченные собирать с богачей средства на пропитание бедняков, работоспособным обеспечивается право на труд и объявляются «подозрительными владельцы мануфактур, не обеспечивающие своих рабочих работой, предприниматели, не заботящиеся о средствах существования своих рабочих»⁴⁵.

На фабриках, на металлургических заводах, особенно в Гериньи, где он поручает Шометту произвести обследование, Фуше регламентирует труд в интересах рабочих; он смещает и заключает в тюрьму инспектора мануфактур, чересчур услужливого по отношению к крупным промышленникам⁴⁶. Итак, он весьма близок к тому виду коллективизма, который был предложен при известных условиях Шометтом; совпадение между взглядами делегатов Ньевра и взглядами прокурора Коммуны вовсе не кажется странным. Впрочем, их взгляды свидетельствуют о том, что своим революционным и социальным движением Центр в значительной степени обязан именно Шометту, т. е. Парижской коммуне. Оратор, выступавший на заседании 14 октября в Парижской коммуне, «воздаст республиканцу Шометту величайшую хвалу; именно ему, благодаря его пламенному цизмизму и его многочисленным связям в краю, где он родился, удалось предохранить эти места от тлетворного дыхания аристократов и злонамеренных»⁴⁷.

Но если Парижская коммуна благодаря Шометту (значительно больше, чем Эбер, озабоченному социальной стороной революционных проблем) придавала этой коллективистской тенденции смелую и ясную форму, то она только выражала общее движение, характерное для Революции. Чем был во многих отношениях закон против скупщиков, если не заменой отдельных торговцев нацией? Чем был закон о максимуме, особенно после того, как он был дополнен 11 брюмера на основании полученного опыта положениями о тарификации коммерческой прибыли⁴⁸, чем

44. Actes du Comité de salut public, V, 177, письмо Фуше Комитету от 29 августа 1793 г.

45. Постановление от 19 сентября 1793 г. См.: L. Madelin. Op. cit., p. 95. «Принимая во внимание, что общество должно обеспечивать средства существования для бедных граждан, либо предоставляя им работу, либо давая средства к существованию тем из них, которые не в состоянии работать...» благотворительные комитеты получи-

ли право «облагать богатых сбором в соответствии с численностью нуждающихся».

46. Actes du Comité de salut public, VI, 569, письмо Фуше Комитету от 18—19 сентября 1793 г.

47. «Affiches de la Commune», 24 et 25 du premier mois an II (15 et 16 octobre 1793); «Moniteur», XVIII, 121.

48. Коммерческая прибыль была установлена в размере 5% для оптовых торговцев и 10% для розничных.

был этот великий закон, если не первой национализацией экономической жизни? А сама борьба, породившая этот закон, должна была привести в силу самой своей логики к формуле национализации более полной, более глубокой, если можно так выразиться, для производства.

В этот же период Камбон приступил к тому, что можно назвать национализацией Банка, всего банковского дела, по меньшей мере в том, что касалось операций с границей. Нация занимала место банкиров, бралась взыскивать вместо них платежи по переводным векселям на границу и оплачивать вместо них векселя, переведенные на Францию иностранцами; повторяю, это была национализация всех международных операций банка. Малле дю Пан хорошо понял смысл этой смелой меры, имевшей своей целью дать французскому правительству возможность осуществлять сильные репрессивные меры против стран, которые бы приостановили платежи по своим обязательствам французским гражданам, и особенно поддерживать курс ассигната, пресекая операции на его понижение и все спекулятивные махинации банков.

«Все усилия Комитета общественного спасения. — говорит Малле дю Пан в своей памятной записке от 1 февраля 1794 г.⁴⁹. — направлены на поддержание и повышение курса бумажных денег [ассигната], на сокращение их использования, на ограничение их массы, находящейся в обращении, и на повышение их курса путем платежей в звонкой монете. С этой целью Комитет общественного спасения недавно завладел активом и пассивом банков в Париже и в королевстве, забрав все ценные бумаги на границу, находившиеся у банкиров, и взяв на себя платежи по их внешним обязательствам. По всей вероятности, цель этой операции, совершаемой в настоящее время, либо в том, чтобы отобрать у торговцев причитающиеся им суммы за границей, а у иностранцев — суммы, причитающиеся им во Франции, либо в том, чтобы повысить обменный курс в пользу Франции, предлагая, как это делает Комитет, оплачивать выдачи серебром или ассигнатами»⁵⁰.

Но даже в том, что касается, в частности, промышленности, не только Парижская коммуна, не только люди, проникнутые ее духом, угрожают промышленной буржуазии отобрать у нее фабрики и передать их нации.

Бодо не был эбертистом, он даже презирал Эбера. Он был дантонистом, но его революционный пыл остался прежним. И вот 21 июля 1793 г. он резко выступил в Якобинском клубе против крупных торговцев-эгоистов⁵¹:

«В Марселе, в Бордо, как и в Лионе, коммерсанты держат на своих складах все виды продовольствия и отказываются их продавать, будь то на золото, серебро или ассигнаты, которые

еще лучше. Так как коммерсанты удерживают в своих руках все то, что может поддержать жизнь им подобных, то ясно, что существование граждан зависит от них. Надо позволить народу заставить их вернуть награбленное, надо отдать санкюлотам в собственность все то, что они смогут отобрать у них».

Бодо хотел раздавить торговую аристократию, не имея в виду реорганизации общества, а только движимый мыслью о революционной борьбе, и это был почти анархический призыв к грабежу. Но 27 сентября в Кастре⁵², в этом городе промышленной буржуазии, где вырабатывались сукна, в городе, который одно время, казалось, поддерживал своего представителя Ласурса в борьбе против Горы, Бодо дал ясно понять, что он имеет в виду именно национализацию фабрик у тех владельцев, которые стали бы сопротивляться. Я воспроизвожу здесь в точности страницу из протоколов муниципалитета Кастра, содержащую изложение речи Бодо.

Заседание совета коммуны, происходившее при закрытых дверях, когда речь шла о мерах общественной безопасности, стало открытым, когда было сообщено о прибытии представителя:

«Гражданин Бодо сказал, что многие департаменты позволили злонамеренным людям ввести себя в заблуждение относительно событий 31 мая, 1 и 2 июня; что департаменту Тарн пришлось в этом раскаться; что тем не менее уже давно к числу истинных республиканцев можно относить только тех, кто безусловно примкнул к этой достопамятной и спасительной Революции, и что [отношение к] событиям этих дней было признаком, по которому узнавали патриотов... Он сказал, что федерализм был порожден эгоизмом; что это были те, кто более всего выиграл от Революции, держа народ в нищете, и не соразмерял уровня заработной платы рабочих с огромными прибылями, какие они получали от своего производства; *но пусть они знают, что нация, если понадобится, отберет у них фабрики и, таким образом, сама будет обеспечивать средствами к существованию класс промышленных рабочих, заполняющих мастерские.*

49. Mallet du Pan. Mémoires et correspondance. Paris, 1851, 2 vol., t. II, p. 15.

50. Здесь следует подчеркнуть, что с ноября 1793 г. внешняя торговля была сосредоточена в руках Продовольственной комиссии Комитета общественного спасения. Речь идет о реквизиции платежных средств: 6 нивоза II г. (26 декабря 1793 г.) Камбон распорядился реквизировать иностранную валюту, которая подлежала возмещению ассигнатами по паритету.

51. A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 308. См.: A. Lichtenberger. Le Socialisme et la Révolution française. Paris, 1899, p. 116. О Бодо, депутате от департамента Сона и Луара, см.: Ж. Жорес. Цит. соч., т. III, с. 143, прим. 7.

52. Бодо был послан с миссией в департамент Ло и главным образом в Монтобан декретом Конвента от 26 июля 1793 г. Его полномочия фактически распространялись на все соседние департаменты.

Затем гражданин представитель, указав на высокую цену на хлеб, на его дурное качество вообще и нехватку продуктов питания, призвал генеральный совет неослабно заниматься этим важным предметом его забот, *посоветовав ему запретить булочникам выпечку хлеба и открыть муниципальную булочную*.

Национализация фабрик, муниципальная булочная⁵³ — это была бы полная социалистическая программа, если бы Бодо не видел в этих мерах лишь временного средства для преодоления исключительно тяжелого кризиса. Совет коммуны ответил ему, что у него есть проект «открыть булочную, чтобы продаваемый хлеб был лучшего качества и красивее на вид».

Доказательством тому, что имманентная логика событий была тогда более смелой, чем мысль людей, служит то, что Бодо в своих заметках, по-видимому, совершенно забыл об этом квазисоциалистическом кризисе своего образа мыслей. Он хранит молчание об этом, разумеется, не из расчета; оставшиеся после него заметки, несомненно, искренни. Однако, когда он выступает против коммунизма Бабёфа, ему ни на мгновение не приходит мысль о том, что он сам предлагал, что он сам почти навязывал коллективистский режим в промышленности.

«Свобода, — пишет он, — не может находиться в полной зависимости от должностного лица, как это понимали Бабёф, Дарте, Буонарроти и другие. Свободу можно понимать только как позволение делать все, что не запрещено законом. *Дабы человек был свободен, нужно, чтобы он мог по своему желанию располагать своим трудом, промыслом, торговлей, своей способностью к искусствам и наукам всегда, когда это не возбраняется законом. Должностное лицо, которое стало бы принуждать человека к труду, каким тот обязан перед обществом, было бы тираном, и человек, который бы подчинился такому руководству, был бы рабом. Оуэн⁵⁴ и другие попытались в Шотландии и в Соединенных Штатах создать управление, подобное замыслу Бабёфа, но в ограниченном масштабе и как объект коммерческой спекуляции, и притом без успеха*»⁵⁵.

О чем это говорит? О том, что даже в сентябре 1793 г. Бодо не верил в возможность установления коммунистического порядка, и, когда пыл революционных битв остыл, самый смысл социальных идей, которые он тогда формулировал, исчез из его сознания. В спокойные дни забываются даже самые яркие молнии, пересекавшие горизонт в грозную пору. Но в августе, сентябре и октябре именно молния революционного коммунизма пересекала пылающий горизонт.

С тех пор как пролетариям, которые были большей частью монтаньярами, пришлось бороться с жирондистской буржуазией, противоречие между политическим строем, определившим их су-

веренитет, и экономическим строем, определившим их зависимость, начало для них проясняться. И выход из этого противоречия заключался для них во всеобщей национализации промышленности. 7 августа 1793 г. народное общество, где преобладали рабочие, писало Жан Бон Сент-Андре о национальной оружейной мануфактуре, созданной в Монтобане по его инициативе⁵⁶:

«Именно здесь может существовать активно действующая промышленность, независимо от того, кто приводит ее в действие, и не принося ему в жертву ни малейшей части своей свободы. Если бы нация могла одна занять все рабочие руки, то она одним ударом уничтожила бы аристократию во всех ее разветвлениях и навсегда предотвратила бы ее возврат».

Всевозможные мануфактуры, оружейные, по изготовлению корабельных снастей и др., повсюду создававшиеся нацией и муниципалитетами в интересах национальной обороны, умножали примеры коммунального промышленного производства и внушали идею коллективизма. Представители в миссии, испытывая нужду в руде для отливки пушек и ружей, ободряли рабочих-шахтеров обещаниями реформ. В Пуллауене, в рудниках по добыче сереброносного свинца, Ленъело от имени нации уверяет рабочих в том, что они будут получать как дополнение к заработной плате хлеб по дешевой цене⁵⁷.

Когда Жан Бон Сент-Андре в марте 1794 г. торопит в Бресте, в Лорпане, постройку и снаряжение кораблей, он с гневом констатирует, что на рудниках Каре компания, эксплуатирующая концессию, оставшуюся от старого порядка, жестоко обращается с рабочими. «Подвергающиеся грубому обращению, несчаст-

53. В 1793—1794 гг. был предпринят опыт муниципализации хлебопечкарного дела, например, в Труа, в Клермон-Ферране; в этом последнем городе была также проведена муниципализация торговли мясом.

54. Оуэн (1771—1858) основал в 1825 г. в США общину под названием «Новая гармония».

55. B a u d o t. Notes historiques sur la Convention nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants. Paris, 1893, p. 17.

56. Жан Бон Сент-Андре провел декрет об устройстве в его родном городе оружейной мануфактуры в дополнение к уже существовавшей там литейной, изготовлявшей пушки. Письмо народного общества Монтобана от 7 августа 1793 г. является отве-

том на письмо Жан Бон Сент-Андре от 26 июля. См.: L. L e v y - S c h n e i d e r. Le Conventionnel Jean Bon Saint-André. Paris, 1901, 2 vol., t. II, p. 364, 365.

57. Ленъело Жозеф Франсуа (1750—1829) — писатель-драматург, муниципальный чиновник в Париже в начале Революции, депутат Конвента от Парижа, был командирован в Брест. Пуллауен — коммуна дистрикта Шатолен в департаменте Финистер. Жан Бон Сент-Андре поставил эти копии под управление государственных властей под наблюдением своих агентов. (L. L e v y - S c h n e i d e r. Le Conventionnel Jean Bon Saint-André, t. II, p. 759.)

ные, они умирают от голода». Старика не получают никаких пенсий и никакой помощи; их «бесчеловечно обрекают на нищету, как только их силы, истощенные трудом, уже не позволяют им удовлетворять скупость и алчность [возраст]».

«Я сделаю так, — пишет он Комитету общественного спасения, — чтобы они хотя бы имели хлеб»⁵⁸.

Временно он передает рудник под управление государственных властей, но высказывает мысль, что он должен стать национальной собственностью и эксплуатироваться нацией⁵⁹. Таким образом, социалистическое брожение, обнаружившееся в эти жаркие дни, было не частным результатом эбертистской мысли, а результатом всего революционного движения.

Впрочем, у тех, кто участвовал в разной степени и в разной форме в движении эбертистов, существовали весьма различные социальные тенденции. Клоотс, союзник эбертистов в борьбе против христианства, был противником всякого вмешательства государства в экономическую жизнь, всякой регламентации. Он хотел неограниченного свободного развития всех индивидуальных сил в едином человечестве, и, сравнивая себя с католическим проповедником, который на вопрос о посте ответил: «Ешьте говядину, но будьте христианами», он говорил: «Имейте миллионы, но будьте честными гражданами». Итак, не во имя социальной доктрины мог эбертизм бороться с Комитетом общественного спасения⁶⁰.

Более подробно:

Олар А. Христианство и Великая французская революция 1789-1802

Олар А. Культ Разума и Верховного существа во время Великой французской революции

Олар А. Церковь и государство в эпоху Великой французской революции

Захер Я.М. Великая французская революция и церковь

Атеизм и борьба с церковью в эпоху Великой французской революции

Маутнер Ф. Атеизм в эпоху Великой французской революции

Домнич М.Я. Великая французская буржуазная революция и католическая церковь

Домнич М.Я. К истории секуляризации церковных имуществ во Франции

<http://istmat.info/node/31148>

ДЕХРИСТИАНИЗАЦИЯ

В религиозном вопросе эбертизм придерживался лишь внешних и пустых насильственных акций, непоследовательных и противоречивых. В августе — ноябре 1793 г. обозначилось весьма активное движение дехристианизации¹. Часть революционного народа поднялась уже не только против неприсягнувших священников, не только против церкви, а против самого христианства. И он пытается вырвать саму его идею из умов людей, уничтожая символы и эмблемы, зрительно внедрявшие христианство в души людей. Война против культа была средством войны против веры. Священники разожгли фанатизм в Вандее. Священ-

58. Actes du Comité de salut public, XI, 587, письмо из Бреста от 17 вентоза II г (7 марта 1794 г.).

59. Статья I постановления от 16 вентоза II г. (6 марта 1794 г.): «Начиная с этого дня и в ожидании окончательного решения Национального Конвента или Комитета общественного спасения рудники Каре будут эксплуатироваться от имени и под непосредственным надзором нации. Компания, на которую возложена эта эксплуатация, является и остается временно отстраненной».

60. Напомним еще раз, что эбертизм не существовало, что был

санкюлотизм. У Эбера, если у него и были политические притязания, не было никакой социальной системы. Он следовал за народным движением, эхом которого была газета «Пер Дюшен», которую он делал не без таланта. См.: P Nicolle *Epuration et ravitaillement en l'an II. Les idées sociales d'Hébert, le père Duchesne. — «La Revue socialiste», janvier 1947, p. 31.*

1. Не существует общего исследования о движении дехристианизации осенью 1793 г. О движении в Париже см.: A. S o b o u l. Op. cit., p. 282.

ники были сообщниками богатых эгоистов в Лионе. Только тогда укрепится Революция, только тогда станет бесповоротной человеческая свобода, когда исчезнет власть, овладевшая душами и подчиняющая их двойной тирании — на земле и на небесах. И пусть не делают различий между присягнувшими и неприсягнувшими священниками, между конституционными и непокорными священниками, которых порождают конституционные. Каковы были их действия в Вандее, Лионе, Тулоне, Марселе, в Лозере? Либо из трусости или инертности они становились тайными сообщниками врага, либо оказывались бессильными. Полуфанатизм первых воздействовал на невежественных людей меньше, чем безграничный фанатизм вторых. И если конституционные священники не совершили того, что от них ожидали, если они не послужили полезной порукой для Революции в глазах верующих и простых людей, то какова их роль и почему Революция и впредь должна идти на компромисс, который не более чем обман? Ибо для того, чтобы щадить конституционных священников, чтобы не оскорблять «их веры», приходится щадить непокорных священников: нельзя доходить до самой сути вопроса и обнажать корни лжи, на которой покоится вся церковь, конституционная и непокорная. Так пусть же с этим покончат, и, раз фанатизм оболачивает умы густым и непроницаемым для разума покровом, раз с людьми, верующими машинально, по привычке, спорить бесполезно, эту машинную привычку надо сломить. Этим отупевшим людям надо доказать, что бог, которому они поклоняются, всего лишь бессилие и ничто; и для этого надо лишить его орудий его культа. У него надо отобрать священные сосуды; их надо осквернить перед лицом неба, чтобы доказать самым закоренелым из фанатиков ничтожество бога, который даже не умеет защититься. Философии понадобились бы столетия, чтобы освободить умы при помощи разума; надо силой разбить цепи, выкованные невежеством, этой особой формой рабства. Вот чаши и ковчеги, и пусть осел, облаченный в епитрахиль, увенчанный митрой, хлопает себя по бокам облаткой, привязанной к его хвосту, насмехаясь над древним культом и навсегда внушая отвращение, даже самим верующим, к вере, которая разрешает так позорно пародировать себя.

Впрочем, революционный народ, народ секций стал обращаться с церковью запросто: в церквях устраиваются собрания патриотов; с церковной кафедры представители в миссии проповедуют войну за свободу. Но как можно позволить, чтобы в том же здании старались поработить умы, т. е. вели войну против свободы? Все эти сосуды, все эти подсвечники на алтаре — оружие контрреволюции; пусть их ломают и расплавят, чтобы сделать из них оружие Революции или чтобы дать Революции, пресытившейся бумажными деньгами, золото, в котором она нуждается. И вот уже с колокольни снят колокол, расплавлен и превра-

щен в пушку, а веревка от колокола — в снасть для кораблей, сваряженных Жан Бон Сент-Андре для выхода в море против англичан².

Но не достаточно грубо расправиться с культом. Надо еще у самих священников вырвать признание в том, что они лгали, что они до сего времени обманывали людей. Лишить их церковного облачения — это хорошо, но еще лучше довести их до того, чтобы они сами сбросили свою епитрахиль и топтали ее ногами. А триумфом разума будет, если священники откажутся от своего сана, если они сами отрекутся от бога, так долго возвещавшегося ими, если они разоблачат перед фанатиками пустоту дарохранительницы, на протяжении столетий бывшей средоточием иллюзий людей. Великая победа! По настоянию Клоотса, Леонара Бурдона и некоторых других епископ Парижский Гобель является в Конвент, чтобы отречься от своего сана. Это произошло 7 ноября³. За этим последовали другие отречения. Многие священники отсылали свои документы на священный сан либо в порыве революционного воодушевления; либо потому, что Евангелие, которое они постепенно лишили его естественных красок, превращалось, сливаясь с Декларацией прав, в своего рода тусклую двусмысленность; либо желая избавиться от обязанностей, с каждым днем все более трудных и все более фальшивых; либо, наконец, из трусости.

Шометт торжествовал, а Коммуна, не желая оставлять воображение народа праздным, учредила большое гражданское торжество взамен религиозных празднеств. Она провозгласила культ Разума, и 10 ноября в соборе Парижской богородицы перед статуей свободы, воздвигнутой вместо стоявшей там прежде святой девы, хор прославлял освобождение человека. Конвент, пригла-

2. К антирелигиозному чувству и революционному пылу добавляют также, для усиления движения дехристианизации, соображения национальной обороны. Колокольная бронза послужит для отливки пушек, а ценные металлы — для поддержания курса ассигната и финансирования внешней торговли. Дехристианизация приобретает таким образом экономический аспект: «*когда за золотом*» была одновременно одной из ее причин и одним из ее следствий.

3. «*Moniteur*», XVIII, 368; Buchez et Roux, XXX, 183. См. также отчет о заседании Генерального совета Коммуны 17 брюмера II г. (7 ноября 1793 г.):

«Прокурор Коммуны представляет отчет о достопамятном заседании Национального Конвента, когда фанатизм и фиглярство священников испустили последний вздох...» В этом деле власти Парижской коммуны следовали за движением, а не руководили им. Народ же не принимал участия в событиях этих решающих дней; дехристианизацию начали люди, чуждые ему. О действиях, которые привели к отречению Гобеля, навязали его, см.: Buchez et Roux, XXXII, 290 (процесс Шометта, в частности доклад Гобеля). О Гобеле см.: G. Gautherot. Gobel, l'évêque, métropolitain constitutionnel de Paris. Paris, 1911.

шенный вечером на повторение празднества, в полном составе отправился в собор Парижской богородицы. Гражданка Моморо, изображавшая Разум, спустилась со своего трона и поцеловала Лалуа, председателя Конвента⁴. Эбертизм казался хозяином Парижа и Революции.

Конечно, в этой радикальной и грубой попытке дехристианизации, возможно, и было некоторое величие, и можно даже попытаться найти ей теоретическое оправдание. Ум человека отягощен бременем суеверий и привычек. Если сильный толчок сможет в один прекрасный день сбросить с плеч человека этот извечный груз, то какое это избавление! Каким свободным станет человечество и насколько смелее станет постигать дух тайну вселенной, когда исчезнут отжившие традиционные формы веры! Станут даже вновь возможными великие религиозные истолкования вселенной, когда не будет больше риска, что они смешаются, в силу поверхностных аналогий, с суевериями прошлого или будут мошеннически использованы церковью в интересах своего господства. В конце концов сила может разбить верования, сложившиеся только автоматически; слепая привычка — тоже форма силы, а краткое насилие в час освобождения только разрушает плоды постепенного и мрачного насилия веков⁵.

Да, но эта эбертистская операция могла иметь успех, вернее, ее можно было попытаться совершить только при одном условии. Надо было по меньшей мере, чтобы эбертизм ясно высказался по решающему вопросу. Хотел ли он просто досадить культу и оскорбить его или же искоренить его? Если он хотел только оскорбить культ, то попытка была столь же бесплодной, сколь и низкой, если же он хотел его искоренить, то ему надо было во всеуслышание объявить, что свобода культов, записанная в конституции, была обманом и таила в себе опасность. Надо было думать и надо было заявить, что христианская вера, основа рабства, не имеет права на утверждение. Совершать столь глубокие революции можно только во имя права. Если Революция не имеет мужества сказать: «Я не признаю за христианством права на существование и уничтожу все его проявления, как коллективные, так и индивидуальные»; если она этого не говорит, то война против культа — только постыдный балаган и грубая тирания. Но эбертизм даже не ставил этой проблемы; он только жалким образом колебался, переходя от демагогических насилий, не облагороженных никаким принципом, к отказу от своих заявлений, продиктованному глупостью или страхом⁶.

В памятном постановлении, принятом в Невере 9 октября, Фуше предписывает⁷:

«Статья первая. Отправление культов разных религий разрешается только в соответствующих храмах.

Статья 2. Так как Республика не признает господствующего или привилегированного культа, то все религиозные символы, находящиеся на дорогах, на площадях и вообще во всех общественных местах, будут уничтожены.

Статья 3. Под страхом тюремного заключения всем священнослужителям и всем священникам запрещается появляться в своем облачении в других местах, кроме храмов.

Статья 4. В каждом муниципалитете всех умерших граждан, какую бы религию они ни исповедовали, будут доставлять в отведенное для общего погребения место покрытыми погребальным покровом с изображением Сна, в сопровождении общественного должностного лица; их будут сопровождать друзья, облаченные в траурные одежды, и группа собратьев.

Статья 5. Общее место, где будет покоиться их прах, будет расположено вдали от жилья; там будут посажены деревья, под сенью которых будет воздвигнута статуя, изображающая Сон. Все другие символы будут уничтожены.

Статья 6. Над входом на кладбище, освященное религиозным почитанием праха умерших, будет надпись: *Смерть — это вечный сон*.

4. «Moniteur», XVIII, 365, 401. Лалуа (1749—1846) — адвокат бальяжа Шомон, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Верхняя Марна.

5. Напомним здесь известную оценку этого движения Оларом и Матьезом. Для Олара (A. Aulard. Le Culte de la Raison et le culte de l'Être suprême. 1793—1794. Paris, 1892) дехристианизация и культ Разума были только «военным средством», необходимым, вернее, политическим следствием состояния войны, в которую сопротивлением старого порядка против нового духа втянуло Революцию. Для Матьеза (A. Mathiez. Les Origines des cultes révolutionnaires. 1789—1792. Paris, 1904) революционные культы не были искусственными построениями, мимолетным средством, а выражением истинной религии, устанавливающей веру и обряды для всех членов социальной группы. Не стремясь разрешить спор, признаем, что дехристианизация была по замыслу ее инициаторов средством борьбы про-

тив врагов Революции и, несомненно, политическим маневром против правительства. Как подчеркивает Олар, культ Разума был в Париже «веселым и зрелищным, когда в нем участвовал народ; педантичным и бесплодным, когда его поддерживало уже лишь несколько образованных людей» (chap. XIV, p. 200). Но культ мучеников за свободу, о котором Жорес не говорит, был для народа чем-то большим, чем средством революционной и национальной обороны. О культе мучеников за дело свободы см.: A. Soboul. Op. cit., p. 299. [См.: А. С о б о у л ь. Цит. соч., с. 487. — Ред.]

6. Повторяем, Жорес преувеличивает роль «эбертизма». Эбер и его «Пер Дюшен» следовали за движением дехристианизации. То же относится к Шометту. Они быстро отказались от него, когда Конвент дал ему отпор. См. ниже.

7. См.: L. Madelin. Fouché..., p. 107; A. Aulard. Op. cit., chap. XI.

В сущности, это было умеренное постановление. Оно уважало свободу вероисповедания и даже свободу культов. Мне хорошо известно, что надпись «Смерть — это вечный сон» притязает на то, чтобы быть материалистической формулой, и поэтому можно было сказать, что это официальный материализм, обязательный для мертвых, если не для живых. Поистине надпись эта скорее ребячлива, чем агрессивна. Кроме того, это скорее антинаучная, чем антихристианская формула. Сон — это функция жизни, смерть — ее распад. Говорить о сне — значит еще потворствовать потребности в продлении жизни; это значит продлить в форме сна жизнь, только окруженную молчанием и покоем. Смерть более драматична и больше терзает душу; она — распад формы и распад сознания. Человек спрашивает себя, является ли этот распад кажущимся или действительным, временным или окончательным. В этом вся проблема смерти. Было бы слишком удобно уклониться от нее посредством мифа, столь же наивного, как представления дикаря. К тому же постановление Фуше уважало (он не мог ее затронуть) официальную и конституционную организацию культа. Он ограничился тем, что сосредоточил все культы в пределах их храмов. Это закон о порядке отправления культов, а не решающий, кардинальный закон.

КОММУНА И СВОБОДА КУЛЬТОВ

Парижская коммуна пошла дальше и 23 ноября, по требованию Шометта, приняла постановление, действительно упразднившее свободу культов.

«Совет постановляет:

1. Все существовавшие в Париже церкви или храмы всех религий и всех культов будут немедленно закрыты.

2. Все священники или священнослужители любого культа будут нести личную и индивидуальную ответственность за все беспорядки, могущие возникнуть на религиозной почве; каждый, кто потребует открытия храма или церкви, будет арестован как подозрительный...»⁸

Если это не упразднение отправления культа в частных домах, что очень трудно осуществить, то это революционное упразднение коллективного культа. Публичная месса была упразднена; мессу в частном доме готовы приравнять к подозрительным и тайным действиям. Это, несомненно, конец всех культов. И от Коммуны можно было ожидать, что, приняв столь смелое постановление, которое революционизировало саму основу жизни и должно было вызвать либо бурные возражения, либо бесчисленные безмолвные протесты, она запретила культ по зрелом размышлении и постарается объяснить великий смысл и необходимое дерзновение этого запрета. Когда выступают против вековых

традиций, надо быть готовым к продолжительной, ожесточенной и тяжелой борьбе.

Но 21 ноября⁹ Робеспьер выступил в Якобинском клубе. Он восстает против антихристианской политики Коммуны, и Коммуна склоняется в страхе. Через неделю она жалким образом от всего отклонилась.

29 ноября на заседании Коммуны Шометт предостерегает революционеров от принятия мер, которые могли бы разжечь религиозный фанатизм¹⁰. Он напоминает, что статья 7 Декларации прав¹¹ недвусмысленно гарантирует свободное отправление культов. Он утверждает, что властвовать над мнениями надо не посредством террора, «а посредством истины, разума и справедливости». Преследования смогли бы только усилить мрачную одержимость, как это было с Иисусом из Назарета и первыми христианами.

«Ничто так не дорого человеку, как его воззрения; ради них он жертвует своим счастьем, а часто и жизнью; от нелепых идей и химер большинство людей отказывается труднее всего, даже образованные люди».

Наконец, он требует, чтобы Совет объявил, «что, поскольку отправление культов свободно, он никогда не имел и никогда не будет иметь намерения воспрепятствовать гражданам снимать дома и платить своим священнослужителям — для нужд любого культа, — при условии, что отправление культа не будет вредить обществу своими проявлениями; что, кроме того, Совет заставит уважать волю секций, отказавшихся от католического культа, чтобы принять культ Разума, Свободы и республиканских добродетелей»¹².

8. «Moniteur», XVIII, 506.

9. «Journal de la Montagne», 3 frimaire an II (23 novembre 1793); «Moniteur», XVIII, 507; A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 527. В этот день Робеспьер выступил против «тех, кто хочет превратить самый атеизм в своего рода религию». 27 брюмера (17 ноября 1793 г.) Робеспьер в своем докладе о политическом положении Республики указал на опасность дехристианизации, которая, по его словам, может оттолкнуть нейтральные державы. См. ниже, прим. 13. [См.: М. Робеспьер. Цит. соч., т. III, с. 59, 70. — *Ред.*]

10. «Journal de la Montagne», 12 frimaire an II; «Moniteur», XVIII, 546. Речь Шометта была

опубликована в «Affiches de la Commune», 12 et 13 frimaire an II. 11. «Право выражать свои мысли и свои мнения, в прессе или любым другим образом, право мирно собираться, свободное отправление культов не могут быть запрещены» (статья 7 Декларации прав от 24 июня 1793 г.). 12. Несождавшее выступление Шометта вызвало некоторое волнение. Кто-то указывал на то, что «фанатизм, на какое-то время подавленный, может снова возродиться; другие утверждали, что толчок, данный общественному мнению упразднением католического культа, неминуемо загложнет. Шометт и Паш ответили ссылками на Декларацию прав.

Это уже не уничтожение церквей; это отделение церкви от государства и программа широкой веротерпимости, гарантированной законом. Граждане, исповедующие любые религии, смогут снимать помещения для общего отправления культов. Секции, располагавшие церковными зданиями для отправления культа Разума, будут продолжать владеть ими, но не вправе беспокоить тех, кто будет искать убежища для своей веры в другом здании. Да, но во что тогда превращается вся политика Коммуны? Что означает разнузданность эбертистов? По какому праву оскорбляют верующих профанацией предметов культа, для чего это делается, если не для того, чтобы насильственно излечить их от их веры? Это крайнее смятение умов и свидетельство интеллектуального убожества, осуждавшее эбертизм на жалкое поражение. Как случилось, что сам Эбер не произнес ни слова, когда Робеспьер вечером 21 ноября в Якобинском клубе прямо атаковал его религиозную политику? ¹³

МНЕНИЕ РОБЕСПЬЕРА

Однако Робеспьер подал Эберу пример ясности и мужества. Робеспьер не только осудил нетерпимость как неполитичную. «Она, — сказал он, — разжигает фанатизм». Вернее, она сама представляет собой другую форму фанатизма ¹⁴.

«Доносили на священников, которые служат мессу, но они будут еще дольше служить ее, если им помешают это делать. Тот, кто хочет не допустить служение мессы, более фанатичен, чем тот, кто служит ее».

И кого заставят поверить в то, что священники со своими богомолками стали теперь самым грозным врагом? Революцию вводят в заблуждение.

Но Робеспьер вовсе не ограничивается политической декларацией. Он публично заявляет о своем деизме. Он формулирует философию, которая, по его мнению, представляет собой необходимое руководство в общественной жизни.

«Есть люди, стремящиеся идти еще дальше; под предлогом уничтожения суеверия они хотят превратить самый атеизм в какую-то религию. Каждый философ, каждый индивидуум может иметь по этому вопросу свое мнение. Кто видит в этом преступление, тот безумец; но общественный деятель, но законодатель был бы в сто раз более безумен, если бы он присоединился к подобной системе идей. Национальный Конвент презирает ее. Конвент не пишет книги, не является автором метафизических систем; Конвент — это политический и народный орган, уполномоченный заставить уважать не только права, но и характер французского народа. Не напрасно Конвент провозгласил Декларацию прав человека перед лицом «Верховного существа». Могут, возможно,

сказать, что я человек ограниченный, суеверный, как знать, может, фанатик. Я уже сказал, что говорил не как индивидуум, не как последовательный философ, а как представитель народа. Атеизм аристократичен; идея «Верховного существа», охраняющего угнетенную невинность и карающего торжествующее преступление, — это народная идея. (*Горячие аплодисменты.*)» ¹⁵

Опасная теория, противопоставляющая нетерпимость официального деизма нетерпимости принудительного атеизма. Робеспьер волен проводить различие между индивидуом и гражданином. Какой свободой будет пользоваться индивид в выражении своих взглядов на проблему мира, если гражданин становится подозрительным из-за того, что он придерживается мнения, унижающего «французский характер»? Если атеизм аристократичен, то атеист весьма близок к тому, чтобы стать аристократом; но ведь известно, что ожидает человека, которого изобличили как аристократа. И на все это Эбер не отвечает решительно ничего. Если бы в его голове были какие-нибудь мысли, если бы он действительно понимал смысл сильного антихристианского движения, которое он либо развязал, либо поощрял, он ответил бы Робеспьеру, развив далее высказывание Шалье:

«Мы уничтожили тирана, властвовавшего над телами; надо уничтожить тирана, властвующего над душами».

«И так же, как мы уничтожаем все эмблемы тирании феодальной и монархической, мы должны уничтожить все эмблемы тирании религиозной».

Священники опасны только потому, что говорят от имени бога. Оставить им бога — значит оставить им высшее орудие господства. И бог Робеспьера лишь бледная копия бога Евангелия. Фанатические вождения народа, возбужденные деизмом, найдут полное удовлетворение только в христианстве. Доказательством тому, что деизм есть лишь смягченное христианство, служит то, что он приводит почти к такой же нетерпимости. Робеспьер предлагает и навязывает государственную философию так же, как при старом порядке навязывали государственную религию: книга мира снова будет закрыта за тремя печатями, и никто не сможет, под страхом смерти, сломать печати, наложенные ортодоксальным деистским пониманием Вселенной.

13. Эбер заявил о своем согласии с Робеспьером. См. выше, прим. 9.

14. Жорес здесь возвращается к речи Робеспьера, произнесенной им в Якобинском клубе 21 ноября 1793 г. См. выше, прим. 9.

15. Робеспьер продолжает: «Народ, все несчастные аплодируют мне, критиковать меня стали бы богачи и преступники. Начиная со школьных лет я был доволь-

но плохим католиком, но никогда не был ни равнодушным другом, ни вероломным защитником человечества. Еще больше связан я с моральными и политическими идеями, которые я сейчас изложил вам: „Если бы бога не существовало, его надо было бы выдумать“». [См.: М. Робеспьер. Цит. соч., с. 72—73. — *Ред.*]

Что же произошло и в чем богохульство, выказанное Робеспьером по адресу Революции? Ему нужно Верховное существо, чтобы оно оберегало невинного и карало виновного. Но человек больше не хочет оставлять эту функцию правосудия богу: весь смысл Революции в том, что она предоставляет освобожденному человечеству благородную миссию вершить правосудие. Если защита невинных и наказание виновных — функция и смысл существования бога, то Революция — это бог.

Да, Робеспьер дал Эберу прекрасную тему; но трусливый Эбер, человек трусливого ума и трусливой воли, когда понадобилось ответить, не нашел в себе ничего, кроме слабости и душевной пустоты. Он вскоре будет бормотать, что он не атеист, что он рассматривает Иисуса как первого из санкюлотов, «как первого основателя Якобинского клуба». Но если он не осмеливается обратиться свою инвективу против Иисуса, то каким образом надеется он отвергнуть религию, предметом и средоточием которой является Иисус? Об этом он не подумал, он поверил в то, что, обрядившись в одежды ложного рационализма, приобретет большую популярность. Он ни на минуту не задумывался над религиозной проблемой и теперь малодушно и бессильно молчал¹⁶.

Христианство поистине не просуществовало бы 18 столетий, если бы достаточно было эбертизма, чтобы его ниспровергнуть. И затем ни Эбер, ни Шометт не предусмотрели другого: чтобы с успехом приняться за искоренение христианства, чтобы уничтожить веру, разрушая эмблемы религии и запрещая ее церемонии, надо было иметь возможность проводить такую политику одновременно во всех районах Франции. Разбить на мелкие куски крест в одной коммуне и оставить его возвышаться в другой, снести колокольню, когда на горизонте вырисовывается силуэт другой колокольни, — значит допустить существование навязчивой религиозной идеи. Это значит не достигнуть того результата полного забвения, который один мог каким-то образом оправдать применение насилия. Однако эбертизм, ввязываясь в эту политику, хорошо знал, что он не сможет применять ее повсюду одновременно и с достаточной быстротой. И представители, находящиеся в миссии, констатируют, что отправление культа, временно прерванное в одном районе, вскоре возобновляется по примеру соседнего района. Коммуны требуют обратно священников, которых они отрешили от сана, и все кругом вновь оказывается во власти суеверия, которое возможно убить, только искореняя его одновременно повсюду¹⁷.

Даже там, где эбертизм, казалось, преуспевал, это было лишь обманом зрения. Наблюдатели отмечают, что в празднествах в честь Разума участвуют главным образом женщины; фактически они продолжают ходить в церковь; по выражению Шометта, они идут вдохнуть «трупный запах храмов Иисуса», даже когда эти

храмы используются для иного культа. Они ищут в новой символике смутное продолжение прежней. Не желая тратить время и действовать разумно, эбертизм лишь изменил декор суеверий. От поклонения Природе, введенного 10 августа, толпы народа переходят к культу Разума, а вскоре к культу Верховного существа; и каждый раз все то же невежество под внешним различием формул¹⁸. Нет, нет, для того, чтобы освободить разум, нельзя обойтись без разума.

Итак, велико было умственное и нравственное убожество эбертизма, неистового и скрытного, заносчивого и пустого, подстерегавшего Комитет общественного спасения, расставлявшего ему ловушки и стремившегося всеми средствами, сначала интригами, а вскоре и силой, захватить власть и завладеть Революцией.

Эбертизм не мог сослаться на то, что он представляет Париж. Все, чего хотел великий патриотический и революционный Париж, он имел теперь благодаря очищенному Конвенту и Комитету общественного спасения. Он хотел, чтобы революционная сила была сконцентрирована и действенна; она такую и была. Он хотел, чтобы пустые раздоры, истощавшие силы Конвента, утихли или были пресечены; это было сделано, и Конвент работал, подобно мощной и бесшумной машине, уничтожая мятежников, предателей, врагов. Он хотел, чтобы будущее демократии было ограждено от надменных посятательств олигархии краснабаев и заносчивых буржуа; демократия получила гарантию народной конституции, и ею было пронизано управление. Наконец, Париж хотел, чтобы не было недоверия ни к Парижу, ни к народу, чтобы сильные законы обеспечивали существование пролетариев; Кон-

16. 8 фримера II г. (28 ноября 1793 г.) Эбер, выступив в Якобинском клубе после Робеспьера, заявил, что «недавно начавшееся религиозное движение было вызвано одними только аристократами». («Moniteur», XVIII, 549.)

17. 16 фримера II г. (6 декабря 1793 г.) Конвент подтвердил торжественно принятым декретом принцип свободы культов. Но 18 фримера (8 декабря) Конвент смягчил последствия своего декрета, уточнив, что он не имел в виду вносить какие-либо изменения в то, что уже сделано, в частности в решения своих представителей закрытые цер-

кви останутся закрытыми, верующие должны будут удовлетворяться отправлением культа в часовнях частных лиц. («Moniteur», XVIII, 622.)

18. Для народа намного более важным был культ мучеников за свободу, о котором Жорес не говорит ни слова. См.: A. Soboul. Op. cit., p. 299. [См.: A. Соболь, Цит. соч., с. 487. — *Ред.*] О религиозном эклектизме, на который Жорес здесь намекает, см.: A. Soboul, Sentiment religieux et cultes populaires: saints patriotes et martyrs de la liberté. — «Paysans. Sans-culottes et Jacobins». Paris, 1966, p. 183.

вент и Комитет общественного спасения управляли страной в полном согласии с Парижем; в интересах народа они ввели максимум.

Пойти дальше, требовать большего для Парижа и для Коммуны — это значило говорить уже не от имени Парижа, но от имени парижской группировки. Это значило нарушить прекрасное революционное единство Парижа и Франции; это значило повторить, но в обратном смысле, преступление жирондистского федерализма, пойдя по пути парижского партикуляризма. Именно этот дух запальчивой и честолюбивой группировки эбертизм и пытался навязать Франции. Именно для того, чтобы удовлетворить надменное стремление определенных людей главенствовать, чтобы обеспечить Коммуне тщеславное первенство, чтобы завладеть для нескольких членов секций и нескольких канцелярских служащих всеми должностями и всеми постами, эбертизм хотел захватить власть и чернил центральное правительство Революции. Чтобы избавить военное министерство от всякого контроля и превратить его в гордую крепость революционной исполнительной власти, эбертисты стремились распустить Комитет общественного спасения или подорвать уважение к нему. Именно потому, что они надеялись играть в Собрании, которое сменило бы Конвент, важную и решающую роль, именно потому, что они спешили использовать свою популярность в Париже, чтобы стать представителями и министрами, эбертисты и потребовали спешного применения конституции, «организации правительства в соответствии с Конституцией»¹⁹, а это означало роспуск Конвента, это означало поставить судьбы свободы и нации в зависимость от случайности выборов, которые должны были бы состояться в разгар гражданской войны и войны внешней. Эбертисты, эти мнимые революционеры, хотят преждевременно покончить с Революционным правительством в надежде стать членами последующего правительства или же господствовать над ним.

Отныне Эбер не прощает Дантону и Робеспьеру, что они не сделали его преемником Гара в министерстве внутренних дел²⁰. Папаше Дюшену не терпится выкурить свою трубку в министерском салоне, и надо видеть, с какой жалкой досадой, с трудом скрываемой под презрительной гримасой, обсуждает он свою неудачу с созданными его группировкой кумушками, которые с восхищением и подобоострастием лебезят перед ним²¹.

КРАЙНИЕ ПАТРИОТЫ

Эбертизм олицетворял собой не только дух презренной группировки и тщеславного партикуляризма. Он также был первым проявлением, в демагогической форме, милитаризма во Французской революции. Да, эбертизм милитаристичен по самому своему происхождению; он родился и вырос в канцеляриях военного министерства. У него волочащаяся по земле сабля и торчащие усы¹. Он милитаристичен своим пристрастием к грубости

19. Кампания за конституционную организацию исполнительной власти началась в августе 1793 г. См.: А. Собоуль. *Ор. cit.*, р. 148, 155. [См.: А. Собоуль. *Цит. соч.*, с. 151. — *Ред.*] После событий 4 и 5 сентября 1793 г. Эбер возобновил свою кампанию (*ibid.*, р. 230), но тщетно.
20. 20 августа 1793 г. Национальный Конвент избрал Паре министром внутренних дел («*Moniteur*», XVII, 450.)
21. «И вот вы — несостоявшийся министр, — сказал мне наш старый скряга. — Действительно ли хотели дать вам эту должность, папаша Дюшен? — Не знаю, было ли это притворством, черт побери, но меня, во всяком случае, предложили как кандидата. — И если бы такую глупость

совершили, назначив вас, то совершили ли бы вы такую же, приняв это назначение? — Гражданин Скряга, на глупый вопрос ответа не будет». («*Le Père Duchesne*», № 276.)

1. «Одетые в блестящие костюмы с золотыми эполетами, в шляпах с султаном, волоча за собой огромную саблю, гремевшую по городским мостовым, с лицами, украшенными длинными усами, всем своим видом наводя страх, все эти делегаты Исполнительного совета, департамента, Коммуны.» (Général Herlaut. *Le général rouge*, Ronsin, 1751—1794, Paris, 1956, p. 114.) Признанные (prononçes) патриоты, по выражению того времени, или, во всяком случае, крайние (exagérés), но не эбертисты.

и к парадности. Ему нравятся экспедиции Революционной армии, устрашающие жесты, напоминающие действия армии в завоеванной стране. И эти народные вожаки (о чем мы узнали от Шометта) украшают себя золотыми галунами, чтобы следовать за гильотиной, подобно тому, как священники облачаются в сверкающие епитрахили, чтобы шествовать под балдахином. Он милитаристичен из ненависти и страха перед гражданской властью. Упразднить Конвент было бы для него пустяковым делом, и на другой же день он вручил бы власть целому штабу генералов с плюмажами на шляпах. Рьяный эбертист Венсан говорил о комиссарах Конвента в армиях: «Пусть купят манекены и оденут их по рисункам Давида. Вот вам и делегаты Конвента»². Какая притворная демократическая простота у этих революционных офицеров, наряжавшихся в свое удовольствие. Нет, Венсана задевало именно то, что делегаты Конвента не были манекенами и что благодаря им в армиях Революции, все руководящие посты в которых эбертисты надеялись захватить, центральное правительство поддерживало законность и дисциплину. Эбертизм был милитаристичен своей склонностью к длительной политике военных экзекуций. Его революционным идеалом были дикие военные репрессии в побежденных городах на другой день после штурма. Лион взят — бушуют репрессии; Марсель взят — ярость реванша не знает границ; Тулон капитулирует — измена потоплена в крови. Вандея покоряется — Нант становится центром работорговли.

Всюду комиссары Конвента — Фрерон и Баррас в Тулоне и Марселе, Колло д'Эрбуа в Лионе, Каррье в Нанте, уступая неминуемому влечению человеческой природы, становятся добычей ужасных страстей гражданской войны³. Они не только должны быть суровыми исполнителями закона и мстителями Революции; они еще должны утолить ярость патриотов, которым угрожали и которых истязали, а также инстинктивный гнев солдат, вознаграждающих себя за тяготы и опасности, которые им пришлось испытать по вине мятежного города. Да, именно там, в еще не рассеявшемся дыму сражения, в колеблющихся отсветах пожаров, раздуваемых ветром ненависти, комиссары оказываются перед лицом страшной неизбежности, и те, кто слишком легко бросает им в лицо проклятия, забывают о преступлениях контрреволюции, об ужасах Вандеи, о жестокостях тулонских реакционеров, вешавших тела зарезанных патриотов на крючья в мясных лавках.

Но в конце концов, этот следующий за штурмом день не может стать для Революции нормальной политикой. Из Парижа, не находившегося в самом центре гражданской войны, должны были бы исходить советы проявлять умеренность, благоразумие и человечность. Но эбертизм яростно раздувает огонь.

Крайне предвзятая оценка и поверхностная. См. Реферат современной работы М. Бьяра 'Колло д'Эрбуа: против черной легенды' <http://istmat.info/node/31148>

КОЛЛО Д'ЭРБУА В ЛИОНЕ

Колло д'Эрбуа в Лионе особенно нуждался в предостережениях, так как он в силу некоего рокового недоразумения, быть может наполюину сознательного, преувеличивает и искажает смысл страшного постановления Конвента⁴.

В декрете говорилось: «Город Лион будет разрушен; все обитаемые богатей будут снесены; останутся только дома бедняков, жилища убитых или изгнанных, патриотов, здания, специально предназначенные для промышленности, и памятники, служащие делу народного образования»⁵.

Декрет чудовищен; но, в сущности, он допускает дальнейшее существование Лиона, ибо зачем сохранять здания, специально предназначенные для промышленности, если промышленность не должна возрождаться, если рабочие не должны оставаться в городе, если станки не должны скоро начать снова работать? Все выражения декрета были рассчитаны на то, чтобы примирить террористические меры, которыми Конвент хотел воздействовать на воображение людей, с необходимостью сохранить для Франции замечательную силу труда и богатства. Кутон, несомненно, именно так истолковал мысль Конвента. Но его заподозрили в слабости, и он по причине или под предлогом расстроенного здоровья попросил снять с него это бремя⁶.

Колло д'Эрбуа представлял в Комитете общественного спасения круги, наиболее близкие к эбертизму, и на него была возложена миссия применить декрет. Он тотчас же увидел в нем театральное действо: *Лион будет разрушен*. И он буквально хочет

2. Венсан, генеральный секретарь военного министерства, *признанный* патриот. Речь идет о словах Венсана, сказанных во время обеда у Паша по поводу костюмов представителей в миссии, «аристократическая декорация, цель которой — нагнать страх на дураков и ввести их в заблуждение». По утверждению Фукье-Тенвиля, эти застольные речи были связаны с систематическим планом «очернения национального представительства, задуманным Венсаном и его сообщниками». См.: A. S o b o u l. Le Sans-culottes parisiens en l'an II..., p. 810. [См.: А. С о б о у л ь. Парижские санкюлоты..., с. 399. — *Ред.*]

3. За исключением Колло д'Эрбуа, у этих представителей в миссии

не было никаких определенных связей с «эбертистами».

4. Колло д'Эрбуа (1750—1796) — драматический актер, писатель, председатель парижского собрания выборщиков в сентябре 1792 г., депутат Конвента от Парижа. Колло был командирован в Лион на основании декрета Конвента от 30 октября 1793 г.

5. Декрет Конвента от 12 октября 1793 г.

6. Кутон удовольствовался тем, что «нанес первый удар молотом для разрушения этого мятежного города»; в деистительности речь шла «об укреплении, бросивших вызов национальным вооруженным силам». (Письмо Комитету общественного спасения от 25 октября 1793 г.; «Moniteur», XVIII, 313.)

уничтожить Лион: если ему предоставят свободу действий, там не останется камня на камне, ни одного человека. Его план — выслать, рассеять по всей Франции все рабочее население Лиона, 100 тыс. пролетариев. Он ничего не знает о Лионе, о его славном и печальном прошлом, о его социальной борьбе; он ничего не знает о периодически повторявшихся крупных забастовках, которыми — на протяжении трех столетий — лионский рабочий класс предвосхитил великую борьбу пролетариев будущих времен. Он не подозревает о скрытой революционной силе, таящейся под покровом печальной покорности этих людей.

«Надо, — пишет он Робеспьеру 3 фримера II г.⁷, — уволить и эвакуировать 100 тыс. людей, которые работают на фабрике^{*} всю жизнь, но не отличаются трудолюбием и отнюдь не обладают должными достоинствами и энергией; которые представляют для человечества интерес потому, что по-прежнему угнетены и бедны, что доказывает, что они не поняли Революции. Рассеянные среди свободных людей, они проникнутся революционными чувствами, которых у них никогда не будет, если они останутся вместе...»

11 фримера Колло д'Эрбуа пишет Кутону⁸: «Ты говорил мне о патриотах этого города. Думаешь ли ты, что они вообще там могут быть? Я это нахожу невозможным. В нем 60 тыс. человек, которые никогда не будут республиканцами. Надо заняться следующим: уволить их и расселить, соблюдая предосторожности, по всей Республике, пойдя для этого на жертвы, которые наша великая и благородная нация в состоянии принести. Таким образом рассеянные и находящиеся под надзором, они по меньшей мере последуют за теми, кто будет впереди них или рядом с ними. Но будучи все вместе, они долгое время будут представлять собой опасный очаг, всегда благоприятный для врагов истинных принципов».

Это массовая высылка лионского пролетариата. Колло принимает за леность, за вялость сдержанность, молчаливую сосредоточенность людей, затрачивающих на свой обычный труд больше внимания, чем силы мышц. Но как он может забыть, что именно лионские рабочие, которых он обвиняет в том, что они не «поняли Революции», весьма энергично содействовали своим восстанием упразднению городских ввозных пошлин по всей Франции? Как он может забыть, что они недавно разработали новый тариф заработной платы, мотивируя его соображениями высокого социального значения? И если расстройство в шелкоткацкой промышленности ослабило их порыв, если они заколебались при мысли, что революционная суровость, быть может, уничтожит или подорвет их утонченное производство, то основание ли это для того, чтобы отчаиваться в них навсегда? Не следует ли, напротив, их успокоить, показать им, что жизнь народа, обновленная Революцией, не исключает известной роскоши?

Если бы Колло д'Эрбуа предоставили свободу действий, если бы он смог применить и довести до конца свою программу, то это великолепное сосредоточение сил рабочего класса, давшего в первой половине XIX в. всему пролетариату Европы столь сильный толчок и столь трагические уроки героизма, было бы рассеяно, как пыль по ветру. Колло д'Эрбуа, склонившись над этим темным колодезем, глубокого кипения которого он не слышал, хотел его осушить или засыпать. Этот маньяк разрушения, который, рассеивая огромное скопление сил пролетариев, творил бы дело экономической и социальной контрреволюции, нуждался в советах благоразумия, в напоминаниях о человечности или о здравом смысле или, еще лучше, о Революции. Но увы, в то время как сам он опьянен своей властью, подобно театральному королю, перенесенному внезапно со сцены в жизнь, в то время как он не перестает повторять, что «он будет метать молнии», рядом с ним находится эбертист Ронсен, толкающий его на жестокости и убийства⁹; а в Париже находится эбертист Венсан, который пропагандирует жестокости Ронсена. Ронсен пишет Венсану: «Только 1500 лионцев заслуживают того, чтобы им сохранили жизнь». На основании этого письма Венсан выпускает афишу, чтобы распространить в Париже заразу ненависти и безумия и лишить Робеспьера и Комитет общественного спасения возможности предупредить Колло д'Эрбуа, что он заблуждается¹⁰. Это дикий милитаризм Тридцатилетней войны, перенесенный в Революцию. В Нанте Каррье так далеко заходит в репрессиях, что восстывает против себя даже патриотов. Но они не могут попасть к нему; он живет только в окружении офицеров; там он не встречает ни возражений, ни осуждения, и его самые дикие приказания исполняются с готовностью, словно на другой день после штурма. Каррье признает эбертизм и признан им¹¹.

7. Papiers saisis chez Robespierre..., t. I, p. 318

* Слово „fabrique“ обозначало в XVIII в. лионскую шелковую промышленность в целом — P²d.

8. Papiers saisis chez Robespierre..., t. I, p. 323; Buchez et Roux, XXX, 408, 11 frimaire an II (1er décembre 1793).

9. 30 октября 1793 г. на основании постановления Комитета общественного спасения в Лион был послан отряд Революционной армии в составе 1950 человек под командованием Ронсена; он вступил в Лион 25 ноября. См.: Général Herlaut. Op. cit., p. 177.

10. Комитет общественного спасения, получив жалобы, потребовал, чтобы Колло д'Эрбуа явился для отчета о событиях в Лионе, что тот и сделал, выступив в Конвенте 1 нивоза II г. (21 декабря 1793 г.).

11. Каррье был послан в департаменты бывшей Бретани на основании декрета Конвента от 14 августа 1793 г. В октябре он был в Нанте. Каррье был отозван 20 плювиоза II г. (8 февраля 1793 г.). Каррье, несомненно, кордельер; «эбертист» — слишком сильно сказано.

Наконец, эбертизм милитаристичен ввиду своей склонности к неограниченной войне. Война стала для него профессией. Именно на войне все здоровые бездельники, не находящие теперь себе применения в секциях, смогут развернуться во всю мощь, продвинуться. Именно на войне потребность командовать, диктовать свою жестокою волю, которая развивается во время длительных революций у небольших групп пылких людей, ведущих борьбу, получит надежное и неперемненное удовлетворение.

«Не спорьте, — говорил Буассель революционерам секций, — пускайте в ход палку». Но пускать в ход палку — значит готовиться к тому, чтобы пустить в ход саблю. Революционные армии, устраивающие избиения на фермах, могут быть распущены; но если война со всем миром продлится, то галуны будут крепко пришиты к рукавам, а султан — прочно прикреплен к шляпе. Затягивая войну, Революция идет к гибели или к порабощению. Она тратит 300 млн. в месяц: Франция пожирает сама себя. Она, конечно, может героическим усилием, мужеством и самоотречением повысить стойкость асигната, несмотря на это непосильное бремя. Она может, почти сверхчеловеческим усилием, ходить, дышать, сражаться, но сколько времени? Вскоре она либо падет, истощенная, либо будет вынуждена, чтобы восстановить свои силы, требовать от войны средств питать войну, сделать из войны национальное ремесло Революции, организовать посредством огромных контрибуций массовый грабеж и распространить на народы систему взимания дани времен завоевательных походов Древнего Рима. В любом случае это поражение Революции, погибнет ли она, исчерпав свои силы или финансы, или откажется от себя самой, последовав за императором. Именно это и думал Робеспьер, когда в 1792 г. возражал против войны, столь неосторожно развязанной Бриссо¹². Именно это заставило его говорить теперь: «Внешняя война — смертельная опасность для свободы».

Бриссо привел к Эберу, который приведет к Бонапарту. Жирондизм, эбертизм, бонапартизм — три связанные между собою этапа¹³. Менее всего эбертизм мог простить Дантону то, что, будучи членом Комитета общественного спасения, он пытался вести переговоры о мире, тем самым он закрывал огромные возможности, которые армии численностью 1200 тыс. человек, с огромным административным аппаратом и командным составом, предоставляли честолюбию и вожделям тех, кто в силу монополии на выдачу удостоверений о гражданской благонадежности мог обеспечить себе и монополию получения чинов, поставок и должностей. И Робеспьер тоже был на подозрении, так как предполагали, что он желает окончания войны.

При одной мысли, что мирные переговоры могут начаться еще до того, как Франция утвердится по меньшей мере в устье

Рейна, Анахарсис Клоотс, которого дух системы привел к эбертизму в вопросах внешней политики так же, как и в религиозном вопросе, приходил в бешенство. Клоотса раздирали жалкие противоречия.

Я уже говорил о величии его правовой формулы суверенитета человеческого рода. Здраво примененная к действительности, она могла бы умерить национальный эгоизм и партикуляризм, подготовить широкое объединение народов, необходимую предпосылку к их единству. Было бы безумием ожидать немедленных результатов от силой навязанной единой организации человеческого рода. Эта ожесточенная всеобщая война, даже будучи победоносной, привела бы только к чудовищной военной диктатуре, к страшному цезаризму, угнетающему мир. И Клоотс говорил: «Я согласен, чтобы войну не доводили до таких пределов, до каких в будущем распространится суверенитет человеческого рода».

А пока Клоотс довольствовался расширением границ Франции до Рейна и Шельды. Оттуда ее революционное влияние непременно распространилось бы на весь мир. Да, но зачем превращать аннексию всего левого берега Рейна и устья Шельды в неперемненное условие мира? Зачем провозглашать, как он это сделал 5 октября в Якобинском клубе, как беспрестанно повторял во всех газетах, поместивших его открытое письмо к батавам и к бельгийцам¹⁴, что если эти последние не будут в революционном порядке включены в революционную Францию, то мир будет позорным, лицемерным, преступным миром, «непрочным миром».

Если Франция считала себя обязанной — перед всеми революционными группами, рассеянными в других странах, — аннексировать эти страны, чтобы распространить на них революционные гарантии, то почему не присоединить к Франции все княжества Германии и все итальянские государства? А если Франция обязана оказывать революционным группам Италии и Германии только косвенное покровительство, которое будет вытекать — в отношении всех людей — из гордой автономии революционной Франции и из славного примера свободы, то почему она должна в любом случае, каковы бы ни были обстоятельства и виды на мир, присоединять к себе бельгийцев и батавов? Дело в том, что Клоотс, в сущности, не хочет мира, пока революционная

12. Речи Робеспьера в Якобинском клубе 2 и 11 января 1792 г. См.: Ж. Жорес. Социалистическая история Французской революции, т. II, с. 162—163.

13. То, что Жорес и вслед за ним Матьез называют эбертизмом, есть крайний патриотизм. Передовые патриоты (patriotes avancés) стоят за войну до победного конца; многие из них были по-

литическими изгнанниками. См.: A. Mathiez. Le Programme hébertiste. — «Annales révolutionnaires», 1920, p. 139.

14. «Анахарсис Клоотс читает в Обществе письмо членов батавского клуба и свой ответ на него; это послание, глубоко философского содержания, будет напечатано». (A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 446.)

Франция не включит в свой состав, даже силой, поставленной на службу идее, все народы, имеющие революционные элементы, пригодные для ассимиляции. В силы Франции у него безграничная, неисчерпаемая вера. И все это было бы чудовищным бахвальством, если бы Клоутс не был действительно и вполне искренно одержим своей мечтой.

«Во Франции все велико, огромно, возвышенно. Солдат мы считаем только на миллионы, а ливры — только на миллиарды. При каждом наборе солдат кажется, что война начинается.

Теперь подходящий момент заговорить с нами о мире, с нами, которые путем мобилизации нашей молодежи и демонетизации ассигнатов только что возвели два бастиона, о которые разобьются все усилия лиги королей. Мы имеем в Париже копи Перу, кузницу циклопов, рычаг Архимеда, удар Помпея».

Неумеренное и безграничное бахвальство. Но разве Помпей, разве вождь аристократов может, топнув ногой, заставить появиться легионы? Нет, сегодня это — Революция, завтра — Цезарь, и эта постоянно возобновляемая война, безграничная и ничем не оправданная, эта постоянно возобновляемая мобилизация сил действительно напоминают те страшные императорские наборы солдат, которые пожрут поколения людей. Как при таком умонастроении мог Клоутс всерьез согласиться на то, чтобы остановиться даже на границе по Рейну? Для него это только передышка, временное соглашение, о нарушении которого говорят уже теперь.

Клоутсу уже мало включить в состав Франции бельгийцев и батавов; ему уже мало потребовать и взять Брюссель, Остенде, Амстердам, чтобы уравновесить во французском организме Север и Юг, страну виноградников и масел и страну, где сеют хлеб и разводят скот. Ему мало возвестить, что к бельгийцам и к батавам, как и к французам, во всей полноте будет применена программа эбертистов: будет упразднен культ, будут уничтожены аристократы, высланы подозрительные и фанатики. Французская революционная экспансия будет продолжаться до тех пор, пока Франция не сольется с санкюлотами всего мира.

«Ознакомьтесь с нашим географическим положением, и вы убедитесь в том, что устье Рейна имеет важнейшее значение для нашего благополучия. Более того, если суверенный народ остановится на Рейне, то только из снисхождения, из жалости к плутам».

Он не остановится там надолго.

«Но когда мы распространимся вдоль всего Рейна, то это увеличение благосостояния нарушит политическое равновесие; но ничто не остановит потока санкюлотов. Вот неоспоримые «но»; эта перспектива может испугать одних только плутов и идиотов. Французского гражданина придется уважать, как некогда уважали римского гражданина. И как запретить нашим путешест-

венникам открывать глаза поработленным народам? Где найдется смельчак, который прервет наши патриотические песни? Наша торговля будет распространять истину, вместе с мировыми излишками, через устья Рейна и Роны, эти два рога изобилия. Все бывшие ганзейские города, от Бремена и Страсбурга до Любека и Риги, сбросят с себя ненавистное иго, чтобы побрататься с нами, чтобы войти, наподобие наших морских поселений, в Республику Прав Человека».

Это почти карта наполеоновской Франции. Я сказал: «эбертизм», «цезаризм»; это мечта о единстве, о поглощении, завещанная Цезарю исчерпавшей себя Революцией.

РОБЕСПЬЕР ПРОТИВ! ЭКСТРЕМИЗМА

Робеспьеру, который это понимал, Сен-Жюсту, который говорил со скорбной гордостью: «В каждом сражении мы тысячами теряли свободных людей, а коалиция теряет одних только рабов», это предвзятое мнение о бесконечной войне было ненавистно. И в заметках, которые Робеспьер делал для себя, подводя итог своим мыслям, он писал: «Вооружаться надо не для того, чтобы идти к Рейну, это — вечная война, но чтобы продиктовать условия мира, мира без захватов»¹⁵.

Думать так, пытаться это осуществить значило дать Революции последнюю возможность спастись. Между этой политической мира и полным ненависти недоверием Робеспьера к Англии, как к английскому народу, так и к его правительству, нет никакого противоречия. Он не соглашался проводить различия между народом и правительством; он считал английский народ ответственным за политику Питта, раз он терпел Питта. Но это было для Робеспьера еще и средством подготовить мир, покончив со всякой мыслью о пропаганде. Он сказал в Якобинском клубе:

«Английский народ отстал от вас на два столетия. Если он хочет свободы, пусть завоевывает ее сам»¹⁶.

Это означало: «В английском народе, равно как и в других народах, вам сразу не вызвать движения общественного мнения, которое вас поддержит. Поэтому вы осуждены на то, чтобы одним

15. Победа и мир без захватов — такова была неизменная политика великого Комитета общественного спасения. От его имени Бийо-Варени заявил с трибуны Конвента 1 флореаля II г. (20 апреля 1794 г.): «Мы выступаем не ради захватов, но ради победы, не для того, чтобы опьяняться триумфами, но что-

бы перестать наносить удары в тот момент, когда смерть вражеского солдата станет ненужной для дела свободы». («Moniteur», XX, 266.)

16. A. Aulard. Op. cit., p. 631, заседание 11 пловиоза II г. (30 января 1794 г.); Buchez et Roux. XXXI, 254.

вести войну, а так как вы не смогли бы одни выдержать ее долго, то надо хвататься за любой представившийся вам случай, чтобы заключить почетный мир. Надо использовать победы, которых сумели добиться для Франции энергия и мудрость Революционного правительства, чтобы «продиктовать мир», не мир, удовлетворяющий честолюбивые и захватнические устремления, но мир, который бы обеспечил Франции, в ее традиционных границах, мирное и широкое пользование ее наконец завоеванной свободой, право и возможность использовать Революцию и организовать демократию».

Какой позор, по мнению Клоотса! Это как раз тот «непрочный мир» («*raix plâtrée*»), который приводит его в негодование, мир, основанный на отречении и предательстве, мир, унижительный для нации и человечества. И историк Авердель, верный духу эбертизма и даже метафорам Клоотса, дает друзьям мира, революционерам-робеспьеристам наименование «горе-миротворцев» («*ra-cificateurs plâtriers*»)¹⁷. Это одна из романтически-эбертистских любезностей в угоду тяжеловесной иронии. Но что за дело было эбертистам до непоследовательности Клоотса? Своей философией он прикрывал огромную жажду военной власти, чинов, галунов, прибыльных завоеваний, которую могла утолить только бесконечная, вечная война.

Против этой эбертистской партии, у которой не было ни социальной, ни религиозной программы, ни военной тактики, ни административной системы, ни силы, ни человечности и которая представляла собой лишь одни кровавые перегибы, безграничный разгул военного бюрократизма и истощающей войны, Робеспьер борется изо всех сил, изумительно сочетая упорство и гибкость. Он не провоцирует ее, он не усугубляет трудности вечными разглагольствованиями и обвинениями во вкусе жирондистов. Он противопоставляет эбертистам то, что можно назвать организмическими законами Революции, закон от 17 сентября, который с целью предупреждения секционного федерализма обязывает наблюдательные комитеты сноситься прямо с Конвентом, и с ним одним, отстраняя тем самым Коммуну от всякой центральной революционной деятельности¹⁸; закон от 10 октября, объявляющий об образовании Революционного правительства вплоть до заключения мира и тем самым укрепляющий положение Комитета общественного спасения против уловок тех, кто под него подкапывались под предлогом¹⁹ ускорить применение конституции¹⁹; наконец, и главным образом, закон от 4 декабря, обеспечивающий первенство Комитета общественного спасения и делающий его главенствующей и правящей исполнительной властью, центром всей переписки и всех действий²⁰. Этот декрет заменяет прокуроров-синдиков дистриктов, прокуроров коммун и их заместителей «национальными агентами»; он устанавливает, что действующие прокуроры и их заместители сохраняют свои

полномочия под наименованием национальных агентов, за исключением «тех, которые будут в данном случае отстранены»²¹.

Это — чистка революционного административного персонала. И так как судьей последней инстанции, решающим вопрос об оставлении или отстранении, становился Конвент, то это — централизация революционной власти. Национальные агенты должны будут каждые десять дней связываться с Комитетом общественного спасения и Комитетом общественной безопасности, которые, таким образом, держат в своих руках все двигательные пружины. Генеральные советы, председатели и генеральные прокуроры-синдики департаментов упраздняются; председательствовать в директории департамента будут по очереди и только в течение месяца все члены директории. Отсюда огромное усиление власти представителей в миссии, действия которых часто сковывал генеральный прокурор-синдик департамента, чью безмерную власть резко критиковал в июле в Якобинском клубе Бодо²². Отсюда, следовательно, усиление власти Конвента и Комитета общественного спасения, от которых зависели представ-

17. G. Avenel. Anacharsis Cloots, l'Orateur du genre humain. Paris. 1865, 2 vol., t. I, p. 203.

18. Закон от 17 сентября 1793 г. Речь идет о законе о подозрительных. Наблюдательные комитеты, учрежденные на основании закона от 21 марта 1793 г., которым было поручено осуществлять закон о подозрительных, прямо сносились с Комитетом общественной безопасности Конвента (статья 9). («*Moniteur*», XVI, 681.)

19. Закон от 10 октября 1793 г. был принят по докладу Сен-Жюста. Он представлял Комитету общественного спасения верховенство над исполнительной властью, не только над министрами, но и над местной администрацией. Введение в действие конституции было официально приостановлено. Революционное правительство получило законную силу. («*Moniteur*», XVIII, 110.)

20. Закон от 14 фримера II г. (4 декабря 1793 г.) — закон, учреждавший революционный порядок управления. Конвент остается единственным центральным органом правительственной власти (статья 1). «Все установленные влас-

ти и общественные должностные лица поставлены под непосредственный надзор Комитета общественного спасения... что касается всего, что относится к отдельным личностям, а также к общей и внутренней полиции, то особый надзор над ними возлагается на Комитет общественной безопасности» (статья 2). («*Moniteur*», XVI, 590.)

21. Национальные агенты «были специально уполномочены наблюдать и добиваться исполнения законов, как и сообщать о случившихся небрежениях в исполнении законов и их нарушениях, которые могли бы иметь место» (раздел II, статья 14).

22. «Эти господа (генеральные прокуроры-синдики) обладают неограниченной властью и во всем подражают прежним интендантам провинций; окруженные многочисленным двором своих ставленников, они объезжают департаменты, которые считаются с ними больше, чем со всеми прочими администраторами, во первых, потому, что им больше платят, во вторых, потому, что они облечены большей властью». (A. Aulard. Op. cit., p. 308, заседание 21 июля 1793 г.)

вигели в миссии. Кроме того, председатели и секретари революционных комитетов должны были сменяться через каждые пятнадцать дней и могли быть переизбраны только через месяц. Итак, никакой иной постоянной революционной власти, кроме власти Комитета общественного спасения, обновляемого в неопределенное время.

Наконец, закон определяет, что «ни один гражданин, уже находящийся на службе Республики, не сможет ни занимать, ни совмещать должность, связанную с косвенным или прямым надзором за выполнением им своих функций».

Это был весьма тяжелый удар по всем эбертистским служащим военного министерства, которые в то время наводняли наблюдательные комитеты. Власть Коммуны и эбертизма была, таким образом, стеснена и ограничена со всех сторон, и Комитет общественного спасения проводит эти законы в жизнь с непреклонной волей и всевозрастающей моральной силой, которую придают ему его победы внутри и вне страны²³.

Тем временем Робеспьер, неизменно присутствующий на поле боя в Якобинском клубе, защищает революционеров, которым угрожают эбертисты. Он защищает Барера и особенно Дантона во время подлинно трагического и прекрасного заседания 3 декабря. По возвращении Дантона из Арси-сюр-Об, где он провел месяц, то ли заболев или переутомившись, то ли уже почувствовав отвращение к людям и испытывая потребность снова увидеть природу, насладиться спокойной красотой деревьев, он был встречен в Якобинском клубе ропотом.

«Стало быть, — воскликнул он, — на моем лице нет больше печати свободы?!»

Но такие, почти физические призывы к революционной солидарности уже перестали производить впечатление. Имя Дантона было окружено смутными подозрениями. Робеспьер вмешался:

«Так ты не знаешь, Дантон, что достаточно быть патриотом, чтобы тебя оклеветали! Так ты не знаешь, в чем тебя обвиняют? Я скажу тебе это. Ты покинул Париж, чтобы эмигрировать, чтобы предложить свои услуги контрреволюции. Ты этого не знал? Так узнай. Об этом рассказали новые люди, пришедшие в Революцию, но, видимо, способные служить ей в большей мере, чем ты и я»²⁴.

Столкнувшись с такой горькой иронией, Эбер и на этот раз хранит молчание. И Робеспьер, по существу, поддерживает Дантона. Не прибегая к изворотливости, не принимая мер предосторожности, с явным, страстным желанием спасти эту крупную революционную силу, Робеспьер решительно связывает себя с Дантоном. И в этом вопросе он дает мужественный отпор эбертизму.

Наконец, если Робеспьер не в состоянии издали контролировать революционных проконсулов Каррье, Фуше, Барраса,

Колло д'Эрбуа, если он не может на расстоянии отличать необходимые акты репрессий от бессмысленных дикостей, продиктованных жестокостью и надменностью, на путь которых эти люди позволяют увлечь себя, если он не может, в частности, вступить в прямую борьбу со своим коллегой Колло д'Эрбуа и, таким образом, рисковать расколом Комитета общественного спасения, то он по крайней мере всеми средствами дает понять, что ни Конвент, ни его представители «не должны напрасно увеличивать число виновных». Он все более открыто и все более тесно сближается с Кутоном, который обладал мужеством во всем, но не посмел пролить кровь в Лионе. Робеспьер посылает своего брата Огюстена с миссией в департамент Буш-дю-Рон с такими твердыми, но в то же время человечными указаниями, что к нему вскоре обращаются все притесняемые, все пострадавшие от насилия просят его защиты, и в этой части Юга имя Робеспьера становится символом твердого и милосердного правосудия²⁵.

Когда марсельцы прислали в Якобинский клуб делегацию, чтобы пожаловаться на жестокие репрессии, учиненные Баррасом, то Робеспьер сказал, что они — честные патриоты и что их следует выслушать²⁶. Он посылает Сен-Жюста в Страсбург положить конец часто шутовской, а порой и кровавой диктатуре бывшего немецкого священника Шнайдера²⁷. И политика Сен-Жюста в Страсбурге тем более замечательна, что она противоречит даже тому, что давно уже советовали газеты, преданные Горе и Робеспьеру. Стоит прочесть, например, сообщения из Страсбурга в «Журналь де ла Монтань» от сентября и октября 1793 г.; в них можно усмотреть, что граждане Страсбурга проявляли весьма слабый революционный патриотизм, что они были более или менее преданы Дитриху и старой буржуазии Страсбурга и что приходится прибегать к помощи «немецких патриотов», чтобы поднять в городе революционное настроение. Например, в номере от 2 сентября мы читаем:

«Энергия Народного общества поддерживалась, пока в Страсбурге находился значительный гарнизон; но, когда этот гарнизон был уменьшен, клиенты буржуазии подняли голову, и Народ-

23. Вандейцы были разбиты на улицах Лс-Мана 13—14 декабря 1793 г.; Тулон был взят 19 декабря; 26 декабря был освобожден от осады Ландау.

24. «Moniteur», XVIII. 586; A. Aulard. Op. cit., p. 543. M. Robespierre. Œuvres. t. X, Discours, 5^e partie. p. 219.

25. Робеспьер Огюстен (Робеспьер Младший) (1763—1794) — депутат Конвента от Парижа, 19 июля 1793 г. был послан как

представитель в Итальянскую армию; он покинул Тулон 22 декабря, чтобы должность Комитету общественного спасения о создавшемся положении.

26. A. Aulard. Op. cit., p. 644, заседание 18 плювиса II г. (6 февраля 1794 г.)

27. Шнайдер Иоганн Георг (1756—1794) был арестован 13 декабря 1793 г. по распоряжению представителей в миссии и предан суду Революционного трибунала.

ное общество утратило в значительной мере свободу своих заседаний. Зло еще более усилилось из-за непрерывности заседаний секций. Рюль²⁸, который прежде, казалось, был предан делу народа и которым патриоты дорожили, вдруг повернулся к ним спиной, вступил в переписку с контрреволюционными членами секций и в этой переписке беспрестанно бросал тень на лучших членов Народного общества, отпускал шутки насчет их положения и бедности. Это как раз то, что может произвести впечатление на буржуа Страсбурга, питающих уважение только к богатству и измеряющих заслуги человека только его коммерческими делами и давностью существования его фирмы в имперском городе Страсбурге... Но существуют лекарства от всех этих зол, и есть еще время их применить. Разместите в Страсбурге патриотически настроенный гарнизон; изгоните без всякой жалости всех этих подозрительных людей... Покарайте по закону всех интриганов, дурно обращавшихся с патриотами и мешавших заседаниям Общества... *Ободрите немецких патриотов, которые могут просветить народ своими речами и писаниями*.

Итак, именно эта немецкая революционная колония стала вместе со Шнайдером хозяйкой Страсбурга, и именно ее революционный деспотизм Сен-Жюст и должен был сокрушить. Важное свидетельство тех усилий гуманной умеренности, которую пытался проявить Робеспьер среди жестокого разгула гражданской войны. Ни расстрелы в Лионе, ни массовые потопления людей в Нанте не были в его вкусе. После писем молодого Жюльена, поистине любимого ученика Робеспьера, Комитет общественного спасения в феврале отозвал Каррье из Нанта²⁹.

Эта деятельность Робеспьера была тем более трудной и тем более достойной похвал, что он хотел постепенно очистить революционное движение от эксцессов, не ослабляя его. Даже когда народ заблуждался в своих порывах, он не хотел ослаблять и порочить его энергию. Предостерегать неразумных и бить по негодяям, но не подавлять необходимого порыва Революции и народа — какая сложная, быть может, неразрешимая задача, которую, во всяком случае, можно было решить, только обладая величайшей моральной силой, необычайно проницательным умом и уверенностью в своей правоте. Сен-Жюст говорил: «Народ подобен Вильгельму Теллю; нужно, чтобы он попал в яблоко, не поранив ребенка; нужно, чтобы он спасся, не погубив себя».

ИНТРИГА ДАНТОНИСТОВ

Почему же те, кого называют дантонистами, не поддержали Робеспьера? Это было огромным несчастьем и непоправимой ошибкой. Либо они нападали на Комитет общественного спасения, пуская в ход интриги, либо они умышленно компрометировали его. Упорный отказ Дантона войти в Комитет общественного спасения создавал ложное положение, роковые последствия которого неуклонно развивались¹. Он стал тем, кем стал бы в наше время влиятельный правительственный деятель, отказавшийся от власти. Он стал, даже наперекор себе, центром оппозиции. Даже когда он, казалось, поддерживал Комитет общественного спасения, эта поддержка будила недоверие. В августе Дантон требует, чтобы Комитет общественного спасения был единственной властью, чтобы министры были только исполнителями. Он, несомненно, стремился к единству революционной власти. Он возобновил в другой форме сделанное им ранее предложение избирать министров, или иметь право избирать их, среди членов Конвента².

Но недоверчивый Робеспьер подумал, что Дантон хотел возложить на него огромную и исключительную ответственность. То

28. Рюль Филипп (1737—1795) — депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Нижний Рейн, заседал на скамьях Горы.
29. Жюльен Марк Антуан из Парижа (1775—1836) — журналист, якобинец, военный комиссар в 1792 г., направился в Комитет общественного спасения с миссиями в департаменты См.: *Papiers saisis chez Robespierre*, t. III, p. 44 — 54; *Correspondance de Maximilien et Augustin*

Robespierre, recueillie et publiée par G. Michon. Paris, 1926 et 1941, 2 vol., Каррье был отозван из миссии 8 февраля 1794 г.

1. См. по этому поводу: G. Lefebvre. Sur Danton. — *Idem. Etudes sur la Révolution française*, p. 98.

2. 1 августа 1793 г. Дантон предложил облечь Комитет общественного спасения полномочиями временного правительства. Робеспьер воспротивился этому. («*Moniteur*», XVII, 294, 310.)

же произошло, когда Дантон предложил, чтобы Комитет общественного спасения непосредственно распоряжался суммой в 50 млн., дабы воспрепятствовать интригам внутри и вне страны, — Комитет общественного спасения отказался от этого³. Это послужило бы поводом для нескончаемой клеветы. Дантон ответил красными словами: «Кто страшится клеветы, тот никогда не будет общественным деятелем».

Да, но в этих словах было бы гораздо больше силы, если бы он сам не воздержался, если бы не возникала мысль, что он хотел подвергнуть популярность других людей такому же испытанию. какому подверглась его собственная. Это своего рода полустрашение особенно поощряло интригу. Все, кто стремился устранить правительство и заменить его, все, кто хотел уничтожить Комитет общественного спасения, чтобы занять его место, или открыть возможности неизвестному, или попросту из духа беспокойства и из жажды власти, — все эти люди видсли в Дантоне возможного главу; а его загадочное молчание было как бы центром, к которому тянулись все тайные честолюбия.

Фабр д'Эглантин был главой и вдохновителем интриги⁴. В его голове, по словам самого Дантона, была полная путаница. Человек театра, мастер изобретательных комбинаций, остроумный и иронический наблюдатель, изучая события и людей, он забавлялся политикой, как игрой ума. Трудные и сложные отношения между Робеспьером и эбертистами сразу же показались ему замечательным материалом для комбинаций, запутанных интриг и продвижения. Либо Робеспьер бросится в объятия эбертизма и отдастся в его власть. Тогда он погубит себя вместе с этой безрассудной сектой и хозяевами Революции останутся дантониисты, которые смягчат Революцию по своему вкусу, умиротворят ее и подчинят ее своему руководству. Либо Робеспьер, из страха перед эбертизмом, сблизится с дантониистами, станет искать их поддержки, и тогда его будут держать в руках и скомпрометируют, требуя от него решительных мер, в результате которых его популярность уменьшится.

Так Фабр д'Эглантин в этой эгоистической и тонкой игре то вступает в заговор, даже с эбертистами, против Комитета общественного спасения, то хочет заставить Комитет общественного спасения ускорить свои действия против партии Эбера с риском погубить все. В сентябре 1793 г. доклад Филиппо о положении в Вандее дает Фабру д'Эглантину возможность осуществить маневр против Комитета общественного спасения и Робеспьера⁵. В Вандее Филиппо вступил в резкий конфликт с эбертистскими генералами Ронсеном и Россиньоном. Филиппо возвращался с Запада с уязвленной душой, стора от нетерпения изложить свои обвинения. Он хорошо знал, что, в сущности, Коми-

тет общественного спасения не испытывал к уполномоченным военного министерства особой симпатии; доказательством тому было то, что вскоре, 2 октября, Комитет общественного спасения предложил целый план реорганизации военных действий на Западе, план, который, не порывая грубо с военной партией Эбера, уменьшил бы ее значение. Поэтому было нетрудно и разумно рассчитывать на Комитет общественного спасения⁶.

Революционный патриотизм требовал, чтобы Филиппо сдержанно и без шума сообщил Комитету общественного спасения об ошибках, допущенных в Вандее. Но нет, он мечтает только о скандале и о мщении. Нужно, чтобы Конвент согласился с высказанным им суждением о людях и обстоятельствах, о планах и о руководителях, с суждением, которое в корне оспаривают Шудье и Лавассёр; нужно, чтобы Комитет общественного спасения присоединился к нему. А если он немедленно не подчинится, если он не выдвинет на первый план вопроса, поднятого Филиппо, то Филиппо изобличит его как сообщника дезорганизаторов, заговорщиков, изменников. Это был момент, когда эбертизм подготавливал нападение. Но какое дело до этого Филиппо? Или, вернее, так лучше для Фабра д'Эглантина, ибо поколебать Комитет общественного спасения можно только с помощью неясной коалиции; и к тому же гораздо хитрее и забавнее опутать Робеспьера сетью противоречивых интриг, в которых он не сможет разобратся.

Политический игрок, каким был Фабр д'Эглантин, в этот момент играл на понижение влияния Комитета общественного спасения, и этого политического понижения надо добиваться (как делают это все биржевые дельцы, играющие на понижение) всеми средствами.

АТАКА НА КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

(25 СЕНТЯБРЯ 1793 г.)

25 сентября игра началась, и в Конвенте был дан бой⁷. Против Комитета общественного спасения объединились те, кто его упрекал в слабости, и те, кто его упрекал в крайностях. Против

3. Заседание Конвента 6 сентября 1793 г. («Moniteur», XVII, 596.)

4. О Фабре д'Эглантине (1755—1794) см.: L. J a s o b . Fabre d'Églantine, chef des «fripons». Paris, 1946. См. ниже, «Скандал с Индийской компанией».

5. Разоблачения Филиппо не прекращались в течение всего лета 1793 г.

6. Actes du Comité de salut public, t. VII, p. 182.

7. 24 сентября Бушот объявил о смещении Ушара, командовавшего Северной армией, и это послужило сигналом к атаке против Комитета общественного спасения; она возобновилась 25 сентября. («Moniteur», XVII, 741, 744, 747.)

него были крайние монтаньяры, которым пытались внушить страх перед его диктатурой. Против него были склоненные к интригам, гибкие дантониисты. Против него были также и представители в миссиях, те, которых он отозвал, и те, кто были недовольны своей ролью, жаловались на неблагодарность Революции, не признававшей их заслуг, и старались взять у власти реванш.

Бриез, которому пришлось сдать Валансьенн⁸, Мерлен из Тионвиля, который, несмотря на свой героизм, не смог спасти Майнца и все еще полностью не восстановил к себе доверия, утраченного из-за поражения⁹, — все жаловались на недостаточность оказанной им поддержки и изливали свою горечь. Другие находили, что Комитет недостаточно очистил штабы. Третьи упрекали его в том, что он покарал Ушара после одержанной им победы под Ондскотом¹⁰. Многие негодовали, или делали вид, что негодуют, на то, что представители, находившиеся в пути, были на какое-то время задержаны революционными властями, ссылавшимися на строгое распоряжение Комитета общественного спасения, предписывавшее проверять всех курьеров. Превышение власти, тирания, неспособность — вот итог всех обвинений, это была безнравственная и ожесточенная коалиция противоречивых политических направлений; это был один из тех прискорбных маневров, множество примеров которых нам явил парламентарный строй, но который — при чрезвычайной серьезности грозивших государству опасностей — был на этот раз поистине преступным.

Фабр д'Эглантин, чтобы полностью иметь время затянуть узел и перепутать нити, хотел, чтобы обсуждение было продолжено на следующий день. Комитет уже шел ко дну, когда Робеспьер, неистовый, страшный в роли обвинителя, добился перелома в настроении Конвента и спас Революционное правительство¹¹.

Но дантониисты вдруг начали проявлять крайнее нетерпение, требуя милосердия и человечности¹². Довольно подозрительных, довольно пролития крови; пусть великий комитет милосердия мало-помалу поглотит все остальные комитеты! Да, но, следовательно, Революция закончилась? Возможно ли сразу охладить революционный пыл, не заморозив Революции? При слове «милосердие», которое казалось отказом от гнева и энергии, спасших свободу и Францию, надежды контрреволюционеров оживают. Патриоты уже начинают тревожиться и спрашивать себя, не их ли вскоре предадут, не покарают ли их за рвение, к которому их еще вчера побуждали. И вот Робеспьер, который может избавить Революцию от эбертизма только при условии, если удастся сохранить революционную энергию и доверие патриотов, вдруг оказывается обойденным, скомпрометированным, парализованным уловками дантониистов, казалось оставивших ему только одну альтернативу — дикое насилие или контрреволюционный

модерантизм. Никогда не было более пагубного непонимания или более преступного маневра, и велика ответственность Дантона, все это допустившего. Он молчал 25 сентября; он молчит и в декабре¹³. Он предоставляет действовать Камиллю Демулену, равно как и Фабру д'Эглантину. Ибо неблагоразумный Камилль Демулен, этот легкомысленный памфлетист, внезапно начинает злоупотреблять умеренностью и милосердием, как прежде злоупотреблял насилием и клеветой¹⁴.

О, насильственная, кровавая Революция, несомненно, не могла быть нормальным порядком. Эти гильотины, постоянно

8. Бриез (1759—1795) — адвокат в парламенте Фландрии, прокурор-синдик дистрикта Валансьенн, депутат Конвента от департамента Нор, был командирован в Северную армию на основании декрета от 4 апреля 1793 г., находился в Валансьенне во время капитуляции этой крепости 28 июля 1793 г.

9. Мерлен из Тионвиля Антуан Кристоф (1762—1833) — адвокат парламента Меца, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Мозель, был направлен с миссией в Рейнскую армию, находился в Майнце во время ее капитуляции 24 июля 1793 г.

10. Об аресте и об осуждении Ушара см. выше, с 271, прим. 56.

11. «Moniteur», XVII, 747, 755; М. Robespierre. Œuvres, t. X, Discours, 5^e partie, p. 116 «Тот, кто пытается унижить, разединить, парализовать работу Конвента, сидит ли он в нем или нет, является врагом отечества» [См.: М. Робеспьер. Избранные произведений, т. III, с 49. — *Ред.*]

12. Кампания дантониистов за снисходительность началась с этого важного заседания Конвента (25 сентября 1793 г.). Тюрю, 20 сентября заявивший о своем выходе из Комитета общественного спасения, резко выступил против политики правительства. «Теперь стараются внушить по всей Республике, что она не сможет существовать, если на

все должности не будут назначены кровавые люди». И он заключает: «Надо остановить этот буйный поток, влекущий нас к варварству». («Moniteur», XVII, 744, 747.)

13. В действительности Дантон не молчал. Он начал наступление «снисходительных» 2 фримера II г. (22 ноября 1793 г.). обвинив Конвент в «травле» верующих и потребовав от него «щадить кровь людей». 11 фримера (1 декабря) он дал понять санкюлотам, что их роль закончена: «Напоминая, что если ниспровергают с помощью пик, то возвести и укрепить общественное здание можно только с помощью компаса разума и знаний». («Moniteur», XVIII, 493, 567.) Первый номер «Vieux Cordelier» («Старого кордельера») появился 15 фримера (5 декабря 1793 г.).

14. Первый номер «Старого кордельера» (15 фримера II г. — 5 декабря 1793 г.) начинается знаменитой фразой: «О, Пиг! Я преклоняюсь перед твоим гением! По мнению Демулена, все решительные патриоты — агенты Пигга. Второй номер (от 20 фримера — 10 декабря) содержал резкие нападки на Клоотса, ответственного за движение дехристианизации, но к нему он присовокупил еще Шометта. См.: С. Desmoulins. La Vieux Cordelier. Edition complète et critique d'après les notes d'A. Mathiez, avec une introduction et des commentaires par H. Calvet. Paris, 1936.

действовавшие на площадях городов, были жестоки и унижительны. Несомненно также, что в революционном движении низменные и презренные страсти, потребность в гнусном господстве, вкус к убийству, демагогический и постыдный деспотизм примешивались к самым благородным страстям, к самому великодушному энтузиазму, к самому смелому разуму и к самому священному духу жертвенности. Да, Франция не смогла бы вечно жить в условиях Действия закона о подозрительных, под страхом передвижных гильотин, домашних обысков, свидетельств о гражданской благонадежности. Да, триумфом Революции было бы именно умиротворить Революцию, возратить лихорадочной, изматывающей жизни людей ее нормальный ритм в условиях упорядоченной демократии и широкой свободы.

«СТАРЫЙ КОРДЕЛЬЕР»

Да, Демулену было легко в № 3 своего «Вье корделье» («Старого кордельера») изобличать все злоупотребления стяжавшую дурную славу революционных доносов¹⁵. Но было ли возможно, не совершая измены, было ли позволительно этим сынам Революции в трагический час, когда ей угрожал весь мир, изображать ее в мрачных красках в духе деспотизма императора Тиберия?¹⁶

«Контрреволюционное преступление Либона Друза состоит в том, что он спросил гадалщиков, не разбогатеет ли он со временем. Контрреволюционное преступление писателя Кремушля Корда — в том, что он назвал Брута и Кассия последними римлянами. Контрреволюционное преступление одного из потомков Кассия — в том, что он хранил у себя изображение своего прадеда. Контрреволюционное преступление Мамерка Скавра — в том, что он сочинил трагедию, где были стихи, которые можно было истолковать двояко... Контрреволюционное преступление — пойти в гардеробную, не опорожнив своих карманов и оставив в жилете жетон с царским изображением, что говорит об отсутствии уважения к священному лику тирана. Контрреволюционное преступление — жаловаться на плохие времена, так как это означает осуждать правительство. Контрреволюционное преступление — не взывать к божественному гению Калигулы. Надо было выражать радость по случаю смерти своего друга, своего родственника, если человек не хотел сам погибнуть. Во времена Нерона многие люди, чьих близких он осудил на смерть, отправлялись возблагодарить за это богов: они зажигали огонь. По меньшей мере надо было иметь довольный вид, открытое и спокойное лицо. Люди страшлись, что им могли поставить в вину самый страх... Все возбуждало подозрительность тирана. Был ли гражданин популярен, — он является соперником государя, спо-

собным вызвать междоусобную войну. Он подозрителен. Если он, наоборот, избегал популярности и оставался у своего очага, то эта уединенная жизнь привлекала к себе внимание и внушала уважение. Он подозрителен. Если вы богаты, то существует неминуемая опасность, как бы вы не подкупили народ своей щедростью. Вы подозрительны. Если вы были бедны, непобедимому императору надо пристально следить за этим человеком. Ибо самый предприимчивый — тот, у кого ничего нет. Подозрительный. Если у вас мрачный, меланхолический характер или если вы небрежно одеты, то, значит, вас огорчает то, что государственные дела идут хорошо. Подозрительный... Если гражданин добродетелен и строг в своих правах, прекрасно, значит, новоявленный Брут, с его бледностью и париком якобинца, претендует на то, чтобы быть судьей любезному и хорошо причесанному двору. Подозрительный»¹⁷.

Да, Демулену легко было так говорить, особенно забывая при этом, что революционная Франция боролась не за тиранию одного человека, но за свободу для всех, забывая, что в течение четырех лет ее окружали, терзали бесконечные измены: измена короля; измена Дюмурье; измена дворян, бежавших за границу, чтобы увеличивать армии вторжения и готовить злоешие избиения; жугкая измена Тулона, предавшегося англичанам. Разве ему было запрещено защищаться? И могли ли революционеры вменить Революции в преступление то, что она следила за беспрестанными маневрами врага, который действительно составлял заговоры, плел интриги, подкупал, выпускал множество фальшивых ассигнатов и распространял множество ложных слухов с целью погубить и довести до безумия свободную Францию? Нож Демулена был отточен с несравненным искусством, но он вонзил его в сердце Революции. Ему было также нетрудно расторгать сердца картиной умиротворенной, человеческой и благородной свободы.

«По какому признаку хотят, чтобы я узнал эту божественную свободу?»¹⁸ Не окажется ли эта свобода лишь пустым звуком? Может быть, это актриса из Оперы, Кандей или Майяр, прогу-

15. Третий номер «Старого кордельера» вышел 25 фримера (15 декабря); он ставил под сомнение всю систему террора и само Революционное правительство.

16. Демулен косвенно совершает плагиат у Тацита. Он действительно следует тексту Томаса Гордона (1784—1750), английского поэта-историка, автора «Discours sur Tacite» (1728), переведенных на французский язык в

1742 г. и вновь во II г. См.: Desmoulins plagiaire.—«Le Vieux Cordelier», édition A. Mathiez—H. Calvet, p. 90.

17. Во всем этом отрывке Жорес исключил латинские цитаты из Тацита, которые Демулен поместил перед словом «Подозрительный». Ibid., p. 72—75.

18. Четвертый номер «Старого кордельера», Ibid., p. 115.

ливающаяся в красном колпаке, или же статуя вышиной в 46 футов, которую предлагает Давид?¹⁹ Если вы понимаете, подобно мне, под свободой принципы, а не только кусок камня, то еще никогда не было более глупого и столь дорогостоящего идолопоклонства, чем ваше.

О, мои дорогие сограждане! Будем ли мы унижены до такой степени, что повергнемся ниц перед такими божествами? Нет, свобода, свобода, сошедшая с небес, — это не оперная нимфа, не красный колпак, не грязная рубашка или лохмотья; свобода — это счастье, это разум, равенство, справедливость, это Декларация прав, это ваша возвышенная Конституция. Хотите вы, чтобы я признал ее, чтобы я упал к ее стопам, чтобы я пролил за нее всю свою кровь? Откройте тюрьмы тем 200 тыс. граждан, которых вы называете подозрительными²⁰. Ибо в Декларации прав не говорится о доме подозрения, говорится только об арестном доме. Для подозрения существуют не тюрьмы, а общественный обвинитель; подозрительных людей нет; а есть только уличенные в проступках, определенных законом. И не думайте, что эта мера была бы пагубна для Республики; это была бы самая революционная из всех мер, какие вы когда-либо проводили. Вы хотели истребить всех своих врагов посредством гильотины? Но существовало ли когда-либо большее безумие? Можете ли вы казнить на эшафоте хотя бы одного из них, не сделав своими врагами его семью и его друзей? Считаете ли вы, что эти женщины, эти старики, эти дряхлые люди, эти эгоисты, эти плетущиеся в хвосте Революции люди, которых вы сажаете за решетку, действительно опасны? Из числа ваших врагов среди вас остались только трусы и больные; дерзкие и сильные эмигрировали; они погибли в Лигне или в Вандее; остальные не заслуживают вашего гнева».

О, да! Но Демулен лишь прибавлял к пыткам Революции новые муки: для человека, пересекающего объятую огнем пустыню, мучительно думать об источнике свежей воды; тоска человека, попавшего в шторм, усиливается, когда среди ужасов и крушений он устремляется душой к далекому родному дому. Революция требует от человека самой страшной жертвы: не только пожертвовать своим покоем, своей жизнью, но и пожертвовать простой человеческой нежностью и состраданием. Быть может, в этой трагической борьбе Революции против всего мира человеческое сердце подверглось сверхчеловеческому испытанию. Сердце Дантона дрогнуло, сердце Демулена разбилось. Но какое заблуждение и какое несчастье! Единственным средством действительно достичь эры милосердия и вернуться к нормальной человеческой жизни было придать Революционному правительству престиж и силу. Оно могло смягчить Революцию, только спасая ее. Оно не могло вернуть ей внутренний мир, не дав ей мира со всей все-

ленной. И Революция могла продиктовать условия этого мира только силой своего порыва, мощью своих действий.

Именно Робеспьер действительно старался сделать Революцию более гуманной, когда без сентиментальной декламации придавал революционной силе то единство, ту быстроту, которые подготовляли умиротворение посредством победы. Не только режим революционных трибуналов, не только закон о подозрительных совершали насилие над человеческой природой. Было ненормальным и то, что 1400 тыс. мужчин находились на границах и во многих городах, во многих деревнях остались одни только женщины и дети, чтобы заниматься ремеслом и пахать землю. Было ненормальным и то, что в обществе, основанном на частной собственности и на конкуренции, режим регламентации и реквизиций поставил всех торговцев и все товары, всех производителей и все продукты под революционный контроль, под угрозу страшной кары по закону о скупщиках, подчинил их максимуму. И почему Демулен так разлагает на части огромный кризис? Почему хочет он вдруг разоружить Революцию, лишив ее силы, внутри страны, когда он не может ни разоружить четырнадцать революционных армий, ни лишить силы законы о продовольствии? И то же успокоение мира, расцвет свободы, человечности, во всяком случае, явится результатом победы Революции. А была ли обеспечена эта победа в декабре 1793 г., когда Камиль Демулен с таким жаром заговорил о милосердии?

И в какой момент Демулен на это решается? Именно тогда, когда его действия могли более всего затруднить и стеснить Робеспьера в той гуманной борьбе, которую он начал против крайностей эбертизма и притязаний Коммуны.

29 ноября Робеспьер предложил, чтобы якобинцы приступили к общей чистке своего Комитета и самого Общества якобинцев²¹. Он хотел устранить некоторых эбертистов, которые, перейдя из Клуба кордельеров, заполнили Якобинский клуб.

Попытка была смелой, так как Общество якобинцев не было закрытым обществом; оно было открытым для всех течений Революции, и проникновение туда эбертистов было глубоким. Как раз в тот день, когда Робеспьер внес свое предложение, в Якобинском клубе председательствовал Анахарсис Клоотс, кото-

19. Намек на празднество Разума, устроенное в собрании Папийский богоматери 20 брессера II г. (10 ноября 1793 г.) Коммуной. Давид предлагал изгнать из Новом месту статую Французского народа из слепых идолов тирании и суеверий. «Moniteur», XVIII. 455.)

20. Установить численность подозрительных трудно. А. Матьез подсчитал ее до 90 тыс. человек, находившихся в заключении до падения Робеспьера. («Annales historiques de la Révolution française», 1929, p. 75.)

21. «Moniteur», XVIII, 571; A. Aulard. Op. cit., p. 539.

рого Робеспьер и хотел исключить²². 3 декабря Робеспьер солидаризуется с Дангоном²³. 4 декабря Конвент принимает закон, организующий революционную власть и обеспечивающий Комитету общественного спасения главенство над Коммуной и эбертизмом²⁴. И в тот момент, когда Робеспьеру нужно, чтобы преследуемый им эбертизм не был спасен ничьим вмешательством; в тот момент, когда он протянул руку дантонистам; в тот момент, когда он наделяет революционную власть законной силой, которая ей поможет постепенно раздавить кровожадные и бесчеловечные группировки, именно в этот момент Демулен, под предлогом человечности, дает Эберу превосходную возможность перейти в наступление, компрометирует Робеспьера, накануне солидаризировавшегося с Дантоном, придавая политике дантонистов оттенок модерангизма и контрреволюции, и нейтрализует действие великого закона от 4 декабря.

Этот неожиданный маневр внес такое расстройство в ход Революции, он так хорошо послужил интересам роялистов и интересам неистовых, т.е. вдвойне роялистов, поскольку излишек ярости должен был в конечном счете привести к роялизму, что современники спрашивали себя, не было ли у Дантона своего рода тайного соглашения с монархией. Гипотеза эта, конечно, ложна. Но огромное несчастье и ошибка Дантона в тот момент состояли в том, что никто не знал, какова его политика, какова цель, к которой он стремится. Путь Робеспьера в этот момент решителен и ясен. Он, по-видимому, хотел, не прибегая к насилию, постепенно оттеснить и устранить эбертистов, образовать вместе с примирившимися с ним дангонистами большую революционную партию, одновременно сильную и легальную, которая бы лишила уверенности враждебные силы и сделала возможным, без опасности для самых ярых патриотов, осуществление конституции и мирные переговоры. Напротив, если судить по легкомыслию, с каким дантонисты в декабре объявили войну Эберу, причем с помощью таких методов, которые неизбежно оттолкнули от них Робеспьера, то они действительно могли полагаться на обманувшихся роялистов, на тех, которые якобы согласились на возвращение к Конституции 1791 г.²⁵

Отсюда уже было недалеко до предположений, что Дантон не отвергал реставрации монархии, в результате которой на троне оказался бы либо герцог Орлеанский, либо молодой Людовик XVII, воспитанный вдали от родных и окруженный Советом регентства, который дал бы гарантии революционной нации. Интригами Фабра д'Эглантина, памфлетами Камиля Демулена, громкими разоблачениями Филиппа дантонисты в точности повторяли игру Жиронды. Возобновлялась тактика роялистских газет. И так же, как жирондисты сами поставили себя в безвыходное положение, когда единственным возможным для них союзом стал союз с роялистами, так же, как те из них, кто был республикан-

цем, содрогались от ужаса на краю разверзшейся перед ними пропасти монархической контрреволюции, точно так же и Дантон, несомненно, сам предал бы себя анафеме в день, когда понял бы, что, отдаляясь от Робеспьера, перешел под сень Тампля.

Не безразлично, что два столь замечательных, столь осведомленных наблюдателя, как Малле дю Пан и Гавернер Моррис, пришли к заключению, что политика Дантона имела роялистскую подоплеку. Они ошибались, но даже заблуждение их представляется серьезным.

Малле дю Пан говорит (и мы увидим, насколько его замечания натянуты и часто неточны): «С конца ноября Робеспьер, чтобы противостоять эбертистам [партии Коммуны], объединяется с Дантоном, своим смертельным врагом, но находившимся, как и он сам, под угрозой; Дантон мог упрекнуть себя в продажности, в получении сумм из фондов гражданского листа, в скандально приобретенном состоянии, в сговоре с Тамплем и в противодействии процессу королевски»²⁶.

Состояние Дантона не было скандальным; он получил от королевского казначейства в 1790 г. только вознаграждение по должности (быть может, несколько благожелательно установленное королевскими министрами, действительно старавшимися задобрить «демагога») ²⁷. Но я обращаю внимание на впечатление Малле дю Пана насчет существования тайного сговора между Дантоном и Тамплем. Позднее, работая над историей «умеренных», Малле дю Пан говорил:

«Оттесненные на второй план превосходством Робеспьера и его коадьюторов, они собрались под знаменами Дантона; они разделяли его опасения, участвовали в его планах и едва не разделили его судьбу. Испугавшись Революционного трибунала, возвышению которого они способствовали, они, подобно своему главе, дали погибнуть королеве Франции и Мадам Елизавете, желая их спасти»²⁸.

22. Анахарсис Клоотс был председателем Якобинского клуба с 11 по 30 ноября 1793 г. Он был исключен из него 12 декабря по предложению Робеспьера. См. ниже, с. 339, прим. 33.

23. A. Aulard. Op. cit., p. 543.

24. Декрет от 14 фримера II г. См. выше, с. 323, прим. 20.

25. См. в этом смысле «L'accueil fait au n° IV», — «Le Vieux Cordelier», édition A. Mathiez — H. Calvet, p. 127.

26. Mallet du Pan. Mémoires et Correspondance, t. II, p. 63.

27. В то время, когда писал Жорес,

А. Матьез еще не предпринимал своих тщательных исследований насчет состояния Дантона. Вопрос подытожил Ж. Лефевр: G. Lefebvre. Sur Danton. — Idem. Etudes sur la Révolution française, 2e édition, 1963, p. 64, «La fortune de Danton», p. 70, «La vénalité».

28. Mallet du Pan. Op. cit., p. 118. Малле дю Пан писал также: «Не приходится сомневаться в том, что Дантон и его партия имеют план покончить с этим, избрать молодого короля и править под его началом» (t. II, p. 498.)

Гавернер Моррис более точен. Он отнюдь не приписывает Дантону плана реставрации монархии. Он думает, что Дантон в конце 1793 г. и в 1794 г. ставил своей целью умерить Революцию, чтобы самому не быть раздавленным под ее обломками. Но он прибавляет, что Дантон не верил в Республику, что он презирал толпу, что он предчувствовал приход Цезаря и предоставлял будущему решить, кто будет этим главой — либо сам Дантон, либо наследник короля. Проследим, как развивалось мнение Гавернера Морриса, по его письмам. 21 января 1794 г. он пишет²⁹:

«Люди, делающие погоду, делятся на три партии. Одну можно назвать дантонистами, партия, с которой связан Робеспьер и которая желает мягкостью или чем-то похожим на законное правительство внушить своего рода привязанность к Революции. Они боятся, как бы столь часто обманываемый народ не попытался наконец в единодушном усилии, усилии, порожденном не заговором, но всеобщим отвращением, какое внушает тирания, ниспровергнуть (каким бы непредсказуемым ни был режим, долженствующий прийти на смену) здание, которое эти люди поддерживают ценой кровопролития и под обломками которого они были бы раздавлены при его падении».

И Дантон, желая укрепить кое-какие результаты Революции, готов якобы пойти на компромисс с королевской властью. Вот что Моррис писал год назад, в декабре 1792 г.³⁰:

«Вскоре после 10 августа я получил сведения, которым вы можете доверять и согласно которым план Дантона состоял в том, чтобы, добившись отречения короля, самому быть назначенным главой Регентского совета, составленного из его креатур, на время несовершеннолетия дофина; эта мысль никогда не была оставлена полностью».

И Моррис повторяет в 1794 г., что план Дантона, в том виде, как он его изложил, все тот же. Такой же, каким он его описывает 15 апреля 1794 г. (через несколько дней после смерти Дантона)³¹:

«Дантон всегда полагал (и это было для него величайшее несчастье), всегда утверждал, что система народного правления во Франции абсурдна; что толпа чересчур невежественна, чересчур непостоянна, чересчур развращена, чтобы создать администрацию, основанную на законности; что толпе, привыкшей повиноваться, нужен повелитель и что, если даже предположить, что народ будет воспитан на принципах свободы и присоединит к силе чувства силу привычки, все же, как и в Древнем Риме, он однажды придет к тому, что Катон станет безумцем, а Цезарь — неизбежным злом. Поведение Дантона соответствовало его принципам; но он был чересчур сластолюбив для своего честолубия и чересчур ленив для завоевания высшей власти».

Нет, Дантон так не отчаивался в демократии и свободе, и Моррис, отныне убежденный в том, что Франция быстро шла к

деспотизму, охотно предполагал у деятелей Революции мысли, которыми был полон сам. Он с трудом допускает, что Робеспьер был предан Республике: «Я полагаю, что укрепление Республики, если все хорошо взвесить, было тем, что подошло бы ему лучше всего».

Дантон не занимался раздуванием огня в горниле и не прибавлял туда руды только для того, чтобы помочь кипению металла и предоставить судьбе переплавить статую монархии. Я представляю себе, что у него не было последовательной, связной системы, что он не хотел заранее облечь в некую формулу неведомую силу событий, но что у него, несмотря на приступы усталости и отвращения, еще было достаточно веры в себя и в людей, чтобы надеяться на успехи свободы. Но тем не менее внушало беспокойство то, что логика политики дантонистов, политики умеренности, опасной и доведенной до крайности, невольно приводила их к союзу с монархией. И двусмысленное поведение Дантона, покрывающего своим молчанием или по-братски и снисходительно журающего Фабра д'Эглантина, Филиппо и Демулена, подвергала всяческим опасностям Революцию, которую Робеспьер с героическим упорством хотел спасти одновременно и от демагогии, и от контрреволюции³².

он и

Робеспьер был крайне раздражен и уязвлен. Сразу после появления памфлетов Камилля Общество якобинцев становится ареной борьбы. Эбер, в ноябре подавленный мощным и мудрым наступлением Робеспьера, снова приободрился. И чистка продолжалась, подобно сражению, где победа оказывается то на одной, то на другой стороне. 12 декабря Робеспьеру удастся вывести Клоотса; Робеспьер был страшен. Он обвинил Клоотса в том, что тот замышляет вести бесконечную войну³³.

29. *Mémorial de Gouverneur Morris... suivi d'extraits de sa correspondance et de ses papiers...* (Перевод с английского, с комментариями А. Гандэ.) Paris, 1840, 2 vol. t. II, p. 378, письмо Томасу Джефферсону от 21 января 1794 г.

30. *Ibid.*, t. II, p. 241, письмо Т. Джефферсону от 21 декабря 1792 г.

31. *Ibid.*, t. II, p. 407, письмо Э. Рендольфу, государственному секретарю.

32. Жорес не придает значения важному свидетельству Гара. Этот друг Дантона сообщает, что он хотел вести переговоры о мире,

упразднить максимум, даровать всеобщую амнистию и возвратить эмигрантов. См. также мемуары Теодора Ламета, показания Талона перед судом Консульта, переписку Майлза, воспоминания Куртуа и др. [*Приложение А. Матьеза.*]

33. «*Journal de la Montagne*», 26 frimaire an II; «*Moniteur*», XVIII, 666; A. Aulard. *Op. cit.*, p. 555; M. Robespierre. *Oeuvres*. t. X, Discours, 5^e partie, p. 247. Клоотс выразил свой протест в брошюре «Призыв к человеческому роду» («*Appel au genre humain*»).

Робеспьер дошел до оскорблений, до возбуждения против Клоотса шовинистического недоверия и зависти. Чего хочет этот прусский барон? И может ли быть санюлотом этот человек со своими 100 тыс. ливров ренты? Клоотс, захлестнутый этим потоком, не защищался; он вышел из Якобинского клуба похожим на труп, уносимый течением реки.

Эбер трусливо хранил молчание. Демулен же 14 декабря был вынужден оправдываться³⁴. Но 21 числа его вновь настойчиво обвиняет Никола́. Он требует суда над «Вье корделье». Эбер расширяет обвинение: Фабр д'Эглантин тоже должен дать отчет в своих интригах. Общество якобинцев не решается исключить Демулена, прежде всего ввиду услуг, оказанных им Революции, а затем потому, что он был другом юности Робеспьера; казалось, что, нанося ему удар, слегка ударяют и по Робеспьеру³⁵.

Робеспьер сам пытается его спасти. Он заклинает его образумиться и не радовать врагов Революции³⁶. 5 января ссора между Демуленом и Эбером приобретает личный и резкий характер³⁷. Робеспьер соглашается на сожжение номеров «Старого кордельера», но требует, чтобы Общество сохранило в своих рядах Камиля³⁸. «Сжечь — не значит ответить!» — воскликнул этот последний. И он принуждает Робеспьера к разрыву. Гнев и боль Робеспьера были тем большими, что он хорошо знал, что Демулен уступил дикой фантазии своего воображения и своей чувствительности. Серьезная интрига велась в другом месте; она была в действиях Фабра д'Эглантина. Но Демулен был человеком, действовавшим открыто, он был весь на виду и компрометировал Робеспьера, своего друга. Предприняв своего рода отвлекающий маневр, Робеспьер в тот самый день, когда он еще защищал Камиля, 8 января 1794 г., решительно выступил против Фабра д'Эглантина: «Я требую, чтобы этот человек, которого всегда видишь с лорнетом в руке и который так хорошо умеет инсценировать интриги в театре, объяснился бы здесь»³⁹.

Так углублялась путаница. И из-за неосторожных или роковых действий дантонистов к чему приводила борьба, которую Робеспьер хотел отважно вести в Якобинском клубе против эбертизма? К тому, что Робеспьер должен был присоединиться к Эберу в его обвинениях против Фабра д'Эглантина.

Интриги некоторых дантонистов, неблагоразумие других, равнодушие Дантона, слегка ворчавшего, но все предоставлявшего на волю случая, — все это вынуждало Робеспьера обороняться как раз тогда, когда он решил на героическое наступление против группировки Эбера. Дабы выиграть время и восстановить свой план борьбы, тщетно пытался он предлагать на обсуждение в Якобинском клубе важные вопросы. Клуб уже был только ареной борьбы, где революционеры унижали и терзали друг друга. Сен-Жюст выразил заднюю мысль Робеспьера, когда писал 8 вантоза (26 февраля):

«В последнее время меньше занимались победами Республики, чем некоторыми памфлетами. Общественное мнение отвлекают от самых дельных советов, а французский народ — от его славы, чтобы занять его полемическими раздорами. Так Рим времен своего упадка, Рим выродившийся, забыв о своих доблестях, отправлялся в цирк смотреть на бой с дикими зверями»⁴⁰.

В якобинском цирке дантонизм и эбертизм раздирали друг друга и оба показывали свои клыки Робеспьеру и Комитету общественного спасения.

СКАНДАЛ С ИНДИЙСКОЙ КОМПАНИЕЙ

Трудность положения усугублялась темным делом о спекуляции, подлоге и коррупции, в котором был замешан Шабо и в которое будет вовлечен Фабр д'Эглантин⁴¹. Оно смутно назревало уже в течение двух месяцев, с конца вандемьера. Вспомним, что в июле Делонэ изобличил в злостных действиях Индийскую компанию, которая скрывала от всякого обложения доходы от своих акций, заменяя их простыми передаточными надписями, и под предлогом предстоящей ликвидации продолжала существовать и осуществлять свои операции, несмотря на закон о ее роспуске, и даже увеличила свой капитал⁴². Более того, в своем докладе от 3 августа о спекуляции, который я уже анализировал, Фабр д'Эглантин отметил недопустимые и незаконные действия этой крупной капиталистической компании⁴³.

«На основании закона от 22 августа 1792 г., — сказал он, — финансовые компании обязаны платить налог в размере одной двадцатой своих прибылей. Индийская компания, никогда не считавшаяся с этим законом (например, при переводе скрытых

34. «Journal de la Montagne», 26 frimaire an II; A. Aulard. Op. cit., p. 559.

35. A. Aulard. Op. cit., p. 569. (Олар следует здесь сообщениям «Journal de la Montagne».)

36. Робеспьер выступил в защиту Демулена уже при первых нападках на него, 14 декабря 1793 г. (A. Aulard. Op. cit., p. 560).

37. A. Aulard. Op. cit., p. 590.

38. «Journal de la Montagne». 20 nivôse an II; «Moniteur», XIX, 167, заседание Якобинского клуба 18 нивоза II г. (7 января 1793 г.); A. Aulard. Op. cit., p. 599.

39. «Moniteur», XIX, 184; A. Aulard. Op. cit., p. 603.

40. Доклад о лицах, находящихся в заключении. Saint-Juste. Discours et rapports. Edition A. Soboul, p. 140.

41. Об этом деле см. главным образом: A. Mathiez. Un procès de corruption sous la Terreur. L'affaire de la Compagnie des Indes, Paris, 1920.

42. Делонэ обвинил биржевых спекулянтов 9 июля 1793 г.; 16 июля он потребовал нового обсуждения этого вопроса в Конвенте; кассы финансовых компаний были опечатаны.

43. «Archives parlementaires», LXX, 189.

акций в тайный список трансферта), превращала свои доходы в накопление мнимых капиталов.

Ликвидация тоже была мнимой; доказательство тому — что компания теперь вдвое богаче, чем была при начале этой мнимой ликвидации».

Два эти последовавшие один за другим удара, нанесенные Делонэ и Фабром д'Эглантин, привлекли внимание Конвента, и 17 вандемьера (8 октября) он декретировал, что компания должна быть распущена под контролем и при участии правительства⁴⁴. Это был смертельный удар. Делонэ, который изобличил компанию, воспротивился решительной мере, которая обеспечивала исполнение закона. Почему? Представляется вполне доказанным, что он был лишь гнусным биржевым спекулянтом. Он подверг Индийскую компанию нападкам, либо чтобы добиться падения ее акций, а затем спекулировать, играя на повышение, либо, скорее, в целях шантажа компании. Усмотрев в нем опасного противника, она купила его. Он стал ее человеком и начал цинично играть эту роль, стараясь ослабить перед Конвентом эффект нанесенных им самим ударов.

Напротив, Фабр д'Эглантин, верный себе, 17 вандемьера решительно отстаивал перед Конвентом строгие меры, которые в известной степени сделала необходимыми его речь 3 августа. Да, но оказалось, что текст декрета, направленный по обыкновению Конвента на редактирование в Комитет финансов, фальсифицирован. В частности (я упоминаю только о самой серьезной фальсификации), упоминание о ликвидации, осуществляемой государством, исчезло, и компания сохраняла за собой право самой произвести свою ликвидацию⁴⁵. Подлог совершили Делонэ и Жюльен из Тулузы; они привлекли к этой операции гнусного, подлого и алчного Шабо, замешанного в финансовых аферах с тех пор, как он стал посещать австрийских банкиров Фреев, на сестре которых недавно (5 октября) женился, получив в приданое 200 тыс. франков. Шабо согласился подкупить Фабра д'Эглантина, который был секретарем. Совершившие подлог нуждались либо в его активном участии, либо по меньшей мере в его благосклонном молчании, чтобы фальсифицированный декрет прошел гладко.

Шабо, участвовавший таким образом в преступлении, не осмелился пойти до конца. Ему мерещился силуэт эшафота, и, охваченный ужасом, он явился к Робеспьеру, но не с искренним раскаянием, а с хорошо разработанной версией, спасавшей его. По его словам, он сделал вид, что внимательно слушает лиц, предлагавших ему коррупцию, дабы раскрыть подлый заговор, посредством которого иностранцы льстили себя надеждой подкупить и опорочить Конвент. Делонэ и Жюльен — злодеи; они вручили ему 100 тыс. франков, чтобы он передал их Фабру д'Эглантину и подкупил его. Но Шабо не хочет рисковать дальше. Он

предупреждает Робеспьера и держит в распоряжении Комитета общественной безопасности 100 тыс. франков, полученные им для подкупа, в котором он для вида согласился участвовать с тем, чтобы разоблачить виновных⁴⁶.

Комитет общественной безопасности нашел более чем подозрительным рассказ Шабо, к которому Робеспьер, по-видимому, отнесся с достаточно простодушным доверием. Шабо был арестован⁴⁷; началось следствие. И что обнаруживает Комитет? Что на подделанном декрете стоит подпись Фабра д'Эглантина. Последний, призванный для объяснений перед Революционным трибуналом, утверждал, что документ был подложным; он подписал правильный текст, а впоследствии авторы подлога, злоупотребив его подписью, прибавили положения, благоприятные для компании. Он это утверждал, и я, вместе с Луи Бланом и Мишле, полагаю, что он это доказал⁴⁸. Революционный трибунал, жаждущий осуждения, конечно, не сделал того, что он должен был сделать, чтобы разрешить загадку. Но, по моему мнению, Луи Блан и Мишле недостаточно ясно сказали, что если Фабр д'Эглантин и был скомпрометирован коварным маневром двух фальсификаторов, то его также погубили его страсть к интригам, вечная двусмысленность и вечные уловки его игры.

Остается объяснить, как два фальсификатора могли рассчитывать на Фабра настолько, чтобы так распорядиться его подписью. Несомненно, поручительства Шабо за Фабра д'Эглантина было недостаточно: ибо какой вес могло иметь в этом вопросе слово Шабо? К тому же как сам Шабо мог рассчитывать на согласие Фабра? Очевидно, когда Делонэ и Жюльен вручили Шабо 100 тыс. франков для передачи Фабру, они намеревались не соблазнить Фабра, а вознаградить его за уже оказанную им услугу, за то, что он дал им свою подпись. Опять-таки, как могли они дойти до такого представления о Фабре д'Эглантине? Вне всякого сомнения, Делонэ вообразил, что Фабр, выступая против Индийской компании, вел ту же корыстную игру, что и он сам, и что единственное различие между ними состояло в том, что Фабр вел эту игру более продолжительное время. Возможно, несколько странный поворот доклада Фабра д'Эглантина о спекуляции навел

44. См.: A. Mathiez. Op. cit., p. 61 (прения и декрет от 8 октября 1793 г.).

45. См.: A. Mathiez. Op. cit., chap. IV, p. 57—74, «Le faux décret de liquidation».

46. См.: A. Mathiez. Op. cit., chap. V, p. 75—108, «Les dénonciations de Chabot et de Basire». Шабо виделся с Робеспьером 13 ноября 1793 г.

47. Шабо и Базир были арестованы 27 брюмера II г. (17 ноября 1793 г.).

48. Не таково мнение Матьеза, справедливо утверждающего, что Фабр д'Эглантин был виновен. См.: Michélet. Histoire de la Révolution française, livre XV, chap. IV, «Preuves de l'Innocence de Fabre d'Eglantine». Edition G. Walter, p. 862.

Делонэ на мысль, что и сам Фабр искал случая поживиться. Действительно, было довольно странно посвятить целый доклад вопросу о курсе ассигнатов, чтобы в конце концов прийти к предложению относительно Индийской компании, к тому же предложение это было облечено в форму таинственной отсрочки, казалось рассчитанной на то, чтобы прикрыть спекулятивные махинации. И действительно, в конце своего доклада Фабр д'Эглантин говорит, что он не укажет немедленно мер, которые он намерен предложить, так как обсуждение их в комитетах может затянуться, и в этот промежуток времени спекулянты могли бы действовать на бирже.

Да, но зачем тогда объявлять о мерах, имеющих своей целью нанести удар Индийской компании, прежде чем иметь возможность определить эти меры? Те, кто действительно хотел сыграть на понижение, вызывая тревогу среди держателей акций самой неопределенностью угрозы, поступили бы именно так, и Делонэ мог думать, что Фабр д'Эглантин действовал в том же духе, что и он. К тому же в самих объяснениях Фабра д'Эглантина есть достаточно темный и вызывающий беспокойство пункт. Он сказал, что Шабо сначала показал ему проект декрета.

«Шабо позвал меня и повел в зал Свободы (в Конвенте), и там он сказал мне: «Вот новый проект декрета, справедливо названный только проектом; его составил Делонэ; мне поручено сообщить его тебе и предложить тебе исправить его, если ты найдешь его неудачным, дабы избежать споров». Я читаю этот проект и вскоре замечаю, что на основании этой редакции администраторы Индийской компании могли бы снова вцепиться в свою добычу и отстранить от нее правительство. Поэтому я тотчас же внес необходимые исправления, чтобы отразить мое мнение о проекте, всегда сводившееся к тому, что администраторы не должны уклоняться от руки правительства, и подписал этот проект карандашом, парафируя каждое исправление, и в таком виде отослал все Делонэ и своим коллегам»⁴⁹.

Это поистине странно. Не останавливаясь на замечании, которое вскоре сделает Камбон, вызванный в Революционный трибунал как свидетель: подписывать проект декрета, бывший делом коллективным, поскольку он являлся результатом голосования в Конвенте, противоречило принятой практике. Но в поведении Фабра д'Эглантина есть какая-то беспечность. Он хорошо знает, что ни Шабо, ни Делонэ не могут ошибиться. Он знает, в частности, что Делонэ пытался спасти Индийскую компанию, что он выступил против поправки, предложенной им, Фабром, и принятой Конвентом. И когда затем тот же Делонэ берется переписать начисто решение, помешать которому он всегда старался, Фабр не удивляется! Фабр не негодует! Больше того, у Делонэ хватает наглости предложить Фабру подписать текст, противоречащий поправке, принятой по предложению Фабра, и Фабр не возмущает-

ся! Фабр не кричит тотчас же Комитету: «Вы поручили работу по редактированию прохвостам!» Нет, он философски ограничивается несколькими исправлениями карандашом⁵⁰, а затем дает свою подпись ворам, которых он сам захватил с поличным на месте преступления. Это — странная беспечность, которую Делонэ, несомненно, истолковал как осторожное соучастие и которая прида-ла ему смелости для наглого поступка — подлога самого декрета.

Когда Дантон узнал 13 января, из доклада Амара в Конвенте, об аресте своего друга Фабра д'Эглантина⁵¹, он прежде всего потребовал, чтобы Фабра допустили к барьеру Конвента для объяснений. Бийо-Варенн и Вадье резко ответили ему⁵², а Вадье прибавил, что дело Фабра связано с делом Шабо. В этот день Дантон больше не настаивал; но он, несомненно, постарался узнать более точно, в чем состояло обвинение, предъявленное Фабру д'Эглантину. Если у него действительно не было сомнений, если он был убежден в том, что Фабр д'Эглантин оказался жертвой подлой махинации, жертвой преступления, совершенного фальсификатором и использованного политическими врагами, ненавидевшими Фабра, то почему, в силу какого пренебрежения к своим друзьям и к себе самому хранил он молчание в течение двух с половиной месяцев? Почему, рискуя навлечь на себя грозу, не стал он кричать в Якобинском клубе, в Конвенте о своей уверенности в невиновности Фабра, о своем гневе и о своем презрении к негодяям, пытавшимся погубить Фабра путем подлога и клеветы? Он, несомненно, был смущен и с ужасом спрашивал себя, не побудила ли вечного интригана страсть к запутанной интриге пуститься в какую-то низкую авантюру. Или по меньшей мере он не видел возможности объяснить равнодушное отношение Фабра д'Эглантина к преступным махинациям Делонэ, пытавшегося исказить волю Конвента.

49. См. заявление Фабра д'Эглантина, переданное Комитету общественной безопасности 28 брюмера II г. (18 ноября 1793 г.)

50. Незначительные исправления. Я опубликовал все материалы процесса, с факсимиле наиболее важных документов, в своей книге: «L'Affaire de la Compagnie des Indes», и я думаю, что неопровержимо доказал виновность Фабра и его соучастие с Делонэ. [Примечание А. Матьеза.]

51. К этому времени дело о коррупции и финансовый скандал сделались делом партии и правительства. Так как наступление «снисходительных» продолжалось, то Комитет общественной

безопасности вернулся к этому делу, чтобы разоблачить дантонов; Амар возобновил допросы и снял печати с бумаг Делонэ. Обнаруженный в его бумагах проект декрета с карандашными исправлениями Фабра скомпрометировал последнего; он был арестован в ночь с 23 на 24 нивоза II г. (12—13 января 1794 г.). Доклад Амара см. в: «Moniteur», XIX, 207; «Archives parlementaires», LXXXIII, 289.

52. Бийо-Варенн: «Горе тому, кто заседал рядом с Фабром д'Эглантин и кто еще сегодня одурачен им!» («Moniteur», XIX, 210.)

Но как же так! Неужели к подрыву доверия из-за раздоров вскоре присоединится подрыв доверия к Революции из-за коррупции? В момент, когда Революция может спастись, только противопоставив обширному миру тиранов и рабов террор наряду с уважением к себе, неужели нужно, чтобы она сама себя пожирала? Неужели нужно, чтобы она была зажата в тиски между неистовыми, желающими запятнать ее кровью, и коррумпированными сносительными, желающими оставить ее беззащитной перед изменами контрреволюционеров и перед презрением всего мира? Все благие результаты первых огромных и славных усилий Комитета общественного спасения и Конвента, в Лионе, Марселе, Тулоне, в Вандее, Бельгии, на Рейне, все революционное доверие, достигнутое мудростью и мощью правительства, погибнут в луже крови, смешанной с грязью. Смелее! И пусть Революция будет спасена даже ценой самых жестоких решений и самых страшных казней!

АРЕСТ ВЕНСАНА И РОНСЕНА

Именно инициатива Фабра д'Эглантина толкнула Конвент на неосторожный шаг, обостривший кризис и ускоривший его развязку⁵³: 17 декабря Фабр потребовал от Конвента ареста Венсана⁵⁴. Это была ошибка вдвойне: прежде всего потому, что опубликования в виде афиши резкого письма Ронсена о событиях в Лионе — единственный упрек, выдвинутый против него Фабром, — было недостаточно для обоснования обвинения. Придираться к частностям, когда дело шло обо всей системе, было ребячеством. И затем, предоставить руководство борьбой сделало Комитету общественного спасения и Комитету общественной безопасности, которые одни в состоянии были собрать сведения, одни были способны выбрать момент, когда политический акт мог быть совершен с пользой. Но Фабру очень хотелось не столько поразить эбертистов, сколько создать затруднения для Робеспьера.

После ареста Венсана Конвент постановил арестовать Ронсена и Майяра⁵⁵. Эти аресты вызвали среди сторонников эбертистов, уже довольно многочисленных в канцеляриях военного министерства, в Клубе кордельеров и во многих секциях, очень сильное волнение и продолжительную агитацию⁵⁶. Как? Не возобновляется ли роландизм? Не возвращаемся ли мы к эпохе, когда все плакаты патриотов становились объектом доноса, когда все высказывания становились объектом клеветы? И теперь, как во времена Комиссии двенадцати, больше не будет безопасности для лучших борцов Революции? Перед 31 мая удар был нанесен Эберу; теперь удар наносят друзьям Эбера. Народ, допустишь ли ты это? В ответ на эти обвинения и эти аналогии якобинцы неловко молчали. Фабр д'Эглантин, как бы удивленный и испуган-

ный вызванным им потрясением, обратился к Комитету общественной безопасности с письмом, в котором уточнял свою инициативу и ограничивал свою ответственность⁵⁷. Кордельеры ликовали и благодаря промаху интригана-дантониста, казалось, брали на себя руководство движением. Колло д'Эрбуа примчался из Лиона. Нанести удар Венсану за опубликование речей Ронсена о лионцах, речей, какие сам Колло д'Эрбуа повторял не раз, значило угрожать, значило почти нанести удар самому Колло д'Эрбуа. Так Фабр, под предлогом ускорения падения эбертизма, вынуждал Робеспьера либо защищать Колло д'Эрбуа, либо распустить Комитет общественного спасения; в обоих случаях это означало играть на руку эбертистам. Кордельеры постановили, что в тот самый день, когда Колло займет свое место в Конвенте (21 декабря), они принесут туда бюст, прах и голову Шалье. Кто осмелится отречься от мученика, клеветца и заключая в тюрьму людей, пожелавших за него отомстить?⁵⁸ 23 декабря кордельеры огласили в Конвенте петицию, содержащую угрозы. «Мы являемся и останемся кордельерами, которых ничто не сокрушит»⁵⁹.

В этот же вечер Колло выступил в Якобинском клубе с драматической речью. Он прочитал два письма из Лиона: одно от Фуше, извещавшего его о том, что Гайяр, один из друзей Шалье, «покончил с собой от отчаяния, считая, что патриоты покинули его»⁶⁰.

Вот куда ведет модерантизм. Вот результат ареста Ронсена

53. Неосторожный шаг. Так ли? Его следует рассматривать в свете наступления «снисходительных», начавшегося с фримера.

54. «Moniteur», XVIII, 693; «Archives parlementaires», LXXXI, 574. Фабр изобличил Майяра, Венсана, Ронсена. Он особенно ожесточенно набросился на Венсана, генерального секретаря военного министерства, чтобы скомпрометировать министра Бушота, а через него и Комитет общественного спасения.

55. Майяр: речь идет о Станиславе Майяре по прозвищу «Тап Дюр» («Крепкий Кулак»), отличившемся в октябрьские дни.

56. О кампании за освобождение Ронсена и Венсана см.: A. S o b o u l. Les sans-culottes..., p. 337, «Les réactions des Cordeliers»; p. 350. «L'agitation sectionnaire».

57. Письмо Фабра датировано 11 нивоиза (30 января 1794 г.).

Оно имеется в Papiers inédits trouvés chez Robespierre, t. III, p. 366—372. Но когда Фабр писал это полупокаянное письмо, он уже находился в тюрьме. [Примечание А. Матьеа.]

58. 1 нивоиза II г. (21 декабря 1793 г.), при большом стечении народа, шедшего за Колло д'Эрбуа от Бастилии и до Тюильри, и в сопровождении делегации лионских санкюлотов, несших голову и прах Шалье, он явился в Конвент. Кутон предложил поместить прах мученика за свободу в Пантеоне. Колло сделал доклад о своей деятельности в Освобожденной коммуне (Лионе), он оправдывал репрессии и воздавал хвалу Революционной армии ... («Moniteur», XIX, 29; «Archives parlementaires», LXXXII, 94.)

59. «Moniteur», XIX, 34.)

60. A. A u l a r d. Op. cit., p. 573.

и Венсана: насилие над парижскими патриотами — угроза всем революционерам Франции.

«Надо, — воскликнул Колло, — предотвратить новые несчастия. Надо возвратить мужество нашим братьям-якобинцам, находящимся в настоящий момент в Освобожденной коммуне. Я говорил об этом в Комитете общественного спасения; сам Робеспьер взялся написать нашим несчастным братьям; к ним направят чрезвычайного курьера, и я предлагаю, чтобы Общество также послало с ним ободряющее, утешительное письмо и чтобы мы все дали клятву в том, что мы не переживем того из наших братьев, который будет атакован».

«Все члены Общества одновременно встают и дают эту страшную клятву с величайшей решимостью, под повторные аплодисменты трибун».

И вот Якобинский клуб стал филиалом Клуба кордельеров. Робеспьер оказался во власти эбертистов и под обстрелом Колло — какой триумф для Фабра д'Эглантина и как должен был он наслаждаться своими интригами, забавляться их перипетиями! Однако Робеспьер, терпеливый, настойчивый, упорный, не прекращает борьбы и 7 февраля отражает удар, который ему хотел нанести в Якобинском клубе один из агентов кордельеров. Так, Брише предложил, чтобы Общество на другой же день потребовало в Конвенте предания суду последних бриссотинцев и предложило ему очиститься самому, удалив Болото. Последними бриссотинцами были 73 человека, которых спас Робеспьер. Болото — это был Барер, без которого Робеспьер оказался бы во власти либо Фабра д'Эглантина, либо Эбера⁶¹.

«После 31 мая, — воскликнул Робеспьер, — Болота больше не существовало; или же, если вы будете угрожать тем, кого вы называете Болотом, они, желая спастись, заключат союз с группировкой снисходительных и вы укрепите эту группировку, которую вы будто бы хотите уничтожить».

И он добился исключения из Якобинского клуба Сентекса⁶² и Брише, «господина Брише», как желчно сказал Робеспьер. Брише тщетно протестовал против «деспотизма мнения».

Всякий раз, когда Робеспьер предпринимал одно из тех мощных наступлений, которые он подготовлял путем терпеливой и гибкой тактики, якобинцы оказывались вместе с ним. Но неистовство нападков кордельеров удвоилось, и Малле сообщает нам, что на другой день «весь Париж был оклеен поджигательными афишами против Робеспьера, в которых его изобличали как тирана. Ни разу в период своего возвышения Робеспьер не испытал на себе столь сильного публичного шквала, что было признаком падения его авторитета в глазах общественного мнения в конце января»⁶³.

Освобождение Ронсена, Венсана и Майяра, против которых Комитет общественной безопасности, согласно его заявлению,

не нашел оснований для обвинения, не только не умиротворило эбертистов, но еще более возбудило их и разожгло⁶⁴. Они знают или думают, что благодаря отваге восторжествуют. Впрочем, ни Граммон, ни Лапалю, ни многие другие неистовые агенты эбертизма не были освобождены⁶⁵.

61. «Journal de la Montagne», 22 pluviôse an II; «Moniteur», XIX, 443; A. Aulard. Op. cit., p. 643. Брише был помощником начальника канцелярии военного министерства.

62. Сентекс, врач, выразил желание, «прежде чем исключить Брише», получить дополнительную информацию. Робеспьер тотчас изобличил его «как интригана».

63. Mallet du Pan. Op. cit., t. II, p. 66. Предложения Брише, по свидетельству некоторых полицейских наблюдателей, произвели сенсацию в народных обществах. См. A. Soboul. Op.

cit., p. 356 [См.: А. Собоуль. Цит. соч., с. 196. — *Ред.*]

64. Освобождение Майяра, Ронсена и Венсана, предложенное Комитетом общественной безопасности, было без обсуждения принято Конвентом 2 февраля 1794 г. («Moniteur», XIX, 374.) Венсан вышел из тюрьмы с неукротимой жаждой мщения.

65. Граммон — кавалерийский офицер Революционной армии; Лапалю — революционный комиссар. Привлеченные к суду по процессу Шометта, они погибли вместе с ним 24 жерминаля II г. (13 апреля 1794 г.).

РОБЕСПЬЕР ПРОТИВ ГРУППИРОВОК

Когда же прекратится притеснение патриотов? Робеспьер предчувствует борьбу не на жизнь, а на смерть. И он занимает определенную позицию, выступив 5 февраля¹ в Конвенте с речью, направленной одновременно против дантонизма и против эбертизма, против группировки «снисходительных», которые в разгар борьбы требуют защиты общества для врагов отечества и терзают революционеров «своей скорбью отцеубийц», и против «лже революционеров», которые своими разглагольствованиями и своей яростью беспрестанно подрывают полезную работу, организационные и спасительные меры и, предпочитая внешние эффекты, «скорее наденут сотню красных колпаков, чем совершат хотя бы одно доброе дело».

Отныне он решил наносить удары обеим группировкам одновременно; он поднимается на суровую высоту, откуда сможет очистить весь горизонт. Он никогда не сможет поразить демагогов эбертистов, если не успокоит всех патриотов, всех революционеров, отвергнув политику предательского бессилия «снисходительных». И он объявляет войну и тем, и другим. Но скольких жертв, скольких испытаний потребует эта двойная борьба!

Робеспьер остро предчувствует свою страшную роль. Это ему придется сеять смерть направо и налево. Это он должен будет уравнивать работу эшафота; он чувствует, что становится центром тяжести гильотины, и, измученный трудами, борьбой, заботами, болезненно воспринимающий первые посягательства на его популярность и на взятую им на себя ответственность, он чувствует, как его силы слабеют. После усилий, которых ему стоила его речь в Конвенте, он вынужден остановиться и

с 7 февраля и до 13 марта больше не появляется в Якобинском клубе. Не приходит он и в Конвент². Кутон, чье здоровье расстроено, расплачивается в это время за все тяготы осады Лиона; и болезнь Кутона и Робеспьера, по-видимому, на протяжении месяца отдаст якобинцев во власть Колло д'Эрбуа. Но последний быстро утомляет их своей пустой бессильной болтовней. Робеспьер, не выходя из дома Дюпле, следит за событиями. Он знает, что эбертистский заговор вырисовывается и оформляется. Он знает, что нападки на Конвент, на Комитет общественного спасения, на тех, кто, по выражению Моморо, «уже люди выжатые и обескураженные Революцией»³, с каждым днем становятся все более дерзкими. И решающие требования, еще прикрываемые, начинают вырисовываться: очистить Конвент или распустить его, полностью подчинить его Коммуне и военному министерству посредством нового 31 мая или же провести новые выборы, которые на этот раз произойдут под влиянием эбертистских комитетов, которые мобилизуют по всей Франции колонны Революционной армии. Это еще не определившийся заговор, но это слухи, которые распространяются и смысл которых мало-помалу выявляется.

Вот и Каррье, отозванный из Нанта в первой половине февраля⁴, тоже разбушевался. И он, так же как Колло, больше, чем Колло, чувствует, что над ним нависла угроза: он обретет спасение только в случае триумфа эбертизма, и потопления в Нанте приходят на помощь расстрелам в Лионе.

Робеспьер понимает, что для того, чтобы поразить тех, кого Дантон называл ультрареволюционерами, тех, кого сам он называл лжеревolutioneрами, ему необходимо восстановить связь с народными силами⁵; необходимо вновь раскрыть перед народом

1. «Moniteur», XIX, 401; «Archives parlementaires», LXXXIV, p. 330; M. Robespierre. Œuvres, t. X, Discours, 5^e partie, p. 350 [См.: М. Робеспьер. Избранные произведения, т. III, с. 106 и сл. — *Ред.*]

2. Робеспьер выступил в Конвенте еще 10 февраля 1794 г.; снова он выступает только 13 марта в Якобинском клубе и 15 марта — в Конвенте.

3. Заседание Клуба кордельеров 24 плювиоза II г. (12 февраля 1794 г.) ознаменовалось словесными выпадами. Моморо осудил «всех этих людей, выжатых для республиканизма, этих обескураженных Революцией людей; они обзывают нас крайними, так как мы патриоты, а они больше не

хотят ими быть» Эбер «Нужно, чтобы вся эта клика, враждебная равенству, была низвергнута навсегда» («Moniteur», XIX, 475.) Это были простые словесные выпады, но они тревожили правительственные Комитеты.

4. Каррье был отозван 8 февраля 1794 г. См. выше, с 317, прим. 11 и с. 326, прим. 29.

5. Жорес ничего не говорит о серьезных трудностях, которые переживало народное движение в конце зимы 1793/1794 г.: о трудностях социальных (голод, дороговизна, безработица), о трудностях политических (охлаждение народа, наступление умеренных, опека правительства) См.: A. Soboul. *Op. cit.*, p. 681. [См.: А. Соболев. Парижские сан-

великие политические и социальные надежды Революции. Сен-Жюст возвратился из армии для участия в этой новой битве, и его устами Робеспьер оглашает то, что можно назвать революционным манифестом Комитета общественного спасения.

СЕН-ЖЮСТ И ВАНТОЗСКИЕ ДЕКРЕТЫ

В докладе Сен-Жюста 8 вантоза II г. преобладают две идеи. Прежде всего он протестует против ложного милосердия. Это официальный ответ Комитета общественного спасения «Въё корделье» («Старому кордельеру»). Что означает эта внезапная жалость к тем, кто защищает дело безжалостных тиранов?

«Вы хотите Республики; но если вы в то же время не хотите того, что составляет ее основу, то она похоронит народ под своими развалинами; основа Республики — полное разрушение того, что ей противодействует. Сетуют на революционные меры! Но мы — умеренные люди в сравнении со всеми другими правительствами. В 1787 г. Людовик XVI велел перебить 8 тыс. человек, независимо от возраста и пола, на улице Меле и на Новом мосту. Двор повторил это на Марсовом поле. Двор вешал людей в тюрьмах; утопленники, которых вылавливали из Сены, были его жертвами. Было 400 тыс. заключенных; в год вешали по 15 тыс. контрабандистов, нещадно избивали по 3 тыс. человек; в Париже тогда было больше заключенных, чем ныне. Во времена голода против народа посылали полки солдат. Прогуляйтесь по Европе: в Европе 4 млн. заключенных, чьих криков вы не слышите, в то время как ваша умеренность отцеубийц позволяет торжествовать всем врагам вашего правительства. До чего мы безрассудны! Мы излишне метафизичны, выставя напоказ свои принципы; короли, в тысячу раз более жестокие, чем мы, погрязли в преступлениях. Граждане, с помощью какого обмана вас, по-видимому, убедили в том, что вы бесчеловечны? Ваш Революционный трибунал за год приговорил к смерти 300 преступников. А испанская инквизиция, разве она не погубила больше? И за что, великий Боже! А разве суды Англии за этот год никого не осудили на казнь? А Бендер, который велел сжигать бельгийских детей! А узилища Германии, где погребен народ? О них вам не говорят! Может, вам говорят о милосердии королей Европы? Нет. Не позволяйте себя смягчить!»

И Сен-Жюст, делая прямой намек, возлагает ответственность на дантонизм и на самого Дантона. Говоря о Дантоне, он в отличие от того, как поступал тогда Робеспьер, не ограничивается словами «равнодушный и гордый патриот». Он напрямую обвиняет Дантона в подготовке общей реакции.

«Возможно, сторонники снисходительности стараются обеспечить себе некоторую благодарность тирании на случай, если

Республика будет ниспровергнута; возможно, они опасаются, как бы больший пыл и большая суровость общественного мнения и принципов не погубили их; но несомненно одно: кое-кто лелеет в душе замыслы заставить нас отступить. А мы? Мы управляем так, словно нам никогда не изменяли, словно мы никогда не можем стать жертвой измены! Уверенность наших врагов велит нам быть готовыми ко всему и быть непоколебимыми.

Первый из всех законов — сохранение Республики...

Во Франции есть политическая секта, играющая все партии. Когда вы говорите о терроре, она говорит вам о милосердии; когда вы проявляете милосердие, она начинает превозносить террор; она хочет благоденствовать и пользоваться всеми благами... Именно эта слабость предлагает вам открыть тюрьмы и в то же время предлагает вам нищету, унижение народа и новые Вандеи... Можно подумать, что каждый человек, напуганный угрызениями совести и непреклонностью законов, сказал себе: *«Мы недостаточно добродетельны, чтобы быть столь грозными. Законодатели-философы, проявите снисхождение к нашим слабостям. Я не осмеливаюсь сказать вам: «Я порочен»; предпочитаю сказать вам: „Вы жестоки“»*.

Итак (и здесь вторая великая мысль доклада; это момент, где политический террор Сен-Жюста соединяется с его социальной системой), ни в коем случае нельзя ослаблять пружины Революции, надо и далее действовать в духе революционных сил, вплоть до передачи беднякам, борющимся за свободу, имущества всех тех, кто ей угрожает. Это будет средство осуществления революционного равенства, которое будет иметь своим результатом не только обеспечение и укрепление ближайших действий Революции, но которое подготовит и возвестит справедливые установления, установления социальные, без которых Революция не имела бы никакой базы⁸.

кюлоты..., с. 323, часть третья, глава I, «Кризис движения парижских санкюлотов» — *Ред.*]

6. «Moniteur», XIX, 564; «Archives parlementaires», XXXV, 516, 8 вантоза II г. (26 февраля 1794 г.)
7. В 1789 г. Бендер руководил подавлением восстания в австрийских Нидерландах (Бельгия).
8. На основании статьи 1 декрета от 8 вантоза II г. Комитету общественной безопасности было предоставлено право освобождать арестованных патриотов. Статья 2: «Собственность патриотов неприкосновенна. Имущества лиц, признанных врагами Революции, бу-

дут конфискованы в пользу Республики...» Этот декрет был дополнен декретом от 13 вантоза (3 марта 1794 г.). На основании статьи 1 все коммуны Республики должны были составить списки «неимущих патриотов». Согласно статье 2, Комитету общественного спасения было поручено представить доклад «о средствах возмещения всех нуждающихся за счет имущества врагов Республики». Значение этих декретов невозможно понять, отвлекаясь от кризиса, переживаемого парижскими санкюлотами в конце зимы 1793/94 г., речь шла о сплочении

Сен-Жюст беспрестанно повторяет: «У нас слишком много законов и слишком мало гражданских установлений». Он хочет сказать, что общество диктует, что оно предписывает индивидам то или иное действие, но что оно не приняло широких организационных мер, которые бы сделали действительно легким для индивидов выполнение этих действий. В заметках и отрывках, которые у нас от него остались⁹, Сен-Жюст предлагает прежде всего ввести всеобщее обучение, общественное воспитание.

«Дети принадлежат матери до пятилетнего возраста, если она кормила их, а затем Республике до самой смерти. Ребенок-гражданин принадлежит отечеству. Всеобщее обучение необходимо. Школам будет предоставлена часть национальных имуществ»¹⁰.

Он также хочет ограничить социальные последствия наследования и создать общественное достояние на основе имущества лиц, не имеющих прямых наследников.

«Наследование допускается исключительно между прямыми родственниками. Прямые родственники — это деды и бабки, отец и мать, дети, брат и сестра... Республика наследует после тех, кто умирает, не оставив прямых родственников.

... Никто не может ни лишить наследства, ни завещать»¹¹.

И он требует такой системы законов, которая превратила бы труд в обязанность и, следовательно, лишила бы праздных людей собственности.

«Каждый собственник, не занимающийся никаким ремеслом, не являющийся должностным лицом, в возрасте старше 25 лет, должен обрабатывать землю до 50 лет»¹².

Это — упразднение рантье, это — обязанность сельской буржуазии либо работать своими руками, либо заняться промыслом.

«Праздность наказывается, промысел находит покровительство».

Идеал — это общество, в котором люди будут жить главным образом сельскохозяйственным трудом, а земельная собственность будет чрезвычайно раздроблена. Сен-Жюст, несомненно, не осуждает ни промышленности, ни роскоши. 5 февраля Робеспьер сказал: «Мы не хотим придать Республике ни монастырскую строгость, ни монастырскую развращенность»¹³.

Сен-Жюст пишет в своих заметках:

«Республика чтит искусства и талант. Она призывает граждан блюсти добрые нравы; она призывает их посвящать свои богатства общественному благу и облегчению положения несчастных, не кичась этим... Никому нельзя мешать пользоваться своими богатствами, доставлять себе удовольствия, если это не наносит ущерба третьим лицам»¹⁴.

Но он ожидает силы и величия Республики главным образом от демократии мелких собственников, которых обществен-

ное достояние защищает от случайностей и риска экономической жизни.

«Я ручаюсь, что свобода не установится, если окажется возможным поднять бедняков против нового порядка вещей; я ручаюсь, что не будет больше бедняков, если сделать так, чтобы каждый владел землей. Там, где существуют очень крупные землевладельцы, мы видим одних только бедняков, ибо в областях крупного земледельческого хозяйства ничего не потребляется.

Человек не создан ни для работы у станка, ни для больницы, ни для богадельни: все это отвратительно. Надо, чтобы человек жил независимо, чтобы у каждого была добродетельная жена и здоровые и крепкие дети; не нужно ни богатей, ни бедняков.

Бедняк выше правительства и сильных мира сего; он должен говорить с ними как хозяин... Нам нужна доктрина, которая осуществила бы эти принципы на практике и обеспечила бы благополучие всего народа. Богатство — подлость; она состоит в том, что воспитывают меньше детей, внебрачных или приемных, чем позволяет доход в тысячу ливров...

Нищенство надо уничтожить путем распределения национальных имуществ между бедняками»¹⁵.

«Общественное достояние и общественные доходы образуются за счет налогов, наследств, полученных Республикой, и национальных имуществ. Единственным налогом будет обязанность каждого гражданина, достигшего 21 года, ежегодно передавать

решительных патриотов и санюлютов вокруг Революционного правительства. Попытка окончилась неудачей, так как не отвечала народным требованиям того момента и слишком поздно удовлетворяла требования, давно выдвигавшиеся санюлютами. Об этой интерпретации вантозских декретов см.: A. Soboul. Op. cit., p. 708. [См.: А. С о б о у л ь. Цит. соч., с. 337. — *Ред.*] С более общей точки зрения см. главу I введения к труду: G. Lefebvre. Questions agraires au temps de la Terreur, 2 édition, 1954, p. 1 [См. И. И. Чуприн. Сен-Жюст и вантозские декреты — "Из истории якобинской диктатуры" Одесса, 1962, с. 406-472 — *Ред.*]

9. Saint-Just. Fragments sur les Institutions republicaines... Paris, 1800, imp. in-8°, XX — 88 p.; A. Soboul. Les Institutions republicaines d'après les manus-

crits de la Bibliothèque Nationale. — «Annales historiques de la Révolution française», 1948, p. 193. См.: M. Abensour. La Théorie des institutions et les relations du législateur et du peuple. — «Actes du Colloque Saint-Just Sorbonne, 25 juin 1967», Paris, 1968, p. 239.

10. Шестой фрагмент. Некоторые гражданские и моральные установления. 1 О воспитании.

11. Восьмой фрагмент. Некоторые гражданские установления. 1 О наследовании.

12. Тринадцатый фрагмент. Некоторые установления, касающиеся деревни и роскоши.

13. M. Robespierre. Rapports sur les principes... [См.: М. Робеспьер. Цит. соч., с. 110. — *Ред.*]

14. Тринадцатый фрагмент.

15. Четвертый фрагмент. Вопрос об общем благе. Деньги. Экономия.

государственному чиновнику одну десятую часть своих доходов и одну пятнадцатую часть плодов своего промысла. Общественное достояние учреждается, чтобы помогать членам общества, которых постигло несчастье. Общественное достояние учреждается равным образом для того, чтобы облегчить народу бремя налогов в трудные времена.

Добродетель, благие поступки и несчастье дают право на возмещение за счет общественного достояния. На него может притязать только тот, кто зарекомендовал себя перед отечеством своим бескорыстием, своим мужеством, своей человечностью. Республика выплачивает возмещение изувеченным солдатам; старикам, носившим оружие в молодости; тем, кто кормил своих отца и мать; тем, кто усыновил детей; тем, у кого больше четырех детей от одного брака; старым супругам, оставшимся вместе; сиротам; брошенным детям; великим людям; лицам, пожертвовавшим собой из дружбы; тем, кто лишился скота; погорельцам; тем, чье имущество было уничтожено войной, бурями, стихийными бедствиями.

За счет общественного достояния оплачивается воспитание детей, выдаются авансы молодым супругам и предоставляется аренда тем, у кого нет земли»¹⁶.

Сен-Жюст, конечно, вынашивал эти идеи с февраля 1794 г. В своем докладе он не входит ни в какие частности, но позволяет предвидеть развитие социального равенства в будущем и уже теперь заявляет, что если сохранить противоречие между политическим состоянием, основанным на идее демократии, и тем, что он называет гражданским состоянием, т. е. экономическими и социальными отношениями, то Революция погибнет. Уже теперь он заявляет, что широкие революционные экспроприации, примененные не только к феодальной собственности, но ко всей собственности, принадлежащей врагам Революции, являются логическим дополнением к движению и условием успеха. Это политика террора с оттенком социализма.

«Я уже говорил вам, что система Республики была связана с уничтожением аристократии»¹⁷.

*В силу самих вещей*¹⁸ мы, возможно, придем к результатам, о которых вовсе и не помышляем. Богатства сосредоточены в руках довольно изрядного числа врагов Революции; нужда ставит трудящийся народ в зависимость от его врагов. Допускаете ли вы мысль о том, что страна может существовать при условии, когда гражданские отношения сводятся к отношениям, которые противоречат форме правления? Те, кто совершают революции наполовину, только роют себе могилу. Революция приводит нас к признанию следующего принципа — тот, кто оказался врагом своего отечества, не может быть в нем собственником»¹⁹.

Для того чтобы спасти нас, нужно еще несколько гениальных ходов.

Так неужели народ проливает кровь на границах и все семьи носят траур по своим сынам для того, чтобы сохранить своим тиранам возможности наслаждаться? Вы признаете тот принцип, что в нашем отечестве обладает правами только тот, кто содействовал его освобождению. Уничтожьте нищенство, позорящее свободное государство; собственность патриотов священна, но имущество заговорщиков принадлежит всем беднякам. Бедняки — движущая сила земли. Они вправе как хозяева говорить с правительствами, которые ими пренебрегают».

Это означало предлагать революционному народу огромную добычу. Более того, это означало дать собственности новое юридическое обоснование. Это означало создать такого рода право собственности, которое могли приобретать все граждане путем ревностной политической и национальной деятельности. Это означало провозгласить революцию в гражданских отношениях, аналогичную другой и гармонически связанную с ней.

«Произошла революция в управлении; она ни в какой мере не проникла в гражданское состояние. Управление покоится на свободе; гражданское состояние — на аристократии, которая образует слой врагов свободы, промежуточный между народом и вами. Можете ли вы оставаться вдали от народа, вашего единственного друга?..

... Держайте; это слово заключает в себе всю политику нашей Революции».

Произведенный эффект был огромным; и это вполне был (повторим выражение самого Сен-Жюста) гениальный ход. Народ был потрясен. Нет, Революция не сгибается. Нет, Конвент не хочет усыпить энергию и закрыть будущее. Нет, Комитет общественного спасения не позволил одержать над собой верх гордости

16. Двадцатый фрагмент. Об общественном достоянии.

17. Жорес здесь снова обращается к докладу от 8 вантоза II г.

18. «Сила самих вещей»: т. е. логика событий, потребности войны, требования национальной обороны и неразрывно связанные с ними требования защиты Революции. Они делают необходимым для обеспечения победы Революции союз патриотической буржуазии с массами санкюлотов. Последних надо еще сильнее привязать к Республике. «Народ, который несчастлив, не имеет отечества», — объявил Сен-Жюст 29 ноября 1792 г. в

речи о продовольственном положении. Отсюда социальная политика, намеченная в вантозских декретах.

19. Идея, глубоко укоренившаяся в народном сознании: враги Революции не имеют никаких прав в Республике, их имущества должны служить для вознаграждения патриотов, защищающих Республику с опасностью для жизни. Конечно, это — политика террора, но, на наш взгляд, она не имеет никакого оттенка социализма. См.: A. S o b o u l. Op. cit., p. 710. [См.: А. С о б о у л ь. Цит. соч., с. 337. — Ред.]

правительства. Он хочет остаться с народом. Он хочет опрокинуть барьеры, которые олигархическая и контрреволюционная собственность возводит между представителями нации и нацией, между правительством Революции и силой Революции. Как будто таяла преграждавшая русло глыба льда, и река возобновляла свое течение. Вечером в Якобинском клубе Колло д'Эрбуа торжествовал:

«Гора не сгибается, она по-прежнему остается революционной вершиной»²⁰.

Кордельеры тоже пришли для широкого братания, и притом не без самодовольства²¹. Недоразумения рассеивались, но разве не побеждала именно их политика? Не вступал ли Комитет общественного спасения в их орбиту? Таково было первое впечатление, порожденное удивлением и радостью от смелого хода Робеспьера и Сен-Жюста, в ослеплении широкими социальными перспективами, открывавшимися перед обновленной Революцией. Однако, если бы эбертисты поразмыслили, они не стали бы так много говорить о победе. Я знаю, что в докладе Сен-Жюста не было почти ни одного выпада против них; ни одного или почти ни одного, кроме фразы, в которой Сен-Жюст говорит о том странном времени, «когда обожествляют атеизм и когда священник становится атеистом или атеист становится священником».

Это было горькое и почти оскорбительное воспоминание об отказе от священнического сана одних и о культе Разума других. Но все острые речи, казалось, было направлено против дантонистов. Да, но после агитации и полемических выступлений Филиппо, после уловок и интриг Фабра д'Эглантина и Бурдона из Уазы, после контрреволюционного скандала со «Старым кордельером» у Робеспьера оставалось лишь одно средство борьбы с эбертизмом: громогласно, решительно отвергнуть дантонизм; тогда резкое осуждение дантонизма послужило бы для других предупреждением о силе тех ударов, которые могут обрушиться и на них.

Робеспьер и Сен-Жюст создали для себя горделивую крепость Революции, и, совершив отсюда двойную вылазку, они намеревались полностью очистить место вокруг себя.

Сен-Жюст высказался до конца, несомненно, более определенно и более решительно, чем Робеспьер. Между всех строк его доклада сквозит непримиримая решимость одновременно раздавить и Эбера, и Дантона. Против эбертизма и дантонизма он мог предъявить обвинения политического и экономического порядка. С политической точки зрения он упрекал эбертизм в том, что он был дурным порождением революционного энтузиазма. Резкость жестов и грубость слов не восполняли недостатка внутреннего вдохновения. «Лишь немногие великие души способны опьянить людей, стоя во главе армии».

Также лишь немногие великие души способны примирить, руководя великой Революцией, героический порыв воли и духа с заботой о порядке.

«Я думаю, — говорил он, — что мы должны быть людьми пылкими, но это вовсе не исключает ни здравого смысла, ни мудрости». А в эбертизме Сен-Жюст не находил ни искреннего пыла, ни революционной осторожности, а один только бред буйного честолюбия и алчной жестокости. Эти люди не народ. Это шумливые чиновники, которые красуются перед народом, ловя все лучи и все веяния и предоставляя темной толпе смехотворную радость рукоплесканий.

«Когда я нахожусь в народном обществе, когда мои глаза обращены на народ, который аплодирует и пребывает на втором плане, то сколько размышлений отягощает меня!»

Или еще (несколько дней спустя)²²:

«В народных обществах мы видели, как народ, объединенный со своими представителями, просвещал их и судил их; но с тех пор, как народные общества заполнили ловкачи, которые с громкими криками домогаются своего повышения, будь то легислатура, министерство или генералитет; с тех пор как в этих обществах стало слишком много должностных лиц и слишком мало граждан, народ в них ничего не значит; уже не он судит правительство, а объединившиеся должностные лица, которые, используя свое влияние, обрекают народ на молчание, пугают его, отделяют его от законодателей, которые должны были бы быть неотделимыми от него, и извращают общественное мнение, которым они завладевают...»

После 8 вантоза Сен-Жюст, казалось бы, обращая свои усилия главным образом против дантонистов, пробил этот заслон, возведенный должностными лицами — эбертистами, который отделял оклеветанный Конвент от страдающего народа. Итак, эбертисты и дантонисты разлагали управление, руководствуясь различными эгоистическими мотивами. В экономической области они тоже играли пагубную роль.

Вопрос о том, насколько политическое поведение Сен-Жюста диктовалось его экономической концепцией, еще не достаточно ясен. Он знал, что Революция, идя на безумные расходы — 300 млн. в месяц, — сама себя пожирала; ассигнаты какое-то время скрывали дефицит, но привели в расстройство все отношения. И завтра свобода, сама жизнь Франции могли исчезнуть в этой все

20. A. Aulard. Op. cit., p. 664.
«Нет, Гора не отступит ни на йоту».

21. Ibid., p. 666. Заседание 8 вантоза II г. (25 февраля 1794 г.).
22. «Moniteur», XIX, 680.

расширявшейся пропасти. Законы против скупки, максимум, реквизиция — все это были лишь временные средства. Существовало только одно лекарство: умерить расходы. Ограничивая их с помощью усилий более героических, чем самопожертвование на поле сражения, можно было бы постепенно изъять ассигнаты из обращения. С уменьшением расходов хватило бы нормальных ежегодных налоговых поступлений. Изымая ассигнаты из обращения и нейтрализуя эти миллиарды бумажных денег, «которые вызвали брожение в Республике», которые, будучи всегда наготове для любых покупок, повышали все цены и искажали все сделки, можно было бы восстановить нормальное денежное обращение и избавить Революцию от необходимости быть завоевательной, грабительской и диктаторской; свобода была бы спасена²³.

Именно это Сен-Жюст и повторял при всяком удобном случае, в связи с изданием законов о продовольственном снабжении в конце 1792 г., затем в октябре 1793 г. в своем докладе о Революционном правительстве²⁴. Из страха чересчур рано услышать приказ «выпить цикуту» он не решался открыто объявить войну ассигнату. Но он шел в этом направлении так далеко, как только мог, не рискуя быть обвиненным в контрреволюции.

Итак, существовало лишь одно средство быть истинным революционером — быть экономным. Но эбертизм и дантонизм были одинаково расточительны. Эбертизм готов бросать миллионы и миллиарды на войну ради удовлетворения appetitов своих комитетов, своих канцелярий, неограниченной жадности своего лжеплебса. А дантонизм, в силу своей склонности к широкой и легкой жизни, своей снисходительности к человеческим слабостям, подает сигнал к расточительности, который, будучи подхвачен и распространен поставщиками, всякого рода военными или гражданскими администраторами, генералами и комиссарами по продовольственной части, поощряет расхищение и коррупцию.

Суровость Сен-Жюста (я имею в виду суровость его доктрин, так как тайна его частной жизни нам неизвестна и, как мы припоминаем, петиционеры, случалось, обвиняли его в чрезмерных расходах на стол) не является, таким образом, плагиатом у Древнего Рима. Она — выражение экономической необходимости. Революция погибала, если она не имела дешевого правительства и скромно живущего народа. Вне всяких сомнений, это химера; ибо для того, чтобы уравновесить финансы Революции, как можно было рассчитывать на этот сверхчеловеческий контроль, который один только мог придать взглядам Сен-Жюста некоторую действительность? Ни один человек, сколь бы высоко нравственным он ни был, не способен сам так следить за собой, ни одно правительство, сколь бы работоспособно оно ни было и сколь широки ни были бы его взгляды — даже если бы ему удалось упростить свою задачу, ограничив «мир бумаги», под бременем которого гибнут министерства, — не может ни сократить расходы, ни изме-

нить привычки в неизмеримом движении людей и вещей, порожденном вооруженной Революцией, сражающейся со всем миром. Но это упорное мнение о необходимости скромного правительства и всеобщей экономии усиливало ненависть Сен-Жюста к эбертизму и к дантонизму. О, как же был слеп Колло д'Эрбуа, если он не почувствовал объявления войны, таившегося в манифесте 8 вантоза! О, как слепы были кордельеры!

Но, быть может, Колло и кордельеры с самого начала лишь сделали вид, будто они не понимают. Если Колло д'Эрбуа был способен на известную прозорливость, то он, несомненно, с тревогой спрашивал себя, что ему делать, в какой лагерь перейти в тот день, когда разразится конфликт между Робеспьером и Эбером, между Комитетом общественного спасения, членом которого он состоял, и Клубом кордельеров, одним из героев которого он был²⁵. Несомненно, он пытался уйти от этой навязчивой проблемы или отложить ее разрешение, убеждая себя в том, что вскоре будет заключен мир и что Комитет общественного спасения вместе с кордельерами станет опираться на авангард эбертистов. И кордельеры, в свою очередь озабоченные стремлением расширить движение, не прочь создать впечатление, что Комитет общественного спасения признает их правоту. Так они усыпили бы недоверие якобинцев и более надежно подготовили бы свое выступление.

23. См. Ch. - A. Michalet. *Economie et politique chez Saint-Just. L'exemple de l'inflation. — «Actes du colloque Saint-Just», p. 151*

24. Речь 29 ноября 1792 г. о продовольственном положении; до-

клад 10 октября 1793 г. о Революционном правительстве

25. Преувеличение. Колло д'Эрбуа проповедовал просто политику примирения между кордельерами и якобинцами.

ПОПЫТКА КОРДЕЛЬЕРОВ (14—24 ВАНТОЗА II г.)

Ибо они, несомненно, готовили выступление. Ронсен и Венсан, встретившись в парке дворца Тюильри с Субербье, присяжным Революционного трибунала, частично изложили ему свое намерение¹. Речь шла о том, чтобы мобилизовать Революционную армию и перебить подозрительных, находящихся в тюрьмах. Но они, несомненно, открыли ему только часть своего плана, ту, что перекликалась с сентябрьскими событиями, и вовсе не открыли ему ту, что перекликалась с событиями 31 мая. Они не сказали ему, что Конвент тоже должен подвергнуться насильственной чистке. Их, несомненно, остановило негодование и удивление, проявленное им в начале их доверительных сообщений, и они не рассказали ему всего. Но какой смысл могла бы иметь эта мобилизация Революционной армии, произведенная без участия Комитета общественного спасения, если эта армия не была предназначена стать орудием эбертистской диктатуры? Субербье в ужасе поспешил к большому Робеспьеру, чтобы предупредить его. К тому же эбертисты уже больше не скрывали своих намерений.

На заседании Клуба кордельеров 14 вантоза (4 марта)² они во всеуслышание объявляют о предстоящем восстании. Они завешивают доску с начертанной на ней Декларацией прав человека в знак того, что свет свободы погас, и постановляют, что доска будет завешена до тех пор, пока народ вновь не обретет своих прав и не уничтожит клику. Кликой была партия дантонистов, к которой они нарочито относили Робеспьера. Венсан изобличает заговор Филиппо, Бурдона из Уазы и Шабо, «более глубоко замысленный и более опасный, чем заговор Бриссо». И он взывает к гильотине, чтобы устранить мятежников³.

Поднимается Каррье, чтобы осудить человекоубийственную жалость, которая теперь требует от патриотов ответа за кровь роялистов, пролитую ими во имя Революции.

«Придя в Конвент, я ужаснулся, увидев на Горе новые лица, услышав речи, какие они нашептывают на ухо друг другу. Я вижу, я понимаю, что Революцию хотели бы повернуть вспять. Жалуют об участии тех, кого национальное правосудие поражает мечом закона. Если какого-нибудь человека осуждают за преступление, не имеющее отношения к Революции, то их сердце преисполняется радостью; они следуют за ним к месту казни; но если это контрреволюционер, то сердце их сжимается и горе душит их. Но есть ли более тяжкое преступление, чем замышлять заговор против своей страны, чем обрекать тысячи людей на верную смерть?»

И он испускает страшный вопль протеста, крик гнева честного рабочего, у которого отнимают его инструмент:

«Чудовища, они хотели бы снести эшафоты!»

Но, граждане, не забывайте никогда: гильотины не хотят именно те, кто чувствует, что они сами достойны гильотины. Кордельеры! Вы хотите выпускать газету Марата⁴; я приветствую ваш замысел и ваше начинание; но против усилий тех, кто хочет убить Республику, эта плотина обладает весьма слабой силой сопротивления; *восстание — вот что должны вы противопоставить злодеям*⁵.

Кордельеры, народное общество, вы, в чьих сердцах всегда горел священный огонь патриотизма, будьте всегда друзья-

1. О заявлениях Субербье, чиновника службы здравоохранения, см.: A. Tuetey. Répertoire des sources manuscrites..., t. XI, №27 et №214. Они были воспроизведены Амелем: E. Hamel. Histoire de Robespierre, t. III, p. 426. Многочисленные свидетельства удостоверяют, что было допущено много необдуманных высказываний; нет никаких доказательств тому, что готовился заговор. Следует отметить в этой связи неопределенность оппозиции группы кордельеров. Правительственные Комитеты больше всего опасались, как бы с этой оппозицией не соединилось недовольство народа. В действительности политическая агитация, которую старались вести кордельеры, велась только в ограниченных кругах; у них не было никакой связи с массами.

2. Наилучший рассказ об этом знаменитом заседании в Клубе кордельеров см. в: «Moniteur», XIX, 629; Buchez et Roux, XXI, 325. См.: A. Soboul. Les sans-culottes parisiens, p. 724. [См.: А. Собоуль. Парижские санкюлоты ..., с. 347 и далее. — *Ред.*]

3. Венсан разоблачил «гибельную систему модерантизма»; он неминуемо покончит со свободой, «если мы не прибегнем к оружию страха, который гильотина внушает врагам народа».

4. Клуб кордельеров решил продолжить издание газеты Марата. Заседание 14 вантоза II г. началось с чтения проспекта «Ами дю пепль», продолжения газеты Марата. См. ниже, с. 369, прим. 19.

5. Каррье напомнил статьи 34 и 35 Декларации о праве на восстание.

ми Революции; бодрствуйте, срывайте маску с изменников, которые захотели бы уничтожить вас, и нетленная Республика выйдет победоносной, в сиянии славы из боев, которые ведут с ней повсюду ее враги».

Каррье заслужил громкие аплодисменты. Робеспьера он не назвал, но думал прежде всего о Робеспьере.

Эбер, не называя Робеспьера прямо, намекает на него вначале несколько туманно, а затем уже прямо и угрожающе:

«Вы содрогнетесь, когда узнаете об адском замысле этой клики; он имеет больше ответвлений и охватывает больше людей, чем вы думаете. Это та самая клика, которая хочет спасти сообщников Бриссо, 70 роялистов, которые все совершили те же преступления и, следовательно, также должны взойти на эшафот. Почему их хотят спасти от казни? Потому что интриганы чувствуют, что их ждет такая же кара; потому что другие интриганы хотят объединить вокруг себя этих роялистов, чтобы царить над ними и иметь столько же креатур».

Значит, клика — это объединившаяся партия Дантона и Робеспьера. Дантонисты хотят спасти 70 человек, потому что чувствуют, что они заслуживают за свои преступления казни. Робеспьер хочет их спасти, чтобы иметь напуганную и послушную клиентулу, которая позволила бы ему установить свою диктатуру.

Почему не покарали еще Шабо? — спрашивает Эбер. Почему Фабр д'Эглантин еще дышит? Потому что Амар, докладчик Комитета общественной безопасности, бывший дворянин, интриган, старается спасти виновных⁶. Таким образом Эбер нападает и старается подорвать доверие ко всей системе революционного правительства, к Конвенту и к части Горы вместе с Дантоном, к Комитету общественного спасения вместе с Робеспьером и к Комитету общественной безопасности с Амаром.

И, опасаясь, как бы кордельеры не исчерпали свой гнев, обрушившись на проходимцев, вроде Шабо, Эбер выдвигает на первый план ответственность Робеспьера.

«Воры занимаются своим ремеслом; рано или поздно они вернут нации то, что у нее украли, и это — наилучшее сбережение, так как все закончится возвращением; стало быть, воры и то менее опасны, чем честолюбцы. Честолюбцы! Это люди, которые выставляют вперед других, а сами остаются за кулисами; чем больше у них власти, тем меньше они ею удовлетворяются; они хотят властвовать. Но кордельеры не потерпят этого. *(Многие голоса: Нем! Нем!)*»

Эбер обвиняет Робеспьера в том, что он из-за кулис направлял атаки Камиля Демулена против «Пер Дюшен».

«Эти люди заткнули рты патриотам в народных обществах, я вам назову их имена; вот уже два месяца я сдерживаюсь; я вменил себе в правило быть осмотрительным, но мое сердце не может более выдержать; тщетно хотят они покуситься на мою свободу. Я знаю, что они замыслили, но я найду защитников. *(Все голоса: «Да, да!»)*»

Буланже кричит ему (тот самый Буланже, которого вскоре будет защищать Робеспьер): «Папаша Дюшен, говори и ничего не бойся; мы сами будем папашами Дюшенами, которые нанесут удар».

Моморо настаивает: «Я упрекну тебя в том, в чем ты сам себя упрекнул, Эбер: вот уже два месяца, как ты боишься говорить правду; говори, мы тебя поддержим».

Венсан говорит почти с горечью: «Я принес с собой номер «Пер Дюшен», вышедший четыре месяца назад; сравнивая его правдивый тон с нынешним, можно подумать, что папаша Дюшен умер».

Оказавшись объектом такого давления и чуть ли не требований, Эбер отваживается и решает обвинить лично Робеспьера и в свою очередь объявить о восстании.

«Чтобы доказать вам, что этот Камиль Демулен — не только человек, продавшийся Питту и Кобургу, но еще и оружие в руках тех, кто хочет заставить его действовать исключительно для того, чтобы его использовать, напомню, что он сам был выгнан, исключен патриотами и что один, несомненно, заблуждающийся человек... не знаю, как иначе назвать его, весьма кстати оказался там, чтобы восстановить его вопреки воле народа, который ясно выразил свое мнение об этом изменнике?»

О, я сорву покров со всех заговоров! Из кого составлено правительство? Некий Паре! Откуда он? Как достиг он поста министра внутренних дел? Неведомо какими интригами! Некий Дефорг!»

Венсан: «Некий Детурнель, ничтожество, пассивное оружие». И Эбер объявляет, что эта группировка намерена составить «сверхумеренное» правительство⁸. Впрочем, какое значение имеют эти новые симптомы? Для обвинения этой группировки разве не достаточно безнаказанности, которую обеспечивают изменникам?

6. Амар, «большой интриган», дворянин, казначей короля Франции и Наварры, купивший себе дворянство за 200 тыс. ливров.

7. Намек на заседание Якобинского клуба 14 декабря 1793 г., когда Робеспьер выступил в защиту Камиля Демулена.

8. Бушота в военном министерстве хотят заменить «глупым и зло-

намеренным» Карно, братом Карно из Комитета общественного спасения. Дефорг был назначен министром иностранных дел, Детурнель — министром общественных налогов (министром финансов), Паре — министром внутренних дел. В августе 1793 г. на пост министра внутренних дел была предложена кандидатура Эбера; был избран Паре.

Ну что ж! Раз клика существует, раз мы ее видим, то «каким путем мы можем от нее избавиться? Восстание, да, восстание, и кордельеры будут отнюдь не последними из тех, кто подаст сигнал, который должен покончить с притеснителями. (Бурные аплодисменты.)»

Таков отчет, помещенный в «Монитор»; он был подтвержден многочисленными полицейскими донесениями аналогичного содержания.

Было ли это поползновением к восстанию и угрозой? Или же существовал разработанный план восстания, с заранее подготовленными средствами его осуществления? Об этом судить трудно, когда у партии столь непоследовательный глава, с таким недалеким умом и мелкой душой, столь непостоянный и трусливый, каким был Эбер. Этот человек, ненавидевший Робеспьера и мечтавший его уничтожить, бледнел при виде его от страха. В Якобинском клубе он ни разу не выступил против него. Да и теперь еще, находясь среди кордельеров, он позволяет себе лишь уклончивые высказывания и трусливые недомолвки. У него, по видимому, нет ни сколько-нибудь связной системы, ни последовательной тактики⁹.

Когда перед якобинцами встает важный вопрос об аффилиации обществ, Эбер пошло лебезит перед старым Якобинским обществом, отвергая молодые общества, как подозреваемые в интригах. Но было немало обществ, которые возникли после 31 мая и которые, будучи некоторым образом порожденные восстанием, могли стать орудием нового восстания¹⁰.

Дюфурни, ненавидевший эбертизм, чувствовал эту опасность и 27 января 1794 г. заявил в Якобинском клубе¹¹:

«Я уже говорил о том, что следовало подумать о секционных обществах Парижа, которые изолируются в небольшом округе. Как у всякого лжепатриота есть карточка гражданина, свидетельство всех шагов, которые он сделал или не сделал во время Революции, так и интриганы в секциях захотели иметь свои общества. Они не потребовали аффилиации; они пожелали образовать Центральный комитет в Епископстве в противовес Якобинскому обществу. Граждане, взгляните открытыми глазами на эти секционные общества и на их проект создания Центрального комитета».

Если бы эти общества были включены в филиальную сеть Якобинского клуба, они могли бы изменить якобинский дух, добиться торжества кордельеров, и это придало бы эбертизму большую силу.

Это хорошо знал эбертист Сентекс, сказавший на том же заседании Якобинского клуба¹²:

«Я думаю, что из народных обществ надо устранить всех интриганов, всех случайных патриотов; но я думаю также, что было бы неумно и очень вредно для свободы, если бы Якобинское общество отказало в аффилиации обществам, у которых появилась физическая возможность сформироваться только совсем недавно, после того, как энергичные люди и революционеры зажгли любовь к отечеству и воспламенили огнем своих речей граждан, любодившихся вдали от центра Революции. Не будем препятствовать успехам патриотизма».

Это был маневр, весьма опасный для Робеспьера и Комитета общественного спасения. Робеспьер это понял и, несомненно, именно поэтому и добился исключения Сентекса. Но Эбер не принял никакого участия в борьбе. Так как он не руководствовался никакой великой идеей, то он совсем отупел от трусости¹³.

Наиболее уверенные в себе и наиболее деятельные из эбертистов, несомненно, рассчитывали на народное движение, вызванное дороговизной продуктов. В этот момент особенно острым было положение с мясом. 600 быков, которых Вандея обычно ежедневно направляла в Париж, больше не поступали. Кроме того, для огромных армий производились гигантские реквизиции скота. Чтобы кормить армии, требовалось хорошее мясо, чтобы обувать солдат, требовалась кожа. И в Париже мяса не хватало. Это был временный и неизбежный результат войны, и эбертисты, желавшие войны до победного конца, конечно, совершали подлость,

9. И кордельеры, и в частности Эбер, давно вынашивали честолюбивые замыслы, они, несомненно, стремились к власти. Позволят ли им социальные бедствия удовлетворить это стремление? В действительности если цели и были ясны, то о средствах достижения их они даже не подумали. Хотя необходимость восстания была провозглашена, общество ограничилось резкими словами и разошлось к десяти часам вечера. 10 августа 1792 г. и 31 мая 1793 г. революционеры действовали иначе...

10. Речь идет о секционных обществах, тех, которые были основаны после отмены непрерывности заседаний секций на основе закона от 9 сентября 1793 г., чтобы обойти этот закон. Будучи преимущественно народными организациями, имевшими санкюлотский (а не «эбертистский») характер, они с самого момента своего возникно-

вения встретили весьма дурное отношение со стороны якобинцев и Революционного правительства, которые с осени 1793 г. повели против них ожесточенную борьбу. Об этой важной проблеме см.: A. Soboul. Op. cit., p. 360, 614, 888. [См.: А. Собоуль. Цит. соч., с. 305, 441. — Ред.]

11. A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 626. Дюфурни был дантонистом.

12. Ibid., p. 622. Сентекс был близок к дантонистам.

13. В ходе заседания Якобинского клуба 27 января 1794 г. Эбер выступил против секционных обществ: «хотят создать секционную контрреволюцию». (См.: A. Aulard. Op. cit., p. 627.) Секционные общества являлись независимой силой как по отношению к кордельерам, так и по отношению к якобинцам.

используя против Революционного правительства, против Комитета общественного спасения и Конвента экономический кризис, вызванный войной. Они распространяли рукописные листки на Центральном рынке, всюду, где собирался народ. Они раздавали их в длинных очередях граждан и гражданок, ожидавших у дверей булочных, но особенно у дверей мясных лавок. И так как они не могли сказать: «Это из-за войны», они говорили: «Это из-за скупки». Эбер постепенно стал повторять против торговли, почти против всей торговли, слова Жака Ру, которого он обвинял и довел до отчаяния¹⁴.

Но опыт 31 мая показал, что стихийно возникшее и органически не связанное с народом движение не могло быть действенным. Нужны были руководители, точная цель, план, организация.

Эбертисты, по-видимому, не заручились поддержкой, сколько-нибудь официальной, Коммуны.

Шометт чересчур колебался, и на него нельзя было положиться¹⁵. В течение всего кризиса Анрио казался озабоченным и мрачным¹⁶. Что ему делать? Он не знал этого. Он вспоминал об отважном выступлении 31 мая и 2 июня и хорошо понимал, что на этот раз против него не будет разделенного Конвента, более чем наполовину выданного восстанию Дантоном и Робеспьером. Ему будут противостоять Гора, объединившая вокруг себя весь Конвент, Дантон в Комитете общественного спасения, политика и мощь Робеспьера. Расчетливый и медлительный Анрио выжидал. Паш питал, несомненно, известную тайную симпатию к этому живому и шумливому революционному гнезду, которое он первый свил в военном министерстве. Но он был молчалив и склонен к выжиданию¹⁷.

Эбертисты не могли положиться и на Колло д'Эрбуа. В эти многотрудные дни он играл в примирение. Он переходил из Якобинского клуба в Клуб кордельеров, из Клуба кордельеров в Якобинский клуб¹⁸. Он порицал кордельеров за то, что они завесили Декларацию прав человека: «Можно ли завесить природу?» И он смягчал их промахи братскими излияниями. Но ему не удалось ни отвлечь наиболее предприимчивых кордельеров от их замыслов восстания, ни усыпить пристального внимания Комитета общественного спасения.

БЫЛ ЛИ ЗАГОВОР?

По-видимому, одни только Ронсен и Венсан обладали ясной идеей и тактикой, особенно Ронсен; именно благодаря ему движение кордельеров и эбертистов обретает направление.

Основной их мыслью было возобновить или будто бы возобновить политику Марата. Вот почему сердце Марата было выставлено в Клубе кордельеров как реликвия. Вот почему корделье-

ры основали коллективную (а не издаваемую кем-то лично, от своего имени) газету, официально предназначенную для продолжения дела Марата¹⁹. И они сами заявляли, что истинные революционеры должны отказаться от всякого иного наименования и называть себя попросту «маратистами». Но быть маратистом в марте 1794 г. означало для кордельеров две вещи. Прежде всего надо было избавиться, одним ударом и насильственным путем, от врагов Революции, надо было очистить тюрьмы от аристократов, от умеренных, от жирондистов, от всякого рода подозрительных, которые их заполняли, «сентябризовать» контрреволюционеров²⁰.

И (это тоже была мысль Марата) чтобы эта операция не совершалась вслепую, чтобы ярость народа по неведению не позволила контрреволюционерам ускользнуть и по ошибке не обрушилась на патриотов, надо, чтобы этой операцией руководил

14. О продовольственном положении и тяготах народа в конце зимы 1793/94 г. см.: A. Soboul. Op. cit., p. 683. [См.: А. Собоуль. Цит. соч., с. 356. — *Ред.*] Ни кордельеры, ни Эбер не были повинны в этих народных волнениях. Рукописные листки и воззвания исходили не от них. Но серьезные разоблачения «Пер Дюшен», повторявшие, раздувая их, слова народа, направленные против торговцев, послужили предлогом для одного из обвинений Фукье-Тенвиля против «эбертистов»: «замысел уморить Париж голодом, препятствуя доставке продовольствия».

15. Шометт был исключен из Клуба кордельеров в декабре 1793 г.

16. Анрио командовал парижской национальной гвардией. Он не имел никакого отношения к попытке кордельеров.

17. Паш не был связан с группой кордельеров. Его имя только упоминалось в разговорах, из которых Фукье-Тенвиль сделал вывод: «должен был быть назначен глава, именуемый верховным судьей». Согласно некоторым показаниям, этим «верховным судьей» и должен был быть Паш. См. ниже, прим. 24.

18. Колло д'Эрбуа возглавил депутацию якобинцев в Клуб кор-

дельеров 17 вантоза (7 марта 1794 г.). Эта попытка примирения провалилась.

19. «L'Ami du peuple par le club des Cordeliers, Société des Droits de l'homme et du citoyen». Вышло только два номера. Первый, не датированный выпуск представляет собой в действительности лишь изложение программы действий, которой намеревались следовать продолжатели дела Марата; он был прочитан в начале заседания Клуба кордельеров 14 вантоза. Третий номер находился в печати в момент ареста «эбертистов».

20. Нет никаких убедительных доказательств тому, что кордельеры намеревались повторить сентябрьские события. Слух о готовящемся избиении в тюрьмах подтверждаются многочисленные свидетельства, но возник он в самих тюрьмах. Конечно, нельзя отрицать террористических высказываний кое-кого из кордельеров, в том числе Ронсена. Но большинство собранных обвинением свидетельств о возможном избиении заключенных исходило от самих заключенных, что сильно снижает их ценность. Обо всем этом см.: A. Soboul. Op. cit., p. 793. [См.: А. Собоуль. Цит. соч., с. 388, «Главные пункты обвинения». — *Ред.*]

сверху революционный представитель, имеющий очень краткие, но диктаторские полномочия.

Марат называл его «революционным прево»; новоявленные мариатисты называли его «верховным судьей»²¹.

Таким образом, глава революционной власти был бы прежде всего лицом, творящим правосудие. Но на какую активную и организованную силу могла рассчитывать революция? У Ронсена не было уверенности в том, что национальная гвардия выступит. Но разве сам Ронсен не был главнокомандующим Революционной армии?

Именно она и была бы великой революционной силой. Разные свидетели сообщают, что Ронсен хотел довести ее численность до 100 тыс. человек. С каким доверием можно отнестись к этим свидетельствам? К ним следует относиться с крайней осторожностью²². Когда подумаешь, что Бийо-Варенн, говоря 14 марта в Якобинском клубе²³ об аресте эбертистов, доходит до утверждения, что Ронсен предложил одному из заговорщиков «отправиться во Франкфурт, чтобы предупредить наших врагов о плане заговора и о времени его осуществления», то, видишь, как далеко могут зайти в эти страшные времена клевета и вымысел; и становишься весьма осмотрителен в суждениях. Но в том, что касается роли, предназначенной Ронсеном Революционной армии, главой которой он был, свидетельства так согласуются с логикой ситуации и с самой неизбежностью обстоятельств, что не принять их невозможно. У Ронсена не было в руках иного орудия, кроме Революционной армии, и только благодаря ей он мог чего-либо достичь. Он, конечно, думал придать ей возможно больше силы и действенности. Бийо сказал в Якобинском клубе, что заговор имел разветвления, вплоть до армии. «Как же могло быть иначе, раз военное министерство большими партиями, не страшась расходов, рассылало газету «Пер Дюшен» в военные лагеря»²⁴.

«Все было испробовано, — мрачно прибавляет член Конвента, — чтобы склонить солдат дезертировать из армии Республики»; и за этой коварной фразой действительно может скрываться истина. Эбертисты, несомненно, призывали волонтеров, всех тех, кто мог получить отпуск или увольнение, собраться в Париже, где их могли бы включить в состав Революционной армии; им бы там щедро платили, и они бы приняли участие в необходимой революции, которая, наконец, избавила бы Францию от интриганов и изменников²⁵. Свидетели сообщают, что Ронсен выражал свое величайшее восхищение Кромвелем, и здесь мы опять-таки обнаруживаем аналогии, впрочем поверхностные и грубые, которые могли соблазнить Ронсена²⁶. С помощью революционной армии Кромвель покарал изменников и организовал власть. Именно с помощью революционной армии Кромвель сломил покрывший себя позором, искалеченный парламент, «охвостье» [Долгого] парламента. И разве не было также «охвостьем»

Конвента это Собрание, из которого народу уже пришлось изъять добрую сотню жирондистов, Собрание, из которого еще надо убрать его пораженных гангреной членов, замешанных в деле Шабо? Кто же оставался в нем? Порочный Дантон и двуличный Робеспьер.

Кромвель—Ронсен, несомненно, расшвыряет эти обломки, и революционная Франция, по которой во всех направлениях пройдет честная армия санкюлотов, изберет новых людей. Новая власть легко приобретет популярность. Прежде всего она избавит народ, избавит страну от чудовищного гнойника тюрем, разрастающегося с каждым днем и очищающегося только по каплям. В тюрьмах находятся пламенные патриоты, которых бросила туда клика; их освободят и призовут к мщению. Они будут советчиками верховного судьи; что касается других заключенных, то они будут уничтожены в течение нескольких дней; это и есть гуманный метод, который, устрашая виновных, спасет невиновных, метод, который также избавит жертвы от тревог ожидания, а народ — от тошнотворного вида ежедневно действующей гильотины и от ужаса террора, который, затягиваясь, не производит уже впечатления на пресытившихся им людей.

Новая революционная власть принесет с собой изобилие и, если понадобится, распределит среди народа сокровища, кото-

21. В показаниях в ходе следствия иногда говорилось о «диктаторе, который находился бы у власти не более двадцати четырех часов»; по существу, мариатистское высказывание. О «верховном судье» см.: A. S o b o u l. Op. cit., p. 803. [См.: А. С о б о у л ь. Цит. соч., с. 394. — Ред.]

22. Главным свидетелем обвинения относительно замышлявшегося тайного прибытия отрядов Революционной армии в Париж является генерал Вестерман, более чем подозрительный источник.

23. «Moniteur», XIX, 720; A. A u l a r d. Op. cit., p. 683.

24. «Пер Дюшен», как и все патриотические газеты, посылалась в армии за счет фондов, имевшихся в распоряжении военного министра, на основании постановлений от 22 марта и 2 июля 1793 г. Здесь не было никакого умысла заговорщиков. См.: A. M a t h i e z. La presse subventionnée en l'an II. — «An-

nales révolutionnaires», 1918, p. 112.

25. Комитеты действительно боялись проникновения солдат, в частности солдат Революционной армии, в Париж («Революционную армию намеревались тайно и по частям собрать в Париже», согласно обвинительному акту Фукье-Тенвиля). Фактически 28 вантаза (18 марта 1794 г.) в Париже был задержан лишь один военный; его присутствие в Париже оказалось чисто случайным и не было связано ни с какими планами.

26. По словам полицейского осведомителя, находившегося в пловизе в тюрьме Сент-Пелажи в одно время с Ронсеном, этот последний, прочитав биографию Кромвеля, будто бы сказал: «Хотел бы я быть Кромвелем на двадцать четыре часа». Слова эти не следует понимать буквально, но они соответствуют властному темпераменту Ронсена, склонному к театральности.

рые Комитет общественного спасения накопил в Монетном дворе и в государственном казначействе. Зачем нужен государству этот металл, когда оно может выпускать ассигнаты? Но главное, вполне вероятно, что заговорщики-эбертисты, которые через канцелярии военного министерства управляли всем механизмом снабжения армий, стали бы щедро снабжать продовольствием Париж. Для этого есть простой способ. Часть огромных продовольственных запасов, которые Комитет общественного спасения направлял в армии, была бы оставлена в Париже, а армиям было бы предложено снабжать себя революционным путем, за счет оккупированных стран.

Итак, эбертизм подготовлял своего рода военный переворот — демагогическое 18 брюмера, — который обесчестил бы, залил кровью и опустошил Францию, который превратил бы ее в Польшу «сентябристов», пожирающую в несколько дней все свои материальные и духовные ресурсы, восстановленное доверие к своим ассигнатам, доверие к своим армиям, замечательная дисциплина и гуманизм которых в завоеванных странах недавно вызвали восхищение и признание у самого Малле дю Пана²⁷; да, в демагогическую Польшу, лишенную единства, бессильную, которая вскоре стала бы растерзанной и расчлененной добычей европейской контрреволюции. Быть может, в этой борьбе между эбертистами и Конвентом решалось будущее всего мира на два столетия вперед²⁸.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ ДОКЛАД СЕН-ЖЮСТА

Комитет общественного спасения следил за всеми действиями противника. Предупрежденный 4 марта декларацией о восстании он ожидал либо какого-нибудь неосторожного шага, который выдал бы ему эбертистов, либо сведений, которые бы удалось собрать о замышляемом заговоре и которые позволили бы ему всколыхнуть общественное мнение и объединить вокруг себя народ. Он знал слабости противника, колебания и трусость Эбера. Он знал, что вечером 4 марта, когда в Клубе кордельеров было внесено предложение о восстании, Венсан громогласно заявил, что «много лиц вытянулось»²⁹.

Он знал, что в армиях эбертистской пропаганде не удалось обратить против Парижа порыв революционного патриотизма, направленный против старой Европы. Он знал, что Колло д'Эрбуа думал только о собственном спасении и при условии, если сделают вид, что никто не слышал слов Каррье и, таким образом, против виновника нантских потоплений не будет создан прецедент, опасный для виновника расстрелов и убийств в Лионе, этот двусмысленный и осторожный фразер предоставил бы события их течению. Комитет знал также, что революционный доклад от 8 вантоза вызвал в народе живейший энтузиазм³⁰. Народ вос-

хищался тем, что то же самое правительство, которое дисциплинировало силы, организовывало Революцию и нацию, открыло перед гражданами широкие социальные перспективы. Это было рождение нового мира в конвульсиях борьбы. Да, Комитет общественного спасения мог действовать; он мог открыться и нанести удар эбертизму; за ним бы пошли.

23 вантоза (13 марта) Комитет общественного спасения нанес удар. И на этот раз сделать доклад было поручено Сен-Жюсту³¹. Верный своей тактике или, скорее, своей точке зрения, он остерегается сконцентрировать весь удар на эбертизме. И когда читаешь его речь, то спрашиваешь себя, должен ли за ней последовать арест дантонистов или же арест эбертистов, или, вернее, появляется уверенность, что последует, быть может, в этот же вечер или через несколько дней арест и тех и других; только нетерпение эбертистов, готовивших выступление, обеспечило им первоочередность. Иногда говорят, что Робеспьер и Комитет общественного спасения использовали дантонистов, чтобы нанести удар эбертизму, и что затем, сильным толчком восстановив равновесие, они взяли верх над дантонистами. Нет, действия Комитета общественного спасения не были скрытыми. Речь Сен-Жюста была своеобразным общим обвинительным актом, направленным как против Дантона, так и против Эбера. Гроза сразу охватила весь горизонт; в подозрениях народа, который охотно преувеличивал вмешательство иностранцев во внутренние дела Революции, Сен-Жюст обрел удобное средство, чтобы объединить весьма различные обвинения. Из этого центра перспективы он и вывел все

27 Mallet du Pan Memoires et Correspondance, t II, p 28

28 Явное преувеличение Мы не можем согласиться с Жоресом Главные пункты обвинения, выдвинутые Фуке Тенвилем против руководителей кордельеров (распространение мятежных афиш, проiski с целью подрыва снабжения Парижа продовольствием, подстрекательство к восстанию, введение в Париж отрядов Революционной армии, организация резни в тюрьмах, назначение верховного судьи), не подтверждаются анализом документов процесса Заговора не было, еще менее — подготовки своего рода военного переворота Правительство избавилось от оппозиции, неорганизованной, подчас беспорядочной, но опасной, так как она использовала социальные требования и поли-

тическую тактику народных масс, несовместимые со взглядами имущих и производителей и с требованиями национальной обороны В лице Эбера, взятого как символ, была осуждена практика санкюлотов

29. «Moniteur», XIX, 631

30 О том, как народ принял вантозские декреты см A Soboul. Op cit., p 715 [См A Soboul. Цит соч., с 335 — *Ред.*] Декреты эти, если и были благоприятно встречены общественным мнением, все таки не оказали психологического действия, способного разрешить кризис, объединив санкюлотов вокруг Революционного правительства

31 «Moniteur», XIX, 686; «Archives parlementaires», LXXXVI, 441.

заговоры. Вернее, под видом многих заговоров существовал только один заговор — заговор иностранцев³², стремившихся погубить Революцию, либо подкупая кое-кого из революционеров, чтобы опозорить весь Конвент, либо побуждая «совершать жестокости, чтобы обвинить в них Революцию и народ», либо советуя проявлять «братоубийственную снисходительность», которая предавала свободу: Шабо, Эбер, Дантон.

Сен-Жюст, понимавший природу, чувствовавший все ее широкие и несколько неясные явления, смешивал в своей широкой символической картине заговоры, внешне совершенно различные:

«Все заговоры едины; это волны, казалось бы бегущие одна вслед за другой и все-таки смешивающиеся. Клика снисходительных, желающих спасти преступников, и клика иностранцев, поднимающая крик, так как она не может поступать иначе, не разоблачив себя, но проявляющая суровость к защитникам народа: все эти клики собираются по ночам, чтобы согласовать дневные атаки; они создают видимость, будто сражаются одна с другой, чтобы общественное мнение разделилось в своем отношении к ним; затем они объединяются, чтобы удушить свободу...»

Иностранцы подогревают эти клики, в угоду своей политике заставляют их поносить друг друга, а также для того, чтобы обмануть недреманное око народного правосудия... Эти различные партии подобны нескольким грозам на одном и том же горизонте: они сталкиваются одна с другой и перемешивают свои молнии и раскаты грома, чтобы нанести удар народу».

В тот же вечер Моморо, Венсан, Эбер и Ронсен были арестованы³³. И Робеспьер, после целого месяца отсутствия снова появившийся в Якобинском клубе³⁴, пришел, чтобы взять на себя ответственность за страшное решение и узнать, какое действие оно произвело. Часть народа пребывала в оцепенении, кое-кто начинал возмущаться. «Это наши патриоты, — говорили женщины в Клубе кордельеров, — нам должны их возвратить». Но второстепенные вожак кордельеров, оказавшиеся теперь на виду после ареста руководителей, колебались, пораженные ужасом³⁵.

Мало-помалу объяснения, данные в Якобинском клубе Комитетом общественного спасения, привели к единодушию. Якобинцы, взявшие над кордельерами блестящий реванш, сгруппировались в большинстве вокруг Комитета общественного спасения. Последний, чтобы ясно показать, что он не намерен идти ни на малейшие уступки снисходительным, через четыре дня велел арестовать Эро де Сешеля и Симона, обвиненных в попытке спасти человека, обвиненного в намерении эмигрировать³⁶.

В процессе эбертистов, к которым присоединили арестованного ранее Анахарсиса Клоотса, группировку Эбера объединили с группой интриганов — Проли, Перейра, Дефьё. Какая

связь была между этими людьми и группировкой Эбера? По-видимому, никакой! Они были международными посредниками, старались наладить связи Республики с другими державами. Они предлагали свои услуги всем революционерам, озабоченным заключением мира, в качестве тайных и добровольных дипломатов, секретных и не облеченных полномочиями посредников, которых можно использовать безопасно, всегда имея возможность отречься от них. Это они некоторое время составляли окружение Дюмуре. Это они, по-видимому, были посвящены в ту политику бережного отношения к Пруссии, которую хотели проводить Дюмуре и Дантон (что было, впрочем, весьма разумно), чтобы оторвать ее от коалиции³⁷. Это они пытались примирить Дюмуре с якобинцами, несомненно, для того, чтобы получить возможность продолжать свою двусмысленную роль посредников после ожидавшегося разгрома Жиронды, которую Дефьё ненавидел, так как он был известен ей как авантюрист и бордоский банкрот. Итак, существовало своего рода противоречие между этой политикой европейских интриг в целях достижения мира и политикой бесконечной войны эбертистов. Объединить Анахарсиса Клоотса с Проли, собираться бросить эти две головы в одну корзину казалось смелым и злоеющим парадоксом. Но все эти люди встречались с Эбером у голландского банкира Кока, встречались с братьями Фрей. Этих батавских и австрийских революционеров посещали Шабо, как и Проли; Проли, как и Эбер и Клоотс. Для Комитета общественного спасения это была великодушная иллюстрация солидарности, объединявшей, несмотря на кажущиеся противоречия, всех тех, кого Комитет называл — «клика иностранцев»³⁸.

32. За эбертистами стояли иммигранты-иностранцы, сторонники войны до победного конца: Клоотс, Кок, Проли; за дантонистами — иностранные подданные, такие, как братья Фрей, шурины Шабо, которых считали австрийскими шпионами, как подозрительным Гусман и многие другие. [Примечание А. Матьеза]

33. Группа кордельеров была арестована в ночь с 23 на 24 вантоза II г. (13—14 марта 1794 г.). («Moniteur», XIX, 706.)

34. Робеспьер снова появился в Якобинском клубе вечером 23 вантоза. (A. Aulard. Op. cit., p. 681.) Он призвал патриотов объединиться против новых опасностей, угрожающих отечеству.

35. О реакции общественного мнения и смятении среди народа

см.: A. Soboul. Op. cit., p. 762, 814. [См.: А. Соуль. Цит. соч., с. 369. — *Ред.*]

36. 27 вантоза II г. (17 марта 1794 г.)

37. После измены Дюмуре Дантон использовал Проли для тайных переговоров с Австрией, через посредство его матери, остававшейся в Брюсселе. Затем Проли фигурировал в партии эбертистов. Бумаги Вонка, хранящиеся в Королевской библиотеке в Брюсселе, доказывают, что Кауниц использовал его для финансирования бельгийских демократов. [Примечание А. Матьеза.]

38. Обо всем этом см. главным образом: A. Mathiez. La Révolution française et les étrangers. Cosmopolitisme et défense nationale. Paris, 1918.

Эти страшные «приблизительные оценки» всегда примешиваются к правосудию революций³⁹.

Эбертисты защищались плохо; я подразумеваю под этим, что они все отрицали⁴⁰. Ронсен и Моморо проявили твердость и мужество. Моморо даже искренне и взволнованно воскликнул: «Меня обвиняют, меня, который все отдал Революции!»

Эбер не смог преодолеть своей подавленности⁴¹. Но ни у кого из них не хватило величия духа изложить свои взгляды, оправдать свою попытку и объявить о своих замыслах. Они были приговорены к смертной казни. Моморо послал своей жене прощальную записку, трогательную и гордую:

«Не сохраняй за собой типографии, которой ты не сможешь руководить одна. Воспитай моего сына республиканцем, каким я был и остаюсь. Я спокойно иду на эшафот».

Клоотс, стоя в тележке, проявил удивительное спокойствие. Он благожелательно смотрел на огромные толпы народа, оскорблявшего побежденных. Какое это имеет значение! Идея не может умереть, и всемирное санкюлотство воцарится когда-нибудь во всем мире, счастливом и умиротворенном.

«Похороните меня на зеленой лужайке». Он мечтал о лесах, о лугах, которые начинали пробуждаться в жерминале, где неутомимо бродили соки жизни, вечная субстанция вещей и живых существ.

Все инвективы, все оскорбления, все кровавые сарказмы «Пер Дюшен» обратились против Эбера; мутный и грязный поток помоев, которые он выплескивал целыми ушатами в течение трех лет, обрушился на его голову:

«Подставляй голову под нож, папаша Дюшен! Ступай скорее на гильотину, папаша Дюшен!»

Мюскадены и контрреволюционеры, затесавшиеся в толпы народа, а также и революционеры, в этом гнусном и трусливом скопище, наперебой ругали человека, которому предстояло умереть. Эбер плакал. Когда его привязали к доске, то плотник, помощник палача, утер ему нос своим красным колпаком. Оба они стояли друг друга⁴².

Эти казни вызвали в народе сильное смятение. Одни (их было немного) даже после суда упорно считали осужденных невиновными. Большинство говорило: «Но кому же теперь можно довериться? Неужели нас будут всегда обманывать? Кто вносит умеренные предложения, те — подозрительные; кто вносит грозные предложения, те — изменники, стремящиеся нас обмануть»⁴³.

Комитету общественного спасения отдавали должное за его бдительность, за его твердость. Но у людей было впечатление, что Комитет, дабы не дать себя опередить заговорщикам, был вынужден несколько сгустить краски, раздуть обвинения, выдать за вполне сформировавшийся и готовый вот-вот разра-

зиться заговор то, что, быть может, еще было только расплывчатой мыслью разгоряченных умов. Это чувство тревоги все разрасталось, охватывая как бы одну область сознания за другой вплоть до самых глубин революционного сознания, и способно было отравить даже относящиеся к прошлому революционные воспоминания и благоговейное восхищение народа. Ибо, наконец, эти люди, только что взошедшие на эшафот, называли себя мартинистами и зывали к Марату. Альбертина Марат, сестра великого усопшего, написала им письмо с выражением своего согласия и сочувствия⁴⁴. А откуда Марат получал информацию в последние дни своей жизни? Из военного министерства; Венсан сообщал ему об интригах генералов и изобличил перед ним Кюстина. Неужели Марат тоже был бы участником заговора? Неужели и он думал вновь совершить насилие над Конвентом, повторить, на этот раз против Горы, восстание 31 мая, установить диктатуру, разделить власть с Эбером и Ронсеном?

Мюскадены распространяли эти слухи, чтобы пробудить в известной мере революционную жалость народа и, заставив его сомневаться во всем, охладить в нем огонь Революции.

39. Здесь следует подчеркнуть уловку правительства, объединившего с группой кордельеров и судившего вместе с ними контрреволюционеров Арно и Катрин Кетино, аристократа генерала Ломюра, иностранцев и иностранных агентов — Клоотса, Кока, Проли, Дэфье, Перейра, Дюбуиссона. Прибавим к ним передовых патриотов и секционных борцов — Буржуа и Леклерка из канцелярий военного министерства; Мазюеля, начальника эскадрона революционной кавалерии, Анкара, активного кордельера, незаметного Дюкроке, комиссара по борьбе со спекуляцией секции Марата, неподкупного Декомба из продовольственной администрации; среди них был и осведомитель Лабуру. И наконец, четверо руководителей кордельеров: Эбер, Моморо, Ронсен и Венсан.

40. Они были казнены 4 жерминаля II г. (24 марта 1794 г.)

41. О поведении Эбера в ходе процесса см. суждение Ронсена, приведенное осведомителем Лабуру: «Что касается Эбера, то это — глупец, лишенный характера;

кроме того, если он будет и далее кривляться, я потребую, чтобы его повезли на тележке одного». Спокойствие Ронсена перед смертью смутило донощика.

42. Само собой разумеется, что мы не разделяем сурового суждения Жореса относительно Эбера.

43. После осуждения группы кордельеров все полицейские наблюдатели отмечают растерянность среди патриотов. Они боятся за свою судьбу, и их тревожит будущее Революции; теперь отношения между патриотами отравлены подозрениями («они следят друг за другом»). См.: A. Soboul. Op. cit., p. 816. [См.: А. Собоуль. Цит. соч., с. 402. — *Ред.*]

44. Речь идет о письме Альбертины Марат к кордельерам от 17 вантоза II г., помещенном в № 244 «L'Ami du peuple par le club des Cordeliers». В действительности Альбертина Марат упрекала кордельеров в том, что они не осмеливались подписать газету своими именами, и противопоставляла их малодушную энергию своего брата.

Друзья Эбера также нашептывали нечто подобное, чтобы в воображении народа смешать эбертизм и маратизм, чтобы к циничному, возбужденному злорадству толпы, насмежавшейся над Эбером даже на эшафоте, примешались угрызения совести и ужас. Как! Если бы Марат был жив, то и он оказался бы на тележке? Страшный вопрос, задать который никто не решался и который лежал камнем на сердце и не давал свободно вздохнуть ⁴⁵.

ГРУППИРОВКА ДАНТОНА

Но вот новая тревога и новый удар. Теперь настала очередь Дантона и его друзей. Кто же мог льстить себя надеждой ускользнуть от беды? Рассказывали, что в течение двух недель между арестом Эбера и арестом Дантона Робеспьер отстаивал Дантона и Камиля Демулена в Комитете общественного спасения и в Комитете общественной безопасности. Сколь бы искренним ни было противодействие, как бы ни страдал Робеспьер, выдавая своего друга Камиля, и какое бы волнение ни испытывал он при виде того, как над Дантоном опускается нож гильотины, все это было чисто внешним проявлением и не могло быть иначе.

В сущности, в тот день, когда Робеспьер решил нанести удар Эберу, он выдал Дантона. Он получил согласие революционеров на действия против эбертизма, только оградив пламенных революционеров от всяких попыток модерантизма. Он увлек за собой Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности, только пообещав громогласно в своей речи от 5 февраля (и в речи Сен-Жюста от 8 вантоза) нанести удар дантонистской группировке ¹. Это был залог, которого требовали сторонники террора в Комитетах. Это был залог, которого требовали Бийо-Варени, Коло д'Эрбуа и Амар.

45. После процесса кордельеров начатось очернение памяти Марата как «главы заговора» Коммуне пришлось выступить и разоблачить эти проиcхия те, кто будет пытаться подорвать уважение, «справедливо заслуженное» мучениками за дело сво-

боды, будут рассматриваться как подозрительные (29 марта 1794 г.) Так выявляется драма Революции после осуждения папши Дюшена революционным властям уже приходится защищать память Друга народа.

1 См. выше, с 351, прим. 1.

«Мы себя скомпрометировали, нанеся удар смелому и, несомненно, мятежному авангарду. Но разве снисходительные не являются тоже мятежниками? Теперь твоя очередь, Робеспьер, самому причинить себе страдания в лице твоих друзей».

И Сен-Жюст был тут как тут, чтобы внушить необходимость римской непреклонности по отношению к преступным велениям дружбы и суетным порывам сердца. И вот они были арестованы и преданы суду². И ужаснее всего было то, что поскольку против Дантона и его друзей не было вещественных улик, доказывающих их прямую и явную виновность, как это удалось сделать с эбертистами, то для того, чтобы их обвинить, понадобилось извратить все их прошлое, оклеветать всю их жизнь.

Да, Дантона понадобилось превратить в роялиста, в продажного человека, понадобилось превратить его в изменника. Участнику событий 10 августа Сен-Жюст осмелился сказать: «Ты спрятался в эту страшную ночь». И Дантона судили вместе с Шабо, с Эглантином, с людьми, либо обвиняемыми, либо изобличенными в мошенничестве и воровстве. И Робеспьер дал Сен-Жюсту свои заметки для составления этого доклада³. Они были найдены. Как, каким усилием мысли смог он бросить эту тень преступления на всю жизнь человека, которого он еще 3 декабря защищал и прославлял перед якобинцами⁴, перед Революцией, перед всем миром? Быть может, он нашел в себе страшное мужество солгать, чтобы уплатить свой долг и долг Революции тем, кто лишь с сожалением пожертвовал эбертизмом. Было и сопротивление. Когда в Конвенте узнали, что Дантон арестован, там поднялось сильное волнение. Но сила террора быстро заставила склониться все головы. Единственным результатом сопротивления было то, что Робеспьеру пришлось пойти еще дальше, взявшись за дело самому, запятнать себя кровью Дантона⁵.

Что это за привилегия и кто смеет требовать, чтобы Дантон был допущен для объяснений к барьеру? Сам он [Дантон] тщетно требовал этого для Фабра д'Эглантина; будет ли здесь оказана милость великим преступникам? Нет, мы не хотим идолов, и, главное, мы не хотим идола, уже давно сгнившего. Робеспьер сказал: «сгнившего идола». Вадье, потирая себе руки при известии об аресте Дантона, как он вскоре будет потирать руки при известии об аресте Робеспьера, сказал: «Вскоре мы выпотрошим эту фаршированную рыбу». Контрреволюционеры повторяли друг другу эти слова и ожидали часа, когда они действительно смогут свалить всю Революцию, как сгнившего идола, и покончить с суверенитетом народа, как с фаршированной рыбой.

Дантон и его друзья защищались перед Революционным трибуналом и отбивались. Дантон то, казалось, принимал и призывал смерть: «Моим жилищем вскоре станет небытие, а мое имя

будет жить в Пантеоне истории», или еще: «Жизнь мне в тягость; пусть ей положат конец», то возмущался чудовищным обвинением в роялизме, в измене и продажности. Он предлагал своим обвинителям появиться, он призывал отсутствующего Робеспьера и бросал ему вызов, и через открытые окна зала суда его громовый голос достигал бережных, заставляя вздрагивать народ, который удивлялся и больше ничего не понимал. В сильном протесте Дантона, порой несколько театральном, но мощном, эхо которого действительно еще поднимало его сторонников, нет никакой идеи, связанной с будущим Революции. Быть может, Дантон не осмеливался признаться перед судьями во всей своей политике? Быть может, он хотел любой ценой завоевать толпу и, перейдя затем в наступление против Робеспьера, осуществить свой тайный замысел? Он упал бы в пропасть контрреволюции.

Во всяком случае, он не сделал из этой последней защитительной речи своего революционного завещания. Если у него был план, если у него был замысел смягчить Революцию, не губя ее, организовать демократию, не предавая ее, то он упустил несравненный случай обнародовать их и обеспечить себе будущее. Комитет общественного спасения, удивленный и напуганный сопротивлением дантонистов, добился декрета Конвента о том, что обвиняемые, нарушающие порядок, отстраняются от участия в судебном разбирательстве. Их удалили, и Революционный трибунал вынес им смертный приговор в их отсутствие. О, какое хватающее за душу прощальное письмо оставил Камиль Демулен своей жене, своей любимой семье!⁶ Кто в состоянии прочитать эту бессмертную страницу и не быть потрясенным до глубины души, тот утратил уже все человеческое. И у Дантона в последнюю минуту как бы дрогнуло сердце при мысли о жене и детях. «Ну, что ж, Дантон, — сказал он, — никакой слабости!» И он окинул народ, допустивший все это, гордым, презрительным взглядом. Эти люди любили жизнь, они любили ее ради нее самой, так как она была жизнью, так как она была любовью, так как она была

2. Дантон, Камиль Демулен и другие были арестованы в ночь с 9 на 10 жерминаля II г. (29—30 марта). Они были гильотинированы 16 жерминаля (5 апреля 1794 г.).
3. A. Mathiez. Les notes de Robespierre contre les Dantonistes. Essai d'édition critique. — «Annales révolutionnaires», 1918; i d e m. Robespierre terroriste. Paris, 1921, p. 793; i d e m. Etudes sur Robespierre. Paris, 1958, p. 121.
4. Заседание Якобинского клуба от 13 фримера II г.
5. Робеспьер выступил дважды: 11

- жерминаля (31 марта 1794 г.) он воспротивился появлению Дантона у барьера Конвента; 15 числа (4 апреля) он поддержал предложение направить в Революционный трибунал доклад Сен-Жюста, с тем чтобы устранить Дантона и обвиняемых вместе с ним от судебного разбирательства. («Moniteur», XX, 95, 34.)
6. См.: J. Claretie. Camille Desmoulins, Lucile Desmoulins. Etude sur les Dantonistes d'après des documents nouveaux et inédits. Paris, 1875, p. 313.

свободой. «Уснем, — говорил Дантон, — на груди славы». И слава своим сиянием скрывает от них ужас смерти.

Печально и ужасно не то, что все эти революционеры, борцы за одно дело, убивали друг друга. Вступая в борьбу, они заранее смирялись с возможностью смерти. Она была между ними заранее избранным арбитром, и у партий, оспаривавших друг у друга руководство Революцией, не было времени на подготовку иных решений. В эти столь заполненные, столь невероятно сконцентрированные часы, когда минуты стоят столетий, одна только смерть отвечает нетерпению умов и спешке событий. Мы не знаем, к какому иному способу могли бы прибегнуть соперничавшие группировки, чтобы разрешить свои раздоры. Трудно представить себе жирондистов, эбертистов и дантонистов, собранных в тюрьме Люксембургского дворца. Они вскоре создали бы парламент в заключении, оппозиционный парламент, где Верньо, Дантон и Эбер в один голос разоблачали бы тиранию Робеспьера. И никто не смог бы сказать с уверенностью, где заседает Конвент — во дворце Тюильри или в Люксембургском дворце. Вокруг этого Конвента прославленных заключенных сосредоточились бы все недовольные и все силы, враждебные Революционному правительству.

В спокойные и медленно протекающие периоды жизни обществ бывает достаточно лишить власти партии, не отвечающие потребностям данного времени. Эти лишённые власти партии могут медленно готовиться к реваншу, не парализуя партии, стоящей у власти. Но когда большая революционная страна борется одновременно против внутренних вооружённых группировок и против всего мира, когда малейшее колебание или малейший промах могут пагубно отразиться, быть может, на века на судьбах нового порядка, то у тех, кто стоит во главе этого огромного начинания, нет времени ни объединить несогласных, ни убедить своих противников. Они не могут уделять много времени ни спорам, ни комбинациям. Они должны сражаться, они должны действовать, а чтобы сохранить в целостности всю силу своего действия, чтобы не раздробить ее, они требуют от смерти, чтобы она создала вокруг них то немедленное единодушие, в котором они нуждаются. Революция была в этот момент всего лишь чудовищной пушкой, и надо было, чтобы этой пушкой управляли уверенно, быстро и решительно. Ее прислуга не имела права ссориться; у нее для этого не было свободного времени. При малейшем споре среди них создаётся впечатление, что пушка Революции заклепана. Смерть восстанавливает порядок и позволяет продолжать действовать.

Начинание революционеров было огромным, а плацдарм действий — очень узким. Они находились во власти Парижа. Великим преступлением Жиронды было то, что она противопоставила или пыталась противопоставить департаменты Парижу. Великим преступлением Жиронды было то, что она вынудила Париж силой вме-

шаться 31 мая, дабы положить конец бессмысленным разногласиям, политике фраз, споров и ссор. Если бы она с самого начала не нарушила революционного единства Конвента, если бы делегаты всей Франции могли по-братски обсуждать дела, то Революция имела бы гораздо более широкую базу и Революционное правительство не было бы принуждено с беспокойством следить за малейшими движениями среди народа Парижа.

Теперь же, наоборот, Конвент был в тисках у Парижа. Париж был точкой опоры и рычагом, а поскольку было достаточно 4 или 5 тысяч решительных людей, чтобы нажать на этот рычаг, то Комитет общественного спасения, чтобы предупредить всяческие поползновения к восстанию, обратился к смерти, этому быстро действующему средству. Она опять вступила в игру, и, какое бы сострадание ни вызывали к себе эти люди, чье существование было так грубо прервано, глубже всего потрясает внимательный ум не трагедия эшафота.

Удручающим и страшным является то, что революционеры не сумели найти центр взаимодействия, который позволил бы им согласовать все их усилия. Разделившись, клеветая друг на друга и ненавидя друг друга, они более не могли вернуть единство раздробленной ими Революции, разве только путем уничтожения противника. Смерть была прискорбной расплатой за их ошибки, роковым противовесом их эгоизму и их заблуждениям. Ссоры, недоразумения, честолюбие и легкомыслие привели в конечном итоге к печальной хирургии, которую один из дантонистов, брошенных в тюрьму Люксембургского дворца, определил так: «Рассечь шейные позвонки».

Революция была ослаблена не пролитием революционной крови, но идейными разногласиями и столкновениями, сделавшими неизбежным хирургическое вмешательство палача.

Революция была выдана на произвол диктатуры не потому, что были обезглавлены все эти великие люди, а вследствие антагонизма между ними. Предположим, что Верньо, Дантон, Эбер, Робеспьер остались бы в живых. Если распри между ними будут продолжаться, явится Бонапарт; вначале он использует одних против других, а затем примирит их друг с другом расстрелами, заключением в тюрьму, ссылкой. Гильотинировав друг друга, вожди Революции просто избавили будущего военного диктатора от отвратительной неизбежности кровавых казней. Результатом этих следовавших одна за другой ампутаций было не столько уничтожение индивидуальных великих сил, сколько постепенное истребление веры народа в Революцию и в себя самого. Как мог бы он выдвинуть из своей среды новых вождей, когда Сансон, показывая ему с высоты эшафота мертвенно-бледные головы всех революционеров, напоминал ему, что его всегда обманывали? Так каждая из этих прерванных жизней вырывала из его души частицу Революции.

Глава пятая

ДЕЛА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Происходящий процесс внутреннего, глубокого разъединения и сомнений не сказался вначале на победном продвижении Революции и ее великих реформах. В этот период террора армию не волновали внутренние катастрофы. Она, можно сказать, не ощущала их косвенного влияния. Создает ли она уже свой особый мир с присущими ему страстями и честолюбивыми помыслами, мир, равнодушный к политическим волнениям? Такое предположение, я полагаю, было бы ошибочным и предвосхищало бы события.

Выражение, приведенное Тибодо: «Армия сегодня — это континент», не было верным в 1794 г. Армия оставалась связанной с Революцией: ей сообщался великий революционный пыл нации. Верно то, что армия, с самого начала разгоряченная и возбужденная своей великой борьбой, относилась к распрям между группировками с меньшим вниманием, чем к маневрам европейской коалиции. Верно и то, что после создания второго Комитета общественного спасения, в июле 1793 г., одно и то же Революционное правительство осуществляло верховное руководство армией. И престиж этого Комитета в известном смысле возрос благодаря неукротимой энергии, с которой он осуществлял казни. У армии была уверенность в том, что таким образом он обеспечивал единство действия и воли, без которых она не имела бы ни удовольствия, ни пушек, ни пороха, ни порыва, ни побед. Армия знала, что Комитет общественного спасения не пощадил даже победоносных генералов, таких, как Кюстин и Ушар, когда они не выполнили всех его предписаний, и она не возмущалась тем, что такая же страшная кара постигла главных деятелей Революции. Верньо, Кюстин, Ушар, Эбер, Дантон — один и тот же

страшный подход ко всем, и незыблемое, мрачное лицо Комитета общественного спасения господствовало над всеми схватками, над всеми политическими битвами, как и над битвами на поле брани. Поэтому, несмотря на внутренние раздоры Революции, великий боевой порыв революционных армий не угасал¹.

Внутренние реформы тоже продолжались. В вопросе образования Конвент шел ощупью. План Лепелетье вначале был принят благосклонно, но затем от него отказались как от неосуществимого. В сентябре 1793 г. начало учебного года в коллежах заставило Конвент принять решение; он, казалось, одобрил общие идеи Кондорсе и признал высокий энциклопедический характер образования. Но вскоре, как бы отказавшись от части величественного идеала полного образования, до которого он вначале возвысился, Конвент ограничился созданием начальных школ², предоставив на волю свободной конкуренции то, что мы ныне называем средним и высшим образованием. Хотя и ограниченное, это было славное начинание — учредить за счет нации и от ее имени народное образование. Да и свобода частного образования, провозглашенная Конвентом для среднего и высшего образования, не была лишена надежных гарантий в смысле его революционного духа; участие священников в нем исключалось.

Конвент совершил такое же великое дело, когда по докладу Барера³ от имени Комитета общественного спасения провозгласил и организовал общественную помощь больным, бедным, увечным и старикам. Выдачей ежегодных пособий в 150 ливров (прелюдия к тому, что мы ныне называем пенсией по старости и инвалидности) Конвент намеревался излечить самые жестокие беды. Таким образом, даже среди бури кровавого террора Революция утверждала свою веру и свой дух человечности.

1. О проблемах, связанных с армией и национальной обороной в 1793—1794 гг., см.: J. J a u r è s. L'Armée nouvelle. Paris, 1910, chap. VI; P. C a r o n. La Défense nationale de 1792 à 1795. Paris, 1912; A. M a t h i e z. La Victoire en l'an II. Esquisses historiques sur la défense nationale. Paris, 1916; A. S o b o u l. Les Soldats de l'an II, Paris, 1959.

2. Декрет от 29 фримера II г. (19 декабря 1793 г.) касался только начальных школ, как и план самого Лепелетье. Образование

было свободным; Республика оплачивала преподавателей в соответствии с численностью учеников. Вводилось обязательное трехлетнее обучение. Текст декрета не оговаривал светского характера обучения, но для преподавания необходимо было иметь свидетельство о гражданской благонадежности.

3. В результате этого доклада в каждом департаменте должна была быть учреждена «Книга национальной благотворительности», что намечало систему социального обеспечения.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИМУЩЕСТВА

Об уверенности Революции в себе самой и в будущем свидетельствует также и то, что в течение II г. продажа национальных имуществ, на время приостановленная в период сомнений и конфликта, предшествовавшего событиям 31 мая, возобновилась и расширилась, как только победа Горы, голосование и принятие конституции и энергия Комитета общественного спасения возвратили революционному делу его единство и силу.

Только после событий 31 мая и началась в действительности продажа имуществ эмигрантов. Директория департамента Сена и Уаза писала о бывшем королевском домене: «Талисман наконец уничтожен», что было справедливо в отношении всего государственного имущества, образовавшегося за счет собственности бежавших дворян. Покупатели, одно время колебавшиеся, решились и толпами стекались на торги. На первый взгляд эти операции были выгодны почти повсюду и для Революции, и для демократии. Почти повсюду, как об этом свидетельствуют периодические отчеты, представляемые Конвенту, продажные цены намного превосходили оценочные.

Например, мы читаем в «Монитёр»⁴:

«Временный управляющий национальными имуществами пишет 4 вантоза II г.⁵, что продажа имуществ эмигрантов, сведения о которой он получил в течение третьей декады плювиоза, достигнет для 153 дистриктов суммы 23 886 997 ливров 6 су 8 денье при оценке имущества в 11 084 143 ливра 14 су 7 денье, что дает превышение в 12 802 853 ливра 11 су 9 денье по сравнению с оценочной ценой. [Как мы видим, более чем вдвое.]

Общая выручка от продажи с торгов, произведенных по нынешний день в 344 дистриктах, расположенных в 83 департаментах, достигает 127 885 145 ливров 2 су 8 денье и превышает на 64 225 244 ливра 16 су 9 денье их оценочную стоимость. [В целом это тоже несколько больше, чем вдвое.]

Подробности, содержащиеся в письмах из дистриктов, представляют не меньший интерес, чем сами операции.

Всюду пыл покупателей соответствует активности административных властей, всюду республиканский энтузиазм воодушевляет людей на торгах и все происходит при возгласах: «Да здравствует Республика! Да здравствует Гора!»

Так было всегда, одно из самых любопытных и решающих доказательств тому следующее: в начале 1793 г. Дельше⁶ потребовал отмены распространенного на Юге обычного права, разрешавшего продавцу требовать признания продажи недействительной (rescision), если в течение последующих десяти лет владение было перепродано за значительно большую цену.

На Юге многие лица, продавшие землю, захотели воспользоваться повышением стоимости земель в ходе Революции, чтобы

добиться признания продажи недействительной. Это повышение стоимости было намного более значительным и реальным в 1794 г., в момент, когда стоимость ассигната восстановилась и достигла почти номинальной цены.

Таким образом, революционное казначейство, по-видимому, получило в обмен на отчужденные земли значительные суммы, и притом деньгами, курс которых достиг их первоначальной стоимости. Более того, если дать себе труд познакомиться в деталях с протоколами продажи имуществ эмигрантов, как и церковных имуществ, опубликованными Рувьером для департамента Гар и Лежэ — для департамента Сарта⁷, то можно констатировать, что эти продажи приводили к довольно заметному дроблению земельной собственности. Почти никогда имение эмигранта не приобреталось целиком одним покупателем. Деление на участки способствовало дроблению при продаже, и к тому же, кто знает, может быть, покупатели, думая о возможности последующих требований возврата, чувствовали себя более уверенно благодаря своей численности. Будучи многочисленны, они образовывали как бы общество взаимопомощи против всяких попыток отобрать у них землю.

Протоколы продажи в департаменте Верхняя Гаронна, просмотренные мной в архивах Тулузы⁸, дали мне в отношении имуществ эмигрантов такие же данные, какие были установлены для департаментов Сарта и Гар.

Нередко единственного прежнего землевладельца заменяют до двенадцати новых собственников. Однако трудно установить с абсолютной точностью, насколько демократическими были торги по своей организации и результатам. Под внешней правильностью операций, несомненно, крылись бесчисленные спекуляции и уловки. Прежде всего, неустойчивый курс ассигната вполне допускал комбинации. Возможно, особенно во времена, когда курс ассигната был очень низким, оценка назначенных к продаже имуществ производилась так, словно ассигнат имел свою нормальную стоимость. Поэтому те, кто покупал на обесцененные ассигнаты, извлекал огромную выгоду, которую не могло поглотить увеличение цены на торгах. Более того, несмотря на законы и декреты, предусматривавшие публичность и гласность продажи и запре-

4. «Moniteur», XIX, 593.

5. 4 вантоза II г. (22 февраля 1794 г.)

6. Дельше (1752—1812) — адвокат, прокурор-синдик Бриуда в 1790 г., депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Верхняя Луара.

7. F. R o u v i è r e. L'Aliénation des biens nationaux dans le Gard. Nîmes, 1900; F. L e g e a u. Do-

cuments historiques sur la vente des biens nationaux dans le département de la Sarthe. Le Mans, 1885—1886, 3 vol. См.: Ж. Ж о р е с. Социалистическая история Французской революции, т. I. кн. 2. с. 89, прим. 3, с. 115, прим. 1.

8. Archives départementales de la Haute-Garonne, série Q.

щавшие стовор покупателей, всегда были возможны тайные соглашения между богатыми фермерами и богатыми буржуа. Они предпочитали обеспечить себе умеренные цены путем своего рода предварительных переговоров и тайного стовора, а не состязаться на торгах, предлагая высокие цены. Как бы ни были активны революционные наблюдательные комитеты, они не могли контролировать всю общественную жизнь мелких коммун, и лионский революционер, предупредивший Якобинский клуб о практике ценовых уловок деревенских муниципалитетов, по-видимому, сам не рассчитывал на возможность такого контроля. В случае надобности заинтересованные лица и сами проникали в наблюдательные комитеты. К тому же муниципалитеты были облечены грозной властью: они собирали и сообщали вышестоящим властям данные, необходимые для определения максимума. Они имели право производить обыски и реквизиции. Вскоре именно они согласно закону будут определять количество зерна, которое будет оставаться каждой семье для потребления или для посева. Кто же в коммуне стал бы искать ссоры с администраторами этих сельских муниципалитетов? Они, несомненно, не раз злоупотребляли своей властью и своим престижем для осуществления доходных операций; коммуны не рисковали набавлять на торгах цену против предложенной ими.

И цены не поднялись так высоко, и дробление земель не зашло так далеко, как это было возможно. Даже закон, предусматривавший дробление земель на участки, содержал только советы, а не какие-либо четкие предписания. Сказать правду, при разделе владений, назначенных к продаже, не было возможности установить какое-нибудь математическое правило. На заседании Якобинского клуба многие депутаты Конвента не пришли к согласию относительно смысла закона, причем одни утверждали, что он требует раздела на участки, а другие это отрицали. Истина состоит в том, что несколько неясный закон предоставлял большую свободу для спекуляции таким людям, как Гранде, могущественным и ловким деревенским спекулянтам, чьи первые операции так ярко изобразил Бальзак и чьи корни переплелись под землей с корнями самой Революции. Но несмотря на многие изъяны при возникновении революционной собственности, эта операция в целом тем не менее была благотворительной и великой. Она расширила базу Революции и укрепила ее. И огромные ресурсы, полученные от этой новой серии продаж, вскормили победы II г.⁹

МАКСИМУМ

Не послужили ли законы, касавшиеся зерна (май 1793 г.), введение максимума, устанавливавшего твердые цены на все продукты первой необходимости, особенно на сельскохозяйственные

продукты¹⁰, — не послужили ли они для покупателей земель предложением снижать цены на земли? Не имел ли в этом смысле максимум, который, казалось, должен был защитить городских потребителей от алчности землевладельцев, от чрезмерных притязаний фермеров, не имел ли он своим результатом, в виде своего рода экономической компенсации, снижение цен на торгах и приобретение земли фермерами и сельскими буржуа по относительно низким ценам? Поэтому, когда Малле дю Пан, характеризующий в общих чертах экономическую жизнь этой эпохи, говорит, что «при правлении Робеспьера» города навязывали свою волю деревням, то он не принимает должным образом во внимание сложность явлений и двойное, противоположное действие закона о максимуме, прямо ограничивавшего, к их выгоде, цены на землю.

Велико было сопротивление применению максимума не только со стороны сельских собственников и фермеров, но и со стороны городских торговцев. Я уже упоминал о заседании Коммуны, где Шометт разоблачал это сопротивление, говоря о Париже¹¹. Жаловались и возмущались не одни только оптовые торговцы. Розничные торговцы, перекупщики и перекупщицы тоже жаловались. И сказать правду, определение единой цены таким образом, как это, казалось, вытекало из чересчур общего сентябрьского закона, не делавшего различия между стоимостью производства, оптовой продажной ценой и розничной продажной ценой было особенно убыточно для розничных перекупщиков. Не только прибыль, какую они получали последними после получения прибыли оптовыми торговцами и получения прибыли производителями, была, естественно, наиболее ненадежной, но поскольку во времена падения курса ассигнаты розничные цены были увеличены пропорционально больше, чем оптовые, — так, например, цена на кочан капусты увеличилась пропорционально больше, чем цена на штуку сукна (вследствие трудности найти ассигнаты мелкими купюрами, соответствующие малой градации цен), — то мелкая торговля оказалась глубоко задетой и резко протестовала. Оптовые торговцы, оказывая сопротивление, прятались за спину розничных торговцев. Вот почему 11 брюмера II г. Конвент декретировал, чтобы цена устанавливалась по цене про-

9. О всех проблемах, связанных с продажей национальных имуществ, см.: G. Lefebvre. *La vente des biens nationaux*. — «Revue d'Histoire moderne», 1928; i d e m. *Etudes sur la Révolution française*. Paris, 1963, 2e édition, p. 307.

10. Первый максимум на зерно и муку был введен законом от

4 мая 1793 г., второй — законом от 11 сентября, общий максимум был введен законом от 29 сентября 1793 г.

11. «Moniteur», XVIII. 121, заседание Генерального совета 14 октября 1793 г. Шометт изобличал «огромные барыши, извлекаемые оптовыми торговцами».

изводства на основе цен 1790 г., увеличенных на одну треть, а затем увеличивалась на 5% в расчете на прибыль оптовых торговцев и на 10% в расчете на прибыль торговцев в розницу. Транспортные расходы должны были высчитываться по расстояниям¹².

Чтобы составить общую таблицу цен, Продовольственная комиссия в соответствии с мандатом, полученным ею в брюмере обратилась ко всем народным обществам. Ответы были получены ею почти отовсюду, и Барер, доводя до сведения Конвента результаты этой огромной статистической работы¹³, с полным основанием сказал, что народ еще никогда не делал подобного усилия, чтобы пролить ясный свет на все условия и на все обстоятельства своей жизни. Эта огромная работа была почти завершена по всей Франции к 1 жерминаля, и Комитет общественного спасения с помощью Продовольственной комиссии¹⁴ внимательно следил за тем, чтобы максимум повсеместно применялся. Поэтому, когда станет возможным в результате опубликования обширных архивных документов о максимуме, до сего времени почти не изученных, исследовать экономическую историю Революции, надо будет различать период до 1 жерминаля II г и период, последовавший за ним.

Не следует думать, что даже до 1 жерминаля, даже до опубликования таблиц, составленных на основе точных правил, установленных в брюмере, закон о максимуме от 29 сентября 1793 г. оставался мертвой буквой. Нетерпение народа к таксации продуктов питания первой необходимости было слишком велико, чтобы производители и торговцы могли полностью обходить закон, каким бы неясным и недостаточным ни был он вначале. Но мне кажется (насколько об этом можно судить сегодня), что в первый период строгое применение закона или пренебрежение им зависело от умонастроения муниципалитетов. И даже понимание его было различно в зависимости от более или менее народного состава муниципалитетов¹⁵.

Так, в Париже Коммуна поспешила применить закон о максимуме к оптовым торговцам. По отношению к мелким розничным торговцам, к перекупщикам, не соблюдавшим закона, Коммуна, по-видимому, проявляла большую терпимость. И особо следует отметить, что Коммуна, поспешившая таксировать предметы питания, хранившиеся у оптовых торговцев, не торопилась применять таксацию к заработной плате. Таким образом, рабочие немногочисленные вследствие огромного призыва мужчин в армию и, во всяком случае, весьма занятые из-за непрекращающихся поставок, которых требовало военное министерство, как покупатели оказались в выгодном положении благодаря таксации продовольствия, а как продавцы своего труда зависели от закона предложения и спроса, в тот момент для них благоприятного¹⁶.

Например, в донесении осведомителя Перьера от конца вантоза я нахожу¹⁷:

«Подмастерья—каменщики и плотники отказываются работать менее чем за 6 ливров в день; с каждой новой декадой они требуют очередной прибавки в 10 су. Так же поступают и чернорабочие этих двух профессий; они добились оплаты в 3 ливра 10 су за рабочий день. Если их непомерные требования сразу же не удовлетворяются, они угрожают прекратить работу... Так, возвращаясь домой вчера вечером около 9 часов, я услышал, как семь или восемь рабочих, собравшись на углу улицы, клялись, что они не выйдут на работу; это решение с их стороны, вероятно, было вызвано отказом в прибавке со стороны их хозяев».

II полицейский прибавляет:

«Со всех сторон возмущаются этой тиранией рабочих; выражают надежды и ожидают, что цена их рабочего дня будет таксирована по новому закону о максимуме, все положения которого, как говорят, будут иллюзорны, если рабочая сила, представляющая собой такой же товар, как и всякий другой, и являющаяся непременной основой для определения цены на все другие предметы, не будет включена в положения закона и на нее не будет установлена соответствующая такса».

В то время как Парижский муниципалитет таксировал продукты питания, во всяком случае, на оптовых складах, владельцы которых, впрочем, на основании закона о скупке были обязаны продавать их в розницу, и пренебрегал таксацией заработ-

2. «Moniteur», XVIII, 316; «Archives parlementaires», LXXVIII, 142, 11 brumaire an II (1er novembre 1793).

13. «Moniteur», XIX, 526.

14. Продовольственная комиссия была образована 27 октября 1793 г. под руководством Ленде.

15. Максимум применялся строго только в отношении хлеба и государственных реквизиций (Комитет общественного спасения во многих случаях также допускал отступления).

16. По закону от 29 сентября 1793 г. максимум заработной платы должны были устанавливать муниципалитеты. Поскольку в Париже народ оказывал сильное давление, Коммуна не применяла закона, и заработная плата оставалась свободной. После каз-

ни Эбера и Шометта робеспьеристская Коммуна попыталась исправить положение, наносившее ущерб предприятиям. Это упорядочение заработной платы завершилось опубликованием 5 термидора II г. (23 июля 1794 г.) максимума заработной платы в Париже, это было значительное принудительное снижение. См.: G. Rudé et A. Soboul. Le maximum des salaires parisiens et le 9 thermidor. — «Annales historiques de la Révolution française», 1954, p. 1. См. ниже, прим. 18.

17. Paris pendant la Terreur. Rapports des agents secrets du ministre de l'Intérieur, publiés par P. Caron, t. V, Paris, 1958, p. 79, донесение Перьера от 14 вантоза II г. (4 марта 1794 г.)

ной платы, другие муниципалитеты, где влияние буржуазии было большим, торопились таксировать заработную плату одновременно с продовольствием и фабричными изделиями.

Я нашел, например, в архивах департамента Тарн письмо от «10 плювиоза II г. Республики, единой, неделимой и вечной», посланное национальным агентом из Пуди директории дистрикта Лавор:

«Декреты Национального Конвента, постановления народных представителей и постановления высших властей, полученные муниципалитетом Пуди в течение декады, были расклеены под барабанный бой и зачитаны в соответствии со статьями 9 и 10 закона, предписывающего это; они будут выполняться со всем усердием.

Максимум на предметы первой необходимости, продающиеся в нашей коммуне, строго соблюдается, и граждане, изготавливающие масло для освещения, жалуются, что они много теряют на этом, и заявляют, что будут вынуждены больше не производить его на продажу, так как льняное семя обходится им в 6 ливров *за меру*, и т.д.

Благоволите сообщить нам, граждане, должны ли мы придерживаться максимума или же вы разрешаете нам небольшое увеличение цены; я всегда буду добиваться строгого исполнения передаваемых мне распоряжений; в ожидании вашего ответа *максимум* будет соблюдаться во всей строгости».

Говорил ли правду национальный агент из Пуди? Во всяком случае, из многочисленных писем, которыми обменивались муниципалитеты соседних небольших сельских коммун, советуясь на счет цен, какие они должны назначать (их следует приводить точно, вплоть до грубых орфографических ошибок), несомненно, вытекает, что закон о максимуме даже в этот первый период не был законом на бумаге, что он проникал во всю экономическую жизнь нации. Что же касается крупных коммун, то коммуны Альби и Корд, в противоположность муниципалитету Парижа, как только им стал известен сентябрьский закон о максимуме, поспешили таксировать заработную плату.

В Альби «на заседании 15 октября 1793 г., II г. французской Республики, единой и неделимой», т.е. уже через несколько дней после декрета от 29 сентября, «генеральный совет коммуны, на основании статьи 8 закона от 29 числа минувшего сентября, который предписывает ему установить максимум, или высшую ставку, жалования, оплаты рабочей силы и рабочего дня,

заслушав прокурора коммуны, установил максимум на следующие ниже перечисленные предметы:

Наименование рабочих, поденщиков и пр., оплата в соответствии с различными временами года их рабочего дня, вытекающая из максимума, установленного законом от 29 сентября 1793 г., с кормежкой или без оной:

Каменщики, плотники, слесари, штукатуры, потолочники, каретники, бочары, мастера по изготовлению деревянных башмаков, с 1 ноября до 1 марта — 1 ливр 12 су, без кормежки; с 1 марта до 1 ноября — 1 ливр 18 су, без кормежки.

Поденщики, занятые тяжелым трудом: в сентябре, октябре и ноябре — 1 ливр 5 су, без кормежки; в декабре, январе и феврале — 1 ливр, без кормежки; в марте, апреле, мае, июне, июле и августе — 1 ливр 10 су, без кормежки.

Поденщики, занятые легким трудом: с 1 октября до 1 марта — 10 су, без кормежки; с 1 марта до 1 октября — 12 су, без кормежки...»

Равным образом таблица детально уточняет как плату за рабочий день, так и сдельную оплату за перевозку и транспорт и за полевые работы. За последние рабочие будут получать: с 1 сентября по 1 декабря — 1 ливр 4 су; с 1 декабря до 1 марта — 1 ливр; с 1 марта до 1 сентября — 1 ливр 10 су; три вышеуказанные оплаты — без обеда; когда будут давать обед, будет вычитаться 4 су. Если поденные рабочие будут использованы на косье, жатве и молотьбе, их будут кормить в дополнение к выше указанной оплате.

Женщины, занятые на полевых работах, будут получать: с 1 сентября до 1 марта — 9 су и обед; с 1 марта до 1 сентября — 12 су и обед. Когда обед не будет даваться, работница будет получать дополнительно по 3 су. Рабочий день будет начинаться с восходом солнца и оканчиваться с его заходом — как для мужчин, так и для женщин.

Для возделывания виноградников, для изготовления ярма, сельскохозяйственных орудий тоже устанавливается оплата.

Приведем теперь данные о заработной плате на шерстоткацких фабриках:

Сортировщицы — 7 су 6 денье, а затем за расчесывание, за трепание, размотку, за прядение, за сучение, за валку, за мотание, за намотку на катушки, за навивание основы, за тканье, за выделку — за все эти столь разнообразные операции, связанные с производством шерстяных и хлопчатобумажных тканей и ниток, — целая градация сдельной оплаты, которая имела бы смысл для читателя только в том случае, если бы ее с некоторой точностью можно было свести к плате за рабочий день.

Подмастерья-сучильщики получают 1 ливр 10 су в день; дети-помощники сучильщиков — 13 су 6 денье. В промышленности заработная плата, как мы видим, в общем, ниже заработной платы в сельском хозяйстве (во всяком случае, заработная плата фабричных рабочих и ткачей).

Как и коммуна Альби, коммуна Корд спешит применить статью 8 закона от 29 сентября и установить твердые ставки оплаты на все виды промышленного и сельского труда.

Трудно определить общий результат максимума для экономического положения пролетариев. Я уже отмечал (и, по моему мнению, это факт огромной важности), что в сравнении с 1790 г. положение наемных рабочих заметно улучшилось, так как цены на продукты питания были увеличены только на треть, а заработная плата наемных рабочих — наполовину. Но вопрос в том, не добились ли рабочие до введения максимума гораздо большего увеличения заработной платы по отношению к установленным ценам на продовольствие, чем то, какое допускал закон о максимуме. Таким образом, если закон о максимуме, несомненно, упрочил преимущества, завоеванные пролетариями с начала Революции, то трудно сказать, означал ли он для них ощутимую выгоду сравнительно с положением, существовавшим непосредственно перед введением максимума.

Закон о максимуме, по-видимому, принес им главным образом уверенность; но с точки зрения соотношения между оплатой труда и стоимостью продуктов не доказано, что закон принес улучшение. Во многих случаях пролетарии пытались обходить *максимум*. Но даже из этого факта нельзя сделать точные выводы (во всяком случае, при нынешнем состоянии наших источников). Быть может, они протестовали потому, что закон о максимуме в конечном счете тут и там приводил к явному снижению заработной платы. Быть может, также они стремились обойти закон о максимуме в ответ на уловки, с помощью которых владельцы продовольственных товаров в свою очередь часто обходили этот закон. Возможно также, что рабочие ничего не имели против распространения и закрепления временного порядка, который, по-видимому, был выгоден парижским пролетариям, — таксации продовольствия и свободного установления заработной платы¹⁸.

Именно против этого и восстает Комиссия по продовольствию и снабжению Республики в своем циркуляре, с которым она 11 фримера II г. обратилась к администраторам департаментов и дистриктов и ко всем гражданам¹⁹.

«Принимая во внимание, что спасительные законы, цель которых — уничтожить в корне злостные спекуляции алчных людей, жиреющих на крови бедняков, станут бесполезными и безрезультатными, если все члены общества не будут способствовать, каждый в своей области, их строгому исполнению в целом — единственному средству обеспечить народу, по сходной цене, предметы, необходимые для его существования; принимая во внимание, что эта истина еще недостаточно понята и что злонамеренность и алчность, вводя умы в заблуждение, побуждают некоторых рабочих требовать чрезмерной оплаты их труда, что является формальным нарушением статьи 8 закона от 29 числа минувшего сентября, устанавливающего заработную плату, жа-

дованье, оплату рабочей силы и рабочего дня на основе ставок 1790 г., наполовину увеличенных, и открыто ведет к подрыву законов, определяющих максимум, к поощрению ажиотажа и убийственных спекуляций алчных людей и вновь повергнет народ в нищету;

принимая во внимание, что закон издан для всех и что не только долг каждого гражданина, но и в его интересах ему повиноваться;

Комиссия, узнав о том, что многие рабочие, в частности занятые заготовкой дров и древесного угля, и владельцы тягловых лошадей в различных местах департаментов, дистриктов и муниципалитетов, где происходит торговля, требуют столь непомерной оплаты, что торговцы дровами не смогут поставлять народу эти товары по ценам, установленным законом о максимуме, если будут вынуждены платить столь высокие цены за их заготовку и перевозку;

постановляет, что административные и муниципальные власти будут обязаны, под их личную и индивидуальную ответственность, еженедельно представлять Комиссии отчет о выполнении статьи 8 закона от 29 числа минувшего сентября относительно таксации заработной платы, жалования, оплаты рабочей силы и рабочего дня...»

Но особенно после 1 жерминаля, то есть после опубликования переработанной таблицы максимума, Революционное правительство строжайше следит за соблюдением закона как в отношении оплаты труда, так и цен на продовольствие. При этой переработке Комиссия по продовольствию, получив одобрение и поддержку Комитета общественного спасения, была явно озабочена стремлением несколько ослабить чересчур суровые условия, созданные вначале для торговли и сельского хозяйства²⁰.

18. Ввиду сокращения численности рабочих рук наемные рабочие смогли добиться от нанимателей увеличения оплаты своего труда, которое применение максимума свело на нет. Вот каково было положение парижских рабочих в результате введения максимума 5 термидора: заработная плата плотника 1 класса понизилась с 8 ливров до 3 ливров 15 су; заработная плата кузнеца или сборщика-оружейника — с 16 ливров 10 су до 5 ливров 5 су. Легко понять, как это принудительное снижение оплаты повлияло на настроение наемных рабочих накануне 9 термидора. См. статью, указанную в прим. 16.

19. См. этот циркуляр в «Les actes du Gouvernement révolutionnaire... Recueil de documents, publiés par A. Cochin et Ch. Charpentier, t. I, Paris, 1920, p. 530; P. C a r o n. La Commission des subsistances de l'an II. Procès-verbaux et actes. Paris, 1924, 2 vol. t. I, p. 83.

20. Опубликование таблиц максимума 1 жерминаля II г., (21 марта 1794 г.) вызвало в Париже всеобщее недовольство среди санкюотов. Новые цены были выше тех, которые практиковались до сих пор. См.: A. S o b o u l. Op. cit., p. 934. [См.: A. С о б у л ь. Цит. соч., с. 465. — *Ред.*]

Цены на многие продукты питания, особенно на мясо, которого стало не хватать, были повышены, несомненно, для того, чтобы мошенничество не переходило всех границ.

В прериае Комитет общественного спасения дает статье о заработной плате толкование, более благоприятное для землевладельцев и фермеров, чем для работающих по найму²¹.

«Комитет общественного спасения (29 прериаля II г.), узнав из доклада Комиссии земледелия и ремесел, что в некоторых дистриктах возникают затруднения в связи с установлением заработной платы для рабочих, занятых на уборке урожая, из каких одни привыкли получать плату натурой, а другие — отчасти натурой и отчасти деньгами, в то время как подавляющее большинство рабочих получало плату деньгами;

принимая во внимание, что заработная плата была повышена ввиду повышения цен на продукты питания и что если оплата натурой будет так же повышена, как оплата в ассигнатах, то мы вновь окажемся в том же трудном положении и соответствия между оплатой натурой и оплатой деньгами больше не будет;

что, после того как Национальный Конвент принял самые мудрые и самые справедливые меры для противодействия усилиям алчности, для таксации цен на продовольствие и для предохранения народа от пагубных колебаний, которые, среди изобилия, подрывали его существование, заработная плата рабочих должна быть установлена в соответствии с издержками земледельцев, потребностями народа и справедливостью, которая должна быть общим правилом для всех граждан, проливают ли они свою кровь за Отечество на полях сражений или под защитой вооруженных сил Республики заняты на уборке урожая;

постановляет, что заработная плата, выплачиваемая натурой за работы по уборке урожая, в силу обычаев, неуклонно соблюдаемых в некоторых местностях, будет установлена на том же уровне, на каком она находилась в 1790 г., без всякого увеличения.

В местностях, где заработная плата выдавалась частично натурой, частично ассигнатами, часть ее, выплачиваемая ассигнатами, будет увеличена наполовину, в соответствии с постановлением от 11 прериаля, а другая ее часть, выплачиваемая натурой, останется в таком же размере, как прежде, без увеличения.

Гражданам, занятым на уборке урожая, которые предпочитают ассигнатами, а не натурой, будут платить ассигнатами. Выплату натурой можно будет требовать только в тех местностях, где этот обычай соблюдался постоянно.

Подписали: Робер Ленде, Карно, Барер, Приёр, Колло д'Эрбуа, Кутон, Робеспьер, Бийо-Варенн.

Да, но это означало отнять у сельскохозяйственных рабочих, оплачиваемых натурой, выгоду от прибавки в одну шестую, которую я попытался вычислить и на которую могли притязать

рабочие, оплачиваемые ассигнатами; таким образом, уступка, сделанная рабочему классу, урезывалась в интересах землевладельцев и арендаторов. Правда, во многих местах землевладельцы — собственники и арендаторы жаловались на то, что точное равновесие закона о максимуме было нарушено в ущерб им. Они, например, заявляли, что во многих дистриктах, где преобладало влияние промышленной буржуазии, цены на промышленные изделия были выше установленных законом. Они указывали, что заработная плата должна была быть повышена наполовину сравнительно с 1790 г., и говорили (это было неверно в отношении большинства районов, но верно в отношении некоторых), что цены на зерно, напротив, были ниже, чем в 1790 г.

Комитет общественного спасения, удовлетворив требования парижских петиционеров, по-видимому, старается как можно более смягчить непопулярность *максимума* среди имущих сельских классов. Но натиск сельскохозяйственных и промышленных пролетариев был столь велик благодаря воздействию революционного движения, что во многих местностях ставки заработной платы были либо сохранены, либо превысили (в 1794 г.) пределы, установленные законом о максимуме. Например, по документам из Парижского архива видно, какой высокой была летом и осенью 1794 г. заработная плата поденщиков в бывшей провинции Бургундия. Прекрасное и жаркое лето привело к раннему созреванию хлебов. И молотьба на гумнах началась как раз тогда, когда пришло время сбора винограда. Отсюда огромное повышение заработной платы пролетариев, рабочие руки которых были нарасхват. Я все же полагаю, что, в общем, период максимума, если принять в расчет все выгоды и потери, был для пролетариев в целом скорее эрой уверенности, чем несомненным увеличением покупательной способности заработной платы.

Закон о максимуме, восстанавливая доверие к ассигнату и тем самым принося величайшую пользу Революционному правительству и государственным закупкам, в то же время предупредил панику и воспрепятствовал резкому нарушению рав-

21. См. этот циркуляр в: *Actes du Comité de salut public*, t. XIV, p. 352, 29 prairial an II (17 juin 1794). По вопросу сельскохозяйственных рабочих и их заработной платы перед жатвой 1794 г. см.: A. Mathiez. *La Vie chère et le mouvement social sous la Terreur*, p. 595. [См.: А. Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора, с. 445. — *Ред.*] По

данным Матьеза, несмотря на повторные категорические предписания Комитета общественного спасения, заработная плата сельскохозяйственных рабочих была в общем установлена выше определенного законом уровня: «Итак, по всей видимости, сельскохозяйственные рабочие оказывали такое же сопротивление таксам заработной платы, как и трудящиеся городов» (с. 452).

новесия, к которому могло привести в разных местах крайнее напряжение экономических отношений.

Именно таким крайним напряжением экономических отношений и характеризуется этот период. Голода не было; в абсолютном смысле слова не было даже крайней нехватки продуктов. Представлять себе этот бурный и напряженный период как эпоху нищеты и даже величайших трудностей значило бы глубоко ошибаться. Малле дю Пан говорит, что иллюзии, которые питает коалиция держав, — ребячество, если они воображают, что Франция страдает от голода²². Только в отношении некоторых предметов, вследствие огромных поставок для армии, возникают трудности снабжения. Недостатка в хлебе нет, и если его иногда приходится ожидать, то его всегда доставляют. Почти все перевозочные средства изъяты для военных нужд, и потому древесный уголь иногда доставляется с трудом. Кож и свечей тоже иногда не хватает, так как большие стада быков угоняют к границам. Но несмотря на эти трудности, снабжению народа продовольствием ничто серьезно не угрожает. Для всех есть работа, и за высокую оплату. Некоторые отрасли промышленности были опустошены, словно после грозного шквала. Так, шелкоткацкое производство Лиона, уже сократившееся в 1793 г. из-за уменьшения числа потребителей предметов роскоши, в 1794 г. пострадало из-за гражданской войны. Жестоко пострадала также и торговля Марселя, как и все виды местной промышленности, которые ее питали.

ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Но военные потребности столь велики повсюду²³, нужно столько железоделательных заводов, столько ткацких и сапожных мастерских, чтобы вооружить, одеть и обуть 1400 тыс. сразу призванных солдат, причем покупатели церковных имуществ и имуществ эмигрантов так ожесточенно оспаривают друг у друга рабочую силу для неотложных работ в своих владениях, что спрос на рабочие руки повсюду чрезвычайно велик и они диктуют свои условия.

В декабре делегация лионских рабочих заявляет в Конвенте, что если Революция проявит милосердие к заблуждающимся жителям, то все они смогут найти себе работу в местных оружейных мануфактурах²⁴. Так же поступили и парижские ювелиры. В эти времена кризиса обнаруживается поразительная гибкость французского рабочего. Потребность в рабочих в некоторых отраслях промышленности так велика, что рабочие-ткачи, чья заработная плата, как мы видели, невысока, устремляются на промышленные предприятия, где заработная плата выше, так что приходится силой удерживать их на суконноткацких фабри-

ках. Так, в фрюктидоре II г. народный представитель, находящийся в Тулузе и «осведомленный о том, что многие рабочие, занятые на суконноткацких фабриках, главным образом в коммуне Каркассонн, оставляют свою привычную работу ради другой, в настоящее время более выгодной, что лишает фабриканта возможности поставлять сукна, столь необходимые, чтобы одеть наших взявшихся за оружие братьев, если немедленно не будет положен конец такой дезорганизации фабрик;

принимая во внимание, что большинство фабричных рабочих может быть заменено только людьми, знакомыми с этой работой, что требует времени и опыта;

принимая во внимание, что в то время, как наши братья с оружием в руках устремляются на вражескую территорию и пренебрегают любыми опасностями, дабы укрепить нашу свободу, тех, кто занят в мастерских, предназначенных для изготовления сукон, которые должны защитить их [солдат] от непогоды, и покидают эти мастерские из низменных интересов, нельзя рассматривать иначе, как граждан, ничем не желающих участвовать в грозной борьбе за свободу против тирании, и, следовательно, надо считать подозрительными, заслуживающими соответственного обращения;

постановляет: все рабочие, занятые обычно на основных работах по производству сукон — в расположении Восточно-Пиренейской армии, — считаются мобилизованными; они ни под каким предлогом не смогут покидать свои мастерские, в противном случае они будут признаны подозрительными и с ними поступят как с таковыми».

Разве такие меры понадобились бы, если бы были налицо экономический застой и безработица? Это было время интенсивного производства, и в некотором смысле можно сказать, что Революция, подобно удару хлыста, ускорила современную индустриализацию. Она максимально использовала обстоятельства и людей. Она извлекла из любой силы, сырьевой, животной, человеческой, все, что эта сила могла дать.

Чтобы обеспечить производство пороха селитрой, Революция

22. Mallet du Pan. Mémoires et Correspondance, t. II, p. 29. «Эти рассказы о голоде следует отнести к басням ...»

23. О военной промышленности фундаментальным трудом является: C. Richard. Le Comité de salut public et les fabrications de guerre sous la Terreur. Paris, 1922.

24. 30 фримера II г. (20 декабря 1794 г.) перед барьером Конвента появилась депутация Освобожденной коммуны. «Война прекратилась, но мы страдаем от бедствий, худших, чем все несчастия военного времени... Пусть на смену царства террора придет царство любви», («Moniteur», XIX, 13; «Archives parlementaires», LXXXII, 33.)

скоблит погреба и стены²⁵. Для своих литейных заводов она использует колокола, снятые с колоколен²⁶. Подобно тряпичнику-гиганту, она собирает все тряпки, чтобы снабжать бумагой революционную администрацию, действительно ставшую, по выражению Сен-Жюста, «миром бумаги». Для своих суконноткацких фабрик она реквизирует всю шерсть. А так как многие мужчины находятся в армиях, так как к тому же потребности производства бесконечно превышают потребности нормального времени, Революция обращается с призывом к детям и женщинам. Она не только раздает им работу на дом, подобную той, к которой они привыкли при старом порядке; она собирает их в спешно созданных обширных мануфактурах.

Фабриканты сукон Альби пишут в Продовольственную комиссию, что детям следовало бы дать промышленное обучение. Буайе-Фонфред устраивает в Тулузе обширные ткацкие мастерские, где собирает детей и женщин. Жан Бон Сент-Андре созывает в свои парусные мастерские в Бресте бретонских женщин, привыкших обращаться дома с прялкой и веретеном. В поселках, расположенных вблизи залежей руды, на площадях загораются огни литейных, где деревенские ремесленники, до того времени привыкшие работать порознь, познают дисциплину и порыв коллективного труда. Пыл патриотизма и сознание нависшей опасности ускоряют ритм работы, ранее несколько вялый, и крупная промышленность, подогреваемая и подгоняемая революционной войной, тренирует рабочую силу для лихорадочного темпа работы при современном капитализме. Декада, пришедшая на смену неделе, увеличивает промежутки между днями отдыха. Все силы, каждая минута дают максимальную отдачу, подобно химическим веществам.

Так же как Революция подает пример горячей и напряженной работы, она подает пример и широкого обращения денежных средств. Подумать только — она расходует более 300 млн. в месяц, около 4 млрд. в год, причем Комиссия финансов оценила общий годовой доход нации в 3 млрд. Таким образом, нация расходует на войну, на завоевание свободы и будущего больше, чем составляет весь годовой доход Франции. Чудовищные расходы, которые, если бы они продлились, сожрали бы все резервы будущего. Но какое возбуждение сил всего организма! Какой накал труда и промышленного производства, чтобы поддержать боевой пыл! И как при этом колоссальном подъеме национальной жизни рабочие могли бы проявлять уныние и чувствовать себя несчастными? Тибодо в своих «Мемуарах» отметил этот огромный взрыв энергии и богатства²⁷.

Природа посылала этой пылкой и широкой деятельности свою улыбку, светлое обещание плодородия. Зима 1794 г. была ко-

роткой. Ранняя весна покрыла деревья цветами, а богатое плодами пышное лето тоже торопливо и щедро трудилось, словно земля и небо заразились усердием и спешкой людей.

Так как все рабочие, все граждане трудились на благо свободы и Отечества; так как они свободно приносили свои силы в дар находившейся под угрозой Революции, то этот добровольный благородный тяжелый труд не разрушал их души, как принудительный рабский труд. Рабочие сохраняли силу мысли и думали о том, чтобы установить такой распорядок работы, который обеспечил бы им свободную и счастливую жизнь. Так, во II г. рабочие Национальной типографии потребовали от Конвента введения девятичасового рабочего дня — 8 часов работы и один час публичного чтения, гибкой и гуманной дисциплины, которая позволила бы рабочим выполнять часть работы отсутствующего рабочего, чтобы каждый смог, с согласия своих товарищей, иметь свободное время и отдых; затем они требовали введения пособий по болезни и пенсий по старости.

25. О добыче селитры во время Революции см.: A. Soboul. Les Soldats de l'an II, p. 144.

26. О снятии колоколов см.: C. Richard. Op. cit., p. 255.

27. Thibaudeau. Mémoires sur la Convention et le Directoire. Paris, 1824, 2 vol., t. I, p. 53. «Энергия нации, казавшаяся по-

давленной террором, проявилась перед лицом врага во всем своем блеске. Таланты, искусства и науки, состязаясь между собой, подготавливали самые славные триумфы. Повсюду множилось число мастерских по изготовлению оружия и снаряжения всякого рода».

РЕВОЛЮЦИОННАЯ МЫСЛЬ. КОНДОРСЕ

От скольких бесполезных страданий избавила бы пролетариат полная победа республиканской демократии! Великая мысль Кондорсе открывала в уединении будущее. Кондорсе, которого Шабо обвинил в Конвенте в том, что он позволил себе кое-какие критические замечания о конституции и сказал, что предпочитает ей доложенный им самим проект конституции, вот уже в течение нескольких месяцев скрывается в скромном доме на улице Сервандони; он не предается там отчаянию и гневу¹. Рукой мастера он пишет «эскиз исторической картины прогресса человеческого разума»².

Мемуары Петиона и Бюзо представляют собой не что иное, как долгий вопль бешенства и мщения. Кондорсе забывает о себе и думает только о человечестве. Он нисколько не проклинает этой Революции, одним из самых благородных тружеников которой он был и чьей жертвой он вскоре станет и уже стал³. Он не теряет надежды. Он не сводит Революцию ни к кратковременному явлению, ни к локальным инстинктам. То, что называют Французской революцией, в его глазах — эпизод очень широкой революции, которая переделает все народы, вторая часть пролога, которому положила начало Американская революция и который расширится до размеров всемирной драмы.

«Все говорит нам о том, что мы вступаем в эпоху одной из великих революций человеческого рода».

И эта великая революция человечества, которая готовится и возвещает о себе, есть следствие длительного труда, благодаря которому разум человека возвысился и обогатился большими знаниями.

Поэтому, чтобы ее правильно понять, следует знать, какими усилиями мысли она была рождена, и проследить в истории всю взаимосвязь фактов, борьбы и открытий, которая к ней привела. Тогда у человека появится доверие к новой революции, так как она вовсе не случайность. Тогда он будет знать, как ему ее поддержать, как сделать ее более действенной в целом и более мирной; ибо революция, порожденная прогрессом просвещения, сможет совершиться только благодаря самому этому прогрессу, благодаря воспитанию разума всех людей, призванных участвовать в деле свободы. Трепетная вера в революцию и глубокая вера в науку возвышают творчество Кондорсе.

Человек мог лучше познать себя, мог изучить общество, в котором он живет, и разобраться в своем собственном непризнанном праве только с помощью разума; но разум этот окреп и сформировался, обрел смелость и методичность только в общей философии; только распутывая мировой хаос, человек стал способен распутать социальный хаос; систематизируя механику, физику, химию, естественную историю, человек ощутил желание и силу организовать науку об обществе и самое общество. В этом чересчур кратком анализе я смогу лучше всего охарактеризовать великую мысль Кондорсе, приведя само определение его *Девятой эпохи*⁴: *«От Декарта до образования Французской Республики».*

1. Кондорсе не потревожили во время событий 31 мая — 2 июня. Но после принятия конституции монтаньяров он подверг ее суровой критике в «*Adresse aux citoyens français sur la nouvelle Constitution*» (B.N., 8° Lb⁴¹ 703, imp. in-8°, 32 p.). Это сочинение и послужило причиной обвинений со стороны Шабо (8 июля 1793 г.) и принятия декрета об аресте Кондорсе («*Moniteur*», XVII, 78). 3 октября 1793 г. против Кондорсе (вместе с жирондистами) был принят обвинительный декрет («*Moniteur*», XVIII, 32). Он нашел скромное и надежное убежище в самом Париже у м-м Верне, на улице Сервандони.
2. Condorcet. *Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain*. Paris, an III, in-8°, VIII—389 p.; B.N., R. 32 166), См. издание Энккера 1966 г. (Русский перевод, 1936г.) См.: L. Cohen. *Condorcet et la Revolution française*. Paris, 1904, p. 528.
3. Получив сведения о предстоящем обыске в доме, Кондорсе 25 марта 1794 г. покинул свое убежище на улице Сервандони. Он был арестован в Клараре в гостинице, как подозрительный. Заключенный в тюрьму в Бур-л'Эгалите, он на другой день был найден мертвым; его похоронили 30 марта 1794 г.
4. Кондорсе разделяет историю на десять периодов. 1. Объединение людей в племена. 2. Пастушеские народы. Переход от этого состояния к состоянию земледельческому. 3. Развитие земледельческих народов вплоть до изобретения письменности. 4. Прогресс человеческого разума в Греции до времени разделения наук, в век Александра. 5. Прогресс наук после их разделения и до их упадка. 6. Упадок просвещения вплоть до его возрождения в эпоху крестовых походов. 7. С момента первых успехов наук, во время их возрождения на Западе, и до изобретения книгопечатания. 8. От изобретения книгопечатания и

В том, что он говорит, в частности, о политических событиях, есть некоторые поистине изумительные моменты. Это прежде всего стремление смягчить, путем самого широкого распространения просвещения, неизбежные страдания, которые несет с собой едва начавшаяся Революция.

«Что более способно просветить нас насчет того, чего мы должны ожидать от Революции, и послужить для нас надежным руководством среди ее тревожений, как не картина революций, ей предшествовавших и подготовивших ее? *Современное состояние просвещения гарантирует нам, что она будет счастливой*, но, несомненно, при условии, что мы сумеем использовать все свои силы. *А для того, чтобы счастье, какое она сулит, было куплено менее дорогой ценой, чтобы она распространилась с большей быстротой на большем пространстве, чтобы ее результаты были более полными, разве нам не надобно изучить в истории развития человеческого разума, каких препятствий нам еще следует опасаться, какими средствами мы располагаем, чтобы преодолеть эти препятствия?»*

И какая ясность и глубина в его взглядах на старый порядок! Как ясно из них вытекает, что Революция, подготовленная всем предыдущим развитием, является лишь его завершением! Философ дает точную нюансированную характеристику монархического образа правления XVIII в. «Это — род деспотизма, неведомый ни предшествовавшим столетиям, ни другим частям мира; где почти неограниченная власть, сдерживаемая общественным мнением, регулируемая просвещением, смягчаемая соображениями своей собственной выгоды, часто способствовала росту богатства, развитию промышленности, образования, а порой даже успехам гражданской свободы. Нравы смягчались благодаря ослаблению предрассудков, поддерживавших их жестокость; благодаря влиянию духа торговли и промышленности, врага насилья и потрясений, обращающих в бегство богатство; благодаря ужасу, какой внушала еще не угасшая в памяти картина варварства предшествовавшей эпохи; благодаря пропаганде философских идей равенства и человечности; наконец, благодаря медленным, но верным успехам всеобщего прогресса просвещения⁵.

Религиозная нетерпимость сохранилась, но как проявление человеческой осторожности, как дань народным предрассудкам или как мера против народных брожений. Она утратила свою ярость; на смену изредка зажигаемым кострам пришло угнетение, порой еще более произвольное, но менее варварское. В последние времена преследования отмечались только от случая к случаю и, можно сказать, по привычке... Повсюду правительства в своих действиях следовали, хотя и медленно и как бы нехотя, за развитием общественного мнения и даже философии».

Итак, во всяком случае, революция была неизбежна, оттого ли, что правительства, ускоряя свой шаг, приходили в согласие

с общественным мнением и наукой, оттого ли, что их бездеятельность и медлительность, превратившиеся в сопротивление по мере ускорения движения, заставили народы применить насилие.

Кондорсе подводит итог двух возможных форм революции, и неизвестно, которой из них он отдал бы предпочтение; но события не оставили ему выбора, и он решительно высказывается в пользу бури, разыгравшейся вокруг него.

«Сравнивая состояние умов с политической системой правительств, можно было легко предвидеть, что великая революция неотвратима; и нетрудно было прийти к суждению, что она могла совершиться только двумя путями; надо было либо чтобы народ сам установил те принципы разума и природы, которые философия сумела сделать ему дорогими, либо чтобы правительства поторопились его предупредить и согласовали свои действия с развитием его воззрений⁶.

Одна из этих революций должна была быть более полной и более быстрой, но и более бурной; другая — более медленной, менее полной, но более спокойной; при одной надо было купить свободу и счастье ценой преходящих зол; при другой этих зол можно было бы избежать, но, быть может, надолго пришлось отложить пользование частью тех благ, которые она все-таки непременно должна была принести⁷. *Продажность и невежество правительств привели к тому, что предпочтение было отдано первому средству и быстрая победа разума и свободы отомстила за род человеческий*».

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Сначала революция потрясла Америку; оттуда она распространилась на Францию, и Кондорсе с удивительной силой показывает, почему Французская революция должна была быть более глубокой и более решительной и должна была сопровождаться большими муками, чем Американская революция.

«Итак, Американская революция должна была вскоре распространиться на Европу, и если существовал народ, интерес которого к делу американцев больше, чем где-либо, способствовал распространению их писаний и их принципов, который был бы одновременно и наиболее просвещенным, и наименее свободным;

до того времени, когда науки и философия поколебали его власть.

9. От Декарта до образования Французской Республики. 10. Будущий прогресс человеческого разума.

5. Девятая эпоха. Condorcet.

Op. cit., édition Hincker, p. 205.

6. Девятая эпоха. Condorcet. Op. cit., p. 223

7. Кондорсе таким образом убедительно подчеркивает различие между Американской революцией и Французской революцией.

народ, чьи философы поистине отличались бы наибольшей просвещенностью, а правительство — более наглым и более глубоким невежеством; народ, законы которого были бы настолько ниже общественного мнения, что никакая национальная гордость, никакой предрассудок не привязывали его к его древним установлениям, то разве не был этот народ самой природой вещей предназначен к тому, чтобы дать первый толчок этой Революции, которую друзья человечества ожидали с такой надеждой и таким нетерпением? Следовательно, Революция должна была начаться во Франции⁸.

Неумелость правительства Франции ускорила эту Революцию; философия направляла ее принципы; народная сила разрушила препятствия, которые могли бы остановить ее движение.

Она была более полной, чем Американская революция, и, следовательно, менее мирной внутри страны, так как американцы, довольные гражданскими и уголовными законами, полученными ими от Англии, не будучи вынужденными реформировать порочную систему налогообложения, уничтожить феодальную тиранию, наследственные различия, богатые и могущественные привилегированные корпорации и систему религиозной нетерпимости, ограничились установлением новых властей, заменой ими властей, ранее поставленных над ними британской нацией.

В этих нововведениях ничто не было направлено против народа в массе; ничто не меняло отношений, сложившихся между отдельными людьми. Во Франции, в силу противоположных причин, Революция должна была охватить всю экономику общества, изменить все социальные отношения и дойти до самых последних звеньев политической цепи; затронуть людей, которые, мирно живя на доходы от своего имущества или от своего ремесла, не были связаны с общественными движениями ни своими мнениями, ни своими занятиями, ни интересами своего состояния, честолюбия и славы.

Союзниками американцев, казалось, боровшихся только против тиранических предрассудков метрополии, были державы, соперничавшие с Англией; в то время как другие державы, завидовавшие ее богатствам и порицавшие ее высокомерие, тайными обещаниями содействовали торжеству справедливости. Поэтому вся Европа казалась объединившейся против угнетателей. *Наоборот, французы одновременно обрушились на деспотизм королей и политическое неравенство полусвободных конституций, на высокомерие дворян, на господство, нетерпимость и богатства духовенства, на злоупотребления феодализма, существовавшего еще почти во всей Европе;* и европейские державы были вынуждены объединиться для защиты тирании. Поэтому в защиту Франции могли возвысить голос только несколько мудрецов, могли раздаться лишь робкие обещания угнетенных народов — помощь, которой клевета еще постаралась ее лишить.

Мы покажем, почему принципы, на основе которых были составлены Конституция и законы Франции, более чисты, более верны, более глубоки, чем те, которыми руководились американцы; почему они совершенно не подверглись влиянию всякого рода предрассудков; *мы покажем, как равенство прав в них нигде не было заменено тем тождеством интересов, которое является лишь его слабым и лицемерным дополнением;* как шаткое равновесие, так долго вызывавшее восхищение, в них заменили установлением пределов власти; как великая нация, по необходимости рассеянная и разделенная на множество отдельных, изолированных образований, в первый раз осмелилась предоставить народу его суверенное право — право повиноваться только законам, разработка которых, хотя она и доверена представителям народа, обретает законную силу лишь благодаря его непосредственному одобрению; законам, изменения которых, если они нарушают его права и интересы, он может добиться путем установленного акта выражения своей суверенной воли⁹.

Благородное прославление Французской революции, Революции науки и демократии, которое доводит до конца выводы из ее принципов. Именно потому, что Революция утверждает идею демократии во всей ее полноте, она и вызвала глубокое потрясение в мире, отвергающем демократию или принимающем ее только в искаженном виде.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ КОНДОРСЕ

И Кондорсе с удивительным предвидением будущего понимает, что именно это извращение демократии и представляет собой великую опасность; несомненно, уже невозможно будет возвратиться к старому порядку, восстановить феодальную тиранию и произвол знати. Но, может быть, вмешается буржуазное доктринерство, дабы извратить, преуменьшить Революцию. Быть может, богатый, предприимчивый, эгоистический и смелый класс вознамерится заменить демократическое правление своим узким господством. Класс этот будет ссылаться на то, что он вовсе не класс, что он вышел из недр нации и не может быть отделен от нее и что, ввиду идентичности его интересов и общих интересов, он представляет последние лучше, чем они могли бы представлять и выражать себя сами.

8. Девятая эпоха. Condorcet. Op. cit., p. 225.

9. Как и предлагал Кондорсе в своем проекте конституции, окончательно принятая монпаньярами, расширила осуществление народного

суверенитета введением референдума: конституция была ратифицирована народом. Однако эта санкция не была предусмотрена для срочных декретов, а санкция законов была подчинена ограничительным условиям.

Да, Кондорсе особенно страдает этого педантичного, доктринерского, цензового сужения Революции и демократии.

«Мы докажем, — говорит он¹⁰, — насколько этот принцип тождества интересов, если его сделать мерилom политических прав, есть их нарушение для тех, кому не позволяют их полностью осуществлять; мы докажем, что это тождество интересов перестает существовать как раз в тот самый момент, когда оно превращается в действительное неравенство. Мы будем настаивать на этом, *так как это заблуждение — единственное, которое еще представляет опасность*, так как оно — единственное, на которое у людей, истинно просвещенных, еще не открылись глаза».

Итак, Кондорсе от имени Революции провозглашает не ложную и ограниченную демократию, олигархическую демократию, а демократию полную. Демократия — великий закон будущего, и не только потому, что она одна обеспечивает осуществление права человека, всех людей, но и потому, что она приносит благо людям, всем людям. Она хочет поднять к свету и благоденствию всю массу людей, до сего времени столь косную и столь темную. В этом отношении образ действий демократии совпадает с образом действий науки; ибо наука тоже стремится освободить людей, всех людей, от самого тяжкого бремени, ныне угнетающего их, и изучить положение всех человеческих существ, чтобы его улучшить.

Так великий энциклопедист, еще до Революции бывший великим революционером, соединяет в своей мысли науку и демократию.

«Мы увидим, — говорит он далее в своем труде¹¹, — как химическое дело обогатится новыми процессами; как очистятся, упростятся прежние методы, освободившись от всех привнесенных в них рутинной ненужных или вредных элементов, от бесполезных или несовершенных приемов. *Между тем изобретаются средства предупредить часть тех, нередко страшных опасностей, которым подвергались рабочие; таким образом, химия, доставляя больше возможностей пользоваться благами, больше богатств, не заставит уже больше расплачиваться за них такими мучительными жертвами, такими угрызениями совести*».

Понимаемая таким образом наука являлась, как и демократия, орудием человечности. Как и химия, политическая история, становясь более глубокой, становится более человеческой. Историки изучали и освещали деятельность лишь немногих людей не только из рабских чувств или подлости, но и по своей неспособности. Чтобы действительно познать жизнь масс, чтобы вникнуть в их положение, в тайны тысяч и тысяч людей, нужны широкие познания, которые могут быть лишь результатом коллективного исследования. Поэтому история демократии и человечества намного труднее, чем история олигархии. Но и тогда, когда она проник-

нет в глубины социальной жизни, она делает это не для того, чтобы равнодушно осветить ее, а чтобы мало-помалу внести в нее справедливость и радость.

«До сих пор политическая история, как и история философии и наук, была только историей немногих людей; *то, что действительно образует человеческий род, множество семей, существующих почти целиком своим трудом, было забыто*; и даже среди класса тех, кто, посвятив себя общественным профессиям, действует не ради себя, а ради общества, чье занятие — обучать, направлять, защищать, облегчать страдания других людей, одни лишь руководители привлекли к себе внимание историков¹²».

Для истории личностей достаточно собрать факты, но история человеческих масс может опираться только на наблюдения; а чтобы сделать среди них выбор, чтобы выявить главные особенности, требуются уже знания и почти в такой же мере философия, чтобы их должным образом использовать...

Поэтому не только недобросовестности историков, в которой справедливо упрекали историков монархий, следует приписывать скудость памятников, на основании которых можно написать эту самую важную часть истории людей...

Этой части истории человеческого рода, наиболее темной и бывшей в наибольшем пренебрежении, о которой памятники дают нам так мало сведений, мы и должны уделить главное внимание в этой картине; и, говоря в этой связи о каком-нибудь открытии, о важной теории, о новой системе законов, о политической революции, *следует выявлять, что должна была получить от этого самая многочисленная часть каждого общества; ибо это и есть истинный предмет философии, так как все промежуточные действия этих причин должны рассматриваться лишь как средства воздействия на ту часть общества, которая действительно составляет массу человеческого рода*».

Итак, благо народа, всего народа, и есть предел всех наук и их мера, как и предел демократии и ее мера.

«Только достигнув этого последнего звена цепи, изучение прошлых событий, как и познания, приобретенные путем размышления, становятся действительно полезными, только достигнув этого предела, люди могут оценить свои реальные права на славу и с несомненным удовольствием пользоваться достижениями своего разума; только тогда можно будет судить об истинном совершенствовании человеческого рода».

Даже если бы Кондорсе ограничился только тем, что развернул картину прошлого и прокомментировал настоящее, все рав-

10. Девятая эпоха. Condorcet. 11. Ibid., p. 237.
Op. cit., p. 224 (вариант). 12. Ibid., p. 250.

но можно было бы составить себе представление о том, как он мыслит себе будущее. Это все более глубокое внедрение демократии и науки, все более смелое использование этих двух сил для социального и индивидуального совершенствования всех людей. Живя во мраке преследований, под угрозой смертельного удара, который готов уже был на него обрушиться, он намечал широкие перспективы для надежд человечества. Он наметил черты «десятой эпохи» и нарисовал картину будущего прогресса человеческого разума. С удивительной ясностью он заявил¹³:

«Наши надежды на состояние человеческого рода в будущем можно свести к трем важным моментам: *уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства внутри одного народа и, наконец, действительное совершенствование человека*».

И мы видим, какое большое место в его системе будущего занимает идея равенства, особенно социального равенства:

«Зависит ли это различие в просвещении, в средствах или в богатстве, наблюдаемое до сего времени у всех цивилизованных народов между различными классами, составляющими эти народы, зависит ли это неравенство, которое развитие общества с самого начала, так сказать, породило и усилило, зависит ли оно от самой цивилизации или же от нынешнего несовершенства социального искусства? Должно ли оно беспрестанно ослабевать, чтобы уступить место *фактическому равенству, конечной цели социального искусства*, которое, даже уменьшая следствия естественного различия способностей, оставляет только неравенство, приносящее пользу общим интересам, так как оно будет благоприятствовать прогрессу цивилизации, образования и промышленности, не порождая зависимости, унижения или обнищания? Одним словом, приближается ли люди к такому состоянию, когда все будут обладать необходимыми познаниями, чтобы вести себя в обычных житейских делах согласно своему разуму и избавить его от предрассудков, чтобы хорошо знать свои права и пользоваться ими сообразно своему мнению и своей совести; когда все смогут, благодаря развитию своих способностей, получать надежные средства для удовлетворения своих потребностей; когда, наконец, глупость и нищета будут только случайностью, а не привычным состоянием части общества?»

Да, отвечает Кондорсе; и он полагает, что три вида социального неравенства: «неравенство богатства; неравенство положения того, у кого средства существования обеспечены ему самому и передаются его семье, и того, благополучие домашнего очага которого зависит от продолжительности его жизни или, вернее, той части его жизни, когда он работоспособен; и, наконец, неравенство образования», — что эти три вида социального неравенства будут постепенно смягчаться¹⁴. И среди многочисленных средств, уменьшить указанное неравенство Кондорсе особенно отмечает широкую систему всеобщего социального обеспечения.

Взаимопомощь, не узкая, не от случая к случаю, не поверхностная, но охватывающая всех людей и гарантирующая их от всех видов риска, в том числе и риска, сопряженного с отсутствием капитала, следовательно, взаимопомощь, наиболее близкая к тому, что мы ныне называем социализмом, — вот что предвидит, вот что предлагает великий ум Кондорсе; и здесь на помощь приходит наука, которая, со своей теорией вероятностей, содействует демократизации безопасности и счастья.

В силу самого того факта, что средства к существованию очень большого числа семейств зависят от жизни и даже от здоровья их главы, — «неизбежный источник неравенства, зависимости и даже нищеты, — самый многочисленный и самый активный класс постоянно находится под угрозой»¹⁵.

Мы покажем, что ее можно в значительной части устранить, противопоставляя случайность ей самой, обеспечивая тому, кто достигает старости, помощь за счет его же сбережений, увеличенных, однако, благодаря сбережениям тех, кто, принося такие же жертвы, умер прежде, чем ему понадобилось пожать их плоды; обеспечивая, путем подобного же возмещения, женищинам и детям, в случае потери супруга или отца, такие же средства, приобретенные такой же ценой, как для семей, потерявших преждевременно своего главу, так и для семей, сохранивших его долее; наконец, обеспечивая детям, достигшим возраста, когда они могут работать на себя и основать новую семью, капитал, необходимый им для развития своего промысла, и увеличивая этот капитал за счет тех, кому преждевременная смерть помешала достичь этого возраста. Идеей этого средства, успешно использовавшегося и ранее, но никогда еще в столь широких масштабах и в столь разнообразных формах, которые сделают их действительно полезными не только для нескольких индивидов, но для общества в целом, ибо избавят его от периодического разорения огромного числа семейств, этого постоянно возрождающегося источника коррупции и нищеты, — этой идеей мы обязаны умению предвидеть вероятности жизни и умению помещать деньги.

Мы докажем, что эти учреждения, которые могут быть созданы от имени общественной власти и стать одним из ее величайших благодеяний, могут быть также созданы частными ассоциациями, которые будут основываться совершенно безопасно, когда принципы, согласно которым эти учреждения должны быть организованы, станут более популярными и когда ошибки, погубившие многие из этих ассоциаций, перестанут внушать к ним страх.

Мы изложим и другие средства обеспечить это равенство, либо препятствуя тому, чтобы кредит продолжал оставаться исклю-

13. Десятая эпоха. Condorcet. Op. cit., p. 253.

14. Десятая эпоха. Condorcet. Op. cit., p. 260.

15. Ibid., p. 261.

чительной привилегией крупных сословий, обеспечив ему, однако, не менее прочную базу, либо делая развитие промышленности и торговой деятельности более независимым от крупных капиталистов; и опять-таки этими средствами мы будем обязаны умению предвидеть и рассчитать».

Думал ли Кондорсе о взаимном кредите и хотел ли он привлечь в промышленность скромные сбережения, которые были бы сами гарантированы взаимным страхованием и разнообразным помещением от риска банкротства и полного убытка? Яд прервал эту столь благородную мысль, прежде чем она нашла свое полное выражение¹⁶.

Но Кондорсе заботило стремление не только уравнивать положение людей, но и улучшить его, он считал возможным улучшить самого человека, совершенствовать его способности, так упорядочить образ его жизни и деятельность его организма, чтобы заметно увеличилась продолжительность человеческой жизни. Он считал возможным обострить и сделать более тонким восприятие человека, проникнуть взглядом даже во внутреннюю жизнь материи, в игру и движение атомов и создать в сознании человека ритм такой длительности, который позволял бы ему приобщиться к глубокой жизни природы.

«Будет ли абсурдом попытка сделать ощутимыми и измеримыми ускользающие от нас мгновения, заставить нас замечать в длительности, как мы замечаем в протяженности, пространства, которые без помощи инструментов или искусственных методов оставались бы неощутимыми? Например, сколько в наших суждениях содержится последовательных идей, которых мы не сознаем? Сколько есть явлений, которые мы воспринимаем как одновременные и которые по самой своей природе должны сосуществовать с мгновенной последовательностью, которой мы не различаем? И насколько эта тайна, если бы мы смогли ее постигнуть, была бы полезна нам в изучении природы и познании наших бед?»

Но если Кондорсе предвидит превращения, ожидающие саму человеческую природу и обогащающие ее ресурсы, то он с еще большим основанием предвидит все более широкое и сильное воздействие человека на мир.

«Промышленные методы производства поддаются такому же совершенствованию, такому же упрощению, как и научные методы; орудия, машины, станки будут делать людей все более искусными и увеличат одновременно совершенство и точность производимых предметов, сокращая время и труд, необходимые для их изготовления; тогда исчезнут препятствия, еще мешающие этому прогрессу, несчастные случаи, которые люди научатся предвидеть и предупреждать, а также вредные условия как труда, так и климата и привычек»¹⁷.

Но собирается ли Кондорсе, пуская в ход демагогическую лезть, призвать для этого высокого исследования, которое должно обновить весь мир и человека, все множество людей? Скажет ли он, что все люди могут достичь достаточно высокого уровня интеллекта и разума, чтобы непосредственно, лично содействовать развитию человеческого духа? Нет, только элита будет содействовать прогрессу, но элита все более расширяющаяся. Наука будет развиваться под наблюдением все большего числа людей. Она все более будет становиться коллективным делом. Она беспрестанно будет обращаться к демократии, где она будет черпать самые благородные человеческие силы, и будет беспрестанно возвращаться к демократии, власть которой над вещами, знания и нравственное благородство она увеличит. Вот возвышенные мысли, воодушевлявшие в уединении Кондорсе, над которым нависла опасность.

Высказывая эти возвышенные надежды, Кондорсе вовсе не ставил себя над Революцией, он признавал за ней все ее величие. Он почти не позволяет своей широкой мысли хоть на мгновение обратиться к себе самому.

«О, сколь эта картина человеческого рода, освобожденного от всех цепей, избавленного от власти случая, как и от власти врагов его прогресса, твердым и уверенным шагом идущего по пути истины, добродетели и счастья, утешает философа при виде все еще оскверняющих землю заблуждений, преступлений, несправедливостей, *чьей жертвой ему часто доводилось быть*. В созерцании этой картины он обретает награду за свои усилия в деле прогресса разума и защиты свободы. Он тогда осмеливается присоединить их к вечной цепи человеческих судеб; в этом он обретает истинную награду за свою добродетель, удовлетворение от принесенного им надежного блага, которого уже не уничтожит злой рок пагубным возвратом предрассудков и рабства. Это созерцание — для него прибежище, где он забывает об обрушившихся на него гонениях; где он, мысленно живя рядом с человеком, восстановленным в своих правах и в своем естественном достоинстве, забывает о человеке, которого мучат и развращают алчность, страх и зависть; именно здесь он поистине существует вместе с себе подобными, в Элизии, который сумел сотворить его разум и который его любовь к человечеству наделила самыми чистыми наслаждениями»¹⁸.

Лучезарные слова, полностью рассеивающие мрак смерти и изливающие на всю Революцию, даже на ее заблуждения и прес-

16. Всеобщее мнение приписывало смерть Кондорсе яду, который он носил с собой и который раздобыл для него Кабанис.
17. Десятая эпоха. Condorcet. Op. cit., p. 268.

18. Ibid., p. 284. Таково заключение «Esquisse». Далее следует дата: «Пятница, 4 октября 1793 г. по старому стилю — 13 число первого месяца II г. Французской республики».

тупления, спокойствие, более возвышенное, чем прощение. Какое же имеет значение, что в тот самый момент, когда Кондорсе размышлял над этими величественными надеждами, Робеспьер, не простивший ему кое-каких насмешек над его ролью жреца, говорил в Конвенте о «трусливом Каритате»?¹⁹ Какое имеет значение, что однажды в жерминале Кондорсе, утомленный своим долгим добровольным заключением, решился покинуть свое убежище, был узан и арестован и только благодаря яду избежал эшафота, который ему готовили революционеры? Несмотря ни на что, его мысль — достояние Революции. Сознанием множества людей владел тот же благородный дух *Энциклопедии*, тот же великодушный пыл века. Людьми, убивавшими друг друга, двигали не только низкие помыслы, зависть, ярость и ненависть. Они верили в то, что защищают, что спасают общий идеал, и нож гильотины не в силах был рассечь неодолимую связь объединявшего их идеала.

В мае 1794 г.²⁰ Робеспьер воскликнул:

«Мир изменился, он должен измениться еще больше!.. Все изменилось в физическом порядке вещей, все должно измениться в моральном и политическом порядке. Половина мировой революции уже совершилась, другая половина должна совершиться. Разум человека сходен с земным шаром, на котором он живет: половина его погружена во тьму, в то время, когда другая половина освещена. Народы Европы сделали удивительные успехи в том, что называют искусствами и науками, и, кажется, они остаются невежественными в отношении элементарных понятий общественной морали; они знают все, кроме своих прав и своих обязанностей».

И конечно, эти несколько грубые контрасты и эти натянутые противопоставления между прогрессом науки и неподвижностью политики кажутся жалкими и заурядными рядом с великой и всеобъемлющей мыслью философа. Однако здесь, несмотря на догматические сухость и узость, которые несколько обособляли Робеспьера от широкого духа *Энциклопедии*, он в какой-то мере участвует в движении энциклопедистов, поскольку хочет осуществить единство человеческого разума, поскольку призывает человека внести в науку о жизни общества столько же света сколько он внес в науку о природе, и Управлять самим собой, так же, как он начинает управлять миром, т. е. в соответствии с разумом. Даже этого несколько сухого ума коснулось широкое благотворное веяние. И когда Сен-Жюст воскликнул: «Счастье — это новая идея в Европе»²¹, или: «XVIII век следует поместить в Пантеон»²², то не повторяет ли он мысли Кондорсе? Или, вернее, не устанавливал ли XVIII век между этими столь противоречивыми образами мыслей, между этими столь противореча-

щими один другому умами скрытую и глубокую гармонию, проявляющуюся в решающие для мысли часы?

Итак, весной 1794 г. кровавые раздоры Революции, по-видимому, не отразились ни на мощи ее военного порыва, ни на ее экономической деятельности, ни на ее поразительных резервах мысли и моральной силы, которые она обращала на служение великому идеалу.

19. Робеспьер был суров и несправедлив к Кондорсе: «этот трусливый Каритат», «трусливый Кондорсе» (непроизнесенная речь о группировках, конец вантоза II г. M. Robespierre. — Œuvres, t. X, Discours, 5^e partie, p. 401—402); «академик Кондорсе, некогда, как говорят, великий геометр, по словам литераторов, и великий литератор, по словам геометров, затем трусливый заговорщик, презираемый всеми партиями...» (Ibid., p. 456.)
20. «Moniteur», XX, 403; M. Robespierre, Œuvres, t. X,

Discours, 5^e partie. p. 444. [См.: М. Робеспьер. Избранные произведения, т. III, с. 162 — *Ред.*]

21. О способе осуществления декрета против врагов Революции, 13 вантоза II г. (3 марта 1794 г.); «Moniteur», XIX, 611; Saint-Just. Discours et rapports. Edition A. Soboul, p. 150.
22. Saint-Just. Fragments sur les Institutions républicaines. Quatrième fragment, Questions du bien général, Edition Ch. Vellay, t. II, p. 514.

Глава шестая

ПАДЕНИЕ РОБЕСПЬЕРА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

И вот, когда упали головы эбертистов и дантонистов, когда несколько дней спустя произошла своего рода завершающая зловеющая ликвидация тех, кто был обвинен в подготовке заговора в тюрьмах, и Шометт, Гобель, Артюр Дийон, вдова Эбера и несчастная Люсиль, уже умершая в лице Камиля, прежде чем самой взойти на эшафот, в свою очередь поднялись на него¹, когда с этой отставшей тележки головы свалили в корзину, когда эбертизм и дантонизм как группировки уже стали одним только воспоминанием, вот тогда для Робеспьера и Революции наступило решающее испытание.

Место перед Робеспьером очищено, но как поступит он?

Революции уже больше не угрожают ни организация демагогов, которая потопила бы ее в отвратительной и жестокой анархии, ни вялый заговор снисходительных, которые своей нетерпеливой и фрондирующей политикой как бы выдавали кающуюся Революцию на милость ее вновь воспрямивших врагов. Но как поступит Революция?

Противоположные силы демагогии и модерантизма, равновесие между которыми поддерживала политика Робеспьера, пали, и теперь ему придется находить равновесие в себе самом, в своей собственной мысли, в своей собственной политике.

Необычайное напряжение всех пружин Революции, всех сил жизни и смерти не может продолжаться. Террор не мог быть нормальным порядком. Война не могла длиться бесконечно. Законы о регламентации и максимуме немыслимы были вечно в обществе, основанном на частной собственности и частном производстве. Наконец, квазидиктатура Комитета общественного спасения не

могла носить вечный характер. Теперь, когда уже больше не существовало партии эбертистов, чтобы напрягать пружину терроризма до тех пор, пока она не лопнет, теперь, когда уже больше не существовало дантонистской партии, чтобы ослабить столь резко революционную энергию, что могла ослабеть сама Революция, была возможна одна политика, и только одна она.

Надо было, чтобы Революция, продолжая оставаться грозной для своих врагов, грозной для заговорщиков и изменников, грозной для тиранов и их армий, подготавливала возвращение нации к нормальной жизни. Надо было во всеуслышание заявить, что революционная Франция, с героическим упорством защищающая против всего мира свою независимость и свою гордость, пожелавшая дополнить своими решительными победами прежние победы, где уже проявился ее гений, готова тем не менее заключить мир с теми правительствами, каковы бы они ни были, которые без задней мысли признали бы Республику и право французской нации на свободу. Надо было объявить, что, как только мир станет возможен, ассигнаты будут быстро изъяты из обращения, и что строгое налогообложение наконец избавит Революцию от необходимости жить за счет своего будущего. Когда ассигнат будет либо полностью изъят из обращения, либо курс его, благодаря частичному изъятию, будет доведен до номинала, кризис цен прекратится и весь экономический террор законов о товарах и продуктах питания мало-помалу закончится, подобно террору политическому.

Как только эта политика, громко провозглашенная, одобренная Комитетом общественного спасения, Конвентом, народными обществами и всей революционной нацией, упрочится и приобретет авторитет, как только новые победы, на которые можно было рассчитывать, дадут ей непосредственные шансы, Комитет общественного спасения должен будет спросить Конвент, не пришло ли время положить конец революционному правлению и ввести в силу конституцию.

Как можно было сомневаться в том, что страна, обретшая в блеске победы надежду на мир, надежно защищенная против всякой контрреволюционной попытки внутри и извне, а также успокоенная мыслью о том, что революционный режим не будет продолжаться вечно, изберет Собрание, горячо преданное новому порядку?

Да, в жерминале и флореале II г. (1794 г.), после уничтожения крайних соперничавших группировок, после подавления мятежников в Лионе, Марселе, Тулоне, Вандее, после длительно-

1. Так называемый процесс о «заговоре в тюрьмах» (якобы имевшем целью освобождение заключенных) позволил уничтожить ос-

татки оппозиции; эта разношерстная группа погибла 24 жерминаля II г. (13 апреля 1794 г.).

го сияния побед при Ондскоте, Ваттиньи, в Эльзасе, после восстановления курса ассигната почти до номинальной стоимости, после огромных и славных усилий Комитета общественного спасения, облеченного огромным престижем, эта оптимистическая политика, политика доверия была возможна. Дантонисты совершили почти преступную ошибку, когда они скомпрометировали эту политику в тот самый момент, когда она начала намечаться; они скомпрометировали ее, превратив ее в орудие интриг против Комитета общественного спасения, без которого она была неосуществима. Они скомпрометировали ее, придав ей какой-то вид отречения от самой себя и *виновности* (*mea culpa*).

Но сегодня победившее Революционное правительство могло укрепить эту политику, упорядочив ее. Оно могло провозгласить ее не как окончательное отречение от Революции, но как самый результат ее побед. Если такая политика была возможна, то проводить ее было особенно необходимо.

А без этой политики оставалась только тревога измотанных людей, которых ожидала впереди одна неизвестность. Дальнейшее продолжение войны, пожирая все ресурсы страны, вызывало новое недовольство, подготавливавшее новую реакцию; а террор, раздавив явные группировки, безумствовал, преследуя смутные поползновения и неопределенные заговоры; чудовищная, неясная угроза окутала всю жизнь, и Революция, подобно разъяренному слепцу, до изнеможения наносила удары сама себе.

Политика революционного умиротворения, осуществляемая не против Революции, а для ее пользы, не против революционеров, а в их защиту, — таков был единственный выход. Я вижу, что он был необходим, и думаю, что он был возможен. Прибавлю, что он был бесконечно труден. Когда Революция, чтобы защитить себя, была вынуждена начать борьбу против всего мира; когда она, чтобы преодолеть чрезвычайный кризис, создала такой парадоксальный и насильственный политический режим, как террор, такой насильственный и парадоксальный экономический режим, как режим ассигната и максимума; когда она вызвала изумительный подъем всех сил и бросила на войну 1400 тыс. человек, почти всю пламенную душу страны, ей было очень трудно самой смирить себя и защищаться, не ослабляя себя. Душа и плоть Революции таила ужасный врожденный изъян — страшную привычку к войне; и она была ею вся изуродована.

Как довести до конца войну, необходимую и священную, войну за свободу, связывая свои политические расчеты с возможностью, еще совсем неопределенной, заключения мира? Как объявить, что упорядоченная Революция поспешит изъять ассигнаты из обращения, и тем не менее сохранить за собой возможность новых крупных эмиссий, к которым ее, быть может, принудит продолжающийся конфликт с Европой? Страна, если ее не предупредить о поставленной цели, ничего не поймет в политике Комите-

та общественного спасения и примет за неспособность и измену кажущееся противоречие между действиями, продиктованными одни заботой об устранении прямой опасности, другие — расчетами на будущее. А если страну предупредить, то как сохранить в ней эту быющую ключом активность, жизненно необходимую в условиях великих кризисов? А армии, начинающие приобретать своего рода профессиональную подготовку, еще возвышавшую, но уже опасную, сохранят ли они всю свою силу и весь свой порыв, если политика мира внезапно оборвет беспредельные мечты о сражениях, опасностях и славе, которые питали великодушные революционного патриотизма и тайные расчеты тщеславия? Можно было предвидеть, что закону о максимуме, что политике реквизиций и таксации наступит конец, когда война кончится или ограничится, когда количество ассигнатов в обращении уменьшится. Сразу отказаться от этой политики невозможно, и, пока она существует, она действует и развивается в соответствии со своей внутренней логикой; и сами трудности, на которые она наталкивается, заставляют ее беспрестанно выходить за пределы того, что она сама себе наметила.

И вот граждане жалуются на неприятные, а порой и пагубные последствия неодинакового применения максимума в разных районах и даже в разных отраслях промышленности. Бывает, что они продают по цене максимума, а покупают по цене, продиктованной конкуренцией. Недопустимое положение! Надо, чтобы максимум применялся повсюду с одинаковой строгостью либо чтобы он вовсе не применялся. А для того, чтобы он применялся повсюду строго и точно, не надежнее ли было бы устроить под непосредственным контролем нации и коммуны обширные склады, куда все производители будут доставлять все свои товары и где распределение будет происходить согласно закону и по установленным ценам?

Именно это и предлагает Общество якобинцев Монтеро; и вот один из самых близких друзей Робеспьера, его друг детства по Аррасу, тот самый Антуан Бюиссар, который предупредил его о жестокостях Жозефа Лебона, тоже пишет ему, что торговлю следовало бы поручить коммуна². Как вернуться к режиму свободного обращения и свободной продажи, когда невозможно в один день отменить закон о максимуме и когда этот закон уже самим своим действием внушает мысль о еще более всеохватывающих системах?

2. *Papiers inédits trouvés chez Robespierre*, t. 1, p. 252, письмо Бюиссара Робеспьеру из Арраса от 14 июля 1794 г. (2 февраля 1794 г.); *Correspondance de Maximilien et Augustin Robespierre*. Paris, 1926 et 1941, 2 vol., t. 1,

p. 247. «Надо убить торговую аристократию, как убили аристократию духовенства и дворян; к ведению торговли должны допускаться только коммуны с комитетом по делам продовольствия и товаров».

Итак, подлежащая разрешению политическая и экономическая проблема была исключительно сложна; возможно, это была даже сверхчеловеческая проблема. Под этим я понимаю, что решить ее было не по силам не только одному человеку, но даже всей нации. Это применение расчета к духовным силам, бывшее, по мнению Кондорсе, высшим достижением науки, еще далеко не было достигнуто, и никто не знал, можно ли было регулировать энтузиазм и порыв всего народа, не убивая их, как и не знал, посредством каких мер можно было осуществить переход от революционного состояния к нормальному состоянию. Поэтому неудивительно, что уже на другой день после уничтожения группировок, осложнявших проблему, но маскировавших ее, Робеспьера и его друзей охватили колебания и беспокойство³.

ПРОЕКТЫ СЕН-ЖЮСТА И ПОЛИТИКА РОБЕСПЬЕРА

Стремление к миру, восстановлению нормальных экономических отношений было, несомненно, их тайным желанием и их политикой; но либо они не осмеливались открыто ее сформулировать, либо не знали, как подчинить ей события и умы. Бесстрашный Сен-Жюст хорошо знает, что террор не может вдохнуть жизнь в Республику, что он не может породить необходимых добродетелей и даже не сможет более, продолжаясь без конца, внушать страх пороку и преступлению. Он хорошо знает, что система ассигнатов и максимума не может существовать вечно. Но даже в заметках, где он отмечает для себя необходимость больших перемен, он советует себе самому проявлять терпение и осторожность. Иногда также кажется, что он ждет исцеления от самого избытка зла. После исчезновения эбертистов и дантонистов, как раз в тот час, когда, казалось, Революция может пожинать плоды победы, он пишет:

«Революция заledenела, все принципы ослабели; остаются одни только красные колпаки, прикрывающие интриганов. *Применение террора пресытило преступление, как крепкие ликеры пресыщают вкус. Несомненно, еще не время для добра.* Частичное благо — паллиатив. *Нужно дожидаться общего зла, достаточно большого для того, чтобы общественное мнение испытало потребность в мерах, способных принести благо. То, что приносит общее благо, всегда страшно, и кажется странным, когда начинают слишком рано*»⁴.

Что касается продовольственной проблемы, то он осуждает всю систему ассигнатов и таксации, как иностранное изобретение.

«Заграница, вследствие следовавших одна за другой превратностей, и довела нас до этих крайних мер; она и предлагает средства избавления от них. Первая мысль о таксации пришла к нам извне, ее подал барон де Батц; это был проект голода. В

настоящее время во всей Европе признано, что *рассчитывали на голод, чтобы вызвать народный гнев, чтобы уничтожить Конвент, а на роспуск Конвента — чтобы растерзать и расчленить Францию...* Обращение продуктов питания необходимо там, где не у всех людей имеется собственность и сырье. Там, где существует таксация, нет обращения продуктов питания [подчеркнуто Сен-Жюстом]...

Ассигнаты надо изъять из обращения, обложив налогом тех, кто вершил делами и работал, получая жалованье из государственного казначейства»⁵.

Да, но именно по поводу этих мыслей Сен-Жюст сам себе напоминает о законе осторожности, состоящем в том, чтобы ждать, чтобы дать идеям созреть.

«Тому, кто сказал бы это восемь месяцев назад, подали бы цикуту. Великое дело — научиться благоразумию на опыте несчастий. Пусть этот пример научит нас не преследовать суровых людей, говорящих нам правду.

Нельзя, чтобы честных людей довели до необходимости оправдывать свое стремление к общему благу перед уловками преступления. Люди могут сколько угодно говорить, что они умрут за отечество; вовсе не нужно, чтобы они умирали, нужно, чтобы они жили, и чтобы законы поддерживали их. Нужно, чтобы их взяли под защиту от мести заграницы. *Поэтому я советую* [снова

3. В своем анализе политического положения после падения группировок Жорес не упоминает одного из его важнейших аспектов: усиливающегося антагонизма между парижским народным движением и Революционным правительством во главе с якобинцами. От жерминаля до термидора II г. под ложной видимостью лояльности в отношении Конвента и Революционного правительства (а также в связи с декретом, учредившим культ Верховного существа) идет необратимый процесс перерождения народного движения, все более и более ограничиваемого, сдерживаемого, а затем сведенного на нет якобинской диктатурой. Антагонизм существовал как в плане социальных тенденций, так и политической практики. Управляемая экономика, таксация и регламентация или же экономическая свобода и свободная прибыль? Автономия секций и прямая демократия [прямое управление народа] или же пред-

ставительная демократия и якобинская централизация? Обо всех этих аспектах см.: А. С о б у л ь. Парижские санкюлоты, с. 456, глава VI, «Народное движение и якобинская диктатура от жерминаля до термидора II г.». О народном движении и Революционном правительстве II г. см. Дополнительные замечания.

4. S a i n t - J u s t . Œuvres complètes. Edition ch. Vellay. t. II, p. 508. См.: M. A b e n s o u r . La Philosophie politique chez Saint-Just. — «Annales historique de la Révolution française». 1966, p. 183 et 342; i d e m . La théorie des institutions et les relations du législateur et du peuple. — «Actes du colloque Saint-Just. Sorbonne, 25 juin 1967». Paris, 1968, p. 239.

5. S a i n t - J u s t . Op. cit., t. II, p. 513; см.: A. M i c h a l e t . Économie et politique chez Saint-Just. L'exemple de l'inflation. — «Actes du colloque Saint-Just. Sorbonne, 25 juin 1967», p. 151.

подчеркнуто Сен-Жюстом] *всем тем, кто захочет совершить благо, дождаться подходящего времени для этого, чтобы избежать славы, какой достигают, совершив его слишком рано*⁶.

Все эти высказывания плохо скрывают сильнейшее замешательство.

Робеспьеру, как велик он ни был, недоставало именно качеств, необходимых для разрешения проблемы. Конечно, вот уже несколько месяцев, как он научился брать на себя самую прямую и самую страшную ответственность. После 31 мая он, по-видимому, отказался от завуалированных форм, от туманных намеков. Он шел прямо к цели, прямо на противника. Но — заметим это — Робеспьер действует открыто и до конца только тогда, когда нападают на систему, которой он отдает предпочтение. Так, после 31 мая он видит спасение Революции во власти Комитета общественного спасения и Конвента; и он мужественно борется против всех интриг, угрожающих Комитету и Конвенту. Затем, он опасается, что эбертизм подорвет доверие к Республике и погубит ее. И он прямо атакует эбертизм. Но как только перед ним нет противников, как только определенность их нападков уже не принуждает его более к определенности ответов, к нему возвращается его привычка к некоторой туманности и лукавству.

Когда после устранения эбертистов и дантонистов он фактически стал единственным вершителем политики, ответственным за события, у него не было иного средства управлять, объединить людей вокруг себя, как ясно заявить, куда он хочет повести Революцию. Но он не говорит этого, и оказывается, что находящийся рядом с ним гордый и смелый Сен-Жюст, словно отговариваясь бросить вызов смерти, советует молчать и выжидать. Роковые промедления, порождающие всяческие сомнения. Более того, после великих и кровавых чисток жерминаля долгом Робеспьера было успокоить окружавших его революционеров. Группировки были разгромлены, и в том, чтобы упорно преследовать отдельных лиц, даже если они в прошлом были связаны с этими группировками, даже если они проводили самую отвратительную политику, не было никакого смысла⁷. Робеспьер знает это и старался возможно более ограничить число жертв. Он спас 73 жирондистов. Он воспротивился тому, чтобы на Буланже, Паша и Анрио распространили преследования, направленные против эбертистов. Он не тронул Каррье, несмотря на весь ужас, какой внушали ему преступления в Нанте. Он не выступил в Комитете общественного спасения против Колло д'Эрбуа. Но и достаточно было не покарать этих людей. Надо было внушить им веру в будущее. Надо было создать у них впечатление и даже уверенность в том, что их крайности будут приписаны революционной горячке и, после того как эта горячка спала, их ни в коем случае не заставят поплатиться за, быть может, неизбежные насилия

тяжелых дней. Надо было также считаться с опасениями тех, кто, подобно Тальену в Бордо, с его прекрасной подругой Кабаррюс, поддавшись ослеплению власти и наслаждений, видели угрозу своей жизни в чересчур часто повторяемых речах о суровости, добродетели, морали.

Либо Робеспьер осуждал себя на применение политики вечно действующего эшафота, либо ему надо было объявить, что он провозглашает широкую революционную амнистию всем заблуждениям времен террора, всем его неистовствам чувственности, как и его неистовству кроважности. И все революционные силы, которые были в какой-то момент либо охвачены фанатизмом насилия, либо уступили опьянению страсти и наслаждения, должны были надеяться на то, что они найдут свое место при новом революционном порядке, более спокойном, более упорядоченном и более чистом⁸.

Наконец, чем могущественнее был Робеспьер, тем более ему следовало падать самолюбие своих коллег по Комитету общественного спасения и Комитету общественной безопасности, посвящать их во все свои мысли и приобщать их ко всем своим действиям. Как он мог разрядить напряжение, умиротворить, организовать Революцию без помощи Комитета общественного спасения? И как он мог приобщить к широкой политике мрачных фанатиков, таких, как Бийо-Варенн, необузданных и скомпрометированных фразеров, таких, как Колло д'Эрбуа, не привлекая их мало-помалу к себе доверием, откровенностью, сердечностью? Робеспьер не сумел создать вокруг себя атмосферы доверия⁹. В обстановке жест-

6 Saint-Just Op cit, t II, p 514

7 После процессов в жерминале репрессии фактически ослабели. Но эти репрессии имели пагубные последствия не столько из-за численности жертв, сколько из-за своего социального аспекта и своей беспорядочности. По отношению к народному движению они проводились беспорядочно, без всякого принципа, они угрожали всем санкюлотам без различия, вызывая у них тот комплекс страха, который парализовал отныне всю политическую жизнь секций. См. A Soboul Op cit, p 823 [См. А Собоуль Цит соч., с 406, глава IV, «Репрессии, передовые патриоты и вожаки секций (жерминаль — флореаль II г)» — *Ред.*]

8 Наступило ли время ослабить революционную пружину? Обстоятельства и на этот раз (в еще

большей степени, чем принципы) оказывали свое решающее давление. До конца июня 1794 г. уверенности в победе не было, война по-прежнему требовала крайнего напряжения сил. Покушения Адмирала на Колло д'Эрбуа и Сесиль Рено на Робеспьера 1 и 4 прериаля II г (20 и 23 мая 1794 г.) показали, что контрреволюция не разоружилась. Террор усилился. См. ниже «Преринальский закон и Великий террор».

9 В Комитете общественного спасения верны Робеспьеру оставались только Кутон и Сен-Жюст. Жан Бон Сент-Андре и Приер из Марны, неизменно находившиеся в миссиях, оставались в стороне. Барер ждал, куда подует ветер. Бийо и Колло, крайние террористы, выступили против Робеспьера. Что касается Карно, Ленде, Приера из Кот-д'Ор, людей

токой борьбы, когда он должен был столько раз брать на себя кровавую ответственность, его гордость еще более усилилась. В августе 1793 г. он воскликнул: «Революция погибла, если не поднимется один человек!»

Он поднялся, но вскоре был вынужден наносить удары во все стороны и стать в некотором роде сеятелем смерти, и на его лице залегла складка надменной печали. Он не был создан для сердечных излияний, которые были в тот момент непременным условием успеха его политики. Его достоинство, его самолюбие и его чистая любовь к Революции страдали от жестоких насилий, которые то в одном, то в другом месте бесчестили Революционное правительство. Он никак не мог их забыть. Он ненавидел их, тем более что, не имея возможности им воспрепятствовать, он мог показаться с ними солидарным. И в глубине души он искал средства разорвать эту солидарность в глазах истории; прискорбная попытка гордости и добродетели. Он с отчаянием вспоминал все именно в тот час, когда надо было многое забыть. И те, кого он презирал и ненавидел, порой улавливали на его лице тревожившее их отражение глубокой мысли¹⁰.

Наконец, — и это страшная расплата за эшафот — смерть так часто на протяжении месяцев была крайним средством, великим решением, что при возникновении каждого вопроса, смущавшего ум и выходившего за пределы его возможностей, она возникала вновь, предлагая свои услуги со своеобразной навязчивой непринужденностью. Либо она сломила сопротивление, подавляя людей испорченных и развращенных, запятнавших Революцию; либо она откроет перед людьми добродетельными обитель бессмертия, к которой они стремились. Порой также Робеспьер и Сен-Жюст испытывали чувство тревоги, походившее на угрызения совести. Как! Верньо мертв, и отправлен на смерть ими! Демулен мертв, и отправлен на смерть ими! Дантон мертв, и отправлен на смерть ими! И в эти часы смятения они втайне предлагали себя в жертву, дабы оправдаться в том, что они так часто призывали ее против своих товарищей по борьбе, против друзей.

Сен-Жюст хотел жить; он хорошо понимал, что политика смерти была отрицанием самой Революции, которую тени людей, даже великих, не защитят. И все-таки как его мучат призраки тех, кого он одним жестом отправил на эшафот! И какое хватающее за душу смешение чувства печали и чувства гордости в строках, написанных им после смерти Дантона!

«У меня была трогательная мысль, что память о друге человечества должна стать в будущем дорогой. Ибо, в конце концов, человек, вынужденный отречься от мира и от себя самого, бросает свой якорь в будущее и прижимает к сердцу грядущие поколения, не повинные в нынешнем зле»¹¹.

Сен-Жюст сам подчеркивает эти слова, этот призыв человека, уже с корнями вырванного из жизни.

«Господь, покровитель невинности и истины, если ты ввел меня в среду испорченных людей, то, несомненно, для того, чтобы их разоблачить!»

Политика весьма рассчитывала на эту мысль, что никто не осмелится напасть на людей знаменитых, окруженных великим обманом... Я отбросил все эти слабости, я люблю в мире одну только истину, и я высказал ее...

Обстоятельства непреодолимы только для тех, кто отступает перед могилой [подчернуто Сен-Жюстом]. Я молю о могиле как о благодеянии Провидения, чтобы не быть более свидетелем злодеяний, замысленных против моего отечества и человечества.

Конечно, невелика заслуга отказаться от презренной жизни, в которой ты осужден на прозябание, будучи соучастником или бессильным свидетелем преступления...

Я презираю составляющий меня прах, который говорит с вами; его можно терзать и предать смерти; но я не боюсь, что меня лишат той независимой жизни, которую я даровал себе в веках и на небесах.

Мрачная и бесплодная экзальтация! Взор этих людей был как бы прикован к вратам смерти, которые они столь часто открывали для других. И в тот самый момент, когда надо было внушить дове-

Равнины, примкнувших к Горе, то они, особенно Карно, стояли на позициях социального консерватизма. К этому прибавились еще личные раздоры между Карно, Робеспьером и Сен-Жюстом, причем двое последних критиковали военные планы первого. Будучи все властными людьми, крайними индивидуалистами, в условиях чрезвычайной опасности и изматывающей работы они становились все более раздражительными. Так, распалось единство Комитета общественного спасения, составлявшее силу Революционного правительства.

10. Робеспьер видел в наказании проконсулов, опозоривших террор, обязательное условие умиротворения и возврата к нормальной жизни. [Примечание А. Маттеза.]

Прибавим, что ненависть всех врагов Революционного правительства сосредоточилась на Робеспьере. Он действительно всег-

да защищал линию Комитета общественного спасения, проявляя провицательность и смелость; весной 1794 г. он казался олицетворением правительственной политики; и его заподозрили в подготовке личной диктатуры. Фактически он не обладал никакой личной властью в Комитете общественного спасения. переизбравшемся каждый месяц Конвентом; он мог действовать только в согласии с коллегам. Но ввиду его революционного прошлого, его авторитета и его красноречия, а также его политической смелости и честности (он был Неподкупным) Робеспьер осуществлял подлинную «диктатуру мнения». Некоторые черты его характера, ожесточившегося весной 1794 г., — холодность, недоверчивость, раздражительность — могли усилить подозрения.

11. S a i n t - J u s t. Op. cit., p. 494.

рие к Революции добротой жизни и умиротворением сердец, неотвизно преследуемых кровавыми воспоминаниями, они сами беспрестанно пытаются мысленно лечь в могилу.

КУЛЬТ ВЕРХОВНОГО СУЩЕСТВА

Робеспьер, однако, не мог долее оставаться в состоянии такой неопределенности. Революция, Франция, Европа ожидали от него слова, сигнала. Его первый крупный акт был крупной ошибкой. Во флореале он предложил Конвенту и после длинной красноречивой речи заставил его принять решение об официальном признании Верховного существа и бессмертия души¹². Да, это была крупнейшая политическая ошибка. Не потому, чтобы эти утверждения оскорбляли разум большинства французов. Атеисты и материалисты встречались тогда редко. Даже такие, как Дантон, которые скажут перед Революционным трибуналом: «Вскоре моим жилищем станет небытие», — находили политически уместным говорить о боге. Материалистический пантеизм тоже мог приспособиться к слову «бог» и толковать его по-своему. Более убежденные дейсты, как бывший редактор «Журналь де ла Монтань» Лаво¹³, были близки к тому, чтобы смешивать бога с «порядком, установленным природой». И сам Конвент издал декрет о «празднестве в честь Верховного существа и Природы»¹⁴. Быть может, если бы социализм уже тогда пришел к ясной идее, к четкому и глубокому пониманию самого себя, он бы возразил, что бог, пребывающий вне и над миром, призываемый Робеспьером, чтобы дополнять или исправлять человеческое правосудие, нарушал общность людей в пространстве и во времени. Он судил каждого из них отдельно, и все эти обособленные души, все эти умы, чья судьба вершилась вне человечества, по-видимому, унижали человеческое общество, так как обретали счастье и право вне его и выше его. Но коммунизм еще не получил своего выражения и не мог разработать метафизику мира.

С другой стороны, те, кто, подобно Кондорсе, не хотел для себя иного Элизиума, кроме того, который сумел создать для себя разум, составляли лишь незначительное и действительно ничтожное меньшинство. Великий революционный кризис укрепил во многих душах веру в бессмертную жизнь. Христиане, зараженные религиозным безразличием, присущим веку, вновь обрели в испытаниях свою горячую веру. Сколько раз с тележки, которая везла людей к эшафоту, они искали глазами в толпе неприсягнувшего священника, обещавшего подать им знак вечного примирения! Также и революционеры, которым Руссо внушил идею бессмертия как неясную мечту духа, внезапно вложили в нее все страстное неистовство жизни, находящейся под угрозой. Эшафот наполнял город светом бессмертия. Жирондисты либо в своих последних словах, либо в своих отчаянных письмах заявляли о своей

вере в бога и в бессмертие души. Камиль Демулен из тюрьмы просил у Люсиль книгу Платона о бессмертии души. Многим людям, чей ум был возбужден несчастьем, героизмом и славой, бессмертие представлялось как прекрасное свидание героев всех веков: Шарлотта Корде с античной безмятежностью говорила, что в Елисейских полях она встретится со всеми теми, кто во всех странах и во все времена умер за свободу и отечество. Великий свет бессмертной славы, излучавшийся Древним Римом и современной Францией, казалось, затмил христианский рай, превратившийся в некую темную промежуточную полосу. От Деция или Лукреции и до Шарлотты Корде Елисейские поля образовывали как бы непрерывный и ясный светлый путь, которого не прерывали средние века¹⁵.

Сен-Жюст в приведенном мною выше восклицании, полном страдания и гордого величия, по-видимому, смешивает бессмертие души с бессмертием славы: «независимая жизнь, которую я даровал себе *в веках и на небесах...*».

Даже в декрете Конвента не упоминалось об отречении [от бога], но говорилось о гордости разума и свободы. Официальное признание бога революционной Францией, казалось, увеличивало права бога. И когда Сен-Жюст в своих заметках говорит о вечности и о бессмертии, то он, можно сказать, подчиняет суд самого бога декретам революционной мысли:

12. «Moniteur», XX, 403; Бушез и Рух, XXII, 353; A. Aulard. Le culte de la Raison et le culte de l'Être suprême. 1793—1794, p. 273.

13. Лаво Жан Шарль Тибо (1749—1827) — редактор «Courrier de Strasbourg» в 1792 г.; член Трибунала 17 августа после низложения короля; главный редактор «Journal de la Montagne», официального органа Якобинского клуба, в сентябре 1793 г.; после 9 термидора был заключен в тюрьму.

14. По предложению самого Робеспьера, не делавшего различия между богом и Природой. [Примечание А. Матьеза.] См.: A. Mathiez. Robespierre et le culte de l'Être suprême. — «Annales révolutionnaires», 1910; воспроизведено в A. Mathiez. Autour de Robespierre. Paris, 1925, p. 94. По мнению Матьеза, культ Верховного существа был только пересмотренным и ис-

правленным продолжением культа Разума.

15. Жорес, по-видимому, недостаточно подчеркивает политические цели, преследовавшиеся Робеспьером. В обстановке весны II г. введение культа Верховного существа должно было скрепить с помощью одной веры единство различных социальных категорий, монтаньяров, якобинцев, санкюлотов, которые до сих пор поддерживали Революционное правительство и которых ныне восстанавливали друг против друга классовые antagonизмы. Робеспьер, неспособный разобратся в экономических и социальных условиях, верил во всемогущество идей и призывов к добродетели. Его расчет оказался неверным. Культ Верховного существа породил новый конфликт: сторонники насильственной дехристианизации, как и сторонники светского характера государства не простили Робеспьеру декрета от 18 флореаля.

«Французский народ признает Верховное существо и бессмертие души... Бессмертная душа тех, кто умер за Отечество, тех, кто был добрыми гражданами, кто почитал отца и мать и никогда не покидал их, пребывает в лоне Вечности»¹⁶.

Революция еще до бога отделяет для вечности добрых от злых, и небо представляет собою своего рода невидимый Пантеон, где обитает бог, но ключи от него — в руках Революции, и она открывает двери тем, чье чело она сама отметила знаком бессмертия.

Итак, если акт Робеспьера и был опасным и дурным, то не потому, что действительные формулы, которые он предписывал, находились в резком противоречии с состоянием умов французского народа. Отнюдь нет, но прежде всего потому, что, организуя празднество в честь Верховного существа, провозглашая философскую догму и создавая своеобразный культ¹⁷, он, казалось, стремился получить новые полномочия. Фактически он был главой гражданской власти¹⁸, и можно было подумать, что он стремится стать главой религиозной власти, и недоверие к нему пробуждалось. Более того, священники, всегда выскивающие двусмысленность, которую можно было бы использовать, неустанно повторяли, что Верховное существо в конечном счете не что иное, как бог христианства. Празднество в честь Верховного существа казалось им переходной ступенью к официальному прославлению Иисуса. И Робеспьер воскрешал контрреволюционные надежды в большей мере, чем это делал «Вьё корделье».

Наконец, раздавив эбертизм как группировку, Робеспьер, казалось, стал с еще большим ожесточением добиваться своего рода посмертного реванша над эбертистским духом, что было страшной угрозой для оставшихся в живых.

Комитет общественного спасения предоставил ему свободу действий. Но ни Бийо-Варенн, ни Колло д'Эрбуа, ни даже Барер, в сущности, не одобряли этого культа, в котором особенно проявились свойственные Робеспьеру религиозные воззрения. Он не решился подойти к проблеме прямо. Он не сказал тысячам людей, доверявших ему: «Вот какими путями должна пойти Революция». Нет, он подготавливал разрядку революционного напряжения, обращая умы к идеям, которые он считал великими; этим своего рода религиозным и духовным отвлечением он хотел успокоить революционную горячку. Но это были неведомые и темные пути. И Робеспьер изолировался, обособлялся в критический час, когда он должен был бы примирять, призывать к себе все революционные силы, смешанные силы добра и зла.

С этого момента сердца ожесточаются, отворачиваются от него и в Революции вновь начинается брожение, вызываемое беспокойством и недоверием. В сияющий день прериала Робеспьер, председатель Конвента, идет во главе кортежа, дабы вознести богу официальную благодарность Революции¹⁹. Радость, какой

светилось его лицо, была короткой. Слышался ропот; некоторые возгласы депутатов дали ему почувствовать опасения и ненависть. Он шел немного впереди Конвента: «Вот он, диктатор! Он хочет привлечь внимание народа к себе одному. Ему мало быть королем! Он хочет быть богом!»

Вдруг пропасть опять разверзлась. Как! Значит, снова придется наносить удары! Значит, снова придется проливать кровь! Да, Робеспьер хочет наносить удары; он хочет опередить своих врагов, которые тоже думают только о том, чтобы опередить его, и в этом замкнутом кругу недоверия и страха снова возобновится течение смерти.

ПРЕРИАЛЬСКИЙ ЗАКОН И ВЕЛИКИЙ ТЕРРОР

Но на этот раз Робеспьер, словно охваченный лихорадкой, хочет с этим покончить; мрачная и все время возрождающаяся плюзия. Он хочет ускорить действие революционного правосудия и избавить его от всех помех, чтобы оно могло наносить решительные удары. Прежде всего, тюрьмы слишком переполнены, и Робеспьер не может более их открывать, даже с помощью Комитета правосудия, который он противопоставлял Комитету милосердия Камиля Демулена. Своим злополучным праздником Верховного

16. Fragment sur les Institutions républicaines. Dixième fragment, quelques institutions morales sur les fêtes. — Saint-Just. Op. cit., p. 524.

17. Культ существовал. Все партии — жирондисты, дантонисты, эбертисты — участвовали в нем. Декрет от 18 флореаля только упорядочил фактическое положение. [Примечание А. Матьеза.]

18. В действительности против него был почти весь Комитет общественной безопасности и большинство Комитета общественного спасения. См. нашу статью о разногласиях в правительственных Комитетах накануне 9 термидора в «Revue historique», 1915. [Примечание А. Матьеза.]

19. Празднество в честь Верховного существа и Природы 20 прериала II г. (8 июня 1794 г.) положило начало новому культу. Избранный председателем Конвента несколькими днями ранее, Робеспьер возглавил его с бу-

кетом цветов и колосьев в руке. При огромном скоплении народа праздник, не столько религиозный, сколько гражданский, начался с великолепного кортежа, организованного Давидом, от сада Тюильри до Марсова поля. Это празднество произвело глубокое впечатление во Франции и за границей. Служащий Жирбаль из секции Вильгельма Телля отмечает в своем дневнике: «[Этот день] был великолепен, как сама природа, так и дух... Чувствительные души навеки сохраняют воспоминание о нем». Контрреволюционер Малле дю Пан писал: «Поистине можно было поверить, что Робеспьер собирался заполнить пропасть Революции». О празднестве 20 прериала см.: David. Détails de toutes les cérémonies qui vont être célébrées dans toute l'étendue de la République française en l'honneur de l'Être suprême... (B. N., 8° Lb⁴¹ 3836, imp. 1m-8°, 16 p.)

существа он уже и так чересчур пробудил надежды контрреволюции и подозрения пылких революционеров. Он должен поразить ножом контрреволюцию, чтобы иметь силу поразить ножом угрожающих ему революционеров, остатки эбертизма, быть может, часть Комитета общественного спасения. Так со злобещей монотонностью снова начинается колебание весов, бросившее эбертистов и дантонистов на одну чашу. Но на этот раз ему нужно орудие убийства, более двусмысленное и ужасное²⁰.

Когда существовали партии и группировки, их можно было поразить с помощью общих, но довольно точных определений. У каждой партии есть своя тенденция, свои черты, которые революционный судья может отметить. Но когда группировки сокрушены, когда революционная власть страшится уже одной только личной ненависти, темных и переменчивых интриг, неопределенных групп, то закон смерти должен быть бесформенным, как бесформен и заговор, которого боятся.

Робеспьер из-за своего бессилия на другой день после победы над эбертистами и дантонистами, из-за недоверия, вызванного неловким проявлением его действительного вдохновения, казало, взял на себя обязательство продолжать казни. И ему надо было казнить одновременно, в силу одного и того же закона, смешав их ужасающим образом, контрреволюционеров, содержащихся в тюрьмах подозрительных и таких людей, как Каррье, Фуше, Баррас, которым он внушал страх и которых он страшился сам.

В своей последней речи в термидоре он скажет слова, которые послужат ключом к этим мрачным дням: «Падение группировок выпустило на свободу все пороки». Он хотел этим сказать, что революционной власти, самым высоким представителем которой он был, угрожали уже не политические системы, а рассеянные интриги эгоизма, вождельств и страхов. Нужно было, чтобы закон смерти мог проникать в самые различные сердца. А для того, чтобы его можно было приспособить ко всем формам, надо было, чтобы сам он был лишен формы и был своего рода двоящимся призраком, который в один и тот же день будет находить свои жертвы и в тюрьмах, и на Горе в Конвенте, и в Комитете общественного спасения.

Таков прериальский закон²¹. Он сводится к измышлению страшных неопределенных преступлений, к почти полному освобождению обвинения от представления доказательств и к лишению обвиняемого всех средств защиты.

«Революционный трибунал учрежден, чтобы карать врагов народа²².

Враги народа — это те, кто стремится уничтожить общественную свободу, будь то силой либо хитростью.

Враги народа — это те, кто будет провоцировать восстановление королевской власти или стараться унижить или распустить

Национальный Конвент и республиканское Революционное правительство, центром которого является Конвент;

те, кто изменит Республике, командуя крепостями и армиями и исполняя любые другие военные функции...

те, кто будет стараться помешать снабжению Парижа или вызывать в Республике голод;

те, кто будет содействовать осуществлению замыслов врагов Франции, либо благоприятствуя сокрытию и безнаказанности заговорщиков и аристократов, либо подкупая уполномоченных народа, либо злоупотребляя принципами Революции, законами или мерами правительства путем их неправильного или коварного применения;

те, кто обманет народ или представителей народа, чтобы побудить их к действиям, противоречащим интересам свободы;

те, кто будет стараться вызвать упадок духа, чтобы облегчить действия тиранов, объединившихся против Республики;

те, кто будет распространять ложные известия, чтобы вызвать раскол в народе и смутить его;

те, кто будет стараться ввести общественное мнение в заблуждение, препятствовать просвещению народа, портить нравы, развращать общественное сознание...

20. Жорес считает Робеспьера ответственным за прериальский закон и Великий террор. Также и на этот раз речь идет не о личной, а о коллективной ответственности в условиях весны 1794 г., когда контрреволюция и «заговор аристократов» вновь проявили себя в покушении Адмирала на Колло д'Эрбуа 1 прериала (20 мая 1794 г.) и в покушении Сесиль Рено на Робеспьера 4 прериала (23 мая). В этот же день Барер изобличил в Конвенте Адмирала как агента заговора, оплачиваемого Питтом. Это вызвало огромное возбуждение, вспоминали при этом об убийстве Марата, об убийстве Лепелеттье. Оно нашло отражение в призыве Комитета от 6 прериала (25 мая), обращенном к Сен-Жюсту, командированному тогда в армии: «Свободе грозят новые опасности. Комитет общественного спасения нуждается в объединении разума и энергии всех своих членов». Для революционеров не было ника-

ких сомнений: накануне решающих боев враг старается дезорганизовать действия правительства и национальную оборону. В этой тревожной обстановке был принят закон от 22 прериала. 21. Закон от 22 прериала II г. (10 июня 1794 г.) был принят по докладу Кутона. Председательствовавший Робеспьер покинул президиум, чтобы добиться согласия Конвента. Комитет общественного спасения, несомненно, дал свое согласие. Но Комитет общественной безопасности запрошен не был: отсюда его недовольство и разлад между обоими Комитетами. О прериальском законе см.: H. Calvet. Une interprétation nouvelle de la loi de préréal. — «Annales historiques de la Révolution française» 1950, p. 305; G. Lefebvre. Sur la loi du 22 prairial. — Ibidem, 1951; воспроизведено в: idem. Etudes sur la Révolution française, 2e édition, 1963, p. 108.

22. «Moniteur», XX, 694.

Поистине, при столь расплывчато сформулированных правонарушениях во Франции не было человека, контрреволюционера или революционера, которому не угрожал бы закон от 22 прериаля. И какая упрощенная процедура, какая ужасная кара!

«Кара за все преступления, рассмотрение которых относится к компетенции Революционного трибунала, — смерть».

Уликами, необходимыми для осуждения врагов народа, могут служить всякого рода доказательства, вещественного, морального, словесного или письменного характера, с которыми, естественно, может согласиться справедливый и рассудительный человек. Судьи должны руководствоваться при вынесении приговора своей совестью, просвещаемой любовью к отечеству; их цель — торжество Республики и гибель ее врагов; процедура — простые средства, которые подсказывает здравый смысл, чтобы распознать истину, в формах, предписанных законом.

Если имеются улики, вещественные или моральные, помимо доказательств свидетелей, то свидетелей совсем не будут заслушивать, разве только эта формальность будет признана необходимой либо для того, чтобы выявить сообщников, либо из других важных соображений общественного блага.

Оклеветанным патриотам закон предоставляет в качестве защитников присяжных-патриотов; заговорщикам он их не предоставляет».

Итак, никаких свидетелей, кроме свидетелей обвинения; никаких защитников, никаких прений; это была расправа без суда²³. Этот прерриальский закон представлял собою как бы фантастический нож, способный проскальзывать и проникать повсюду, словно тень, и внезапно вновь обретающий, при соприкосновении с шейными позвонками, смертоносную твердость.

Отныне можно с полным основанием предположить, что Робеспьер погиб. Этот закон показывает, что он уже не мог справиться с необъятностью проблем и событий и что сама пустота, образовавшаяся после исчезновения его противников, вызвала у него головокружение. Если он предложил и навязал Комитету общественного спасения этот жестокий закон, то, очевидно, в надежде и с мыслью вскоре покончить с ним²⁴. Никаких прений, ничего похожего на картину суда над дантонистами: смерть немая, быстрая, удушающая. Робеспьер уверяет себя, что после нескольких недель такого режима он повергнет всех врагов Революции в такой леденящий ужас и настолько устранит всех тех, кого он называл «лжереволюционерами», что наконец можно будет установить нормальный порядок.

Чрезмерный террор должен был привести к отмене террора. Робеспьер хотел усилить террор²⁵, усиленно осуществлять его на протяжении нескольких ужасных и незабываемых недель, чтобы иметь силу и право покончить с террором. Ослабить террор, растянуть его на длительное время значило рисковать привести

Революцию в состояние постоянного нервного напряжения. Пусть весь ужас будет делом нескольких дней. О смерть, зловеющая труженица, поторопись, делай свое дело скорее, не отдыхай ни днем, ни ночью. А когда ты выполнишь свою ужасную задачу, то ты получишь позволение окончательно удалиться.

Это были бессмысленные мечтания; и вместо того, чтобы затевать эту безнадежную игру, Робеспьер должен был, даже с риском обмануться, оказать доверие всем уцелевшим членам разгромленных им группировок. Даже если бы он преуспел или ему показалось, что он преуспевает, в этой игре, даже если бы ему удалось одновременно нанести удар как заключенным — контрреволюционерам и подозрительным, так и тем революционерам, которые вызывали у него недоверие или внушали ему отвращение, то это было бы решением вопроса только на час. На другой же день пришлось бы начинать все сначала, и политика широкого доверия, которая одна могла спасти Революционное правительство после устранения организованного эбертизма и организованного дантонизма, стала бы еще более трудной после периода безудержных казней. Пробудилось бы новое недоверие, вызывая новые жестокости. Но было гораздо более вероятно, что эта смелая и ужасная операция потерпит неудачу. Едва начавшись, она объединяла втайне против Робеспьера все тревоги, все страхи. Контрреволюционеры, подозрительные, умеренные, расплачиваясь кровью за будущие неопределенные планы милосердия, внезапно стали связывать систему террора с именем Робеспьера. Он становился для них героем прерриальского закона²⁶.

23. Кутон заявил в своем докладе: «Дело не в том, чтобы дать несколько примеров, а в том, чтобы истребить непримиримых поборников тираний».

24. Жорес забывает, что положения закона, принятого в прерриале, уже нашли свое выражение в постановлении об учреждении Комиссии Оранжа, принятом месяцем ранее, и в инструкции, подписанной Колло д'Эрбуа, Барером и Бийо, дополнявшей это постановление. Не к чему предполагать, что Робеспьер навязал этот закон своим коллегам по Комитету, которые были еще большими террористами, чем он сам. [Примечание А. Матьеза.]

25. В действительности Робеспьер имел в виду избавить Конвент только от 5 или 6 проконсулов, которых он уже велел отозвать из миссии. Осуществление закона оказалось в руках его противников, отказавших ему в отзывании Фукье-Тенвиля. См. мою книгу «Robespierre terroriste».

[Примечание А. Матьеза.]
26. Роялист Больё, находившийся тогда в тюрьме, наоборот, говорит в своих воспоминаниях, что заключенные-подозрительные возлагали на Робеспьера все свои надежды на освобождение и что известие о случившемся 9 термидора повергло их в ужас. [Примечание А. Матьеза.]

Спасенные им жирондисты и их друзья начали вдруг задумываться, не защитил ли он их из определенного расчета и не станут ли они жертвой новых расчетов²⁷. Над уцелевшими дантистами нависала угроза «морали».

Все представители в миссии, которые, по выражению Робеспьера, «злоупотребляли революционными принципами» и скомпрометировали Конвент своими жестокостями или своей распушенностью — Тальен, Баррас, Каррье, Фуше, — читали на лице Робеспьера, каким бы замкнутым оно ни было, свой смертный приговор. И они инстинктом нашли средство защиты: Робеспьер стремится к диктатуре²⁸ или, вернее, он осуществляет ее. Во время праздника Верховного существа глухие, но явственные голоса шептали, когда он проходил: «Еще найдется Брут». Прериальский закон не получил пылкого одобрения всего Комитета общественного спасения. Робеспьер составил его вместе с Кутоном и Сен-Жюстом; другие подчинились ему. Главенство Робеспьера начало внушать ужас Бийо-Варенну и Колло д'Эрбуа; последний боялся за свою безопасность, первый — за свою долю власти. Конвент проголосовал за закон, но с оговоркой, сводившей на нет почти все полезное действие, на какое рассчитывал Робеспьер. Конвент постановил, что только он сам может решать вопрос об аресте своих членов. Робеспьер не сможет наносить быстрые и решительные удары, какие он задумал²⁹.

Такое же недоверие проявлял Комитет общественной безопасности, Бюро полиции которого, созданное Робеспьером и переданное им Комитету общественного спасения, вызывало подозрения³⁰. Робеспьер почувствовал себя во враждебном окружении, и страшный закон, на который он рассчитывал для окончательной ликвидации террора, был парализован и извращен, ускользнув из его рук.

Тогда он, внезапно переменяв тактику³¹, стал делать вид, что этот закон не интересует его. С того момента, как этот закон не мог более поражать главных «виновников» — тех, кто заседал в Конвенте, с того момента, как он не мог более наверняка и в час, выбранный самим Робеспьером, очистить Революцию от Каррье, Фуше, Бурдона из Уазы, Тальена и Барраса, он становился не более как тупым орудием бессмысленного уничтожения. Поэтому следовало возложить на тех, кто извратил его политическое значение, всю ответственность за его применение.

Со своей стороны Революционный трибунал, словно он и сам хотел уйти от страшной ответственности, придавая себе какую-то видимость автоматического исполнителя, истолковал прериальский закон как закон механического убийства. Дело шло о том, чтобы как можно больше убивать. Из дня в день обвиняемые занимали целый ряд скамей; их участь решалась одним словом, и

головы падали сотнями. То был Великий террор, который в течение нескольких недель, с 22 прериала до 9 термидора, унес больше жертв, чем революционный режим с марта 1793 г. до 22 прериала II г.³² Вокруг гильотины плелись ужасные интриги. Робеспьер не вмешивался, он не умерял темпа работы этой чудовищной машины, дабы ясно показать, что это больше не его машина, что это больше не его закон³³. А с другой стороны, общественный обвинитель Фукье-Тенвиль и присяжные, притворяясь, будто они не видят, что закон утратил большую часть того, в чем Робеспьер видел смысл его существования, применяли его весьма широко. Если он делал Робеспьера ненавистным, не делая его более сильным, то многих это утешало. И Робеспьер не мог сказать: «Вы хорошо знаете, что закон утратил свой смысл, так как больше не может судить злодеев, укрывшихся в Конвенте». Нет, он не мог этого сказать; он не мог отречься от изуродованной машины, убивавшей его именем. Его враги не упускали случая компрометировать его и губить. Они подняли большой шум вокруг петиции одного ревнителя Верховного существа, потребовавшего запретить всякую хулу против божества.

Так не возродиться ли старая инквизиция? Да, инквизиция и диктатура, и Робеспьера, по выражению Сен-Жюста, вскоре

27. Находившиеся в заключении жирондисты писали Робеспьеру на другой день после прериальского закона письма, которые сохранились и доказывают, что они не переставали смотреть на него как на своего единственного защитника от приверженцев террора. [Примечание А. Матьеза.]

28. Об этой кампании см. нашу статью: Truchon et Roch Marcandier. — «Annales révolutionnaires», 1922. [Примечание А. Матьеза.]

29. В Конвенте прериальский закон вызвал крайнее беспокойство: 23 прериала (11 июня 1794 г.) противники Комитета заявили, что закон, в сущности, позволяет возбудить обвинения против депутатов, не ставя об этом в известность Собрание. На другой день Робеспьер не без труда добился отклонения этого обвинения. («Moniteur», XX, 716; M. Robespierre. Œuvres, t. X, Discours, 5e partie, p. 491.)

30. Бюро полиции было создано в начале флореаля II г., оно подчинялось только Комитету общественного спасения и посягало, следовательно, на полномочия Комитета общественной безопасности. См.: A. Ordning. Le Bureau de police du Comité de sûreté générale. — Etude sur la Terreur. Oslo, 1930.

31. Это была не тактика, а проявление отчаяния. [Примечание А. Матьеза.]

32. С марта 1793 г. и до 22 прериала II г. в Париже был гильотинирован 1251 человек, а с 22 прериала и до 9 термидора — 1376 человек.

33. И также потому, что он был бессилен, поскольку Комитет отказал ему в отозвании Фукье-Тенвиля. Об этом см. нашу статью: Robespierre et Fouquier-Tinville. — «Annales révolutionnaires», 1917. [Примечание А. Матьеза.]

обвинили бы в том, что он «велит проносить перед богом фасции Суллы».

Ясновидящая, безумная Катрин Тео, связанная с бенедиктинцем отцом Жерлем, возвещала наступление мистической эры, когда Робеспьер станет спасителем людей³⁴. Комитет общественной безопасности, расследовавший это нелепое дело, раздул его, и Робеспьер с трудом спас пророчицу от эшафота.

Итак, готовил ли Неподкупный свою тиранию, развращая религиозным фанатизмом умы простодушных? Барер с особым двусмысленным усердием цинично восхвалял прериальский закон, возможно, чтобы угодить, а возможно, и для того, чтобы усилить общий страх чудовищными речами.

«Только мертвые, — говорил он со своего рода рассчитанной и жестокой веселостью, — только мертвые не возвращаются».

Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа либо ворчали, либо даже нападали на Робеспьера на бурных заседаниях Комитета общественного спасения³⁵. Барер выжидал; Сен-Жюст находился в армии; Карно и Приёр были погружены в свои военные дела. Ленде занимался только продовольствием и, как мы помним, отказался подписать смертный приговор Дантону, сказав: «Я нахожусь здесь, чтобы кормить патриотов, а не убивать их».

Всеми оставленный, озлобленный Робеспьер с начала мессидора перестает появляться в Комитете общественного спасения. Или по меньшей мере он перестает брать на себя свою долю работы и ответственность за его действия. Почему г-н Амель упорно отрицает это? Он напрасно ссылается на несколько подписей, поставленных Робеспьером под некоторыми решениями Комитета в эти последние недели³⁶. Это была часть чисто механической работы.

Но политические дебаты были прекращены. Сам Сен-Жюст заявил об этом в своей речи 9 термидора. Не имея более возможности рассчитывать на прериальский закон, Робеспьер сделал вид, что он его не интересуется. Не имея более возможности рассчитывать на Комитет общественного спасения, он делает вид, что он его не интересуется. И не будучи более главой правительства, он перекладывает на других ответственность за действия правительства. А пока он подготавливает свой реванш. Вскоре он попытается другими способами добиться того, чтобы пали головы, которых ему прериальский закон не мог больше дать³⁷. Он обеспечивает себе все большую поддержку якобинцев³⁸. Они по-прежнему были связаны с Робеспьером братскими узами. В нем, и только в нем, видели они демократию, суверенную и организованную Революцию. Коммуна, где национальный агент Пейан заменил Шометта, и мэр Флёрю — Паша, всецело предана ему. Анрио, командующий национальной гвардией, тоже в его распоряжении.

Воспользуется ли он силой народа, чтобы принудить Конвент, чтобы вырвать у него обвинительный декрет против тех, кого он хотел погубить, декрет, инициативу которого Конвент сохранил за собой? Нет, Робеспьер еще рассчитывает на силу своего слова, на свой нравственный авторитет, который тайная интрига смогла подорвать, но не уничтожила. Он начинает наступление в Якобинском клубе с нападения на Фуше³⁹. Он ставит ему в вину его материалистическую и атеистическую политику в Ньевре; как бы для того, чтобы смешать все обвинения и дать залог революционерам, он также ставит ему в вину, что он дурно обращался с самыми пламенными лионскими демократами, друзьями Шалье. Фуше остерегается принимать бой на узком поле, в Якобинском клубе; первое нападение захватило его врасплох. Ему предлагают представить объяснения на следующем заседании, но он больше не появляется; он плетет нити заговора против Робеспьера. Ночью он предупреждает членов Конвента, над которыми, как он знает, или думает, или хочет думать, нависла угроза. Циркулируют проскрипционные списки, разрастающиеся с каждым днем благодаря интриге и страху. Кто знает, не нанесет ли Конвент удар первым, в приступе мужества, вызванном самой безмерностью страха?

Как раз в тот период, когда Робеспьер был, казалось, далек мыслями от Комитета общественного спасения, были одержаны самые блистательные победы. Армия Самбры-и-Мааса, соз-

34. Нет уверенности в том, что Катрин Тео или священник Жерль когда-либо произносили имя Робеспьера во время своих мистических собраний. О деле Катрин Тео смотри главу из моих «Contributions à l'histoire religieuse de la Révolution»; ее следует дополнить позднейшей статьей, опубликованной в «Annales révolutionnaires». 1919. [Примечание А. Маттеза.]

35. См.: Barrau. Mémoires. Publiés par G. Duruy. Paris, 1895—1896, 4 vol., t. I, p. 339. Баррас рассказывает о ссоре между Колло и Робеспьером по поводу одного проскрипционного списка, против которого Робеспьер возражал; Колло бросился на него.

36. E. Hamel. L'Histoire de Robespierre, t. III, p. 594. «Все историки без исключения [...] полагали, что на протяжении

последних четырех декад, т.е. сорока дней, до своего падения Робеспьер полностью отошел от работы в Комитете общественного спасения и перестал туда являться. Это огромное заблуждение...»

37. Или, вернее, он попытается защитить себя от угрожавших ему заговоров. [Примечание А. Маттеза.]

38. В течение мессидора Робеспьер выступал в Якобинском клубе 3, 6, 9, 13, 21, 23, 26 и 28 числа (21, 24, 27 июня и 1, 9, 11, 14 и 16 июля 1794 г.). В Конвенте он выступил 24 прериала (12 июня) и появился на его трибуне только 8 термидора (26 июля 1794 г.).

39. Робеспьер выступил в Якобинском клубе против Фуше 23 прериала (11 июня) и снова 23 и 24 мессидора (11 и 14 июля 1794 г.).

данная под командованием Журдана (его заместителями были Клебер и Марсо), ускорила свое продвижение; 7 мессидора она захватила Шарлеруа; 8 мессидора, после долгого и славного сражения, она оттеснила австрийцев с поля битвы под Флерюсом и заставила их отступить; 22 мессидора она с триумфом вступила в Брюссель. При каждой новой победе Робеспьеру становилось все труднее нанести удар Комитету общественного спасения; вот почему Барер впоследствии скажет: «Победы, как фурии, яростно набросились на Робеспьера». Час кризиса наступил.

СОБЫТИЯ 9 ТЕРМИДОРА

Робеспьер, подобно Руссо в Эрменонвиле, будет размышлять, он будет искать в былой невинности своих сновидений и мыслей сил дойти до конца по кровавому пути; и 8 термидора он дает бой в Конвенте. Он сетует на то, что Комитет общественного спасения сперва обвинили в диктатуре и тирании и что мало-помалу это обвинение сосредоточилось на нем одном. Он сетует на то, что, желая его погубить, ему приписывают намерение заставить Конвент уничтожить самого себя, выдать себя по частям. Он утверждает, что эти опасения лишены оснований, что «мошенники» малочисленны. И он спрашивает, принесут ли Республику, которая может существовать только благодаря добродетели, в жертву этой горстке «мошенников»¹.

Что же, может быть, будет достаточно, чтобы Конвент выдал ему еще несколько голов, дабы все затруднения исчезли? Какова же будет на следующий день его политика? А содержавшаяся в его речи едва скрытая угроза в адрес Камбона? Достаточно ли ее, чтобы сделать возможной новую финансовую и экономическую политику?

¹ Эта речь была найдена в бумагах Робеспьера и напечатана по распоряжению Комиссии, которой было поручено их изучить. «Moniteur», XXI, 329, — Buchez

et Roux, XXXIII, 406; M. Robespierre. Œuvres, t. X, Discours, 5^e partie, p. 542. [См.: М Робеспьер Цит соч., т III, 1965, с. 204 и сл — *Ред*]

Робеспьер не назвал этих немногочисленных «мошенников». Поэтому угроза, которую он хотел ограничить, будучи расплывчатой, была огромной. Не было ни одного члена Конвента, который не чувствовал бы над собой занесенного ножа. И затем, когда эта «горстка мошенников» будет уничтожена, какая уверенность могла быть у Конвента, что на другой или на третий день Робеспьер не потребует от него новых жертв?

Не знаю, почему Бюше и Ру пишут, что главная ошибка речи Робеспьера состояла в том, что его речь была лишь предисловием к речи Сен-Жюста, которую последний хотел произнести на следующий день² и в которой он объявил бы, что Комитет общественного спасения передает свои полномочия Конвенту. Это была высшая тактика Сен-Жюста, наполовину отделившегося от Робеспьера.

Ничто не дает оснований утверждать, что это была мысль самого Робеспьера. Он, несомненно, не был готов распустить Революционное правительство и безоружным возвратиться в Конвент, где кипело столько гнева, столько злобы и страхов. И если неопределенность его речи 8 термидора была смертельной ошибкой, то это была ошибка неизбежная. На том пути, на который Робеспьер вступил, он не мог сказать: «Вот каков будет последний шаг». Он был осужден всегда сохранять за собой возможность наносить новые удары.

Однако Робеспьер еще не утратил своего престижа; слушатели аплодировали его речи. Но Шарлье, Камбон, Амар, Бийо-Варенн, накануне исключенные из Якобинского клуба, и Паниц возражают против ее рассылки в департаменты. Шарлье хочет заставить Робеспьера назвать имена: «Когда человек хвалится тем, что он обладает мужеством добродетели, он должен обладать мужеством говорить правду. Назовите тех, кого вы обвиняете»³.

Если бы Робеспьер их назвал, как ни малочисленны они были, то, поскольку они представляли все течения в Конвенте, весь Конвент почувствовал бы себя под угрозой. Но если он не осмеливался их назвать, то на что он надеялся? Он хранит молчание. Бреар как бы лишает его неопределенной диктатуры, одним замечанием восстанавливая власть Конвента: «Это важное дело, по которому Конвент должен сам вынести решение»⁴.

И Конвент решил не рассылать речи Робеспьера по департаментам. Робеспьер попытался пустить в ход свое моральное влияние. Его оказалось недостаточно, чтобы подавить возмущение оказавшихся под угрозой членов Конвента. Робеспьер погиб. Вечером он сказал в Якобинском клубе, прочитав речь, только что произнесенную им в Конвенте: «Это — мое предсмертное завещание»⁵.

Сен-Жюста, вызванного из армии в трагическую ночь с 8 на 9 термидора, стараются склонить на свою сторону враги Робеспьера, группировка Комитета общественного спасения, которую возглавлял Бийо-Варенн. Сен-Жюст вовсе не хотел предавать Робеспьера, но он стремился к соглашению. Он признал, что Робеспьер был не прав, так долго не принимая участия в заседаниях Комитета общественного спасения; но он обвинил Бийо-Варенна и Колло д'Эрбуа в том, что в отсутствие раздраженного Робеспьера, в отсутствие самого Сен-Жюста, направленного в армию, в отсутствие Жана Бона Сент-Андре, всегда находившегося на побережье или в море, в отсутствие заболевшего Кутона они стремятся захватить власть в Революционном правительстве.

Его план, по-видимому, сводился к обновлению Комитета общественного спасения, к его расширению, с целью изгнать из него дух групповщины, и к возрождению путем такого обновления мощи Конвента. Но уже не время было для проектов полубовного соглашения, которые никого не могли бы успокоить. Ибо кто в действительности будет господствовать в обновленном или расширенном Комитете? Кто будет держать в руке топор?

9 термидора Сен-Жюсту удалось произнести только несколько первых фраз из своей речи⁶. Между Робеспьером и его врагами завязывается решающий бой. Бийо-Варенн и Тальен руководят сражением.

Как только Сен-Жюст в самом начале своей речи намекнул на свои споры с Бийо-Варенном, сказав: «Доверие обоих Комитетов было для меня честью; но этой ночью один человек поразил меня в самое сердце», — Бийо-Варенн резко прервал его и завладел трибуной.

«— Знайте, граждане, — воскликнул он⁷, — что вчера председатель Революционного трибунала открыто предложил в Якобинском клубе изгнать из Конвента всех нечистых людей, т.е. всех

2. Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution française, t. XXXIV, p. 1. «Главной и непоправимой ошибкой его речи было то, что она была только предисловием к речи, которую Сен-Жюст должен был произнести на следующий день».

3. «Moniteur», XXI, 331. Шарлье Луи Жозеф (1754—1797) — депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Марна.

4. «Moniteur», XXI, 331. Бреар Жан Жак (1751—1840) — депутат

Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Нижняя Шарапта.

5. Buchez et Roux, XXXIV, 2; A. Aulard. La Société des Jacobins. t. VI, p. 289.

6. «Moniteur», XXI, 331; Discours commencé... en la séance du 9 thermidor... (B.N.. 8° Le³⁸ 871, imp. in-8°, 19 p., déposé sur le bureau et imprimé par ordre de la Convention); Buchez et Roux, XXXIV, 6.

7. «Moniteur», XXI, 332; Buchez et Roux, XXXIV, 21.

тех, кого хотят принести в жертву; но народ здесь, и патриоты сумеют умереть, защищая свободу.

— Да, да! — закричали многие члены Конвента...

Бийо-Варенн продолжил:

«— Пропать разверзлась под нашими ногами. Мы должны без колебаний заполнить ее своими трупами или же восторжествовать над изменниками».

Робеспьер поднимается на трибуну для ответа. Но крики: «Долой тирана! Долой тирана!» — заглушают его голос. Это был лозунг, сообща выработанный на многочисленных ночных тайных собраниях, которые устраивал Фуше. Тальен бросился вперед и встал рядом с Робеспьером⁸.

«— До сего времени я заставлял себя молчать, так как знал от человека, близкого к тирану Франции, что он составил проскрипционный список. Я не хотел обвинять, но вчера я был на заседании Якобинского клуба; я содрогнулся от страха за отечество; я видел, что создается армия нового Кромвеля, и вооружился кинжалом, чтобы пронзить ему грудь, если бы у Национального Конвента не хватило мужества вынести ему обвинительный декрет»

Но враги Робеспьера прежде всего хотят сломить опору, которую он может найти вне стен Конвента. Тальен требует ареста Анрио и непрерывности заседаний Конвента, «пока меч закона не обезопасит Революцию». Оставалось только арестовать Робеспьера. Но Конвент, видимо, еще колебался совершить решающий шаг. Не нанесет ли он этим удара самой Революции?

Тальен побуждает Конвент принять решение и увлекает его за собой, ставя выше всякой личной славы безличную силу и славу Революции.

Он обвиняет «этого человека, который должен был быть защитником угнетенных в Комитете общественного спасения, который должен был находиться на своем посту, но покинул его на четыре декады. И в какое время? Когда Северная армия внушала всем его коллегам сильную тревогу. Он покинул его, чтобы клеветать на Комитет, и все спасли отечество. (Бурные аплодисменты.)»

И Тальен, приписывая Комитетам всю заслугу одержанных побед, возлагает на Робеспьера всю ответственность за террор:

«— Именно в то время, когда Робеспьер ведал общей полицией, совершались акты особенно жестокого притеснения.

— Это ложь! — кричит Робеспьер⁹.

Он поднимается на первые ступени трибуны, но шум заглушает его голос, он обращает взгляд к патриотам Горы. Они больше не хотят его знать. Это — час, когда они его покидают. Они

отворачиваются. Затем Робеспьер, как бы желая противопоставить одну коалицию другой, восклицает, обращаясь ко всему Конвенту:

«— Я обращаюсь к вам, чистые люди, а не к разбойникам! Ну и что же? Будет ли на гильотину, управляемую человеком, возложена обязанность отличать чистых людей от разбойников?»

Поднимается еще более сильная буря. Робеспьер, близкий к гибели, обращается к Колло д'Эрбуа, который председательствовал и способствовал его крушению:

«— Председатель убийц, ты предоставишь мне слово?»

Но место Колло в председательском кресле занял Тюрио, дантонист¹⁰. После куцей тени Эбера председательствует великая тень Дантона. И это Дантон говорит Робеспьеру:

«— Ты получишь слово только в свой черед».

Но сказал ли бы так Дантон в действительности? Голос Робеспьера срывается и хрипит. Гарнье из департамента Об кричит ему¹¹:

«— Тебя душит кровь Дантона».

А Робеспьер, с усилием напрягая голос, отвечает:

«— Так это за Дантона хотите вы отомстить! *Трусы, почему вы не защитили его?*»¹²

И я, мне кажется, улавливаю в этом последнем возгласе выражение безнадежного сожаления. Малоизвестный депутат Луше произносит решающее слово¹³: «Я требую обвинительного декрета против Робеспьера». Принимается решение об аресте, и не одного Робеспьера, но и Сен-Жюста и Кутона; Робеспьер Младший и Леба сами заявляют, что они хотят разделить участь их великого друга¹⁴.

Конвент, взволнованный, но полный решимости довести дело до конца, удовлетворяет их просьбу; все они спускаются к барьеру, и их передают приставам, которые не решаются наложить

8. «Moniteur», XXI, 332; В u c h e z e t R o u x, XXXIV, 24.

9. Протоколы Бюро полиции Комитета общественного спасения доказывают, что Робеспьер говорил правду. Он перестал руководить работой Бюро 11 мессидора, по возвращении Сен-Жюста [Примечание А. Матьеза]

10. Тюрио Жак Алексис (1753—1829) — депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Марна

11. Гарнье Антуан Мари Шарль (1742—1805) — депутат Конвента

от департамента Об, дантонист. 12. В «Монитер» нет никакого упоминания ни о восклицании Гарнье, ни об ответе Робеспьера. Бюше и Ру приводят только первую часть ответа Робеспьера. В u c h e z e t R o u x, XXXIV, 33

13. «Moniteur», XXI, 335; В u c h e z e t R o u x, XXXIV, 34. Луше (1755—1813) — депутат Конвента от департамента Аверон, дантонист.

14. «Moniteur», XXI, 335; В u c h e z e t R o u x, XXXIV, 36.

руку на тех, кто еще недавно представлял правительство торжествующей Революции.

Из страха или же по тайному приказанию тюремщики отказываются принять этих опасных заключенных. Их направляют в ратушу и тотчас же по предложению Барера объявляют вне закона¹⁵. Ответят ли они силой на этот декрет? Попытается ли Робеспьер, поддержанный Коммуной, якобинцами, национальной гвардией, поднять руку на Конвент? Многие из его друзей настаивали, чтобы он действовал¹⁶.

После некоторых колебаний он от этого отказался¹⁷. То, что от него требовали, это было уже не 31 мая и не 2 июня. Конвент, приняв декрет о его аресте, объявив его вне закона, весь целиком выступил против него. И он должен был бы сломить весь Конвент. Во имя какого принципа? В силу какого права? И что будет он делать завтра? Он будет отныне только диктатором, блуждающим в пустоте, которого вскоре проглотят армии, будет вторым, гражданским Кромвелем, который окажется во власти первого же военного авантюриста, пожелавшего подправить государственный переворот. Робеспьер ждал. Тем временем Баррас и Леонар Бурдон от имени Конвента ходили по улицам Парижа и произносили речи перед гражданами, призывая их выступить против «тирана», против «мятежника». И все те, кто устал от крайнего напряжения и смутно ожидал от падения великого человека какой-то более спокойной жизни, все те, кого еще волновали, после стольких кровавых расправ, престиж Конвента и слово «закон», присоединялись к ним. Они увлекли за собой несколько секций и заняли ратушу. Выстрелом из пистолета какой-то жандарм раздробил Робеспьеру челюсть¹⁸. Кутон был тяжело ранен ударом сабли. Леба пустил себе пулю в лоб. Сен-Жюст, гордый и бесстрашный, осгавался невозмутимым и молчал под градом оскорблений.

Окровавленного Робеспьера доставляют в Комитет общественного спасения, и там, лежа на столе, прижимая носовой платок к своей тяжелой ране, бесчувственный к подлым оскорблениям, он собирается с силами в ожидании смерти. Быть может, она и в самом деле казалась ему освобождением. Она избавляла его от решения задачи, непосильной для его ума, и от ответственности, выходящей за пределы человеческих возможностей. Она освободила его и от чувства мучительного смятения, которое, несомненно, оставила у него казнь Дантона и Камиля. Если он умирал за Революцию, то неужели он не был вправе наносить удары ради нее?

10 термидора в полдень по приказанию Бийо-Варенна осужденных перевели в тюрьму Консьержери; самый их последний путь должен был смешать их с теми, кого они сами посылали на смерть. В четыре часа дня их повезли к эшафоту¹⁹. Женщины плясали за тележкой и оскорбляли Робеспьера. Он

печально улыбался и, конечно, просил их. Он верил в справедливость будущего. По дороге он увидел, как ребенок мажет кровью двери дома Дюпле. Робеспьер отвернулся, но ни единой слезы не скатилось из его глаз. Он не замкнул своего сердца перед страданием, но смирил его, служа Революции и отечеству.

15. «Moniteur», XXI, 341; В и с h e z e t R o u x, XXXIV, 69.

16. О заседании Генерального совета Коммуны 9 термидора см.: В и с h e z e t R o u x, XXXIV, 41. О позиции парижских секций, общих собраниях и революционных комитетов см.: А. S o b o u l. Les Sans-culottes parisiens en l'an II, p. 996. [См.: А. С о б у л ь. Парижские санкюлоты..., с. 499 и сл. — Ред.]

17. Я полагаю, что я доказал в статье, появившейся в «Revue de France» 15 февраля 1924 г., что Робеспьер не отказался помочь Коммуне в ее попытке восстановления [Примечание А. Матье-за] Эта статья перепечатана в: А. M a t h i e z. Autour de Robespierre. Paris, 1925, p. 196, «Robespierre à la Commune, le 9 thermidor».

18. Рассказ о поступке жандарма Мерда более чем сомнителен. Все документы того времени единогласно свидетельствуют, что Робеспьер пытался покончить с со-

бой. [Примечание А. Матье-за.] В заключение своей вышеупомянутой статьи Матье-з пишет: «Он не хотел попасть живым в руки разбойников. И если это ему не удалось, то попытка все же была. Он сохранил некоторые черты тех римлян, восхищаться которыми его научили его учителя из коллежа Людовика Великого». См. отчет медиков о перевязке ран Робеспьера Старшего и о его переводе в тюрьму Консьержери (В и с h e z e t R o u x, XXXIV, 90) и заметки, касающиеся Робеспьера, когда он был доставлен в Комитет общественного спасения. (Ibid, XXXIV, 92.)

19. 10 термидора вечером (28 июля 1794 г.) Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон и 19 других были гильотинированы на площади Революции; вслед за ними 11 термидора казнили 71 человека (самая многочисленная группа за все время террора); 12 термидора было казнено еще 12 человек.

КАК СУДИТЬ О РЕВОЛЮЦИОНЕРАХ

Историк всегда вправе противопоставлять гипотезы свершившейся судьбе. Он вправе говорить: «Вот ошибки людей, вот ошибки партий», и воображать, что, не будь этих ошибок, события приняли бы другой оборот. Я говорил об огромных заслугах, особенно после 31 мая, Робеспьера, организовавшего революционную власть, спасшего Францию от гражданской войны, от анархии и поражения. Я также говорил о том, как после разгрома эбертизма и дантонизма у Робеспьера появились подозрения, наступило ослепление и головокружение.

Но когда судишь об этих людях, никогда нельзя забывать, что задача, возложенная на них судьбой, была огромна и, несомненно, «превосходила человеческие силы». Быть может, одному поколению было не по силам ниспровергнуть старый порядок и создать новое право, породить, вырвав из глубины невежества, бедности и несчастья, просвещенный и гордый народ, бороться против мировой коалиции тиранов и рабов, напрячь и ожесточить в этой борьбе все страсти и все силы и в то же время привести охваченную горячкой и измученную страну к нормальному строю упорядоченной свободы. Франции времен Революции понадобилось столетие, бесчисленные испытания, возвраты монархии, пробуждения республики, нашествия, расчленения, государственные перевороты, гражданские войны, чтобы наконец прийти к организации Республики, к установлению равной для всех свободы благодаря всеобщему избирательному праву. Великие вершители революции и демократии, трудившиеся и сражавшиеся более века назад, не ответственны перед нами за дело, которое могло быть выполнено только несколькими поколениями. Судить

о них так, словно они должны были завершить драму, словно истории не предстояло продолжаться после них, — сущее ребячество и несправедливость. Их дело неизбежно было ограниченным; но оно было великим. Они утвердили идею демократии во всей ее полноте. Они явили миру первый пример великой страны, которой управляла и которую спасла сила всего народа. Они придали Революции блистательный престиж идеи и необходимый престиж победы; и они придали Франции и всему миру такой мощный порыв к свободе, что, несмотря на реакцию и на времена мрака, новое право окончательно утвердилось в истории.

ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛИЗМ

Социализм отстаивает это новое право и опирается на него. Он представляет собою высшую степень развития партии демократии, так как хочет организовать суверенитет всех в экономической области, так же как в политической области. И он основывает новое общество на праве человеческой личности, так как хочет дать каждому человеку конкретные средства для развития, которые позволят ему полностью проявить себя.

Я писал эту длинную историю Революции, вплоть до 9 термидора, в разгар ожесточенного сражения — сражения против врагов социализма, Республики и демократии¹; сражения между самими социалистами, спорившими о наилучшем образе действий и борьбы². Чем дальше я продвигался в своей работе под перекрестным огнем этой борьбы, тем больше укреплялось мое убеждение, что демократия для пролетариата — великое завоевание.

Она в целом — есть решающее средство действия и типичная форма, по которой экономические отношения должны строиться так же, как политические отношения. Отсюда огромная радость, когда я обнаружил пылающую лаву социализма, вытекавшую из горнила Революции и демократии.

В высоком смысле слова, в том смысле, как это понимал Баббёф, говоря о Робеспьере, мы — партия демократии и Революции. Но мы не остановили Революцию, не заморозили ее. Мы не собираемся удерживать человеческое общество в экономических и социальных формах, преобладавших в 1789—1795 гг. и соответствовавших условиям жизни и производства, ныне исчезнувшим. Буржуазные демократические партии чересчур часто ограничиваются тем, что подбирают у подножия вулкана куски остывшей лавы; собирают вокруг горнила погасший пепел. Горячий металл нужно отливать в новых формах.

1. Борьба против националистов во времена дела Дрейфуса. [*Примечание А. Матъеза.*]

2. Борьба, вызванная вступлением Мильерана в кабинет Вальдек-Руссо. [*Примечание А. Матъеза.*]

Проблема собственности более не ставится и не может ставиться так, как в 1789 или в 1793 г. Тогда частная собственность могла казаться выражением и гарантией человеческой личности. С появлением крупной капиталистической промышленности, социального объединения производителей, общая и коллективная собственность на крупные средства производства сделалась условием всеобщего освобождения. А для того, чтобы оторвать революцию и демократию от всего устаревшего и ретроградного в буржуазных концепциях, необходима мощная классовая деятельность организованного пролетариата.

Именно классовая деятельность, а не деятельность секты, так как пролетариат должен организовать всю жизнь, а он может организовать демократию и жизнь, только вмешиваясь в них. Великая и свободная деятельность, повинующаяся ясному идеалу. Демократическая политика и классовая политика — вот два термина, отнюдь не противоречащие один другому, в пределах которых действуют пролетарские силы и которые со временем история объединит в единой социальной демократии.

Таким образом, социализм связан с Революцией, но не прикован к ней. И именно поэтому со свободным умом и пылким сердцем мы следим за героическими усилиями революционной демократии.

Передаю в руки наших друзей факел, пламя которого столько раз почти гасили бурные ветры и который сам наполовину сгорел, озаряя трагический мир. Огонь, умиравший, но бессмертный, который деспотизм и контрреволюция будут яростно стараться загасить и который, каждый раз оживая, разгорится и станет символом пламенной надежды социализма. Теперь свет Революции будет мерцать в мрачной атмосфере термидора.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО (2 ИЮНЯ 1793 г. — 9 ТЕРМИДОРА II г.)

Поглощенный изучением борьбы группировок, Жорес, по-видимому, не уделил достаточного внимания проблеме взаимоотношений между народным движением и Революционным правительством (с лета 1793 г. и до июля 1794 г.). Как и все историки Революции, Жорес подчеркивает роль городских народных масс, особенно народа Парижа; Революция в значительной мере их творение. Однако он, как мне кажется, не отвел народу надлежащего места.

I

Санкюлотство предоставило в распоряжение революционной буржуазии действующую силу, необходимую для свержения старого порядка и для победы над контрреволюцией и коалицией. Тем не менее оно представляло собой социальный элемент, который по многим вопросам противостоял буржуазии. Он не мог изменить общий характер Революции, но тем не менее преследовал свои собственные цели, часто в союзе с буржуазией, а иногда и вопреки ей. После уничтожения аристократии санкюлотство, как и крестьянство, стремилось к целям, которые не вполне совпадали с целями правящего революционного класса. Так же как в рамках Революции существовало самостоятельное крестьянское движение, так же в ней развилось специфическое санкюлотское движение.

Его истоки следует искать в положении ремесленников и лавочников при старом порядке, в кризисе французской экономики,

который по-новому осветили труды Э. Лабруса, в ухудшении условий жизни парижских народных масс еще задолго до 1789 г. В такой же мере, как заговор аристократов, санкюлотов привел в движение продовольственный кризис. Специфическое по своему происхождению, это народное движение специфично и по своему образу действий, и по своим политическим организациям: общие собрания парижских секций, где санкюлоты одни главенствуют во II г., и в еще большей мере секционные общества, заново основанные осенью 1793 г. Движение специфическое и независимое, наконец, по своим кризисам: таков кризис, разразившийся летом 1793 г., который привел к парижским событиям 4 и 5 сентября 1793 г.; Альбер Матъез назвал их «эбертистским натиском», Даниель Герен — «специфически рабочей манифестацией»; но они были лишь выступлением санкюлотов, которым Эбер, Шометт и Парижская коммуна не столько руководили, сколько за ним следовали. События этих дней не имеют тесной связи с общим ходом Революции: санкюлоты требовали таксации цен на продукты и регламентации торговли ими, на что якобинская буржуазия согласилась 29 сентября 1793 г. только под давлением силы.

Так в конечном итоге выясняется специфический характер тенденций санкюлотства. Приверженные к таксации и регламентации, характерным для старой системы производства и обмена, оно в своем большинстве остается враждебным умонастроению буржуазии, заполнявшей собрания и административные органы и успокоившейся только после того, как она установила свободу, благоприятную для ее предприятий. Образ мыслей парижских санкюлотов был, в сущности, идентичен образу мыслей крестьян, ожесточенно защищавших в условиях прогресса капиталистического земледелия и аграрного индивидуализма свои общинные земли и коллективные права, обеспечивавшие их существование. Кроме того, в конфликте между третьим сословием и феодальной аристократией столкнулись две Франции: Франция ремесленников и подмастерьев, лавочников, мелких крестьян и Франция крупных фермеров, крупных торговцев и предпринимателей.

Социальный конфликт, однако, сопровождался политическими противоречиями. После 1789 г. народное движение стремилось к децентрализации и местной автономии: тенденция давняя, глубокая, долгое время подавляемая настоятельной потребностью в сильной монархической власти и получившая свободу во время Революции. Мало интересуюсь умонастроениями народа, Токвиль ее не заметил: она противоречила бы главному тезису его книги, который сводит все развитие старого порядка к централизации. Контрреволюция и война сделали последнюю вновь необходимой. Весной 1793 г. логика революционной и национальной обороны снова соединила воедино то, что осталось от революционного третьего сословия, ибо только его единство могло обеспечить общественное спасение. Народное движение навязало Революцион-

ное правительство, всенародное ополчение, террор, управляемую экономику, которая должна была кормить города и снабжать армии. Но буржуазия, которая с самого начала держала в своих руках бразды правления Революцией и еще продолжала их держать, намеревалась в лице монтаньяров сохранить за собой руководство. А санкюлоты, согласились бы они повиноваться? Революционное правительство было создано, чтобы вести войну на границах и завершить внутри страны уничтожение аристократии. Но, поставив это правительство у власти, согласились ли бы санкюлоты терпеть бремя сильного и централизованного правительства? Конфликт должен был усилить различия в политических умонастроениях и поведении: могло ли представление санкюлотов о демократии и революционной диктатуре соответствовать представлениям буржуазии?

Поэтому и осложнилась социальная и политическая борьба. История «великих трагедий революционного Парижа» (заимствуем выражение Мишле) развивалась в нескольких планах: в плане Конвента и его правительственных Комитетов, а также Коммуны — история «сверху», в плане общего развития Революции; но также и в плане парижских секций, их общих собраний, их революционных комитетов, их секционных обществ — история «снизу», в плане народного течения Революции. Они часто пересекались между собой; в 1793—1794 гг. они поставили проблемы двоякого рода. Проблему политического порядка: как примирить образ действий, присущий санкюлотам, с требованиями защиты Революции и нуждами национальной обороны. Иначе говоря, как разрешить проблему взаимоотношений между народной демократией и Революционным правительством. И проблему социального порядка: как примирить экономические требования и чаяния санкюлотов с притязаниями буржуазии, остававшейся руководящим элементом Революции. Иначе говоря, как разрешить проблему взаимоотношений между народными массами и правящими классами.

Здесь не место вновь описывать историю взаимоотношений между народным движением и Революционным правительством во II г. Важно только подчеркнуть политические и социальные антагонизмы, которые в конечном счете противопоставили их друг другу, противоречия, которые подорвали народное движение, противоречия и антагонизмы, которые в еще большей мере, чем борьба между группировками, открыли путь термидору и привели Революционное правительство к гибели.

II

В конечном счете 9 термидора — трагический эпизод классового конфликта внутри прежнего третьего сословия. Но чтобы правильно оценить это событие, не следует забывать, что Рево-

люция по существу своему была борьбой между третьим сословием в целом и европейской аристократией. В этой борьбе руководящая роль принадлежала буржуазии; иначе и быть не могло. Созданное благодаря союзу монтаньярской буржуазии и парижских санкюлотов Революционное правительство имело своей главной задачей защиту Революции против внутренней и внешней аристократии. Что Революция поставила буржуазию во главе страны и что монтаньяры не возражали, это понятно само собой. Сосредоточив все свои усилия на достижении победы в войне, монтаньяры и особенно робеспьеристы понимали, что третье сословие должно оставаться таким же единым, каким оно было в 1789 г. Этим объясняется их союз с санкюлотами, без которого невозможно было бы летом 1793 г. создать Революционное правительство. Этим же объясняется (до весны 1794 г.) и позиция верховного арбитра, которую занимало это правительство, чтобы наиболее равномерно распределить бремя необходимых жертв и обуздать как сопротивление буржуазии, так и народное движение, если бы они стали угрожать делу национальной обороны. Главное — ведение войны.

В главном, в ненависти к аристократии и стремлении к победе, между парижскими санкюлотами и революционной буржуазией было полное согласие. И они оставались верны этому чувству настолько, что даже 13 вандемьера IV г. и 18 фрюктидора V г., подавив свою законную злобу, некоторые из них помогли еще термидорианской буржуазии, а затем буржуазии Директории подавить контрреволюцию. Однако между Революционным правительством и парижскими санкюлотами вскоре стали проявляться противоречия. Хотя они и возникли в результате войны, они тем не менее отражали неустрашимые тенденции двух различных и часто антагонистичных социальных категорий.

В политическом плане война требовала правительства, облеченного всей полнотой власти, и санкюлоты хорошо это сознавали, так как способствовали его созданию и укреплению. Но таким образом война и требования, которые она предъявляла, вступали в противоречие с демократией, к которой монтаньяры и санкюлоты одинаково стремились. Более того, демократия — такая, какую осуществляли на практике санкюлоты, — стихийно стремилась к прямому управлению народом, осуществление которого казалось несовместимым с ведением большой национальной войны. Санкюлоты требовали создания сильного правительства, которое сокрушило бы аристократию; они не предвидели, что для победы это правительство должно будет обуздать их и заставить повиноваться.

С другой стороны, политический идеал санкюлотов, смутно наметившийся в ходе революционных битв, толкал их не к представительной либеральной демократии, как ее понимала буржуазия, но к прямой народной демократии. Контроль над избранни-

ками, право отзыва народом своих уполномоченных, некоторые формы вроде открытой подачи голосов или голосования выкриками с мест — все эти черты свидетельствовали о нежелании секционных борцов довольствоваться формальной демократией. Борьба, которую они вели, имела целью наполнить конкретным содержанием то, что вначале было лишь идеей; они понимали Республику как демократию в действии. Наиболее сознательные среди них понимали, что свобода и равенство не даются раз навсегда, но завоевываются каждый день; свобода становится освобождением, равенство — социальным завоеванием; так осуществляется то «всеобщее счастье», которое все считали целью общества. Это не было временным противоречием, порожденным обстоятельствами, это было основное противоречие между монтаньярской и якобинской буржуазией и парижскими санкюлотами, между Революционным правительством и секционными борцами.

Противоречие это было столь же непреодолимым и в плане экономическом и социальном. Робеспьер и многие другие монтаньяры всегда утверждали, что в военное время нельзя управлять так, как в мирное время — утверждение правильное не только с политической, но и с экономической точки зрения. Противоположность интересов между имущими, согласившимися поддерживать Революционное правительство, и наемными рабочими, которые помогли его установить, побуждала последнее, нуждавшееся как в тех, так и в других, занять позицию арбитра.

Будучи сторонниками экономического либерализма, деятели Комитета общественного спасения лишь скрепя сердце вступили на путь управляемой экономики. Они примирились с этим лишь потому, что не могли обойтись без таксации и реквизиций, раз они вели большую национальную войну; они смотрели на эти меры как на временные средства, которые будут применяться только для победы. Революция, которой они руководили, хотя и была демократической и народной, оставалась буржуазной. С этой точки зрения было бы нелепо устанавливать твердые цены на продукты, не вводя одновременно твердых ставок заработной платы, которая является составной частью себестоимости. Правительство было вынуждено поддерживать известное равновесие между предпринимателями, без которых оно не могло обойтись, и наемными рабочими.

Управляемая экономика оказалась необходимой также и для того, чтобы избежать крушения денежной системы. Правительство не могло и думать об упорядочении денежного обращения в разгар войны. Чтобы поддержать курс ассигната и сохранить некоторую ценность его вопреки неизбежной инфляции, необходимо было оставить в силе как максимум заработной платы, так и максимум на продукты. Если бы правительство отнеслось терпимо к повышению заработной платы, оно должно было бы также повысить и плату за поставки для дела национальной обороны и

цены на товары военного производства, поскольку оно не намеревалось посягать ни на частную собственность, ни на прибыль (подобная гипотеза исторически абсурдна, поскольку речь идет о буржуазной революции). Комитет общественного спасения согласился на таксацию только для того, чтобы обеспечить национальную оборону, финансируемую государством, и не развязать «адского цикла» цен, прибылей и заработной платы, который в свою очередь вызвал бы безудержную инфляцию; следствием этого было бы крушение ассигната и падение правительства.

Эта политика требовала сохранения союза монтаньяров и санкюлотов. Но она ущемляла интересы буржуазии, даже якобинской, так как уничтожала экономическую свободу и ограничивала прибыли. Как бы то ни было, якобинская буржуазия считала необходимой защиту Революции и признавала диктатуру Комитетов. Но за исключением оплачиваемой государством военной продукции и зерна и фуража, реквизируемых у крестьян, ремесленники и лавочники, даже из числа якобинцев, уклонялись от соблюдения максимума; это делало неизбежным конфликт с наемными рабочими.

Наемных рабочих, страдавших от инфляции и от недостатка продовольствия, как и при старом порядке, занимало главным образом соотношение между заработной платой и ценами. Требуя реквизиций и таксации, они думали не только о национальной обороне; они были еще очень озабочены своим собственным существованием. Рабочие к тому же, естественно, желали извлечь выгоду из относительной нехватки рабочей силы, чтобы добиться повышения заработной платы независимо от цен. С осени и до весны II г. санкюлоты были хозяевами положения в Париже или, во всяком случае, Конвент их боялся, и это позволило им добиться увеличения заработной платы (вопреки закону «эбертистская» Коммуна не провела таксации заработной платы). Это поставило ассигнат под угрозу и в то же время усилило недовольство буржуазии. Тогда вмешалось правительство.

Начиная с жерминаля Революционное правительство занялось исправлением положения на предприятиях, прибыли которых падали, так как они оказались между двумя жерновами — таксацией и незаконным увеличением заработной платы. Многочисленные постановления Комитета общественного спасения разрешали вопреки закону повышение цен сравнительно с вантозскими таблицами максимума. Эти повышения цен не дали бы никакого эффекта, если бы заработная плата продолжала возрастать. Вот почему появилось постановление «робеспьеристской» Коммуны от 5 термидора (23 июля 1794 г.), которое, однако, касалось только ставок заработной платы трудящихся Парижа. Но уже в прериае Комитет, имея в виду предстоящую уборку урожая, спровоцировал выступление дистриктов против оплаты, которой потребовали сельскохозяйственные рабочие. Но, посту-

пая подобным образом, Коммуна отнимала у трудящихся ранее завоеванные ими преимущества и, казалось, отказывалась на их глазах от той посреднической роли, какой до того времени придерживалось правительство. Политика управляемой экономики, проводившаяся во II г., не имела классовой базы и поэтому повисала в воздухе. После 9 термидора здание рухнуло.

Само собою разумеется, что в условиях буржуазного общества посредничество Комитета должно было неизбежно благоприятствовать имущим, а не лицам наемного труда, ибо первые избегали таксации, поскольку они производили для частных потребителей. Конечно, робеспьеристы навели бы в этом деле порядок, если бы смогли. Ремесленники и торговцы, несомненно, брали бы меньше с потребителей, если бы было достаточно сырья в мастерских и продуктов в лавках и если бы более значительный сбыт обеспечивал им прибыль, которую они сочли бы достаточной. С другой стороны, подмастерья и поденщики утверждали, что уважение к их праву на жизнь требует сохранения определенного соотношения между ценами и заработной платой; они, несомненно, примирились бы с максимумом заработной платы, будь они уверены в том, что получают необходимое.

Но у Революционного правительства не было средств привести в гармонию предложение товаров и продуктов первой необходимости и спрос на них. Условия производства и перевозок не позволяли это осуществить, ибо в то время они еще не были модернизированы в результате капиталистической концентрации, рационализации и механизации труда. Правительство сталкивалось с препятствиями, порождаемыми экономическими структурами эпохи; а война еще более усугубляла трудности продовольственного снабжения. Политика управляемой экономики, проводимая во II г., сталкивалась в вопросах снабжения мясом и сельскохозяйственными продуктами с непреодолимыми трудностями. К тому же необходимо было бережно обращаться с крестьянином. Даже снабжение хлебом сталкивалось с препятствиями, вызванными недостатком транспортных средств и отсутствием той концентрации мукомольного дела, которая была впоследствии осуществлена капитализмом.

Поэтому Революционное правительство ограничилось тем, что обеспечило снабжение хлебом населения Парижа и не пошло на введение хлебной карточки во всем государстве. Что касается остального государства, то оно предоставило местным властям и потребителям изыскание путей, чтобы заставить производителей и торговцев снабжать потребителей, соблюдая максимум. Применение реквизиции было строго ограничено и допускалось лишь для снабжения армии. Так как это не удовлетворяло парижских санкюлотов, то они потребовали увеличения заработной платы и прибегли к стачке; Комитеты запретили ее, так же как это было при старом порядке. Таким образом, ремесленное производство, ко-

торое было не в силах приспособиться к требованиям большой национальной войны, породило непреодолимое противоречие между Революционным правительством и приведшим его к власти народным движением.

III

В такой же мере, как и противоречия между Революционным правительством и народным движением, крушение режима II г. обусловили противоречия, присущие самому парижскому санкюлотству.

Существовало социальное противоречие между якобинцами, вышедшими почти исключительно из рядов буржуазии, мелкой, средней и даже крупной, с одной стороны, и санкюлотами — с другой, если считать, подобно Петиону, что санкюлоты состояли только из поденщиков и ремесленных подмастерьев. Но не следует отождествлять санкюлотов с лицами наемного труда, хотя последние и составили среди них наиболее многочисленный элемент. Действительность была сложнее. Санкюлоты не представляли собой класса, а народное движение — классовой партии. Ремесленники и лавочники, подмастерья и поденщики образовали вместе с буржуазным меньшинством коалицию, противопоставившую аристократии непреодолимую силу. Но внутри самой этой коалиции рос антагонизм между теми, кто, будучи ремесленниками и лавочниками, получали прибыль, извлекаемую ими из частной собственности на средства производства, и теми, кто, будучи подмастерьями и поденщиками, располагали одной только заработной платой.

Это противоречие открыто проявилось в связи с применением максимума. Ремесленники и лавочники считали справедливым, чтобы крестьян заставляли кормить горожан; но они возмутились, как только их тоже подчинили максимуму. Подмастерья не оставались в стороне. Всенародное ополчение и гражданская война, создавая нехватку рабочей силы, способствовали повышению заработной платы. Поскольку производители и посредники не считались с таксацией, то почему наемные рабочие должны быть принесены в жертву? Потребности революционной борьбы сплотили воедино парижских санкюлотов и на время оттеснили на задний план противоречия интересов, сталкивавшие между собой их различные элементы; но они не могли устранить эти противоречия.

Эти противоречия интересов и антагонизм осложнялись к тому же некоторыми чертами социального умонстроения. Противоречия внутри санкюлотства не отождествлялись точно с противоречиями между имущими и производителями, с одной стороны, и людьми наемного труда — с другой. Среди этих последних, в частности, были люди, принадлежавшие к руководящему персоналу, служащие, преподаватели, которые благодаря своему образу

жизни смотрели на себя как на буржуа и не хотели смешиваться с *простонародьем*, даже если они отстаивали его дело. С другой стороны, многие буржуа в собственном смысле этого слова называли себя санкюлотами и действовали как таковые.

Поскольку санкюлоты вербовались из различных социальных слоев, у них не могло быть определенного классового сознания. Если они вообще проявляли враждебное отношение к новому способу производства, то мотивы у них были разные. Ремесленник более всего страшился быть низведенным до положения наемного рабочего; подмастерье ненавидел скупщика, вызывавшего вздорожание продуктов. Если говорить только о подмастерьях, то было бы анахронизмом приписывать им классовое самосознание; их мировоззрение скорее складывалось под влиянием мира ремесленников. Не существовало еще той капиталистической концентрации, которая, объединяя их на заводе и вокруг него, создает сближение, столь благоприятное для пробуждения классовой солидарности и единомыслия, обеспечивающего ее подъем.

Однако если у санкюлотов нельзя обнаружить никакого классового сознания, то нельзя отрицать наличия некоторого классового чувства у работников наемного труда. Находясь в подчинении у своих хозяев, они осознавали себя как особую группу, отличающуюся от других не только ручным трудом, не только их местом в производстве, но также и одеждой, пищей, особенно жилищными условиями, развлечениями и нравами. Их отличает также и отсутствие образования, которое является монополией людей, занимающих привилегированное положение по рождению и богатству; это порождало у людей из народа комплекс неполноценности, а порой и бессилия. Вожаки санкюлотов часто противопоставляли себя *людям с талантом*, но мечтали сравняться с ними и стать, таким образом, хозяевами своей судьбы.

Поскольку парижские санкюлоты, представлявшие собой объединение разнородных элементов, не составляли класса и, следовательно, были лишены единого сознания, они никогда не обладали, несмотря на некоторые робкие попытки координации своих действий, эффективным орудием политической борьбы: у них не было партии со строгой дисциплиной, которая бы набирала своих членов по классовому признаку и основывалась на строгой чистке. Несомненно, та же черта характерна и для Революционного правительства, якобинцы тоже не представляли собой единого класса. Весь режим II г. покоился на идеалистической концепции социальных отношений и политической демократии. В этом причина его слабости. Последствия этого оказались особенно тяжелыми для народного движения.

Если многие борцы всеми силами старались дисциплинировать общие собрания и народные общества, то руководители многих секций усугубили зло междоусобной борьбой за власть, а иногда и тем, что злоупотребляли ею, когда она оказывалась в их

руках. Что касается массы, то, помимо ненависти к аристократии и самых примитивных средств борьбы с ней, в частности избиений, она, видимо, не отличалась глубоким политическим чутьем. Она ожидала от Революции выгод. Она требовала введения максимума не столько для защиты ассигната и обеспечения военного производства, сколько в надежде сохранить посредством таксации и регламентации достигнутый уровень жизни. Когда массы поняли, что во многих отношениях управляемая экономика не даст ожидаемых результатов, они отвернулись от нее, чтобы предъявить новые требования. Совершенно невероятно, чтобы парижские санкюлоты отказались от требования увеличения заработной платы, если бы даже имущие и производители соблюдали максимум — что совершенно исключено — в такой степени, чтобы их прибыль оставалась в рамках, которые Революционное правительство считало разумными. Война требовала жертв; одна из них состояла в том, чтобы не пользоваться порожденными войной обстоятельствами для увеличения личной выгоды.

В этом смысле 9 термидора оказалось для санкюлотов днем обмана. Недовольные максимумом, они не поняли угрозы, какую таило для них его упразднение. «К черту максимум!» Десять месяцев спустя, изнуренные дороговизной и голодом, осознав, наконец, что они потеряли, они потребовали восстановления управляемой экономики и восстали в последний раз, чтобы быть окончательно раздавленными и сметенными с исторической сцены.

IV

Дело было не только во внутренних противоречиях санкюлотства. Перерождение народного движения было неизбежным следствием диалектического развития самой истории. Скрытые нападки Комитетов, неуклонное усиление Революционного правительства, драма жерминаля и последовавшее за ней охлаждение санкюлотов — все эти факты сами по себе не могут объяснить ослабления народного движения. Оно неизбежно должно было затихнуть; когда оно развивалось и побеждало, оно одновременно усиливало те факторы, которые в конечном счете привели к его гибели.

Прежде всего отметим причину биологического порядка. Большинство секционных вожakov участвовали в движении начиная с 14 июля 1789 г.; они были участниками всех восстаний. После 10 августа 1792 г. их боевая активность еще более усилилась. Энтузиазм и возбуждение, характерные для великих выступлений, сменились нервным утомлением, на смену которому пришел после победы повседневный изнуряющий труд борца. Пять лет революционной борьбы истощили силы секционных деятелей, составлявших костяк народного движения. Рядовые борцы, ведущие непрестанную борьбу, не могли превозмочь этой

физической усталости, которая неоднократно вынуждала и руководителей Революции на время покидать политическую сцену, в том числе и Робеспьера в мессидоре. Робеспьер сказал об этом, что, если война затягивается, «народ устает». В результате народное движение утратило свою силу и боевой дух.

Были и причины психологического порядка, как и причины, связанные с обстоятельствами того времени. После того как вторжение было отражено, окончилась гражданская война и была одержана победа, дальнейшее напряжение сил, казалось, стало излишним. Эти обстоятельства оказывали воздействие как на народ, так и на буржуазию, хотя у последней были еще и другого рода соображения: она желала не только окончания террора; прекращение политики управляемой экономики интересовало ее не меньше, чем передача правительственной власти и управления в руки потаблей. Со своей стороны народ надеялся воспользоваться плодами своих усилий. Иначе нельзя объяснить факта открытия в мессидоре в секции Горы реестра, в котором вновь расписывались те, кто одобрил июньскую Конституцию 1793 г.; в глазах борцов она была олицетворением социальной демократии; они не переставали требовать осуществления права на общественную помощь и права на образование. Что касается масс, то они требовали прежде всего обеспечения своего права на жизнь. Когда победа наконец стала несомненной, это означало если не избилые, то по меньшей мере лучшее снабжение продовольствием, обеспечение хлеба насущного. Победа демобилизовала народное движение.

Военные усилия из месяца в месяц ослабляли парижское санкюлотство. Набор 300 тыс. человек, набор для кампании в Вандее, затем для кампании в департаменте Эр, всенародное ополчение, формирование Революционной армии — все это лишило движение санкюлотов значительной части патриотов самых молодых и деятельных, часто самых сознательных и пылких, для которых защита отечества была первым гражданским долгом. Было бы крайне важно для измерения жизненной силы народного движения и ее эволюции точно подсчитать убыль людей, вызванную различными наборами. Если подобное исчерпывающее исследование представляется невозможным, то, во всяком случае, некоторые документы дают представление о понесенной парижскими секциями в 1793 г. потере в живой силе. В секции Пик (ранее секция Вандомской площади), где во II г. было зарегистрировано 3540 человек, имеющих право голоса, в возрасте 21 года и старше, только с 3 по 17 мая 1793 г. добровольцами для участия в войне в Вандее записалось 233 человека, преимущественно санкюлоты в расцвете сил. 17 июля 1793 г. секция Финистер (ранее секция Гобеленов) уведомляла, что ее вооруженные силы состоят из 12 рот, «но до такой степени истощенных наборами как в линейные войска, так и в отряды волонтеров, что осталось лишь 942

человека в возрасте от 18 до 40 лет». Между тем эта секция насчитывала около 12 тыс. жителей, и во II г. в ней было зарегистрировано 3783 человека с правом голоса, в возрасте старше 24 года. Посекционный список людей, способных служить в армии, составленный в июле 1793 г., иллюстрирует это снижение жизнеспособности секционных сил: значительная часть личного состава рот — мужчины в возрасте старше 50, а иногда и 60 лет. Из 3231 мужчины в секции Девяносто второго года (ранее секция Библиотеки) 767 (23,7%) были старше 50 лет. Роты секции Арси насчитывали 2896 мужчин, «из которых следовало бы исключить четвертую часть», состоящую из людей старше 60 лет. В результате наборов в армию, народное движение старело; понятно, какие непоправимые последствия имело это для революционного энтузиазма и боевого духа парижских масс.

Наконец, в результате успехов народа таяли руководящие кадры парижских санкюлотов. Многие секционные борцы, даже если ими руководило не одно только честолюбие, рассматривали получение должности как законное вознаграждение за их активную деятельность. Это наносило ущерб силе народного движения; удовлетворение личных интересов совпадало здесь с необходимостью чистки, но в подобном случае успех порождает новый конформизм. Ярким примером такой эволюции являются революционные комиссары. Первоначально они были самым боевым элементом политического персонала секций. Это были выходцы из самых плебейских слоев санкюлотства, и для обеспечения самого успеха Революции необходимо было, чтобы должности их была оплачиваемой. Вскоре боязнь лишиться приобретенных преимуществ, а равно и усиление Революционного правительства превратили их в послушное орудие в руках власти. В течение II г. многие борцы превратились таким образом в служащих. Этот процесс был неизбежным следствием не только внутренней эволюции парижских санкюлотов, но также усиления классовой борьбы как внутри страны, так и на ее границах. Наиболее сознательные, наиболее активные элементы среди санкюлотов получили, таким образом, доступ в государственный аппарат. Политическая активность секционных организаций тем самым тормозилась, учитывая растущие требования национальной обороны. В то же время шло ослабление демократии внутри секций: процесс бюрократизации постепенно парализовал критический дух и политическую активность масс. В конце концов это привело к ослаблению народного контроля над аппаратом Революционного правительства: авторитарные тенденции которого усилились в такой же мере. Этот бюрократический склероз лишил парижских санкюлотов значительной части их руководящих кадров. Приведенные соображения разного рода, применимые и ко многим другим ситуациям, помимо той, которая сложилась во II г., объясняют ослабление народного движения, которое ускорило его крушение.

Однако общий итог народного движения II г. нельзя считать отрицательным. Правда, ему не удалось достичь осуществления своих собственных целей — той эгалитарной и народной республики, к которой смутно стремились санкюлоты. Этому помешали как исторические условия той эпохи, так и внутренние противоречия самого движения. Но народное движение тем не менее способствовало историческому прогрессу благодаря решающей помощи, которую оно оказало буржуазной революции.

Без парижских санкюлотов последней не удалось бы восторжествовать столь радикальным образом. С 1789 г. и по II г. санкюлоты были эффективным орудием революционной борьбы и национальной обороны. Летом 1793 г. народное движение сделало возможным создание Революционного правительства и, следовательно, поражение внутренней контрреволюции и внешней коалиции. Плоды победы пожали термидорианцы. Если они не сумели извлечь из нее пользу, то потому, что отказ от управляемой экономики и деморализация войск, лишенных всего необходимого, парализовали армию и дали врагу время для подготовки новых кампаний. Этот разительный контраст позволяет лучше оценить дела Революционного правительства и роль народного движения во II г.

Если рассматривать события в более широкой перспективе, то мы увидим, что его историческое значение было не меньшим. Триумф народного движения летом 1793 г. имел своим следствием введение террора; его страшные удары завершили уничтожение старого общества. Не пощадили при этом и крупную буржуазию старого порядка, в значительной мере связанную с социальной и политической системой феодальной аристократии. Санкюлотская масса ремесленников и лавочников, руководящие элементы которой состояли из независимых мелких производителей, представляла во II г. наиболее действенное орудие в борьбе за уничтожение старого способа производства и связанных с ним социальных отношений. Термидор, конечно, повлек за собой социальную и политическую реакцию; но к тому времени террор уже расчистил поле для развития нового общества.

Что касается самих санкюлотов, то экономическое развитие ускорило в XIX в. их дифференциацию. Среди независимых мелких и средних производителей, составлявших кадры народного движения во II г., одни преуспели и благодаря концентрации поднялись по социальной лестнице; другие были вытеснены и пополнили ряды наемных рабочих; наконец, третьи еще сохранили связь с ремеслом и мелкой торговлей. Экономическая свобода ускорила концентрацию предприятий, изменяя материальные условия жизни общества, но в то же время преобразуя традиционную структуру народных слоев. Ремесленники и подмастерья предчувство-

вали судьбу, какая им угрожает (ибо на одного удачливого ремесленника, который стал промышленником, сколько приходилось неудачников?); подмастерья знали, что применение машин увеличивает опасность безработицы, а ремесленники знали, что капиталистическая концентрация влечет за собой закрытие их мастерских, а их самих превращает в наемных рабочих. На протяжении всего XIX в. ремесленники и лавочники судорожно цеплялись за свое положение. В этой связи было бы интересно уточнить, какое участие в событиях, начиная с июньского восстания 1848 г. и кончая Парижской Коммуной 1871 г., принимали пролетарии в собственном смысле этого слова и представители народных категорий традиционного типа. Это позволило бы установить степень перерождения последних по мере торжества промышленного капитализма, подчеркнув вместе с тем одну из причин слабости революционных попыток в XIX в.

Так проявляется в своих конечных последствиях драматический характер классовых боев II г. и вместе с тем обрисовываются своеобразные черты нашей современной национальной истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нет ни одной общей работы, посвященной периоду Французской революции от падения жирондистов (2 июня 1793 г.) до падения Робеспьера 9 термидора II г. (27 июля 1794 г.). Поэтому следует обращаться к общим трудам по Французской революции, главным образом к работе: G. Lefebvre. *La Révolution française*. Paris, 1951, coll. «Peuples et civilisations»; édition, 1963, с библиографией, составленной А. Собоулем По основной проблеме — взаимоотношениям народного движения и Революционного правительства — для всего этого периода, см. противоположные точки зрения, изложенные в трудах: D. Guérin. *La lutte de classes en France sous la Première République. Bourgeois et «bras nus»*. 1793—1797. Paris, 1946; 2e édition, 1968; A. Soboul. *Les sans culottes parisiens en l'an II. Mouvement populaire et Gouvernement*

révolutionnaire. 2 juin 1793 — 9 thermidor an II. Paris, 1958; 2e édition, 1962. [См.: А. С о б о у л ь. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966]

[О периоде якобинской диктатуры имеется значительная советская научная литература. См., в частности: «Из истории якобинской диктатуры. Труды межвузовской научной конференции по истории якобинской диктатуры». Одесса, 1962; «Проблема якобинской диктатуры. Симпозиум в секторе истории Франции Института всеобщей истории АН СССР 20—21 мая 1970 г.» — «Французский Ежегодник 1970». М., 1972; А. З. М а н ф р е д. О природе якобинской власти. — «Вопросы истории», 1969, № 5; В. Г. Р е в у н е н к о в. Парижские санкюлоты эпохи Великой французской революции. Л., 1971; е г о ж е. Парижская коммуна 1792—1794. Л., 1976. — *Ред.*]

I. МОНТАНЬЯРЫ, УМЕРЕННЫЕ И САНКЮЛОТЫ (ИЮНЬ — ИЮЛЬ 1793 г.)

1. Политика примирения монтаньяров

О Конституции 1793 г. см.: A. Aulard. Histoire politique de la Révolution française. Origines et développement de la Démocratie et de la République. 1789—1804. Paris, 1901, IIe partie, chap. IV [A. Олар. Политическая история Французской революции. М. 1938.]; A. Mathiez. La Constitution de 1793. — «Annales historiques de la Révolution française», 1928, p. 498—521; M. Fridieff. Les origines

du référendum dans la Constitution de 1793. Paris, 1931; F. Gabu. La notion de constitution dans les projets de 1793. Paris, 1932; J. Godchot. Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. Paris, 1951; 2e édition, 1968, livre III, chap. I.

[См. также: А. В. Гордон. Классовая борьба и Конституция 24 июня 1793 г. — «Французский Ежегодник. 1972». М., 1974. — Ред.]

2. Наступление контрреволюции.

О федералистском мятеже, об- щий обзор, см.: H. Wallon. La révolution du 31 mai et le fédéralisme en 1793. T. II, Paris, 1886. См. особенно региональные исследо- вания: C. Riffaterre. Le mou- vement anti-jacobin et anti-parisien à Lyon et dans le Rhône-et-Loire en 1793 (29 mai—15 août). Lyon, 1912, et Lyon—Paris, 1928, 2 vol.; E. d. Herriot. Lyon n'est plus. Paris, 1937—1940, 4 vol.; H. Goodwin. The federalist movement in Caen during the French Revolution. — «Bulletin of the John Rylands Libra- ry», 1960; P. Nicolle. Le mou- vement fédéraliste dans l'Orne en 1793. — «Annales historiques de la Révolution française», 1936, p. 481—512; 1937, p. 215—233; 1938, p. 12—53, 289—313, 385—410; G. Guib- al. Le fédéralisme en Provence en 1793. Paris, 1908; P.-A. Robert. Le tribunal populaire de Marseille. Paris, 1913; J. Parès. Le tribunal populaire martial de Toulon. — «No-

tices, inventaires et documents pub- liés par le Comité des travaux histo- riques», 1925, p. 75—130; E. Cou- let. Le comité central des sections de Toulon. Toulon, 1960.

Из обширной библиографии вос- стания в Вандее укажем: E. Gabu. La Révolution et la Vendée. Paris, 1925—1928, 3 vol. (в благопри- ятном освещении для восставших). особенно см. сборники документов: Ch.-L. Chassin. Études docu- mentaires sur la Révolution française. La préparation de la guerre de Ven- dée. 1789—1793. Paris, 1892, 3 vol.; idem. Les pacifications de l'Ouest. 1794—1800. Paris, 1899, 3 vol.; idem. La Vendée patriote. 1793—1800. Paris, 1893—1895, 4 vol.; об- щее изложение см.: L. Dubreuil. Histoire des insurrections de l'Ouest. Paris, 1929, 2 vol. О причинах вос- стания в Вандее см.: M. Faucheu. L'insurrection vendéenne de 1793. Aspects économiques et sociaux. Paris, 1964. См. также в сборнике

«Occupants. Occupés. 1792—1815. Colloque de Bruxelles. 29—30 jan- vier 1968» (Bruxelles, 1969) следую- щие статьи: M. Faucheu. Le cas de la Vendée militaire (p. 323—390); Cl. Mazauric. Quelques réflexions sur les relations entre occu- pants et occupés dans le pays ven- déen et chouan pendant la Révolu- tion française (p. 291—304). Более спорная точка зрения изложена у: Ch. Tilly. La Vendée. Révolu-

tion et contre-révolution. Paris, 1970.

Об иностранном вторжении и о военных операциях см.: A. Chu- que et. Les guerres de la Révolution. T. VIII, «Mayence», Paris, 1891. О реставрации старого порядка на се- вере Франции, занятом врагом, см.: G. Lefebvre. Les paysans du Nord. Lille, 1924, p. 548—564; J. Pe- ter. L'occupation étrangère dans le département du Nord. Lille, 1927.

3. Революционный отпор

О положении в Париже после 2 июня 1793 г. см.: A. Soboul. Les sans-culottes parisiens; H. Cal- vet. Un instrument de la Terreur à Paris. Le Comité de salut public ou de surveillance du département de Paris. Paris, 1941. О положении в департаментах см.: P. Caron. Rapports des agents du ministre de l'Intérieur dans les départements. 1793—an II. Paris, 1913 et 1951, 2 vol.

О продовольственном кризисе и о его последствиях см. главным об- разом: A. Mathiez. La vie chère et le mouvement social sous la Ter- reur. Paris, 1927 [См.: А. Матъез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М. —Л., 1928]; и труд А. Собоуля о париж- ских санкюлотах. О скупке см.: H. Calvet. L'accaparement à Paris sous la Terreur. Essai sur l'ap- plication de la loi du 26 juillet 1793. Paris, 1933.

О применении первого максиму- ма см.: C. Lefebvre. Introduction aux «Documents relatifs à l'histoire des subsistances dans le district de Bergues pendant la Révolution. 1788— an V». Paris, 1914. t. I; idem. Études orléanaises. T. II, «Subsis-

tances et maximum. 1789—an IV», Paris, 1963.

О «бешеных» см.: M. Dom- mangel. Jacques Roux, le curé rouge. Paris, [1948] и особенно капи- тальные труды: W. Markov. Jac- ques Roux oder vom Elend der Biographie. Berlin, 1966; idem. Die Freiheiten des Priesters Roux. Berlin, 1967; idem. Jacques Roux. Scripta et acta. Berlin, 1969; idem. Excurse zu Jaques Roux. Berlin 1970. Общий взгляд изложен у: R. B. Rose. The Enragés: socialists of the French Revolution? Melbourne, 1965.

[См.: Я. М. Захер. Движение «бешеных». М., 1961; С. А. Сытин. «Бешеные» и якобинцы после народно- го восстания 31 мая — 2 июня 1793г. — «Ученые записки Ульяновского гос. пединститута им. И. Н. Ульянова», т. XV, вып. III, 1959г. — Ред.]

О Робеспьере, вошедшем 27 ию- ля 1793 г. в Комитет общественного спасения, см.: M. Maximilien Robespierre. Œuvres. Discours (5e partie). 27 juillet 1793 — 27 juil- let 1794. Édition par M. Bouloiseau et A. Soboul, Paris, 1967; E. Hamel. Histoire de Robespierre, Pa- ris, 1865, 3 vol., старая, но все еще

полезная работа; J. M. Thompson. Robespierre Oxford, 1935, 2 vol.; G. Walter. Robespierre. Paris, 1946, 2e edition, 1961, J. Massin Robespierre. Paris, 1956, несомненно, лучшая биография Робеспьера; M. Bouloiseau. Robespierre. Paris, 1957, coll. «Que sais-je?»; A. Mathiez. Etudes sur Robespierre. Préface de G. Lefebvre, Paris, 1958; «Maximilien Robespierre, 1758—1794», сборник статей под редакцией В. Маркова и с предисло-

вием Ж. Лефевра (Берлин, 1958; 2-е издание — 1961); «Bi centenaire de la naissance de Robespierre 1758—1958», Nancy, 1958, публикация Общества робеспьеристских исследований; «Actes du colloque Robespierre. XIIe Congrès international des Sciences historiques. Vienne, 3 septembre 1965», Paris, 1967 [см. А. З. Мапфред. Максимилиан Робеспьер. — А. З. Мапфред. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978. — *Ред.*]

II. КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ И НАРОДНЫЙ НАТИСК

(АВГУСТ — ОКТЯБРЬ 1793 г.)

Об образовании Революционного правительства, помимо трудов Ж. Лефевра и А. Собоуля, указанных в начале этой библиографии, см.: P. Mautouche. Le Gouvernement révolutionnaire. Paris, 1912, документы, A. Cochon et Ch. Chagrentier. Les actes du Gouvernement révolutionnaire. 23 août 1793—27 juillet 1794. Paris, 1920—1926, 3 vol., A. Soboul. Robespierre et la formation du Gouvernement révolutionnaire. 27 juillet — 10 octobre 1793. — «Annales historiques de la Révolution française», 1958, p. 282—294. О великом Комитете общественного спасения см.: R. R. Palmer. Twelve who ruled. Princeton, 1941; M. Bouloiseau. Le Comité de salut public. 1793—1795. Paris, 1962, coll. «Que sais-je?». О деятелях Комитета общественного спасения см.: M. Reinhard. Le Grand Carnot. T. 1, «De l'ingénieur au conventionnel. 1753—1792», Paris, 1950, t. II, «L'Organisateur de la victoire. 1792—1823», Paris, 1952, L. Lévy-Schneider. Le conventionnel Jean Bon

Saint-André. Paris, 1901, 1 vol., G. Bouchard. Un organisateur de la victoire. Précurseur de la Côte-d'Or, membre du Comité de salut public. Paris, 1946, «Actes du colloque Saint-Just. Sorbonne. 25 juin 1967», Paris, 1968.

О движении санкюлотов, обычно называемом «эбертистским», которое вышеупомянутый Д. Герен считает «пролетарским», см.: A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II, [см.: А. Собоуль. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966], W. Markov et A. Soboul. Die Sansculotten von Paris. Dokumente zur Geschichte der Volksbewegung. 1793—1794, Berlin, 1957, предисловие Ж. Лефевра, G. Rudé, J. Zasker, S. A. Lotte, A. Soboul. I sansculotti: una discussione tra storici marxisti. — «Critica storica», 1962, p. 369. См. также сборник статей G. Lefebvre, A. Soboul, G. Rudé, R. Cobb. Sansculotti e contadini nella Rivoluzione francese. Bari, 1958. Влияние руководителей кордельеров изучаются

генералом Эрло. О влиянии Венсана см.: General Herlaut. Le colonel Bouchotte, ministre de la Guerre en l'an II. Paris, 1946, 2 vol., о влиянии Ронсена idem. Le général rouge, Ronsin 1751—1794, Paris, 1956, о влиянии Эбера см.: L. Jacob Hébert, le Père Duchesne, chef des sans-culottes. Paris, 1960. [См.: В. Г. Ревуненков. О социальной сущности движения эбертистов. — «Новая и новейшая история», 1974, №4. — *Ред.*] Об общественном мнении в Париже см.: P. Caron. Paris pendant la Terreur. L'opinion publique à Paris pendant la Terreur.

III. ОРГАНИЗАЦИЯ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ (ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1793 г.)

1. Террор.

О Революционном трибунале см.: E. Campardon. Le tribunal révolutionnaire de Paris. Paris, 1866, 2 vol., H. Wallon. Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris, avec le journal de ses actes. Paris, 1880—1882, 6 vol. О терропе в департаментах см. общий обзор: H. Wallon. Les représentants en mission et la justice révolutionnaire en l'an II. Paris, 1885—1890, 5 vol., P. Caron. Rapport des agents du ministre de l'Intérieur dans les départements. 1793—an II. Значительные региональные различия делают необходимым исследование региональных исследований, уже упоминавшихся в связи с федералистским мятежом. Добавим следующие работы: A. Lallié. La

justice révolutionnaire à Nantes et dans la Loire-Inférieure. Nantes, 1896; Gaston-Martin. La mission de Carrier à Nantes. Paris, 1924, L. Jacob. Joseph Le Bon. 1765—1795. La Terreur à la frontière, Nord et Pas-de-Calais. Paris, s.d. [1932], R. Cobb. La Commission temporaire de Commune-Affranchie (brumaire—germinal an II). Études sur le personnel d'une institution révolutionnaire. — «Cahiers d'Histoire», 1957, p. 23—57.

Об экономических аспектах террора см. уже упоминавшиеся работы: H. Calvet. L'accaparement à Paris sous la Terreur; G. Lefebvre. Etudes orléanaises, t. II, «Subsistances et maximum».

2. Дехристианизация и культ мучеников за дело свободы (осень 1793 г.)

О дехристианизации см.: A. Aulard. Le culte de la Raison et le

culte de l'Être suprême. 1793—1794. Paris, 1892, idem. Histoire politi-

que de la Révolution française, IIe partie, chap. IX; A. Mathiez. La Révolution et l'Eglise. Paris, 1910, chap. III; idem. Les origines des cultes révolutionnaires. 1789—1792. Paris, 1904.

Здесь также следует обращаться к региональным исследованиям: L. Madelin. Fouché. 1759—1820. Paris, 1900, chap. IV; E. Campagnac. Les débuts de la déchristianisation dans le Cher. — « Annales révolutionnaires », 1911, p. 626—657; 1912, p. 41—49, 206—211, 359—373, 511—520; M. Domange. La déchristianisation à Beauvais et dans L'Oise, Paris, 1922; J. Gallenrand. Les cultes sous la Terreur en Loire-et-Cher, Blois, 1929;

3. Первые победы (сентябрь—декабрь 1793 г.).

О мобилизации материальных ресурсов см.: C. Richard. Le Comité de salut public et les fabrications de guerre sous la Terreur. Paris, 1922. О чистке личного состава армии см.: Général Herlaut. La républicanisation des états-majors et des cadres de l'armée pendant la Révolution. — « Annales historiques de la Révolution française », 1937, p. 385, 537.

О военных операциях см.: A. Chuquet. Les guerres de la Révolution, t. VIII, « Vissembourg », Paris, 1893; t. IX, « Noche et la lutte pour l'Alsace », Paris, 1893; t.

R Cobb. Les débuts de la déchristianisation à Dieppe. Note sur les origines du mouvement déchristianisateur en province. — « Annales historiques de la Révolution française », 1956, p. 191—209. [См.: Я. М. Захер. Дехристианизаторская деятельность Жозефа Фуше. — « Ежегодник музея истории религии и атеизма ». III. М. — Л., 1959. — *Ред.*]

О культе мучеников за дело свободы см.: A. Soboul. Les sans-culottes... Ire partie, chap. V; idem. Sentiment religieux et cultes populaires sous la Révolution. Saintes patriotes et martyrs de la liberté. — « Annales historiques de la Révolution française », 1957, p. 193—213.

X, « Valenciennes », Paris, 1894; t. XI, « Hondschoote », Paris, 1895; V. Dupuis. La campagne de 1793 à l'armée du Nord et des Ardennes. De Valenciennes à Hondschoote. Paris, 1906—1909, 2 vol.; J. Colin. La campagne de 1793 en Alsace et dans le Palatinat. Paris, 1902; L. Krebs et H. Morris. Campagne dans les Alpes pendant la Révolution. Paris, 1891—1895, 2 vol.; J. Ferrel. Campagne de la Révolution française dans les Pyrénées-Orientales. Paris, 1851—1853, 2 vol.; E. Ducéré. L'armée des Pyrénées occidentales. Bayonne, 1882.

IV. БОРЬБА ГРУППИРОВОК И ПОБЕДА КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ (ДЕКАБРЬ 1793 г. — АПРЕЛЬ 1794 г.)

1. «Заговор иностранцев» и дело Индийской компании (октябрь—декабрь 1793 г.)

Смотри в основном работы А. Матьеа: A. Mathiez. Etudes

robepierristes. T. II, « La Conspiration de l'étranger », Paris, 1918;

idem. Un procès de corruption sous la Terreur. L'affaire de la Compagnie des Indes. Paris, 1920; idem.

Robespierre terroriste. Paris, 1921. См. также: J. Conan. La dernière Compagnie des Indes. Paris, 1942.

2. Борьба группировок (декабрь 1793 — апрель 1794 г.)

Помимо общих работ, указанных в начале настоящей библиографии, о наступлении снисходительных см. издание «Vieux Cordelier», осуществленное Кальве и прокомментированное А. Матъезом (Paris, 1936, coll. «Les classiques de la Révolution française»). О контрастном наступлении крайних см. работы о народном движении и руководителях кордельеров, указанные выше, в частности: A. Soboul. Les sans-culottes parisiens, Ire partie, chap. VI. О вантозском кри-

зисе и падении группировок см.: A. Mathiez. Robespierre terroriste. Paris, 1921, работа содержит критическое издание заметок Робеспьера против дантонистов; A. Soboul. Les sans-culottes parisiens. IIIe partie, chap. I—III (о вантозском кризисе и процессе группы кордельеров); о вантозских декретах см. ниже. [См. также: В. Г. Ревуненков. Гибель эбертистов. — «Вопросы истории», 1974, №6. *Ред.*]

V. ЯКОБИНСКАЯ ДИКТАТУРА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

1. Революционное правительство

Отсылаем читателя к уже указанным трудам: A. Aulard. Histoire politique de la Révolution française; P. Mautouchet. Le Gouvernement révolutionnaire; A. Cochon et Ch. Charpentier. Les actes du Gouvernement révolutionnaire. Следует также добавить следующие исследования: P. Caron. De l'étude du Gouvernement révolutionnaire. — «Revue de synthèse», 1910, p. 163; A. Mathiez. Le Gouvernement révolutionnaire. — «Annales historiques de la Révolution française», 1937, p. 97—126; J. Thompson. L'Organisation du travail du Comité de salut public. — Ibidem, 1933, p. 454—460. Для изучения функционирования системы см.: Recueil des actes du Comité de salut public avec la correspondance officielle des représentants en mission et le registre du Conseil exécutif provisoire. Publié par A. Au-

lard. Paris, 1889—1955, 28 vol., plus 2 vol. de tables.

Что касается Парижа, см.: H. Calvet. Le Comité de salut public du département de Paris; A. Soboul. Les sans-culottes parisiens, IIIe partie, chap. VI; M. Eude. La Commune robespierriste. — «Annales historiques de la Révolution française», 1933, p. 412—425; 1934, p. 323—347, 528—556; 1935, p. 132—161, 495—518; 1936, p. 289—316.

Что касается департаментов, см.: H. Wallon. Les représentants en mission. См. также упомянутые выше локальные исследования, к которым следует добавить: L. Dubreuil. Le district de Redon. 1er juillet 1790 — 18 ventôse an IV. Rennes, 1903; idem. Le régime révolutionnaire dans le district de Dinan. 25 nivôse an II — 30 floréal an III. Paris, 1912, документы; H. Labroue. La mission du conventionnel Lakanal dans

la Dordogne en l'an II. Paris, 1915 ; A. R i c h a r d. Le gouvernement révolutionnaire dans les Basses-Pyrénées, Paris, 1922.

О революционных комитетах см. E. C a m p a g n a c. Le comité révolutionnaire de Melun. — « Annales révolutionnaires », 1908, p. 467—482 ; 1909, p. 38—54, 541—566 ; M. R u f a s. Le comité de surveillance et les suspects de Carcassonne. — « Annales historiques de la Révolution française », 1954, p. 232—253, R. C o b b. Un comité révolutionnaire du Forez. Le comité de surveillance de Bonnet-la-Montagne (Loire). — « Annales historiques de la Révolution française », 1957, p. 296—315, G. G r i m a l d i. Le comité de surveillance d'Aix-en-Provence, Aix-en-Provence, 1929. Общий обзор см.: J. - B. S i r i c h. The revolutionary committees in the departments of France. 1793—1794. Cambridge, Mass., 1943. Что касается Парижа, см.: R. - B. R o s e. The revolutionary committees of the Paris sections in 1793. — « Bulletin of John Rylands Library », 1952, p. 88—110 ; см. также труд А. События о парижских санкюлотах (часть II, главу V).

О клубах и народных обществах см.: A. A u l a r d. La Société des Jacobins. Paris, 1889—1897, 6 vol. (сборник документов), см. исследования общего характера: C r a n e B r i n t o n. The Jacobins. an essay in the new history. New York, 1930 ; G a s t o n - M a r t i n. Les Jacobins,

2. «Сила принуждения» и террор

К работам, упомянутым выше, в частности работам Кампардона и Валлона, касающимся Революционного трибунала, следует добавить: J. - L. G o d f r e y. Revolutionary

Paris, 1945, coll. « Que sais-je ? », см. также A. S o b o u l. Robespierre et les sociétés populaires. — « Annales historiques de la Révolution française », 1958, p. 50—64. О клубах в провинции см.: G. L e f e b v r e. La société populaire de Bourbourg. — « Revue du Nord », 1913, p. 181—235, 273—323, P. L e u i l l i o t. Les Jacobins de Colmar. Procès-verbaux de la société populaire Strasbourg, 1923 ; H. C h o b a u t. Le nombre des sociétés populaires du Sud-Est en l'an II. — « Annales historiques de la Révolution française », 1926, p. 450, H. S o a n e n. Les sociétés populaires du Puy-de-Dôme. — « Annales historiques de Révolution française », 1927, p. 578 ; M. H e n r i o t. Le club des Jacobins de Semur. Dijon, 1933 ; G. A u b e r t. La société populaire de Douai. — « Annales historique de la Revolution française », 1935—1938, синтез дан в работе. L. D e C a r d e n a l. La province pendant la Révolution. Histoire des clubs jacobins. 1789—1795. Paris, 1929. О парижских обществах см.: I. B o u r d i n. Les sociétés populaires de Paris pendant la Révolution jusqu'à la chute de la royauté. Paris, 1927 ; A. S o b o u l. La société fraternelle du Panthéon français. — « Annales historiques de la Révolution française », 1957, p. 50—55, главным образом общий очерк того же автора в труде о парижских санкюлотах (часть II, глава V).

justice. A study of the organisation, personnel and procedure of the Paris Tribunal, 1793—1795. Chapel Hill, North-Carolina, 1951. О поли Робеспьера см.: A. M a t h i e z. Robespierre

terroriste. Paris, 1921. О Бюро полиции см. A r n e O r d i n g. Le Bureau de police du Comité de salut public. Etude sur la Terreur Oslo, 1930, см. замечания А. Матьеза (« Annales historiques de la Révolution française », 1930, p. 563—573) и Ж. Лефевра (G. L e f e b v r e. La rivalité du Comité de salut public et du Comité de sûreté générale. — « Revue historique », t. CLVII, 1931, p. 336—346). О преархальском законе см.: H. C a l v e t. Une interprétation nouvelle de la loi de prairial. — « Annales historiques de la Révolution française », 1950, p. 305—319 ; G. L e f e b v r e. Sur la loi du 22 prairial. — « Annales historiques de la Revolution française », 1951. Об общих результатах террора, с применением статистического метода, см.: D. G r e e r. The incidence of the Terror. A statistical interpretation. Cambridge, Mass., 1935.

О подозрительных общины обзор см.: L. J a c o b. Les suspects pendant la Révolution. 1789—1794. Paris, 1952 ; автор считает их число равным

3. Руководство экономикой

См. Procès-verbaux de la Commission des subsistances, publiés par P. Caron, Paris, 1924—1925, 2 vol. ; а также уже упоминавшиеся труды: A. M a t h i e z. La vie chère ... ; H. C a l v e t. L'accaparement a Paris sous la Terreur. ; C. R i c h a r d. Le Comité de salut public et les fabrications de guerre. О внешней торговле см.: G. L e f e b v r e. Le commerce extérieur en l'an II. — « La Révolution française », t. LXXVIII, 1925, p. 132—155, 214—243. О применении максимума см.: G. L e f e b v r e. L'application du maximum général dans le district de

70 тыс., тогда как Матьез оценивал его сначала в 300 тыс., а затем в 90 тыс., см.: « Quel fut le nombre des suspects ? » — « Annales historiques de la Révolution française », 1929, p. 75, G. S a n g n i e r. La Terreur dans le district de Saint-Pol [Pas-de-Calais] Blangermont, Pas-de-Calais, 1938, 2 vol. См. различные сообщения, касающиеся подозрительных в дистриктах Ош (366 подозрительных), Кастельнодари (386), Монтбан (607 подозрительных), в: « Actes du 78e Congrès national des Sociétés savantes. Toulouse, 1953 ». Paris, 1954.

Чтобы лучше оценить различные проявления террора в разных районах, следует обратиться к упомянутому выше региональным работам. Добавим еще: V. d e B a u m e f o r t. Le tribunal révolutionnaire d'Orange. Avignon, 1875, P. B e c a m p s. La Révolution à Bordeaux (1789—1794). J. - B. M. Lacombe, président de la Commission militaire. Bordeaux 1953.

Bergues — « Bulletin de la Commission d'histoire économique de la Révolution », 1913, p. 415—446 ; i d e m. Les paysans du Nord, IIe partie, chap. VIII, i d e m. Les mines de Littry sous l'Ancien Régime et pendant la Révolution. — « Annales historiques de la Révolution française », 1926, p. 16—35, 117—135 ; i d e m. Études orléanaises. T. II, « Subsistances et maximum ». О максимуме заработной платы см.: G. R u d é et A. S o b o u l. Le maximum des salaires parisiens et le 9 thermidor. — « Annales historiques de la Révolution française ». 1954, p. 1—22 ;

A. S o b o u l. Problèmes du travail en l'an II. — « Annales historiques de la Révolution française », 1956, p. 236—254. См. также труд А. События о парижских санкюлотах (с. 469). [См. также: Н. М. Лукин.]

4. Социальная демократия

Спор идет главным образом о вантозских декретах. См.: A. M a t h i e z. La Terreur, instrument de la politique sociale des Robespierriens. Les décrets de ventôse sur le séquestre des biens des suspects et leur application. — « Annales historiques de la Révolution française », 1928, p. 193—219; G. L e f e b v r e. Questions agraires au temps de la Terreur. Paris, 1932; 2e édition, 1954, chap. I de l'Introduction; A. S o b o u l. Les sans-culottes parisiens, IIIe partie, chap. I. В качестве региональной работы см.: R. S c h n e r b. L'application des décrets de ventôse dans le district de Thiers. — « Annales historiques de la Révolution française », 1929, p. 24; i d e m. Les lois de ventôse et leurs application dans le département du Puy-de-Dôme. — « Annales historiques de la Révolution française », 1934, p. 403. О проблеме заработной платы см. вышеупомянутую работу Ж. Рюде и А. События. О проблемах земельной собственности см.: G. B o u r g i n. Le partage des communaux. Docu-

Борьба классов во французской деревне и продовольственная политика Конвента в период действия второго и третьего максимума. — Н. М. Лукин. Избранные труды. Т. I. М., 1960. — *Ред.*]

ments sur la préparation de la loi du 10 juin 1793, Paris, 1908. См. также региональные исследования: G. L e f e b v r e. Les paysans du Nord, p. 462—480, « La vente des biens nationaux »; p. 523—531, « Le partage des biens communaux »; M. B o u l o i s e a u. Le séquestre et la vente des biens des émigrés dans le district des Ruen. Paris, 1937; M. L a c o s t e. L'application des lois agraires de la Convention montagnarde dans le département de la Meurthe. — « Annales de l'Est », 1950. [См. также: Н. М. Лукин. Революционное правительство и сельскохозяйственные рабочие в период действия второго и третьего максимума. — Н. М. Лукин. Избранные труды. Т. I, М., 1960; А. В. Адо. К истории борьбы за проведение в жизнь аграрного законодательства якобинцев. — «Французский Ежегодник. 1967», М., 1968; Е. В. Киселева. К вопросу о продаже национальных имуществ (накануне 9 термидора). — «Французский Ежегодник. 1974», М., 1976. — *Ред.*]

5. Национальная оборона

Общий обзор проблем национальной обороны см.: A. M a t h i e z. La victoire en l'an II. Esquisses historiques sur la défense nationale. Paris, 1916; A. S o b o u l. Les soldats de l'an II. Paris, 1959. О военном производстве см.: C. R i c h a r d.

Ор. cit.; о представителях Конвента в армиях см. уже упоминавшуюся работу: H. W a l l o n. Les représentants en mission. О военных судах см.: L. H e n n e q u i n. La justice militaire et la discipline à l'armée du Rhin et à l'armée de

Rhin-et-Moselle (1792—1796). Notes historiques du chef de bataillon de génie Legrand. Paris, 1909; G. M i c h o n. La justice militaire sous la Révolution. — « Annales révolutionnaires », 1922, p. 1—26, 99—130, 197—222. О формировании офицерских кадров см.: A. C h u q u e t. L'école de Mars. Paris, 1899.

Что касается биографий, отсылаем читателя к упомянутым выше биографии Бушота, написанной генералом Эрло, биографии Карно, написанной М. Ренаром (M. Reinhard), биографии Жана Бона Сент-Андре, написанной Л. Леви-Шнейдером (Lévy-Schneider), биографии Приера из Кот-д'Ор, написанной Бу-

шаром (G. Bouchard). См. также: T h. J u n g. L'Armée et la Révolution. Dubois-Crancé. Paris, 1884, 2 vol. Основным трудом о командном составе является: G. S i x. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et de l'Empire. 1792—1814. Paris, 1934, 2 vol.

О флоте и войне на море см.: A. T. M a h a n. The influence of sea power upon the French Revolution and Empire. London, 1892, 2 vol. J. T r a m o n d. Manuel d'histoire maritime de la France des origines à 1815. Paris, 1916, 2e édition, 1925; N. H a m p s o n. La marine de l'an II. Mobilisation de la flotte de l'Océan. 1793—1794. Paris. 1959.

VI. 9 ТЕРМИДОРА II г. (27 ИЮЛЯ 1794 г.)

1. Победа (май—июль 1794 г.)

О международных отношениях см.: A. A u l a r d. La diplomatie du premier Comité de salut public. — i d e m. Études et leçons, t. III. Paris, 1901 (о дипломатии Дантона); P. M a n t o u x. Le Comité de salut public et la mission de Genet aux États-Unis. — « Revue d'histoire moderne et contemporaine », 1909, p. 5—35; M. R é m u s a t. Un sans-culotte à la cour de Danemark. — « Revue de Paris », t. IV, 1912, p. 538—578 (о миссии Грувеля); J. G r o s s b a r t. La politique polonaise de la Révolution jusqu'aux traités de Bâle. — « Annales historiques de la Révolution française », 1929, p. 34—55, 242—255, 476—485; 1930, p. 129—151. [См. также: А. Л. Нарочницкий. Раскол среди якобинцев и внешняя политика якобинской республики с января до апреля 1794 г. — «Ученые записки МГИИ имени

В.И.Ленина. Исторический факультет», т.37, вып.3, 1946; е г о ж е. Вопросы войны и мира в политике якобинцев накануне 9 термидора. — «Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI — XX вв.». М., 1964. — *Ред.*]

О военных действиях см.: H. C o u t a n s e a u. La campagne de 1794 à l'armée du Nord. Ire partie, « Organisation », Paris, 1903—1905, 2 vol. IIe partie, « Opérations », Paris, 1907—1908, 2 vol.; V. D u p u i s. Les opérations militaires en 1794. Bataille de Fleurus. Paris, 1907; L. J o u a n. La campagne de 1794—1795 dans les Pays-Bas. T. I, « La conquête de la Belgique. Mai-juillet 1794 », Paris, 1914; L. H e n n e q u i n. La campagne de 1794 entre Rhin-et-Moselle. Paris, 1909; G. F a b r y. Histoire de la campagne de 1794 en Italie. Paris, 1905.

2. Политический кризис

О политических аспектах кризиса см. упомянутые выше работы Арне Ординга (Arne Ordning) о Бюро полиции, А. Матьеа и Ж. Лефевра о соперничестве Комитета общественного спасения и Комитета общественной безопасности. Добавим: А. Mathiez. Les divisions dans les Comités gouvernementaux à la veille du 9 thermidor. — «Revue historique», t. CXVIII, 1915, p. 70—87; idem. Les séances des 4 et 5 thermidor des deux Comités de salut public et de sûreté générale. — «Annales historiques de la Révolution française», 1927, p. 193—222; А. Mathiez et Н. Chobaut. Trois lettres inédites de Voulland sur la crise de thermidor. — «Annales historiques de la Révolution française», 1927, p. 67—77. О политических аспектах кризиса в парижских секциях см.: Р. Сагон. Sur l'opposition de gauche à la veille de thermidor. — «Annales historiques de la Révolution française», 1947, p. 322, и особенно

труд А. Собуля о парижских санкюлотах (часть III, глава VI).

О социальных аспектах кризиса в парижских секциях см.: А. Mathiez. L'agitation ouvrière à la veille du 9 thermidor. — «Annales historiques de la Révolution française», 1928, p. 271; G. Rudé et А. Soboul. Le maximum des salaires parisiens et le 9 thermidor; см. также труд А. Собуля о парижских санкюлотах (часть III, глава VI).

[О событиях 9 термидора и их ближайших предпосылках см. также: К. П. Добролюбский. Термидор. Очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794—1795 гг. Одесса, 1949; Е. В. Киселева. Парижская коммуна и секции 9 термидора. — «Французский Ежегодник. 1981». М., 1983 и т. д.; Миссия М.—А. Жюльена в Бордо (1794). Из истории политической борьбы накануне 9 термидора. — «Французский Ежегодник. 1972», М., 1974. — Ред.]

3. Развязка

Е. Hamel. Thermidor. Paris, 1891; L. Barthou. Le 9 thermidor. Paris, 1912; G. Michon. Les séances des 8 et 9 thermidor au club des Jacobins. — «Annales historiques de la Révolution française», 1924, p. 497. О развитии кризиса в парижских секциях см.: А. Soboul.

Les sans-culottes parisiens, p. 996—1024. [А. Собуль. Парижские санкюлоты..., с. 499—521. — Ред.] Об историческом значении 9 термидора см. Дополнительные замечания: «Народное движение и Революционное правительство».

Красным маркером отмечены имена тех персонажей, о которых можно найти материалы в нашей библиотеке <http://istmat.info/vive-liberta>

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абанкур д' II: 552; III: 22, 23
 Авенель Ж., историк I, 2: 72, 76—78; III: 368
 Агроль, дочь Кекропса, легендарного основателя Афин V: 537
 Адвиеэль Виктор, французский историк I, 1: 179
 Адмира VI: 423, 431
 Азар V: 522
 Азема, депутат Конвента от департамента Ор III: 101, 525
 Аклок, командир батальона национальной гвардии, один из защитников Тюильри 10 августа 1792 г. III: 22, 25
 Александр Ш. А., командир национальной гвардии Сен-Марсельского предместья II: 502, 503, 567, 568
 Александр Македонский VI: 403
 Аллард д', докладчик Комитета государственных налогов I, 1: 514
 Альбер Мартен Александр, рабочий, член Временного правительства в 1848 г. I, 1: 36
 Альберт, герцог Саксонский-Тешенский III: 235, 240
 Альби, фабрикант сукон VI: 400
 Альбитт, адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Нижняя Сена II: 121, 122; III: 122, 140
 Алькье, депутат Генеральных штатов от третьего сословия сенешальства Ла-Рошель, депутат Конвента от департамента Сена и Уаза III: 329, 364
 Альфиери Витторио (1749—1803), итальянский поэт, автор памфлета «Мизогалл» IV: 489, 494
 Амар Андре (1755—1816), депутат Конвента от департамента Изер V: 495, 497; VI: 286, 287, 345, 364, 365, 379, 440
 Амело, управляющий Кассой чрезвычайных доходов III: 372
 Амель Эрнест, историк, автор книги «История Робеспьера» I, 2: 225; III: 41, 43, 78, 83, 84, 88; V: 86, 377; VI: 363, 436
 Андре д' (Д' Андре), член Учредительного собрания I, 2: 321
 Андрион, генеральный комиссар швейцарцев и граубюнденцев III: 22, 23

Анж — см. Л'Анж
 Анжелье А. IV: 387, 389
 Анитус, один из обвинителей Сократа V: 75, 77
 Анкара, активный деятель Клуба кордельеров VI: 377
 Анкарстрем, шведский офицер III: 475
 Анне Л. II: 452
 Анри, депутат Законодательного собрания от департамента Верхняя Марна II: 46, 47
 Анри-Ларивьер (1761—1838), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Кальвадос V: 540, 541, 548, 589
 Анрио Франсуа (1761—1794), главнокомандующий парижской национальной гвардии с 31 мая 1793 г. до 9 термидора II г. V: 583, 617, 636, 637, 642, 643, 646, 647, 676, 679, 683, 688, 691—695, 727; VI: 174, 175, 422, 436, 442
 Антиох IV Эпифан, царь Сирии II: 143
 Антонель, комиссар Законодательного собрания II: 615
 Антуан Франсуа Поль, мэр Меца, член Учредительного собрания, член Конвента от департамента Мозель II: 567; III: 10, 11, 16, 45—47; V: 339
 Анфантен Бартелеми Проспер (1796—1864), один из последователей Сен-Симона, в дальнейшем глава сен-симонистской школы VI: 108, 109
 Аранда Педро, граф д' (1719—1798), испанский государственный деятель, дипломат II: 513, 514; IV: 495; V: 140, 141
 Арена, член департаментской дирекции Корсики, депутат Законодательного собрания II: 319
 Арди, депутат Конвента от департамента Нижняя Сена V: 410, 411
 Аржансон Марк Пьер граф д' (1696—

1764), глава полиции, с 1743 г. военный министр I, 1: 495
 Аржансон Рене Луи, маркиз д' (1694—1757), министр иностранных дел с 1744 по 1747 г., оставил мемуары I, 1: 127, 493, 495
 Аристарх (II в. до н. э.), знаменитый греческий грамматист и критик VI: 12, 13
 Аристид (ок. 540 — 467 гг. до н. э.), афинский государственный и военный деятель III: 296, 297; VI: 121
 Аристотель V: 189; VI: 17
 Аристофан, древнегреческий комедиограф IV: 477
 Аркрайт, Ричард I, 1: 108, 109
 Арман (1751—1816), адвокат, депутат Конвента от департамента Мёз VI: 39—43, 47—49, 59
 Арне, участник штурма Бастилии I, 1: 341
 Арнет Альфред, граф д' II: 94, 175
 Арно Антуан (Великий Арно) I, 1: 152
 Арно-Тизон, негодант I, 2: 14
 Арну, помощник директора торгового ведомства I, 1: 86, 87
 Арну д'Эпернэ, мэр Луана I, 2: 24
 Арсани I, 1: 299
 Артуа, граф д' (Карл X) I, 1: 220, 431—433, 435—437; I, 2: 277, 283, 295—297, 309, 310, 361, 362, 364; II: 75; III: 197, 271; V: 360, 402
 Архимед VI: 320
 Ахилл, легендарный герой Троянской войны VI: 488, 489
 Аякс III: 231
 Бабёф Гракх (Франсуа Ноэль) I, 1: 34, 105, 178, 179, 344, 345; I, 2: 190, 210, 243, 385; II: 290, 337, 401, 410; III: 143, 396, 397; IV: 226, 381, 454, 471, 488; V: 194, 221, 224, 225, 305; VI: 27, 79—84, 90, 91, 93—97, 99, 100, 102, 103, 119—121, 137, 148, 150, 151, 170, 171, 173, 191, 229, 235, 298

Бадзер, английский автор, выступивший с опровержением памфлета Бёрка IV: 364
 Базедов Иоганн Бернгард (1723—1790), немецкий педагог, основатель института «Филантропичум» IV: 75—78
 Базир Клод (1764—1794), член Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Кот-д'Ор II: 252, 253, 584, 585; III: 76, 77, 105, 296—299, 312; IV: 160, 161; V: 88, 245, 258, 259, 663; VI: 150, 151, 343
 Базир, г-жа, камеристка королевы III: 22
 Бай Пьер (1753—1793), депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон III: 131, 133, 161; V: 507, 509, 510
 Байи Жан Сильвен, мэр Парижа I, 1: 48, 52, 321, 329, 348, 388—390, 437; I, 2: 25, 26, 28, 195—197, 262, 289, 304, 321, 325, 326, 349, 352—354; II: 53, 577; III: 14, 22, 282; V: 714
 Бако де ла Шапель, мэр Нанта I, 2: 23
 Бакон Пьер I, 2: 198, 201
 Бальзак Оноре де I, 2: 26; II: 388; VI: 388
 Банкаль Дезиссар (1750—1826), нотариус, письмоводитель в тюрьме Шатле, депутат Конвента от департамента Пюи-де-Дом I, 1: 340; II: 459, 461; III: 101, 448, 449, 516, 524; V: 375, 699, 701; VI: 100, 101
 Бантаболь Пьер Луи (1756—1798), адвокат, депутат Конвента от департамента Нижний Рейн III: 472; V: 262, 263, 542, 543, 601; VI: 208, 209
 Барантен, хранитель государственной печати (министр юстиции) I, 1: 308, 309; II: 587
 Барбару Шарль Жан Мари (1767—

1794), депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон, жирондист I, 2: 10, 11; II: 459, 461, 465, 485; III: 128—133, 159—161, 192, 193, 195, 346, 347, 360, 452, 454, 459—461, 463, 478, 490, 493, 498, 514, 527, 531; IV: 161; V: 71, 181, 182, 203, 286, 305, 366, 410, 411, 503, 506, 507, 511, 513, 515, 541, 657, 684, 686, 689, 695; VI: 159

Барбару Оже, сын предыдущего III: 129

Барбюс Анри I, 1: 18

Барелон Жан Франсуа, врач, мировой судья, депутат Конвента от департамента Крёз IV: 438, 439, 441

Баренн, прокурор-синдик в Бордо, депутат Законодательного собрания от департамента Жиронда I, 2: 7

Барер Бертран (1755—1841), член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Верхние Пиренеи, член Комитета общественного спасения I, 1: 481, 484; III: 214, 238, 239, 263, 461, 506, 507; V: 28—30, 39, 78—85, 100, 101, 104, 109, 112, 113, 140, 141, 172, 178, 179, 209, 307, 317, 318, 320, 322, 323, 338, 365, 369—371, 379—382, 399, 403, 406, 413, 416, 437, 438, 485, 540, 596, 597, 601, 617, 618, 649, 651, 653, 660, 662, 680, 681, 689, 691, 692, 694, 695; 701, 705; VI: 101—105, 157, 187, 193—198, 221, 247, 257, 258, 279, 324, 348, 385, 390, 396, 425, 428, 431, 433, 438, 443

Барнав Жозеф I, 1: 88, 136—138, 141—145, 147, 173, 190, 195, 248, 317, 331, 382, 451—453, 466; I, 2: 46, 166, 176, 178—181, 186—188, 253, 254, 262, 279, 317, 327, 328, 332—335, 346, 356—361, 372, 373, 377, 379; II: 53, 92—96, 99,

- 128, 129, 152, 153, 174, 175, 177, 178, 210, 212, 221, 240, 271, 272, 276, 277, 387, 452, 453, 617—619, 621; III: 64, 65, 142, 143, 214, 215; IV: 178, 179, 357; V: 46, 47, 305, 497, 534, 698; VI: 269
- Баррас Поль, депутат Конвента от департамента Вар VI: 314, 324, 325, 430, 434, 437, 444
- Барре, прокурор, член администрации Парижского департамента до 10 августа 1792 г. III: 22, 25
- Баррес Морис I, 1: 24
- Баррюэль, аббат III: 520
- Баррюкан Виктор, II: 581
- Баррюэль-Бовер, граф де, командир национальной гвардии в 1790 г. II: 336, 337
- Бартон Томас, ирландец, торговец I, 1: 89
- Барту Луи I, 1: 16
- Бассвиль, французский посланник в Риме IV: 494
- Бассе, гравёр, представитель от секции Борепера V: 227
- Бастна, экономист и политический деятель, член Учредительного собрания 1848 г. II: 46, 47
- Батц, барон де VI: 420
- Баутфилд, английский писатель IV: 364
- Башамон, литератор III: 494, 495
- Бибель Август IV: 65
- Безанваль, барон де, военный комендант Парижа I, 1: 346, 347
- Безо, член Комитета одиннадцати V: 665
- Бейль Моиз (1755—?), депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон, член Комитета общественной безопасности III: 133, 161; V: 503—508, 514, 515, 639
- Бейссе (1753—1794), командовал войсками в Нанте V: 358, 359
- Беккариа Чезаре (1738—1794), итальянский просветитель, автор работы «О преступлениях и наказаниях» IV: 489
- Бекке, депутат Законодательного собрания от департамента Верхняя Марна II: 234
- Белын Андрей I, 1: 24
- Бельомм А., историк V: 103
- Бельвю-Бланшетьер, колонист с Мартиники II: 265
- Бемер Г. В. (1761—1839), профессор, секретарь Кюстина, руководил официальным органом майнцских клубистов IV: 191
- Бендер де, маршал II: 173, 176, 178; VI: 352, 353
- Бенжамен Жаккоб, поставщик армии III: 364, 365, 373
- Бентам Иеремия (1748—1832), английский социолог, философ и юрист IV: 263
- Беньо, депутат Законодательного собрания от департамента Об II: 317
- Бергас, член Учредительного собрания I, 2: 13
- Бергаст, швейцарский торговец I, 1: 95
- Бергуэн (1750—1829), хирург, депутат Конвента от департамента Жиронда III: 143; V: 540, 541, 602, 603, 607—609
- Берден, член палаты общин IV: 326
- Бер-Дюолаи, редактор III: 19
- Бёрк Эдмунд (1729—1797), английский политический деятель и публицист, автор контрреволюционного памфлета «Размышления о Французской революции» IV: 184, 185, 217, 265, 329, 343, 345, 347—357, 361—372, 374, 375, 377—380, 386, 404—406, 409, 414, 415, 421, 493, 494; V: 318, 319
- Бернар Анжуйский I, 2: 32
- Бернар, депутат Законодательного собрания от департамента Понпа II: 404, 405, 407, 409
- Бернар Клод, бывший католический

- священник, член Коммуны 10 августа V: 213
- Бернар де Мариньи, комендант Бреста II: 103
- Бернонвиль Пьер (1752—1821), бригадный генерал в 1792 г., военный министр в 1793 г. III: 203, 209, 231, 233, 236; V: 153, 281, 297, 341, 365, 376, 445, 532
- Бёрнс Роберт (1759—1796), шотландский поэт IV: 292, 293, 387, 396, 397, 399, 401, 409
- Бернштейн Эдуард I, 1: 14; IV: 244
- Бернье, аббат V: 359
- Беррар, один из командующих католическими армиями Нижнего Анжу и Пуату V: 360
- Беррюе (1738—1804), главнокомандующий Внутренней армии в Париже V: 132, 133
- Бертелон, комиссар Коммуны в сентябре 1792 г. III: 81
- Бертолле Клод Луи I, 1: 152
- Бертран, из секции Гобеленов II: 504
- Бертран, торговец, мэр Липона, друг Шалье V: 260, 261
- Бертран де Мольвиль Антуан Франсуа, морской министр в 1791 г. I, 2: 309; II: 99, 102, 103, 214, 215, 230
- Бертран де л'Одисньер, депутат Конвента от департамента Орн V: 540
- Бертранде, эмигрант III: 58
- Берту Пьер Гийом, конституционный священник I, 2: 259, 261
- Бертье, командующий версальской гвардии I, 2: 290
- Бертье де Совиньи, интендант Парижа I, 1: 344, 345
- Берье, член Парижской коммуны II: 599
- Бессен, оратор из Сент-Антуанского предместья I, 1: 347
- Бетман фон, немецкий банкир I, 1: 89; IV: 21
- Бетюи Жермен, адвокат, чиновник V: 355, 356

- Бёфруа (1755—1820), депутат Конвента от департамента Эна, член Комитета земледелия и Комитета финансов III: 355, 376, 380, 419, 420, 422—424, 426, 427, 432; VI: 252, 253
- Биго де Сент-Круа, министр иностранных дел с 1 по 10 августа 1792 г. III: 22, 23
- Бидерман Карл (1812—1901), немецкий историк и политический деятель IV: 20, 21, 38, 64, 65
- Бийо-Варенн Жан Никола (1756—1819), врач, адвокат, заместитель прокурора Коммуны после 10 августа 1792 г., депутат Конвента от Парижа, член Комитета общественного спасения III: 78, 79, 89, 134, 137, 221, 495; IV: 481; V: 179, 253, 332, 566, 600, 674, 675; VI: 48, 49, 51, 53, 54, 56—59, 120, 267, 279, 321, 345, 370, 379, 396, 423, 425, 428, 433, 434, 436, 440, 441, 444
- Биолле Л., экономист, социолог I, 2: 390
- Бион (1730—1798), депутат Генеральных штатов, затем депутат Конвента от департамента Вьенна V: 706, 707
- Бирон Арман Луи, герцог де Лозен, член Учредительного собрания, командующий Рейнской армии, а затем Итальянской армии II: 514, 540, 550, 615; III: 246—249; VI: 192—194
- Биротто (1758—1793), депутат Конвента от департамента Восточные Пиренеи III: 388, 389, 392; V: 398, 399, 410, 411, 684, 695, 708, 709
- Бисмарк Отто фон I, 1: 11
- Бишофсвердер, генерал, прусский посол и министр, адъютант короля Пруссии V: 298, 299
- Блай Джек, из общества Конституционных вигов III: 253

- Блан Луи, историк I, 1: 34—36, 181; I, 2: 204, 231, 320; II: 12, 148, 149, 579; III: 89, 105, 520, 521; IV: 366; V: 86, 87, 134, 135, 220; VI: 343
- Блан-Жилли, негодант из Марселя, депутат Законодательного собрания от департамента Буш-дю-Рон II: 266, 267
- Бланки Луи Огюст I, 1: 11; I, 2: 224; II: 424; V: 604
- Бланшеланд, губернатор Сан-Доминго II: 258, 259
- Блен, редактор «Бюллетэн де ла Коммюнь», затем «Аффиш де ла Коммюнь» VI: 179
- Блок Марк I, 1: 193
- Блондель Антуан, член дирекции Парижского департамента в 1791 г. II: 129
- Блэкстон (1723—1780), английский юрист IV: 286
- Бо (1743—1814), депутат Конвента от департамента Аверон V: 491, 494, 495
- Бове Шарль Никола (1745—1794), врач, депутат Конвента от Парижа III: 135; V: 507, 509
- Богарне Александр (1760—1794), виконт де, депутат Генеральных штатов, дивизионный генерал в марте 1793 г. VI: 196, 197
- Боден, депутат Законодательного собрания от департамента Арденны II: 616
- Бодо, аббат, физиократ I, 1: 178, 179, 248
- Бодо Марк Антуан (1763—1837), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Сона и Луара III: 142, 143, 220, 224, 225, 234, 242, 243, 265, 267, 313, 440; V: 54, 55, 68, 75, 82, 84, 105, 106, 118, 126, 130, 700, 705, 708, 712, 714; VI: 79—81, 296—298, 323
- Бодри д'Ассон, один из главарей брессюйского восстания 1792 г. III: 118, 119; V: 348—350
- Бодсон (1765—?), художник-гравёр, член Коммюны 10 августа V: 567, 569; VI: 191
- Бодуэн, комиссар секции Арси III: 111, 113
- Божар (1764—1832), депутат Конвента от департамента Иль и Вилен V: 706, 707
- Боз Жозеф, придворный художник II: 546, 547; V: 47, 573
- Болье, министр государственных налогов (март — июль 1792 г.) II: 508, 509, 537
- Болье, австрийский генерал II: 514, 515
- Болье, журналист V: 638
- Бомарше Пьер Огюстен Карон де I, 1: 414; III: 364
- Бомбель, маркиз де I, 2: 296, 297, 309; II: 587
- Бомец, депутат Учредительного собрания I, 2: 215, 225, II: 129
- Бонвиль (Бонневиль) Никола де, литератор, один из основателей «Социального кружка» I, 1: 183; III: 126, 127
- Бонн-Каррер Гийом (1754—1825), дипломат, посланник Франции в Льеже в начале революции, был назначен в министерство иностранных дел в марте 1792 г. V: 94—96
- Боннак, епископ Аженский I, 2: 255
- Бонналь де, епископ Клермонский VI: 106, 107
- Боннафе, бордоский арматор I, 1: 92, 96
- Боннье д'Алько Анж, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эро III: 265, 267
- Бономе, член Комитета девяти в мае 1793 г. V: 631
- Бонсерф Пьер Франсуа, автор брошюры «О неудобствах феодальных

- прав» I, 1: 51, 255; II: 381; IV: 70, 71
- Боншан Шарль, маркиз де (1760—1793), роялист, главарь вандейцев V: 347, 350; VI: 270
- Бопуаль де Сент-Олэр, епископ Пуатье I, 2: 255
- Бошюи Мишель (1755—1796), бригадный генерал IV: 392, 393; V: 521
- Борда Жан Шарль, член Академии наук III: 266, 267
- Борепер Никола Жозеф, комендант Верденской крепости в 1792 г. III: 64, 65, 191
- Бори, член Парижского муниципалитета в 1790 г. III: 20, 21
- Борнагель Ф., историк V: 596, 597, 649
- Боскари, негодант, банкир, депутат Законодательного собрания от Парижа II: 287, 288, 291, 292, 482, 483
- Боссюэ Жан Бенинь (1627—1704), епископ Мо, идеолог феодально-католической реакции и абсолютизма I, 1: 203; IV: 112
- Брауншвейгский, герцог (Карл Вильгельм Фердинанд) II: 482, 484, 515, 529, 539, 572, 574—576, 586, 600; III: 33, 64, 78, 80—88, 90, 106, 132, 141, 159, 176, 204—206, 208, 209, 225, 226, 228—230, 240, 258, 504; IV: 94, 95, 131—133, 201, 203, 420, 421, 438; V: 279, 291, 423, 461
- Брауншвейгский, герцог де (Брауншвейгский Фердинанд), дядя предыдущего IV: 95
- Бре Франсуа, член муниципалитета Лиона в 1790 г. I, 2: 14
- Бреар (1751—1840), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Нижняя Шаранта V: 374, 375; VI: 440, 441
- Брёттей Луи Огюст, барон де (1730—

- 1807), французский дипломат, министр Людовика XVI I, 2: 282, 292, 295, 297, 308—310, 313, 315, 363, 364; II: 67, 74, 76, 157, 219, 237, 238, 538, 586, 587; III: 33, 62, 88, 205—207, 228, 230, 231; V: 318, 401
- Бретеш, г-жа де ла, заведующая гардеробом г-жи д'Артуа III: 22
- Бретт А. I, 1: 217
- Бреш Ф., историк I, 1: 213, II: 341, 569
- Бри Жан де, депутат Конвента от департамента Эна V: 403
- Бриан Аристид I, 1: 11, 17, 24
- Бридо I, 2: 262
- Бриез (1759—1795), адвокат, депутат Конвента от департамента Нор VI: 330, 331
- Бриссо Жак Пьер (1754—1793), лидер жирондистов, депутат Конвента от департамента Эр и Луар I, 1: 368, 369, 376, 390, 466; I, 2: 175, 176, 337, 340, 341, 344, 345, 354, 358, 382; II: 52, 53, 57, 59—65, 69, 77, 78, 80, 81, 88, 89, 97, 98, 105, 107, 108, 114, 132—134, 142, 143, 145, 155—159, 161—167, 171, 173, 177—180, 183, 185, 187, 203, 211—218, 223—225, 229, 233, 234, 236, 241, 243—245, 251, 253, 257—259, 262, 264, 265, 278, 299, 309, 310, 335, 336, 460—463, 474, 488, 489, 496, 499, 519, 541, 545, 546, 553—555, 558, 620—622; III: 31, 34—38, 48, 49, 56, 62, 76—81, 89, 105, 117, 119, 122, 124—127, 133, 134, 152—154, 158, 162, 163, 166, 167, 185, 189, 262, 278, 293, 334, 357, 405, 439, 441, 446, 461, 467, 471—473, 478, 487, 488, 498, 501, 507, 511—515, 527, 529; IV: 146, 155, 160, 161, 186, 255, 262, 422, 432—436, 441; V: 11, 17, 19, 35, 51, 54, 56—58, 63, 73, 80, 93, 115, 118, 120—122, 129, 140, 141, 147, 181, 195, 222, 239, 252,

- 258, 264, 271, 280, 281, 284, 286, 305, 320, 321, 337, 341, 365, 379, 380, 410, 411, 524, 530, 532—534, 541, 570, 586, 636, 650, 652, 657, 675, 684, 686, 695, 699; VI: 9, 259, 268, 286, 318, 362, 364
- Брише, помощник начальника канцелярии военного министерства, якобинец VI: 348
- Бродель Фернан, видный французский историк I, 1: 41
- Брольи Виктор Франсуа, маршал де I, 1: 346, 399, 451, 463; II: 200, 227, 550, 615
- Брук Бхусби Дюпон, сэр, английский писатель IV: 364
- Брусс де Фошре, член Парижского муниципалитета в 1789 г., член директории Парижского департамента в 1791 г. II: 129
- Брут Марк Юний I, 1: 421; V: 252, 256, 489, 594, 595, 598, 675; VI: 12, 177, 332, 333, 434
- Брут Луций Юний, основатель республики в Риме II: 109
- Брюлар де Жанлис — см. Сийери
- Брюле, инженер I, 2: 198, 201
- Брюн, редактор III: 19
- Буа, поставщик армии V: 214
- Буажелен, архиепископ Эксский I, 2: 41, 251
- Буаье-Фонфред Жан Батист (1760—1793), депутат Конвента от департамента Жиронда III: 142, 424, 425; V: 100, 101, 103, 110, 111, 281, 320, 403, 411, 540, 541, 578, 587, 591, 593, 648, 650, 684, 687, 695; VI: 268, 400
- Буало Никола (1751—1793), прокурор, депутат Конвента от департамента Йонна I, 1: 153, III: 457, 458; V: 540, 541
- Буассе (1748—1813), депутат Конвента от департамента Дром V: 503—508, 514, 515, 689
- Буассель Франсуа (1728—1807), адвокат, член Якобинского клуба, автор «Катехизиса человеческого рода» V: 608, 609, 671, 672; VI: 84—86, 106—109, 113—115, 117—120, 317
- Буасси д'Англа Франсуа Антуан (1756—1826), адвокат, депутат Генеральных штатов, а затем депутат Конвента III: 329, 364
- Буато Поль I, 1: 48, 49, 51, 60
- Буйе Франсуа Клод, маркиз де I, 1: 51, 57, 60, 88, 248, 417; I, 2: 168—170, 280, 282, 283, 290, 293, 294, 310, 311, 319, 323, 325, 332, 334, 348, 352, 363, 366, II: 98, 221, 237, 567
- Буйеро, сборщик налогов в дистрикте Берне, депутат Конвента от департамента Эр III: 122; V: 71
- Буланже Жорж (1837—1891), генерал V: 715
- Буланже (1757—1793), генерал парижской национальной гвардии V: 542; VI: 365, 422
- Буленилье Анри, граф де (1658—1722) II: 35
- Булль Дж., председатель Общества реформ Манчестера III: 253
- Бульме, судья в Машкуле V: 357
- Буонаротти Филиппо Микеле (1761—1837), комиссар на Корсике, участник движения «во имя равенства» Бабёфа I, 1: 445; IV: 494; VI: 102, 105, 150, 151, 298
- Бургон, м-м де, сообщница Ла Руэри III: 273
- Бурдон Леонар (1754—1807), комиссар секции Гравилье, депутат Конвента от департамента Луаре II: 599; III: 20, 21, 460, 461; V: 37, 519, 538, 539, 622, 623, 671; VI: 170, 302, 444
- Бурдон из Уазы Фернан Луи, депутат Конвента от департамента Уаза III: 461; VI: 270, 358, 362, 434
- Буш, член Учредительного собрания I, 1: 423

- Бушар, историк VI: 472
- Бушаре, член секции Пуассоньер V: 441
- Буше Франсуа (1703—1770), художник III: 135, 348
- Бушот Жан Батист Ноэль (1754—1840), полковник, военный министр-санкюлот V: 297, 444, 445, 520, 615; VI: 129, 191, 194—197, 282, 329, 365
- Бюзо Франсуа Никола Леонар (1760—1793), адвокат, депутат Конвента от департамента Эр I, 1: 367, 369, 372, 454; I, 2: 332, 336, 398, 459, 461; III: 45, 122, 125, 128, 172, 193, 197, 445, 447—449, 451, 459, 463, 465—471, 477—479, 487, 514, 515, 518, 527; IV: 160, 161, 163, 438; V: 17, 19, 22, 33—35, 51, 62—65, 70, 71, 84, 96, 129, 204, 205, 398, 399, 410, 411, 418, 541, 570, 657, 684, 686, 695, 701—705, 710; VI: 159, 218, 402
- Бюиссар Антуан, один из самых близких друзей Робеспьера VI: 419
- Бюлье, член Парижской коммуны 10 августа 1792 г. II: 599
- Бюргер (1747—1794), немецкий поэт IV: 63
- Бюро де Пюзи, адъютант Лафайета, член Учредительного собрания II: 519, 541
- Бюффон Жорж Луи Леклерк I, 1: 70; I, 2: 139, 376; VI: 69
- Бюше Филипп, историк I, 2: 351; V: 571, 605; VI: 439
- Вадье Марк Гийом, член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Арьеж, член Комитета общественной безопасности I, 2: 337—339, 373, 374; VI: 345, 380
- Валади, маркиз д'Изарн, депутат Конвента от департамента Аверон V: 410, 411
- Валазе — см. Дюфриш-Валазе
- Валанс, граф де (1757—1822), генерал III: 239; V: 274, 275, 278, 280—283, 297, 493, 494
- Валле, депутат Конвента от департамента Эр III: 122
- Валлон, историк V: 737; VI: 203, 470
- Валь Морис I, 1: 116, 126, 132; I, 2: 14
- Вальдек-Руссо Рене (1846—1904), глава правительства VI: 447
- Вандервельде VI: 58, 59
- Вандерноот V: 146
- Ван-Лоо Шарль Андре (1703—1765), художник III: 348
- Ванс, марсельский федералист VI: 209
- Варенн, основатель суконной фабрики около Каркассонна I, 1: 94
- Варле Жан Франсуа, активный деятель секции Прав человека, «бешеный» II: 507; V: 199, 210—212, 215, 222, 224, 235, 286, 287, 289, 319, 331, 332, 339, 341, 350, 351, 477—479, 484, 486, 529, 548, 554, 556, 557, 582, 590, 607, 608, 610, 621, 623, 629—631, 641, 647, 679; VI: 177, 182, 192, 193, 260, 261
- Вассон, из секции Кенз-Вен II: 504
- Вашингтон Джорж II: 541; IV: 132, 133, 379; V: 91, 126, 127
- Вэбб Сидней и Беатриса, супруги, английские экономисты и общественные деятели, авторы труда по истории тред-юнионизма IV: 311, 312, 318, 382
- Ведекинд Георг (1761—1839), профессор медицины в Майнце IV: 184, 185, 188, 199
- Вейсгаупт (1748—1830), основатель тайного общества иллюминатов VI: 81
- Вендлинг, член революционного комитета секции Хлебного рынка,

член Комитета девяти V: 630, 631
 Венедэ Мишель IV: 196, 197
 Венедэ, сын предыдущего, автор труда «Немецкие республиканцы под властью Французской республики» IV: 197
 Венсан, комиссар-распорядитель кредитов Южной армии III: 364, 365
 Венсан Франсуа Никола (1767—1794), влиятельный член Клуба кордельеров, генеральный секретарь военного министерства V: 83, 615; VI: 187, 193, 194, 278, 279, 282, 313—315, 317, 346—349, 362, 363, 365, 368, 372, 374, 377, 466
 Вентринье I, 2: 14
 Верак, виконт де II: 218
 Вергилий Публии Марон (70—19 до н. э.) IV: 171, 172; V: 107
 Вержени Шарль Гравье, граф де (1717—1787), министр иностранных дел Людовика XVI IV: 255; V: 533
 Вермаль Фр. I, 2: 121
 Вермерен Жан, сахарозаводчик в Бордо I, 1: 89
 Верне, м-м VI: 403
 Вернике, архитектор I, 1: 166, 167
 Верньо Пьер Виктюрье, адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда I, 2: 303; II: 56, 57, 107, 109, 118, 122, 133, 161, 180, 185, 217, 225, 243, 258, 259, 261, 266, 269, 276, 296, 297, 309, 330, 371, 471, 498, 506, 508, 521—523, 527—529, 541, 545—547, 551, 554, 596, 598—600, 621; III: 66—68, 73, 74, 78, 95, 105—107, 122, 125, 126, 143, 153, 159, 224, 238, 243, 326, 439, 441, 455, 456, 459, 461, 464, 465, 487, 488, 514, 526, 527, 531; V: 47, 51—53, 59—

63, 70, 71, 74, 75, 77, 78, 83—85, 91, 102—105, 112, 113, 119, 124, 129, 130, 141, 287, 332, 338, 342, 363, 364, 382, 410, 411, 414, 450, 487, 498, 499, 502, 530, 539, 540, 573, 580, 619, 633, 647, 650, 652, 657—662, 670—672, 679, 684, 686, 692, 695, 696, 714, 715; VI: 8, 39, 132, 135, 259, 268, 286, 283—384, 424
 Версан, граф де I, 1: 322
 Веррес Гай Корнелий (ок. 115—43 гг. до н. э.), римский политический деятель, сторонник Суллы V: 518, 519
 Верри Пьетро (1728—1797), итальянский просветитель, философ, экономист IV: 489
 Вертёй де Маллере (1718—1801), генерал-лейтенант V: 349
 Вертей, один из дворян-вожаков мятежа в Вандее V: 349, 350
 Верье, депутат Законодательного собрания от департамента Верхняя Гаронна II: 118, 119
 Вестерман Франсуа Жозеф (1751—1794), генерал II: 567, 582; V: 93; VI: 193, 371
 Виалэ М. I, 2: 121
 Виже (1755—1793), депутат Конвента от департамента Мен и Луара V: 540, 541, 543, 545, 578
 Вийетт Шарль, маркиз де (1736—1793), депутат Конвента от департамента Уаза V: 110, 111
 Вико Джамбаттиста (1668—1744), итальянский мыслитель IV: 37
 Виктор Амедеи III, король Сардинии II: 69; IV: 260, 261
 Виланд Кристофер Мартин (1733—1813), немецкий поэт и литератор IV: 12, 13, 52—55, 68—70, 120—125, 127—129, 165—167, 244, 245, 402, 403
 Виллер (1749—1807), депутат Конвента от департамента Нижняя Луара V: 356, 357

Вильгельм III (Вильгельм Оранский), король Англии (1689—1702) III: 82, 83; IV: 315, 348, 349, 351
 Вилькье, герцог де I, 2: 305
 Вильмен II: 148
 Вильоме, историк V: 14
 Вильруа I, 1: 118
 Вимё (1737—1814), бригадный генерал, комендант крепости Майнц V: 521
 Вимпфен Луи Феликс, барон де (1744—1814), член Учредительного собрания, главнокомандующий армии федералистов в Нормандии в 1793 г. II: 550; IV: 201; V: 708, 709; VI: 203, 210
 Винкельман И. И. (1717—1768), немецкий археолог, историк античного искусства IV: 141
 Вирье I, 2: 321
 Витгенштейн, князь III: 249
 Вите Луи (1736—1809), врач, мэр Лиона в 1789 г., депутат Конвента от департамента Рона и Луара, друг Ролана I, 2: 14, 19; III: 143, 329, 330, 364; V: 244, 245
 Витт Антуан I, 2: 24
 Витт Жан I, 1: 85
 Вобан Себастьян ле Претр (1633—1707), маршал Франции I, 1: 57, 153; I, 2: 379
 Вобан, эмигрант III: 229
 Вобере, член муниципалитета Лиона в 1790 г. I, 2: 14
 Воблан Венсан Мари, граф де Вьено, депутат Законодательного собрания от департамента Сена и Марна II: 118, 119, 142, 274, 588; III: 15
 Вовенарг Люк де Клапьер, маркиз де, французский моралист III: 476, 477
 Вовилье де ла Мориньер, профессор Коллеж де Франс, член Парижского муниципалитета в 1789 г. I, 2: 25
 Водрёйль граф де, друг графа д'Артуа I, 1: 434, 435
 Вожела I, 1: 85
 Вожино (1741—1819), один из главварей вандейских мятежников V: 347
 Вожуа, член тайной Директории Центрального комитета федератов II: 567
 Вожьен, депутат Законодательного собрания от департамента Вогезы II: 375
 Вокансон Жан де I, 1: 108, 109, 116
 Воклен Луи Никола (1763—1829), химик, профессор Политехнической школы V: 685
 Вольней (Вольне) Константин Франсуа Шасбёф де I, 1: 490, 491
 Вольтер Франсуа Мари Аруэ I, 1: 58, 75, 178, 206, 307, 355; I, 2: 141, 143, 376, 378, 379; II: 85, 428, 448, 449; III: 279; IV: 9, 47, 49, 51, 53, 66, 112, 113; V: 564; VI: 49, 69
 Вольф Иоганн Кристиан (1679—1754), немецкий философ и математик IV: 63
 Вонк Жан Франсуа, бельгийский политический деятель, лидер либеральной партии «вонкистов» II: 63; VI: 375
 Вордсворт Уильям (1770—1850), английский поэт IV: 388—393, 395, 396, 401
 Вуадель де (1758—1812), депутат Учредительного собрания V: 534, 535
 Вуайе д'Аржансон V: 522
 Вюйе, депутат Законодательного собрания от департамента Юра II: 375, 376
 Вюртембергский, герцог — см. Карл-Евгений
 Гавернер Моррис (1752—1816), полномочный посланник Соединенных Штатов во Франции в 1789—

1794 г. II: 280, 281; V: 91, 92, 96, 126, 178, 194, 195; VI: 337, 338
 Гайндман Генри Мейерс (1842—1921), английский социалист IV: 442, 443
 Гайяр, один из друзей Шалье VI: 347
 Галилей Галилео Галилеи (1564—1642) I, 1: 38; IV: 40, 42; VI: 77
 Галиссо, член тайной Директории Центрального комитета федератов II: 567
 Галуа, гражданский комиссар Конвента в департаментах Вандея и Дё-Севр в 1793 г. II: 227; V: 365
 Гамбетта Леон III: 196
 Гамен, слесарь V: 24
 Гамильтон, английский писатель IV: 364
 Гандэ А., историк VI: 339
 Ганнибал III: 199, 430; VI: 66
 Гара Доминик Жозеф (1749—1833), министр юстиции в 1792 г., министр внутренних дел в 1793 г. I, 1: 484, 485; III: 440, 488, 491, 507, 510, 511; V: 84, 85, 95, 109, 153, 210, 211, 338, 339, 341—343, 368, 428, 441, 447, 454, 471—473, 484, 485, 542, 543, 558, 566, 568, 570, 576—587, 589—592, 599, 606, 607, 614, 618, 620, 621, 648, 650, 672; VI: 181, 312, 339
 Гардиен, депутат Конвента от департамента Эндр и Луара, член Комитета двенадцати V: 540
 Гарен (1753—?), член Генерального совета Коммуны, администратор по продовольственной части в 1793 г. II: 567; V: 241, 458, 459, 461, 463, 468, 548, 549; VI: 254, 255
 Гарнье (из Сента) (1755—1817), депутат Конвента от департамента Нижняя Шаранта III: 298; V: 86, 87, 479
 Гарнье Антуан Мари Шарль (1742—1805), депутат Конвента от департамента Об, дантонист VI: 443

Гаррингтон Джеймс (1611—1677), английский публицист IV: 273
 Гарро (1762—1819), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда III: 143; V: 117, 498—500, 502, 519
 Гарро, булочник из Версаля V: 254
 Гаск (1748—1813), член Национального собрания Женевы в 1793 г., член временного Комитета безопасности IV: 262, 263
 Гаспарен, монтаньяр, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Буш-дю-Рон, член Комитета общественного спасения III: 133; VI: 267
 Гассенфрац Жан Анри (1755—1827), химик, сотрудник Лавуазье, член Коммуны 10 августа III: 363, 364; V: 182, 183, 592, 593, 605, 612, 613, 615, 684; VI: 107, 108
 Гастон из Сен-Кристоф, парикмахер в Вандее, один из главарей роялистов в Вандее V: 348, 349, 360, 361
 Гастон (1757—1836), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Арьеж VI: 265
 Гатцфельд О. I, 2: 91
 Гаюи Рене I, 1: 70, 71
 Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) IV: 37, 143, 144, 491
 Гед Жюль I, 1: 13, 14, 17
 Гейне Кристиан Готлиб (1729—1812), немецкий филолог и археолог IV: 172, 174, 175, 186
 Гейне Тереза, дочь предыдущего, жена Георга Форстера IV: 172, 173, 209, 251
 Гейнзе Иоганн Якоб Вильгельм (1749—1803), немецкий романист IV: 184, 185
 Гейтер IV: 196
 Геллерт Кристиан Фюрхтеготт (1715—1769), немецкий писатель и поэт IV: 51

Гельвеций Клод Адриан (1715—1771), французский философ-материалист IV: 448, 450, 468; VI: 62
 Гемпден Джон (1594—1643), депутат английского парламента, один из лидеров парламентской оппозиции V: 75, 76, 532, 533
 Генрих IV, король Франции I, 1: 150, 151; III: 227
 Генрих VII, король Англии IV: 287, 289
 Георг II, король Англии IV: 447
 Георг III, король Англии II: 69; IV: 259, 279, 288, 293, 329, 346, 347, 405, 408, 423, 427, 430, 432, 433; V: 121, 424
 Гепен А. (1805—1873), врач и публицист I, 1: 98; I, 2: 10—12; V: 353
 Гервег Георг (1817—1875), немецкий поэт, революционный демократ IV: 147
 Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803), немецкий философ и писатель IV: 48—51, 54, 60, 66, 67, 91, 101, 111—113, 115—116
 Герен Даниель, историк VI: 450, 466
 Гермёр, член Наблюдательного комитета Парижской коммуны III: 81
 Герострат IV: 77
 Геру М. IV: 215, 491
 Герцберг I, 2: 285
 Герц, маркиз I, 1: 251
 Гершой Л., историк IV: 61
 Гессен-Кассельский, ландграф IV: 197, 207, 209, 211
 Гёте Иоганн Вольфганг I, 1: 452; II: 424; III: 210; IV: 9, 12, 13, 47, 53, 77, 81, 116, 117, 119—121, 189, 213
 Гёц-Бернштейн, историк III: 81
 Гибер Ишполит, граф де (1743—1790), бригадный генерал III: 237; V: 160, 161
 Гиз Шарль, кардинал Лотарингский II: 522
 Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787—1874), французский государствен-

ный деятель и историк I, 1: 34, 478; I, 2: 357; II: 187; IV: 350
 Гийо де Фольвиль (1760—1794), главарь вандейских мятежников V: 359, 435
 Гийемо Л. I, 2: 20, 89, 92, 99, 120, 261; VI: 200
 Гийом, член Учредительного собрания I, 2: 359
 Гийом, член тайной Директории Центрального комитета федератов II: 567
 Гийом, главный управляющий «Кэсс де секур» II: 329, 330
 Гийомарэ де ла, сообщник Ла Руэри III: 274
 Гийон Эме (Гийон де Монлеон), аббат V: 246, 248, 250, 251, 255
 Гильотен Жозеф I, 1: 80, 81, 186, 339, 340
 Гино, участник взятия Бастилии I, 1: 342
 Гиро, член Коммуны 10 августа V: 440, 441, 481
 Гитон-Морво, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Кот-д'Ор III: 15, 265, 267; V: 320, 321—323
 Гише, иезуит I, 2: 273
 Глагау II: 167
 Гладстон Уильям (1809—1898), лорд, английский политический и государственный деятель IV: 282
 Гобель, епископ Парижский I, 2: 252, 253; III: 287; VI: 302, 303, 416
 Гогела, барон де, доверенное лицо королевы Марии Антуанетты II: 218, 237, 238, 483
 Гогенцоллерны, династия I, 1: 11; IV: 46
 Годвин Уильям (1756—1836), английский политический писатель, пастор, автор «Исследования о политической справедливости» IV: 252, 403, 447—479, 481—488
 Годой Мануэль (1767—1851), ми-

нистр и фаворит Карла IV, короля Испании V: 140, 141
 Гойе Луи Жером (1746—1840), депутат Законодательного собрания от департамента Иль и Вилен, министр юстиции в 1793 г. II: 48, 49; V: 542, 543, 576, 579, 590
 Голи Бенжамен, конституционный приходский священник I, 2: 271—273
 Гольбах Поль Анри (1723—1789), философ-материалист, представитель французского Просвещения IV: 448—450; VI: 83
 Гольц Август Фредерик, граф фон, чрезвычайный посланник прусского короля во Франции II: 211
 Гомар, негодант II: 300
 Гомель М., историк V: 206
 Гомер II: 425; III: 242; IV: 173
 Гомер (1745—1805), депутат Конвента от департамента Финистер V: 128, 540, 541
 Гонкуры, братья (Эдмон и Жюль) I, 2: 212—214
 Гонон М., историк III: 399; VI: 237, 239
 Гоншон, комиссар Исполнительного совета в департаментах в 1793 г. II: 507
 Горани (1744—1819), граф, автор труда «Трактат о деспотизме» IV: 489, 494
 Гораций VI: 101
 Горгеро, депутат Законодательного собрания II: 112, 113
 Гордон Томас (1784—1850), английский полемист VI: 333
 Горса Антуан Жозеф, депутат Конвента от департамента Сена и Уаза II: 289; III: 127, 135, 159, 528; V: 109, 330, 331, 410, 411, 488, 571, 684, 695, 697
 Госсюэн, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Нор IV: 439; V: 85, 89, 279, 280

Готье (1752—1838), адвокат, депутат Конвента от департамента Эн V: 687
 Готье дю Сионне, по прозвищу Крошка Готье, редактор «Журналь де ла кур э де ла вилль» III: 19
 Гоуэр, лорд, английский посол в Париже IV: 433
 Гофман (1752—1849), профессор естественного права в Майнце IV: 184, 185, 188
 Гофф Томас, председатель Общества революции Норвича III: 253
 Гош Лазар (1768—1797), в 1793 г. командир батальона в Северной армии, главнокомандующий Мозельской армии с 23 октября 1793 г. V: 523, 615, 616; VI: 272, 273, 282
 Гракх Тиберий III: 182
 Граммон, офицер Революционной армии VI: 349
 Грандьер де ла II: 103
 Гране, депутат Законодательного собрания от департамента Буш-дю-Рон, а затем член Конвента I, 2: 8, 9; III: 133; V: 511
 Гранженёв Жан Антуан, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда II: 56, 57; III: 41, 143; V: 103, 410, 411, 415, 684, 695
 Грасс Франсуа Жозеф Поль (1722—1788), адмирал VI: 259
 Грев, полицейский осведомитель VI: 206, 207
 Грегуар Анри (1750—1831), аббат, депутат Конвента от департамента Луар и Шер I, 1: 152, 153; 221, 423, 475; I, 2: 147, 252—254, 336; II: 244, 245, 249; III: 45, 214, 220, 221, 258, 263; IV: 209, 259, 434, 437, 494; V: 493, 510, 511
 Грей Чарлз (1764—1845), член палаты общин, министр иностранных дел, глава правительства вигов IV: 403, 421, 444

Гренар, член администрации Парижского департамента III: 513
 Гренвиль, член палаты лордов, министр иностранных дел Англии IV: 261, 421, 423, 427, 432, 435
 Грибоваль Жан Батист (1715—1789), генерал, создатель дальнотойной артиллерии III: 239; V: 179
 Гримм Фредерик Мельхиор (1723—1807), писатель, историк, просветитель IV: 11
 Грир Д. III: 371
 Гроц де Люзани V: 608, 609
 Губер Людвиг IV: 173
 Гувьон Сен-Сир Лоран (1764—1830), маршал Франции I, 2: 321, 326; III: 237; I: 162, 163
 Гудар П. Л., член Учредительного собрания I, 1: 87
 Гужено де, дворецкий I, 2: 305
 Гужон, один из последних монетчиков, «мученик прерияля» III: 385
 Гуи д'Арси Луи Март, маркиз де, член Учредительного собрания I, 1: 344, 345; II: 272, 273
 Гумбольт, братья, Александр и Вильгельм IV: 12, 13, 64, 177
 Гуийо, именуемый Гуийо из Фонтене (1753—1823), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Вандея III: 118, 119; V: 168, 169, 522, 523; VI: 270
 Гусман (1753—1794), финансист, член Комитета девяти в мае 1793 г. V: 690; VI: 375
 Густав III, король Швеции I, 1: 53; I, 2: 280—282, 367; II: 67, 69, 227; III: 475
 Густав IV, король Швеции I, 2: 281
 Гюаде Маргерит Эли (1758—1794), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда II: 56, 57, 122, 191, 259, 261, 266, 269—273,

276—278, 285, 460, 498, 506, 516, 546, 547, 552—554, 596, 598—600, 621; III: 41, 51, 78, 105, 143, 153, 157, 441, 478, 487, 489, 514; V: 19, 23, 47, 68, 69, 91, 100, 101, 103, 153, 286, 332, 365, 410, 411, 422, 443, 515, 527, 530, 538—541, 650, 652, 657, 666, 677, 684, 686, 695, 705
 Гюго Виктор II: 425
 Гюйо, один из редакторов «Бюллетэн де ла Коммюнь» VI: 179
 Гюлих Густав (1791—1847), немецкий экономист IV: 14, 64
 Даверу, депутат Законодательного собрания от департамента Арденны II: 78, 134, 136—139, 144, 183, 185, 186, 285
 Давид Жак Луи (1748—1825), художник, депутат Конвента от Парижа III: 134, 135, 267; V: 88, 140, 141; VI: 211, 314, 334, 335, 429
 Даву, член директории Парижского департамента в декабре 1791 г. II: 129
 Д'Аламбер Жан Ле Рон (1717—1783), знаменитый писатель, философ, математик, один из основателей Энциклопедии VI: 10, 15
 Дальбард Жан (1743—1819), контр-адмирал, с 3 апреля 1793 г. морской министр VI: 197
 Дамьер Огюст Анри Мари, маркиз де (1756—1793), генерал, временный главнокомандующий Северной и Арденнской армий V: 402, 403, 559
 Данденак (1750—1830), депутат Конвента от департамента Мен и Луара V: 522—524
 Д'Андре, депутат Учредительного собрания I, 2: 225; II: 283, 300, 301, 347
 Дандэс, лорд Мелвил (1742—1811),

член палаты общин, министр внутренних дел, затем военный министр IV: 414—416; V: 106, 107
 Дансар, школьный учитель, основатель «Братского общества обоих полов» V: 205
 Дантон Жорж Жак I, 1: 349, 421, 485; I, 2: 26, 27, 301—303, 345, 348, 354, 355; II: 49, 52, 53, 56, 173, 460, 461, 463, 465, 467, 469—472, 501, 502, 561, 562, 564, 568, 579, 582, 583, 599, 602; III: 28, 29, 42, 46, 59—64, 68, 69, 73, 76, 85, 92, 100, 101, 103, 105, 122, 124, 125, 127, 134, 135, 137, 157, 164—167, 189, 197, 198, 202, 203, 216—220, 233—235, 273, 293, 301—303, 312—314, 439, 444, 445, 450—452, 457, 458, 461, 470, 471, 473, 477, 486, 489, 490, 491, 493, 494, 496—499, 507—512, 518, 523, 524, 527, 532; IV: 438, 439, 441; V: 22, 28, 34, 68, 85—90, 92, 97—99, 113—115, 119, 120, 148—153, 181, 219, 230, 248, 256, 278, 279, 281, 284, 290—294, 296, 305, 312, 313, 315, 330, 333—335, 339, 341, 368—371, 374, 376, 379—384, 386—397, 404, 405, 409, 412—417, 419, 427, 518, 543, 561, 562, 579, 580, 586, 596—599, 601, 611, 616, 617, 619, 621—623, 630, 645, 647—653, 660, 675, 679, 693, 694, 698—702, 711, 726, 734; VI: 8, 10, 15—17, 36, 37, 43—45, 100, 129, 130, 171, 174, 185—187, 195, 206, 221, 260, 261, 265—267, 312, 318, 342, 327, 328, 331, 334, 336—340, 345, 351, 352, 358, 368, 371, 373—375, 379—384, 424, 426, 436, 442—444, 472
 Дарест де ла Шаванн, историк консервативного толка I, 2: 300, 301; V: 100, 101, 124
 Дарте, участник «движения во имя равенства» Бабёфа VI: 150, 298
 Дартигойт (1763—1812), депутат

Конвента от департамента Ланды III: 465; V: 73, 500, 501
 Дебес, член тайной Директории Центрального комитета федератов II: 567
 Дебри Жан, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эна II: 521, 599, 601
 Девилль Габриэль, историк I, 1: 42; III: 396, 397; VI: 82, 86
 Дёзи, депутат Законодательного собрания от департамента Па-де-Кале II: 36, 42—44
 Дезиль, офицер гарнизона Нанси II: 496, 497
 Декарт Рене I, 1: 71, 152; VI: 403, 405
 Декомб, член продовольственной администрации VI: 377
 Делакура Жан Франсуа (1753—1794), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эр и Луар II: 49; III: 54, 55, 153, 372, 465, 495, 502; IV: 151, 439; V: 19, 85, 89, 278—281, 284, 291, 321, 322, 380, 381, 383, 384, 387, 518, 599, 617, 619, 662, 693
 Делессар Антуан (1742—1792), министр иностранных дел I, 2: 277; II: 102, 103, 146, 172, 199, 203—206, 209—211, 212—219, 222, 223, 230, 231, 349; V: 18, 19, 47
 Делонэ из Анжера (1752—1794), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Мен и Луара II: 314—316, 322; V: 121, 278, 285; VI: 241, 341—345
 Делуш, мэр Брессюира, один из роялистских вожakov III: 118, 119
 Делэ д'Ажье, депутат Учредительного собрания I, 2: 79
 Дельбе Жозеф Франсуа II: 290—292, 299
 Дельен, из секции Гобеленов II: 504

Делькассе Теофиль I, 1: 18
 Дельма Жан Франсуа (1751—1798), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Верхняя Гаронна, член Комитета общественного спасения V: 403; VI: 193
 Дельше (1752—1812), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Верхняя Лаура V: 245, 246, 250; VI: 386, 387
 Демёнье, член директории Парижского департамента в 1791 г. I, 1: 478, 480; I, 2: 28, 330, 331; II: 129
 Демосфен II: 181, 438; IV: 142, 409
 Демулен Камиль I, 1: 160, 182, 183, 329, 394, 438, 482, 485—487; I, 2: 167, 226, 246, 303, 354; II: 52, 53, 85—87, 130, 131, 173, 567; III: 134, 198, 280, 281, 472, 489; IV: 151; V: 17, 35, 88, 106—108, 113, 363, 369, 531, 534, 699; VI: 331—336, 339—341, 364, 365, 379, 381, 424, 427, 429, 444
 Демулен Люсиль, жена предыдущего V: 699; VI: 416, 427
 Депорт, французский уполномоченный в Цвейбрюккене III: 81
 Депремений I, 2: 321
 Дербн Абрагам IV: 301
 Дерулед Поль I, 1: 16
 Детурнель (1746—1794), член Парижской коммуны, министр государственных налогов в июне 1793 г. V: 552, 553, 564, 581, 627, 681; VI: 365
 Дефермон (1752—1831), депутат Конвента от департамента Иль и Вилен I, 1: 477; V: 37, 690, 691
 Дефьё (1755—1794), виноторговец из Бордо, активный деятель Якобинского клуба V: 94—96, 205, 316; VI: 107, 374, 375, 377
 Дефо Даниель IV: 345
 Дефорж, министр иностранных дел VI: 365
 Деций VI: 427
 Дешан Леон I, 1: 87, I, 2: 173
 Деюк, член муниципалитета Жене-вы IV: 259, 402
 Джэй I, 1: 108
 Джеймс, комиссар секции Катр-Насьон III: 73
 Джексон Сэмюэл, из Конституционного общества Манчестера III: 253
 Джефферсон Томас V: 92, 96; VI: 339
 Джонс Уильям (1746—1794), английский востоковед IV: 173
 Джонстон Уильям I, 1: 89
 Дзелада, кардинал II: 152, 281
 Дидо, типограф V: 569
 Дидона, легендарная основательница Карфагена V: 505
 Дидро Дени (1713—1784), французский просветитель I, 2: 141, 376, 378; III: 302; IV: 9, 251; VI: 62, 69, 79, 108
 Дизраэли Бенджамин, лорд Биконсфилд I, 1: 11
 Дийон Артур, граф де (1750—1794), член Учредительного собрания, генерал-лейтенант в армии Севера, затем армии Центра V: 533; VI: 416
 Дитрих, мэр Страсбурга II: 567; IV: 145; VI: 325
 Добан (1820—1876), хранитель Национальной библиотеки, автор многочисленных трудов, посвященных Французской революции V: 615; VI: 155
 Добантон Луи Жан Мари (1716—1800), знаменитый натуралист I, 1: 252, 253
 Добсан (1743—?), адвокат, председатель Революционного трибунала после падения Робеспьера V: 570, 571, 578, 595, 607, 625, 627—631, 640, 641, 644, 669, 679
 Доден, г-жа II: 225; III: 527
 Доливье Пьер, аббат, кюре Моша-

- на, идеолог бедноты II: 390—393, 401; III: 172, 173, 396, 397; IV: 226—228, 243, 245, 488, 489; VI: 80, 81, 223—225, 227, 229, 231—238
- Домманже М., историк VI: 93, 95, 99, 163
- Дониоль II: 8
- Донмартен — см. Гогела
- Дону Пьер Клод Франсуа (1761—1840), член конгрегации ораторианцев, депутат Конвента V: 86—88; VI: 144
- Дорво, прокурор Нантской коммуны в 1791—1792 гг. I, 2: 23
- Дорлиак, депутат Законодательного собрания от департамента Верхняя Гаронна II: 11, 37—41
- Дорнье, депутат Конвента от департамента Верхняя Сона II: 377, 378, 380
- Дорш (1758—1819), профессор философии в Майнце IV: 184, 185, 195
- Доши, депутат Учредительного собрания I, 2: 355
- Драконг, древнейший афинский законодатель V: 420, 421
- Дрё-Брезе, маркиз де I, 1: 322, 324, 328; I, 2: 298
- Дрейфус VI: 167, 447
- Дрион, неprisягнувший священник, один из «фурий Машкуля» V: 357, 388, 389
- Друэ Жан Батист (1763—1824), начальник почты в Сент-Менеульде, депутат Конвента от департамента Марна I, 2: 331; V: 92, 93, 677; VI: 260
- Дрюмон Эдуар I, 2: 42, 43
- Дульсе де Понтекулан — см. Понтекулан
- Дэнкомб, член палаты общин IV: 443
- Дюбай, заместитель председателя второй секции уголовного суда Парижа III: 488
- Дюбайе, депутат Законодательного собрания III: 15
- Дюбарри Жанна, фаворитка Людовика XV III: 514
- Дюбрейль (Дюбрей) Леон I, 2: 124; III: 467
- Дюбуа I, 2: 174
- Дюбуа-Дюбе, депутат Конвента от департамента Кальвадос V: 127
- Дюбуа-Крансе Эдмон Луи (1747—1814), депутат Учредительного собрания, затем бригадный генерал, депутат Конвента от департамента Арденны I, 1: 454; I, 2: 158, 159; II: 451; III: 45, 47; V: 14, 15, 40, 156, 157, 160, 163—166, 171—173, 175, 335; VI: 253
- Дюбуа де Фоссе, секретарь Арасской академии I, 1: 179, VI: 84, 90, 95
- Дюбуше (1737—1825), депутат Конвента от департамента Рона и Луара V: 247
- Дюбюиссон, член Якобинского клуба V: 390, 391, 405; VI: 377
- Дюбюк-отец, генеральный интендант колониального ведомства II: 265, 266
- Дюбюк, сын предыдущего II: 265
- Дюбюск, депутат Конвента от департамента Эр III: 122; V: 71
- Дюваль, братья, парижские негодянты II: 300
- Дюваль, хозяин стекольной фабрики III: 391, 393
- Дюваль, брат предыдущего, хозяин металлургического завода, депутат Законодательного собрания от департамента Луар и Шер III: 393
- Дюваль Шарль (1750—1829), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Иль и Вилен V: 598, 706, 707
- Дюверье, заместитель депутата от Парижа в 1789 г. III: 22, 23
- Дюгомье — см. Кокий-Дюгомье
- Дюкастель, адвокат, депутат Законодательного собрания от депар-

- тамента Нижняя Сена II: 110, 111, 114, 252, 253
- Дюкенуа, депутат Законодательного собрания от департамента Падде-Кале, депутат Конвента VI: 282, 283
- Дюкенуа, брат предыдущего, генерал Северной армии VI: 282, 283
- Дюкло, активист секции Кенз-Вен II: 504
- Дюко Жан Франсуа (1765—1793), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда II: 261, 277, 288, 293, 295—298, 303; III: 105, 142; V: 20, 21, 53, 103, 388, 399, 464, 516, 517, 589, 597, 687, 609; VI: 10, 11, 20, 34, 65
- Дюкостель, участник штурма Бастилии I, 1: 342
- Дюкроке, комиссар по борьбе со спекуляцией секции Марата VI: 377
- Дюло, архиепископ Арльский I, 1: 384
- Дюлор, полковник штаба I, 2: 333
- Дюлор Жак Антуан (1755—1835), литератор, депутат Конвента от департамента Пюи-де-Дом V: 336, 337, 598, 636
- Дюма Матё (1753—1832), депутат Законодательного собрания от департамента Сена и Уаза II: 182, 274, 279, 529; III: 15; V: 714, 715
- Дюмолар Жозеф Венсен, депутат Законодательного собрания от департамента Изер II: 48, 49; III: 153
- Дюмон, пастор IV: 262, 263
- Дюмурье Шарль Франсуа (1739—1823) II: 171, 222—230, 233, 234, 238, 458, 460, 488—490, 494, 496—499, 513, 540, 615, 616; III: 64, 68, 87, 165, 198—201, 204, 206—210, 224—237, 239—243, 246, 251, 363, 373, 461, 474—476, 483, 526; IV: 151, 154, 167, 193, 201, 203, 419—421, 439; V: 33, 36, 88—99, 110, 114, 146—148, 152—153, 201, 254, 255, 268—276, 279, 281—284, 289—299, 312, 316, 321—325, 329—334, 342—347, 366, 373—377, 379—384, 386, 387, 389, 391—395, 397, 400, 402, 406, 426, 249, 435, 439, 468, 473, 493, 494, 509, 511, 517, 532, 534, 535, 547, 560, 563, 631, 632, 660, 662, 703, 713, 729, 734, 735, 737; VI: 37, 129, 163, 186, 193, 194, 265, 272, 333, 375
- Дю Мутье (или Дю-Мустье), граф II: 587; III: 207
- Дюнуи, член Комитета одиннадцати V: 655
- Дюпен де Франкей I, 1: 74, 75
- Дюпле Элизабет, жена Леба III: 519
- Дюпле, столяр, в доме которого жил Робеспьер V: 698; VI: 351, 444
- Дюпле Элеонора, дочь предыдущего V: 698
- Дюплекс, член Коммуны III: 513
- Дюплен, член Наблюдательного комитета Парижской коммуны 10 августа III: 95
- Дюпон Жакоб (1755—1823), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эндр и Луара VI: 10—12, 15—17, 20, 34
- Дюпон де Немур Самюэль, депутат Учредительного собрания I, 1: 51, 63, 156, 157, 181—183, 224, 266, 288, 489; I, 2: 32, 337; III: 20, 21
- Дюпор Адриан, депутат Учредительного собрания I, 1: 368, 369, 377, 382, 423, 451, 475, 477; I, 2: 166, 317, 360, 361; II: 53, 93, 94, 128, 129, 152, 153, 174, 175, 199, 210, 212, 221, 231, 539, 619; III: 19—21, 103, 215
- Дюпор-Дютертр, министр юстиции I, 2: 277, 288, 329; II: 98, 117, 230
- Дюпортай, военный министр в 1790—1791 гг. I, 2: 277; II: 102, 103, 146, 231
- Дюпра, мэр Авиньона, депутат Кон-

- вента от департамента Буш-дю-Рон III: 133, 142, 143, 159; V: 687
- Дюпюи, прокурор-синдик лионского муниципалитета в 1790 г. I, 2: 14, 15, 17
- Дюран де Майан (1729—1814), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Буш-дю-Рон III: 131, 133; V: 54, 55; VI: 8—14, 16, 17, 20
- Дюрантон, адвокат, министр юстиции в 1792 г. II: 511, 536
- Дюрас де I, 2: 305
- Дюрер Альбрехт, художник IV: 113
- Дюруа, депутат Конвента от департамента Эр III: 122, 394, 395; V: 71
- Дюруэ, банкир III: 353
- Дюрфор де Дюра, генерал национальной гвардии Бордо I, 2: 7
- Дюсо Жан Жозеф (1728—1799), литератор, член Парижской коммуны в 1789 г., депутат Конвента от Парижа III: 76, 77, 135, V: 124, 684, 685, 689, 690
- Дютар, полицейский, осведомитель при министре внутренних дел Гара III: 488, 489; V: 428, 441—443, 447—449, 454, 455, 471, 484, 485, 528, 529, 531, 534, 543, 547, 556—559, 562, 566—568, 570, 577, 580, 581, 592, 672; VI: 181
- Дютру-Борнье (1741—1816), депутат Конвента от департамента Вьенна V: 706, 707
- Дюфеньё, депутат Законодательного собрания от департамента Ло II: 378
- Дюфрен де Сен-Леон, директор ликвидационной службы II: 308
- Дюфренуа, офицер линейных войск, участник подавления антифеодальных восстаний в дистрикте Немур II: 19
- Дюфриш-Валазе Шарль (1751—1793), депутат Конвента от департамента Орн, жирондист III: 346, 347, 352, 353, 356, 456; V: 20, 398, 399, 410, 411, 538, 539, 647, 677, 687, 690, 695, 706
- Дюфур, член Парижской коммуны III: 169—173, 185, 394
- Дюфур (1758—1820), генерал V: 169
- Дюфур Жак, землемер в Пон-де-Во VI: 200, 201
- Дюфурни (1739—1795?), главный инженер города Парижа, председатель дирекции Парижского департамента V: 603—605, 607, 608; VI: 366, 367
- Дюшатель (1766—1793), землевладелец, депутат Конвента от департамента Дё-Севр III: 153; V: 123
- Дюшен, папаша — см. Эбер
- Дюэм Пьер Жозеф, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Нор II: 121, 550—552; V: 479
- Екатерина II, императрица России I, 2: 369; II: 62, 69, 70, 73, 107, 196, 197, 481; III: 475; IV: 186, 187, 202, 203; V: 360
- Елизавета, принцесса, сестра Людовика XVI II: 67; VI: 267, 284, 285, 337
- Елизавета, королева Англии (1558—1603), IV: 297—299, 203, 310, 311, 314, 446, 447
- Ефραίим, агент короля Пруссии I, 1: 396; I, 2: 285
- Жавог (1759—1796), депутат Конвента от департамента Рона и Лаура III: 143; V: 252, 253
- Жаго, депутат Конвента V: 493
- Жайо I, 1: 163, 165—167
- Жакле, национальный агент VI: 290
- Жакэн, член лионского муниципалитета I, 2: 14
- Жалле I, 1: 317
- Жан Бон Сент-Андре Андре (1749—1813), депутат Конвента от департамента Ло, член Комитета общественного спасения III: 120,

- 121, 139, 294; V: 18, 19, 73, 94, 96, 281, 316, 335, 497, 498, 500, 677, 687, 689; VI: 197, 267, 279—281, 299, 302, 400, 425, 440, 442, 472
- Жанна д'Арк I, 1: 150; III: 232
- Жан-Поль, псевдоним Иоганна Пауля Рихтера
- Жансонне Арман (1758—1793), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жиронда I, 2: 7, 8; II: 57, 178, 225, 227, 258, 269, 273, 274, 517, 518, 541, 546, 547; III: 20, 21, 104, 105, 143, 253, 461; V: 19, 47, 51, 63, 90, 91, 103, 109, 122, 125, 286, 321—323, 332, 333, 364, 365, 380, 403, 410, 411, 416, 524, 532, 540, 657, 684, 686; VI: 218, 259, 268
- Жарант, епископ Орлеанский I, 2: 252
- Жарже де V: 400
- Жар-Панвийе (1757—1822), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Дё-Севр V: 168, 169
- Же де Сент-Фуа, депутат Конвента III: 143
- Жевр, герцог де I, 1: 278
- Жене, из секции Гобеленов II: 504
- Жерар Мишель, депутат Учредительного собрания от Реннского сенешальства, землепашец, прообраз героя альманаха папаша Жерара III: 45, 47; V: 537
- Жердре, поставщик армии III: 365, 392, 393
- Жерль, бенедиктинец-монах I, 2: 146, 147; VI: 436, 437
- Жермен-Мартен I, 2: 382
- Жилли, избранник выборщиков мятежного Марсея в Конвент в Бурже V: 209
- Жилибер (1741—1814), врач, известный натуралист, мэр Лиона
- в 1793 г. сторонник умеренных V: 246, 247, 458, 459
- Жире-Дюпре Жозеф Мари (1769—1793), помощник хранителя рукописей в Национальной библиотеке, сотрудник газеты Бриссо «Патриот франсэ» II: 157, 477; III: 49; V: 650, 651
- Жирмен-Гарнье, член дирекции Парижского департамента в 1791 г. II: 129
- Жиро Ш., аббат I, 2: 93
- Жоли де, министр юстиции в 1792 г. I, 1: 478; II: 537;
- Жоли, один из первых вожаков мятежа в Вандее V: 350, 352, 360
- Жомм Монтаньи Луи, глава дирекции департамента Жиронда I, 2: 8
- Жорес, буржуа из Кастра VI: 208
- Жорже, участник штурма Бастилии I, 1: 342
- Жоссюэн (1758—1830), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Нор V: 386, 387
- Жуан-Лоншан, депутат Конвента от департамента Кальвадос V: 126, 127
- Жуанс, промышленник из Бордо I, 1: 88
- Журдан, по прозвищу Головорез II: 55, 496, 497
- Журдан Жан Батист (1762—1833), бригадный генерал в 1793 г., главнокомандующий Арденнской армии VI: 271, 282, 437
- Журдэй, член Наблюдательного комитета Парижской коммуны III: 95
- Жюллиан Камиль I, 1: 89—91; I, 2: 7
- Жюллиани Ж. I, 1: 98, 173
- Жюльен Жан из Тулузы (1750—1828), депутат Конвента от департамента Верхняя Гаронна V: 522—525; VI: 342, 343

- Жюльен Марк Антуан из Парижа (1775—1836), журналист, якобинец, военный комиссар VI: 326
 Жюссье Антуан Лоран I, 2: 27
- Зайферт, саксонец, врач, член Комитета германцев-федератов V: 94, 95
- Зибель Г., фон (1817—1895), немецкий историк I, 2: 216, 370; II: 99, 101; V: 697, 734
- Зиви VI: 100
- Изабо Клод Александр, депутат Конвента от департамента Эндр и Луара I, 2: 9; V: 491, 493
- Изоре, депутат Конвента от департамента Уаза III: 355, 369, 376, 377
- Иисус Христос I, 2: 142, 151, 271; VI: 178, 183, 184, 306, 309, 310, 428
- Иснар (Инар) Анри Максимен, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Вар II: 56, 57, 79, 80, 119—121, 140, 142—144, 167, 330, 457, 508, 601, 616, 621; V: 176, 177, 332, 341, 398, 399, 403, 560, 561, 575, 579, 580, 587, 591, 604, 655, 657, 658, 689; VI: 184
- Иосиф II, император «Священной Римской империи», австрийский государь I, 1: 53, 432, 434; IV: 21, 23, 46, 52—63, 67, 69, 81, 101, 120, 141, 154, 421, V: 149, 299
- Ипполит Ж., историк IV: 491
- Ишон (1757—1837), настоятель монастыря ора토리анцев Кондона, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Жер VI: 14, 15
- Йоркский, герцог III: 103, 106; V: 369, 371; VI: 270, 271
- Кабанис, парижский негодант II: 300; VI: 413
- Кабаррюс Тереза, подруга Тальена VI: 423
- Кабе Этьенн I, 1: 35; II: 186—188; V: 419
- Каволо, приходский священник из Вандей I, 2: 267, 271
- Казалес Жак де, член Учредительного собрания I, 1: 221, 324, 325, 448, 474, 481; I, 2: 318; V: 111, 714
- Кайассон, депутат Законодательного собрания от департамента Верхняя Гаронна II: 324, 325
- Кайе де Жервиль, министр внутренних дел в 1791 г. II: 146, 147, 230, 315—318
- Калигула I, 2: 337; VI: 332
- Калидаса, индийский поэт V в н.э. IV: 173
- Калон, генерал, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Уаза II: 584; III: 460, 461
- Калонн Шарль Александр де (1734—1802), генеральный контролер финансов Франции I, 1: 250, 298, 306, 449; I, 2: 295, 364; II: 349; III: 363; IV: 347
- Кальве, историк VI: 468
- Кальвин Жан III: 313, 314
- Камбасерес Жан Жак (1753—1824), советник Счетной палаты Монпелье, депутат Конвента от департамента Эро V: 33, 87, 88, 335; VI: 218, 219
- Камбон Пьер Жозеф (1756—1820), негодант, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эро I, 2: 137; II: 117, 276, 277, 307, 309—311, 320, 355, 505, 506, 595, 599; III: 50, 51, 100, 101, 105, 107, 110, 224, 225, 289, 290, 292—294, 296—298, 301, 303, 312, 315—321, 335, 361, 363—365, 373, 375, 388, 464, 531; IV: 149, 151, 153, 154, 159—161; V: 14, 15, 89, 108, 111, 143,

- 145, 149, 154, 201, 263, 264, 306, 309, 406, 597, 599; VI: 100, 103, 189, 246, 253, 296, 297, 344, 439, 440
- Камине, негодант, депутат Законодательного собрания от департамента Рона и Луара II: 327
- Кампан, мадам, лектриса дочерей Людовика XV, а затем первая камеристка Марии Антуанетты II: 529
- Кампардон, историк VI: 470
- Кампе Генрих Иоахим (1746—1818), немецкий педагог IV: 75—78
- Кампоманес Родригес Педро (1723—1803), испанский государственный деятель, один из видных проводников политики «просвещенного абсолютизма» в Испании IV: 495
- Камю Арман Гастон (1740—1804), депутат Учредительного собрания, а затем Конвента от департамента Верхняя Луара I, 1: 152, 153; I, 2: 126, 127, 147, 149; II: 55; III: 372, 373, 441; IV: 439; V: 85, 89, 375, 377, 384—387; VI: 14, 15
- Канма III: 379
- Кант Иммануил (1724—1804) IV: 10, 11, 97—111, 115, 120, 121, 144, 164, 165, 172; V: 10
- Кантэн, член муниципалитета Нанта I, 2: 23
- Каньяр, делегат сельских коммун округа Лаонне в Законодательном собрании (16 августа 1792 г.) II: 605
- Каппи, полицейский чиновник III: 20
- Караман, виконт де III: 33, 229
- Карл I, король Англии V: 31, 48, 75, 107, 532
- Карл II, король Англии II: 178; IV: 283; V: 75
- Карл II Злой, король Наварры I, 1: 149
- Карл IV, король Испании II: 67, 69; V: 105
- Карл V, король Испании, император «Священной Римской империи» IV: 20
- Карл VI, король Франции I, 1: 150
- Карл IX, король Франции III: 281; V: 535
- Карл-Август (1775—1803), герцог Веймарский IV: 13, 213
- Карл Великий VI: 66
- Карл-Евгений (1744—1793), герцог Вюртембергский IV: 141—143
- Карл Фридрих фон Эрталь — см. Эрталь Карл Фридрих
- Карл Эдуард, внук Якова II I, 2: 45
- Кармайкл Уильям, поверенный в делах США в Испании V: 195
- Карно Лазар (1753—1823), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Падде-Кале, член Комитета общественного спасения II: 582, 583, 615; V: 149, 150, 162, 171, 312; VI: 189, 267—269, 271, 279—282, 365, 396, 425, 436, 472
- Карно де Фелеп, брат Лазара Карно II: 583; VI: 365
- Каролина, королева Неаполя, сестра Марии Антуанетты V: 140
- Карон П., историк II: 11, 15, 17; III: 61, 71, 73, 75, 91, 95, 97, 157, 520—524
- Карра Жан Луи (1742—1793), депутат Конвента от департамента Сона и Луара I, 1: 338, 339; I, 2: 382; II: 163, 567, 568, 581, 592; III: 68, 69, 78, 79, 81, 83—89, 122, 125, 127, 166, 178, 179, 231, 293, 372, 373, 469, 499; V: 103, 204, 205, 238, 239, 371, 522—524, 595; VI: 101
- Карре, член муниципалитета Лиона в 1790 г. I, 2: 14
- Каррье Жан Батист (1756—1794), прокурор, депутат Конвента от департамента Канталь, комиссар

Конвента в Нанте в 1793 г. I, 2: 12, 13; V: 316, 317; VI: 314, 317, 324, 326, 351, 363, 364, 372, 422, 430, 434

Карто (1751—1813), генерал VI: 268, 269

Картрайт Э. I, 1: 108

Кастеллан, граф де, член Учредительного собрания I, 1: 311

Кастри Шарль, маркиз де, морской министр II: 265

Катер, бордосский арматор I, 1: 89

Кателино Жак, по прозвищу Анжуйский святой (1759—1793), один из главарей вандейских мятежников V: 348, 349; VI: 208, 209

Катилина (Сергий Катилина) II: 108; III: 493, 494, 501; IV: 174; V: 318, 489, 518, 525, 532

Катон Марк Порций, прозванный Утическим (95—46 гг. до н.э.) III: 501; IV: 49; V: 76, 489; VI: 338

Кауниц Венцель Антон, князь фон (1711—1794), австрийский государственный деятель II: 70, 172, 198, 199, 206, 210, 212, 213, 219, 229, 233, 234; III: 84; V: 95; VI: 375

Каупер (Купер) Уильям (1731—1800), английский поэт IV: 387, 389, 392

Каутский Карл IV: 65; VI: 58, 59

Кафарелли дю Фальга Максимильен, генерал II: 615

Кекропс, первый царь Аттики, легендарный основатель Афин V: 537

Келлерман Франсуа Кристоф (1735—1820), генерал II: 615; III: 196, 197, 203, 208—210, 225, 233, 239; V: 29, 275

Кенэ Франсуа I, 1: 154, 157

Кеплер Иоганн (1571—1630), знаменитый немецкий астроном I, 1: 38; IV: 98

Керальо (1731—1793), командир батальона парижской национальной гвардии, член Академии надписей

и изящной словесности III: 185, 187, 188; VI: 101

Кервеган, мэр Нанта в 1791 г. I, 2: 23

Кервелеган Огюст Бернар Франсуа (1748—1823), депутат Конвента от департамента Финистер V: 128, 540, 541; VI: 203, 204

Кёр Жак I, 1: 96

Кернер Георг, друг Шиллера IV: 134, 135, 142, 143, 145

Керсен Арман (1742—1793), морской офицер, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Сена и Уаза II: 615; III: 134, 135, 265, 447, 467; IV: 427—431; V: 19, 320

Кетино (1757—1794), генерал, командовал в Вандее Брессюирской дивизией V: 350, 351, 435, 436

Кетино Катрин VI: 377

Кине Эдгар (1803—1875), политический деятель, историк, писатель I, 1: 330, 331; I, 2: 147; III: 220, 221, 312—314; IV: 49, 215; V: 55, 134, 135

Кинет де Рошмон Никола (1762—1821), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эна II: 616; V: 375, 377

Клавье, член муниципалитета Нанта в 1789—1793 гг. I, 2: 23

Клавьер Этьенн (1735—1793), банкир, член Временного Исполнительного совета, министр государственных налогов после 10 августа 1792 г. I, 1: 86, 87, 112, 207; II: 167, 222, 223, 308—310, 318, 322, 481, 485, 486, 488—491, 601; III: 91, 523; IV: 255—257, 262, 263, V: 95, 254, 421, 593, 595, 657, 674, 675, 695

Клайв Роберт (1725—1774), лорд, деятель английской колониальной администрации в Индии IV: 19

Клебер Жан Батист (1753—1800), бригадный генерал в армии Побе-

режья Ла-Рошели в 1793 г. VI: 270, 271, 282, 437

Клеман, конституционный епископ Версаля IV: 494

Клеманс, член Комитета девяти и Комитета одиннадцати V: 655

Клемансо Жорж I, 1: 11, 16, 24

Клермон-Тоннер, граф де, член Учредительного собрания I, 1: 333

Клермонский, епископ — см. Бонналь

Клерфе, австрийский генерал III: 87, 205; V: 276, 316; VI: 271

Клодий Пульхерий Публий (? — 52 г. до н.э.), римский политический деятель, враг Цицерона V: 75, 77

Клоотс Жан Батист (Анахарсис) (1755—1794), барон, депутат Конвента от департамента Уаза II: 157; III: 180—182, 184, 185, 313; V: 94, 95; VI: 60—62, 65, 68—79, 130, 300, 302, 318—322, 331, 335, 337, 339, 340, 374—377

Клопшток Фридрих Готлиб (1724—1803), немецкий поэт II: 425; IV: 9, 49—53, 60, 63, 66, 67, 77, 113, 129—133, 135

Кобб Р., историк VI: 466

Коббет Уильям (1762—1835), английский историк и публицист, радикал IV: 382, 383

Кобден Ричард (1804—1865), английский политический деятель, идеолог промышленной буржуазии IV: 335

Кобенцль Людвиг (1753—1809), граф, австрийский дипломат и государственный деятель V: 276

Кобургский, герцог (Фридрих) (1737—1815), главнокомандующий контрреволюционными армиями антифранцузской коалиции V: 274, 278, 279, 375, 423, 428, 429, 517; VI: 167, 271, 365

Кок, голландский банкир VI: 375, 377

Кокий-Дюгомье, делегат города Сен-Пьер (с Мартиники) в Законодательном собрании в декабре 1791 г. II: 264, 265

Кола ди Риенцо (1313—1354), итальянский политический деятель, народный трибун Римской республики 1347 г. V: 564

Колло д'Эрбуа Жан Мари (1750—1796), депутат Конвента от Парижа, член Комитета общественного спасения III: 134, 137, 220, 473; V: 264, 335, 492, 493, 537; VI: 170, 173—175, 180, 181, 239, 267, 279, 314, 317, 324, 347, 348, 351, 358, 361, 368, 372, 379, 396, 422, 423, 425, 428, 431, 433, 434, 436, 437, 440, 442

Колридж Самюэл Тейлор (1772—1834), английский поэт IV: 388, 389, 396, 401

Кольбер Жан Батист (1619—1683), министр Людовика XIV I, 1: 90, 155, 166; IV: 38

Коммод, римский император IV: 468

Конде Луи Жозеф де Бурбон (1736—1818), принц I, 1: 431, 434; I, 2: 277, 283, 291, 296, 297; II: 135; III: 504; IV: 190; V: 401

Кондильяк Этьенн Бонно де, философ III: 511

Кондорсе Жан Антуан, маркиз де (1743—1794), философ-просветитель, экономист, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эна I, 1: 390, 441, 445; I, 2: 24, 25, 68, 69, 175, 337, 342—345, 348, 356, 376, 382; II: 147, 159—161, 167, 186, 187, 214, 215, 235—237, 245, 325, 408—411, 414, 428—432, 435—437, 439—449, 589; III: 81—83, 91, 96, 125—127, 133, 153, 178, 180, 185, 263, 265, 278, 302, 303, 308, 314, 334, 357, 381—383, 439, 441, 445, 461, 471, 499, 500; IV: 43, 49, 160, 351, 437, 451; V: 102, 103,

- 119, 121, 142, 147, 187, 188, 191, 197, 200, 278, 284, 285, 319, 331, 369, 395, 619, 638, 700, 702; VI: 8—10, 15, 17, 19, 20, 34—36, 123, 144, 145, 147, 252, 385, 402, 403, 405, 407—415, 420, 426
- Констан Бенжамен (1767—1830), политический деятель, публицист и писатель IV: 449
- Конт Изидор Огюст, философ, основатель школы позитивистов I, 2: 138, 139; III: 276
- Конти, принц де I, 1: 431; V: 509
- Конурй Даниел IV: 382, 383
- Коперник VI: 77
- Корде Шарлотта (1768—1793), французская контрреволюционерка, убийца Марата IV: 145; V: 407; VI: 205, 207, 427
- Корнель Пьер I, 1: 483; VI: 205
- Корнуоллис Чарлз, лорд II: 62
- Королле, депутат Учредительного собрания от сенешальства Эннебон III: 45
- Корреджо (Антонио Аллегри) (1489—1534), итальянский художник IV: 43
- Кортней IV: 421
- Коттен, историк I, 2: 121
- Коттеро Жан, по прозвищу Жан Шуан, один из роялистских главарей III: 274, 275
- Кох, депутат Законодательного собрания от департамента Верхний Рейн II: 107, 133, 138
- Красс Марк Лициний (115—53 гг. до н.э.) VI: 121, 131
- Крассу, делегат Мартиники, посланный в Законодательное собрание, депутат Конвента II: 264, 265
- Крэзе-Латуш Жан Антуан (1749—1800), депутат Генеральных штатов от третьего сословия, а затем Конвента от департамента Вьенна III: 342, 343, 353, 354, 356, 362; V: 706, 707
- Крепьер, член Учредительного собрания I, 1: 450, 451
- Кретэн, депутат Законодательного собрания от департамента Верхняя Сона II: 328, 329
- Креспен, из секции Гравилье, член Комитета одиннадцати V: 655
- Критий (460—403 гг. до н.э.), один из «тридцати тиранов» Афин V: 75, 77
- Кромвель Оливер (1599—1658), деятель Английской буржуазной революции XVII в., лорд-протектор Англии с 1653 г. I, 2: 336, 337, 342; II: 178, 198; III: 506; IV: 273, 346, 348; V: 48; VI: 370, 371, 442, 444
- Кронье, из секции Марсея VI: 206
- Кропоткин П. А. II: 15, 369
- Кроче Бенедетто (1866—1952), итальянский буржуазный философ и политический деятель, историк IV: 37
- Круазе Альфред II: 437
- Крузе М. I, 1: 41
- Ксеркс, древнеперсидский царь (486—465 до н.э.) VI: 121
- Кузэн Жак Антуан Жозеф (1739—1800), профессор математики в Эколь милитер и в Королевском коллеже, член Академии Наук, администратор по продовольственной части с 1791 г. III: 49; V: 459
- Кук Джемс (1728—1779), английский мореплаватель IV: 168, 169, 195
- Купе Ж. М. из Уазы (1737—1809), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента VI: 90, 91, 93, 97, 100, 137, 170, 171, 191, 229, 235, 263
- Курнан, аббат VI: 87
- Курпон, офицер национальной гвардии Бордо I, 2: 7
- Куртуа Александр, общественный обвинитель при военном трибунале Рейнской армии III: 297, 299

- Кусенс Джон, секретарь Общества революции Норвича III: 253
- Куси де, епископ Ла-Рошели I, 2: 263
- Кусто, по прозвищу Миньон, комиссар Парижской коммуны III: 81
- Кутон Жорж Огюст (1755—1794), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Пюи-де-Дом, член Комитета общественного спасения II: 29—34, 55, 111, 112, 182, 511; III: 461, 462, 466, 467, 472, 518; V: 539, 652, 653, 695; VI: 197, 267—269, 279, 315, 316, 324, 347, 351, 396, 425, 431, 434, 443—445
- Кутюрье, кюре из Санлиса I, 2: 254
- Кювилль, комиссар Коммуны в феврале 1793 г. V: 221
- Кюнел Этьенн, депутат Законодательного собрания от департамента Мёрт II: 377
- Кюниье Луи Себастьян, участник штурма Бастилии I, 1: 342
- Кюрни, член администрации Парижского департамента III: 22, 25
- Кюссе Жак (1759—1796), депутат Конвента от департамента Рона и Луара III: 143; V: 247, 250—253; VI: 127
- Кюстин Адам Филипп, граф де (1740—1793), бригадный генерал, с 15 мая 1793 г. — главнокомандующий Северной и Арденнской армий III: 243, 246—251, 476, 477; IV: 116, 125, 150, 151, 165, 167, 188, 189, 191, 192, 194, 201, 203, 205—207, 441; V: 279, 558, 559, 601; VI: 192—194, 197, 270, 280, 281, 384
- Кютти, издатель в Лионе III: 398, 408
- Лаборд, член Учредительного собрания I, 2: 225; II: 301
- Лаборд Жан Жозеф (1724—1794), финансист IV: 360, 361; V: 536, 537
- Лабрус Эрнест Камиль I, 1: 190, 191, 193, 213—215, 253, 459, 460; VI: 450
- Ла Бурдоннэ, генерал IV: 193
- Лабуро, осведомитель VI: 377
- Лавалетт, генерал VI: 191
- Лависс Эрнест I, 1: 41, 42; I, 2: 23, 125
- Лаво Жан Шарль (1749—1827), редактор «Журналь де ла Монтань» V: 677; VI: 211, 426, 427
- Лавуазье Антуан Лоран (1743—1794), известный ученый-химик I, 1: 57, 62, 63, 75, 76, 390; I, 2: 54, 68, 70, 71; II: 568; III: 363; V: 183, 593
- Лагасс I, 2: 321
- Ла Галиссоньер I, 2: 321; II: 587
- Лагранж Жозеф Луи, математик, заместитель депутата Конвента от департамента Сена и Уазы III: 265
- Лагрэ, член тайной Директории Центрального комитета федератов II: 567
- Лажар, военный министр в 1792 г. II: 494, 495, 508, 518, 537; III: 22, 23, 365
- Лажар, двоюродный брат предыдущего III: 365
- Лажы (семейство) I, 2: 14
- Лазовский Клод (1752—1793), активист секции Финистер, участник событий 20 июня и 10 августа 1792 г. II: 502—504, 567, 577, 582; V: 341, 456, 457
- Лайя Жан Луи (1761—1833), драматург V: 113
- Лаканаль Жозеф, депутат Конвента от департамента Арьеж III: 265, 267
- Лакло Пьер Шодерло де I, 1: 183; I, 2: 348, 354
- Лакомб-Сен-Мишель (1751—1812), депутат Законодательного собрания, затем Конвента от департа-

- мента Тарн V: 84, 85, 245, 250
 Лакост Эли (1745—1806), депутат Конвента от департамента Дордонь V: 497
 Лакост Жан, барон де, морской министр в 1792 г. II: 223
 Лакост-Мессельер, маркиз де, член Учредительного собрания I, 1: 373; I, 2: 32
 Лакруа-см. Делакруа
 Лакруа Сижисмонд I, 1: 339; I, 2: 387
 Лаланд Жозеф Жером де, директор Обсерватории III: 266, 267
 Лалиган-Морийон, полицейский осведомитель III: 272—274
 Лалли-Толландадь, граф де, член Учредительного собрания I, 1: 356, 387, 388, 469
 Лалли Тома Артюр, барон де Толландадь (1702—1766), французский генерал-губернатор в Индии IV: 19
 Лалуа (1749—1846), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Верхняя Марна VI: 303
 Ла Люзерн, министр военно-морского флота I, 1: 336, 337; I, 2: 276, 277
 Ламарк (Ла Марк), граф де, член Учредительного собрания I, 1: 443; I, 2: 303; II: 98
 Ламарк (1753—1839), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Дордонь II: 368, 369, 371; V: 364, 365, 375, 377
 Ламартин Альфонс (1790—1869), политический деятель, историк, поэт II: 53, 593; V: 85, 88, 108
 Ламбаль Мари Тереза Луиза, принцесса де III: 22, 70, 504
 Ламбер, министр I, 2: 277
 Ламбер, бордоский промышленник I, 1: 88
 Ламбеск Карл, князь (1751—1825) I, 1: 339; VI: 21
 Ламет, братья II: 92, 93, 151—153, 174, 177, 212, 240, 493, 520, 521, 619; III: 15
 Ламет Александр, барон де, член Учредительного собрания I, 1: 88, 243, 373, 451—453, 484; I, 2: 147, 166, 253, 317; II: 53, 93, 94, 128, 175, 199, 210, 277, 450, 451, 520
 Ламет Теодор, граф де, депутат Законодательного собрания I, 1: 451, 452; II: 277; V: 99; VI: 339
 Ламет Шарль, граф де, член Учредительного собрания I, 1: 88, 243, 451—453; I, 2: 166, 276, 317, 353; II: 277; III: 65, 103
 Ламорльер, генерал II: 550
 Ламурет, конституционный епископ, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента II: 535, 536, 538, 545
 Ланган, мадемуазель де, сообщница Ла Руэри III: 272
 Ландрен, член секции Французского Пантеона, секретарь-письмоводитель революционного комитета этой секции V: 477, 616
 Л'Анж (Ланж) Франсуа Жозеф, идеолог бедноты III: 331, 396—404, 406—411, 413—417; IV: 226—228, 243, 245, 458, 459, 488, 489; VI: 80, 81, 108, 223, 237—239
 Ланжевен Луи, нантский промышленник I, 1: 99, 100
 Ланжюинэ Жан Дени, член Учредительного собрания, а затем Конвента от департамента Иль и Виллен III: 365, 485; V: 68, 101, 127, 363, 364, 410, 411, 536, 537, 593, 612, 613, 695; VI: 106—108
 Лантена Франсуа Ксавье (1754—1799), врач, депутат Конвента от департамента Рона и Луара, жирондист II: 225; III: 193, 448, 449, 514, 516; V: 410, 411, 684, 690, 691
 Лану Рене Жозеф (1731—1795), бригадный генерал V: 283, 290, 291

- Лапалю, революционный комиссар VI: 349
 Лапланш Жак Леонар (1755—1817), депутат Конвента от департамента Ньевр V: 492, 493
 Лаплас Пьер Симон I, 1: 70, 152
 Лапоннера II: 186, 188, 189
 Лапорт, интендант гражданского листа I, 2: 329; II: 225, 587; III: 22, 23
 Лапьерр, полковник штаба парижской национальной гвардии III: 22, 25
 Ларевельер-Лепо Луи Мари (1753—1824), депутат Конвента от департамента Мен и Луара, член Исполнительной дирекции в IV г. III: 262, 263; V: 328, 329, 351, 700
 Ла Рени, участник штурма Бастилии I, 1: 342; III: 22
 Ла Рош дю Мен III: 22, 23
 Ларошжаклен Анри (1772—1794), роялист, один из вожаков мятежа в Вандее V: 350, 351; VI: 209, 271
 Ларошфуко д'Анвиль, герцог де, член Учредительного собрания, затем глава Парижского департамента II: 129; IV: 54, 55, 130, 133, 259
 Ларошфуко Лианкур, герцог де, член Учредительного собрания I, 1: 243, 251, 311; I, 2: 73, 77, 185, 232, 233, 337; IV: 361
 Ларошфуко, кардинал де, член Учредительного собрания I, 1: 321, 378; I, 2: 264; IV: 361
 Ла Руэри А. Ш. Тюффен, маркиз де I, 1: 245; III: 197, 198, 272—274; V: 347, 349
 Ласепед Бернар Жермен Этьенн I, 2: 27
 Лас-Касас Бартоломе (1474—1566), испанский гуманист, историк и публицист IV: 171
 Лассаль Фердинанд I, 1: 108, 109, 129; II: 390; IV: 147, 320, 322
 Ласурс Марк Давид (1763—1793), протестантский священник, депу-
- тат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Тарн II: 462, 463, 491; III: 78, 95, 105, 107, 142, 143, 439, 441, 450, 487, 529; V: 383, 391, 393, 394, 396, 403, 410—412, 502, 633, 679, 695; VI: 268, 297
 Латур-Мобур, комиссар, посланный в Варенн I, 2: 332
 Латур дю Пен, граф де, министр I, 2: 276, 277
 Латуш-Шевтель, врач III: 197, 198, 273, 274
 Лаутон Абрахам I, 1: 89
 Лафайет Мари Жозеф, маркиз де (Мотье) (1757—1834) I, 1: 243, 245, 311, 321, 322, 348, 357, 388, 392, 394, 412, 420, 421, 427, 428, 443, 447; I, 2: 163, 164, 166, 168, 169, 195—197, 278, 279, 286, 287, 289, 290, 304—307, 321, 322, 324—327, 337, 352, 353; II: 52, 53, 93, 103, 147, 148, 151, 153, 154, 171, 173, 214, 215, 221, 227, 238, 395, 461—463, 469, 476, 493, 494, 496—501, 503, 509, 515—520, 529, 538—541, 550, 576, 577, 584, 588, 615—617, 619, 620; III: 15, 17, 40, 41, 44, 45, 59, 90, 91, 93, 122, 192, 198, 215, 233, 238, 243, 441, 442; IV: 131, 379; V: 46, 272, 296, 332, 340, 368, 455, 457, 660, 714
 Ла Фёйад, маркиз де I, 1: 165
 Лафон-Савин, епископ Вивье I, 2: 252
 Лаффон-Ладеба, член дирекции департамента Жиронда в 1790 г., депутат Законодательного собрания от этого департамента II: 329
 Лашапель, из секции Кенз-Вен II: 504
 Лашез, иезуит, духовник Людовика XIV II: 522, 533
 Леарди Пьер (1758—1793), депутат Конвента от департамента Морбиан III: 327; V: 204, 205, 411, 684, 695
 Леба Жозеф (1765—1794), депутат

- Конвента от департамента Па-де-Кале, друг Робеспьера III: 151, 446, 447, 449, 518, 519; V: 135, 171; VI: 443, 444
- Лебон, из секции Кенз-Вен II: 504
- Лебон Жозеф, депутат Конвента от департамента Па-де-Кале VI: 419
- Лебрэн, негодник из Монпелье, поставщик армий III: 365
- Лебрэн Пьер Мари (1754—1793), он же Лебрэн-Тондю, член Временного Исполнительного совета, министр иностранных дел после 10 августа 1792 г. II: 602, 603; III: 81, 227, 523; IV: 426, 427, 431; V: 95, 96, 105, 542, 543, 593, 595, 657, 674, 675, 695
- Лебретон, член Генерального совета Парижской коммуны в июне 1792 г. II: 504
- Лебурсье, из секции Единения, член Комитета девяти V: 655
- Левассёр из Сарты Рене (1747—1834), депутат Конвента от департамента Сарта, монтаньяр V: 93, 339, 385—387, 394, 396, 403, 413, 415, 579, 588, 640, 645, 659, 670, 688, 689, 692, 711, 713; VI: 102, 150—153, 329
- Левассёр из Мёрта (1746—1826), депутат Конвента от департамента Мёрт V: 500, 501
- Ле Венёр, генерал V: 615
- Леви-Шнейдер Л., историк III: 120, 121; VI: 472
- Леган де Керангаль, член Учредительного собрания I, 1: 364, 365
- Легион, комиссар секции Нотр-Дам в сентябре 1792 г. III: 73
- Легран, член Учредительного собрания I, 1: 320, 321, 474
- Легри, участник штурма Бастилии I, 1: 342
- Лежандр Луи (1752—1797), депутат Конвента от Парижа II: 146, 147, 502, 503; III: 135; V: 110, 111, 258, 259, 530, 531, 540, 566, 601, 622; VI: 170, 171
- Лежен, из секции Кенз-Вен II: 504
- Лежэ Ф. I, 2: 89, 91—93, 120
- Лезардьер, барон де I, 1: 434, 435
- Лейбниц Готфрид Вильгельм II: 426; IV: 43, 113
- Лекамю (или Камю), комиссар секции Май в сентябре 1792 г. III: 111, 113
- Лекарпантье Ж. I, 2: 121, 386
- Лекинью (1755—1814), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Морбиан II: 352, 353, 359, 399—401; III: 346, 347, 355, 423—425; V: 73; VI: 10, 11
- Леклер, священник, член Учредительного собрания I, 2: 254
- Леклер де Жюинье, архиепископ Парижский I, 1: 321
- Леклерк Теофиль (из Оза) (1771—?), один из руководителей т.н. «бешеных», член Клуба кордельеров V: 261, 527, 622, 623, 682; VI: 170, 177, 182, 192, 193, 253, 287
- Лекульё, банкир II: 301
- Леуэнтр, гражданка V: 592
- Леуэнтр Лоран, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Сена и Уаза I, 1: 418; II: 491, 517; III: 357, 358, 361, 368
- Леуэнтр-Пюираво (1764—1827), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Дё-Севр III: 388, 389, 393; V: 239
- Лелё, братья, владельцы мельниц в Корбее II: 300, 301
- Лемаллио, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Морбиан II: 605
- Лемарешаль, депутат Законодательного собрания, депутат Конвента от департамента Эр III: 122; V: 71
- Ленге I, 1: 175, 176
- Ленде Робер Жан Батист, депутат

- Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эр, член Комитета общественного спасения I, 1: 184, 185; I, 2: 6, 7; III: 122, 123, 155, 156; V: 27, 71, 315, 596, 597; VI: 197, 267, 279, 391, 396, 425, 436
- Ленде Тома, член Учредительного собрания, а затем Конвента от департамента Эр III: 122; V: 27, 71
- Лендсдаун (1737—1805), лорд, член правительства Питта Старшего, глава министерства иностранных дел в 1782 г. IV: 421, 423; V: 120, 121
- Леноэль-Шере Мария Луиза, участница похода на Версаль в октябре 1789 г. I, 1: 420
- Леньело Жозеф Франсуа (1750—1829), депутат Конвента от Парижа III: 19, 135; VI: 299
- Леон П. I, 1: 137
- Леопольд II, австрийский государь, император «Священной Римской империи» (1790—1792) I, 2: 308, 309, 362, 367, 369, 370; II: 62, 65, 67, 69—71, 79, 135, 138, 143, 151, 153, 163, 174, 182, 184, 185, 191, 192, 194—196, 198, 206, 216, 218, 219, 496, 499, 575; IV: 139, 421
- Лепелетье де Сен-Фаржо Луи Мишель (1760—1793), президент Парижского парламента, депутат Генеральных штатов от дворянства Парижа, депутат Конвента от департамента Йонна I, 2: 15; III: 45, 47, 294, 295; V: 111, 131, 133, 134; 246, 301, 302, 329, 428, 519; VI: 8, 9, 18—20, 23, 24, 27—35, 59, 206, 385
- Лепелетье де Сен-Фаржо Феликс (1767—1834), адъютант князя Ламбеск, брат предыдущего, участник революционного движения VI: 19—21, 34
- Ле Руа, из Алансона, член Якобинского клуба III: 297, 299
- Лесаж Дени Туссен (1758—1796), депутат Конвента от департамента Эр и Луар, жирондист V: 684, 695
- Лескюйе, патриот из Авиньона, убитый 16 октября 1791 г. II: 54, 55
- Лескюр Луи Мари, маркиз де (1766—1793), генерал, один из главарей восстания в Вандее V: 347, 350; VI: 209
- Леспинас, мадемуазель де I, 2: 378
- Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781) IV: 9, 11, 48, 49, 64—66, 90—96, 112, 113, 132, 164, 165
- Лесэн, капитан вооруженных сил секции Бон-Консей V: 692, 693
- Летелье Мишель, пезуит, духовник Людовика XIV II: 522, 523
- Лефевр Жорж, историк I, 1: 25, 29, 42, 65, 193, 197, 199, 201, 208, 298, 302, 303, 305, 309, 323, 351, 357, 443, 457—461; I, 2: 91, 117, 120, 122, 123; II: 171, 351, 547; III: 379, 387; IV: 455; V: 49, 633; VI: 125, 267, 337, 465, 466, 470, 473
- Лефор, член Наблюдательного комитета Парижской коммуны III: 95, 167
- Лефран (1758—1839), адвокат, депутат Конвента от департамента Ланды V: 109
- Лефран де Помпиньян, архиепископ Вьеннский, член Учредительного собрания I, 2: 249
- Ле Шапелье И.Р.Г., член Учредительного собрания I, 1: 312, 313, 315, 333, 339, 451, 512; I, 2: 48, 49, 77, 161, 213, 219, 222—226, 231, 232, 236, 240, 242, 244, 316; II: 19, 400, 590; III: 380; IV: 295, 306, 307
- Ле Шевалье I, 2: 121
- Лешенар, один из руководителей департамента полиции Парижской коммуны V: 487

Лещинский Станислав (1677—1766), польский король V: 457

Либкнехт Карл IV: 47

Лидон (1752—1793), адвокат и промышленник, депутат Конвента от департамента Коррез III: 394, 395; V: 513, 581, 695

Лидс, лорд IV: 259

Ликлемир, член палаты общин IV: 326

Ликург (9—8 вв. до н.э.), легендарный древнеспартанский законодатель III: 187, 296, 297; IV: 475, 487; V: 598, 714, 715; VI: 23, 91, 132

Лилберн Джон (1614—1657), руководитель и идеолог левеллеров IV: 346

Лимон де, эмигрант II: 586

Линней Карл (1707—1778), знаменитый шведский естествоиспытатель I, 1: 70; IV: 168, 169

Лисандр, спартанский полководец II: 526, 527

Лист Фридрих (1789—1846), немецкий экономист, один из организаторов Германского таможенного союза IV: 15—17, 64, 273

Лихтенберже А., историк I, 1: 174—177, 182, 482; I, 2: 384; III: 171

Ложье, из секции Гренельского фонтана, член Комитета одиннадцати V: 655

Ллойд Джордж Дэвид I, 1: 11

Лобанов-Ростовский А. Б., князь, министр иностранных дел России в 1895—1896 гг. II: 239

Локк Джон (1632—1704), английский философ-просветитель IV: 43, 450, 451; VI: 56

Ломени де Бриенн Этьенн Шарль I, 1: 298, 299, 460, 511, 512; I, 2: 252, 265—267

Ломюр, генерал VI: 377

Лонэ де (Делонэ), последний комендант Бастилии I, 1: 341, 342, 344, 346

Лораге, граф VI: 99

Лоран, из секции Марсея, член Комитета девяти V: 631

Лоримье де Шамийи, первый камердинер короля III: 22

Лоро, депутат Законодательного собрания от департамента Йонна II: 378

Лорфевр, мельник из Понтуаза VI: 254

Лоссель, лионский якобинец, прокурор коммуны Лиона V: 247, 249, 257, 258, 260

Лотарингский, кардинал — см. Гиз Шарль

Лотте С.А. I, 1: 159

Лотур дю Шатель, депутат Законодательного собрания от департамента Орн, член Феодалного комитета II: 11, 34, 37

Лоу Джон I, 1: 55, 99, 361; I, 2: 55

Луа Ж. Б., член Учредительного собрания II: 16, 17

Луазо-Гранмезон, комиссар Коммуны III: 379

Луве, комиссар Парижской коммуны в мае 1793 г. V: 470

Луве (1757—1818), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Сомма II: 45—47; V: 22, 23

Луве де Кувре Жан Батист (1760—1797), депутат Конвента от департамента Луаре, литератор, издавал газету «Сантинель» II: 160, 161; III: 79, 89, 127, 485, 490, 493—500, 502—506, 514—517, 527; IV: 394, 395; V: 13, 28, 100, 125, 286, 342, 368, 410, 411, 488, 599, 686, 695, 714

Лувуа, маркиз де I, 1: 164

Лувуа Мишель Ле Телье, маркиз де (1641—1691), военный министр Людовика XIV I, 1: 166; IV: 200

Луи Филипп, король Франции I, 1: 34, 84, 129, 393, 444, 469, 470, 487; I, 2: 27, 205, 379; II: 435,

592; III: 146, 236, 326, 332; IV: 147, 350; V: 33, 34, 94, 356

Лукин Н. М., советский историк II: 197

Лукреций Кар Тит II: 425

Лустало Элизэ (1762—1790), журналист, сотрудник газеты Прюдома «Револьюсьон де Пари» I, 1: 343, 368, 390—393, 398, 400, 403, 408, 411, 417, 482, 486—488; I, 2: 164, 170, 298; V: 639

Лучицкий И. В. I, 1: 199, 202, 303; I, 2: 89, 91, 120—122, 386, 391

Луше (1755—1813), депутат Конвента от департамента Аверон, дантонист VI: 443

Любен (1765—1794), живописец, член Коммуны 10 августа, член Генерального совета Парижской коммуны V: 470, 548, 549, 727

Людовик IX (Людовик Святой), король Франции I, 1: 168

Людовик XI, король Франции I, 1: 52

Людовик XIII, король Франции I, 1: 269

Людовик XIV, король Франции I, 1: 52, 66, 86, 92, 93, 116, 152, 153, 269; II: 140, 523; III: 263; IV: 38, 200, 442; V: 278

Людовик XV, король Франции I, 1: 80, 90, 152, 190, 459; I, 2: 7, 262, 363; II: 529; III: 163, 273, 342, 353, 411; IV: 46; V: 133, 138

Людовик XVI, король Франции I, 1: 54, 80, 91, 100, 152, 163, 164, 167, 168, 184, 190, 193, 198, 199, 269, 310, 314, 329, 336, 346, 355, 384, 395, 40; 395, 406, 407, 426, 429, 431, 439, 444, 446, 447, 459, 498; I, 2: 7, 23, 163, 167, 169, 170, 257, 278, 279, 288, 291, 294, 295, 306, 307, 310—314, 321, 322, 324, 325, 330, 335—338, 340, 341, 346, 347, 350, 351, 362, 364, 369, 370; II: 7, 65, 68—74, 89, 96, 97, 100, 109, 117, 118, 128, 129, 131, 146,

148, 151, 154, 157, 161, 169, 186—188, 194, 200, 212—214, 219, 221, 231, 234, 235, 237, 238, 313, 346, 449, 481, 484, 485, 489, 491, 492, 508—513, 515, 520, 521, 528, 550, 551, 555, 556, 560, 572, 574, 577—579, 581, 586, 595, 596, 600, 602, 615, 620, 621; III: 12, 18, 19, 21, 36, 83, 86, 103, 133, 144, 145, 226, 228, 229, 239, 299, 349, 352—354, 452, 468, 477, 516, 525; IV: 106, 125, 129, 257, 329, 380, 387, 391, 393, 394, 400, 402, 410, 427, 439; V: 7, 8, 10—17, 19, 20, 22—43, 48, 49, 51, 53, 55, 58—67, 70, 72, 73, 83, 86—92, 94, 97—102, 104—110, 113—117, 119, 121, 123, 124, 126, 127, 129, 132—141, 148, 179, 185, 186, 198, 212—214, 220, 252, 257, 266, 294, 298, 300, 305, 346, 424, 434, 435, 502, 532, 533, 535, 547, 573, 599, 702, 733; VI: 63, 64, 165, 183, 246, 267, 284, 285, 352

Людовик XVII, сын Людовика XVI, после казни последнего был провозглашен принцами в эмиграции королем Франции V: 228, 246, 258, 402, 598; VI: 258, 336

Людовик, дофин (1729—1765), сын Людовика XV, отец Людовика XVI V: 133

Людовик XVIII — см. Прованский, граф

Людовик Жозеф де Бурбон — см. Конде, принц

Люкнер Никола, маршал Франции II: 154, 155, 214, 215, 462, 482, 509, 513, 517—521, 539—541; III: 442

Люксембург Роза I, 1: 13, 19, 20; IV: 47

Люлье Луи Мари (1746—1794), прокурор-синдик Парижского департамента V: 181, 452, 453, 465, 468, 611, 612, 618, 619, 621, 637, 647, 654, 655, 658, 660, 670

- Лютер Мартин I, 2: 261, 271; III: 313, 314; IV: 22, 62
- Льёто Жан Франсуа, командующий национальной гвардии Марселя I, 1: 97; I, 2: 10
- Мабли Габриель Бонно, де (1709—1785), аббат, утопический коммунист, писатель, историк I, 1: 176, 177, 483; IV: 463, 468, 476, 477; VI: 80, 82, 92
- Магонье, камердинер старшего из братьев короля III: 22
- Мазад-Персен (1750—1823), депутат Конвента от департамента Верхняя Гаронна V: 492, 493
- Мазанг, епископ Тулонский I, 2: 249
- Мазаньелло (Томмазо Аньелло) (1620—1647), вождь народного антифеодального восстания в Неаполе в 1647 г. V: 488, 489
- Мазарини Джулио (1602—1661), кардинал, первый министр Франции I, 1: 93, 151; V: 532; VI: 85
- Мазон, представитель промышленной буржуазии Кастра VI: 208
- Мазорик Клод, историк V: 736, 737
- Мазюе, депутат Конвента от департамента Сона и Луара V: 204, 205, 209, 527; VI: 11
- Мазюель, начальник эскадрона Революционной армии VI: 377
- Маи, маркиз де Фаврас I, 1: 436, 437
- Майль Жан Батист (1754—1834), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Верхняя Гаронна II: 44, 45, 610, 612; III: 299; V: 8, 9, 105, 106, 108, 115—119, 121, 126, 127; VI: 218
- Майнцский, курфюрст-епископ — см. Эрталль Карл Фридрих
- Майяр Станислав, по прозвищу Крепкий кулак, участник штурма Бастилии, заместитель председателя секции Сите I, 1: 342, 343, 420, 423—426; V: 595, 611; VI: 346, 349
- Макдональд Рамсей Джеймс I, 1: 11, 14
- Макиавелли Николо (1469—1527), итальянский политический мыслитель IV: 51
- Макк, австрийский полковник V: 375
- Маккарти Денис, ирландский негодант, обосновавшийся в Марселе I, 1: 89
- Маккензи Александр (1764—1820), шотландский путешественник IV: 266, 267
- Макферсон Дж., шотландский поэт II: 461
- Малларме, депутат Конвента от департамента Мёрт, монтаньяр V: 646, 692, 693
- Малле дю Пан Жак (1749—1800), швейцарский публицист, тайный агент двора и эмигрантов II: 99, 100, 102, 384—386, 456, 477, 574, 575, 586; V: 54; VI: 250, 251, 282, 283, 296, 337, 348, 372, 389, 398, 429
- Малуэ Пьер Виктор, член Учредительного собрания I, 1: 64, 65, 88, 308, 311, 312, 315, 317, 380, 381, 386, 388, 443, 450, 453, 484, 489; I, 2: 283; II: 99, 100, 231, 277, 617, 618; III: 153
- Мальзерб Кретьен Гийом де Ламуаньон (1721—1794), министр Людовика XVI V: 32, 33, 36
- Малю (вернее Малюс), главный поставщик армии Дюмуре V: 96, 295, 520
- Мальсень, офицер I, 2: 169
- Мальтус Томас Роберт I, 1: 129; IV: 449, 481—483
- Манда де Гаю Жан Антуан, командующий национальной гвардией в 1792 г. II: 588, 593—595, 599
- Манюэль Луи Пьер (1751—1794), прокурор Коммуны, депутат Конвента от Парижа II: 53, 536, 594,

- 599; III: 19, 54—56, 135, 137, 276—280, 282, 294—296, 472; V: 123, 281; VI: 199
- Маньен — см. Монен
- Маран, негодант, депутат Законодательного собрания от департамента Вогезы II: 319, 493
- Марат Жан Поль (1743—1793) I, 1: 390, 412—415, 417, 449; I, 2: 15, 24, 30, 183—185, 188—191, 193—202, 204, 206, 210, 213—215, 217, 226, 228—231, 233, 240, 273, 288, 291, 299, 300, 320—327, 337, 338, 352, 354, 374, 382, 383; II: 64, 79, 81, 82, 84—86, 90, 115—117, 121, 134, 144, 145, 151, 245, 339, 342, 344, 348, 349, 462, 473, 474, 480, 518, 541—543, 549, 562; III: 11, 13, 15, 40—42, 44, 46, 52, 53, 62, 74, 80, 89, 91, 94, 95, 98—100, 106, 107, 110, 112, 116, 117, 124, 125, 127, 129—138, 152—154, 156—159, 162, 166—168, 173, 189—191, 193, 216, 265, 357, 424, 440, 441, 443—445, 450—452, 454—459, 461, 464, 472—474, 476—481, 483—486, 491, 492, 496—499, 502, 514, 521, 524, 525; IV: 138, 145, 295; V: 14—16, 19, 20, 26—28, 32, 33, 35, 36, 80, 83, 89, 92—97, 109, 112, 125, 128, 129, 145, 147, 187, 204, 205, 207—210, 214, 216—222, 234, 253, 265, 267, 287, 290, 293—299, 301, 302, 304—307, 309, 311—313, 320, 324, 325, 329, 332—334, 339, 341, 363, 365, 366, 369—371, 376, 377, 380, 384, 391, 392, 395—397, 404—409, 420, 421, 427, 471, 473, 478, 479, 484, 509, 518, 522, 531, 556, 558—560, 566, 570—572, 576—578, 599, 614—616, 621, 624, 652, 674—677, 679—685, 687, 689—691, 693—695, 699, 702—705, 725, 726; VI: 61, 100—103, 120, 121, 137, 175, 177—179, 184, 185, 192—196, 205—209, 282—287, 363, 368—370, 377, 378, 431
- Марат Альбертина, сестра Марата V: 614, 624; VI: 377
- Маргарот Морис, основатель и председатель Лондонского Корреспондентского общества III: 256, 257
- Маре Матьё I, 1: 55
- Марек, депутат Конвента от департамента Финистер V: 128
- Марешаль Пьер Сильвен (1750—1803), поэт, атеист, сотрудник газеты Прюдома «Революсьон де Пари», участник «движения во имя равенства» I, 2: 385; II: 115; III: 23; IV: 423; V: 639; VI: 82—85, 99
- Мари, подрядчик I, 1: 165
- Марибон-Монто — см. Монто
- Марпий Гай (ок. 157—86 гг. до н.э.), римский полководец и политический деятель V: 502, 503
- Марино, полицейский администратор из секции Пале-Руаяль III: 73; V: 542, 543, 545, 548, 550, 553, 554, 556, 622
- Марион М. I, 2: 120, 121
- Мария, королева Англии IV: 349, 351
- Мария Антуанетта (1755—1793), королева Франции I, 1: 167, 172, 424, 431, 432, 435; I, 2: 279—281, 291, 294, 295, 308, 321, 322, 363, 370; II: 53, 65—67, 71—75, 90, 92—94, 96, 101, 135, 147, 149, 174, 175, 191, 194, 196—198, 202, 206, 210, 218, 219, 237, 238, 481—484, 513, 529, 538, 540, 575, 586, 588; III: 36; IV: 348; V: 26, 133, 140, 400, 465, 468, 591; VI: 185, 267—269, 284, 285, 337
- Мария-Терезия, австрийская государыня IV: 21
- Марк, участник штурма Бастилии I, 1: 342
- Маркан, драгун, автор «Записных книжек» III: 525
- Маркандье Рок, журналист, был

- секретарем и сотрудником Камиля Демулена III: 488, 489, 505
- Марков Вальтер, историк V: 213, 467, 735; VI: 163, 177, 465
- Маркс Карл I, 1: 13, 21—23, 35, 37—40, 60, 74, 79, 129, 136, 138, 142, 145, 247; I, 2: 139, 205, 221, 222, 225, 226, 231, 240, 241, 243, 244, 383, 391; II: 390; III: 220, 417, 423, 464, 531; IV: 14, 15, 17, 25, 27, 29—32, 37, 39, 65, 98, 234, 269, 320, 321, 446, 447, 463, 466, 468, 469; V: 213, 709
- Марон, издатель V: 369
- Марсе (1731—1794), генерал V: 349, 435, 436
- Марсель Этьенн I, 1: 149
- Марсо Франсуа (1769—1796), бригадный генерал V: 270, 271, 282, 437
- Мартен В. I, 2: 155
- Мартен Дош, член Учредительного собрания I, 1: 322, 323
- Мартен дю Гар Роже I, 1: 10
- Мартен Сен-Леон Э. I, 1: 82
- Мартино, член Учредительного собрания I, 2: 135, 225
- Мартэн Этьенн (Справедливый), мэр Марсея, депутат Законодательного собрания I, 2: 23
- Маршан Этьенн I, 1: 98, 99
- Маршан, из секции Мон-Блан, член Комитета одиннадцати V: 655
- Массе, депутат Конвента от департамента Сомма II: 298, 319
- Матье Жан Батист Шарль (1763—1833), депутат Конвента от департамента Уаза, член Комитета общественного спасения V: 399, 647; VI: 193
- Матьез Альбер I, 1: 22, 25, 27—29, 42, 298; I, 2: 129, 137, 337, 371, 381; II: 129, 151, 157, 163, 167, 171, 175, 209, 225, 351, 391, 465, 475, 517, 555, 563, 569; III: 43, 83, 85, 89, 91, 103, 143, 215, 249, 285, 311, 379, 389, 467, 511, 526, 527; IV: 151; V: 17, 26, 99, 105, 201, 211, 213, 215, 221, 243, 329, 461, 525, 527, 734; VI: 9, 45, 81, 103, 129, 161, 163, 171, 173, 177, 203, 255, 259, 263, 291, 305, 319, 335, 337, 339, 343, 345, 347, 375, 397, 425, 427, 429, 433, 435, 437, 444, 445, 447, 450, 468, 470, 473
- Махмуд II III: 243
- Медичи Екатерина II: 522; III: 281
- Меж Ф. II: 31
- Мёзер Юстус (1720—1794), немецкий публицист, историк IV: 17—19, 23, 25, 27—32, 36, 38, 61, 64, 70—75, 221
- Мейан (1748—1809), депутат Конвента от департамента Нижние Пиринеи V: 686, 687
- Мелин Жюль I, 1: 178, 179
- Меллье Эрнест II: 570; III: 464
- Мелье Жан I, 1: 178; I, 2: 141, 143, 385; VI: 67
- Менессье, комиссар Генерального совета Коммуны V: 553
- Мену Жак Франсуа (1750—1810), дивизионный генерал V: 522, 523, VI: 193
- Менье (1758—1834), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Пюи-де-Дом V: 500, 501
- Менье де Салинель I, 1: 94, 95
- Мёнье Жан Батист Мари Шарль (1754—1793), геометр и физик, член Академии наук III: 508, 509, V: 182
- Меоль (1757—1826), депутат Конвента от департамента Нижняя Луара V: 706—707
- Мерак, бордоский промышленник I, 1: 88
- Мерикур Теруань де (1762—1817) V: 665
- Меринг Франц (1846—1919) IV: 13, 15, 21, 37, 45—48, 50, 51, 64—67, 92, 93, 95, 490

- Мерлен из Дуэ Филипп Огюст (1754—1838), секретарь Комитета феодальных прав Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Нор I, 1: 269, 464; I, 2: 369; II: 29; V: 278—280, 282
- Мерлен из Тионвиля Антуан Кристоф (1762—1833), адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Мозель II: 243, 276, 311, 326, 584, 585; III: 31—33, 39, 58, 349, 450 IV: 208; V: 22, 23, 82; VI: 330, 331
- Мерлино (1737—1805), депутат Конвента от департамента Эн V: 495, 497
- Мерси де, епископ Люсонский, член Учредительного собрания I, 2: 250, 251, 265, 282, 292, 296
- Мерси д'Аржанто Флоримон, граф де (1727—1791), австрийский посол во Франции I, 1: 432, 433, 435—437; II: 65, 67, 68, 70, 73—76, 98—100, 148, 161, 175, 177, 190, 192, 196, 198, 199, 201—203, 238, 483, 517, 529, 538, 539, 540, 586; III: 205; V: 276, 401
- Мерсье Луи Себастьян (1740—1814), писатель I, 1: 76, 77, 123, 158, 159, 162, 163, 167, 172, 187, 250, 341; I, 2: 158; II: 281; III: 520; IV: 473
- Мерсье дю Роше (1753—1816), член администрации департамента Вандея I, 2: 263; II: 226; V: 132, 133, 348, 349, 351, 362, 364, 365, 371, 372, 520, 522, 525
- Мессар, из секции Май, член Комитета одиннадцати V: 655
- Местр Жозеф де III: 520
- Меттерних Клемент, князь де III: 228, 242, 243
- Милье, комиссар Генерального совета Парижской коммуны в мае 1793 г. V: 470
- Мильеран Александр I, 1: 11; VI: 147
- Мильтон Джон (1608—1674), английский поэт IV: 9
- Минцес Б. I, 2: 89—91, 120, 386
- Минье Франсуа Огюст Мари I, 1: 42
- Мирабо Андре Бонифас Луи де Рикети, виконт де, по прозвищу «Мирабо-бочка» III: 469
- Мирабо Виктор Рикети, маркиз де I, 1: 60, 61, 249, 250
- Мирабо Оноре Габриэль Рикети, граф де (1749—1791) I, 1: 73, 81, 97, 98, 105, 154, 169, 173, 187, 224, 226, 234, 310—320, 327—330, 332—337, 377, 380, 395, 396, 403, 415, 423, 424, 428, 439, 440, 442—450, 452, 454, 466, 482, 484, 507; I, 2: 8—10, 19, 30, 50—53, 67, 69, 70, 126, 127, 148, 149, 163, 166, 167, 169, 170, 175, 179, 187, 207, 240, 241, 279, 280, 284, 286, 290, 297—303, 316, 317, 361, 377; II: 80, 85, 96, 98, 107, 217, 223, 249, 308, 309, 340, 341, 383, 464, 465, 492, 618; III: 215, 296, 316, 443; IV: 38, 39, 77, 123, 174, 240, 255—257, 261, 263, 375; V: 25, 27, 42, 46, 111, 130, 299, 303, 305, 309, 326, 368, 406, 534; VI: 51, 87, 124
- Миранда Франсиско де (1750—1816), генерал, венесуэльский патриот, один из руководителей борьбы за независимость испанских колоний в Америке, друг Петiona и жирондистов IV: 153, 497; V: 274, 275, 281—283, 316
- Митридат II: 143
- Миттие, якобинец, комиссар Исполнительного совета в Марселе V: 672, 673
- Митуа, из секции Единства, член Комитета девяти V: 631
- Митчел, владелец стекольного завода в Бордо I, 1: 89
- Мишель, фабрикант, комиссар секции Бобур, член Коммуны 10 августа администратор полиции III

- 19, 331; V: 542, 543, 545, 548, 550, 553, 554, 556, 622
- Мишле Жюль, историк I, 1: 21, 22, 39, 40, 135—137, 160, 190, 318, 319, 473; I, 2: 351; II: 12, 89, 106, 107, 131, 145, 428, 429, 579, 588; III: 210, 215, 396—398; V: 11, 31, 33, 43, 86—89, 115, 134, 135, 137, 152, 153, 213, 218, 219, 221, 224, 245, 253, 287, 607, 610, 611, 619, 621, 629, 640, 641, 653, 655, 658, 659; VI: 120, 121, 189, 343, 451
- Мишон, депутат Законодательного собрания от департамента Рона и Луара II: 373, 375
- Мишони, комиссар Коммуны из секции Рынка в сентябре 1792 г. III: 73
- Мозер Карл Фридрих фон (1721—1798), немецкий публицист IV: 140, 141
- Молеврие V: 348
- Мольво (1744—1816), депутат Конвента от департамента Мёрт, председатель Комиссии двенадцати V: 540, 541, 548
- Мольд, депутат Конвента от департамента Шаранта, французский посланник в Гааге V: 269
- Моморо Антуан Франсуа (1756—1794), печатник, член Клуба кордельеров, комиссар исполнительной власти в Вандее II: 564, 565; III: 169—173, 176, 178, 179, 181, 183, 185, 189, 216, 218, 219, 394—396, 464, 465; V: 520—522; VI: 55, 75, 171, 231, 351, 365, 374, 376, 377
- Моморо, гражданка VI: 303
- Монбрион III: 131
- Монен А., историк I, 1: 163, 169
- Монен, адъютант Анрио V: 622, 623
- Монж Гаспар, морской министр с 10 августа 1792 г. до 13 апреля 1793 г. I, 1: 152; II: 602, 603; III: 508, 509, 523; VI: 197
- Монжуа, редактор «Л'Ами дю руа, дэ франсэ, де л'ордр э сюрту де ла веритэ» III: 19, 281
- Монлозье де I, 1: 311, 473, 474
- Монморанси, кардинал I, 2: 305
- Монморен Арман Марк, граф де (1745—1792), министр иностранных дел I, 1: 336, 337; I, 2: 277, 284; II: 98—101, 103, 115, 146, 231; III: 504; V: 19
- Моннёз, комиссар секции Плас-Руа-яль III: 73
- Моннерон, негоциант, депутат Законодательного собрания от Парижа II: 293, 350, 351
- Моно Габриель, историк III: 397
- Монсалар Маргерит, мать Жака Ру VI: 177
- Монспе, маркиз де, член Учредительного собрания I, 1: 424
- Монсьель де II: 539
- Монтень Мишель де II: 425; VI: 51
- Монтескьё Шарль Луи I, 1: 70, 224, 307; I, 2: 140, 141, 267, 376, 378; II: 140, 428; III: 16, 432, 468, 530; IV: 18, 68, 196, 197; V: 536; VI: 49, 132
- Монтескью, аббат де, член Учредительного собрания I, 1: 373, 374, 376
- Монтескью, генерал III: 195, 243, 251, 364, 442; IV: 150, 151, 261—263
- Монтескью—Фезансак Анн Пьер де, депутат Законодательного собрания от Парижа II: 306, 307
- Монти Винченцо (1754—1828), итальянский поэт IV: 494
- Монто Луи Мари Бон (1754—1842), по прозвищу Марибон-Монто, депутат Конвента от департамента Жер V: 500, 501
- Монтье А., историк III: 122, 154
- Моо I, 1: 61, 202
- Мор, депутат Конвента от департамента Йонна III: 388, 389, 392, 393
- Мор Томас (1478—1535), английский

- гуманист, основоположник утопического социализма IV: 273, 284, 285; VI: 30
- Море, кавалер де I, 1: 179, 188
- Морелли, аббат, коммунист-утопист, автор «Кодекса природы» I, 1: 178; IV: 250, 251; VI: 79, 83
- Мори Жан Сиффрен (1746—1817), аббат, депутат Учредительного собрания I, 1: 448, 474, 484; I, 2: 42—44, 46—48, 50, 63, 68, 81, 88, 89, 99; II: 340, 347, 381; III: 469; IV: 357, 361; V: 111, 318, 714; VI: 143
- Моро де Сен-Мери, член Учредительного собрания I, 2: 183
- Моррисон (1751—1817), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Вандея V: 20
- Мортимер-Терно, историк II: 505; V: 330—332, 383—385, 387, 474, 475, 610, 611, 626, 629, 737
- Мотье — см. Лафайет
- Муазан М. I, 2: 121
- Муиссе, депутат Законодательного собрания от департамента Ло и Гаронна II: 221
- Мулен, член Парижской коммуны III: 513
- Муне Дени, лионский рабочий I, 1: 130, 133, 134
- Мунье Жан Жозеф (1758—1806), член Учредительного собрания I, 1: 137, 312, 319, 320, 322, 333, 339, 347, 380, 386—388, 417, 422, 426—428, 448, 449, 469, 470, 493; I, 2: 13; II: 231; IV: 257
- Мунье Р. I, 1: 41
- Мурай, мэр Марсея II: 537; V: 503—505, 513, 516
- Мутье, маркиз де II: 66, 67, 100
- Мэ Оттавио I, 1: 116
- Мэкинтош Джемс (1765—1832), английский философ, историк, юрист IV: 364, 365, 368—378, 401
- Мэнвиель, депутат Конвента от де-
- партамента Буш-дю-Рон III: 159; V: 687
- Мюге де Нанту, член Учредительного собрания I, 1: 422, 423; I, 2: 333
- Мюллер Иоганн фон (1752—1809), швейцарский историк, министр в Майнце IV: 183
- Мюнен — см. Монен
- Мюрер, депутат Законодательного собрания от департамента Вар III: 285
- Мячинский Юзеф, комендант крепости Верден III: 199
- Наварр, г-жа, камеристка королевы III: 22
- Наполеон I Бонапарт I, 1: 68, 445, 452; I, 2: 345; II: 73, 103, 435, 513; III: 313, 314, 443; IV: 39, 147, 442; V: 34; VI: 318, 383
- Нарбонн Луи, граф де, военный министр II: 146—149, 151—157, 159, 161, 162, 164, 167, 173—175, 187, 203, 214, 215, 221, 222, 226, 227, 461—463, 488, 491
- Неккер Жак (1732—1804), французский финансист и государственный деятель I, 1: 64, 76—78, 133, 172, 176—178, 207, 217, 291, 309, 310, 316, 325, 328, 336, 338, 345, 355, 373, 395, 411, 438, 439, 443, 447, 462, 512, 513; I, 2: 29, 30, 59, 66, 276, 277; II: 97—99, 147, 230; III: 363, 386; IV: 235; V: 91, 534
- Нерон Клавдий Цезарь (37—68), римский император I, 2: 337; IV: 121; VI: 177, 332
- Нивьер-Шоль, негоциант, мэр Лиона III: 330, 331; V: 243, 245, 248, 249, 257—259
- Николо (1737—1810), член директории Парижского департамента в 1793 г. V: 610, 611, 726; VI: 340
- Ниош Клод Пьер (1751—1828), адвокат, депутат Генеральных штатов, депутат Конвента от департа-

- мента Эндр и Луара, якобинец V: 687
- Ноай Луи, виконт де (1756—1804), депутат Генеральных штатов, член Учредительного собрания I, 1: 360—363; IV: 361
- Ноай Луи Мари, маркиз де, французский посол при английском дворе, друг Дантона II: 70; V: 99
- Нолак, член муниципалитета Лиона в 1790 г. I, 1: 70; I, 2: 139
- Норт, граф Гилфорд (1732—1792), лорд, премьер-министр Англии IV: 346, 347, 405
- Нурри Гийом Антуан, известный под именем Розелли, а затем именуемый Граммоном (1752—1894), актер, начальник штаба Революционной армии в октябре 1792 г. V: 520, 521
- Ньютон Исаак I, 1: 70; I, 2: 139; IV: 98, 173, 455; VI: 69
- Обри III: 22
- Обри (1747—1798), депутат Конвента от департамента Гар, специалист по военным вопросам V: 173
- Ован де Перри, маркиз д' II: 227
- Оврэ, командир батальона секции Мон-Блан, член Комитета одиннадцати V: 655
- Одрен (1741—1800), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Морбиан VI: 14, 15
- Одуэн Франсуа Ксавье (1766—1837), член коммуны 10 августа, секретарь Паша в военном министерстве III: 31, 379; V: 182, 183
- Оже, мулат с Сан-Доминго I, 2: 180, 181; II: 273
- Озе Анри I, 1: 82, 123; I, 2: 382
- Окарис, поверенный в делах Испании во Франции V: 99, 104, 105, 129
- Окур, граф де I, 1: 166
- Олар Франсуа Виктор Альфонс (1849—1928) I, 1: 21, 23, 29, 199;
- I, 2: 355, 371, 381, 383—385, 390; II: 13, 17, 474, 475, 591; III: 45, 215, 311, 313, 527; V: 210, 403, 528, 571, 573, 609; VI: 118, 275, 305, 341, 463
- Омнес Франсуа I, 1: 102
- Оранский, принц — см. Вильгельм Оранский и Вильгельм III
- Орлеанский, герцог — см. Филипп Эгалите
- Орри, генеральный контролер финансов Франции IV: 289
- Осман, депутат Законодательного собрания от департамента Сена и Уаза, затем депутат Конвента II: 326, 327; IV: 208
- Осселен Шарль Никола (1752—1794), депутат Конвента от Парижа III: 135; V: 115, 479
- Оссиан, легендарный герой кельтского народного эпоса и бард III в. II: 460, 461
- Отрантский, герцог — см. Фуше Жозеф
- Оттон I (Оттон Великий) (912—973), основатель «Священной Римской империи» IV: 19, 49
- Оуэн Роберт (1771—1858), английский социалист-утопист IV: 448, 450, 451; VI: 298, 299
- Пави, из секции Кенз-Вен II: 504
- Пайготт, английский писатель IV: 364
- Палери де Сави, мэр Лиона в 1790 г. I, 2: 14
- Палуа, подрядчик работ по сносу Бастилии I, 2: 215
- Панис Этьенн Жан (1759—1832), депутат Конвента от Парижа, руководитель Наблюдательного комитета Коммуны III: 89, 91, 93, 95, 112, 134, 452—454; V: 253
- Панкук I, 1: 105
- Паре, министр внутренних дел VI: 187, 312, 365
- Парен Пьер Матье (1755—1831), участник штурма Бастилии, ак-

- тивный член Клуба кордельеров, генерал Революционной армии V: 520, 521
- Пари, телохранитель Людовика XVI, убийца Лепелетье де Сен-Фаржо III: 295; V: 131; VI: 19, 29
- Пари, редактор «Бюллетэн де ла Коммюн» VI: 179
- Паризо, редактор «Фей дю жур» III: 19
- Паскаль, из Марсея I, 2: 8, 9
- Паскаль Блез (1623—1662), французский религиозный философ, писатель, математик и физик I, 1: 71; IV: 98
- Пасторе Клод Эмманюэль, маркиз де, генеральный прокурор-синдик Парижского департамента в 1791 г., депутат Законодательного собрания I, 2: 150, 151; II: 54, 55; III: 15, 153
- Паш Жан Никола (1746—1823), военный министр в 1792 г., мэр Парижа I, 2: 119; III: 363, 507, 509; V: 91, 95, 114, 148, 153, 181, 183, 184, 222, 231, 296, 297, 331, 436, 444, 452, 453, 475, 477, 521, 543, 563, 571, 581, 582, 590, 598, 599, 606, 619—621, 631—633, 641, 643, 646, 647, 677, 679, 680, VI: 107, 129, 254, 255, 258, 279, 307, 315, 368, 369, 422
- Пейан, национальный агент Парижской коммуны во II г. VI: 436
- Пейп Томас (1737—1809), общественный и политический деятель США и Великобритании, депутат Конвента от департамента Па-де-Кале III: 461; IV: 365, 378—385, 402, 407, 410, 423, 433, 445, 493; V: 122, 123
- Пенье де, начальник эскадры в Бресте II: 103
- Пеньер (1766—1821), депутат Конвента от департамента Коррез VI: 36, 37, 39, 100
- Перальди Мариус, депутат Законо-
- дательного собрания от Корсики II: 615
- Первенкьер, администратор дистрикта Фонтене (Вандея) V: 364, 365,
- Пердигье Агриколь I, 1: 186, 187
- Перейра V: 390, 391; VI: 374, 377
- Перикл V: 78, 714, 715
- Перре, член муниципалитета Лиона в 1790 г. I, 2: 14
- Перри, историк V: 699
- Перру Клод, историк I, 1: 115; II: 459; III: 509
- Перье, семья французских фабрикантов IV: 256, 257
- Перьер, полицейский осведомитель при министре внутренних дел Гара V: 568, 570; VI: 390, 391
- Пессонель де, французский консул на Ближнем Востоке I, 1: 93, 94
- Песталоцци Иоганн Генрих (1746—1827), швейцарский педагог-демократ IV: 75, 78—87, 89, 90, 164, 165, 212, 213
- Петион де Вильнёв Жером (1756—1794), депутат Генеральных штатов, депутат Конвента от департамента Эр и Луар, мэр Парижа I, 1: 370, 403—406, 423, 424, 473, 479, 480, 484; I, 2: 57, 63—66, 175, 179, 328, 332, 335, 336, 340, 353—355, 360; II: 52, 53, 93, 285, 288, 289, 330, 331, 334—338, 343, 398, 502, 504, 508, 515, 517, 536, 571, 576, 578, 579, 582, 592—594, 599, 615; III: 27, 45, 55, 88, 102, 111, 112, 117, 123, 156, 159, 162, 190, 191, 276, 278, 439, 441, 446, 451, 457, 459, 461, 496; IV: 375; V: 13, 20, 35, 37, 51, 65, 67, 103, 180, 184, 275, 286, 320, 364, 371, 410, 411, 418, 421, 427, 431, 432, 452, 475, 524, 547, 614, 621, 630, 632, 634, 666, 684, 686, 695, 714; VI: 17, 39, 199, 402, 456
- Петион, г-жа III: 166
- Петрарка Франческо (1304—1374) IV: 172

Пешар, один из администраторов департамента Вандея V: 364
 Пигмалион V: 505
 Пий II, Энеа Сильвио Пикколомини (1405—1464), папа Римский IV: 21
 Пий VI, папа Римский I, 2: 264, 265, 274, 368, 369
 Пикок, секретарь общества «Друзья народа Великобритании» III: 258
 Пим Джон (1584—1643), выдающийся деятель Английской буржуазной революции XVII в. III: 262, 263; V: 532, 533
 Пионье Э. III: 191
 Питт Уильям, Питт Старший (1708—1778), граф Чатам IV: 329, 331
 Питт Уильям, Питт Младший (1759—1806), премьер-министр Англии в 1783—1801 гг. II: 250, 251; IV: 173, 261, 267, 271, 274, 281, 310, 316, 317, 325, 328—330, 332, 333, 336—339, 343—348, 362, 374, 384, 405, 407, 411, 414, 417, 419, 423—432, 435, 436, 442—446, 477; V: 99, 105—107, 220, 318, 319, 367, 368, 370, 423, 499, 532, 533—535, 551; VI: 245, 246, 321, 333, 365, 431
 Пишегрю Шарль (1761—1804), главнокомандующий Рейнской армии VI: 283
 Платон (428—348 гг. до н.э.), древнегреческий философ III: 187; IV: 476, 477; V: 77, 189, 538; VI: 23, 30, 427
 Плезан де ла Уссе Жан, законовед, из секции Французского Пантеона V: 307
 Пленвиль, заместитель начальника штаба парижской национальной гвардии III: 22, 25
 Плеханов Г. VI: 83
 Плонжерон Б., аббат III: 520, 521
 Плутарх I. 1: 21, 22, 40; I, 2: 377; II: 459, 460, 527; III: 448; VI: 34
 Поль-Бонкур Жозеф I, 2: 240

Польверель Этьенн де, член Якобинского клуба в 1790 г. I, 2: 73, 75—77, 89
 Помпадур Антуанетта Пуассон, маркиза де III: 514
 Помпей VI: 320
 Понтекулан (Дульсе де), депутат Конвента от департамента Кальвадос V: 204, 205, 410, 411, 695
 Понтий Пилат VI: 183
 Понятовский Юзеф, племянник короля Польши маршал Франции III: 475
 Попилий, римский консул II: 143
 Поре I, 2: 121
 Портленд, герцог, лидер правого крыла вигов IV: 425, 436
 Портье, депутат Конвента от департамента Уаза I, 2: 382, 383; III: 356, 357, 368
 Потоцкий, член Рейнского Конвента IV: 211
 Прайс Ричард (1723—1791), английский радикальный публицист, экономист и философ-моралист I, 1: 108; IV: 324—326, 347, 349, 353; VI: 86, 87
 Пракситель I, 1: 24
 Преклен Э. I, 1: 202
 Прекур II: 89
 Преси Луи, граф де (1742—1820), главнокомандующий мятежных войск в Лионе в 1793 г. V: 708, 709; VI: 210, 211, 269
 Прессаван, депутат Конвента от департамента Рона и Луара I, 2: 14
 Приер из Марны Пьер Луи, член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Марна, член Комитета общественного спасения I, 2: 454, 482, 483; I, 2: 353; III: 231; VI: 197, 267, 396, 425, 436
 Приёр-Дювернуа, по прозвищу Приёр из Кот-д'Ор, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Кот-

д'Ор, член Комитета общественного спасения VI: 267, 279, 425, 472
 Пристли Джозеф (1733—1804), английский философ-материалист, химик, член Конвента IV: 347, 351, 423; VI: 86, 87
 Прованский, граф де (Людовик XVIII) I, 1: 169, 330, 436, 437; I, 2: 362, 364; II: 67, 110, 119; V: 360, 370
 Прожан (1752—1818), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Верхняя Гаронна V: 492, 493
 Проли Бальтазар (1752—1794), финансист, австрийский подданный III: 249; V: 94, 95, 390, 391; VI: 374, 375, 377
 Прувер, депутат Законодательного собрания от департамента Нор II: 46, 47
 Прудон Пьер Жозеф I, 1: 34, 35; III: 405
 Приюдом Луи Мари (1752—1830), журналист, главный редактор газеты «Револьюсьон де Пари» I, 2: 226, 382; II: 64, 87, 88, 114, 115, 145, 161, 167, 188, 299, 302, 303, 330, 469, 536, 540; III: 23, 96, 134—136, 175, 176, 188, 278, 280, 282, 283, 364, 368, 467, 468, 498, 499; IV: 423, 426, 430; V: 136, 220, 242, 331, 419, 421, 426, 427, 638, 639, 664, 665
 Прюнель де Лиер, мэр Гренобля, депутат Конвента от департамента Изер III: 142
 Пти Мишель Эдм (1739—1795), депутат Конвента от департамента Эна VI: 17—19
 Пуанкаре Раймон I, 1: 11, 16
 Пуаре, кюре церкви Сен-Сюльпис I, 2: 150, 151
 Пуллек Джент, из общества Конституционных вигов III: 253
 Пульише, депутат Конвента от департамента Нор V: 253

Пуссен, комиссар секции Республики III: 513
 Пута Ш. I, 2: 219, 247
 Пуэнт Ноэль (1755—1825), рабочий-оружейник из Сент-Этьенна, депутат Конвента от департамента Рона и Луара III: 141, 143—147; V: 247, 250, 252, 253
 Пфафф Кристоф (1773—1852), друг Кернера, профессор химии в Кильском университете IV: 142, 143
 Пэнтвиль де Сернон, член Учредительного собрания I, 2: 73
 Пэр, из секции Французского театра III: 464, 465
 Пэрри, английский журналист IV: 424
 Рабле Франсуа II: 425
 Рабо Камиль V: 633
 Рабо-Поммье (1744—1820), депутат Конвента от департамента Гар, брат Рабо де Сент-Этьенна V: 576, 579, 595
 Рабо де Сент-Этьенн Жан Поль (Рабо Жан Поль) (1743—1793), член Учредительного собрания, а затем Конвента от департамента Об I, 1: 312, 313, 451; I, 2: 262, III: 153, 439; V: 51, 188, 189, 190, 191, 194, 399, 540, 541, 576—579, 581, 589, 613, 650—652, 684, 695; VI: 60, 61, 100, 101
 Равезье, бордский промышленник I, 1: 88
 Рамбо Альфред I, 1: 41; I, 2: 23, 125
 Рамель-Ногаре Доминик Венсан (1760—1829), депутат Конвента от департамента Од, член Комитета общественного спасения VI: 193, 249, 250
 Рамон (1755—1827), адвокат при Высшем Совете Эльзаса, депутат Законодательного собрания от Парижа II: 506; V: 714, 715
 Расин Жан I, 2: 379
 Рафаэль (Раффаэлло Санти) IV: 43

- Раффе, крупный бакалейщик, командир батальона секции Бютт-де-Мулен V: 583; VI: 174, 175
- Раффрон, поверенный в делах Франции в Тоскане, депутат Конвента от Парижа III: 135
- Реаль Гийом Андре (1755—1832), депутат Конвента от департамента Изер III: 329; IV: 160; V: 209
- Реаль Пьер Франсуа, заместитель прокурора Парижской коммуны в 1792 г. III: 126, 127, 512
- Ребекки Франсуа (1744—1794), марсельский негодант, депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон, жирондист I, 2: 8—10; II: 565; III: 128—133, 159, 161, 192, 454, 490, 493; V: 503
- Ребёль Жан Франсуа, член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Верхний Рейн, глава Директории в 1796 г. I, 2: 183, 185, 327, 328; IV: 208
- Реберг Г., государствовед в Ганновере IV: 217
- Ребюфель, марсельский мясоторговец I, 2: 8
- Ревельон I, 1: 159—161, 178; II: 289
- Рёдерер Пьер Луи, член Учредительного собрания, генеральный прокурор-синдик Парижского департамента в 1792 г. I, 1: 454; I, 2: 215, 216, 218, 219, 330, 337; II: 502, 503, 596; IV: 165; V: 191, 231
- Реймон, делегат мулатов I, 2: 182, 183
- Рейнгард, видный дипломат IV: 145, 147
- Рейно, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Верхняя Луара III: 502, 503
- Рейхардт I, 1: 173; I, 2: 217
- Рек, барон фон III: 205
- Ренан Эрнест III: 282
- Рендольф Э. VI: 339
- Рени Гвидо (1575—1642), итальянский живописец IV: 392
- Рено Сесиль VI: 423, 431
- Рено де Сент I, 1: 484
- Ренольдон I, 1: 49
- Ренувэн Пьер I, 1: 42; I, 2: 370
- Рессон (1759—?), генеральный секретарь Парижского департамента после 10 августа 1792 г. V: 611
- Ретиф де ла Бретон II: 388, 389
- Рету, комиссар секции Тюильри, инспектор хранилища королевского имущества III: 49
- Риёлен, член тайной Директории Центрального комитета федератов II: 567
- Ривароль Антуан, контрреволюционный журналист I, 1: 77; II: 227; III: 207, 317
- Рикардо Давид (1774—1823), теоретик английской классической буржуазной политэкономии I, 1: 129; IV: 269
- Рикор Александр (1767—1829), прокурор-синдик департамента Буш-дю-Рон V: 502, 503
- Рикор Жан Франсуа (1759—1818), депутат Конвента от департамента Вар, монтаньяр VI: 80, 81
- Рихтер Иоганн Пауль Фридрих (Жан Поль) (1763—1825), немецкий писатель IV: 12, 13, 64
- Ричардсон Самюэл, английский писатель II: 464
- Риччи Шишione, епископ IV: 494
- Ришар, привратник тюрьмы Консьержери III: 110
- Ришар дю Пэн, участник штурма Бастилии I, 1: 342, 420
- Рише I, 1: 202, 203
- Ришелье Арман Жан дю Плесси (1585—1642), кардинал, первый министр Людовика XIII I, 1: 52, 151; V: 532, 564; VI: 177
- Ришу, депутат Конвента от департамента Эр III: 122; V: 71, 688, 689
- Робер Луи Арман (1767—1796), бри-

- гадный генерал в 1793 г. V: 520, 521
- Робер Пьер Франсуа Жозеф (1762—1826), депутат Конвента от Парижа, один из видных деятелей Клуба кордельеров I, 2: 345; III: 135; V: 384, 385
- Робеспьер Максимилиан Мари Изидор де (1758—1794) I, 1: 34, 349, 356, 370, 405, 406, 422, 423, 453, 455, 473, 475, 477; I, 2: 135, 167, 170, 171, 183, 210, 211, 222—225, 240, 299, 303, 316—318, 328, 336, 337, 344, 345, 348, 353, 355, 360, 361, 374, 377, 379, 385; II: 9, 30, 43, 45, 114, 115, 117, 134, 143—145, 151, 161—167, 169—171, 173, 182, 187—189, 209, 222, 229, 230, 233, 273, 296, 297, 323, 339, 343, 374, 394—401, 425, 460—462, 469, 470, 472—474, 476, 477, 480, 481, 485, 486, 488, 490—494, 499, 500, 509, 537, 543—545, 555, 557—563, 579, 582, 617, 619, 621; III: 10, 11, 16—18, 26—28, 30, 31, 34—38, 41—43, 45—47, 55, 56, 62, 73, 78—81, 83, 84, 86—95, 100, 101, 106, 107, 110, 116, 117, 122, 124—134, 137—139, 152, 154, 155, 157, 161, 166, 171, 189, 214—217, 223, 247, 249, 279, 280, 302, 303, 305—314, 334, 357, 397, 428—430, 433, 440, 441, 444, 445, 447, 450—454, 457, 461, 473, 474, 484, 486—488, 490, 492—500, 502—507, 513, 515, 519, 524—527, 530, 532; IV: 19, 133, 146, 159, 160, 227, 389, 394, 395, 437—439, 441; V: 10, 12—16, 18, 22, 23, 28, 29, 34—36, 38, 55, 68, 70—77, 79, 81, 82, 84, 86, 92, 93, 102, 106—108, 125, 128, 129, 142—147, 152, 153, 181, 206, 210, 223, 226—228, 242, 243, 248, 264, 266, 267, 272, 284, 285, 287, 290—293, 305, 312, 313, 316—318, 320, 324, 327—329, 333, 334, 338, 339, 341, 369, 371, 376—379, 381, 382, 386, 391, 392, 396, 403, 405, 411, 416, 417, 427—431, 445, 446, 484, 486, 513, 525, 528—530, 531, 534, 535, 540, 560, 571, 573, 576, 580, 581, 599—602, 608, 609, 611, 612, 614, 619, 621, 623, 630, 659—662, 670, 675, 676, 694, 698, 701, 702; VI: 9, 10, 16, 17, 19, 29, 34, 48, 49, 59, 78, 99, 103, 108, 109, 115, 119—125, 127—132, 148—151, 154—162, 168, 171, 173, 175, 177—179, 182, 185—192, 195—199, 206, 208, 216, 221, 222, 246, 256, 257, 265, 267, 269, 277—281, 284, 286, 287, 289, 290, 306—309, 311, 312, 316—319, 321, 322, 324—331, 335—343, 347—352, 355, 358, 361, 362, 364—368, 371, 373—375, 379—383, 389, 396, 414—416, 419, 420, 422—447, 453, 463, 465, 468, 470
- Робеспьер Огюстен (Робеспьер Младший) (1763—1794), депутат Конвента от Парижа III: 134; V: 207, 399; VI: 324, 325, 443
- Робине Ж. I, 2: 138—141, 145, 255, 274, 355
- Ровер Жозеф Станислав Франсуа (1748—1798), маркиз, депутат Конвента от департамента Буш-дю-Рон III: 133; V: 258, 259
- Роган Луи Рене Эдуард, кардинал де I, 1: 168; I, 2: 273; II: 134
- Ролан де ла Платьер Жан Мари (1734—1793), министр внутренних дел с 23 марта до 13 июня 1792 г. и с 10 августа 1792 г. до 23 января 1793 г. I, 1: 73, 104, 105, 111—115, 136, 137, 287; I, 2: 13, 14, 17, 19, 217; II: 41, 42, 147, 222—225, 230, 231, 458, 460, 478, 481, 484—486, 488—490, 601; III: 49, 60, 92, 98, 101—103, 124, 126, 142, 153—157, 159, 163, 164, 166, 167, 189, 192—194, 197, 321—325, 327, 331—335, 337, 339, 342, 344, 345, 347, 348, 359, 361—363, 367, 370—372, 421—432, 445—447, 449, 450,

- 456, 480, 481, 484—490, 492, 493, 496, 499—501, 503, 505, 508, 512, 513, 515—517, 523, 528, 531; IV: 23, 132, 133, 138, 438; V: 19, 24, 26, 33, 91, 95, 108—111, 113, 122, 148, 153, 211, 219, 243, 244, 245, 248, 252, 254, 266, 286, 297, 303, 306, 331, 369, 389, 390, 534, 601, 632, 657, 678, 698, 699, 714; VI: 61, 172
- Ролан де ла Платьер Манон Жанна (1754—1793), жена предыдущего I, 1: 115; I, 2: 303; II: 224, 459, 478, 480; III: 101, 164—167, 192, 193, 195—197, 448, 449, 459, 469, 470, 493, 494, 508, 509, 512—516, 523, 524, 527; IV: 438; V: 21, 25, 235, 393, 678, 699, 710; VI: 186, 187, 267, 268
- Ромм Шарль Жильбер (1750—1795), наставник молодого графа Строганова, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Пюи-де-Дом, один из «мучеников прериала» III: 105, 265, 267; VI: 272, 273, 275
- Ронсен Шарль Филипп (1751—1794), член Клуба кордельеров, помощник военного министра в апреле 1793 г., командующий Революционной армии осенью 1793 г. V: 444, 520—523; VI: 270, 278, 279, 281, 282, 317, 328, 346—349, 362, 368, 370, 371, 374, 375, 377, 466
- Росиньоль Жак Антуан (1759—1802), участник взятия Бастилии, член Клуба кордельеров, в 1793 г. генерал II: 502, 503; V: 520, 521; VI: 80, 81, 190, 191, 270, 281, 328
- Росиньоль Эли, историк I, 2: 386, 388
- Рошамбо Жан Батист, маркиз де, маршал Франции II: 154, 155, 190, 214, 215, 462
- Ру Жак (1752—1794), священник, член Клуба кордельеров, один из вождей «бешеных», член Коммуны II: 287; V: 199, 201, 210—218, 220—226, 229, 231—235, 242, 261, 262, 264—266, 287, 289, 311, 319, 339, 341, 465—468, 477—479, 611, 669; VI: 162—182, 188, 189, 192, 196, 206, 207, 253, 286—291, 368, 439, 443
- Ру Жорж, марсельский арматор I, 1: 95, 96
- Руа, аббат I, 1: 160
- Руайе, член директории департамента Изер V: 495
- Руайе, оратор делегации первичных собраний (август — сентябрь 1793 г.) VI: 257
- Руайе-Коллар Пьер Поль (1763—1845), секретарь первой Парижской коммуны, в дальнейшем член Совета пятисот I, 2: 356; II: 187, 504; V: 543, 546
- Руайран, один из дворян—вожаков мятежников в Вандее V: 350
- Руайу Томас Мари, аббат, основатель газеты «Ами дю руа» II: 462, 463; III: 281, 451, 458
- Рувьер Франсуа, историк I, 2: 84, 85, 89—91, 100, 105, 106, 114, 120, 145, 386; VI: 387
- Руже де Лиль Клод Жозеф (1760—1836), II: 565—567; IV: 196, 197
- Руйе Жан Паскаль (1761—1819), мэр Безье в 1790 г., депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Эро II: 210, 211, 214; V: 707
- Русийон (1752—?), председатель секции Марселя в 1792 г., судья Революционного трибунала в 1793 г. VI: 107, 174
- Руссиль, полицейский наблюдатель VI: 265
- Русселен де Сент-Альбен (1773—1847), друг Дантона, секционный активист, член Комитета одиннадцати V: 409, 613, 655
- Руссо Жан Жак I, 1: 74, 75, 112,

- 172, 224, 245, 307, 308, 450, 452, 455, 476, 483; I, 2: 142, 143, 376—380; II: 46, 47, 389, 393, 397, 406, 459, 460, 475, 559, 583; III: 296, 302, 306, 309—311, 447, 448; IV: 9, 10, 68, 77, 79, 81, 108, 109, 140, 170, 213, 241—243, 450, 468, 484; V: 40, 258, 260, 594, 595, 714, 715; VI: 8, 9, 12, 13, 41, 42, 49, 62, 77, 82, 83, 99, 113, 114, 132, 211, 217, 231, 426, 439
- Руссо Тома V: 677
- Руфф Марсель I, 1: 166
- Рюде Ж. VI: 471
- Рюль Филипп (1737—1795), протестантский пастор, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Нижний Рейн II: 78, 134, 135, 139, 144, 517; III: 250, 251, 262; VI: 325
- Рюльер, полковник парижской кавалерии, убитый в сентябре 1792 г. III: 20, 21
- Рюо, комендант Лилля III: 235
- Савари (1622—1690) I, 1: 83
- Савари, депутат Конвента от департамента Эр III: 122; V: 71
- Савари де Брюлон Жак (1657—1716), составитель «Коммерческого словаря» I, 1: 82—85, 107—109, 177
- Савен, один из первых вожаков мятежа в Вандее V: 350
- Савон, братья, марсельские патриоты V: 507
- Сайан, граф дю, паж Людовика XV, один из организаторов Жалесского лагеря III: 272, 273
- Саламон, папский интернунций в Париже с 1790 по 1801 г. II: 149, 152, 181, 325
- Саличетти Антуан Кристоф (1757—1808), депутат Конвента от Корсики, в дальнейшем член Совета пятисот V: 245, 246, 250
- Саллюстий Гай Криспий (86— ок. 35 гг. до н. э.), римский историк V: 318
- Саломон де ла Сожери, член Учредительного собрания I, 1: 358, 360
- Саль Жан Батист (1759—1794), депутат Генеральных штатов, депутат Конвента от департамента Мёрт, один из основателей клуба фейянов I, 1: 405, 450, 454; I, 2: 377; V: 51, 54—58, 62, 63, 124, 307, 338, 339, 342, 368, 371, 380, 382, 410, 411, 652, 695, 725; VI: 159
- Санд Жорж I, 1: 74
- Сандоз (1756—?), полковник штаба V: 522, 523
- Сансон, парижский палач VI: 383
- Сансон-Дюперрон, мировой судья из секции Маконсей III: 20, 21
- Сантер Антуан Жозеф (1752—1808), командующий парижской национальной гвардии после 10 августа 1792 г. I, 1: 159; II: 502, 503, 506, 567, 568, 599; V: 37, 94, 132, 133, 222, 364, 370, 440, 444, 522, 531, 544, 545, 651
- Саньяк Ф., историк I, 1: 199, 298; I, 2: 89; II: 11, 12, 15, 17, 21, 41, 379; VI: 219
- Сапино де ла Верри (1738—1793), шевалье, граф де, главарь вандейских мятежников V: 347, 350, 360
- Сапино де ла Рэри (1761—1829), главарь вандейских мятежников V: 371
- Сартин Габриель де (1729—1801), генерал-лейтенант полиции (1759—1774), морской министр в 1774 г. VI: 169, 175, 177
- Саути Роберт (1774—1843), английский поэт IV: 388, 389
- Свифт Джонатан (1667—1745) IV: 345, 448, 449
- Сеги, из секции Бютт-де-Мулен, член Комитета одиннадцати V: 655

Сегюр, граф де I, 1: 198; II: 100
 Сегье Антуан Луи, заместитель прокурора в Парижском парламенте II: 381, 383, 384
 Сёдерманландский, герцог, регент Швеции (в дальнейшем король Карл XIII) III: 241; V: 276, 402, 403
 Седийе, депутат Законодательного собрания от департамента Сена и Марна II: 371
 Сез Ромэн де (или Де Сез) (1748—1828), один из защитников Людовика XVI V: 10, 26, 36—41, 48, 49, 129
 Селигман Э., историк V: 103
 Селим III (1761—1808), турецкий султан IV: 441
 Семонвиль Шарль Луи Юге, маркиз, дипломат I, 2: 284; III: 442, 443
 Сен-Брис, г-жа, камеристка наследного принца III: 22
 Сен-Жермен Шарль Луи (1707—1778), военный министр в 1775 г. V: 162, 163
 Сен-Жюльен де Шабон (1752—1799), адмирал VI: 258, 259
 Сен-Жюст Луи Антуан (1767—1794) III: 172, 356, 378, 429—434, 437—439, 445, 530; IV: 225; V: 10—16, 34, 35, 38, 48, 49, 73, 79, 98, 171, 203, 206, 226, 237, 305, 312, 329, 382; VI: 128, 146—148, 191, 197, 198, 237, 252, 267, 277, 279—281, 321, 323, 325, 326, 340, 352—361, 372—374, 379—381, 400, 414, 420—422, 424, 425, 427, 431, 434, 435, 440, 441, 443—445
 Сен-Мартен-Валонь (1750—1807), мэр Мийо, депутат Конвента от департамента Аверон, член Комиссии двенадцати V: 540, 541, 695
 Сен-Поль, один из дворян-вожаков мятежа в Вандее V: 350
 Сен-Прист (1735—1821), министр внутренних дел с августа 1790 г.

I, 1: 336, 337; I, 2: 276, 313, 315, 321
 Сен-Пьер Шарль Ирене, аббат де (1658—1743), французский писатель, автор «Проекта вечного мира» I, 1: 75; IV: 109, 111
 Сен-Симон, герцог де I, 1: 243
 Сен-Симон Анри Клод, социалист-утопист I, 1: 34, 35, 143; VI: 47, 108, 109
 Сентекс, врач, член Якобинского клуба VI: 348, 349, 366, 367
 Сент-Бев Шарль Огюстен II: 341
 Сент-Круа Биго де II: 101, 102
 Сент-Фуа, посол Франции в Гааге II: 225, 233, V: 106
 Сент-Юрюж Виктор Амедей, маркиз де I, 1: 399, 402; II: 502, 503
 Сен-Феликс, комиссар, помощник Ронсена в Вандее V: 522, 523
 Септёй де, первый камердинер Людовика XVI, казначей гражданского листа III: 349—354
 Серван Жозеф, военный министр в 1792 г. II: 472—474, 481, 484—486, 488—490; III: 102, 103, 192, 195, 197, 199, 203, 225, 231, 363, 507, 508, 523; V: 160, 161
 Сержан Антуан Франсуа (1751—1847), видный кордельер, член Коммуны 10 августа, член Наблюдательного комитета Парижской коммуны, депутат Конвента от Парижа III: 89, 91, 93, 95, 112, 113, 134, 262; V: 253
 Серизье, редактор III: 19
 Серр Жозеф, депутат Конвента от департамента Верхние Альпы III: 377, 424—426
 Серье, литератор III: 155
 Сидней Олджернон, выдающийся деятель Английской революции III: 262, 263; V: 75—77
 Сиейес Эмманюэль Жозеф, аббат, член Учредительного собрания, депутат Конвента от департамента Сарта I, 1: 27, 28, 57, 188, 189,

224, 225, 317—320, 328, 374—376, 379, 380, 403, 470—472, 500; II: 47, 557; III: 399, 441, 461; IV: 125, 151; V: 82, 338, 369; VI: 17, 27, 40, 77
 Сийери (Брюлар Ш. А.), граф де Жанлис, маркиз де (1737—1793), депутат Генеральных штатов, депутат Конвента от департамента Сомма III: 231; V: 297, 534, 535
 Сильверспарре де, чиновник министерства иностранных дел в Стокгольме III: 65
 Симолин И. М., посол России во Франции II: 196—199
 Симон, журналист из Страсбурга, член тайной Директории Центрального комитета федератов II: 567, 568
 Симон Антуан, член Парижской коммуны, член Клуба кордельеров, воспитатель дофина III: 19; IV: 209
 Симон (1755—1794), депутат Конвента от департамента Нижний Рейн V: 492, 493, 572, 573
 Симонно, мэр Этампа II: 384, 389; VI: 225
 Смит Адам (1723—1790) I, 1: 70; I, 2: 194; III: 386, 419, 432; IV: 266—277, 279, 281—283, 285, 286, 288—291, 295—297, 299—307, 309, 313, 315, 316, 320—327, 332, 339, 341, 344, 383, 443, 483; VI: 62
 Сократ I, 2: 142; V: 75, 77; VI: 95
 Солаж, шевалье де, владелец копей в Кармо VI: 123
 Солон (640—558 гг. до н. э.), афинский политический деятель и социальный реформатор IV: 136; V: 536, 598
 Сомерс Джон (1651—1716), лорд, один из руководителей партии вигов IV: 350, 351, 378, 379
 Сорель Альбер, историк I, 2: 370; V: 734
 Сорен Эли, историк V: 353
 Сорин (1773—1813), депутат Кон-

вента от департамента Ланды V: 693
 Сотэн де ла Куэндьер, член муниципалитета Нанта в 1789 г. I, 2: 11
 Спиноза Бенедикт (Барух) (1632—1677), нидерландский философ-материалист IV: 91, 100; VI: 62, 115
 Сталь Жермен, мадам де II: 147, 148, 167, 187, 237
 Стединг, барон де, посол Швеции в России I, 2: 311; II: 70; V: 276, 402, 403
 Штенгель (Штенгель) (1744—1796), кавалерийский офицер немецкого происхождения, бригадный генерал в сентябре 1792 г. V: 290, 291, 293
 Стендаль (Бейль) Анри Мари I, 1: 452, 453
 Стеси Джон, из Общества реформ Манчестера III: 253
 Стофле Жан Никола (1750—1796), один из вожаков вандейских мятежников V: 348, 349, 352; VI: 271
 Стэнхоп Чарлз (1753—1816), граф, английский писатель и ученый IV: 375
 Субербьель, чиновник службы здравоохранения VI: 362, 363
 Субиз Шарль де Роган, принц де, маршал Франции III: 209
 Субрани (1752—1795), депутат Конвента от департамента Пюи-де-Дом V: 500, 501
 Сулес, один из руководителей департамента полиции Парижской коммуны V: 487; VI: 257
 Сулла Луций Корнелий, римский диктатор III: 110, 501, 506; V: 519; VI: 121, 435
 Сушо, из Машкуля, один из главарей мятежников Вандей V: 348
 Суэ (1759—1842), мэр Сен-Дье в 1790 г., депутат Конвента от де-

партамента Вогезы VI: 139, 141—143.
 Сэ Анри I, 1: 47
 Сэ Леон I, 1: 178
 Сэж, мэр Бордо I, 2: 8, 24
 Сэтр, прокурор Марсельской коммуны V: 503—505, 513, 516
 Табуро де Монтиньи, «бешеный» из Орлеана III: 379
 Таверне (Таверн) Никола, негодянт из Дюнкерка, обосновавшийся в Бордо I, 1: 89
 Таво, депутат Конвента от департамента Кальвадос V: 127
 Талейран-Перигор Шарль Морис де, епископ Отёнский, член Учредительного собрания I, 1: 45, 63, 88, 245, 274; I, 2: 32—34, 36, 37, 39, 51, 87—89, 136, 161—163, 252, 266; II: 129, 411—426, 428, 429, 437—439, 441—443, 447; III: 103; IV: 240, 241
 Талон Антуан, распорядитель секретных фондов Людовика XVI I, 2: 284, III: 103; V: 96, 99; VI: 339
 Тальен Жан Ламбер (1767—1820), секретарь-протоколист Парижской коммуны после 10 августа, депутат Конвента от департамента Сена и Уаза I, 2: 9; III: 22, 23, 52, 54, 56, 217, 472; V: 258, 259, 523, 524; VI: 423, 434, 441, 442
 Тальма Франсуа Жозеф (1763—1826), трагик V: 534, 535
 Тардиво, депутат Законодательного собрания от департамента Иль и Виле II: 360, 362, 364
 Тарже Гюи Жан Батист (1733—1807), член Учредительного собрания, а затем депутат Конвента I, 1: 322, 323, 359, 495; III: 153; IV: 375; V: 33
 Тарквиний Гордый Луций II: 109
 Тассен, банкир-протестант I, 2: 262
 Тассо Торквато I, 2: 276
 Татэм, английский писатель IV: 364

Таубе, барон де, министр короля Швеции I, 2: 282, 283, 285, 293, 294, 304, 307, 311, 312, 319; II: 67; III: 240, 243
 Тацит Публий Корнелий II: 425; VI: 291, 333
 Темпельгоф, начальник прусской артиллерии III: 208
 Тео Катрин VI: 436, 437
 Террасон, активный деятель Якобинского клуба III: 139; V: 485; VI: 107, 197
 Терруан А. I, 1: 65, 309, 456
 Террэ Жозеф Мари, аббат, генеральный контролер финансов в 1770—1774 гг. I, 1: 61; III: 44
 Террье де Монсьель, министр внутренних дел в 1792 г. II: 494, 495, 508
 Тибо, г-жа, первая камеристка королевы III: 22
 Тибодо Антуан (1765—1854), депутат Конвента от департамента Вьенна V: 82, 386, 387; VI: 384, 400
 Тизон, комиссар Коммуны в Тампле V: 468, 469
 Тилларсон IV: 261
 Тилль, немецкий поэт IV: 141
 Тион де ла Шом, член директории Парижского департамента в 1791 г. II: 129
 Типу, правитель Майсора II: 62
 Тирион (1763—1815), депутат Конвента от департамента Мозель V: 318, 319, 530, 531
 Токвиль Алексис де, историк I, 1: 42, 49; VI: 450
 Тома III: 331
 Тома, депутат Конвента от департамента Орн V: 124
 Томассен, фермер в Пуасси I, 1: 356
 Томере, аббат, конституционный священник I, 2: 255
 Томпсон Филипп, член Академии изящной словесности Лондона, Парижа, Берлина V: 297, 298

Тон Тиоболд Уолф (1763—1798), ирландский революционер и демократ IV: 427
 Топсан, депутат Конвента от департамента Эр III: 122
 Трейар Жан Батист (1742—1810), член Учредительного собрания, а затем депутат Конвента от департамента Сена и Уаза I, 1: 61, 63; I, 2: 41; V: 384, 385
 Тренар Л. I, 1: 214
 Тридон Г. 341
 Тронше Франсуа Дени (1726—1806), адвокат, член Учредительного собрания, защитник короля I, 2: 368; V: 33, 36
 Троншен, женевский посланник в Париже IV: 255, 259—261
 Троншен Франсуа, брат предыдущего IV: 255
 Трюшон, литератор, член Коммуны 10 августа II: 599; V: 477; VI: 288, 289
 Тувено (1757—1817), генерал III: 226, 227; V: 280—282
 Тугут Франц де Паула, барон, австрийский дипломат II: 219; IV: 193
 Тулан, член Парижской коммуны, комиссар в Тампле V: 400, 401, 469
 Туре (1746—1794), член Учредительного собрания I, 1: 451, 473; I, 2: 37—40, 376; III: 141, 153; IV: 240, 241
 Турзель, герцогиня де, гувернантка детей короля III: 22
 Турзель Полина де III: 22
 Турнё Морис, историк I, 2: 279; III: 22, 23
 Турнье А. I, 2: 337
 Тьер Адольф I, 1: 36, 42, 199; I, 2: 126, 149, 231, 298, 300, 301; V: 208
 Тьерри де Вилль-д'Авре, первый камердинер Людовика XVI II: 547; V: 573

Тьерри Огюстен I, 1: 74; II: 428
 Тэн Ипполит I, 1: 25, 67—74, 85, 164, 186, 224, 225, 306, 500; I, 2: 65, 382, 390; II: 18, 257, 349, 352, 359, 366, 385, 424; III: 349, 371; IV: 354
 Тэнк (1746—1800), генерал V: 522, 523; VI: 270
 Тэр Альбрехт, писатель IV: 165
 Тюрго Анн Робер Жак (1727—1781), генеральный контролер финансов I, 1: 84, 104, 157, 306, 441, 489, 490; I, 2: 140, 141, 376; II: 448, 449; III: 386, 419; IV: 43, 255, 286, 287, 356; V: 33, 38; VI: 124
 Тюрго Мишель Этьенн I, 1: 163
 Тюрени Анри де ла Тур д'Овернь (1611—1675), маршал Франции V: 534, 535
 Тюрио де ла Розьер, адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Марна II: 597; III: 17, 18, 27, 30, 37—39, 50, 57, 58, 73, 76, 105; V: 355, 399, 529, 530, 677; VI: 442, 443
 Тюрпен, участник штурма Бастилии I, 1: 342
 Тюрпентэн, адвокат, депутат Законодательного собрания от департамента Луара II: 376
 Тюффен — см. Ла Руэри
 Тюэте Александр I, 1: 181; II: 505, 511; V: 549, 607
 Уилберфорс Уильям (1759—1833), член палаты общин II: 250, 251; IV: 387, 396, 397
 Уиндхэм (1750—1810), военный министр в кабинете Питта IV: 411, 413
 Уитбред Самюэл, депутат английского парламента IV: 310, 311, 319, 324, 326, 446, 447
 Уокер Томас, из Конституционного общества Манчестера III: 253
 Уолпол Роберт (1666—1745), англий-

- ский государственный деятель IV: 331
- Уолпол Хорас (1717—1797), английский литератор IV: 291
- Уолстонкрефт, английская писательница IV: 365
- Уотсон, английский епископ IV: 429
- Уркарт Давид, английский дипломат, реакционный публицист IV: 27
- Урмель, банкир-протестант I, 2: 262
- Ушар Жан Никола (1738—1793), генерал VI: 270, 271, 280, 329, 331, 384
- Уэльский, принц V: 368
- Фабр А., историк Марсея I, 1: 97; V: 511, 512
- Фабр д'Эглантин Филипп Франсуа (1750—1794), депутат Конвента от Парижа, член Комитета общественного спасения II: 115; III: 23, 134, 135, 166, 167, 197, 198, 458, 459, 474, 508, 523; IV: 423; V: 68, 88, 335, 383, 639; VI: 242, 243, 245, 246, 258, 273, 292, 328—330, 336, 339—348, 358, 364, 380
- Фабр из Эро (1762—1793), адвокат, депутат Конвента от департамента Эро III: 342, 343, 355, 418; VI: 137, 142
- Фабриций Кай Люций, римский консул в 282 г. до н. э. VI: 121, 131
- Фази Анри IV: 254, 255
- Фази Жан Жакоб (Джеймс) (1794—1878), швейцарский политический деятель и публицист IV: 257
- Фаллу Фредерик, граф де II: 435
- Фарж Р. II: 327
- Фаржанель, из департамента Тарн V: 494
- Февр Люсьен I, 1: 206
- Фейо (1751—?), депутат Конвента от департамента Вандея III: 355, 426; V: 136, 137
- Фелиссаны, семейство лионских буржуа I, 2: 14
- Фемистокл VI: 121
- Фенелон Франсуа де Салиньяк де ла Мот I, 1: 243; I, 2: 379
- Фердинанд IV (1751—1825), король Неаполитанский V: 141
- Ферзен Ганс Аксель, граф де (1750—1810) I, 1: 172, 173; I, 2: 280—283, 286, 287, 290—295, 297, 301, 304, 307, 310, 311, 313, 319, 321, 323, 324, 361—365, 367; II: 65—67, 69—72, 76, 90, 92—94, 97, 98, 101, 148, 149, 151, 163, 174, 175, 177, 197, 199—201, 218, 481—485, 513—515, 519, 529, 540, 541, 586, 587; III: 62, 64, 65, 88, 205, 228, 230, 231, 240, 242, 243; V: 26, 27, 400, 402
- Ферниг Фелисите и Теофиль, гражданки III: 232
- Феро, депутат Конвента от департамента Верхние Пиренеи III: 376, 377, 419, 432
- Ферран де Бодьер, из Сан-Доминго I, 2: 173
- Ферьер-Кольк, член муниципалитета Бордо в 1790 г. I, 2: 7
- Филанджиери Гаэтано (1752—1788), итальянский просветитель, юрист IV: 489
- Филипп II, царь Македонии II: 181
- Филипп II, испанский король (1556—1598) IV: 279
- Филипп Красивый, король Франции I, 2: 387
- Филипп Эгалите, Луи Филипп Жозеф, герцог Орлеанский I, 1: 329, 330, 395; I, 2: 304, 306, 312; II: 187; III: 77, 134, 236, 237; V: 21, 33—37, 83, 84, 94, 124, 128, 129, 275, 297, 368, 369, 380, 387, 429, 493, 509, 514, 518, 532, 534, 535, 651; VI: 336
- Филиппо Пьер Никола (1754—1794), депутат Конвента от департамента Сарта VI: 281, 328, 329, 336, 339, 358, 362
- Филиппо де ла Врийер I, 1: 166
- Филопемен, древнегреческий полководец и политический деятель III: 493
- Фион (1757—1832), генерал VI: 80, 81
- Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814) IV: 211—244, 246, 247, 250, 252, 488
- Флао, граф де IV: 259
- Флёри Андре Эркюль де, кардинал I, 1: 86
- Флериё, министр I, 2: 277
- Флёрю, мэр Парижа во II г. VI: 436
- Флессель Жак де (1730—1789), купеческий старшина Парижа I, 1: 344, 347; VI: 165, 175
- Флиш А., историк I, 2: 155
- Флоридабланка Хосе (Франсиско Антонио Моньино) (1728—1808), граф, испанский государственный деятель, первый министр Карла III и Карла IV IV: 495
- Фокс Чарлз Джеймс (1749—1806), английский политический деятель, лидер радикального крыла партии вигов IV: 310, 311, 328, 338, 348, 365, 403—407, 409—411, 416, 417, 419, 421, 423—425, 427—430, 436, 443—445; V: 120, 534
- Фонберг Балтазар, владелец стекольного завода в Бордо I, 1: 89
- Фонтанж, архиепископ Тулузский I, 1: 443
- Фонтенель Бернар Ле Бовье де (1657—1757) VI: 69
- Форстер Георг (1754—1794), немецкий просветитель и революционный демократ IV: 21, 32—36, 39, 41, 56—59, 61, 64, 77, 141, 168—199, 201, 203, 205—209, 225, 243, 251, 252, 320, 364—366, 409, 448, 488, 491
- Форстер Рейнгольд, отец предыдущего IV: 169
- Форфе, морской инженер, депутат Законодательного собрания от департамента Нижняя Сена II: 319, 353, 354
- Фосс, книготорговец, издатель Форстера IV: 12, 13, 64, 192—195, 208
- Фоше Клод (1744—1793), аббат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Кальвадос I, 1: 182, 183, 248; I, 2: 145; II: 289; III: 514; V: 20, 410, 411, 421, 589; VI: 268
- Фомё М., историк V: 735, 736
- Фрагонар Жан Оноре III: 266
- Франклин Бенджамин IV: 75, 279, 487, 496
- Франс Анатолий I, 1: 15, 16
- Франсуа де Нёшато, адвокат, депутат Законодательного собрания II: 121, 123, 240, 241, 471, 610—612
- Франц II, австрийский государь, император «Священной Римской империи» II: 41, 219, 233, 237, 238; III: 87, 483; IV: 19, 188, 189, 421
- Франц-Иосиф — см. Франц II
- Фрей, братья, банкиры III: 137; VI: 342, 375
- Френсис Филипп, сэр, английский политический писатель IV: 423, 445
- Фрерон Луи Мари, депутат Конвента от Парижа III: 135; VI: 314
- Фресин, адвокат, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Луар и Шер III: 391
- Фрето де Сен-Жюст, член Учредительного собрания I, 1: 479
- Фридрих II (Фридрих Великий), король Пруссии I, 1: 53; II: 62, 63, 158; III: 208, 209; IV: 12, 22, 23, 38, 46—52, 60—67, 81, 95, 102, 104—106, 113, 120, 141, 154, 213
- Фридрих, маркграф Баденский IV: 212, 213
- Фридрих Вильгельм I, король Пруссии (1713—1740) IV: 22
- Фридрих Вильгельм II, король Пруссии (1786—1797) I, 2: 362, 369;

- II: 62, 63, 69; III: 87, 205, 206, 226, 235, 483; IV: 202, 203
 Фруадюр, администратор полиции VI: 289
 Фуггеры, семейство немецких купцов и банкиров IV: 20
 Фужье А. I, 2: 370
 Фукье-Тенвиль Антуан (1746—1795), помощник общественного обвинителя Революционного трибунала с 10 марта 1793 г. V: 335; VI: 290, 315, 371, 373, 433, 435
 Фуллон, государственный советник в 1789 г. I, 1: 344, 345
 Фуркруа Антуан Франсуа (1755—1800), депутат-заместитель от Парижа, занял в Конвенте место Марата III: 265; V: 685
 Фурнiero, из секции Кенз-Вен, член Коммуны 10 августа, член Комитета девяти V: 629—631
 Фурнье (Фурнье-Американец) Клод (1745—1825), участник всех народных движений в Париже, один из руководителей Клуба кордельеров II: 502, 503, 567; 592; III: 23, 487, 488; V: 332, 333, 616
 Фурье Франсуа Мари Шарль (1772—1837) I, 1: 34; III: 397, 398, 407, 409—411, 416; IV: 458; VI: 108, 238, 239
 Фуше Жозеф (1759—1820), депутат Конвента от департамента Нижняя Луара, один из организаторов термидорианского переворота V: 365, 357, 706, 707; VI: 293—295, 304, 306, 324, 347, 430, 434, 437, 442
 Фюльшироны, семейство лионских негоциантов I, 2: 14
 Фюмель де, мэр Бордо I, 2: 7, 8
 Фюстель де Куланж Ньюма Дени, французский историк II: 23
 Харди Томас, основатель Лондонского Корреспондентского общества III: 256, 257; IV: 403, 413
 Хемпден Джон, видный деятель Английской революции 1640 г. III: 262, 263
 Херн, английский путешественник IV: 267
 Хиеркенс Давид д' (d'Hyerguens), бордоский промышленник I, 1: 89
 Хислоп Беатриса Ф. I, 2: 387
 Ховельянос-и-Рамирес Гаспар-Мельчор де (1744—1811), испанский просветитель, государственный и политический деятель IV: 495
 Хоуксбери, лорд, крайний роялист IV: 435
 Худ (1724—1816), английский адмирал VI: 258, 259
 Цезарь Гай Юлий (102—44 гг. до н. э.) III: 506; IV: 49; V: 75, 77, 252, 489; VI: 66, 320, 338
 Цетег Кай Корнелий, один из сообщников Катилины III: 501
 Цинциннат VI: 87
 Цицерон Марк Туллий II: 108; III: 493, 501; V: 77, 534
 Черутти Жозеф, сотрудник Мирабо, депутат Законодательного собрания II: 85
 Честерфилд, лорд I, 1: 85, 86
 Шабанэ, маркиз де I, 1: 164
 Шабо Франсуа (1756—1794), депутат Законодательного собрания от департамента Луар и Шер, депутат Конвента II: 584, 585; III: 43, 44, 47, 105, 129, 136—139, 294, 298, 299, 472, 474, 508; IV: 161; V: 338, 339, 491, 494, 495, 611, 623, 660, 675, 734; VI: 160, 161, 196, 197, 341—345, 362, 364, 371, 374, 375, 380, 403
 Шабри Луиза, участница похода на Версаль в октябре 1789 г. I, 1: 426
 Шаль Пьер Жан Мишель (1753—1826), депутат Конвента от департамента Эр и Луар V: 421
 Шалье Мари Жозеф (1747—1793)

- глава лионских якобинцев, «мученик за дело свободы» I, 2: 15; III: 331, 397; V: 245, 247, 248, 250—254, 256—258, 260, 261, 265, 687; VI: 209, 309, 347, 437
 Шамбон, мэр Парижа III: 511; 512; V: 180, 181, 185
 Шамбон, депутат Конвента от департамента Гар V: 410, 411, 684, 695
 Шамбона, маркиз де, министр в 1792 г. II: 493, 495, 537
 Шампанье, старший служащий в министерстве внутренних дел V: 599
 Шампион де Сисе, архиепископ Бордо I, 1: 325; I, 2: 277
 Шансольм, член муниципалитета Наята в 1789—1793 гг. I, 2: 23
 Шаптал Жан Антуан I, 1: 86, 87
 Шаравэ Э. I, 2: 26, 215; VI: 90
 Шарет (1763—1796), один из первых вожakov мятежа в Вандее V: 352, 357—359; VI: 271
 Шарлетти Себастьян, историк I, 2: 120; III: 398, 399, 410; V: 245, 249, 251, 253, 257; VI: 237
 Шарль Луи, дофин, младший сын Людовика XVI III: 19
 Шарлье Луи Жозеф (1754—1797), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Марна II: 214, 215; III: 326, 327; IV: 161; VI: 440, 441
 Шармас А. де I, 1: 291
 Шартон III: 22
 Шартре, комиссар секции Бонконсей III: 331
 Шартрский, герцог (1773—1850), будущий король Луи-Филипп, сын герцога Орлеанского (Филиппа Эгалите) V: 33, 34, 94, 493, 508
 Шассе Шарль Антуан (1745—1824), депутат Конвента от департамента Рона и Луара, жирондист I, 1: 63, 77, 155; V: 259, 418, 419
 Шассен Ш. Л., историк I, 2: 252, 262; II: 226, 227, 452; III: 119, 275; V: 348, 357, 360—362, 364
 Шатобриан Франсуа Рене, виконт де I, 1: 245, 298; II: 427
 Шафнер, сообщник Ла Руэри III: 273
 Шевалье Франсуа, неприсягнувший священник в Вандее V: 354
 Шекспир Уильям II: 425, 426, 464
 Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775—1854), немецкий философ IV: 143, 144
 Шено V: 223
 Шенье Андре Мари (1762—1794), поэт II: 221; IV: 386, 387
 Шенье Мари Жозеф (1764—1811), драматург, поэт, депутат Конвента от департамента Сена и Уаза, деятель термидорианской реакции II: 580; V: 535; VI: 34, 35
 Шери, художник, член секции Общественного договора V: 481
 Шеридан Ричард (1751—1816), английский драматург, министр иностранных дел в 1782 г. IV: 403, 421, 445
 Шерон-Лабрюйер, депутат Законодательного собрания от департамента Сена и Уаза II: 50, 51, 376, 377
 Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805) II: 425; IV: 9, 40—45, 116, 117, 119, 134, 135, 137—139, 196, 197
 Шифер Джон Фредерик, член общества «Друзья народа Великобритании» г. Ньюингтона III: 258
 Шлегель, братья (Фридрих и Август) IV: 12, 13, 64
 Шлёцер Август Людвиг (1735—1809), немецкий историк, филолог, сторонник просвещенного абсолютизма IV: 22, 23
 Шлоссер (1739—1799), член ордена иллиуминатов, советник маркграфа Баденского IV: 212, 213
 Шмидт А., историк V: 548, 549, 605, 607, 622

- Шнайдер Иоганн Георг (1756—1795), немецкий священник, депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Нижний Рейн VI: 325, 326
- Шнерб Р II: 31
- Шовелен, посланник Франции в Англии IV: 431, 433; V: 140
- Шодрон-Руссо (1752—1812), депутат Конвента от департамента Верхняя Марна V: 492, 493
- Шоль, негодант, член Якобинского клуба II: 287, 288, 483
- Шометт Пьер Гаспар (Анаксагор) (1763—1794), член Коммуны 10 августа, прокурор синдик Парижской коммуны I, 2: 243; II: 115, 563—567, 580, 591, 600; III: 23, 282, 313, 511—513; IV: 423; V: 180, 181, 184, 222, 226, 240, 242, 243, 290, 330, 331, 426, 428, 452, 453, 456, 464, 465, 470, 474, 476, 480, 481, 531, 538, 543, 546, 547, 550, 554, 562—564, 593, 594, 599, 619, 627, 639, 642, 647, 667, 670, 684; VI: 178, 179, 181, 191, 255—259, 261, 279, 285, 288, 289, 291—295, 303, 305—307, 310, 313, 331, 349, 368, 389, 391, 416, 436
- Шомье Жаклин, историк III: 527
- Шредер, бордоский негодант I, 1: 89
- Штойдлин (1758—1796), редактор «Дер Дойче кроник» IV: 167
- Штраус Давид III: 282
- Шуазель Этьенн Франсуа (1719—1785), герцог де, министр иностранных дел II: 181; IV: 360
- Шубарт Кристиан Фридрих (1739—1791), немецкий публицист и поэт, основатель «Дер Дойче кроник» IV: 140—145, 167, 187, 491
- Шудье (1761—1838), депутат Законодательного собрания, а затем Конвента от департамента Мен и Луара II: 551, 581, 584, 585, 588, 598, III: 27, 37, 50, 54, 62, 64, V: 85, 336, 337; VI: 270, 281, 329
- Шупп, один из дворян — вожаков мятежа в Вандее V: 350
- Шюке А, историк III: 191, 199, V: 737
- Эбер Жак Рене (1757—1794), I, 2: 382; II: 325, 327, 338—341, 344, 346—348, III: 169, 176, 278, 279, 282, 291, 313, 363, 511—517; V: 31, 180, 181, 222, 223, 226, 229, 231, 234, 239, 240, 242, 266, 290, 330, 331, 340, 341, 371, 417, 431, 435, 438—440, 452, 453, 525, 546—550, 553, 554, 556, 557, 560, 562—564, 566, 567, 571, 576—578, 582—584, 590, 593, 594, 607, 614, 615, 623, 638, 647, 648, 650, 667, 673, 679, 725; VI: 15, 174, 175, 178, 180—189, 191—195, 206, 207, 253, 255, 257, 269, 278—280, 282, 291, 295, 296, 300, 305, 307—312, 318, 328, 329, 336, 339, 340, 346, 348, 351, 358, 361, 365—369, 372—379, 382—384, 391, 416, 442, 466
- Эввар Симона, подруга Марата VI: 205, 287
- Эгийон, герцог де, депутат Генеральных штатов I, 1: 360—363; I, 2: 45; II: 227; IV: 360
- Эгре Ж. I, 1: 299
- Эделе Клод, комиссар секции Пуассоньер V: 203
- Эджеворт де Фермон (1745—1807), духовник Людовика XVI V: 132, 133, 213
- Эккерман Иоганн Петер (1792—1854), немецкий литератор, секретарь и друг Гете III: 210; IV: 77, 121
- Элджин, лорд VI: 251, 283
- Эли, участник штурма Бастилии I, 1: 342, 343
- Эльбе Жиго д' (1752—1794), один из главарей вандейских мятежников V: 347, 350, 360
- Эльдерс де, мнимая баронесса, шпионка штатгальтера III: 85

- Эмбер-Коломес I, 2: 14, 15, 17
- Эммери, негодант, депутат Законодательного собрания от департамента Нор II: 319, 321
- Энгельс Фридрих I, 2: 241, 383; III: 531, IV: 14, 15, 17, 25, 27, 29—31, 37, 39, 64, 65, 321, 447, 463, 469
- Энгиенский Луи Антуан де Бурбон-Конде, герцог I, 1: 343
- Эразм Роттердамский (1469—1536), нидерландский ученый, гуманист эпохи Возрождения IV: 42
- Эренсвард, барон, посланник Швеции в Мадриде II: 514
- Эрло, генерал, историк VI: 460, 472
- Эрминьи, кавалер д' I, 1: 511
- Эрминьи д', помощник заместителя начальника штаба национальной гвардии III: 22, 25
- Эро де Сешель Мари Жан (1759—1794), депутат Конвента от департамента Сена и Уаза, член Комитета общественного спасения II: 159, 533, 534, 541; III: 35, 240, 241, 256, 257, 264; V: 492, 493, 587—589, 591, 592, 676, 693; VI: 147, 160, 197, 217, 267, 374
- Эрскин Томас (1750—1823), член английского парламента, видный адвокат и оратор IV: 445
- Эртал Карл Фридрих, князь, курфюрст Майнцский II: 134; IV: 174, 175, 184, 185, 188, 190, 195, 206
- Эрто де Ламервиль I, 1: 511
- Эскирос Анри Альфонс (1814—1876) историк V: 614, 624
- Эспаньяк Марк Рене д' (1740—1794), поставщик армии Дюмурье V: 96, 520,
- Эспинас А., историк VI: 90
- Эстергази, граф II: 70
- Юа, депутат Законодательного собрания от департамента Сена и Уаза II: 49
- Югенен, временный председатель революционной Коммуны 10 августа II: 507, 594, 599; III: 55
- Юлен, участник штурма Бастилии I, 1: 342—344, 392, 420
- Юм Давид I, 2: 139
- Юнг Артур I, 1: 46, 52, 60—62, 247, 248, 286, 287
- Яков II Стюарт, король Англии (1685—1688), I, 2: 45; III: 83, IV: 349, 351
- Яков II, король Шотландии (1437—1460) IV: 288
- Яков Эдуард Стюарт (1688—1766), сын Якова II, претендент на английский престол IV: 349, 351